

АНАТОЛИЙ ТУМБАСОВ.

Над лесами за Колвой угасала багровая заря. В дремотной тишине скрипнула осина, и потекли сверху снежные струйки. Этакое неспроста: в чащу пробирался ветер — началась метель.

Этюды
А. Тумбасова.

СЛОВО

ISSN 0868—4833. Слово 1991. № 1. 1—88. Индекс 70110. 1 р. 50 к.

портрет Патриарха Тихона

Фоторепортаж
Павла Кривоша
из кафедрального
Богоявленского
собора
(Москва)
на стр. 38—40.

Молитва последних оптинских старцев

Господи, дай мне с душевным
спокойствием встретить все, что
принесет мне наступающий день.

Дай мне всецело предаться воле
Твоей святой. На всякий час сего дня
во всем наставь и поддержи меня.

Какие бы я ни получил известия в
течение дня, научи меня принять
их со спокойной душой и твердым
убеждением, что на все святая воля
Твоя.

Во всех словах и делах моих
руководи моими мыслями и чувствами.
Во всех непредвиденных случаях
не дай мне забыть, что все ниспослано
Тобой.

Научи меня прямо и разумно
действовать с каждым членом семьи
моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести
утомление наступающего дня и все
события в течение дня.

Руководи моею волею и научи меня
молиться, верить, надеяться, терпеть,
прощать и любить.

АМИНЬ.

СВЯТОЕ
ТАИНСТВО
КРЕЩЕНИЯ

Рисунок
словацкого
скульптора
Яна Кулиха.

Дорогие друзья!

Дорогие наши читатели, добрые хранители и радители «Слова»!

Сердечное Вам СПАСИБО, что в дни непосильно трудные, тяжкие, мучительные своей бездуховностью, в дни оскорбительно-унизительные для народной чести и гордости Вы сделали выбор в пользу нашего журнала.

Мы ценим Ваш выбор, будем стараться, чтобы оправдать Вашу благосклонность, Ваше доверие, Ваши надежды.

Кому-то, может быть, покажется странным, что журнал, редактируемый «атеистами», начинает новый год с молитвы. Однако просим каждого вчитаться в простые и ясные слова исповеди последних оптинских старцев, варварски изгнанных с земли обетованной, из родного дома, из родной обители, и пущенных по разоренному миру, как пепел по ветру. Это ли не трагедия на старости лет!

Но не так ли и мы сегодня, как оптинские старцы, сиротливо обитаем на родной земле, вновь полной зла, разора, смуты и насилия, погрязших нравственных ценностей, национальных святынь, униженных добродетелей... Вновь Зло с дьявольской, бесовской силой, вскормленной темными десятилетиями партократии, поднимается, чтобы костлявой рукой голода, нищеты и бездуховности уничтожить в нас душу человеческую, последнее, что мы еще стоически сохраняем в себе... Но все же, чтобы продержаться, отстоять в себе человека и одолеть дьявола, нам необходимо исповедальное, духовное Слово. Так повелось у нас исстари, со времен Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, Александра Невского и Сергия Радонежского, Дмитрия Донского и Ивана Калиты, митрополита Филиппа и патриарха Филарета, Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина... Русские люди от слова возгорались чувством и мужественно доброй исповинской силой, способной удерживать их на гребне мировой истории.

Да, мы — нищие, но не духом! Мы не сироты бездуховные в этом мире. За нашими плечами история и духовная культура не безымянных страдальцев и мучеников, а могучих зиждителей Духа, стоящих вровень с древней Элладой, с Гомером и Платоном, Аристотелем и Сократом.

Будем же достойными наследниками великих подвижников-апостолов, учителей наших.

Пусть добрые, утешительные и благотворные слова старцев-страстотерпцев послужат нам напутствием в многотрудных делах, чтобы душа наша жила ровно, вдохновенно, трудолюбиво и безбоязненно перед дьявольской, сатанинской силой многочисленных супостатов наших.

Будем помнить, что никто нас не защитит, кроме нас самих, никто нас не научит верить, надеяться, терпеть, прощать, любить и созидать, если такую потребность мы не пробудим в себе сами, если не соберемся с силами душевными и не уверуем, что День наступающий — День наш, нашей семьи, нашей матушки-России, нашей многострадальной страны. День страдальцев и мучеников российских, раскиданных по всему миру...

Время собираться с силами, братья, повторим мы за оптинскими старцами. Время любить в себе человека, время уважать и почитать ум, мудрость и красоту родного народа!

Пусть же будет так! Пусть удача, терпение, мужество, здоровье и счастье не покидают Вас и укрепят Вашу душу!

На Руси всегда ценился апостольско-пастырский подвижнический труд, всегда находил он поддержку и помощь в душах миротворческих...

Будем уповать и мы на благость, участливость, заинтересованность Вашу в делах и судьбе «Слова».

С Новым годом!

АРСЕНИЙ ЛАРИОНОВ

В Р Е М Я

ИДЕИ. ДИАЛОГИ. ПОИСКИ.

Г. К. ВАГНЕР,
профессор

Дерзание духа

«Беритесь за ум, бросайтесь в живую мысль, в живую науку, в интимно-трепетное ощущение перехода от незнания к знанию и от бездействия к делу, в эту бесконечную золотистую даль вечной проблемности...»

Такими высокодуховными словами А. Ф. Лосев предварил одну из последних своих книг, вышедшую в год его ухода из нашей жизни («Дерзание духа». М., 1988).

«Золотистая даль вечной проблемности! Что это такое? Вряд ли А. Ф. Лосев имел в виду что-то материально-земное, вроде «проблем мира и социализма» или даже околоземное, например полеты на Марс, Венеру и так далее. Все это не относится к области вечного, в конце концов подластно человеку. Трудно, но подластно.

А вопрос о начале мира? Стоит только задать его себе, как сразу ощущаешь себя не только первоклассником, но просто приготовишкой. Тут же возникают, начинают мучить и другие вопросы: что такое пространство и время? Что такое конечность и бесконечность? Что такое Абсолют? Что такое Дух? Что такое сознание?..

Человечество в лице дерзновеннейших по уму своих представителей задается этими вопросами чуть ли не с начала своего существования. Много ли оно достигло? Самая новейшая теория «большого взрыва» многое ли дает? Ведь тут же возникает детский вопрос: а что было до большого взрыва?

Не удовлетворяясь скудными данными науки, человек очень рано приобрел способность верить. Вера живет интуицией, а интуиция подчас способна выйти за пределы обыденного сознания, способна родить догадки в раскрытии тайн природы, что очень ценил А. Эйнштейн. Возможно, что предтечей А. Эйнштейна в понимании особого «чувства космического» можно считать славянофила И. В. Киреевского, которому принадлежат очень многозначительные слова: «Вера не противоположность знания: она его высшая ступень». С этой точки зрения мы должны в высшей степени внимательно и бережно относиться ко всем тем поискам Абсолюта предшествующих поколений, а которых человек проявил свою высшую духовность, памятуя, что «метафоры и символы древности (в том числе мифологические, религиозные) содержат в себе, если их расшифровать, больше информации о свойствах сознания, чем любая привязка наблюдаемого поведения к изменениям характеристик мозга» (М. К. Мамардашвили). Не это ли имел в виду А. Ф. Лосев, говоря о «вечной проблемности»? Естественно, эта проблемность, ее не только богословская, но и философская, и общекультурная значимость требует особого анимания. С ней связаны истинное достоинство человека, способность его выйти из состояния «общественного животного» и на новой, современной основе осознать себя в единстве с макрокосмосом.

Мне представляется совершенно необъяснимым, как

это одному из крупнейших умов не так уж давнишнего прошлого пришло в голову сказать, что «религия — опиум народа!» Ведь задолго до теории «большого взрыва» мыслители древности выдвинули тезис о безначальности Отца и предвечности Сына-Логоса, глубина которого до сих пор не исчерпана! Пусть это интуиция, но она как раз и ведет к «золотистой даль вечной проблемности!» Окончательное решение проблемы возможно (если вообще возможно!) только на этом пути. Ни на каком ином. В этом отношении чрезвычайно интересны работы М. К. Мамардашвили, В. Н. Тростникова и особенно В. В. Налимова. Замечу, что гуманитарный аспект здесь тесно связан со строго математическим подходом, так что не может быть и речи о какой-либо фантастике.

Но я заметно отклонился в сторону. Нам важен именно человеческий аспект: как вернуть человека нашего времени к чувству собственного достоинства, которое немислимо без ощущения своей высокой духоаности? Вернуть — значит понять, что было потеряно? Вот тут-то и возникают трудности. Во-первых, надо знать, что было потеряно, а во-вторых, — действительно «интимно-трепетно ощутить» (Лосев) важность потерянного, невозможность восстановить в себе без этого чувство собственного достоинства.

Потерян идеал. Много у человечества было разных идолов: от мифологического Геракла до исторического Сергия Радонежского или литературного Печорина. Таким идеалам несть числа. Но с начала нового летоисчисления большая часть человечества живет совершенно исключительно нравственным идеалом, каковым является образ очеловечившегося Бога — Иисуса Христа.

Нередко приходится слышать: Иисус Христос — это легенда, и нельзя, чтобы идеалом был персонаж легенды. Но Евангелие от Матфея с заповедями Нагорной проповеди — это же не легенда! Эти заповеди легли в основу новой, постантической человеческой нравственности, которая и до нынешнего времени, верим мы в Христа или нет, составляет наш моральный закон. Он вечен, если только моральное развитие не пойдет вспять. Пойти вспять — это значит вернуться к язычеству.

Язычество чаще всего ассоциируется у нас с античностью, античность же с легкой руки Винкельмана воспринимается как некий золотой век, как нечто идеальное. Можно, например, согласиться с К. Марксом, что античная скульптура составляет для нас значение нормы и недостижимого образца. Но ведь это можно принять только в физическом, телесном смысле. А в духовном, нравственном? Античным богам свойственны были все недостатки людей, по образу которых они и воссоздавались. «Боги дерутся друг с другом, бранятся: Афины Палладу — прекрасную богиню героизма и мудрости — Арес называет «псиной мухой» (Лосев). Античные боги, конечно, были идеалом для античных греков, но этот идеал допускал много такого, что нам сейчас представляется безнравственным. Недавно мне приходилось напоминать, что Одиссей у Гомера убивает двенадцать женихов, сватавшихся в его отсутствие к его жене, и это воспринимается как нечто должное. Иначе Одиссей не был бы героем. Это была своего рода «героическая этика», отрицание ее было бы чем-то безнравственным. И это не шутка...

Но мы никоим образом не можем винить античных греков за то, что у них были такие нравственные представления. Таков был у них оптимальный идеал. Богом у античных греков было не идеальное лицо, а Космос, то есть нечто весьма гармоническое, но вневещное. Наши «научные атеисты», то есть материалисты, готовы признать такого

бога, он кажется им гораздо «научнее», нежели христианский личностный Бог. Пожалуй, признайте! Но ведь это признание делается в условиях полного восприятия двухтысячелетней христианской нравственности! Тогда, чтобы быть логичным, надо отказаться и от основ этой нравственности, верить, например, к временам Эдипа, когда можно было убить отца и жениться на своей матери! Правда, такие поступки и тогда осуждались, но не прямо, а под различным мифологическим флером.

Удивительно, как легко мы забываем, что вопросы личной совести, свободы воли (под руководством благодати), понятия любви, добра и истинного достоинства личности — все это (и многое подобное) вовсе не дано нам от природы, а завоевано в процессе многовековой истории, и у начала этого процесса находится раннее христианство.

Религiewеды-атеисты любят аргументировать тем, что христианство (и вообще религия) не принесло на землю обещанного мира, что оно полно жестокостей и пр. Иисусу Христу в Евангелии от Матфея присваиваются слова: «Не мир пришел Я принести, но меч» (10, 34). Меч здесь — это меч, отсекающий враждебное и болезненное. Это — во-первых. А во-вторых, если о высотах религии судить по жизни и деятельности ее носителей, то что можно сказать о судьбах социализма и коммунизма в нашей стране? Такой подход к христианству абсолютно не научен. В христианстве ценно прежде всего провозглашение личности. Человек как личность появляется в послеплатоническое время. Вместе с личностью формируются личная совесть, личная свобода воли, так что послеплатоническую эпоху (христианскую эпоху) можно назвать «эпохой совести». Только при этом условии стало возможным развитие гуманизма.

Здесь совершенно немыслимо и неуместно напоминать о всех завоеваниях христианской культуры, искусства, литературы. Все это хорошо известно. Менее известны рецепты язычества, сделавшие линию развития гуманистической нравственности чрезвычайно извилистой и изломанной. Сначала реанимация язычества была предпринята при римском императоре Юлиане Отступнике (правил с 331 по 363 год). В эпоху Возрождения интерес к античности привел к культу земной красоты, но нельзя сказать, чтобы такие же успехи были достигнуты в области красоты духовной. Так называемая «обратная сторона титанизма» (Лосев) полна кровавых историй и откровенного разврата. Как бы восторжествовал идеал античной героической личности, которой дозволено все. Идеал оказался паразитическим. Он был не чужд художественным симпатиям Гете, которого недаром называли «олимпийцем». Томас Манн очень любил Гете, но не преминул отмечать в нем «природолюбивый антиморализм», как бы предопределяющий «иммориализм». Ницше. Свой знаменитый роман «Доктор Фаустус» Томас Манн называл «настоящим ницшеанским романом», поскольку а нем изложена «сделка с чертом от интеллектуального отчаяния». Не касаясь сложной темы «Ницше и фашизм», все же нельзя не отметить, что «судьба героя романа «разделяет судьбу Ницше и Гуго Вольфа, и его жизнь, изложенная чистой, любящей, гуманистической душой (имеется в виду другой герой романа — Цейтблом. — Г. В.) представляет собой нечто очень антигуманистическое, дурман и коллапс» (Томас Манн).

Этот «дурман и коллапс» был результатом катастрофического снижения в Европе христианских ценностей, повсеместного увлечения мифологией, философией волюнтаризма, теориями «сверхчеловека», «белокурой бестии», «нордической расы» и т. п., что привело в конце концов к трагедии третьего рейха... Антихристианскую подоплеку этого нельзя забывать. Сказанное имеет прямое касательство к «вечной проблемности». К сожалению, у историков не хватает «держания духа», чтобы показать именно теологическую причину подобного трагизма. Между тем, это имеет прямое отношение к тому, что пережила и продолжает переживать наша страна.

Роковая болезнь — вульгарный атеизм — медленно, но верно подкрадывалась к дореволюционной России. До 1860-1870-х годов она еще сдерживалась глубокими раз-

мышлениями не только славянофилов, но даже некоторых западников, пока не вышла наружу в виде «карамазовщины» и «шингалевщины». Проникновение ницшеанских идей в русскую общественную мысль не шло ни к какому сражению с блестящим подъемом религиозной философии «серебряного века». Казалось, русская философия амышла на европейские рубежи, даже на передний край этих рубежей. Изобразительное искусство в виде авангардизма слабо поспевало за этим подъемом, но все же и оно значительно расширило понятие отражения реальной действительности. В 1922 году это духовное возрождение после приземленной эпохи позитивизма было грубо пресечено...

Здесь не место рассматривать трагическую историю изгнания из России лучших представителей философской мысли — Бердяева, Франка, Вышеславецова, Ильина, Трубецкого, Булгакова, Федотова и др. Введение «монополии легальности» означало «закрепощение разума», что сделало философию служанкой политтратомы, а свободу совести превратило а... простую бумажку. Ни о каком легальном «держании духа» не могло быть и речи. Крупнейший философ А. Ф. Лосев писал «а стол», пока не оказался в лагерь. Страна стала погружаться в элементарный прагматизм. Развитие макиавеллизма (цель оправдывает средства) создало почву для эгоистического произвола. «Карамазовщина» (если бога нет, то все дозволено) родила тысячи, десятки тысяч, а может быть, даже миллионы различных смердяковых, против которых оказываются бессильными законы. Наконец, в последнее время стало известно о негласном появлении «перунизма» (от славянского языческого Перуна). Еще неизвестно, что это такое. В конце концов, язычество — это тоже религия, и согласно Закону о свободе совести каждый человек может исповедовать желаемую религию. Но не забудем, что славянский перунизм допускал много такого, что претит нашим нравственным нормам. Пусть ритуальное убийство жен при похоронах мужгероя, а также многоженство во времена Владимира уже не допускалось, но сам Владимир еще совсем недавно мог иметь чуть ли не более сотни наложниц! Во всяком случае, перунизм нашу нравственность не украшает. Более того, он смахивает на гитлеровское увлечение культом древнегерманских богов. К чему это привело — уже сказано выше.

Мы переживаем явный духовный тупик. Что можно, что нельзя? Кажется ясно, что разрешено возвращать незаконно отобранные у общин верующих церкви, к тому же большей частью полуразрушенные и искверненные. Но власти некоторых областей не идут на это. В одном из районных городов Рязанской области дошли до того, что выгнали с работы трех учителей местной музыкальной школы только за то, что они... пели а церковном хоре! Высказано даже мнение, что надо исключить из рядов КПСС тех ее членов, которые посещают храмы. Уж не собираются ли подобные «идеологи» вернуть человека к обезьяне?

Необходимость всеобщего духовного Возрождения все более и более стучится а дверь. Так не будем же запира-ть эту дверь

Конечно, нужно будет прожить еще не одному-двум, а скорее всего трем, а может быть, даже четырем поколениям, чтобы из сознания развращенных душ окончательно выветрились всяческие ложные псевдотеории о некоей «классовой морали», об «идеологической выдержанности», о родственном лысековщине «научном атеизме», о «гнилом интеллигентском либерализме» и прочих узкодогматических «изма», ки к чему не приведших, кроме как к осознанию себя каким-то «винтиком» или державинским чер-аяком. А ведь Державин говорит не только о рабе и червяке, но и о царе и даже Боге! И у Иоанна сказано: «Вы — Боги». Сознание полной духовной свободы, дарованной, конечно, не для мифологического иммориализма, а для предельного проявления человеческих духовных, гуманистических качеств, открывает простор для завещанного нам лосевского «держания духа», для чего журнал «Слово» и открывает специальную рубрику.

своей страны. Быть той частью нации, которая берет на себя функцию сохранения и развития национального самосознания. Особенно актуально это было в те годы, когда в России любое проявление свободомыслия и традиционных ценностей, которые назывались «буржуазными», каралось смертью.

Сейчас положение несколько изменилось, и мы об этом еще поговорим. Но начнем с констатации того, что эмиграция эту свою миссию, как мне кажется, выполнила. Несмотря на то, что на первый взгляд наши эмигрантские организации очень слабые, немногочисленные; что мы собираемся на такие съезды, но большинство из нас интересуется лишь тем, чтобы поговорить, выпить а баре и т. д. Все это нормально, как и то, что большинство русской эмиграции растворилось в окружающей среде, ушло в быт. И только какие-то единицы, может быть десятки, сотни людей сделали то дело, написали те книги, развили те мысли, которые и можно считать вкладом русской эмиграции в русскую культуру. Но они это сделали от имени всай эмиграции. Это меньшинство чисто количественное — а качественное отношение, как мне кажется, создало нечто совершенно новое, что имеет мировое значение.

Прежде всего в области философии. Но и этой области мы будем подходить постепенно, исходя из задач эмиграции а выполнении ее миссии. Эта миссия, мне кажется, имеет три разных аспекта. Три задачи стояло перед эмиграцией.

Первая — сохранить память о прежней России, ее традиции, ее национальное самосознание а том виде, в каком оно сформировалось до революции. Сохранить за пределами России как бы «малую Россию», и долгое время эмиграция именно так и понимала свою миссию. В частности, знаменитая речь Бунина о миссии русской эмиграции в 1924 г., она вся проникнута этим пафосом, этим духом. И эмигрантская литература эту функцию, можно сказать, выполнила а достаточной мере. Множество мемуаров как о жизни а дореволюционной России, так и о самой революции, статьи, художественные произведения. Укажу на произведения двух писателей, которые лично на меня произвели большое впечатление: рассказы Бунина о дореволюционной России, и «Лето Господне» Шмелева, уже и а СССР переиздали эту книгу.

О значении эмигрантской литературы, особенно первой эмиграции, могу порекомендовать недавно переизданную а YMCA-Press книгу Глеба Струве «Русская литература а изгнании» с множеством имен, фактически это справочное пособие а этой области.

Но сохранять «малую Россию» а отрыве от большой было нелегко и трудно. А отрыв тогда был ужасающий, Россия находилась, по выражению Краснова, «за чертополохом». Граница была совершенно непроходимой. И ставка на сохранение России а эмиграции могла выполняться лишь до тех пор, пока были живы и деятельные люди, которые эту Россию — старую, наставшую — еще помнили.

Продолжения сохранения традиций, продолжение выполнения этой функции было немыслимо без связи с большой Россией.

И здесь мы подходим ко второй задаче эмиграции: помочь здоровым силам а самой России, которые сопротивлялись этому эксперименту, которые сопротивлялись идеологии и пытались сохранить а той мере, а которой это было возможно, традиционные российские ценности, даже продолжать творчество. Эту функцию помощи эмиграция начала выполнять а основном после второй мировой войны, когда изменились условия, когда стало больше контактов между Россией и другими странами. И здесь, скажем, а области литературы даже трудно провести границу, где литература эмигрантская, а где литература собственно российской, возникшая там. Потому что все начало переплетаться.

В эмиграции начали печататься произведения авторов из России, которые не могли быть напечатаны в Советском Союзе. Целый ряд шедевров впервые появился в эмиграции. Напечатаны были, например, произведения Андрея Платонова, которые сейчас реабилитированы в Советском Союзе: «Ювенильное море», «Котлована». Только сейчас Платонова начинают оценивать по-настоящему, именно по этим произведениям, зачисляя его а классики русской литературы. За границей появились и впервые напечатаны были «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Доктор Живаго» Пастернака, произведения Анны Ахматовой, Мандельштама и других писателей, которые входят а основной фонд русской литературы XX в. Один из последних примеров — Солженицын, когда писатель, живя а России, опубликовал свои произведения а эмиграции и смог оказать такое огромное влияние как на ход событий а своей стране, так и а мире.

Сейчас мы наблюдаем в стране плоды деятельности эмиграции по выполнению этой второй функции. Возвращаются очень многие произведения раньше запрещенные, как самих эмигрантов, напр. Набокова, Ходасевича и т. д., так и писателей, которые жили все это время а России.

На повесте дня стоит даже возвращение произведений Солженицына, как подтвердил, кажется уже а третий раз, редактор журнала «Новый мир» Сергей Залыгин; он не отказался от планов напечатать отрывки из «Архипелага ГУЛАГ» а этом году. Несмотря на то, что главный партийный идеолог Медведев заявил, что этого никогда не будет, потому что книга антисоветская. Т. е., идет борьба между общественностью и партийной идеологией, и эта борьба касается также наследия эмиграции, как к нему относиться.

Чтобы не повторять общеизвестные имена, могу указать книгу, а которой эта проблема достаточно хорошо освещена, проблема выполнения эмиграцией этой второй функции: быть Тамиздатом, т. е. издавать для России книги, помогать авторам а России публиковаться на Западе. Это книга Юрия Мальцева «Вольная русская литература», вышла а «Посеве».

Нужно сказать, что а выполнении этой второй функции можно видеть и проявление нравственного долга эмиграции по отношению к России. Потому что нахождение а лучших условиях, чем твой народ, накладывает определенное моральное обязательство: необходимо оправдание своего на-

МИХАИЛ
НАЗАРОВ

Наши идеалы

Тему доклада вы знаете. Хотя а разных объявлениях она была сформулирована немножко по-разному, но смысл тот же: «Вклад эмигрантской литературы и философии а русскую культуру», либо: «Влияние русской философии и литературы из эмиграции а развитие а стране». По-моему, эта два аспекта одной темы. Сформулирую ее короче: «Роль эмиграции а возрождении России». Но прежде всего нужно начать с самого понятия эмиграции, что такое русская эмиграция. Мне кажется, дать правильное определение этому явлению — значит уже сказать очень многое.

Я думаю, что русская эмиграция — уникальное явление а человеческой истории. Уникальное не потому, что такие уж хорошие русские эмигранты, что так уж они берегут свои традиции. Политическая эмиграция а течение вот уже 70 лет — такого явления не знает история, но это тоже не главное. Уникальность русской эмиграции а том, что создалась уникальная ситуация на родине, а именно: впервые а человеческой истории предпринята попытка перенести человека, перенести самого бытия, попытка устройства человеческого общества на совершенно новых, искусственно выдуманных принципах, а которые человек не вписывается, и для того, чтобы построить это общество, человека нужно принуждать. Заставлять, применяя террор. Отсюда такие невиданные жертвы, такое разрушение, искоренение всех традиционных ценностей, что на долю тех представителей этой страны, которые оказались в иных условиях за границей (пусть а чужих странах, но а условиях традиционных ценностей), выпадает уникальная задача: быть «блоком памяти»

В № 10 за 1990 год журнал «Слово» опубликовал статью публициста из Мюнхена Михаила Назарова «О радиоголосах, эмиграции и России». В этом номере журнал предлагает вниманию читателей доклад М. Назарова, прочитанный а Брюсселе а мае 1990 года на Съезде российской молодежи и общественности из западно-европейских стран.

хождения не со своей страной, а в лучших условиях; и только такой жертвенной деятельностью, направленной на свою страну, мне кажется, это оправданно достижимо.

Какая-то часть эмиграции выполняла и это за всех. Смысл своего нахождения в зарубежье она видела не в пользе материальными благами, благами свободы, которые дает жизнь на Западе, а превратила это в вид аскетического служения своей стране. Аскетического — здесь правомерно употребить это слово, потому что аскетизм — это лишение себя чего-то: отказ себе в пище, во сне, в удовольствиях. В данном случае, эти люди были лишены их главного: родины. Жизнь в отрыве от родины, но в служении ей, можно сравнить с формой аскетизма. Этот элемент в эмиграции несомненно есть.

Но, наконец, третья задача эмиграции, третья функция. Она мне кажется наиболее важной, и поэтому я ее взял основной темой своего доклада: это собственное творчество эмиграции, осознание той исторической ситуации, в которой находится страна, осознание опыта революции как опыта всемирного, как явления, которое не ограничивается масштабами России. Именно в этом вклад эмиграции в русскую культуру оказался наиболее значительным. Именно здесь эмиграция дала целую плеяду имен, которые еще Западом не столь известны, не столь правильно оценены их значение.

Я просмотрел несколько философских словарей, изданных в Германии и во Франции, там почти ничего нет о русской религиозной философии. Мне кажется, что это незнание русской философии Западом объясняется тем, что Россия была несвободна. Я думаю, что на Западе наступил переоценка этого наследия, когда оно будет представлено от имени страны, а не от имени каких-то эмигрантских групп. Чтобы не повторять в дальнейшем опять-таки много имен, укажу третью книгу-справочник, хорошо описывающую этот вклад эмиграции: «Русское религиозное возрождение XX века» Н. Зернова (YMCA-Press).

Здесь нужно сказать, что русская философия уже сама по себе необычное явление с самого своего возникновения. Западные исследователи часто отмечают, что философия в России очень поздно появилась. На Западе уже давно существовали целые философские школы, блестящие имена, а в России, в сущности, ничего не было. Русская религиозная философия начинается с Григория Сковороды, который был еще предтечей, он стоит несколько особняком. Можно сказать, что лишь в XIX в. были впервые сформулированы те проблемы, которые являлись основными в русской философии. Но объяснить это отсталостью России, как это часто делается, мне кажется, нет оснований.

Дело в том, что в России была философия, которая уже давала ответы на все жизненные вопросы — христианство. Христианство, Православие настолько полно проникло во все уголки быта, во все сферы жизни русского народа, что в сущности все проблемы были ясны и не в чем было сомневаться. Ведь философия возникает, когда начинаются сомнения. И русская философия возникла именно как попытка

осмыслить возникшие сомнения о роли и предназначении России в истории, о смысле истории. Это и проблемы морали, взаимоотношения добра и зла, проблемы социальные. Назревшая революция обострила эти проблемы, связав их в один узел. Эти проблемы и стали основной темой русской религиозной философии. И можно сказать, что, как ни странно, трагедия, произошедшая с Россией, и способствовала тому взлету русской философии, который мы отмечаем в XX веке. Как бы «благодаря» этой трагедии, «благодаря» большевикам, «благодаря» их разрушениям, — «благодаря» в кавычках, — стало возможным это явление.

Здесь можно «поблагодарить» большевиков и более конкретно, в частности, Ленина. Я, конечно, шучу, следуя известному анекдоту. Вы знаете, что в Советском Союзе написано множество воспоминаний, каким Ленин был добрым, начиная с детских лет. И есть анекдот на эту тему: Ленин бредет. Какой-то мальчик, бедный, оборванный, проходя мимо, нечаянно его толкнул. «Ах ты, сукин сын, так тебя перетак!» — выматерил его Ленин и продолжил брить. Вот какой добрый Владимир Ильич. А ведь мог бы бритвой полосу...

Так вот, именно по этому принципу можно поблагодарить Ленина — за то, что в 1922 г. было выслано из России на Запад около 200 известных общественных деятелей, философов, писателей. Вместо того, чтобы их расстрелять, Ленин почему-то выслал их на пароходе на Запад. Сейчас и в советской прессе этот факт отмечен как доброты Владимира Ильича Ленина, и как не смешно это звучит в сочетании с тем анекдотом, я вижу здесь какой-то акт Провидения, что именно эти люди не были расстреляны, как многие-миллионы других. Они-то и выполнили третью функцию нашей эмиграции — исследовательскую.

Еще в годы гражданской войны на Запад попали такие русские мыслители, как Петр Бернгардович Струве, Лев Шестов, ин. Сергей Трубецкой, Мережковский, Владимир Николаевич Ильин, Георгий Флоровский; позже на знаменитом пароходе в 1922 г. были высланы: Бердяев, Франк, Лосский, о. Сергей Булгаков, Иван Александрович Ильин, Вячеславцев, Карсавин.

Эти люди часто представляли философские позиции, которые не во всем совпадали друг с другом. В чем-то были даже серьезные споры и дискуссии между этими философами, но это по отдельным частным вопросам. Например, далеко не всеми было принято учение о. Сергея Булгакова «О Софии — Премудрости Божией». Или можно отметить разногласия у Ивана Александровича Ильина и Бердяева по проблеме сопротивления злу силой. (Ильин написал книгу с таким названием, подчеркивая, что долг христианина — сопротивляться злу силой, что евангельское выражение «любите врагов ваших» относится к нашим личным врагам, но не к тем, кто пытается производить насилие над другими, и не к врагам Божиим. Мы обязаны защищать от зла другого человека, нашего ближнего. Мы обязаны и сам мир как творение Божие защищать от воздействия сил зла.)

Или, скажем, взять таких разных

представителей русской философии, как Георгий Федотов с его социалистическими симпатиями (хотя, однако, его нельзя полностью назвать социалистом: он был христианским социалистом или, точнее, представителем христианского социального учения) — и взять монархиста Ивана Ильина.

Казалось бы, разного типа философы, но у всех у них есть общий знаменатель: отношение к революции. Множество работ о революции, написанное всеми ими, сходится в одном: революция в России — логическое завершение длительного духовного процесса, который берет свое начало еще с эпохи Возрождения. Это процесс утраты человеком веры в Бога, утраты личной связи с Ним, утраты религиозной интуиции; и, с другой стороны, — процесс самовозвышения, самообожания, который привел к установлению новой религии, религии человекобожества. Под именем гуманизма она еще и сегодня очень распространена. Суть ее заключается в том, что отвергается христианское понимание зла и греховности. Зло в мире объясняется лишь несовершенными общественными системами, несовершенным устройством, и, мол, стоит лишь исправить эти общественные структуры — как исчезнет из мира зло и наступит рай на земле. Суть социалистической теории и марксизма именно в этом. И русские религиозные философы на примере русской революции показали, что в ней проявилась эта крупнейшая ошибка человечества, его духовная болезнь, развитие которой продолжалось почти 400 лет. Именно в России эта болезнь проявила себя в столь чудовищных формах, и русская философия тоже дает ответ на этот вопрос, почему.

В частности потому, что для России, столь целю впитавшей в себя Православие, была характерна цельность мировоззрения, и болезнь поразила ее целиком. Для интеллигенции, которая уже от Православия отошла и пошла по пути религии гуманизма — даже для нее эта цельность отношения к миру была характерна как русское явление. У русской интеллигенции был своеобразный нравственный максимализм, который, однако, в нерелигиозной форме принял такие ужасные черты, что страдания людей, смерть миллионов в годы коллективизации в моральном отношении многими большевиками ставились выше, чем сытая жизнь при буржуазном строе: «эксплуататорском», несовершенном и т. д.

Наиболее важно, что мы находим в работах эмигрантских религиозных философов, это осознание на новом уровне проблемы т. наз. русской идеи, т. е. попытки понять предназначение России в человеческой истории. Сейчас много начали говорить на тему русской идеи на радио «Свобода», стараясь показать, что русская идея есть некое заблуждение, гордыня русского духа. Мне кажется, что это упрощение — типичное для атеистического ума. Ведь естественна попытка для любого человека, и тем более для мыслителя, прозреть предназначение своего народа, замысел Божий о нем. Ничего в этом плохого нет.

То, что русская идея заключалась в попытке создания христианского государства, попытке в наибольшей степени воплотить христианские идеалы в государственную жизнь, — это мы видим на

протяжении всей русской истории. Народ санкционировал эту идею в понятии Святой Руси. Святая Русь не означает, что было когда-то у нас святое совершенное государство. Святая Русь — это идеал, по которому народ определял свою жизнь как в личном плане, так и в государственном. Или взяты такой народный образ, как Град Китеж. Невидимый Град Китеж — тоже одна из вариаций русской идеи. Это — невидимый идеал, который где-то существует в нас, это — лучшее, что в нас есть.

Или та же самая идея Третьего Рима. Мне кажется, что к ней тоже не нужно относиться отрицательно. Это тоже попытка поставить себе высокую задачу, и даже если она окажется невыполнимой, тем не менее это благородная задача. Никто не осуждает спортсмена в соревновании за то, что он пытается взять планку на той высоте, которую он в конечном счете не берет. Но мировые рекорды устанавливаются только таким образом. Нужно быть максималистом в этом отношении, нужно стремиться к высшему уровню. И формула «Москва — Третий Рим», если не сводить ее к политической трактовке (как попытка захватить Константинополь и т. д.), — это попытка стать лучшим, чем мы есть на самом деле. Это зазвонивание на свои плечи бремени ответственности за сохранение судеб Православия в мире. Я думаю, что к этому нельзя относиться отрицательно.

Русская философия в эмиграции развила это наследие как комплекс идей для будущей России. Сейчас в Советском Союзе я довольно широких масштабах произвожу осознание того, что социализм — неосуществимая утопия, потому что она противоречит всей природе мира и человека. Однако, очень многие реформаторы при этом склонны прибегать к вере в другую утопию, которую можно назвать идеализацией Запада; восприятием фикций западной жизни и их обогащением. Это вера в то, что сумма эгоизмов создаст сама по себе нравственное общество. Что рыночная система сама собой решает все общественные проблемы. Что она создает общество не только процветающее в материальном отношении, но и процветающее духовно.

И вот для понимания ложности этой новой утопии значение русской религиозной философии сегодня неослабеет. Я хочу в этой связи процитировать, как в 1932 г. Георгий Федотов в журнале «Новый Град» охарактеризовал эту роль русской эмиграции:

«Русская эмиграция судьбой и страданиями своим поставлена на головокружительную высоту. С той горы, к которой пришло наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы, воистину «все царства мира и слава их» — вернее, их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона — а Европу и в Россию: действительность как она есть, без румян и прикрас».

Эту цитату я часто употребляю в радиопередачах и в статьях на эти темы. Она, мне кажется, объясняет уникальность ситуации, в которой развилась русская философия XX в. В частности, что касается социального утопизма, Семен Франк дал очень емкое понятие «ереси утопизма». Она возникает, когда не очень мудрые люди своими скропательными рецептами устраи-

вают зло из жизни мира достигают обратного результата. Такие рецепты лишь расчищают злу поле деятельности. Это приводит к невиданным опустошениям, к невиданным жертвам. Можно сказать, никакие злодеи и преступники не натворили в мире столько зла, сколько те люди, которые претендовали своими рецептами на немедленное спасение человечества — как, например, марксисты.

В своей книге «Свет во тьме» Франк объясняет проблематику таким образом. Он исходит из слов в Евангелии от Иоанна, где сказано: «И свет во тьме светит, и тьма не объела его» (1, 5). Эти слова допускают два толкования. Оптимистическое, если считать, что речь идет о торжестве света над тьмой, ибо тьма не побеждает света, она бесильна перед ним. Но здесь может быть и пессимистическое толкование — как непреодолимое сопротивление тьмы: она не рассеивается перед светом окончательно, т. е. свет и тьма сосуществуют вместе, борясь друг с другом. Только в сочетании этих двух смыслов и заключается антиматериалистическая полнота природы земного мира. И на осознании этой полноты сконцентрирована русская религиозная философия XX в.

Только «Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы», — говорит апостол Иоанн в первом Послании (1, 5). В нашем же земном мире тьма и свет сосуществуют неустойчиво, и задача человека состоит не в том, чтобы искоренить тьму — это невозможно, эта задача превосходит человеческие силы. А в том, чтобы оградить мир, в котором мы живем, от воздействия сил зла. От воздействия тьмы. Расширить сферу действия света в нашем мире. И даже если эта задача борьбы с тьмой никогда не сможет увенчаться окончательным успехом — в этом стремлении уже заключается ценность и достойная цель для нас. Эта задача сопротивления тьме и расширения зоны влияния света.

Именно так видит русская религиозная философия задачу устройства справедливого государства. Не пытаться установить «рай на земле» и не обещать этого, как обещали большевики, а скорее «не допустить возникновения на земле ада», как это сформулировал еще до революции философ Владимир Соловьев. Попытка осуществить Царство Божие и «рай на земле», что пытались сделать социалисты, логически ведет к вырождению этой цели в неизбежное господство злых сил. Потому что человек и мир имеют другую природу. Они неспособны жить по тем правилам, тем убогим представлениям о человеке, которые содержатся в марксистской теории. Человека приходится принуждать. И оправдываемое так принуждение границ уже не имеет. Так задача социалистов по совершенствованию мира превращается фактически в разрушение мира, что показал и Игорь Шафаревич в книге «Социализм как явление в мировой истории». Это осознание, с одной стороны, утопичности социализма и, с другой стороны, что Запад тоже общество несовершенное, что зло по-разному проявляется в разных общественных системах и оно неискоренимо из нашей жизни, что оно может быть только ограничено нашим добровольным усилием, которое начинается с нравствен-

ного воспитания себя — эта мысль эмигрантских философов находит сегодня отражение и в советской печати. Мы подходим сейчас к заключительной части доклада — именно к тому, как русская философия и эмигрантская публицистика оказывали влияние на процесс становления независимой общечеловеческой в России. Названный только что И. Шафаревич — уже один из тому примеров.

Долгое время Россия вообще была отрезана от эмиграции и от ее творчества, от этих мыслей. Лишь единицы, м. б., могли ознакомиться с этими работами, но мы видим уже в 60-е годы, что влияние русской религиозной философии становится все более заметным. Я приведу лишь один пример: это организация ВСКСОН, Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа, созданный в 1960-е годы в Ленинграде Игорем Огурцовым, Евгением Вагиним и др., всего было около 30 человек. Их программа была разработана как раз на основе русской религиозной философии. Наибольшая популярностью у них пользовался Бердяев, но лишь потому, что именно книги Бердяева были им более доступны.

Затем хронологически мы видим такую веху, как появление в 1974 г. в России сборника статей «Из-под глыб». В этом сборнике Солженицын, Шафаревич и другие авторы, которые до сих пор живут в России (В. Борова, например, который сейчас член редколлегии «Нового мира»), сформулировали ряд политических, национальных и религиозных проблем российского возрождения. Видя путь возрождения России именно в том смысле, в котором русские религиозные философы-эмигранты этот путь определили в своих работах.

Примером сегодняшнего влияния русской религиозной философии на ход событий в стране можно назвать журнал «Выбор» — журнал русской христианской культуры и философии, который с 1987 г. выходит в Москве под редакцией Глеба Анищенко и Виктора Аксюткина. Вышло уже 7 номеров, каждый примерно по 300 страниц, тираж 500 экземпляров, журнал выпускается в твердом переплете.

Характерная особенность этого журнала в том, что издатели считают себя продолжателями традиции, которая отмечена такими философскими сборниками, как «Вехи» (1909 г. — это было первое предупреждение русских философов о грозящей опасности революции); сборник «Из глубины» (который написан уже в коммунистической России в 1918 г., отпечатан небольшим тиражом в 1921 г., был конфискован и лишь в 1967 г. он увидел свет в издательстве YMCA-Press в Париже); и сборник «Из-под глыб», о котором я уже говорил. Этих трех предшественников издатели журнала «Выбор» считают той традицией, в продолжении которой они видят свою задачу. Это, несомненно, Православие. Но Православие не узкое, а открытое к сотрудничеству и с христианами других конфессий. Все ценное и положительное, что содержит другие конфессии, издателями «Выбора» не отвергается, хотя они при этом своих православных позиций не сдают, а подчеркивают их.

Патриотизм их тоже лишен узости, которая свойственна многим людям се-

годняшней России, ибо они находятся в состоянии шока от той катастрофы, от того разрушения русской культуры, которое они наблюдают. Но с другой стороны, у издателей и авторов «Выбора» понимание патриотизма достаточно смелое, чтобы откровенно говорить о русофобии и давать ей отпор. В своем программном заявлении, в первом номере журнала, издатели «Выбора» пишут, что русофобия и национал-большевистский шовинизм взаимно укрепляют друг друга змеиной ненависти. Взааливая друг на друга вину за революцию и ужасное состояние страны, они не способствуют ее оздоровлению. Мудрый же патриотизм заключается в том, чтобы строить не на разделении, искать не «черное» в людях, что нас разъединяет, а делать ставку на то «белое», что есть в каждом человеке, и у членов КПСС и у общества «Память», и это «белое» пытаться объединить ради высших ценностей. Ради спасения России.

Этот принцип «Выбор» называет «позицией христианского общенационального примирения». Он считает, что только она может спасти Россию, если ей следовать, не поступаясь своими мировоззренческими принципами и христианскими идеалами, но при проведении их в жизнь проявляя любовь к ближнему, терпеливо пытаясь раскрыть ему глаза на эти идеалы, а не бить дубиной по голове только потому, что человек еще не созрел к введению их в себя.

Люди вокруг «Выбора» уже прошли школу усвоения русской религиозной философии и сами пытаются вносить творческий вклад в ее развитие. В таких разделах журнала, как богословский и историсофский, есть очень интересные статьи. Мне больше всего запомнилась статья Виктора Аксюткина «Русская идея» в третьем номере. В ней есть интересные моменты, которые мало кто высказывал в таком объеме, в частности — что касается еврейского вопроса. Вопрос этот очень болезненный, и о нем говорить нужно именно на том уровне, как это делают издатели «Выбора». Это, прежде всего, духовный вопрос, а не политический. Это вопрос исторических призваний наших народов, вопрос исполнения и неисполнения ими этих призваний. Отсюда становятся понятны противоречия и столкновения между ними, которые проявились в последнем столетии. Именно на этом уровне становится понятным, почему в революции выходцы из еврейской среды приняли непомерно большое участие. Понимание всей этой проблематики в духовном плане лишает почву объяснение революции лишь политическим еврейским заговором; это слишком примитивное объяснение сложнейших исторических проблем.

Нужно сказать, что русские религиозные философы в 1988 году реабилитированы в Советском Союзе и в официальной печати. Еще недавно Большая Советская Энциклопедия говорила о Бердяеве, Франке, Лосском не иначе, как словами: «оголтелый мистицизм», «поповщина», «религиозное мракобесие». Утверждая, что все эти люди и в России служили эксплуататорским классам, и на Западе естественно пошли в услужение ЦРУ, которому служит вся русская эмиграция. Во множестве статей доказывалось, что

никаких идеалов у русской эмиграции нет, есть только корыстные мотивы заработать деньги.

Затем появились новые нотки. Началось с призывов отдельных писателей переиздать работы названных философов как часть русской культуры, мол, не обязательно соглашаться с ними, но нужно знать. В журнале «Вопросы философии» № 6/1988 г. — этот журнал издается Институтом философии АН СССР — было напечатано короткое объявление о том, что Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос о переиздании работ — и дальше идет список 20 имен философов, в котором перечислены, кстати, все те, которых я называл, и разбавлены несколькими социалистами, как, например, Бакунин. Важно, что эти представители русской религиозной традиции, хоть и вместе с прочими, были названы «величайшим достоянием» русской культуры.

Это выражение само по себе уже как гром среди ясного неба, потому что если сегодня говорится о возврате к НЭПу, к Ленину, то мы прекрасно знаем, как Ленин относился к этому «величайшему культурному достоянию». Он не жалел по отношению к нему самых грязных, оскорбительных выражений и расстрельных рекомендаций. Цитаты из БСЭ, которые я привел — «религиозное мракобесие», «оголтелый мистицизм», — это все ленинские слова, БСЭ цитирует Ленина. Это говорит о том, что те процессы в стране, которые мы наблюдаем сегодня, — не просто возврат к НЭПу и к «ленинским нормам».

За официальным фасадом перестройки мы наблюдаем глубинный процесс демонтажа социалистической идеологии. Вспомним те проекты, которые марксизм на заре своего существования поставил себе как цель: так называемый первый документ научного коммунизма, «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом и изданный в 1848 г. Этот проект включал в себя: уничтожение семьи, уничтожение частной собственности, уничтожение нации, уничтожение религии, государства — и это обосновывалось тем, что все это «исторически преходящие» ценности. Что у пролетариата «нет отечества», все равно все люди будут жить «одним всемирным братством», когда победит коммунизм. Семья не нужна, это «закабалает» человека и прежде всего женщину. Дети должны воспитываться в общих коллективах и даже не должны знать своих отцов и матерей. Частная собственность — это «источник эксплуатации человека человеком» и основная причина общественного зла. Но по мере того, как коммунисты пытались эти свои постулаты осуществить, они понимали, что это неосуществимо. И с самого начала воплощения социалистических идей мы можем увидеть: их демонтаж начался уже тогда.

Так, после захвата большевиками власти им уже не приходило в голову провозглашать необходимость уничтожения семьи. Может быть, единицы еще этим занимались, в частности, Коллонтай, писавшая книги о свободной любви и т. п., но на практике своих жан обобществлять никому из коммунистических лидеров не захотелось. Затем реабилитировали понятие нации, когда выяснилось, что только патриотизм может защитить страну от

внешнего врага. Русский патриотизм был официально введен накануне второй мировой войны. А до этого за проявление русских национальных взглядов арестовывали и ссылали в лагерь...

Сейчас, когда социалистическая идеология продемонстрировала свой полнейший крах в области материальной, прежде всего в экономике, отказались еще от одного постулата: что частная собственность это «первичное зло». Теперь частная собственность — «необходимый элемент здоровой экономической системы». А злом и причиной кризиса в Советском Союзе признана бывшая «связанная королева» социализма — центрально-директивная система планирования.

Сейчас демонтаж социалистической идеологии дошел до мировоззренческого уровня — в отношении к религии и философии. Показательно в этом отношении не только решение Политбюро опубликовать работы русских религиозных философов, они м. б. будут не всем доступны, тиражи будут небольшие. Но показательно то, что в журналах, которые выходят миллионными тиражами, в газетах, пошла серия хвалебных статей о русской религиозной философии. Статья о Бердяеве в газете «Литературная Россия». Статья о Льве Карсавине, который был сначала выслан, а годы войны захвачен советскими карательными органами и погиб в лагере — статья с очень толковым изложением его взглядов. Статья об О. Сергии Булгакове в «Московском литераторе». Это просто случайные примеры, которые у меня есть с собой. Журнал «Новый мир» публикует подборки таких работ, которые раньше только Самиздат или издательство YMCA-Press могли напечатать. Более того, сейчас и эмигрантские журналы, в частности «Вестник РСХД», все чаще перепечатывают статьи из советской прессы. Например, о покойном философе Лосеве.

Для нового отношения к русской религиозной философии показательна дискуссия в журнале «Вопросы философии» в сентябре прошлого года. В этой дискуссии выступило 27 человек. Из них наверное 80% признавали к переоценке русской религиозной философии с совершенно антимарксистских позиций. Было даже высказано мнение, что марксизм — вовсе не русская философия, что господствующим направлением русской философии всегда признавалось идеалистическое, и лишь позже, в середине 1940-х годов, в СССР начали утверждать, что марксизм, оказывается, «был предвосхищен» еще до Маркса Герценом и Чернышевским. С тех пор почти исключительным объектом изучения стала философия русских революционных демократов 1840-60-х годов XIX в. И ей был присвоен статус «классической русской философии».

Другой участник этого круглого стола пишет примерно то, что я цитировал из книги С. Франка «Свет во тьме» о понимании общественного зла. Он пишет: «Возражение Достоевского тем, кто допускал зло лишь в среде, а не в природе человека, остается актуальным по сей день. Нам кажется, что достаточно поменять общественную структуру, как все чудесным образом переменится. Это хроническая иллюзия, в которую верили и «шестидесят-

ники» XIX века, и «шестидесятники» XX-го. Вот и сейчас, в конце восьмидесятых, мы находимся под сенью этого заблуждения».

А другой доктор философских наук, Арсений Гулыга, который часто выступает в советской прессе со статьями на эту тему, заявляет: «Пора наконец покончить с недооценкой русского идеализма. Почему на западных молился, а собственный третий ряд глубочайших мыслителей, которых по гениальности можно поставить рядом со светилами европейской философии».

И здесь Арсений Гулыга выводит как бы общий знаменатель русской религиозной философии, призывая вернуться к ней. Он определяет этот общий знаменатель коротко: «Новый Завет, христианская идея свободной личности изначально стала русской идеей... Говорят, что новое — основательно забытое старое. Наше новое мышление может сегодня опереться на отечественную традицию. Нам нет резона создавать новые ценности, да и никакая философия не в состоянии их создать; она сможет их только выявлять, отстаивать, распространять. Ценности иррациональны, их создает народ. Русская классика зафиксировала их с предельной глубиной и выразительностью. Они вечны, абсолютны, универсальны. Сегодня мы должны прежде всего издать русских мыслителей в полном объеме и написать философию русской классики. Философия должна повернуться лицом к народу, стать зеркалом его души, наставником и воспитателем».

Вот этого духовного измерения реформ в истории советской власти еще не было никогда. Тем самым процесс демонтажа в сегодняшнем Советском Союзе идет гораздо дальше ленинского НЭПа, с которым многие советологи только и проводят параллели, совершенно не замечая эту глубинную духовную сторону процесса.

Этот демонтаж, конечно, не воля партии, и происходит он совсем не потому, что члены Политбюро прозрели. Все это осуществляется, пробивается в редакциях журналов и газет давлением снизу. Сейчас в Советском Союзе выросло и созрело целое поколение людей, образование которых имеет христианскую основу. Поколение людей, воспитанное на книгах, которые писались, издавались и распространялись в эмиграции. Сегодня в Советском Союзе нет ни одного по-настоящему грамотного интеллигента, который бы не был знаком с творчеством Франка, Бердяева, Лосского, — все эти имена для них уже доступны. Именно сейчас эта деятельность эмиграции, по выполнению своей третьей функции, приносит свои плоды.

Нужно, конечно, учитывать, что верхи руководства КПСС в своем стремлении к реформам связаны определенными идеологическими границами. Это объясняется тем, что коммунистическая идеология — единственная легитимация их власти. Ведь никто не выбирал этих людей. Они у власти потому, что

обладают «единственно верным учением». Именно это дает им право на власть, и потому идеологию они отбросить не могут. Тогда они должны были бы оставить и власть. Единственное, что им остается — наполнять свою идеологию новым содержанием, допускать демонтаж самих принципов социализма до такой степени, что этот социализм рано или поздно быть социализмом de facto перестанет. Скажем, трудно себе представить, что марксизм может в себя вместили религию. Тем не менее, множатся попытки делать и это.

Относиться к этому можно по-разному. Но для нас важно, что весь этот духовный переворот общества сейчас происходит не сверху, а снизу. Участвующая в нем как официальная общественность в официальной прессе, так и неофициальная общественность в журналах типа «Выбор» — это и есть те здоровые силы сегодняшней России, в которой возродилось то зерно, которое было в значительной мере посеяно русской эмиграцией, русскими мыслителями. Пусть их количественно было мало, но плод их трудов имеет огромное значение для будущего всей страны. Сейчас наша помощь России нужна, как никогда раньше. Потому что в самой России сейчас идет борьба разных сил за то, какой Россия должна стать. Борьба между западниками и почвенниками.

Упрощая, можно сказать, что западники всей этой проблематики и опыта эмиграции не понимают. Они видят будущее России — как вторые Соединенные Штаты Америки на русской земле; они видят среди достоинств Запада лишь рынок, свободу, массовую культуру, и от них совершенно ускользает вся проблема религиозного предназначения России, как чего-то особого, проблема российской судьбы.

Тогда как почвенники обращают внимание именно на эту проблему, но часто им не хватает для аргументации — той же литературы и знания всего того, что на эту тему накоплено в эмиграции. Пример этому — общество «Память», которое по своей сути есть стремление восстановить свою страну, разрушенную культуру, но советский духовный вакуум, в котором это явление развивается, приводит к тому, что какая-то значительная часть этого движения слишком примитивно понимает как саму задачу возрождения России, так и причины катастрофы. И я думаю, что сейчас эмиграция должна использовать открывшиеся возможности поездок в страну для несения туда накопленного опыта. Литература, которую я называл, приходит теперь в Россию по почте, у меня множество подтверждений этому. Настало время, когда мы и на такие съезды в эмиграцию должны приглашать видных представителей патристического движения в России. Мы должны участвовать в борьбе за Россию будущего, которая сейчас идет уже конкретно, а не теоретически.

Вот усилить эту передачу в Россию того, что накоплено в эмиграции, соединив тело России с этим «блоком памяти», который создан эмиграцией, — это должно стать последним нашим усилием. Если оно нам удастся, тогда мы сможем сказать, что предназначение эмиграции действительно выполнено.

«Я в сердце века»

К 100-летию со дня рождения Осипа Мандельштама грузинское издательство «Мерани» выпустило удачно составленный, на мой взгляд, поэтический сборник.

Тянется лесом дороженька пыльная,
Тихо и пусто вокруг.
Родина, выплакала слезы обильные,
Спит, и во сне, как рабыня бессильная,
Ждет неизведанных мук.

Уже в них слышна неповторимая мандельштамовская интонация, которая с годами совершенствовалась и развивалась. И далее — стихи 1908—1918, 1919—1925, 1930—1937 гг... В этой хронологии скрыта, пожалуй, ужасающая закономерность, которая неотартично вела к развалу трагедии художника, художника униженного, репрессированного, погубленного. А реабилитированного — лишь посмертно. Поэтому трагическое звучание многих стихов глубоко символично.

Свои вдохновенные строки обращал Осип Эмилевич и к Анне Ахматовой — большому другу семьи Мандельштамов («Когда на площадях и в тишине келейной», «Кассандра», «Таов чудесное произошенье...», «Что поют часы кузнечик...»). А восьмистишие «Ахматова» — одно из лучших стихотворений, созданных в честь великой поэтессы. Удивительная лиричность, музыкальность характерны для стихов, обращенных к О. Арбениной, О. Ваксель, М. Петровых, Н. Штемпель, Л. Поповой, написанных в разные годы, под впечатлением неоднозначных жизненных обстоятельств. А сколько искреннего чувства, доверительного обожания, нежной верности в стихотворениях, посвященных главной Музе поэта, его жене Надежде Мандельштам. Их невозможно читать без душевного волнения. Еще в книге представлены очерки и статьи, не утратившие свежести и оригинальности и сегодня.

Л. НИКОЛАЕВА

Мандельштам О. Э. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕРЕВОДЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ. — Тбилиси, «Мерани», 1990.

Художественная литература: что дальше?

Фото НИКОЛАЯ КОЧНЕВА

Вступление в свободный рынок придает давно неведомые нам черты и книгоизданию. Уже сегодня налицо реальная опасность: не только вздорожание даже тоненьких детских книжек, но и ширящееся наступление безнравственной, даже аморальной литературы на, казалось бы, нетленные своей духовностью произведения великой русской словесности. Эта ситуация не может не волновать и журнал с многозначным названием «Слово», поэтому, как мы и обещали читателям, продолжаем вместе с нашими авторами — писателями, издателями и распространителями книги — искать реальный выход из создавшегося положения, дорогу к возрождению славных традиций отечественной литературы и культуры чтения. В этом русле и состоялась беседа нашего корреспондента с директором издательства «Художественная литература» Г. А. АНДЖАПАРИДЗЕ.

— Георгий Андреевич, в течение многих лет на деятельность издательства сильно влияли идейные стереотипы и «запретительство». В результате сколько славных имен позабыто, сколько достойных произведений отечественной словесности можно отыскать лишь в изданиях давно минувших лет! Какой же Вы видите «возрожденческую» миссию «Художественной литературы»? Есть ли намерение насыщать свои планы новыми именами и темами, делать акцент на социальной заостренности книг, их созвучии с проблемами сегодняшнего дня?

— Задача, которую мы себе сформулировали, — а первую очередь заняться вспахиванием «забытого поля». Поэтому что в силу политических, а чаще эстетических причин, было предано забвению немало писателей «первого ряда». Но существовал еще и добротный «второй ряд» — литературу определяют не только вершины, но и высоты более низкие.

Жил такой ленинградский писатель Константин Вагинов. Он не был репрессирован, умер в своей постели, но был надолго забыт, хотя политических претензий к нему не было. Мы, используя его рукописи, издали книжку. И таких примеров много. Почему не переиздавали? Сказать трудно. Во всяком случае, петроградский модернизм конца двадцатых — начала тридцатых годов необыкновенно интересное явление, и Вагинов, один из его представителей, конечно же заслуживает быть прочитанным.

Для таких произведений мы и задумали серию «Забятая книга». В ней вышла и книга Михаила Кузмина. То есть, я бы сказал, мы пошли по квазирыночному пути — беседуя с коллегами, пришли к выводу: то, что лежит на поверхности, — Гумилев, Цветаева, Мандельштам, Ходасевич — очевидно, за это схватятся все. Когда-то Борис Эйхенбаум сказал о Викторе Шкловском: Витя, как сорока, хватает все, что блещит. Мы не хотели оказаться в положении сороки — есть нечто мало кому известное, а то и вовсе неизвестное. В частности, несколько месяцев назад мы выпустили роман Ропшина (Бориса Савинкова) «То, чего не было». Его не читали, даже не знали знатоки русской литературы, самые крупные литературоведы. Находясь в Париже, я спросил у Н. А. Струве, знает ли он такое произведение, оказалось, не знает. А это очень интересная книжка, написанная добротным романистом о революции 1905 года глазами ее участника. Там есть много любопытных мыслей вроде такой: как же так — несколько человек в Париже решили, что нужно для России, взяли на себя ответственность это определить... Первое издание романа появилось

в 1914 году, второе — в 1918-м. И все.

Вот типичная судьба несправедливо забытой книги, особенно нужной сейчас, когда мы смотрим на собственную историю без шор. Такие произведения и есть объект нашего самого пристального внимания. Так что одну из своих основных задач мы видим в возвращении в культурный обиход современного читателя книг, которые по разным причинам были ему недоступны.

Если говорить о мере социальной заостренности наших изданий, их созвучия с сегодняшним днем, то своим ответом могу вызвать огонь на себя, ибо считаю, что народ все больше устает от чрезмерной политизации нашей жизни. Социальная заостренность была, например, и у Николая Лескова, бояться ее не надо, но ставить перед собой цель — печатать побольше книг с социальной заостренностью — вряд ли необходимо, мы это, как говорится, уже проходили. Гораздо нужнее, говоря языком геологов, сделать широкий захват.

Иногда меня спрашивают, надолго ли нас хватит на забытые имена и репринты. Думаю, что отечественная литература во всем ее огромном многообразии имен, тем, сюжетов, идей еще не известна. И у Худлита очень большие планы на этот счет, однако мы их стараемся не оглашать, чтобы другие не обскакали. Например, мы занялись поисками в архивах, где лежит масса неопубликованного — и романы, и мемуары. Лет на десять-пятнадцать этой культуртрегерской задачи нам хватит. Была бы бумага — в нашем плане около трехсот забытых книг! А это фактически годовой план, ведь кроме того существуют зарубежная и советская литература, надо переиздавать классику, которая нужна всегда. И я не смущаюсь, когда мне говорят: а вы знаете, что там-то лежат книги классиков? И хорошо, отвечаю, что лежат, они должны лежать всегда, тогда их смогут купить всяк, кто пожелает. Мы просто давно отвыкли от нормального положения, когда человек может прийти в магазин и купить любую книгу Пушкина, любую книгу Толстого или Достоевского. Причем я за то, чтобы в продаже одновременно находились дешевые и дорогие книги.

— Но не получится ли, что снова и снова невольно возвращаясь в прошлое, читатель еще несколько лет будет отлучен от литературы, посвященной нашим насущным экономическим, политическим, нравственным проблемам?

— Литература и искусство являются в какой-то мере формой отвлечения от проблем сегодняшнего дня, и бояться этого не надо. Одни любят читать как бы про самого себя, другие — про других. Первый читает и думает: господи, да это про меня, второй предпочитает отвлечься описаниями дальних стран и экзотических приключений. Так что внешний уход от проблем современности не так уж плох. Я не говорю, что должно выпускать лишь такие книги, но не надо забывать историю читательской культуры, ее психологию. Полезно помнить и о книжной терапии, которая, как и музыка, может лечить человека...

Отсутствие взрыва писательской активности в годы перестройки, мне кажется, происходит потому, что проза и поэзия, в отличие от публицистики, которая старается держать руку на пульсе жизни, требуют времени на осмысление. Меня даже удивляют те мои западные коллеги, которые просят: дайте быстрее нам роман о перестройке. Я отвечаю им: нет у нас еще такого романа. И это их поражает. Поражает отсутствие соцзаказа...

— Но вот мы входим в свободный рынок. Собирается ли Худлит решать в его условиях задачу, с которой справлялись лучшие издатели России — давать народу дешевую общедоступную книжку? К сожалению, даже Пушкин, Толстой, Тургенев вошли далеко не в каждый крестьянский дом. Сегодня все отчетливее видишь, что о массовом, народном читателе просто-напросто забывают.

— Этот вопрос очень болезненный. У нас пока не сдела-

на стратификация читательской массы. Как известно, на Западе даано обожают различного рода социологические исследования и там разработана четкая структура читателя. По ней, скажем, мужчина от тридцати пяти до пятидесяти лет книг почти не читает. Он занят делом. Хотя, возможно, почитывает детективы в поезде или самолете, иногда бегло просматривает то, о чем «говорят». Кто же читает на Западе больше всех? Домохозяйки, пенсионеры, молодежь. У нас же хорошо обоснованной структуры читательского спроса до сих пор нет. Лично я считаю, что у нас и мужчины среднего возраста читают достаточно много. Имея около семнадцати — восемнадцати миллионов членов Общества книголюбителей, можно более или менее точно сказать: а стране насчитывается около десяти миллионов активных читателей. Думаю, что число нормальное. Другое дело — а высока ли даже у этих людей читательская культура? Но чисто прагматически лучше читать «пустую» литературу, нежели убивать соседа, не говоря уже о родственниках. Не надо бояться того, что, как кто-то сказал, есть литература для писателей и есть литература для читателей. Ведь то, что называется серьезной литературой, и на Западе не имеет широкой читательской аудитории. Первый сборник Ахматовой, если мне не изменяет память, был напечатан в количестве нескольких сот экземпляров. Поэтому у нас действительно произошла культурная революция — произведения классиков расходятся миллионами. И меня это не пугает при вопросе: а не поглощают ли такие огромные тиражи возможности для выпуска других, менее «имени-ных» книг? Ибо сочинения Пушкина, Гоголя, Достоевского пока не вошли в каждый дом, тем более крестьянский. Обеспечить всех желающих золотым фондом отечественной литературы — задача первостепенная. Я приведу такой пример. Мы сделали все возможное, чтобы не повысить цену на «Роман-газету», как известно, очень популярное издание. Хорошо известны очень разные мнения по поводу произведений, которые здесь печатаются, но, как мне думается, ее редакция и редколлегия сегодня смотрят шире, чем прежде, учитывая колебания читательских интересов, и то, что нам удалось сохранить прежнюю цену, даст возможность множеству читателей получить самые разные произведения.

Мы думаем и о дешевой библиотеке. Собственно «Классики и современники» и была общедоступной серией, хотя и ее в каждый дом, как говорится, силой не навяжешь. В чем проблема? В стране нет свободного книжного рынка. Как и никакого другого.

— Наши «толстые» журналы, благодаря возможности быстро откликаться на актуальные проблемы, заменили многим читателям книги, тем более, что безлимитная подписка на периодику собирает прозу, публицистику, поэзию, такие тиражи, которые, как правило, невозможно позволить себе даже «Художественной литературе», где, кстати сказать, выпускаются не только книги, но и несколько литературно-художественных журналов — «Москва», «Нева», «Звезда». В связи с этим хочу Вас спросить как и знатока зарубежной литературы: насколько распространены на Западе литературно-художественные журналы, велики ли их тиражи, кто читает такие издания?

— Литературно-художественных журналов на Западе нет или почти нет. Помимо прочего, там много академических издательств, которые имеют свой доход, но их авторы не получают ничего, довольствуясь лишь фактом публикации, а отличие от наших критиков и литературоведов, которые свихлись с мыслью о положенном гонораре. Запад в этом смысле жесток: пока книга не даст доход, автор гонорар не получит. У нас прямо противоположное — книга дохода может и не дать, а гонорар автор получает. Но что делать — у нас по этому поводу имеется постановление правительства.

Я не хочу обижать современных отечественных поэтов, но опять-таки в отличие от нас на Западе поэтические сборники печатаются, как правило, тиражом пятьсот — шесть-

сот экземпляров и практически безгонорарно. Видимо, нет другой страны на земле, кроме нашей, где бы поэты жили на гонорары. Скажем, даже известный в США поэт Аллен Гинзберг не может существовать литературным трудом и преподает в колледже. Но есть существенное отличие: на Западе неизмеримо больше издательств и больше возможностей напечатать книгу. Так что при существующей у нас нехватке издательства литературно-художественных журналов должно быть больше. Накануне такого сложного 1991 года мы снова подсчитали рентабельность выпускаемых Худлитом журналов, и получилось, что при тираже двести тысяч экземпляров литературно-художественный журнал типа «Москвы» себя окупает, и большего тиража, на мой взгляд, и не надо. Пусть лучше будет выходить еще пять новых непохожих друг на друга журналов, имеющих свою позицию. Тем более, что много говорится о проблемах Союза писателей, нарастающих там центробежных тенденциях. И в этом нет ничего страшного. Пусть у каждой группы писателей, объединенной своей эстетической платформой, политическими взглядами, будет свое издание, пусть они выходят на рынок и рекламируют себя: мы даем новую, или на кого не похожую литературу. И тогда журнал в двести тысяч экземпляров не будет нужды навязывать, он будет иметь своего стабильного читателя. Я очень уважаю Сергея Павловича Залыгина, но в том, что редакция «Нового мира» сделала а 1990 году со своим журналом, ввергла в такие трудности себя и читателей, все же вина редакции. Зная наши общие трудности с бумагой, нельзя было идти на такое безудержное привлечение внимания к журналу хотя бы и публикациями Александра Исаевича Солженицына, тем более собранием его сочинений. Можно, конечно, объявить свободную подписку даже на черную икру, но от этого ее не будет больше...

Так что должно быть больше небольших по тиражу литературно-художественных журналов, впрочем как и издательства художественной литературы. Я считаю нелепым еще «застойных» времен постановление о закрытии областных издательств и создании вместо них «зональных». И у нас в культурной политике до сих пор масса абсурда. Ни а одной стране мира не пошли бы на то, чтобы везти книги из Москвы во Владивосток, по аналогии — с западного побережья Соединенных Штатов на восточное. В такой практике есть элемент какого-то экономического бреда. Как это можно — отпечатать книги в Можайске, Твери и потом «тащить» их через всю страну! Или наоборот: книги печатают на периферии, потом их везут в Москву и оттуда «распределяют» по той же периферии — абсурд!

С созданием зональных издательств усилилась нивелировка литературы, ибо в каждой области России свой фольклор, свой местный говор, свои литературные имена и традиции. Нельзя все это смешивать. Часто вместо того, чтобы издавать местных писателей, искать у себя талантливых авторов, к примеру, мне шлют письма: у вас вышла такая-то книга, пришлите два экземпляра для расклейки и выпуска. Но эдаким «разбойным расклеиванием» чужих изданий грешат не только небольшие издательства, но и такой гигант, как издательство «Правда». Имея большой доступ к бумаге, оно практически подавляет свом валом. Берут, допустим, изданную Худлитом книгу и печатают у себя, ничего нам за это не платя, поскольку издатель в нашей стране юридически незащищен. Пока более или менее защищен автор. И какой автор откажется, чтобы его переиздавали в той же «Правде» полумиллионным тиражом? Вся эта наша система неправильна. Если на Западе автор приносит в издательство роман, ему говорят мы его покупаем и заключаем договор еще на три ваших будущих произведения. С этого момента автор уже как бы принадлежит издательству — кто хочет его переиздавать, должен идти а это издательство и вести переговоры об уплате, скажем, двадцати процентов за приобретение права повторного выпуска.

Сейчас звучат призывы к созданию отечественного издательского права, тем не менее этот необходимый документ

не разрабатывается. Хотя квохчем и бьем крыльями. Сегодня у нас все авторские права принадлежат автору, и иные авторы обходят ВААП — сами подписывают договора с зарубежными фирмами и сами получают деньги. Но кто-то шустер, а кто-то не может обойти вааповские препоны. И жаль, что у нас нет рекламных агентств, которые бы рассылали копии литературных произведений по издательствам. Я, например, получаю с Запада таким образом немало книг с уведомлением: если не собираетесь издавать, по прочтении верните. Это общепринятая там практика, и если мы собираемся быть правовым государством, нам надо отрегулировать и права издателей.

Еще с XIX века у нас существует традиция «пропускать» художественные произведения через литературные журналы. Наверное, ломать эту традицию не следует, раз журналы существуют и на них подписываются. К тому же, существует характерная для нас особенность — подписчик на журнал получает гарантию, что книгу, пусть и в журнальном варианте, он получит. Ее не надо ловить — тебе домой принесут. Но как обстоит дело на Западе? Там давно существует практика так называемых книжных клубов. Вступая в такой клуб, вы получаете гарантированное право на получение ряда произведений. Теоретически и мы можем создать клуб любителей Худлита, пообещав, что за год выйдем каждому его члену двадцать книг. Конечно, здесь может иметь место некая «обязаловка» — что-то из этих произведений не всем понравится. Но в этом нет ничего предосудительного — читатель получит «пакет», где будут, предположим, и Пикюль, и отец Флоренский, и Сергей Булгаков. Все же это не профсоюзные брошюры и не диссертации застойного периода. К тому же, если человек привык читать исторические романы, но вдруг получит философское произведение и им заинтересуется, разве такое не может быть с ним и членами его семьи, знакомыми?

Но пока такой книжный клуб мы себе позволить не можем — книги должны отдавать для распространения книжной торговле.

Чтобы иметь книжный клуб, нам потребуется и большой отдел рассылки. Самые большие службы в западных издательствах — службы рекламы и реализации, редакторов существенно меньше. У нас масса предложений от зарубежных партнеров, но не хватает бумаги. Будет она, будут и книжные клубы. Их члены уплатят членский взнос, анесут аванс, и если а магазине цена, скажем, пятнадцати книг будет составлять пятьдесят рублей, то члены клуба получат их за сорок пять.

— Но, как известно, Худлит — издательство государственное и государство требует побольше отчислений в свой карман, да и вашему коллективу приходится в условиях рынка следить за соблюдением своих экономических интересов. Так не ущемлен ли читатель? Ведь для него уже и безгонорарная отечественная классика кусается...

— В свой карман мы получаем мало — приблизительно от ста восьмидесяти миллионов годовой прибыли имеем около четырех процентов, аключая деньги на гонорары, остальное забирают государство и Госкомпечать. Но книги должны быть и дешевые, и дорогие. Обычное издание Пушкина не должно быть дорогим, а вот мемуары Андрея Белого, которого мы поставили по десять рублей за том, адресованы специалистам и большим любителям, так что здесь высокая цена нормальна. И если Эжен Сю стоит десять рублей — тоже не вижу а этом драматизма, потому что это «развлекалка», за нее можно и заплатить — все же предмет роскоши. Так что мы стараемся держать баланс цен, хотя делать это становится все труднее. По нашим прикидкам, вчерашняя двухрублевая книга будет стоить около шести рублей. И другого выхода нет — надо расплачиваться с бумажниками, полиграфистами. До недавнего времени я а силу своего экономического невежества тоже их ругал, но когда узнал, что бумага у нас стоит ниже своей себестоимости, переменил мнение. Оказывается, ее было

просто невыгодно делать, выгоднее производить обои... И потом наша система налогов — ужасна. Кто-то правильно сказал, что у нас культуру первой выбрасывают на рынок. Жалкая создалась ситуация — а цивилизованных странах (а мы, видимо, такой еще не являемся) культуру субсидируют. Там выделяют субсидии на издание даже литературоведческих книг — если вы хотите исследовать некую нетронутую область, скажем, словесности, то получаете субсидию от какого-нибудь университета или частного фонда. А наш Фонд культуры, который в общем-то достоин уважения, пока только просит денег. У нас же десятилетиями выкачивали деньги из книгоиздания, ничего а него не акладывая. Последний построенный полиграфкомбинат — Можайский — был возведен около двадцати лет назад. И легенда, что издатели, мол, богатеют, обдирая народ, неверна. Меня а этой саязк поражает поведение литераторов — народных депутатов. Наверное, нет ни одного из них, заседающих в Верховном Совете СССР, с которым бы я не говорил: примите же, наконец, какие-то меры — производство книг не может облагаться тем же налогом, что и производство гвоздей. А вся наша сфера, особенно полиграфия, приравнена именно к промышленности, подпадая под все нынешние жесткие законы налогообложения. И очевидная мысль о том, что низкая общая культура народа является причиной всех наших бед, как-то произносится изредка и робко, хотя очевидно — некультурное общество не может шагнуть в цивилизацию. В связи с этим особая боль — все большая нехватка детской литературы. Здесь мы находимся на пороге катастрофической ситуации — вырастает поколение, не привыкшее держать в руках книгу.

— А не настало ли время провести «ревизию» изданных в стране произведений художественной литературы на русском языке, чтобы лучше знать, а какую сторону действовать? Ведь советское книгоиздание давно «зациклилось» на нескольких десятках отечественных классиков, писателей недавнего прошлого и соавременных. Не грядет ли опасность, что лет через пятьдесят многие нынешние писатели тоже попадут в «белые пятна»? Чего же, по Вашему мнению, сегодня недостает а репертуаре нашей художественной литературы? Предпринимаете ли вы что-либо, чтобы пополнить его новыми именами? Может быть, здесь поможет Институт книги?

— Институт книги нам не помогает. Они разработали концепцию советского книгоиздания, но ее выполнение, по моему, несбыточно. Мы, кому надо доставать бумагу, краски, фольгу, переплетные материалы, читая научные выкладки о том, сколько требуется выпускать книг на душу населения, пожимаем плечами, хотя и среди руководителей издательства немало мужей с учеными степенями. Когда видишь голую концепцию без учета материальных возможностей, к ней относишься скептически.

Мы пошли сейчас, казалось бы, по необходимому, даже странному пути — стали изучать каталоги старых и новых книжных аукционов, смотреть, что там были а раритеты. Вы правильно поставили вопрос о насыщении наших планов новыми именами. Стали пересматривать «набор классиков», но где-то (и я не стесняюсь признаться) здесь провалились. Например, вознамерились сделать «Золотую библиотеку». Все знают знаменитую 200-томную худлитовскую Библиотеку всемирной литературы, она замечательна, но все-таки в значительной части рассчитана на элитный слой читателей, там большой справочный аппарат, есть не всеми читаемые авторы. И вот мы решили создать другую библиотеку — из шедевров русской и мировой литературы томов на сто, пятьдесят томов — русских писателей, пятьдесят — зарубежных. И оказались в тупике. Условие поставили такое — каждый автор должен быть представлен одним произведением. Что же получилось? Толстой — это «Война а мир» либо «Анна Каренина», «Воскресение», Достоевский — «Братья Карамазовы», «Идиот» или «Преступление и наказание», «Бесы»... То есть мы оказались

как бы парализованы привычным стереотипом, классическим подбором имен и книг. Даже то, что мы сейчас имеем, — безлимитная подписка на лучшие произведения нескольких классиков — это тоже что-то вроде общедоступной библиотеки, которая насыщает книжный рынок одними и теми же именами за счет других. Я думаю, что самая сложная задача — найти то золотое сечение, которое бы позволяло постоянно иметь на книжных прилавках произведения писателей «первого ряда», но чтобы и «второй ряд» как-то там возникал. Поэтому идея коренной ревизии писательских имен меня лично не прельщает, по душе другое — постоянное добавление к ним все новых и новых.

Проблема новых имен а литературе видится мне достаточно драматичной. Шедевром в прозе и поэзии пока не появляется. Массовизация культуры неминуемо привела к тому, что множество людей может писать (и пишут) грамотно, но пишут вторично, не привнося ничего нового ни а содержание, ни в язык. Можно сделать даже резковатое обобщение, с которым, разумеется, можно не соглашаться — ни а одной западной стране, по крайней мере мне об этом неизвестно, не было а последние десять лет ни одного блистательного литературного дебюта. Может быть, тут сказывается какая-то высшая закономерность...

— Рубакин говорил, что первая и оснoвая задача тех, кто «стоит около книги», заключается в выработке мирозерцания. Каково оно у Вас, руководителю Худлита? Изменилось ли в последние годы? Как оно отражается на Вашей деятельности? Короче говоря, каково Ваше профессиональное кредо?

— В издательствах я работаю давно и, конечно же, книгочей. Вся моя жизнь прошла с книгой, и, честно сказать, видеокультура воспринималась аяло. Нельзя сказать, что я не смотрю передач телевидения, но мне непонятны видеоманы, которые по ночам поглощают ширпотребную видеопродукцию. Так что не могу ныне сказать: за последнее время мое мирозерцание изменилось. Я уже говорил, что наступаю на горло собственной песне, собственному вкусу. Будь у меня частное издательство, я не издавал бы девять десятых того, что издаю сейчас, потому что меру своего снобизма знаю только сам. И мое издательское кредо заключается в том, чтобы не давать волю своему вкусу, смотреть шире. Сегодня, конечно, нельзя не думать о рынке. Но думать только о рынке издатель не должен. Если издатель убежден (я имею в виду не директора издательства, а весь коллектив), что данная книга нужна, ее раньше не было, она несет что-то новое, надо издавать, даже рискуя финансовыми и другими потерями, потому что нет ни одного издательства на земле, которое выпускает одни только прибыльные книги.

— Традиционно русских издателей — Сытина, Суборина, Павленкова и других — отличали тесные и постоянные отношения с писателями. Не только деловые, но и дружеские, что в наши годы перестало быть жизненным правилом. Что надо делать для возрождения таких отношений?

— У меня среди писателей много друзей, но а ситуации восприятия «Художественной литературы» как своеобразного храма, где ставят «знак качества», многие советские писатели хотят издаваться именно у нас, как будто это приближает к сонму классиков. Для меня в данном случае приятельские отношения никакой роли не играют, и, дружа со многими прозаиками, поэтами, критиками, литературоведами, я их никогда не проталкивал. Как я уже говорил, если бы Худлит был частным издательством, быть может, я бы рискнул, потому что приятельские отношения давали бы моральное право рискнуть сказать приятелю: давай попробуем. Лично я перестал издавать собственные книги где бы то ни было, и если когда-нибудь

соберусь это сделать, то только за собственный счет. С тем, чтобы не сложилось «перекрестное опыление» — ты мне, я тебе.

— А как же быть с нашей издательской политикой, наверное, уникальной, когда надо было издавать определенные книги, не рассуждая, разойдется она или нет?..

— Я думаю, что такое действительно было в нашей недавней истории, но тем не менее большинство произведений художественной литературы так или иначе расхитилось. Может быть, за счет навязывания их библиотекам... Хочу, чтобы читатели вашего журнала, так же как и все остальные, не думали, что мы какого-то писателя навязываем им помимо их воли, хотя справедливости ради скажу, что заказы на поэтические сборники и литературоведческие работы падают. На прозу же они по-прежнему высоки. Практически каждая прозаическая книга Худлита превышает тираж в пятьдесят тысяч экземпляров. А это вполне нормально.

— Не кажется ли вам, что у нас недостает издательства художественной литературы? Может быть, целесообразно увеличить число средних и небольших? Или Вам более по душе что-то вроде синдиката из бумажной фабрики, типографии, собственно издательства и сети книжных магазинов? И выживет ли Худлит, если его лишит монополии на классику?

— Что касается создания синдиката — издательство, бумажная фабрика и сеть книжных магазинов, — то здесь я нахожусь в некоем растрепанном состоянии. В принципе это не мировая практика. На Западе издатель существует сам по себе, а бумагу приобретает типография. И там издатель к тому же не привязан к одной типографии. Если это обычная книжка, он идет в одну типографию, а если сложная — с многочисленными цветными иллюстрациями, таблицами и так далее, — в другую. Он, конечно, торгуется, ищет взаимоприемлемую цену. Но в наших условиях я бы вступил в любой синдикат, где можно получить бумагу, даже в союз с чертом, с дьяволом, чтобы не испытывать затруднений в снабжении. Также к свое книгораспространение противоречит мировой практике. В наших условиях я бы пошел, как уже говорил, на книжный клуб, потому что в каком-то смысле «Роман-газета» — это уже и есть некий читательский книжный клуб в зародыше. Конечно, это унифицированное издание — выпуски одного и того же формата, одинаково оформленные, короче говоря, не очень презентабельные. Если бы мы взяли на себя подписку на «Роман-газету» (а ее тираж около четырех миллионов экземпляров), то где-то двести тысяч членов книжного клуба мы бы уже получили. Вот вам и собственное распространение. Но тогда мы должны были бы заниматься экспедированием, доставкой, а это уже почта. То есть, тут есть, с одной стороны, много соблазнительного, а с другой, я как мелкий руководитель средней руки стараюсь не брать на коллектив обязательства, которые мы не сможем выполнить. Волеизъявления решения, которые предписывали поворот рек, собираться всем миром, навалиться, раскопать котлован, слишком дорого нам стоили и как будто кое-чему научили. Я, конечно, могу предложить: давайте мы будем сами распространять книги «Художественной литературы», но для этого нет людей, их надобно набирать. А сколь они будут квалифицированы? У Худлита есть проекты по сотрудничеству с книголюбями, но пока это наметки и говорить о них рано. Я не считаю, что, как вещают некоторые критики, общество книголюбов не имеет перспектив. Другое дело, что оно сразу же бросилось собирать взносы, в чем есть какой-то административный налет. А в принципе этот пласт людей — наш самый активный читатель, которым надо дорожить.

Вел беседу Юрий ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ.

Фотография на память

Как искусствовед по профессии все чаще задумываюсь я над проблемой оформления нашей печатной продукции. Все меньше радует она эстетическим полиграфическим оформлением. Ничего даже книгу, сделанную со вкусом, хорошо иллюстрированную, не часто встретишь, — мы рады и тому, что получаем драгоценные тексты в неряшливом, некачественном исполнении, словно их авторы чем-то провинились перед народом. Унижает это всех нас. Ведь у русской полиграфии — прекрасные традиции! Вот и «Наш современник» попытался что-то сделать, изменил обложку, и «Литературной России» этот вопрос не чужд. А последние выпуски «Слова» я все время держу перед глазами, как украшение моей маленькой комнаты.

Об этом, в сущности, и речь пойдет: о наших маленьких комнатах и умещающихся в них огромных мирах.

Давно мне хотелось бы повесить у себя в комнате портрет Николая Рубцова или иметь перед глазами фотографию Валентина Распутина. Портреты помогли бы мне в работе, будили совесть. В какое-то время я, может быть, заменила бы их фотографиями Александра Вампилова и Василия Белова, «пообщалась» бы с ними. А в трудные, грустные дни задумалась бы над портретами Бориса Шергина, Виктора Лихоносова, Федора Абрамова, Константина Воробьева, Виктора Астафьева... И есть еще немало прекрасных лиц, вглядываться в которые порой так нужно, так важно!

Удивительная это вещь — человеческие лица! Их изображения — живописные ли, скульптурные, фотографические — можно рассматривать часами, почерпывая в них глубочайшую мудрость жизни. Любые лица: и самых простых людей минувших и нынешних времен, и своих дальних и близких родичей, и, конечно же, людей выдающихся, которые близки и родственны целой нации. Неслучайно по всей России еще не так давно, как спасительные островки в море нарастающей бездуховности, появились во многих домах портреты Есенина, а позже — Шукшина.

Почему так притягивают нас лица добрых, близких, мудрых, одаренных собратьев наших? Думаю, что в этом сказывается глубоко укоренившееся у нас и чисто русское качество: жадный интерес к своему ближнему, к человеку вообще. Это подтверждает и вся наша великая литература. Нельзя не согласиться и с замечательным наблюдением фотографа Ю. Н. Садовникова: семейные фотографии, собранные в одной рамке, заменили народу отнятые у него домашние иконы, божницы. «Фотографии близких людей были всегда перед глазами, и с ними можно было мысленно перемолвиться, напомнить себе, что надо послать восточку живым или прикоснуться к заветным думам об ушедших» («Слово», 1989, № 10. С. 3.). Виктор Астафьев в «Последнем поклоне» пишет о деревенской фотографии: «...это своеобразная летопись нашего народа, настоящая история его». Это давняя традиция, свойственная не только жителям деревни, но и горожанам. Вспомним хотя бы знаменитую гостиную Дома-музея П. И. Чайковского в Клину, все стены которой сам композитор украсил портретами близких и люби-

мых ему людей. Но часто рядом с фотографиями семейными помещались и изображения знаменитых личностей, исторических героев, народных любимцев.

К сожалению, лица Есенина и Шукшина теперь можно встретить разве что в галантерейных отделах универсамов, в галантерейном же исполнении. Владимир Высоцкий удостоился лишь фальшивых коммерческих портретов, которыми забиты киоски, — их давно не раскупают. Легко приобрести можно и декоративные образки полтиков, и слащавые карточки киноактеров, и даже футболистов — в цвете и разнообразном ассортименте. Пестрит город календарями с киноактерами, рокерами, манекенщицами, мелькают всюду испитые, фиговые лица...

А как же быть с теми, кто стал близким благодаря своему таланту и не успел еще обзавестись хрестоматийными портретами? Как быть с нашими живыми и безмерно ушедшими, старшими и более молодыми современниками?

И за что же такая несправедливость? Фотографии писателей наших, радителей о душе, о благе народа не встретишь нигде! Насколько мне известно, был недавно издан комплект фотографий тех из них, кто вошел в школьные учебники, но, во-первых, это казенные, унифицированные снимки, а во-вторых, и эти-то нигде купить. Раньше еще выручала «Роман-газета»: то и дело мелькал в окошке киоска знакомый портрет, и часто довольно интересный. Теперь вместо этих говорящих обложек нам навязаны маловыразительные «художественные» корочки, а портреты авторов, тоже не богатые какими, уменьшены и упрятаны внутрь.

И вот, я кощунствую: аккуратнейшим образом изымаю из любимой книги портрет любимого писателя и при этом мысленно прошу у него прощения.

Но ведь и это не решает проблемы! Портреты в книгах не всегда достойны портретируемых, к тому же часто они очень плохо отпечатаны. Жанр портрета в нашем искусстве вообще долго находился в упадке. К счастью, это время проходит, и художники, отказываясь от конъюнктуры и мало кому понятного и нужного самовыражения, начинают обращаться к лицам и душам своих современников или предшественников. Конечно, и в живописи, и в графике, и в скульптуре у нас есть хорошие портреты писателей. Я не имею в виду те сусальные произведения, которые известны уже всему миру, — но где-то, на отдельных выставках, в каких-то телепередачах, в специальных журналах, в мастерских можно встретить интересные творческие работы.

Но когда и где их увидит целая нация? У изобразительного искусства возможности тиражирования крайне малы, несовершенны, а тем более сейчас, когда страна переживает колоссальные трудности... Словом, не до этого стране. И поэтому над скромными кроватями в общежитиях, больницах, в разнообразных квартирах все чаще можно теперь видеть не лица, а нечто невообразимое — в прекрасном, между прочим, полиграфическом исполнении.

Да позволит мне «Слово» обратиться к российским художникам-фотографам с просьбой далеко не личного характера. Фотография — важный и перспективный вид современного искусства. В ее возможностях — массовое качественное тиражирование изображений. Только вы можете подарить России лица любимым народом писателей, композиторов, художников, ученых и других выдающихся людей Отечества. В ваших руках — возможности создания настоящих, высокохудожественных портретов. Как пример назову фотопортреты В. Распутина в двухтомнике его избранных сочинений изд-ва «Молодая гвардия», 1984 г., где, к сожалению, не указан автор работы, а также известные портреты Василия Белова (А. Заболоцкого). Многими материалами вы уже располагаете, — накапливайте новые, запечатлевайте быстротекущее время! Начните с создания фотогалереи русских писателей, от классиков, хорошие портреты которых тоже нелегко найти, до наших признанных народом современников. Воссоздайте в их неповторимых и одухотворенных лицах историю нашей богатейшей литературы, от Достоевского и Толстого до А. Платонова и И. Шмелева, от Твардовского и Шолохова до Е. Носова, от Н. Клюева и А. Блока до Н. Рубцова. Затем эта работа должна найти издателя, чтобы достать портрет любимого писателя не было неразрешимой проблемой, чтобы свято место в наших комнатах не пустовало, и открывались бы в них необъятные миры через лица людей, наделенных высокой совестью и истинным талантом (убеждена, что писатели, проникшие в большую литературу бесчестными путями и подзабоченные в ней ради сомнительной славы, не смогут быть по-настоящему портретируемы: лицо откроет все). Конечно, такими портретами не надо будет загружать каждый киоск, их получать, может быть, следует по подписке, либо как приложение к журналам... Этот вопрос необходимо хорошо продумать.

Убеждена, что за этот труд Россия скажет вам спасибо. Обращаюсь также к журналу «Слово», в котором уже публиковались фотографии Б. Шергина и М. Кривошоломовой, А. Солженицына, Ф. Абрамова, В. Белова. Помещайте портреты писателей на вклейке или на третьей странице обложки, чтобы их можно было изыять без большого ущерба для издания. Надеюсь, моя мысль найдет поддержку у многих почитателей отечественной словесности.

Т. РОМАНЕЦ
КИЕВ

«Велика ведь бывает польза от чтения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обрастаем мудростью и воздержание». Слова эти из «Повести временных лет» взяты эпиграфом к очередному выпуску молодого гвардейского альманаха «Прометей», который посвящен тысячелетию русской книжности.

Добросовестно и с любовью подготовлена эта книга. Материалы, собранные под ее обложкой, рассчитаны на читателя вдумчивого. Не перелистывая за страницей страницю, а внимательно вчитываясь и осмысливая прочитанное, обязательно задумаетесь над тем, какая великая культура оставлена нам в наследство. Но как долго мы ничего или почти ничего не знали и о нашей первой книге — Евангелии, и об Оптиной пустыни, ее героях — старцах, и о древнерусской духовной пирике... Статьи, очерки, гипотезы об этих и других малоизвестных современному человеку страницах отечественной истории можно прочесть в шестнадцатом выпуске «Прометей».

Здесь же в разделе «Возвращенные страницы» публикуются отрывки из дневников М. М. Пришвина о гибели древнейших колоколов Троице-Сергиевой лавры в 1929–1930 годах, статья П. А. Флоренского «Троице-Сергиева Лавра и Россия», «Слово о Родине» Бориса Зайцева.

В разделе «Биография. Портреты. Жизнеописание» есть интереснейшие материалы, посвященные жизни и деятельности Максима Грека, Н. В. Гоголя, академика А. А. Шахматова. В альманахе также печатаются архивные материалы из фондов издательского отдела Московской Патриархии, издательства «Изобразительное искусство», литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского г. Ленинграда.

Словом, книга эта поможет читателю еще раз прикоснуться к живительному роднику, имя которому — История Отечества.

Д. КОСТРОВА

ПРОМЕТЕЙ: Ист.-биограф. альм. сер. «Жизнь замечательных людей». Т. 16: Тысячелетие русской книжности / Сост. Е. Бондарева. — М. Мол. гвардия, 1990.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Пусть душа

Видения на холме

Взбегу на холм
и упаду
в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснет в глаза кривым ножом монгола!
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батяя...

Россия, Русь —
Куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

ЛЕНИНГРАД
1960-1964

В минуты музыки

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Переключаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

1966

Элегия

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

1964

Цветы

По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: — А как назывались? —
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались — «анютины глазки».

1965

останется чиста

До конца

До конца,
До тихого креста.
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захоластной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой,
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

1968

Тайна

Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!
Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...

1970

* * *

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напыюсь,

Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вон Есенин —

на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенек?
Неужели

в свой черед
Надо мною смерть нависнет, —
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?
Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом.
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем,
Но суть не в этом...

1970

По вечерам

С моста идет дорога в гору.
А на горе — как грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.

Былая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди.
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей впереди!

Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.

Все так же весело и властно
Здесь парни ладят стремена,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...

1970

ТРАДИЦИИ. ДУХОВНОСТЬ. ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Михаил Булгаков предчувствовал свою судьбу, когда в 1930 году в письме к Советскому правительству утверждал, что его «обракут на пожизненное молчание в СССР». Так оно, собственно, и произошло. «Дьявольная» — единственная книга, вышедшая при жизни автора в 1925 году, все остальные — посмертно. Лишь в 1965 году — через четверть века после смерти писателя — «Новый мир» опубликовал «Театральный роман», в 1966 году журнал «Москва» — роман «Мастер и Маргарита», в 1968 году франкфуртский журнал «Грани» — «Собачье сердце», в 1969 году нью-йоркский «Новый журнал» — «Зойкину квартиру». Так началась посмертная мировая слава выдающегося русского писателя XX века Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940), столетие со дня рождения которого исполняется в мае этого года.

Но публикацию материалов и юбилей писателя наш журнал начиняет уже с этого, первого номера 1991 года, представляя слово булгаковедению Русского Зарубежья.

Одно из самых авторитетных изданий Русского Зарубежья, «Новый журнал», основанный в 1942 году М. Алдановым и М. Цейтлиным, опубликовал статью С. Иоффе «Тайнопись в «Собачьем сердце» Булгакова» (1987, кн. 168—169) с ханжеской оговоркой: «Печатается в порядке дискуссии». Нам остается только повторить эти слова, добавив, что подобные статьи мы уже и ранее публиковали в «Слова» под рубрикой «Парадоксальные заметки». Таких парадоксов в статье С. Иоффе тоже более чем достаточно, но помимо них статья, вне всякого сомнения заслуживает внимания уже самой попыткой дать расшифровку тайнописи сатиры Булгакова. Там более, что «дети Шарикова», как и «дети Швондера», уже стали в нашей печати предметом далеко не литературных дискуссий. Конечно, не все в этой статье можно принять даже в качестве гипотезы (в ней есть и фактические неточности), но мы надеемся, что наш читатель достаточно зрел, чтобы разобратся во всем самом, без обычных в таких случаях редакционных комментариев, подстраховок и перестраховок. Статья публикуется без сокращений.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

С. ИОФФЕ

Тайнопись в «Собачьем сердце» Булгакова

Представим себе, что мы — писатели, живем в Москве, на дворе март 1925 года, и нам надо придумать сатирическую фамилию для Сталина. Один из нас предложил фамилию «Чугункин». Не благородная сталь, а черный, грубый чугун.

Все были довольны, но в нашей компании оказался первый еще тогда булгаковед, большой приятель Булгакова, который сказал, что Михаил Афанасьевич совсем недавно написал мемуарную сатиру «Собачье сердце», в которой Сталин — самый главный персонаж. И назван он Чугункиным.

Не один только булгаковед в нашей компании был знаком с сатирой Булгакова; еще несколько завидных читателей уже прочитали ее в рукописи. Все в один голос заявили, что Сталиным в «Собачьем сердце» Булгакова и не пахнет, что Чугункин — это художественный образ трактирного балалаечника, некоторые органы которого, когда он умер,

были использованы профессором Преображенским для пересадки псу Шарiku.

Булгаковед немного загорячился и заявил, что не только Сталин замаскирован в «Собачьем сердце» таким прозрачным образом, с помощью говорящей фамилии «Чугункин», но и другой знаменитый деятель тоже прикрыт совершенно прозрачными именем и фамилией. Горничная Зина Бунина — это Григорий Евсеевич Зиновьев, член Политбюро, Председатель Коминтерна и Председатель Петросвета: Зина-Зиновьев. Фамилия же «Бунина» связана с тем, что «Зиновьев» — псевдоним, а настоящая фамилия Григория Евсеевича — Апфельбаум. Апфельбаум, как известно, по-немецки значит «яблоня»; у Бунина есть знаменитая повесть «Антоновские яблоки», отсюда и фамилия для Зиновьева — Бунина.

Завидные читатели едва дали закончить булгаковеду, обвинив его в чрезмерной фантазии и напомнив, что Зина — девушка, а Зиновьев — мужчина, к тому же Зина — горничная и медсестра знаменитого профессора-хирурга Преображенского, а не член Политбюро и прочее.

Булгаковед обиделся на эту критику и заявил, что как он сам догадался и как ему подтвердил Булгаков, Преображенский — Ленин, преобразивший Россию из монархии в Бог знает что: его ассистент доктор Борменталь — Лев Давыдович Троцкий-Бронштейн, член Политбюро, Председатель Реввоенсовета, наркомвоенмор, организатор октябрьского переворота и вождь Красной Армии в Гражданской войне; хитрый, мстительный, злобный пес-подлиза Шарик — тоже Сталин, как и Чугункин, но в иной ипостаси и в иное время; и Полиграф Полиграфович Шариков, результат экспериментальной операции Преображенского по пересадке половых желез и гипофиза Чугункина дворянине Шарiku — тоже Сталин, уже в третьей ипостаси, когда его выбрали генеральным секретарем РКП(б) (секретари много пишут, «полиграф» по-гречески «много писать»).

Между тем булгаковед было уже не остановить. Он утверждал, что Булгаков все свои произведения пишет в такой тайнописной манере, создавая сатирико-мемуарную картину своего времени. Со множеством филологических и исторических подробностей булгаковед доказывал, что кухарка Преображенского Дарья — это знаменитый первый шеф ЧК Ф. Э. Дзержинский (и имя ему выбрано такое потому, что а имени «Дарья» и в фамилии «Дзержинский» есть «д» и «р», как в «драть, сдирать»), что председатель домового комитета Швондер — это Лев Борисович Каменев-Розенфельд, член Политбюро, Председатель Моссовета, заместитель Ленина в Совете Народных Комиссаров (опять же шли объяснения, почему Каменеву-Розенфельду дана фамилия Швондер), что сова, которую так любил трепать хитрый и злобный пес-подлиза Шарик — своеобразная Надежда Константиновна Крупская, которую так любил поносить товарищ Сталин...

Но постараемся остыть от воображаемой игры 1925 года. Вспомним, что нам известно о «Собачьем сердце».

Булгаков начал писать «Собачье сердце» в январе 1925 года. 14 февраля уже готов был какой-то вариант, который он читал Н. С. Ангарскому, партийцу-ленинцу с дореволюционным стажем, редактору альманаха «Недра», в котором Булгаков напечатал свои «Роковые яйца». Сюжет «Роковых яиц» замечательно сходен с «Собачьим сердцем», есть и переклички: в «Роковых яйцах» Персиков избрал красный луч, этот же луч упоминается в «Собачьем сердце» как кара, которая настигнет Преображенского; Преображенский живет в квартире с персидскими коврами: Персиков-персидский.)

В марте 1925 года «Собачье сердце» было передано в альманах. Попытки провести его через цензуру оказались неудачными. Более того, летом 1926 года к Булгакову пришли с обыском агенты ГПУ, рукопись «Собачьего сердца» была у него отобрана, через несколько лет ее с большим трудом удалось вернуть обратно благодаря содействию Горького. Самого Булгакова после обыска, кажется, отвели на Лубянку и допрашивали.

Экземпляр «Собачьего сердца», переданный Ангарскому, сохранился в его архиве с надписью явно на случай неприятных вопросов: «Эта вещь не представляет большой ценности ни по замыслу, ни по художественному исполнению».

В 1926 году МХТ, уже репетировавший пьесу, получившую название «Дни Турбиных», предлагал Булгакову инсценировать «Собачье сердце», но и тут вмешалась цензура.

Прошли долгие годы. В 1968 году это произведение было дважды опубликовано на Западе на русском языке. Потом в Париж приехала вдова Булгакова Елена Сергеевна известить его родственников. Она привезла отредактированную рукопись, которая была опубликована издательством

YMCA-Press в 1969 году. Это издание считается каноническим. В Советском Союзе до 1987 г. «Собачье сердце» никогда не печаталось. Содержание произведения сводится к тому, что профессор-хирург Преображенский, занимающийся пересадкой половых желез обезьяны пациентам для омоложения, решает экспериментально пересадить половые железы и гипофиз 25-летнего человека дауخلетней собаке «для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем и о его алиянии на омоложение организма у людей». Омоложение не получилось, получен новый человек, сохраняющий худшие черты собаки и того человека, чьи органы были пересажены. Новое существо живет в квартире у профессора и своим нахальством, невоспитанностью, алкоголизмом, вороватостью, хулиганской агрессивностью делает жизнь профессора совершенно невыносимой. В драке ассистент профессора вроде бы убивает

лабораторное существо. Профессора даже обвиняют в убийстве, но он неожиданно предьявляет собаку с исчезающими на глазах человеческими признаками.

Уже в этом изложении видны две странности. Первая: почему для выяснения вопроса об омоложении человека надо брать молодого двухлетнего пса и пересаживать ему органы молодого 25-летнего человека? Вторая странность: остается непонятным, был ли собака-человек убит или профессор и его ассистент пересадили монстру сохраненные половые железы и гипофиз собаки, вернув его в собачье состояние.

Впрочем, эти две странности — не единственные в «Собачем сердце». Еще Булгаков говорил, что взаимоотношения носителей говорящих фамилий — в плане аллюзии — это отношения Ленина и Сталина с 1917 года, а может, даже и раньше.

Ленин-Преображенский сначала приблизил Сталина-Шарика, надеясь омолодить, обновить круг людей, на которых он опирался. Старые соратники были либо активно против него (Каменев-Швондер), либо склонны к колебаниям и недостаточно крупны как личности (Зиновьев-Зина и Дзержинский-Дарья). Но, ловко маневрируя, Сталин-Шарик-Чугункин-Шариков сблизился с Каменевым-Швондером, Зиновьевым-Зиной, Дзержинским-Дарьей, в результате чего Ленину пришлось звать на помощь своего давнего соперника, Троцкого-Борменталь. Совместно им удалось одержать временную победу над Сталиным-Шариковым. Можно предполагать, что в конце «Собачьего сердца», написанного в январе-марте 1925 года, речь идет о последних месяцах активности Преображенского-Ленина, до 10 марта 1923 года, в которые Шарик-Сталин достаточно прочно закрепился в пречистенско-кремлевской квартире Преображенского-Ленина.

Но в тексте «Собачьего сердца» есть и другие странности помимо сходства с политическими событиями того времени, в которых интеллигент Булгаков скорее мог быть на стороне «людей с университетским образованием», Преображенского-Ленина и Борменталь-Троцкого, чем на стороне уголовника Шарика-Чугункина-Шарикова-Сталина.

Так, странно, что пес Шарик до знакомства с профессором Преображенским, любителем оперы «Аида», уже встречался с каким-то гримзой, который на лугу при луне поет «милая Аида». Похоже, что этот гримза и Преображенский — одно лицо, Ленин. Ария, возможно, намекает на роман Ленина с Инессой Арманд (первые и последние буквы имени и фамилии «Инесса Арманд» входят в слово «Аида»). Но более раннее знакомство Шарика с Преображенским прекрасно укладывается в давнее знакомство Сталина с Лениным — задолго до того, как Ленин решил приблизить к себе Сталина в 1921 году.

Другая странность — машинисточка Васнецова, которая появляется сначала перед псом Шариком, причем он знает абсолютно все о ее партийном любовнике-председателе вплоть до мельчайших постельных подробностей. При этом машинисточка пытается приласкать Шарика. А позднее, после превращения Шарика в Шарикова, заведующего отделом МКХ (Московское коммунальное хозяйство, т. е. коммунистическое хозяйство, секретариат ЦК), он появляется с любовницей, той же самой машинисточкой. Из чего следует, что пес Шарик-Сталин, он же Шариков-Сталин, был знаком с машинисточкой с давних пор и что любовник-председатель — тоже Сталин.

Машинисточка Васнецова — машинистка МХТа Ольга Сергеевна Бокшанская (урожденная Нюренберг), секретарь Немировича-Данченко, старшая сестра Елены Сергеевны Нюренберг-Шиловской-Булгаковой, последней из трех жен Булгакова. Она же Торопецкая (т. е. все делающая быстро) в «Записках покойника» («Театральном романе»), которой так опасался Иван Васильевич (Станиславский). Родилась в Риге в 1891 году в семье податного инспектора и театрала. В 1909 году семья переехала в Петербург, в 1916 году О. С. переехала в Москву. В августе 1919 года поступила работать в МХТ машинисткой. Году в 1921 вышла замуж за бывшего офицера царской армии,

служившего в Красной армии. Брак вскоре распался. Бокшанский, кажется, был знаком с Лениным и Сталиным.

Сама же О. С. Бокшанская, вероятно в МХТе, встретила со Сталиным, тогда уже женатым на Надежде Аллилуевой, и стала его любовницей.

Приехав в Москву в сентябре 1921 года, Булгаков завел много полезных знакомств, среди них — с Бокшанской, роман которой со Сталиным шел на убыль или уже кончился. Сталин, порвав связь с Бокшанской, не прекратил с нею приятельских отношений, она была женщиной большого ума и очарования. Бокшанская жила вместе со своей младшей сестрой Еленой Сергеевной Нюренберг. Булгаков же сам стал любовником Бокшанской (он был тогда женат на Татьяне Лаппа), через нее познакомился со Сталиным. У Бокшанской Булгаков познакомился и со своей будущей, последней и третьей женой, Е. С. Нюренберг, до брака с Булгаковым — Шиловской.

Бокшанская способствовала литературной карьере Булгакова. Можно предположить, что она помогала Булгакову с журнальной публикацией «Белой гвардии». Что она посоветовала начать переделку «Белой гвардии» в пьесу «Дни Турбиных» до того, как Булгаков получил официальное предложение от МХТа на инсценировку пьесы.

Позднее между сестрами был серьезный конфликт из-за Булгакова, но кончилось тем, что Бокшанская осталась другом Булгакова. Она читала все, что писал Булгаков, — у нее был талант критика и редактора. Она перепечатывала все его произведения. Но главное — по уму и характеру она была подлинная старшая сестра Елены Сергеевны. А без Елены Сергеевны мы, может быть, и сейчас знали бы о Булгакове столько, сколько знали в 50-х годах, т. е. почти ничего. Фактически надо говорить о двух сестрах в жизни и судьбе Булгакова. К нашему счастью, Булгаков сам об этом достаточно повзвонился в своих тайнописных произведениях.

В 30-х годах Бокшанская вышла замуж за актера МХТа Калужского. В созданном накануне войны Комитете по присуждению Сталинских премий, первым председателем которого был Немирович-Данченко, она была секретарем.

Бокшанская пользовалась большим влиянием в МХТе. Ее отношения со Сталиным для многих москвичей, так или иначе близких к Кремлю и МХТу, наверняка никогда не были тайной. Она умерла в Москве 3 мая 1948 года. Ежегодник МХТа посвятил ей большой некролог-статью. Были опубликованы некрологи и в московских газетах.

В научной литературе о «Собачем сердце» Булгакова аллегорический аллюзионный план этого произведения не исключается, хотя исследованием говорящих фамилий и вообще говорящих аллегорически языковых знаков никто не занимался. Так, проф. Элленда Проффер, ведущий специалист по Булгакову, автор многих статей и большой книги о нем, издатель и редактор 10-томного собрания сочинений Булгакова на русском языке в США, в предисловии к т. 3, где напечатано «Собачее сердце», приходит к следующему выводу: «Аллегория, с которой он (Булгаков. — С. И.) имеет дело, весьма щекотлива. В образе блестящего хирурга, предпринимавшего рискованную операцию, легко узнать Ленина, представителя интеллигенции с присущим ему ученым видом. И трудно усомниться в том, что Шарик, этот обаятельный и оригинальный пес, представляет собой определенный тип недалекого русского рабочего или крестьянина, которого большевистская революция превратила в гнусного Шарикова. Таким, каков он есть, Шарикова делает наследственность — никакая среда, будь она коммунистическая или любая другая, не в силах его изменить».

Как читатель уже догадался, я не собираюсь спорить с тем, что Филипп Филиппович Преображенский — Ленин. Более того, я считаю, что не только фамилия, но и имя-отчество профессора — говорящие. «Филипп» по-гречески значит «любитель лошадей», т. е. любитель ездить на лошадях, править лошадьми, отсюда — правитель. А «Филипп Филиппович» — это правитель вдвойне, у которого страсть к политической власти глубоко в крови. Таким и

был политический честолюбец Ленин. Так что Ф. Ф. Преображенский — это правитель в квадрате и преобразователь Ленин. Контрреволюционные же замечания Преображенского, его нелюбовь к рабочему классу и т. д. — это точные по смыслу заявления Ленина в его печатных произведениях последних лет, где говорится, что пролетариат не оправдал надежд партии и партия будет вести страну самостоятельно. Через пять лет после Октября революционер Ленин превратился в контрреволюционного эволюционера, сторонника образованности и культуры.

Отметим одну важную особенность в анализе Э. Проффер. Она совершенно права, обращая внимание на то, что Булгаков знаком с искусством говорящих фамилий: Преображенский — преобразователь. Жаль, что «Преображенский» — единственный пример ее анализа говорящих языковых знаков в «Собачем сердце».

Но если Булгаков считал, что Шарик-Чугункин-Шариков, новый правящий класс России — помесь беспородного пса с ловким преступником, то мог ли он надеяться провести такую вещь через цензуру? Мог ли он так открыто и легкомысленно выступать против святого понятия диктатуры пролетариата? Еще Преображенскому Булгаков мог позволить фрондировать, что тот и делал, но сам Булгаков вряд ли мог быть таким легкомысленным на седьмом году советской власти и ЧК.

И если таков был смысл «Собачьего сердца», то как мог Ангарский, партизанин-дореволюционный стажер, пытаться опубликовать такое произведение? Я не хочу сказать, что Ленин, Ангарский и многие другие большевики-интеллигенты не могли так думать о советских выдвиженцах из рабочих и крестьян. Они об этих пугачевцах думали еще хуже, не случайно Преображенский в разговоре о Шарикове повторяет слово «уголовщина». Но вряд ли они могли так откровенно выражать свое мнение.

А это значит, что и у Булгакова, и у Ангарского было иное толкование «Собачьего сердца». И для этого толкования они надеялись найти понимание и сочувствие у цензоров, как нашли его с «Роковыми яйцами».

Попытаемся сформулировать это понимание. В борьбе за власть в Советской России 1921-22-го годов было только три претендента: Ленин, Троцкий и Сталин, два интеллигента и сын пьяницы-сапожника, недоучившийся семинарист с очень скромным образованием, человек уголовного типа. В конце 1922 — начале 1923 года большой Ленин хоть и пытался что-то сделать, писал письма из Горьков, но фактически вышел из игры. Вспомним Преображенского в конце «Собачьего сердца», посевшего, перенесшего глубокий обморок, от которого он чуть не умер (т. е. удар, Булгаков так и пишет: «при падении ударился головой»), но все еще скользкими перчатками достающего мозги из сосудов. Это — Ленин, любимый, пусть даже скользкими методами пытающийся вернуть упущенное, выгнать Шарика-Сталина из своей кремлевско-пречистенской квартиры.

Без Ленина Ангарским и Булгаковым надо было выбирать между Сталиным и Троцким.

Что еврей по отчеству и фамилии Иван Арнольдович Борменталь — это Троцкий-Бронштейн, нет никакого сомнения, хоть фамилия, имя и отчество у булгаковского Троцкого не такие прямо говорящие, как у Сталина-Чугункина и Зиновьева-Зины. Тем не менее его фамилия «Борменталь» состоит из двух частей: «Бормен-», которая напоминает «Брон-» от настоящей фамилии Троцкого (Бронштейн), и «-та-ль», в которой есть «т» и «л», т. е. инициалы псевдонима и имени Л. Троцкого. Имя, от которого образовано отчество Борменталь — «Арнольд», — кончается буквами «л» и «д», т. е. инициалами имени и отчества Л. Д. Троцкого. Имя «Иван» — это имя Иоанна Предтечи, каковым в большевистских святцах и был Троцкий, возглавлявший Петроградский Совет рабочих депутатов в революцию 1905 года (роль Ленина в этой революции была намного скромнее) и организовавший для Ленина октябрьский переворот. Заметим, что Борменталь у Булгакова — фигура довольно симпатичная. Отметим

лишь, что отношение Булгакова к Троцкому было разным в разные годы. Так, он выведен в «Дьяволяде» под именем пассивного Яна Собесского, в «Роковых яйцах» под именем нахального журналиста Бронского, а «Мастере и Маргарите» — под именем глупого Лиходеева.

Конечно, среди внепартийных и партийных интеллигентов, среди Булгаковых и Ангарских, интересовавшихся кремлевскими тайнами и будущим России, было немало противников Троцкого. Но в отличие от Каменевых и Зиновьевых, которые считали, что Сталин будет лаять и рычать на их политических противников, а они будут править Россией, Булгаковы и Ангарские понимали всю глупость политической линии Каменева и Зиновьева. Недаром

Преображенский-Ленин говорит, что от Швондера останутся рожки да ножки. Иметь уголовника Сталина-Шарика-Чугункина-Шарикова в качестве владельца кремлевско-пречистенской квартиры было страшной перспективой.

Естественно, что Булгаков и Ангарский могли питать какие-то иллюзии об исходе политической борьбы Троцкого со Сталиным. Особенно сильным козырем казалось им «Завещание» Ленина и приписка к нему о Сталине. При публикации «Собачьего сердца» они надеялись на содействие цензоров, ориентирующихся на Троцкого. Но события развивались явно не в пользу Троцкого, поэтому Булгаков раньше, а Ангарский чуть позже отреклись от «Собачьего сердца». Булгаков, в частности, не стал писать слезное письмо а цензуру, как ему советовал Ангарский, и, вероятно, прохладно отнесся к предложению МХТа нап-

сать инсценировку. «Собачье сердце» было написано слишком несложным для современников шифром, чтобы из-за него ломать копья.

О том, что Шарик — Сталин, говорит не только фамилия «Чугункин». Шарик — маленький шар, а Сталин был маленького роста и очень скромного, «дворянского» происхождения. Замечательно, что Булгаков дает самое развернутое в мировой мемуарной литературе описание внешности и личности Сталина. Приведем некоторые детали этого описания в той последовательности, в которой они даны у Булгакова.

«Сколько за... фильдеперс ей (мвшинисточке Васнецовой-Бокшанской, любовнице Сталина. — С. И.) издевательств надо вынести. Ведь он ее не каким-нибудь обыкновенным способом, а подвергает французской любви; «Надоела мне моя Матрена (жена председателя-Сталина. — С. И.), намучилась я с фланелевыми штанами, теперь пришло мое времечко. Я теперь председатель, и сколько ни накраду — все на женское тело, на раковые шейки, на Абрау-Дюрсо. Потому что наголодался я в молодости достаточно...»; «Поцеловал в ботик» (Преображенского); «Разрешите лизнуть сапожок» (Преображенскому); «Если я... начну мочиться мимо унитаза...» (Преображенский, намекая на Шарикова); «Пес становился (перед Преображенским) на задние лапы и жевал пиджак, пес изучил звонок Филиппа Филипповича... и вылетал с лаем встречать его в передней»; «пес-подлиза», «мерзавец», «обладал каким-то секретом покорять сердца людей»; «ласковый, хотя и хитрый»; «лоб скошен и низок»; «...производит впечатление маленького и плохо сложенного мужчины»; «Улыбка его неприятна и как бы искусственна»; «Ругался (матом). Ругань эта методическая, непрерывная» (Сталин был большим специалист по части русского и грузинского мата); «С увлечением ест селедку» (в 30-х годах Сталину выписывали специальные сорта селедок из Скандинавии); «условно каторга на 15 лет» (до смерти в возрасте 25 лет Чугункин совершает преступление, за которое должен был получить 15 лет каторги, но вывернулся и приговор был условный. Как не вспомнить знаменитое ограбление Тифлисского банка, когда Сталину было немногим больше 25 лет); «голова маленькая»; «человек... несимпатичной наружности. Волосы... на голове... жесткие... а лицо покрывал небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной. Почти непосредственно над черными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щетка»; «мутноватыми глазами поглядывал»; «Голос у него был необыкновенный, глуховатый и в то же время гулкий»; «Дикарь! ...я положительно не видел более наглого существа, чем вы» (Преображенский); «Вы стоите на самой низшей ступени развития... вы еще только формирующиеся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, и вы... позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости...» (Преображенский); «В словах (Преображенского о Шарикове) несколько раз звучало... слово «уголовщина».

Зовут Чугункина-Шарика-Шарикова-Сталина Клим Чугункин. Как известно, так звали Клима Ворошилова, в те годы — одного из видных деятелей Красной Армии. Именно на войска, возглавляемые Ворошиловым и Буденным, опирался Сталин в своей борьбе с Лениным. Как известно, командный состав Красной Армии состоял, с одной стороны, из Ворошиловых, Буденных, Чапаевых, Дыбенко, т. е. из рабоче-крестьянской пугачевской вольницы, а с другой — из бывших царских офицеров. Со времени дискуссии 1919 года о военных специалистах, Ленин и Троцкий опирались на бывших офицеров, а Сталин — на пугачевцев. В решающий момент борьбы между Лениным и Сталиным пугачевцы оказались сильнее офицеров.

Теперь можно объяснить последнюю странность «Собачьего сердца». Борменталь вроде бы придушил Шарика-Шарикова, но тот оказался жив и здоров, прочно устроился в квартире Преображенского, от которого осталась

теиь прежнего, более того, в квартире не видно Борменталь. Объяснение простое. Попытки Ленина и Троцкого остановить рвущегося к власти Сталина увенчались временным успехом, но затем Ленин и Троцкий потерпели поражение, а Сталин обосновался в Кремле.

Сцена, в которой Шарик тяпнул за ногу Борменталь, — намек на известный конфликт между Троцким и Сталиным во время гражданской войны в 1919 году. У Троцкого главнокомандующим был полковник царской армии И. И. Вацетис. Сталин же добивался назначения на этот пост своего тогдашнего ставленника С. С. Каменева, тоже полковника царской армии. Когда Ленин уступил Сталину, Троцкий подал в отставку. Но Ленин уговорил его отказаться от отставки. Так Сталин-Шарик тяпнул за ногу Троцкого-Борменталь, так Троцкому пришлось проглотить пилюлю.

Поступление Шарикова на работу заведующим подотделом Московского коммунального хозяйства — это, конечно же, назначение Сталина на пост генерального секретаря РКП(б) 3 апреля 1921 года. Историкам было неясно, по чьей инициативе состоялось назначение. Сталин позднее утверждал, конечно, что оно произошло по инициативе Ленина. Вопрос обсуждался историками без конкретных результатов. Булгаков совершенно неадаптированно говорит нам, что назначение Шарикова-Сталина состоялось по инициативе Швондера-Каменева без ведома Преображенского-Ленина.

Почему Зинаида Бунина — Зиновьев-Апфельбаум, мы уже сказали. Имя для ее отчества, «Прокофьевна» — выбрано не случайно. «Прокофий» значит «настойчивый, целеустремленный»: таким можно было тогда считать Зиновьева, у которого были честолюбивые планы. Зина — горничная, иногда привлекаемая Преображенским к операциям, но боящаяся крови. Как политический деятель, Зиновьев не шел ни в какие сравнение с Лениным, Троцким, Сталиным. Зина-Зиновьев — не больше, чем прислуга, то настроенная против Шарика-Сталина, то за него.

Выше уже говорилось, что Дзержинский — кухарка Дарья Петровна Иванова. Ее отчество и фамилия — широко распространенные, заурядные имена. В большевистском руководстве при Ленине Дзержинский шел всегда вторым сортом, его никогда не выбирали в Политбюро. Еще больше мы убеждаемся в том, что Дарья — Дзержинский, заглянув на кухню Дарьи Петровны, где она «как яростный палач» «острым узким ножом... отрубала беспомощным рябчикам головы и лапки», «с костей сдирала мясо»; «заслонка с громом отпрыгивала, обнаруживая страшный ад»; ее «лицо... горело мукой и страстью, все, кроме мертвого носа». После этого нельзя не понять, что кухня — Лубянка, а кухарка — железный Феликс.

Кстати сказать, мертвенный нос Дарьи-Дзержинского отнюдь не плод творческого воображения Булгакова. Роберт Пейн, автор книги о Ленине, описывая внешность Дзержинского, говорит о «бескровных крыльях носа».

Фамилия «Васнецова» дана Ольге Бокшанской в честь знаменитого художника В. М. Васнецова и его картины «Аленушка». Имя «Аленушка» перекликается с «Ольгой».

Большая квартира Преображенского на Пречистенке, в которую он не дает вселиться Швондеру-Каменеву, но в которой уже живут Шарик-Чугункин-Шариков-Сталин, Борменталь-Троцкий, Зина-Зиновьев и Дарья-Дзержинский, — это кремлевская резиденция Ленина, в которую он согласен допустить только довольствующихся малой толкой властью.

Чучело совы со стеклянными глазами, набитое красными тряпками, пахнущими нафталином — Крупская с выпученными от базедовой болезни серыми стеклянными глазами, набитая коммунистической идеологией.

Портрет профессора Мечникова, специалиста по долголетию, учителя Преображенского — портрет Маркса, учителя Ленина. Пес Шарик сорвал со стены и разбил портрет Мечникова, т. е. Сталин пренебрег учением Маркса. Но характерно, что и Преображенский не отдает распоря-

жения вновь застеклить портрет; Маркс больше не нужен Ленину.

Раз уж речь зашла о марксистских интересах персонажей «Собачьего сердца», то надо вспомнить о неожиданном для Шарикова, но естественном для Сталина интересе к переписке Энгельса с Каутским, в которой малограмотный марксист Сталин ничего не понял. Преображенский-Ленин велел сжечь переписку Каутского, которого Ленин в эти годы сильно ругал (Преображенский обзывает его чертом).

Шариков-Сталин называет Зину-Зиновьеву социал-прислужницей Преображенского-Ленина, а самого Преображенского-Ленина — меньшевиком. Шариков-Сталин намекает на тайный союз Преображенского-Ленина и Борменталь-Троцкого против него: Борменталь, «тайно не прописанный, проживает в его (Преображенского. — С. И.) квартире». Борменталь-Троцкий вспоминает о своей первой встрече с Преображенским-Лениным: явился к нему полуголодным студентом (Троцкий молодым человеком явился к эмигранту-Ленину на квартиру в Лондоне и тот отнесся к нему очень тепло).

Легко понять, в каком направлении надо искать «кто есть кто» среди пациентов профессора Преображенского. В молодящейся старухе нетрудно опознать Александру Михайловну Коллонтай (год рождения 1872). Она была первым наркомом государственного призрения, видной партийкой, дипломатом. Ее молодой любовник Мориц, изменяющий ей направо и налево, — знаменитый моряк Дыбенко, командарм из породы малограмотных Буденных и Ворошиловых (год рождения 1889).

Толстый и рослый человек в военной форме, сообщивший Преображенскому-Ленину о козях Шарикова-Сталина, — С. С. Каменев, полковник царской армии, в 1919-1924 годах — главнокомандующий вооруженными силами республики.

Домоуправ Швондер, яростный и язвительный противник Преображенского — это Л. Б. Каменев-Розенфельд, председатель Моссовета (отсюда — домоуправ). «Розенфельд» по-немецки значит «поле роз», а «шванд» — «склон холма». Булгаков одновременно намекает на семантическое сходство слов «поле» и «холм» и на политический уклон Каменева. Историкам известно, что Каменев долгое время поддерживал Сталина, но отношения между ним и Лениным выглядели нейтральными. Булгаков-историк открывает нам исключительное озлобление между двумя «партай-геноссе».

Двое из спутников Швондера легко опознаются. Блондин в папаче — П. К. Штернберг (год рождения 1865), видный большевик, член партии с 1905 года, профессор-астроном. Его любовница Вяземская — В. Н. Яковлева (год рождения 1884, 19 лет разницы), секретарь МК в то время, член партии с 1904 года и прочая. Они познакомились, когда Яковлева была студенткой, а Штернберг — профессором Московского университета. Она была очень красивая женщина, настоящая русская красавица. Такие красавицы изображались на вяземских пряниках, отсюда ее фамилия Вяземская.

При желании нетрудно выяснить и остальных двух визитеров Преображенского-Ленина: нужно взять периодику того времени и понаскать среди членов Московского комитета партии. Да и вообще обращение к периодике могло

бы помочь установить много подробностей: кто был кот с голубым бантом, с которым подрался Шариков-Сталин; кто — старуха в юбке горохом; кто — блоха, которую Шариков-Сталин изловил у себя под мышкой и т. д.

Все эти вопросы, т. е. выяснение подробностей и деталей, как они ни важны для историков, здесь мною не ставились. Основной задачей сейчас, по моему мнению, является сама постановка вопроса. Литературоведы и историки должны понять, что перед нами не просто художественное произведение Булгакова, но целый мемуарный сатирический цикл, в который не вошли разве только фельетоны. Основная задача сейчас — дать каждому тайнописному произведению Булгакова первичную расшифровку.

Рисунки АРТЕМИЯ ИГНАТЬЕВА.

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ! ТОЛЬКО В «СЛОВЕ»!

Учитывая огромный интерес к творчеству М. А. Булгакова, «Слово» отметит столетний юбилей писателя публикацией ранней полной редакции романа «Мастер и Маргарита», не подверженной ничьим вмешательствам, кроме самого автора, и потому существенно отличающейся от опубликованного текста. Авторская рукопись носила название «Великий канцлер (Консультант с копытом)». Мы печатаем ее полностью с № 4 по 7. Публикация и комментарии В. И. Лосева, известного исследователя рукописного наследия великого русского писателя.

И я, оглядев и осмотрев всех, увидел одну, ту, что прекраснее всех..., имя которой было София, значит Мудрость, и ее я выбрал.

Житие Константина-Кирилла, гл. III.

...Мы — народ софийный...

П. А. Флоренский. Из письма 1 авг. 1912 г., Сергиев Посад.

Мы — народ софийный

Русская энциклопедия — это портрет нынешней культуры России и её истории, ансамбля её наук — исторических, филологических, философских и богословских, её этнографии, литературы, всех её искусств, военного дела, экономики, включая сельское и лесное хозяйство, строительство, архитектуру и технические науки, географию, геологию, биологию, медицину, экологию, естественные науки — физику, химию, математику, педагогику, юриспруденцию.

Но Русская энциклопедия — это также рецепция (восприятие) русской культурой всего значительного, что есть в мировой культуре. Иначе и быть не может, отвечаем мы тем, кто хотел бы замкнуть русскую культуру, Русскую энциклопедию на себя и в себе, сектантски твердя, будто Русская энциклопедия — это «русские о русских»... А друзья русской культуры во всём мире — разве они не помогают строить здание русской культуры, разве они не откликнутся на дело Русской энциклопедии? И можем ли мы о них забывать? Но, кроме дружеской атмосферы, которая так нужна Русской энциклопедии, позволено вспомнить и о космизме русской культуры — её открытости миру, а тем самым — о её чуждости всяческому герметизму. Нам видится в этом сильная черта культуры, не случайная все более привлекающая к себе внимание людей мыслящих и непредвзятых. Как пример я назову здесь значительную научную сессию «Русский космизм и ноосфера», недавно прошедшую при Московском физико-техническом институте.

Раз уж мы заговорили как бы о параметрах русской культуры (и о них естественно говорить, предвзято деятельность в связи с Русской энциклопедией), то в их числе следует назвать, наряду с космизмом, и софийность, то есть всегдашнюю обращённость к бытийным вопросам и никогда не прекращающиеся поиски ответов на них. Это говорит не только о созерцательном и не всегда и не самом деятельном русском складе ума, но и о той неотъемлемой внутренней свободе, о которой не грех напомнить тем, кто повадился отказывать нам и нашей истории в свободе внешней.

Ну, и наконец — соборность русской культуры, её тоже надо назвать в этом ряду, поскольку она сделалась предметом интереса — здорового и в ещё большей степени нездорового. Я не берусь здесь исчерпывающе объяснить понятие соборности, безусловно весомое и сложное по при-

чине отнесённости и к русскому традиционному быту, и русскому складу ума, надеясь, что наши философы и филологи ещё прояснят нам её сущность. Одно можно утверждать определённо — это наличие здесь устойчивой антитезы выраженному индивидуализму и эгоизму.

Космизм, софийность, соборность... Я далёк от мысли утверждать, что ими исчерпывается дух русской культуры, ещё более того далёк от мысли зачислить эти черты в самые замечательные из всех вообще возможных. Просто чем больше я размышляю на эту тему (а, смею заверить, в своих размышлениях о духе русской культуры я опираюсь и на собственные научные поиски древнейших этнических и культурных судеб славянства), тем более адекватными русскому этнокультурному типу представляются мне именно эти параметры. Как бы то ни было, мы унаследовали их — со всеми плюсами и минусами, они всегда с нами, как бы ни камуфлировала их жизнь. И ясно, что речь идёт о крупной и самобытной культуре, в которой всегда можно почерпнуть и силу, и жизненную уверенность. Порой кажется, что это самое неизбежное, что у нас ещё осталось... Над всем прочим или почти над всем нависла девальвация.

Речь к тому, что Русская энциклопедия сейчас нужна как никогда. Русская энциклопедия — которой у нас нет и в сущности не было. В разное время за последние два года и в разных изданиях я высказывал свои соображения по этому поводу. У нас, у русских, это далеко не первый случай, когда мечтания «обгоняют действительность». Что сейчас можно ещё сказать, особо не повторяясь и как бы взнуздав свою мечту с целью приведения её в некоторое соответствие с действительностью, которая складывается, увы, тоже «по-нашенски»? Будет ли образован в составе новой Российской академии наук институт Русской энциклопедии — небольшое научное учреждение в поддержку этой большой общественной инициативы (ведь в Казанском филиале АН СССР существует сектор татарской энциклопедии...)? Будет ли преодолён нынешний режим наименьшего благоприятствования, раскол, разброд, безденежье?.. Наименьшее благоприятствование — это я о тех, кто питает, деликатно говоря, «очень личное» чувство к русской культуре, лелеет мысль о её «археологичности» и — чтоб при этом никаких русских энциклопедий. Больше я о недоброжелателях говорить не буду. Далее следуют «друзья», такие, с которыми, как говорится, враги не нужны. «Друзья» эти взломали все мои стереотипные представления о русском этнокультурном типе, сменили во всяком случае софийность на бешеную предприимчивость, скромный научно-общественный совет — на фешенебельный «центр», пока ещё осенённый лозунгом Русской энциклопедии, но уже, как говорится, подымая планку выше. — ни дать ни взять совместное предприятие, «джойнт венчер» (так, кажется, на огоньковском английском?). Перспективы? — «Мы просто обречены на успех»... «Будем делать деньги на сопутствующих изданиях»... «Заграница нам поможет, особенно один симпатичный миллионер»... «Русская энциклопедия? Да, да, хотя это уже не издание, это — движение...»... «И вообще, сперва сделаем энциклопедию для крымских татар, для всех народов Северного Кавказа, они почти готовы, провернем международную элитарную школу-лицей»... «и встречу в Сочи...» Все почти стенографически точно.

Вы верите этой галиматее, читатель? Я тоже не верю, но мне не до шуток. При подобной неустойчивости психики слишком большая деловитость опасна социально. Да и дефнит культуры никаким красноречием не прикрыть. Что ещё сказать о «друзьях» Русской энциклопедии? Встретив сопротивление нижеподписавшегося, краснобай ушли в свой «центр», предварительно дезорганизовав совет, но не забыли при этом прихватить финансовый счёт совета Русской энциклопедии, переведя его на свой «центр» (виноват, забыл, что он именуется «культурным» и теперь даже, кажется, «всесоюзным»). Это я к тому, читатель, чтобы вы знали, откуда там у них с тех пор высокооплачиваемые ставки. Так сказать, штришок к портрету. Не для того, конечно, народ слал свои рубли и жертвовали спонсоры, пове-

рившие в Русскую энциклопедию... Жаль всех, конечно, ибо на этом пути не обрящете вы Русскую энциклопедию. И концепции не дождёсь. Хотя субъекты эти пугают доверчивых, что они не ту ещё концепцию РЭ придумают, вот и словник (нет, хуже — рубрикатор) генеральный, один на всех, значит, спустят, но всё недосуг, «встреча в Сочи» поджигает.

Русская энциклопедия тут, естественно, ни при чём. Оставим криминальный (хотя не придуманный!) сюжет. Концепции энциклопедий не в «движениях» и на «встречах» вырабатываются, а по старинке, в тиши кабинетов. И хорошо — когда опыт сходный имеется и что-нибудь похожее на устойчивость-усидчивость. И не сверху, как в агропроме, всё это должно идти, а снизу, от специалистов, которые сами лучшим образом всё знают, особенно, если организовались в секции по специальностям. Генеральный словник? Он потом сложится — как объективнейшая сумма всех десятков специальных отраслевых словников, из реализации которых составится универсальная Русская энциклопедия. Впрочем, об этой своей концепции двухступенчатой модели словника будущей Русской энциклопедии я уже писал в широкой печати.

Где мы сейчас находимся? Действительность руками доморощенных и не очень чистоплотных бизнесменов отбросила нас назад. Это сбилось с толку часть энтузиастов и спонсоров, нанесло ущерб идее. Бизнесменам этим, видать, нечего терять, как нам когда-то рассказывали о пролетариях. Тем же, кто болеет за Русскую энциклопедию, а не о своем самоутверждении печётся, стоит серьёзно задуматься о невозвратно теряемом времени. Но не всё потеряно. Остались ещё энтузиасты, прибывают новые, надемся, что и у старых глаза откроются, что не о «встречах» и «школах-лицеях» они мечтали, а всё же о заглавной, так сказать, идее. По сему случаю предлагается из небедного арсенала старой русской культуры и общественной жизни взять для примера практику «малых дел». Не оставлять втуне усилия секций Русской энциклопедии, не останавливаться им в самом начале пути, больше того — максимально сократить путь от авторов (а их у Русской энциклопедии немало, и это подороже всякой валюты), организовать скорейший выход самых разных материалов на самые разные энциклопедические темы. Назовём эти статьи «пробными», ознаменовав тем их предварительный характер. Самое оперативное и осуществимое, что мы можем сделать уже сейчас для нашей великой задачи — это открыть рубрики «Русская энциклопедия — начало пути» в наших ведущих журналах. Такая рубрика с начала 1990-го ежемесячно функционирует в журнале «Народное образование», имеется договорённость с журналом «Художник». Пользуясь приятным долгом, чтобы адресовать слова благодарности журналу «Слово», также открывающему такую рубрику на своих страницах. А теперь слово — специалистам, им, как всегда, есть что сказать к нашему вящему духовному обогащению.

О. Н. ТРУБАЧЕВ,
член-корреспондент АН СССР,
председатель Совета
Русской энциклопедии

Н. Р. ГУСЕВА

Прародина языка

Наталья Романовна ГУСЕВА — крупнейший специалист по истории и культуре Индии, доктор исторических наук, лауреат Международной премии имени Дж. Неру, член СП СССР. Автор более 150 работ, среди которых «Инданизм» (М., 1977), «Художественные ремесла Индии» (М., 1982), «Многоголосая Индия» (М., 1987), «Раджастанцы» (М., 1988).

Фото НИКОЛАЯ КОЧЕВА

Начиная с XVIII века, лингвисты стали уделять большое внимание поискам самого древнего, исконного праязыка, который был зародышем, а затем и корнем, питающим все складывающиеся и развивающиеся языки мира.

В XIX веке разгорелись жаркие, не сползающие и в наши дни, споры по вопросу о самой возможности существования такого языка. Основным аргументом противников этой гипотезы являлось то, что останки прапредков человека были найдены (а, возможно, и еще будут найдены) на территориях, настолько отдаленных одна от другой, что ни о какой языковой общности или даже близости в ту эпоху говорить невозможно. А значит, у каждого зарождавшегося человеческого коллектива складывались свои разновидности речи, формы которой множились и развивались в процессе количественного разрастания и расселения каждой данной группы древнейших людей; общность или сходство отдельных слов могло появиться лишь в период начавшихся взаимных контактов этих групп.

Датировка таких контактов недостижима для науки, как и вообще еще не определено время появления человека — одни считают, что он жил на земле уже 2—3 млн. лет тому назад, а другие — что только 100 тысяч лет. В этом интервале ведутся поиски, которыми заняты палеоантропологи, исследующие костные останки, и археологи.

Но все же многие исследователи соглашались с тем, что существовало, видимо, несколько основных очагов зарождения человека, а значит и несколько исходных языков, к которым можно возвести все множество форм

речи, сплотившихся в процессе дальнейшей эволюционного развития.

Поиски прародины человечества, как и поиски праязыка или языков, ведутся учеными свыше двух столетий, и все время расширяется вовлекаемый в это круг специалистов, посвятивших себя самым разным наукам, на первый взгляд далеким от лингвистики, — геофизике, климатологии, астрономии, палеогеологии, палеоботанике, медицине и т. д.

Попытки найти прародину приводили исследователей в разные области земного шара. Мысль о том, что прародина человечества могла находиться, например, в Заполярье, тоже зарождалась в умах ученых и находила свое отражение во многих их трудах уже в XIX веке. Заметное воздействие на подход к этой проблеме оказала книга американского историка В. Уоррена «Найденный рай, или колыбель человечества на Северном полюсе», выдержавшая десять переизданий (последнее — в Бостоне в 1893 г.). В дальнейшем чаша весов склонилась в сторону преобладания гипотезы о более южной зоне сложения человечества, а именно — в северных областях Германии или в Скандинавии.

Во всех этих поисках привлекает внимание тот факт, что более узкая цель исследователей на Западе свелась во многом к попыткам выявить прародину не столько человечества вообще, сколько индоевропейцев, то есть народов, языки которых наука объединяет в обширную индоевропейскую семью. Постепенно утвердилось мнение, широко принятое и у нас, что местом сложения индоевропейской общности была Юго-Восточная Европа к северу от Черного моря, Кавказа и Каспия, то есть южные области нашей страны.

Само слово «индоевропейцы» появилось в результате выявления целых пластов сходных элементов языков и мировоззренческих представлений, свойственных европейцам и индианцам (то есть предкам индийцев и иранцев), которые известны в науке как арии, или арии, в широкой литературе часто именуемые арийцами (их языки тоже относятся к индоевропейской семье).

Лингвисты обнаружили близость грамматического строя всех индоевропейских языков, сходство, а иногда и прямые совпадения целого ряда слов и общность путей словообразования от однородных корней. Сравнение же верований, обычаев и фольклора — особенно в их наиболее древних слоях — заставляло исследователей уделять все более пристальное внимание взаимной близости культур индоевропейских народов и искать пути к объединению всех этих фактов. В XIX—XX веках многие европейские ученые стали пристально заниматься вопросом происхождения так называемой арийской расы, которая, по одной версии, признавалась коллективным предком всех индоевропейских народов, а по другой — лишь кельтов и германцев.

Сначала искали их родину в Центральной Азии и даже в Гималаях, что уже является абсурдом с точки зрения любой отрасли науки. Вместе с тем, ряд сторонников предположения о ближайшей связи «арийской расы» (откуда бы она ни произошла) германцами вышел в своих поисках далеко за рамки научных исследований, что и

привело в XX веке к утверждению об «арийстве» немцев и «неарийстве» других народов.

Колонизация Англией Индии открыла европейским ученым в конце XVIII и в XIX вв. доступ к ознакомлению с языками и культурой этой страны. Это привело к изучению древнеиндийских текстов и к интенсивному росту поисков в области сопоставления широкой шкалы ценностей духовной и материальной культуры всех народов. Исследователей привлекало изучение памятников древнеиндийской литературы, являющихся истинными сокровищами знаний. В их ряду первое место занимают Веда — четыре сборника гимнов и ритуальных правил и предписаний. Веда неоднородны и по характеру текстов и по их содержанию и значимости. Главной считается Ригведа — сборник гимнов, в которых воспеваются боги, воспеваются процесс жертвоприношений и его результаты, воспеваются роль жрецов — брахманов.

Ученые датируют окончательное оформление Ригведы третьей четвертью II тысячелетия до н. э. и усматривают место ее оформления в области северо-запада Южно-азиатского субконтинента (то есть в северной части современного Пакистана и в северо-западных районах современной Индии).

Итак, здесь Ригведа оформилась и окончательно сложилась. А где же она складывалась? Вот это до сих пор остается загадкой для всех. В самой Ригведе, как и в комментариях к ней и в других древних текстах, встречаются упоминания о многих странах, через которые прошли древние арии, авторы ее гимнов, но какие это были страны и где лежали упоминаемые земли — неизвестно. Да и длительность всего периода сложения гимнов тоже пока никто не уточнил. Сколько он длился — триста, пятьсот или тысячу лет? Или пять тысяч лет? Точного ответа не существует.

Ученые определили только язык памятника, назвав его ведическим, или ведическим языком или ведическим санскритом. Он был профессиональным языком жрецов, языком их молитв и заклинаний, и являл собой своеобразный комплекс зафиксированных метрических и спондерических форм, не подлежавших изменениям. (Кстати, язык Вед и в наши дни в Индии сохраняется в своих древних формах — в этом смысле он аналогичен, например, церковнославянскому, который тоже не подвержен изменениям при проведении церковных служб.)

И тут встает перед нами новый вопрос — а когда же был так твердо зафиксирован в своем развитии язык Вед? Язык народа в повседневной его жизни меняется из века в век, а в некоторых своих частях даже из года в год. И опять же, почему разные гимны Ригведы неоднородны? Видимо, потому, что в их основе некогда лежали разрозненные формы языков — или диалектов? — нескольких племен.

Ясно только одно — на основе древних диалектов, принесенных на субконтинент ариями, сложились впоследствии ряд языков, формировавшихся по тем законам исторического развития, которые свойственны всем языкам мира. И в дальнейшем этот процесс привел к сложению среднеиндийских языков, или прапритов, известных уже

по памятникам литературы I тыс. до н. э., а след за ними (в I тыс. н. э.) — и южноиндийских языков, на которых, в современной их форме, говорят в Индии многие миллионы людей.

Язык же Вед, повторыем, сохраняется в абсолютной неприкосновенности в течение почти четырех тысячелетий в семье Индии. А что было с ним до этого?

Всплывая за учеными Запада широкую работу начали и русские востоковеды, хотя, к сожалению, изучение Индии во многих аспектах развернулось в Советском Союзе только к середине XX в. Могучим стимулом активизации этого процесса послужило освобождение Индии в 1947 г. от колониального рабства. В самой Индии издревле существует высокоразвитая наука. А точнее — много наук: математика, астрономия, поэтика, медицина, наука о театре, танце, архитектуре и т. д., и т. п. В том числе и наука о словах, о строении слов и их сочетаниях, об их явных и скрытых значениях, морфологической структуре, то есть широкая и совершенная наука о языке. И в частности, о санскрите (это слово значит «отделанный, отточенный, усовершенствованный») во всех его формах — ведической (или ведической), эпической и классической. Этим трем формам санскрита посвящено великое множество исследований, написанных европейскими, и индийскими учеными.

Большинство исследователей считает, что три указанных формы санскрита следует считать исторически последовательными, равно как и отраженные в древних памятниках этапы развития общества. Но есть и те, кто в этом сомневается, потому что такое произведение древнеиндийского эпоса, как, например, всемирно известная поэма «Махабхарата», хранит в себе ряд указаний на старину, более глубокую, чем та, которая отражена в Ригведе. И это тоже предстает перед специалистами как вопрос, на который пока еще нет определенного ответа.

Длинный ряд разительных сходжений индоарийских и европейских языков заставлял ученых отдавать предпочтение то одной, то другой группе из числа последних, сближая их с санскритом. Одно время даже считали его праматерью всех индоевропейских языков, но постепенно почти все отказались от мысли о языке-предке. Зато подсчет сходжений выявил неожиданную для многих картину: выяснилось, что наибольшее их количество приходится на славянские языки и в основном не восточно-славянские, то есть русский, украинский и белорусский, а затем — на литовский.

Призвано, что общеславянская осн — сложилась, по одним утверждениям, во II тыс. до н. э., а по другим — гораздо раньше (так, венгерский ученый Харматта относит ее к V тыс. до н. э.). Это произошло в процессе постепенного распада индоевропейской общности, сформировавшейся в VI—IV тыс. до н. э. на территории Юго-Восточной Европы. Племена древних славян долго жили в тесном единстве с балтийскими народами, а затем определились как отдельная культурно-языковая группа.

В процессе разделения индоевропейских народов стали уходить и их восточные ветви — племена ариев. Вероятным временем их отделения

признается II тыс. до н. э., то есть их тесное соседство (если не родство) со славянами длилось гораздо дольше, чем их контакты и культурная близость с другими племенами обширной индоевропейской общности, отходившими от нее на запад уже в V—IV тыс. до н. э., а частично и раньше. Непосредственные связи ариев со славянами при отходе на восток и юго-восток арийских племен нарушились, но не разрушились. И не разрушились потому, что оставались на прежних землях скифы — прямые потомки ариев. Скифы были в I тыс. до н. э. столь близки славянам, что древнегреческие историки и географы не различали их (вспомним А. Блока: «Да, скифы мы...»).

Массы ариев, или индоариев, разделились по мере отхода к югу и востоку на две главные группы: обособились иранские языки, а другие легли в основу индоарийских. У той и другой группы народов — носителей этих языков — возникли свои связи с другими языковыми группами, но все это только часть проблемы. С каждым годом нарастает интерес к гораздо более ранней эпохе и к вопросу — а откуда же вообще пришли на земли Восточной Европы предки индоевропейских народов?

Исследователи определили и территорию формирования, и факт длительного существования (принято считать, что не менее 4 тысяч лет) на ней индоевропейской общности. В 1970-80-х гг. многие ученые начинают уверенно приходить к мысли о более широкой, чем предполагалось раньше, области расселения восточной ветви этой общности. Древним индоариям приписывается создание археологической культуры, вошедшей в науку под названием андроновской. Ряд памятников этой культуры обнаружен по обе стороны Уральского хребта, и большой интерес вызывает то, что их обнаруживают на территории Восточной Европы далеко к западу от Урала.

Упоминается ли изначальная исходная земля ариев в Ригведе, в другой ведической литературе и в Авесте? Ведь память о ней должна была отразиться в Ведах, в великих книгах знания, а также в эпосе. (Здесь, кстати, хочется напомнить читателю, что в славянских языках корень «вед» тоже породил много слов, связанных со значением «ведать (знать)». Можно, например, вспомнить, как говорится, для интереса, что в белорусском обществе «Знание» так и именуется в наши дни «Веда», уже не говоря о близости к санскритскому «вид-вед» наших слов «видеть-ведать», восходящих к той эпохе, когда познание мира определялось в первую очередь видением его, «ведун», «ведовство», «сведение» и ряд других.)

Что же отражено в Ригведе? Какие реалии прародины индоевропейцев и в том числе ариев? И отражены ли они там? Можно ли выявить воспоминания именно об этой далекой прародине в ряду смутных описаний тех стран, через которые лежал путь ариев в страну Индии? И остались ли в этих странах хоть какие-нибудь следы ариев?

Да, в известной мере можно. И не только в древнеиндийской литературе, но и в коллективной памяти других индоевропейских народов и прежде всего славян. Например, мы знаем, благодаря трудам наших лингвистов, что многие реки и местности нашей страны

сохраняют арийские названия, что на Таманском полуострове жил некогда народ, носивший название «синды» («синд — Инд — хинд — Хиндустан — Индия» — это единый лексический круг). И там, и в Крыму, и на Украине, да и по всей Руси, включая приполярные области, осталось много географических названий, связанных с арийско-славянской древностью: множество данных об этом содержат, например, исследования ведущего советского лингвиста О. Н. Трубачева (и в частности, его книга «Названия рек Правобережной Украины», М., 1968).

Но все, что здесь сказано, связывается с пребыванием ариев в Юго-Восточной Европе и в начале их пути мимо Северного Кавказа и Южного Урала, то есть с догм, но сравнительно поздним периодом, окончившимся для подавляющего их большинства во II тыс. до н. э.

А раньше-то где они были? Возвращаясь к полярной гипотезе, скажем, что уже в XIX в. она обрела много сторонников. Не углубляясь здесь в ход научных дискуссий, в которых участвовали и участвуют многие специалисты из разных стран, задержим наше внимание на одном из трудов, который сразу же после опубликования привлек к себе интерес специалистов всего мира.

Это книга известного индийского ученого, знатока санскрита во всех его формах, Б. Г. Тилака (1856—1920). Он был не только историком, но и революционером, демократом, известным общественным деятелем, непримиримым борцом за независимость Индии. Его преследовали колониальные власти, но и в тюрьме, подобно Джавахарлалу Неру, он занимался древней историей родного народа и исследованием текстов Вед.

Книга Тилака, которая была впервые опубликована в 1903 г., а затем неоднократно переиздавалась, называется «Арктическая родина в Ведах». С этим трудом знаком каждый серьезный исследователь.

Не исключено, что толчком к его написанию послужила упомянутая выше работа американского ученого В. Уоррена (Тилак завершил свой труд в 1898 г., через пять лет после десятого переиздания книги Уоррена), в котором и ряд попыток других специалистов проследить в Ведах и Авесте намеки или прямые указания на близкое знакомство древнего человека с природой Заполярья, а главное с движением светила в крайне северных областях Земли.

Но тут нужно сказать, что никто из западных исследователей не освоил в таком объеме древнюю литературу Индии, как индийские ее знатоки, каждый из которых, помимо глубокого знания санскрита, был с самых ранних лет своей жизни знаком не только с текстами, но и с путями толкования и расшифровки ведических и эпических памятников и астрономических к ним комментариев. А в астрономической науке этой страны законсервированы древнейшие астрономические наблюдения, отраженные во многих старых трактатах (но, к сожалению, до сих пор не изученные на Западе). Эти трактаты в значительной мере основаны на астрономических данных, вошедших в ведическую литературу. Или, точнее, не столько вошедших,

сколько сохранившихся в ий как «предания старины глубокой». Далекому своему прошлому обязаны индийцы тем высоким уровнем развития астрономии, которое отражено в памятниках их науки, созданных в I тыс. до н. э. Опираясь на широкий спектр данных древнеиндийской литературы, Тилак осветил в своей книге ряд описаний, содержащихся в Ведах и эпосе и долгое время не поддававшихся исторически обоснованной расшифровке.

Оставим здесь в стороне, за отсутствием места, возможность подробного сопоставления данных этой литературы о странах доиндийских кочевий ариев с открытиями советских археологов, проследивших исторический последовательный путь этих кочевий от Днепра и Волги до северо-западных границ Южно-азиатского субконтинента и Ирана. Привлекаются данные не только археологии, но и лингвистики, этнографии, антропологии, палеозоологии, палеоботаники и т. д. Основным вкратце лишь на обязательных для этого краткого обзора сведениях о сходстве, например, народных орнаментов.

Хорошо изученная культура жителей Триполья, которые были земледельцами и скотоводами, широко отразилась в орнаментах. Так, прослеживается поразительно, порой точное до мельчайших деталей, сходство украшений предметов быта и хозяйства славянских народов и ариев (чье искусство вплоть до наших дней во многом сохраняется в Индии без изменений). Сделав небольшое отступление, скажем лишь, что нельзя обойти вниманием совпадение мотивов, например, северных русских орнаментов с индийскими. В них встречаются древнейшие кодовые знаки, прослеживаемые и в культуре Триполья, и в андроновской культуре, такие, к примеру, как свастика (до нашего времени сохраняются в Вологодской или Архангельской областях свастики в старых вышивках, на разных ритуальных предметах, на воротах дворов и т. д.), ромбик и квадратик с точками внутри — обозначение засеянного поля, фигуры женщин в широких юбках с поднятыми вверх руками, согнутыми в локтях, и многое другое, что впервые комплексно опубликовано в 1984 г. С. Жарниковой на страницах издающегося в Москве «Информационного бюллетеня Международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии» (в № 6).

Итак, север, приполярный север. С ним связаны и открытия Тилака. Когда же он был заселен людьми? Людями вообще, и суда по Ведам и эпосу Индии, предками ариев, в частности, — когда? Когда там зародились древнейшие представления о мире, о космосе, и как эти представления отразились в словах? И. Бунин в стихотворении «Словом» сказал: «Молчит гробница, мумии и кости, — лишь слову жизнь дана». Да, при отсутствии письменности — лишь слову. Устному слову. Слову с большой буквы.

Так, в древнеиндийском слове сохранено то, что и попытался расшифровать Тилак. Приводимый им анализ древней литературы, говорящей об истоках ариев из Заполярных областей, глубоко заинтересовал многих ведущих ученых, которые начали дополнять его мысли рядом новых доказательств и подтверждений или просто

пропагандировать их. Целям такой пропаганды служили как пересказы основных положений Тилака, так и споры с ним, которые тоже привлекали к нему внимание научной общественности.

Из числа опубликованных в нашей стране работ ряда исследователей, глубоко и честно полемизировавших или соглашавшихся с ним, остановимся лишь на двух. Раньше всех откликнулся на труд Тилака русский ученый Е. Елачич, написавший книгу «Крайний север как родина человечества» (СПб., 1910).

Через много лет появилась книга «От Скифии до Индии» (авторы: Г. Бонгард-Левин и Э. Грантовский, М., 1977, 1983), в которой вкратце тоже излагались взгляды Тилака и приводится общая сводка ряда научных теорий и гипотез о происхождении индоевропейцев и «ариев». Хотя авторы книги «От Скифии до Индии» считают совершенно ясным, «что сейчас речь не может идти о полярных районах, все новейшие данные науки сводятся к тому, что именно о них может и должна идти речь. В своей же книге сами эти авторы ссылаются и на ряд средневековых ученых Востока, которые тоже анализировали данные древнеиндийской литературы, проявляя к ним и интерес и доверие, и, совершенно очевидно, четко понимая, что такое множество полярных реалий во всем комплексе их совпадений нельзя отнести к выдумкам или сказочным представлениям. Да и мы все теперь точно знаем, что придумывались в большей своей части только так называемые авторские литературные сказки, тогда как все образы народных сказок имеют глубокие исторические корни, уходящие в толщу тысячелетий.

В глубинных течениях Ригведы и Авесты, равно как и в вошедших в эпос легендах, мифах и преданиях несомненно хранится память о событиях и явлениях, имевших место задолго до того, как эти памятники оформились в определенные литературные своды, а позднее были запечатлены и в письменности.

Что же привлекло в них внимание Тилака? Что легло в основу разрабатанного им полярного комплекса?

Данные ряда современных наук подтверждают наличие в X—VIII тысячелетиях до н. э. в приполярных областях всех природных условий, необходимых для развития хозяйства и культуры людей, а значит и их умения считаться с цикличностью тех или иных явлений природы и, соответственно, фиксировать свои наблюдения в знаке, в символе, в слове. И если знаки и символы, являвшиеся кодами, шифрами накапливаемых знаний, могли быть нанесены на материальные предметы, что обеспечило их бессмертие — археологи вплоть до наших дней работают по разысканию и расшифровке знаков на скалах, бивнях мамонтов, камнях, глиняных изделиях, и т. п., датируемых древним и новым каменным веком, — то слово ведь было нематериальным. Помните, как сказал поэт Н. Гумилев: «Если, точно розовое пламя, Слово проплывало в вышине?» Это «розовое пламя», наиболее полно и понятно обеспечивающее взаимопонимание между людьми и дающее возможность наиболее доходчивым путем передавать от поколения к поколению

эстафету накапливаемых знаний и опыта, могло быть фиксируемо только в памяти.

Единственно доступным в течение веков, — да что там веков, тысячелетий — был нематериальный путь передачи Слова от старшего младшему, из уст в уста. И сложившаяся в глубочайшей древности прослойка жрецов (как их ни назови — мудрецов, учителей, шаманов, провидцев) была прежде всего хранительницей Слова, соблюдавшая строжайший запрет на внесение в него каких-либо изменений. Дополнять устные тексты было можно, но изменять то, что подтверждено опытом, практикой, а часто и ценою многих глупых жертв, — нельзя. Вот, повторяем, так и дошли до нас сквозь десять тысячелетий полярные реалии, выявленные Тилаком.

К числу памятников древнеиндийской религиозной (а точнее — религиозно-философской, религиозно-исторической, религиозно-описательной) литературы относятся не только Веды, но и трактаты о праве и науках. Одно из важнейших мест в них занимает, например, книга «Законы Ману» (М., 1960), в которой находим такие слова: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные... У богов день и ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу» (гл. 1). Солнце, уходящее к югу на полгода, могло означать только полярную ночь, равно как и уходящее к северу — только незакатный полярный день. (Кстати, здесь же говорится, что именем жреца-брахмана должно быть слово, — да, жрецы были хранителями Слова, донесшими его до нас с вами.)

В Ригведе (кн. I, гимн 113) привлекло внимание Тилака и описание того, как богиня Ушас грустит с наступлением долгих сумерек, связанных с уходом солнца во мрак, и радуется сумеркам рассвета, знаменующим скорое появление светила на небе. По-разному переводят этот гимн (как и все другие) разные комментаторы вед, но Тилак руководствуется не только лингвистическим анализом материала, но и закреплённым в памяти сотен предшествующих поколений восприятием внутреннего его смысла, что чрезвычайно ценно при анализе любых памятников национальной культуры (напомним, что ученые всех стран сейчас много лишут о гений памяти и даже о «памяти клетки»).

К героическому богу Индре обращена очень выразительная мольба: «О Индра, я хотел бы достигнуть надежно света, да не погубит нас долгий мрак!» — которую пытались трактовать и метафизически, но не следует забывать о древности гимнов и об их повсеместно конкретном, «приземленном» содержании.

В ведической и эпической литературе постоянно встречается сюжет о том, что демон (или демоны) надолго заглатывает солнце, и бог Индра ведет с ним (с ними) тяжкие бои, освобождая светило. Этого бога исследователи относят к числу древнейших персонажей Ригведы, о чем важно здесь упомянуть. Он ведет борьбу с черными демонами, заключающими союз с какими-то существами черного цвета и ненавидящими свет. Помимо солнца они пленяют и воды, делая их неподвижными, как ка-

мень, и Индра возвращает к жизни также и воды, после чего реки устремляются в море.

В Ригведе воспевадается этот акт и говорится, что Индра, убив Демона дубиной (здесь следует обратить внимание также и на древнейший тип оружия), «породил солнце, небо и утреннюю зарю», освободил воды, которые «стояли скованные», «нашел спрятанный в тайне клад неба... замурованный в скале, в бесконечной скале» и «похоронил черную кожу».

Ясно, что сюжеты, подобные описанному, могли быть порождены в мифотворчестве только полярными реалиями. В пересказах, создававшихся позднее на юге, эти демоны уже именуются всего лишь тучами, закрывающими солнце, или «небесными» змеями — драконами, поглощающими его на время затмения, а освобождение вод вообще никак не поясняется.

Типа совершенно правильно подчеркивает, что в ведической литературе трудно увидеть лежащие на поверхности описания, говорящие об арктической родине ариев, но в глубине многих гимнов можно отыскать скрытые намеки и упоминания, свидетельствующие о несомненности этого исторического факта.

В Авесте тоже есть воспоминания о том, что родина ариев была некогда светлой прекрасной страной, но злой демон наслал на нее холод и снег, которые поражали ее ежегодно на 10 месяцев, солнце восходило лишь один раз, и сам год превратился в одну ночь и один день. По совету богов люди ушли оттуда навсегда.

Говоря об арктической теории, необходимо остановиться и на поражающем воображение сказании о том, что есть среди молочного (белого? покрытого льдом?) океана недоступная для людей гора Меру, отражающая вершиной блеск солнца; на ней пребывают боги, а вокруг нее ходят по небу все светила. Там боги света спорили с небогами, покровителями мрака, и решили провести пахтанье молочного океана, чтобы добыть в этом процессе напиток силы и бессмертия, амриту (сому). После описаний пахтанья и борьбы двух сил говорится, что амрита досталась богам, и именно этот напиток помог Индре одолеть змея тьмы.

Гору эту ученые искали во всему свету, и многие приходили к выводу, что окруженная белым океаном и недоступная для людей область могла быть только точкой Северного полюса, где фантазия человека воздвигла гору как единственно подходящее великим богам прибежище, а уже ее дальнейшее описание небесных явлений точно соответствуют арктическим районам. Им же соответствуют и картины северных сияний, поясняемые как видимая людям упомянутая борьба богов с демонами, когда «всюду с неба лились потоки крови, падали золотые сетки украшений, огненно сверкало разнообразное оружие, небо покрывали громадные стрелы с острыми из золота, и все это после победы богов уходило в океан. Эти описания в самых разных по объему и красочности вариантах содержатся во многих памятниках литературы древней Индии.

Возвращаясь к Тилаку, обратим внимание на то, что он искал в ведической литературе (в том числе в V и VI книгах Ригведы) и указание на наличие де-

Созданная в 1988 г. на Шестой декабрьской встрече ученых и деятелей культуры Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН) способствует возрождению анализа проблем генезиса нации, ее истории, этнонимии, культуры, особенностей национального самосознания и психологии. Об этом свидетельствуют материалы нового сборника статей. Работа подготовлена с использованием материалов двух научно-теоретических конференций — Шестой и Седьмой декабрьских встреч. С докладами выступили известные ученые и деятели культуры из Москвы, Ленинграда, Новгорода, Куйбышева и других городов.

Авторы обращаются ко всем, кому дорого прошлое, настоящее и будущее России. Цель писателей и ученых — возрождение России. «Самые тревожные мысли приходят в голову на нынешней трагической развилке нашей истории. Нам предстоит необытный труд по возвращению к жизни пошатнувшегося Отечества. Никакие предварительные сметы, планы, расчеты не могут охватить объем ожидающей нас деятельности: вернуть в урожайное состояние запущенные, зарастающие кустарником и сорняком, отравленные химией, все еще бездорожные, уже безлесные, зачастую даже безлюдные целые районы нашего некогда былинного Севера, ввиду бесперспективности именуемого ныне просто Нечерноземья». С этими словами обращается к читателю петриарх русской литературы Леонид Леонов. Его приветствие к участникам декабрьской встречи 1989 г. помещено в книге. В ней опубликованы статьи Д. М. Балашова, И. Р. Шафаревича, Г. И. Литвиновой, Э. Ф. Володина, А. В. Гулыги, М. Ф. Антонова, Е. С. Троицкого, Г. И. Куницына, А. А. Салтыкова, В. Г. Брюсовой, А. А. Павленко, С. И. Жданова и других.

В одном из разделов сборника содержатся документы декабрьских встреч: обращения «К интеллигенции других народов СССР» и «Возродим колыбель нации», резолюция «О демографической ситуации в России».

В духе восстановления животворной связи времен, глобального единства русской культуры, философии осуществляется публикация в заключительном разделе работ Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева, П. А. Сорокина, В. В. Розанова, Г. П. Федотова, Н. В. Устрялова. Некоторые из них — подлинные провозвестники Русской идеи, переживающей сейчас ренессанс. Теме «Русская идея и современность» была посвящена декабрьская встреча 1990 г.

Желающие приобрести сборник могут обратиться в Редакционно-издательский отдел Философского общества СССР по адресу: Москва, Смоленский бульвар, д. 20, тел. 201-55-04.

Ю. ЮШКИН

РУССКАЯ НАЦИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА. Отв. редактор Е. С. Троицкий. — М., Философское общество СССР, 1990.

Не для печати

Название этой книги не совсем обычное — «После коммунизма». В предисловии рассказывается о своеобразной и даже загадочной судьбе ее автора С. Платонова, который писал свои работы еще в «доперестроечные» времена. Последние его материалы датируются серединой восьмидесятых годов.

При чтении этой книги вспоминается одна и та же заученная еще со школьной скамьи фраза — «марксизм не догма, а руководство к действию». А в самом деле — догма или руководство к действию? Сегодня этот вопрос стоит не в теории — в жизни. На протяжении десятилетий в нас вдалбливали марксизм. За правильные ответы, за вызванные определения, за признание «единственности» и «верности» этого учения давали должности, звания и прочие материальные блага. Но было ли это марксизмом? Ведь учение, которое действительно верно, не нуждается в полуслащавом натаскивании молодых и не очень молодых своих адептов. Верность учения доказывается его жизненностью, признанием свободы других учений, способностью в открытом идейном поединке утвердить истинность своих положений. Был ли таким тот «марксизм», к которому все мы привыкли?

Читатель не найдет в этой книге того, что он привык извлекать из многочисленных и однообразных учебников «по марксизму». Нет, С. Платонов стремится к совершенно оригинальному, хотя в то же время марксистскому осмыслению таких явлений, как «капитализм», «социализм», «коммунизм».

А что же тогда предлагает С. Платонов? Он предлагает думать. Думать самостоятельно, искать ответы на стоящие перед нами вопросы не в цитатах, а в жизни.

П. СЕРГЕЕВ

Платонов С. ПОСЛЕ КОММУНИЗМА. Книга, не предназначенная для печати. — М., Мол. гвардия, 1990.

Свершилось!

Рухнул еще один форпост насильственного партийного атеизма — Соповецкий архипелаг целиком передается Церкви.

Будем надеяться: отныне и уже НА ВЕКА!

Долго, мучительно, сострадательно и не без теплящейся надежды ждали мы этого дня. Ждали, когда седой каменный град в Беломорье, пройдя через все разбойничьи разрушения и попрания, через фашизм глупых, промозглых большевистских казематов, через бездушную атеистическую болтовню о восстановлении народной святыни, вернется в руки истинных творцов его благополучия, процветания и нравственного здоровья.

Далеко до главного праздника, когда вновь все купола беломорских Соповков взметнутся вверх, к бездонному небу, когда красота ухоженной земли вновь отразится в непомутненной небесной голубизне... Но будем радеть, будем помогать, чтоб это свершилось, как когда-то до варварского времени шли сюда каждое лето тысячи трудников, чтоб вместе с чернецами Соловецкой обители поддерживать и взращивать чудотворно-божественную красоту земли, напоенную животворящим духом, усаждающим душу каждого неустомимого доброты.

Пять с попоиной веков русские православные люди, от основателей и покровителей Соповецкой обители преподобных Зосимы и Савватия, от святейшего неустомимого преобразователя обители, игумена ее, потом митрополита Московского, святителя Филиппа, трудившись на этих островах, находя единство в красоте Неба и Земли, проникаясь неразрывностью нравственных заповедей Иисуса Христа — сына Божьего и православных Святых. В неустанных трудах и святости помыслов находили они душевное утешение и радость жизни. Как вернуть этот великий смысл человеческого жития, насильственно и кровожадно вырванный у нас!!

Будем жить верой, что, наконец-то, по Божескому провидению, вновь ступив на обетованную землю, Архангельский епископат найдет приложение благотворительным силам каждого из нас, каждого доброго путника, который выберет дорогу в Соповецкую обитель, вновь обретшую свои истинные права на службу русскому православному народу и всем добросердечным мирянам.

Душеуказующий почин! Вот бы нам так и во всех других депках настойчиво и последовательно, неотступно и созидательно творить свое настоящее, возмещающая прошлое ради будущего. То-то бы поднялась богатырская силушка, разве что по плечу самому Илье Муромцу да народу нашему непокорному и непокоренному...

АРСЕНИЙ ЛАРИОНОВ

По воле народа

ЕПИСКОП
АРХАНГЕЛЬСКИЙ И
МУРМАНСКИЙ
ПАНТЕЛЕИМОН
РАССКАЗЫВАЕТ

— Владыка, когда Православная Церковь поставила вопрос о возвращении Соловков?

— В прошлом году этот вопрос был поднят на Поместном соборе всей Православной Церковью, и все епископы поддержали, чтобы власти полностью передали Соловки нам, то есть весь архипелаг.

— Сегодня, приняв лишь часть Соловецкого Кремля — а это этажи у Северной стены, Филипповская церковь, один этаж наместнического корпуса; в поселке Иоанно-Предтеченская часовня, Филипповский келейный корпус, постройки на острове Большая Муксалма — вы пошли на компромисс?

— Здесь компромисса никакого нет. Весной была комиссия Верховного Совета, и там была выработана договоренность о поэтапной передаче. Но я до сего времени считаю, что рентабельней было бы передать сразу весь Кремль Церкви. Надо параллельно производить работы по реставрации и создавать жилье. А когда отдельно, участками?! Кран подгонишь, материал некуда сгрузить. И все это превращается в долгострой.

— Предполагается ли при поэтапной передаче Соловков возвращение на архипелаг монастырской братии?

— Да. В первую очередь, чтобы монастырь сразу же осуществлял свою духовную миссию, которая длилась на островах пять столетий. И при поэтапной передаче мы обращаем внимание на то, чтобы создать нормальные жилищные и бытовые условия для жизни и деятельности монахов. Без человеческого отношения не возродить божий дом. Необходимо также отметить: монастырь должен быть ставропигиальным (т. е. подчиняющимся непосредственно патриархии, а не местной епархии — В. Л.), в первые 5 лет с монашествовавшей братией до 150 человек.

— Кто же первые жители монастыря?

— Обыкновенные люди: некоторые из Оптиной пустыни, из других монастырей, желающие поступить в монастырь, посвятить себя иноческой жизни, — те, кто поехал жить и трудиться. По доброй воле.

— Насельников так просто пустили на Соловки?

— До сих пор действуют застойно-бюрократические инструкции. Поэтому оформляли пропуска в погранзону. Эти порядки нужно решительно ломать.

Первый возрождаемый в Мурманской и Архангельской епархии монастырь — большое событие, но его нужно дополнить более радикальными действиями — вернуть святыне мощи Зосимы и Савватия, покровителей нашего Севера. Вот тогда бы это событие прозвучало на весь мир. Святыне мощи находятся в Ленинграде. Святейший патриарх Алексей обещал, что они будут в монастыре, как только он отойдет к церкви. Но ведь нужно их куда-то поместить, отреставрировать какой-то храм. Это по крайней мере год. Конечно, можно было бы поместить в надвратный Благовещенский храм. Святейший патриарх, наверное, сам бы приехал. Но решение о передаче было очень поздно — к осени. Даи Бог, чтобы насельникам подготовиться к зиме.

Передали нам пока второй и третий этажи Северного дворика. А первый этаж занимает магазин. Сейчас полный доступ наверх всем, кому захочется. Конечно, нужно переносить отсюда магазин, чтобы была возможность хотя бы закрыть двери от лихих людей. Ведь не успели ступить ногою в монастырь, как начались безобразия. Игумен Герман уехал с Соловков в Архангельск за братией, как тут же подожгли его келью. Этот факт говорит и о морально-нравственном уровне населения. Таким ли лихим нравам быть на острове. Как же советская власть охраняет порядок?

Передача остальных сооружений — это вопрос времени. Жду актов, которые зафиксируют передачу.

— А есть ли сегодня у Церкви столько монахов и послушников, чтобы им было под силу возродить Соловки?

— Сразу невозможно и поселить столько монахов, сколько жило их на островах до исхода. Везде: и в Свято-Даниловом монастыре, и в Оптиной пустыни, и на Ва-

лааме — начинало пять-десять человек. Организации, которые там располагаются, сразу не могут освободить все помещения.

— Владыка, часть населения Большого Соловецкого острова не хочет, чтобы сюда вернулись представители Церкви. Как вы относитесь к их позиции?

— Я считаю, что если Церковь там будет, то для жителей будет создан более высокий социальный уровень жизни, постоянный и спокойный.

— А почему у вас такая уверенность?

— Я считаю, что мы полностью удовлетворим все их запросы. Мы восстановим все промыслы, весь уклад жизни, сельскохозяйственное производство, прибрежный лов, строительство, в общем все, что позволит островитянам нормально жить и работать. И все это будет вполне рентабельным. Посудите сами. На Соловках при монастыре жили не только монахи, но и более тысячи жителей. Это и трудники, и паломники, и воины. Поэтому абсурдно ставить вопрос, что жителей и женщин выселят. Тем более, заявлять это от лица Церкви.

— Но ведь монастырь был мужской. А по его Уставу женщины не должны там пребывать?

— Да, в Кремле они жить не будут. А если будут, то это или прачки, или уборщицы, как и на всех предприятиях или в учреждениях — машинистка, бухгалтер. Но не монахи. А почему бы и нет?

— Владыка, сегодня в постоянных экспозициях, запасниках, реставрационных мастерских хранится большое количество икон, церковной утвари, одежды, которая найдена, отреставрирована и сохранена несколькими поколениями научных сотрудников столичных и провинциальных музеев. За 70 лет она как бы перешла из собственности Церкви в общенародную. Вы согласны с этим?

— Если так стоит вопрос, то справедливости ради мы должны поблагодарить тех, кто сохранил всю церковную утварь, все принадлежности, а особенно иконы. Но все же я обратился в местные органы власти с просьбой вернуть церковную утварь, книги, иконы, которые были конфискованы в 30-х годах, вернуть тем, кому они принадлежали. Для решения монастырем этой огромной духовной задачи необходимы книги, учебные пособия, иконы и многое-многое другое.

— А в состоянии ли сегодня Церковь не только принять, но и сохранить такие ценности? Ведь в большинстве случаев, они не могут быть выставлены в разрушенных храмах.

— Я считаю, что все по справедливости должно быть возвращено. Люди наши в состоянии привести их в божеский вид.

— Но на протяжении семидесяти лет мы отождествляли церковные ценности с общенациональными, и возвращение духовных ценностей Церкви из музеев весьма и весьма обидит экспозиции.

— Если мы будем подходить с таких позиций, то мы никогда не перейдем к законам рыночной экономики. Правительство издало закон о разгосударствлении собственности. Принадлежит завод рабочим, которые там работают, они должны пользоваться этой собственностью. Крестьянам земля должна принадлежать, а Церковь ведь не в воздухе существует. Да, наша собственность была национализирована. Значит, надо вернуть то, что было незаконно аннексировано. Есть Указ Президента о реабилитации всех репрессированных в 20—30-х, 40-х годах, реабилитируются священники, архитекторы, ученые, крестьяне, партийные работники. И необходимо в память о трагически погибших священнослужителях возвратить все, чем жила и чем богата была церковь. В этом и есть логический смысл. А в Законе о свободе совести указано, что все культовые учреждения должны принадлежать Церкви, единственному их хозяину. На основе церковного имущества создавались музеи. Так что первичным был храм. Он и обогатит музеи. Я мечтаю поднять искусство Соловецкого монастыря до мирового уровня. И это не будет противоречить нашим духовным задачам.

Необходимо нам и создание Соловецкого культурно-

Первые насельники Соловецкой обители
Гермы и Зосима.

координационного центра, который должен выступать в роли куратора и осуществлять компетентный контроль за реставрацией монастыря. Этот центр должен включать различных высоких и авторитетных представителей от подкомиссии по охране истории наследия, комиссии Совета национальностей СССР по культуре, от министерства культуры РСФСР, от Советского фонда культуры, от Академии наук СССР, от ЮНЕСКО, от Церкви, от творческих союзов и др.

— А как отнесется Церковь к появлению международных туристов на Соловках?

— Все это необходимо делать в благоразумных пределах. Что я имею в виду? Надо точно рассчитать, сколько могут вместить люди Соловки в данный конкретный пе-

риод, точно определить взаимоотношения монастыря с желаниями туристов. Но это не будет капризом одних по отношению к другим. Ведь всем известно, что большинство монастырей мира живут и процветают за счет паломников. Приехав на Соловки, турист становится паломником. Он и свечку поставит, и просвиру купит. Это такие же люди, которые и Богу помолятся, и попросят защиты у основателей Соловецкого монастыря Святых Зосимы и Савватия. Они не только посмотрят на стены музея, но и окунутся в жизнь, которой их предки жили веками. Эта духовная атмосфера для них будет памятна. Смысл существования монастыря и Соловков и заключается в духовном возрождении. Он будет открыт не только для христиан, но и для представителей всех религий. Каждый, кто приедет на Соловки, может идти в любой храм и никто ему в этом не будет препятствовать. Это — свобода личности. Это надо только приветствовать.

— Я понимаю, что мы живем в другое время, но будет ли монастырь, наряду с духовной, заниматься и хозяйственной деятельностью?

— Сейчас определяют свободные экономические зоны в России. И мы хотели бы сделать Соловки свободной экономической зоной. К этому не надо относиться с боязнью и недоумением. Соловки будут процветать, и всем будет хорошо. Ведь здесь в свое время выращивали южные лакомства — виноград, дыни, арбузы, и даже апельсины. И это в приполярной зоне. На Соловках была первая в России научная биологическая станция на уровне западных научных лабораторий.

— И все-таки меня, как человека, знающего положение на Соловках, очень смущает, насколько реальна ваша программа. Ведь за последние несколько лет Церковь взялась за восстановление многих святынь. Сможет ли она все это осилить?

— Меня не удивляет, а откровенно говоря, даже несколько оскорбляет такое неверие. Откуда оно у вас? Вы сначала отдайте, а затем сомневайтесь. Впрочем, неверие ваше понятно. За последние 70 лет мы научились только разрушать и не привыкли созидать. А вы дайте человеку право создавать то, что ближе ему, что созвучно его духовному началу. Вы посмотрите, сколько сегодня людей приходит к нам и в праздники, и в будни, чтобы восстановить порушенный и оскверненный храм. Приходят по доброй воле. И сколько мы получаем пожертвований. Люди знают, что каждая пожертвованная копейка пойдет в дело на восстановление Церкви, а не уйдет неизвестно куда. В народе настолько жива сила творческого начала, что за все годы разрушения не смогли уничтожить чистый родник созидания.

Я свято верю в то, что только с полной передачей Соловков начнется новая жизнь монастыря. На это я готов положить все свои силы. Я верю, что именно в этом есть мое Божье и человеческое предназначение.

И последнее. Почему-то возрождение Соловецкого монастыря связывают с желанием только Церкви. Нет, это не так. Это волеизлияние народа. И в этом я убеждался неоднократно, встречаясь с верующими и неверующими во вверенной мне Епархии, а это Архангельская и Мурманская области, Коми АССР.

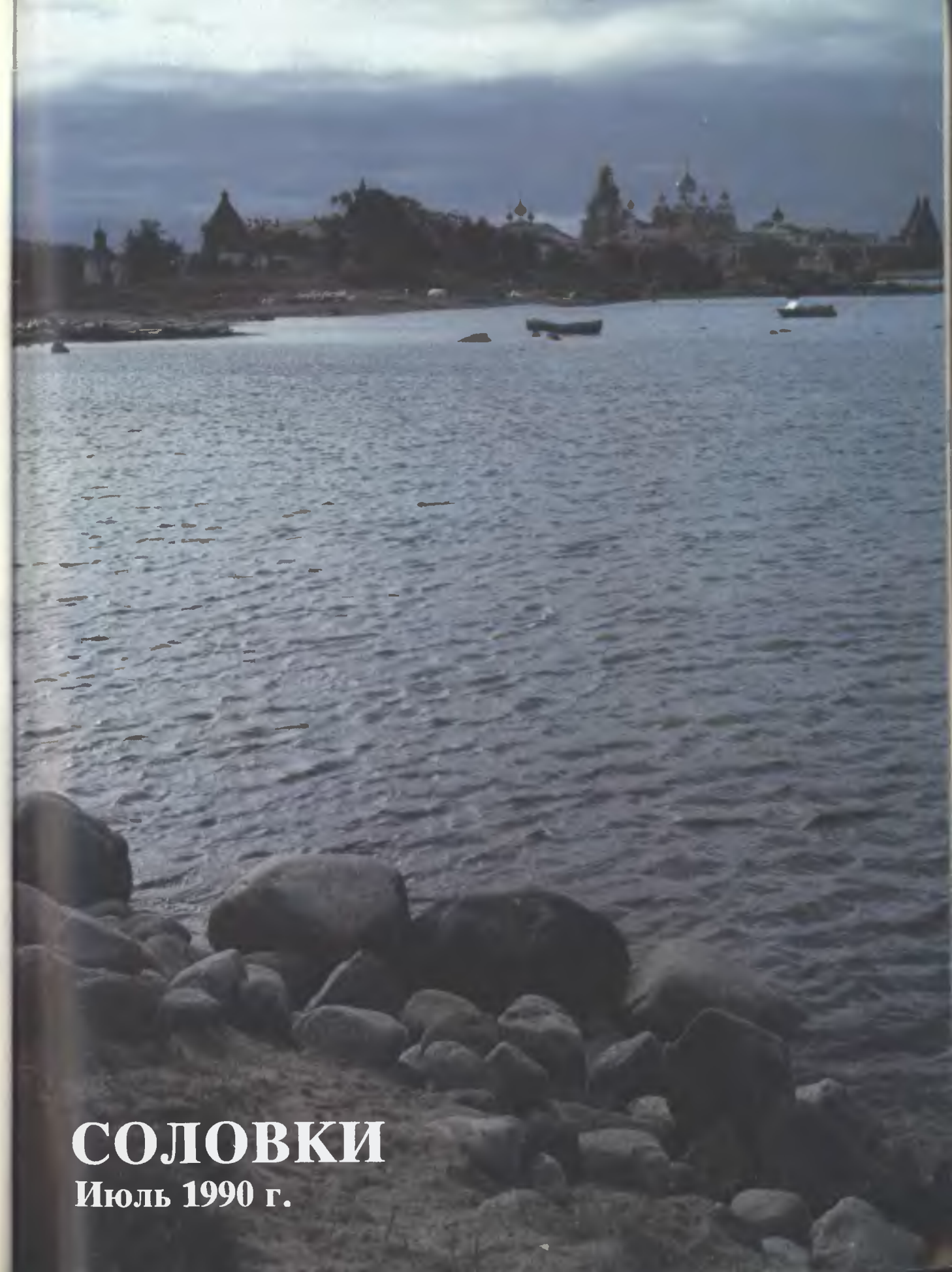
И от имени народа желание свое выразил выдающийся русский писатель Александр Исаевич Солженицын, решив передать весь гонорар от издания своих произведений в Советском Союзе на восстановление Соловецкого монастыря.

Этим он выразил надежду, что Церковь выполнит волю всего народа.

Беседу вел ВЛАДИМИР ЛОЙТЕР.

АРХАНГЕЛЬСК

Фоторепортаж Виктора КОНОПЛЕВА и
Юрия САДОВНИКОВА.

СОЛОВКИ
Июль 1990 г.

Пусть
принесут Вам
радость,
счастье,
здоровье
и благополучие
эти
светлые дни.

25 декабря
(7 января) —
Рождество Христово;

1 (14) января —
Обрезание Господне
и память
свт. Василия
Великого;

6 (19) января —
Крещение Господне.

Продолжение фоторепортажа
Павла Кривоша
из кафедрального
Богоявленского собора
(Москва).

ЗАКОНЬ БОЖІЙ

Раздел первый О МИРЕ

Чуден мир земной в своей красоте, и все в нем наполнено жизнью. Невозможно сосчитать всех растений и животных, населяющих землю, от самых маленьких, не видимых нашими глазами, до самых больших. Они живут везде: и на суше, и в воде, и в воздухе, и в почве, и даже глубоко под землею. И всю эту жизнь миру дал Бог.

Богат и разнообразен мир Божий! Но в то же время в этом огромном разнообразии царит дивный и стройный порядок, установленный Богом, или, как часто называют, «законы природы». Все растения и животные расселены по земле согласно этому порядку. И кому чем положено питаться, тем и питаются. Всему дана определенная и разумная цель. Все в мире рождается, растет, стареет и умирает — одно сменяется другим. Всему Бог дал свое время, место и назначение.

Только человек живет повсюду на земле и над всем царствует. Бог наделил его разумом и бессмертной душой. Он дал человеку особое, великое назначение: познавать Бога, уподобляться Ему, то есть становиться все лучше и добрее, и наследовать жизнь вечную.

А теперь посмотрим в глубокую темную ночь, с земли на небо. Сколько там мы увидим звезд, усеянных по нему. Их несметное число! Все это отдельные миры. Многие из звезд такие же, как наше солнце или луна, а есть и такие, которые во много раз больше их, но находятся так далеко от земли, что кажутся нам маленькими светящимися точками. Все они строино и согласно движутся по определенным путям и законам друг около друга. И наша земля в этом небесном пространстве кажется маленькой светлой точкой.

Велик и необъятен мир Божий! Нельзя ни сосчитать, ни измерить его, а знает всему меру, вес и число только сам Бог, сотворивший все.

Весь этот мир Бог создал для жизни и пользы людей — для каждого из нас. Так бесконечно любит нас Бог!

И если мы будем любить Бога и жить по закону Его, то многое непонятное в мире нам станет понятным и ясным. Мы полюбим мир Божий и жить будем со всеми в дружбе, любви и радости. Тогда эта радость никогда и нигде не прекратится, и никто не отнимет ее, потому что Сам Бог будет с нами.

Но, чтобы помнить, что мы принадлежим Богу, быть ближе к Нему и любить Его, то есть исполнить свое назначение на земле и наследовать вечную жизнь, нам нужно больше знать о Боге, знать Его святую волю, то есть Закон Божий.

О БОГЕ

Бог сотворил весь мир из ничего, одним своим словом.

Публикации «Закона Божьего»
готовит писатель
ЕВГЕНИЙ ЧЕРНОВ.

Бог — высочайшее существо. Ему нет равного никого и нигде, ни на земле, ни на небе.

Мы, люди, своим разумом вполне постичь Его не можем. И сами мы ничего не смогли бы узнать о Нем, если бы Сам Бог не открыл нам о Себе. Что мы знаем о Боге, все это открыто Им Самим.

Когда Бог сотворил первых людей — Адама и Еву, то являлся им в раю и открывал им о Себе: как Он сотворил мир, как нужно верить в Единого Истинного Бога и как исполнять волю Его.

Это учение Божие сначала передавалось устно из рода в род, а потом, по внушению Божию, было записано Моисеем и другими пророками в священные книги.

Наконец, Сам Сын Божий, Иисус Христос, явился на землю и дополнил все, что нужно знать людям о Боге. Он открыл людям великую тайну, что Бог один, но троичен в Лицах. Первое Лицо — Бог Отец, второе Лицо — Бог Сын, третье Лицо — Бог Дух Святой.

Это не три Бога, а один Бог в трех Лицах, Троица Единосушная и Нераздельная.

Все три Лица имеют одинаковое Божеское достоинство, нет между ними ни старшего, ни младшего; как Бог Отец есть истинный Бог, так и Бог Сын есть истинный Бог, так и Дух Святой есть истинный Бог.

Различаются они только тем, что Бог Отец ни от кого не рождается и не исходит; Сын Божий рождается от Бога Отца, а Дух Святой исходит от Бога Отца.

Иисус Христос через раскрытие тайны Пресвятой Троицы научил нас не только истинно поклоняться Богу, но и любить Бога, так как все три Лица Пресвятой Троицы, — Отец, Сын и Святой Дух, — вечно пребывают друг с другом в непрерывной любви и составляют Собою одно Существо. Бог есть совершеннейшая Любовь.

Великую тайну, которую открыл нам Бог о Себе — тайну Святой Троицы, наш слабый ум не может вместить, понять.

Святой Кирилл, учитель славян, старался так объяснить тайну Пресвятой Троицы, он говорил: «Видите на небе круг блестящий (солнце) и от него рождается свет и исходит тепло? Бог Отец, как солнечный круг, без начала и конца. От Него вечно рождается Сын Божий, как от солнца — свет; и как от солнца вместе со светлыми лучами идет и тепло, исходит Дух Святой. Каждый различает отдельно и круг солнечный, и свет, и тепло (но это не три солнца), а одно солнце на небе. Так и Святая Троица: три в Ней Лица, а Бог единый и нераздельный».

Учение Иисуса Христа, Сына Божия, было записано Его учениками в священную книгу, которая называется Евангелием. Слово «Евангелие» значит благая или добрая весть.

А все священные книги, соединенные вместе, в одну книгу, называются Библией. Это слово греческое, а по-русски означает «книги».

О МОЛИТВЕ

Бог любит Свое творение, любит каждого из нас. «И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель».

И мы поэтому так же, как к своему родному отцу или родной матери, можем всегда, в любое время,

обращаться к Богу — к нашему Отцу Небесному. Обращение же наше к Богу есть молитва.

Значит, молитва есть беседа или разговор наш с Богом. Она необходима для нас так же, как воздух и пища. У нас все от Бога и нет ничего своего: жизнь, способности, здоровье, пища и все дается нам Богом; «без Бога — ни до порога», говорит русская пословица.

Поэтому и в радости, и в печали, и когда что нам нужно, мы должны обращаться к Богу с молитвою. А Господь очень добр и милосерден к нам; и если от чистого сердца, с верою и усердием будем просить Его о своих нуждах, Он непременно исполнит наше желание и даст все, в чем мы нуждаемся. При этом нужно всецело положиться на Его святую волю и терпеливо ждать, потому что только один Господь знает, что и когда нам дать — что нам полезно и что вредно.

Плохо делают те, кто лениво молятся Богу: они удаляются от Бога, и Бог от них.

А без молитвы человек перестает любить Бога, забывает о Нем и не исполняет своего назначения на земле, то есть совершает грех.

О ГРЕХЕ

Грех, или зло, есть нарушение закона Божия; беззаконие или, иначе сказать, грех, есть нарушение воли Божией.

Как же люди стали грешить, и кто первый нарушил волю Божию?

Прежде сотворения видимого мира и человека, Бог сотворил Ангелов. Ангелы — это духи бестелесные, невидимые и бессмертные. Все ангелы были сотворены добрыми, и Бог им дал полную свободу — желают ли они сами любить Бога или нет; а это значит, пожелают ли они сами жить с Богом или без Бога.

Один из самых светлых и сильных ангелов, не захотел любить Бога и исполнять волю Божию, а захотел сам стать как Бог. Этот ангел перестал слушаться Бога, во всем стал противиться Богу, сделался врагом Божиим. Он увлек за собой и некоторых других ангелов.

За такое противление Богу все эти ангелы лишились данного им света и блаженства (т. е. радости) и сделались злыми, темными духами.

Все эти темные, злые духи называют теперь бесами, демонами и дьяволами. Самый же главный дьявол, бывший самым светлым ангелом, называется сатаной, то есть противником (врагом) Бога.

Дьявол научил и людей не слушаться Бога — грешить. Он соблазнил, то есть хитростью и обманом научил первых, сотворенных Богом, людей — Адама и Еву — нарушить волю Божию.

Все мы, люди, происходим от согрешивших Адама и Евы, и потому мы рождаемся в состоянии греха. Постоянно передаваясь из поколения в поколение, грех завладел всеми людьми и всех подчинил себе. Все люди, одни больше, другие меньше, все — грешны.

Грех же всегда удаляет человека от Бога и ведет к страданиям, болезням и вечной смерти. Поэтому все люди стали страдать и умирать. Самн люди, своими силами, уже не могли победить зло, распротраннвшееся в мире и уничтожить смерть.

Но Бог, по милосердию Своему, помог людям в этом, послав на землю Своего Сына, Спасителя нашего, Иисуса Христа.

О КРЕСТНОМ ЗНАМЕНИИ

Мы называемся христианами, потому что веруем в Бога так, как научил нас веровать Сам Сын Божий, Господь наш Иисус Христос.

Иисус Христос не только научил нас правильно веровать в Бога, но и спасать нас от власти греха и вечной смерти.

Сын Божий, Иисус Христос, по любви к нам, грешным, сошел с неба и, как простой человек, пострадал вместо нас за наши грехи, был распят, умер на кресте и в третий день воскрес.

Так безгрешный Сын Божий крестом Своим (то есть страданием и смертью на кресте за грехи всех людей, всего мира) победил не только грех, но и самую смерть — воскрес из мертвых, и сделал крест орудием Своей победы над грехом и смертью.

Как победитель смерти — воскресший в третий день — Он спас и нас от вечной смерти. Он воскресит всех нас, умерших, когда наступит последний день мира, воскресит для радостной, вечной жизни с Богом.

Крест есть орудие или знамя победы Христовой над грехом и смертью.

Вот почему, чтобы выразить нашу веру в Иисуса Христа, Спасителя нашего, мы носим на теле крест, а во время молитвы изображаем на себе правой рукой знак креста или осеняем себя крестным знамением (крестимся).

Для крестного знамения мы складываем пальцы правой руки так: три первых пальца (большой, указательный и средний) слагаем вместе концами ровню, а два последних (безымянный и мизинец) пригибаем к ладони.

Сложенные три первых пальца вместе выражают нашу веру в Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, как Единую и Нераздельную Троицу, а два пальца, пригнутые к ладони, означают, что Сын Божий, по сошествии Своем на землю, будучи Богом, стал человеком, то есть означают Его две природы — Божескую и человеческую.

Осеняя себя крестным знамением, мы кладем сложенные так пальцы на лоб — для освящения нашего ума, на чрево (живот) — для освящения наших внутренних чувств, потом на правое и левое плечи — для освящения наших сил телесных.

Крестное знамение дает нам великую силу отстоять и побеждать зло и творить добро, но только мы должны помнить, что крест нужно полагать правильно и неспешно, иначе будет не изображение креста, а простое махание рукой, чему только бесы радуются. Небрежным совершением крестного знамения мы показываем свою непочтительность к Богу — грешим, грех этот называется кощунством.

Осеняя себя крестным знамением, или креститься, нужно: в начале молитвы, во время молитвы и по окончании молитвы, а также при приближении ко всему святому: когда входим в храм, когда прикладываемся к кресту, к иконе и т. п. Креститься нужно и во всех важных случаях нашей жизни: в опасности, в горе, в радости и т. д.

Когда мы крестимся не во время молитвы, то мысленно, про себя, говорим: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь», выражая этим нашу веру в Пресвятую Троицу и наше желание жить и трудиться во славу Божию.

Слово «аминь» — значит: истинно, правда, да будет так.

О ПОКЛОНАХ

Чтобы выразить Богу наше благоговение перед Ним и почитание Его, мы во время молитвы стоим, а не сидим: только больным и очень старым дозволяется молиться сидя.

Сознавая свою греховность и недостоинство перед Богом, мы, в знак нашего смирения, сопровождаем нашу молитву поклонами. Они бывают поясные, когда наклоняемся до пояса, и земные, когда, кланяясь и становясь на колена, касаемся головою земли.

КАКИЕ БЫВАЮТ МОЛИТВЫ

Если мы и близкие наши здоровы и благополучны, есть нам где жить, есть во что одеться, есть чем питаться, то мы должны прославлять и благодарить Бога в наших молитвах.

Такие молитвы называются хвалебными и благодарственными.

Если с нами случится какое-либо несчастье, болезнь, или беда, или нужда, мы должны просить у Бога помощи.

Такие молитвы называются просительными.

А если мы сделаем худое дело (согрешим) и провинимся перед Богом, мы должны просить у него прощения — каяться.

Такие молитвы называются покаянными.

Так как мы грешны перед Богом (постоянно грешим), то поэтому мы должны всегда, прежде чем просить что-либо у Бога, сначала покаяться и тогда уже просить Бога о наших нуждах. Значит, покаянная молитва должна всегда предварять просительную молитву.

КОГДА БОГ СЛЫШИТ НАШУ МОЛИТВУ

Приступая к молитве, мы должны прежде примириться с теми, которым мы сделали зло, и даже с теми, которые обижаются на нас, а потом уже с благоговением и вниманием стать на молитву. Во время молитвы ум свой должны направить так, чтобы он ни о чем постороннем не думал, чтобы сердце наше желало лишь одного, как бы получше помолиться и угодить Богу.

Если же мы будем молиться, не примирившись с ближними, молиться спешно, во время молитвы будем разговаривать или смеяться, тогда наша молитва будет негодна Богу, такую молитву Бог слушать не будет («не услышит нас») и даже может наказать.

Для прилежной и усиленной молитвы и доброй благочестивой жизни установлены посты.

Пост — это такие дни, когда мы должны больше думать о Боге, о своих грехах перед Богом, больше молиться, каяться, не раздражаться, никого не обижать, а наоборот, всем помогать, читать Закон Божий и т. д. А чтобы легче было это выполнить, нужно, прежде всего, меньше есть — совсем не есть

Тексты публикуются по изданиям: раздел первый — Закон Божий. Составил Серафим Слободской. Джорданаилль, 1967; раздел второй — Игумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харбин, 1936.

мяса, яиц, молока, т. е. «скоромную» пищу, а есть только «постную» пищу, т. е. растительную: хлеб, овощи, фрукты, так как сытая «скоромная» пища вызывает у нас желание не молиться, а или поспать, или же, наоборот, резвиться.

Самый большой и длинный пост бывает перед праздником Пасхи. Он называется «Великим постом».

Раздел второй

ГЛАВА I.

Действия нравственные и безнравственные. Нравственный закон. Совесть, три ее функции. Условия нравственного вменения. Природность нравственного закона.

На всем земном шаре, из всех существ, населяющих его, один только человек имеет понятие о нравственности. Всякий знает, что действия человека бывают или хороши или дурны, или добры или злы, нравственно-положительны или нравственно-отрицательны (безнравственны). И этими понятиями о нравственности человек неизмеримо отличается от всех животных. Животные поступают так, как свойственно поступать им по природе, или же так, как они приучены, напр., дрессировкой. Но они не имеют понятия о нравственном и безнравственном, а потому их поступки нельзя рассматривать с точки зрения понятия о нравственности.

Как же различить — нравственно-доброе от нравственно-дурного? Различие это совершается по данному нам, людям, от Бога особому нравственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе человека, мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью. Эта совесть и есть основа общечеловеческой нравственности. Человека, который никогда не слушал своей совести и усыпил ее, заглушил ее голос ложью и мраком упорного греха, часто называют бессовестным. Слово Божие таких упорных грешников называет людьми с сожженной совестью (1 Тим. IV, 2); их душевное состояние — крайне опасно, и может оказаться губительным для души.

Когда человек прислушивается к голосу своей совести — он видит, что эта совесть в нем говорит прежде всего как судия, строгий и неподкупный, оценивающий все поступки и переживания человека. И часто бывает так, что какой-либо данный поступок выгоден человеку, или же вызвал одобрение у других людей, а в глубине души этот человек слышит голос совести: «Это — не хорошо, это — грех...»

В тесной связи с этим, совесть в душе человека действует еще как законодатель. Все те нравственные требования, которые стоят пред душой человека при всех его сознательных действиях (напр.: делай добро, будь правдив, не кради и т. д.) являются именно нормами, требованиями, предписаниями этой самой совести. И голос ее учит нас, как нужно и как не нужно поступать. Наконец, совесть еще действует в человеке как мздовоздатель. Это бывает тогда, когда мы, поступив хорошо, испытываем мир и спокойствие в душе, и наоборот, после совершения греха испытываем упреки совести. Эти упреки совести иногда пере-

ходят в страшные душевные терзания и муки и могут довести человека до отчаяния или до потери душевного равновесия, если он не восстановит мир и спокойствие в совести чрез глубокое и искреннее покаяние... (Ср. у Пушкина — монолог Скупого Рыцаря и Бориса Годунова, а также «Преступление и наказание Достоевского»).

Само собой понятно, что человек несет нравственную ответственность только за те поступки, которые он совершает, во 1-х, в сознательном состоянии и, во 2-х, будучи свободен при совершении этих поступков. Только тогда к этим поступкам применяется нравственное вменение, и только тогда они, как говорят, человеку вменяются в вину, в похвалу или в осуждение. В противоположность этому, люди, не сознающие характера своих поступков (младенцы, лишенные рассудка и т. д.) или же насильно вынужденные совершать их против своей воли, считаются невменяемыми, и ответственности за эти поступки не несут. В эпоху гонений на христианство язычники-мучители клали мученикам на руку ладан и держали ее над огнем своего пылающего жертвенника. Мучители рассчитывали на то, что мученик не выдержит огня, пошевелит пальцами (или отдернет руку) и ладан упадет на огонь. Правда, обычно исповедники веры были настолько тверды духом, что предпочитали сжечь пальцы, но ладан не роняли; но если бы и уронили — кто мог бы утверждать то, что они принесли жертву идола?.. Самой собой понятно, что пьяных нельзя признать невменяемыми, т. к. они начинали свое пьянство в нормальном и трезвом состоянии, прекрасно зная о последствиях опьянения. Поэтому в некоторых государствах северной Европы человек за совершение преступления в пьяном состоянии наказывается двойне: 1) за то, что напился, и 2) за само преступление...

Несомненно то, что нравственный закон должен быть признан прирожденным людям, т. е. вложенным в самую природу человека. За это говорит несомненная всеобщность в человечестве понятий о нравственности. Конечно, прирожденную может быть признана только самая нравственная потребность, своего рода нравственный инстинкт, но не раскрытые и ясные нравственные понятия и идеи. Такие ясные нравственные понятия и идеи развиваются в человеке отчасти чрез воспитание и влияние предшествовавших поколений, наиболее же всего на основе религиозного чувства. Поэтому у грубых язычников нравственные нормы ниже, грубее, уродливее, чем у нас, христиан, знающих и верующих в Истинного Бога — Того, Который вложил в душу человека нравственный закон и чрез этот закон руководит всею его жизнью и деятельностью.

ГЛАВА II.

Греховность рода человеческого. Отражение ее в душе человека — в сфере ума, чувства и воли. Последовательные стадии — степени греха. Три источника греха.

Мы, все христиане, знаем из св. Библии и веруем в то, что Бог создал человека по образу Своему и по подобию. Поэтому в творении человек получил безгрешную природу. Но еще первый человек Адам не

остался безгрешным, утратив свою первозданную чистоту в первом райском грехопадении. Отрава этой греховности заразила собою весь род человеческий, произшедший от согрешивших прародителей — подобно тому, как из отравленного источника истекает отравленная вода. А так как каждый человек к унаследованной от прародителей склонности ко греху прибавляет еще свои личные грехопадения — то нет ничего удивительного в том, что св. Библия о каждом из нас говорит: «Несть человек, иже жив будет день един, и не согрешит»... Абсолютно чист от всякого греха только один Господь Иисус Христос. Даже праведники, угодники Божии имели в себе грех и, хотя с помощью Божией боролись с ним, но смиренно признавали себя грешниками. Таким образом, все без исключения люди — грешны, заражены грехом.

Грех есть духовная проказа, болезнь и язва, поразившая всю природу человека и душу и тело его. Грех повредил все три основные способности или силы души: ум, чувство (сердце) и волю. Ум человека помрачился и сделался склонным к заблуждению (у римлян была поговорка: «ergaе humanum est» — человеку свойственно ошибаться), и человек постоянно ошибается — и в науке, и в философии, и в своей практической деятельности. Быть может, еще более повреждено грехом сердце человека, — центр его переживаний и чувствований добрых и злых, печальных и радостных. И мы видим, что наше сердце затнулось тиной и плесенью греха, утратило способность чувствований чистых, духовных и христиански-возвышенных. Вместо этого оно сделалось склонным к усладам чувственности и земным привязанностям, а также заражено тщеславием и иногда поражает полным отсутствием любви и благожелательности к ближнему.

Но, конечно, более всего повреждена и скована грехом наша воля, как способность действия и осуществления намерений человека. В особенности человек оказывается бессильным в своей воле там, где нужно осуществить истинное христианское добро — хотя бы он и хотел этого добра... О таком печальном бессилии воли Ап. Павел говорит: «Не еже хочу доброе, сие творю, а еже не хочу злое сие содеваю» (Римл. VII, 19. По-русски — «доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»...). И потому-то о человеке-грешнике Христос Спаситель сказал: «Творяй грех — раб есть греха» (Иоан. VIII, 34), хотя — увы! — самому грешнику служение греху часто кажется свободой, а борьба с сетями греха — рабством...

Как же развивается грех в душе человека? Св. отцы — подвижники христианского аскетизма и благочестия, лучше всех ученых психиатров знавшие грешную человеческую душу, различают следующие стадии — степени греха: первый момент в грехе — прилог, когда в сознании человека только обозначился тот или иной соблазн — греховное впечатление, грязная мысль и т. д. Если в этот первый момент человек решительно и сразу отвергнет грех — он не согрешит, а победит грех, и для души своей будет иметь плюс, а не минус. В прилоге легче всего одолеть грех. Если прилог не отвергнут, он переходит сначала в неясное стремление, а затем в осознанное, ясное желание греха. Здесь человек уже начинает склоняться к греху данного рода. Но без особо тяжелой борьбы он здесь может не поддаться греху и не согрешить, в чем ему поможет ясный голос совести, и помощь Божия, если он прибегнет к ней.

Продолжение в следующем номере

СТИХИ. ПОВЕСТЬ. ЭССЕ

ВАЛЕНТИН
САФОНОВ

Его боль

Однажды по общежитию разнесся слух: Рубцова изгоняют из Литинститута за скандальную драку — учинил дебош в ресторане Дома литераторов и два дюжих милиционера никак не могли привести его в чувство. На страничке моего дневника соседствуют записи, помещенные одним и тем же числом — 6 декабря 1963 года. Первая: «Завтра вечер в ЦДЛ — в честь 30-летия института». Несколькими часами позже — вторая: «А Колыху-то Рубцова исключили из института. Избил замдиректора ресторана ЦДЛ. Грусть».

Приказ об исключении Рубцова вывесили на доску незамедлительно, и в железно продуманных его формулировках действительно фигурировали слова «драка» и «избил». «Дебошир со стажем» и «смутьян» — вслух отозвался о Николае один из старейших преподавателей, специалист по Достоевскому. И, ничтоже сумняшеся, предложил привлечь злодея к уголовной ответственности. Только нам-то, студентам, не верилось, что тщедушный, полуголодный и, главное, не терпящий никаких драк Коля Рубцов мог осилить дюжего дядю, немало и с пользой для себя потрудившегося на ниве литературного общепита. Начали собственное расследование. Выяснилось, что содержание приказа, мягко говоря, противоречит истине. Дело было так. В одном из залов Дома литераторов заседали работники наробраза, скучая, внимали оратору, нудно вещавшему с трибуны о том, как следует преподавать литературу в средней школе. Колю, проникшего в ЦДЛ с кем-то из членов Союза, у дверей этого зальчи-

Николай Рубцов
в годы
службы
на Северном флоте.

Фрагменты из повести «Николай Рубцов».

ка задержало врожденное любопытство. Так и услышал он список рекомендуемых для изучения поэтов. Сурков, Уткин, Шипачев, Сельвинский, Джек Алтаузен... Список показался ему неполным.

— А Есенин где? — крикнул Рубцов через зал, ошарашивая оратора и слушателей. — Ты почему о Есенине умолчал? По какому праву?

Тут и налетел на Колю коршун в обличье деятеля из ресторана, ухватил за пресловутый шарфик, повлек на выход. Противник всяческого насилия, Рубцов, задыхаясь от боли и гнева, попытался оттолкнуть интенданта, вырваться из его рук.

— Бью-ут! — завопил метрдотель. Подскочила прислуга. При своих, что называется, свидетелях составили протокол, который и лег в основу грозного приказа об исключении.

Институт бурлил: в перерывах между лекциями только и разговору, что об учиненной над Николаем несправедливости.

В ректорат и партком снова пошли студенческие делегации.

За Рубцова заступились известные поэты.

Волна юбилейных, по случаю 30-летия института, торжеств пришла как нельзя кстати: администрация смилостивилась — отменила карающий приказ. Дело передали в товарищеский суд.

Тут тоже не обошлось без передержек, и вспоминая это судилище, до сих пор испытываю я глущее чувство стыда.

Председательствовал на судебном заседании профессор Водолагин, запомнивший меня еще по вступительным экзаменам. Кряжистый, с обритой наголо головой, профессор удивительно походил на Хрущева: поставь их рядом — не отличишь, кто подлинный, а кто — поддельный. Помоему, Водолагину льстило такое сходство, он и темперамент под Никиту Сергеевича нарабатывал — в жестах, в говорении речей. Когда открыли очное отделение института, Водолагина и меня снаряжали в Вешенскую — искать защиты у Михаила Александровича Шолохова. То ли командировочных в кассе не достало, то ли поняли вдруг, что и авторитет классика нам не подмога, но поездка та сорвалась... Так вот, на товарищеский суд — показательный затеяли! — явилось большинство преподавателей, согнали все курсы. Стульев в актовом зале не хватило, кто порасторопней, взгромоздились на подоконники, остальные толпились в проходах. Я к началу приподжал и, стиснутый чужими плечами, маялся у самых дверей, с тоской смотрел на сцену, где, беззащитный и растерянный, стоял Коля Рубцов. Сотни глаз были устремлены на него, а он и слова не мог вымолвить в свое оправдание. Зато Водолагин, взмахивая короткими ручками, все говорил, говорил...

— Так как же будем жить дальше? — спросил он вдруг, закругляясь. — Ведь вот есть же у нас студенты... ни в чем подобном не замешаны. — Строгим взглядом обвел зал, наткнулся на меня. — Вон, к примеру, Валентин Сафонов.

Бледный Коля пролепетал что-то невнятное.

— Что? Не слышу. Громче! — настаивал Водолагин.

— Буду как Валя Сафонов, — через силу выдавил Рубцов.

Я готов был сквозь землю провалиться, но земля не разверзлась подо мной. А довольный результатом Водолагин тотчас отпустил Рубцова со сцены.

Николая перевели на вечернее отделение, выдаорили из общежития. Вечернее — привилегия москвичей, а тут — ни двора ни кола... Сердобольные вахтерши закрывали глаза, когда поздним вечером, крадучись, пробирался он в студенческий наш дом, чтобы переночевать у кого-то из товарищей. Командант, однако, был безжалостен.

— Николай Андреевич, — пришел я к нему, — безанно-напраслинно человек страдает.

— Садитесь, — предложил Палехин и затеял длинный разговор о Кильдине, памятном ему по годам войны.

В общежитии упорная, из поколения в поколение, передавалась легенда: на том гранитном острове, окруженном студеной водой, наш командант тоже служил командантом, только опекал не студентов, а эзков... Растаял Палехин, растроился в воспоминаниях, голосом дрогнул.

— Так, говорите, Рубцов тоже североморец? — неожиданно прервал себя, и в голосе его снова зазвенел металл.

— Самый доподлинный. Всю службу отмотал на эсминце...

— Ведет себя как-то... Некрасиво для флотского! Ладно, пусть зайдет.

— Когда?

— Да хоть сейчас.

Стремглав бросился за Николаем, отыскал его в какой-то чересчур гомоликовой компании и понял, что примирение сегодня не состоится: не простит ему Палехин взъерошенного вида, да и Рубцов не понесет повинную голову.

Назавтра и послезавтра тоже ничего не вышло. А там как-то подзабылось все, и опять вспыхнуло, и снова подзабылось. Теперь уже вряд ли кто скажет с достоверностью, сколько раз Рубцова изгоняли из института и общежития, сколько раз восстанавливали в правах.

Да и так ли важно это, так ли существенно? Важнее другое: недолгие и нелегкие дни, прожитые Рубцовым в Москве, оказались для него тем же, чем бывает запальный шнур для динамита. Энергия, которая годами накапливалась в его смятенной, нищей, не знающей покоя душе, вдруг прорвалась наружу, пролилась стихами. Перед Рубцовым широко открылись двери редакций и издательства. Да что там двери! Сердца читателей доверчиво распахнулись ему навстречу. Критика заговорила о нем.

Пришел успех!

В январе восемьдесят шестого Толя Соболев, откликаясь на газетную публикацию, напишет о Николае:

«...Я тоже хорошо знал и любил его многие годы, только одного не ведал долго, что и он — североморец. Лишь после его смерти обнаружил.

Так и стоит он у меня перед глазами в одну из новогодних ночей у Виктора Астафьева. Заплетя ноги за ножки стула чуть не втрое и низко склонив голову, играет на гармонике и поет свои чудесные грустные песни...»

По восточному календарю восемьдесят шестой — год Тигра. И дальше у Анатолия Пантелеевича — о себе: «...Даст Бог, не сожрет хищник полосатый, хотя в минувшем году я трижды ложился в больницу с сердечным приступом. Новый тоже встретил в палате, откуда и пишу тебе эту весточку. Кажется, предстоит операция на сердце...»

На обороте традиционной открытки — снеговик с носом морковкой и карикатурный заяц в голубых порточках. Жизнерадостные оба, веселые, от души желающие здоровья и счастья. Только вот «полосатый хищник» не внял ни молитве, ни пожеланиям: в июне Соболева не стало. Умер в номере гостиницы «Россия», вернувшись с заседания писательского съезда.

За четыре года до того, тоже в июне, ездили мы с ним в Мурманск, на «Дни Баренцева моря». Выступали перед моряками и рыбаками, перед студентами и судоремонтниками, в школах и на пограничных заставах. Я, конечно же, не мог не говорить о Рубцове — о его приверженности к Северу, о службе на флоте. А Соболев не мог не поразиться: в одном общежитии обитали, за одним столом сидели — и на тебе! Хотя бы словом Николай Михайлович обмолвился...

Мне его удивление было очень даже понятно. Удрав на Великую Отечественную из средней школы, юнгой осваивал Анатолий профессию водолаза. Он и сердце-то свое — мальчишеское, неокрепшее — надломал в студенческих глубинах. И, как большинство военных моряков, бережно нес по жизни трепетную память о юности, одетой в черные бушлаты. Все пронзительные книги его — о море. Был неравнодушен к людям, в чьих судьбах, биографиях — все то же море, корабли. На том и мы сдружились, едва

стал он слушателем ВЛК — Высших литературных курсов при институте. Разыскал меня в общежитии и, тиснув пятерню, признался:

— Пришел наводить мосты. Когда флотские рядом — оно надежнее. И веселей.

Тем и лег на душу — открытостью, простотой да еще, пожалуй, необоримой тоской-печалью в глазах. Чувствовалось: и пережил много, и многое видит, понимает. Как же, думаю теперь, про Колю-то не вызнал он подлинного, не разглядел в нем лихого моряка?

Рад бы спросить, да некогда!

Впрочем, не ради загадок и отгадок затеял я эту главу. Она — как продолжение предыдущей — об атмосфере, в которой жили мы, тогдашние студенты Литературного института. И тут, хочешь не хочешь, а ни за что не сбросишь со счетов присутствия ВЛК. То есть упомянутых уже Высших литературных курсов.

Умолчать о них — значит недоговорить об институте. За пять лет, которые провел я в его стенах, слушателями курсов были Виктор Астафьев, Анатолий Ткаченко, Борис Можаяев, Петр Сальников, Евгений Носов, Вера Чубакова, Николай Жернаков, Иван Кычаков, Петр Проскурин, Николай Родин, Иван Смирнов... Мог бы и другие — тоже известные — привести имена, только — зачем? И названных здесь вполне достает для однозначного суждения: это было поколение тружеников, работяг. И, за малым исключением, поколение фронтовиков, солдат Великой Отечественной.

Рожденные в двадцатые, они успели к войне, к трудовым, кому-то и ГУЛАГ выпал. Единственным, на что не хватило у них времени и возможностей, была школа. Уникальный жизненный опыт, несомненная одаренность, неистовое трудолюбие и — скудная, в пределах семилетки, грамотешка. Борис Можаяев с его военно-морским училищем — счастливое исключение. У иных — всего-то три-четыре класса, да и то — задолго до войны, да и то — в какой-нибудь глухоманной российской деревеньке.

Одно из назначений тогдашних ВЛК — восполнить пробел, дать профессиональным писателям общеобразовательную подготовку. В программу, рассчитанную на два года, включалась — разумеется, в усеяном, приблизительно объеме — изрядная часть предметов, которые преподавались и нам.

— Писательская ремеслуха, — так, жестковато и точно, называл курсы Виктор Астафьев.

Великовозрастных школяров тяготила обязателька: сидение на лекциях («на уроках») — по определению того же Виктора Петровича, сдача зачетов. С большим желанием ходили они на творческие семинары, где с жертвой, отжившейся выставить на обсуждение рассказы или повести, летели пух и перья. Тут по части задора и азарта раздраконишь, уложить на лопатки профессионалы ничуть не уступали нам, студентам, а по уменню сделать это — изрядно превосходили. И все же главным для большинства были не лекции и семинары, а дарованный судьбой счастливый случай пожить в Москве, приобщиться к столичному быту, проторить дороги в издательства, в редакции журналов. Известность многих из названных и не названных мною писателей как раз и началась с этой отметки, именуемой ВЛК.

Жили мы, несмотря на разницу в возрасте и — ощути-мую! — в размере стипендий, дружно: старшие не кичились уже изданными книгами, именитостью, младших не тяготили зависть или подбострастие. Да и кому, допустим, могла бы завидовать студентка Ольга Фокина с ее родничками, незамутненными наносной тинью, стихами? Или студент Василий Белов, уже сделавший себе имя своими озорными рассказами? Разве Льву Николаевичу Толстому, чего он, в общем-то, и сам не скрывал. «Мне бы так-то в моем детстве: гувернантки, воспитатели! — говаривал, хитро шуря глазки. — Чтобы языки заграничные с утра слышать, а не матерную брань...»

Случалось наоборот: старшие (всего-то вокруг сорока!) завидовали нам — нашей молодости, тому, что «все у нас впереди». Было: завернул на огонек Иван Спиридонович Кычаков. Мрачный, подавленный.

— Не прогоняйте, ребята. Тошно мне, боюсь за себя. Ребята — мы с Эриком, Коля Рубцов и Юра Петров — как раз проворили ужин.

— Садись, Иван.

Кычаков через силу выдавил подобие улыбки.

— Спасибо за приглашение, братцы. Я уже насиделся. Вдоволь, на всю жизнь.

Ужин в тот вечер затянулся. Обычно немногословный, скуповатый на проявления чувств, Кычаков вдруг разговори-лся. То, что он рассказывал о себе, было страшно слышать. Но и остановить, одернуть рассказчика мы не посмели. Понимали, человеку нужно излиться, душу вывернуть наизнанку.

Вот — коротко, пунктиром — его исповедь. Исходная точка — война, сорок третий. Окружение, двухнедельное пребывание в плену. Ротный в звании старшего лейтенанта, из-за колючей проволоки вышел он незапятнанным, и партийный билет сберег. Войну закончил в Берлине — уже майором, командиром батальона. Его, орденосца и коммуниста, прочили в военную академию, но он, на свою беду, оказался еще и поэтом. Со скандалом уволился в запас, поступил в Литературный институт, в семинар Ярослава Смелякова. А вскоре их и повязали — весь семинар вместе с руководителем. Брали на занятия. Кычакову вменили в вину тот самый плен, те злосчастные две недели. Дали десятку. За строптивость — не ведал, не хотел знать за собой вины! — свезли в Бутырскую тюрьму, бросили в камеру к уголовникам. Тех, наверно, науськали порешить разжалованного, лишнего орденом комбата: тут же и принялись за дело. И после — на этапах, в лагерях — покушались на Ивана не единожды: власовцы, бандеровцы...

Сегодня, когда многое знаем мы про архипелаг ГУЛАГ, про лагерные мтарства доблестного Маринеско, притупилась в нас боль за пострадавших других. Читаем или слушаем, не сощереживая, порой равнодушно-отстраненные, закроем книгу и забудем о ней; неудобного собеседника обойдем стороной. Специалисты утверждают: все нормально, естественная реакция организма, который должен, обязан-таки защищаться от чрезвычайных нервных нагрузок, от болезненных стрессов. Возможно, так оно и есть. Но тогда, в тот вечер — за несколько месяцев до солженицынского «Ивана Денисовича» — мы были потрясены тем, что услышали от Кычакова. А Колю особенно поразила концовка горестного его повествования. Как, отсидав отмеренное ему и отбыв на поселениях еще сколько-то, возвращался Иван Спиридонович в Москву, уже на литературные курсы. Как у дверей общежития увидел красивую девушку, запомнившуюся ему по кучным месяцам учебы в институте.

— Лида, — воскликнул он. — до чего же здорово ты выглядишь! Сколько лет прошло, а ты ни капельки не изменилась. Ты меня помнишь, Лида?

— Я не Лида, — ответила ему девушка. — Я — Галя. А Лидой зовут мою маму.

Галя оказалась дочерью Лидии Ивановны, помощницы команданта нашего общежития. И Николай потом расспрашивал ее, так ли все было, и убедился, что так. Когда забирали семинар Смелякова, Галя ребенком была, а теперь вот выросла очень похожей на маму в молодости.

— Ты что же — не поверил Кычакову? — спросил я Рубцова.

Он не отвел взгляда — только головой качнул.

— Не то, Валька. Хотел подробностей. Руки чешутся написать поэму о том, как выбили человека из жизни. И как остановилось для него движение времени.

А Кычаков тогда, в ту ночь, покинул нас на рассвете. Уходя, протянул мне клочок бумаги. Телеграмма, срочная! В Ленинграде скоростно умерла его дочь, студентка.

— Ты что же сразу-то, как пришел, не сказал? — обомлел я. — Почему промолчал?

— Боялся разрыдаться, — ответил он.

— А теперь куда?

— На вокзал, к поезду.

Потом, когда вернется с похорон, снова придет в двести седьмую — осунувшийся, небритый. И вслух пожалеет, что открыл нам свое прошлое, свою душевную боль. Ни к чему оно было, скажет, у вас — другая жизнь, другие заботы. И песни другие. Все-то у вас вперед.

Жить ему останется совсем недолго.

Вот вопрос, над которым стоит поломать голову: как, по каким законам складываются поколения в литературе?

Сверстник Астафьева поэт Семен Гудзенко первый свой сборник «Однополчане» издал в сорок четвертом. Еще всю гребелю войны, до Победы — версты и версты. Обугленный болью и страданием, двадцатилетний Виктор Астафьев метался в это время на госпитальной койке. Когда приходило сознание, как о чуде, просил небо о единственном: продли мне жизнь. Пусть на крохотную малость, но — продли, чтобы вновь мог я увидеть солнце, деревья, траву... И в мыслях не держал он, не заманивался на дерзкое — стать писателем.

Талантливый и тоже тяжело израненный на войне Гудзенко ушел из жизни в пятьдесят третьем, оставив читателям хрестоматийные стихи.

Тогда же, в пятьдесят третьем, Виктор Астафьев зарабатывал на хлеб поденкой в районной газете и надеялся опять же на чудо — на то, что, даст Бог, со всеми хворями дотянет до сорока. Успеть бы порадоваться детям, успеть сказать что-то свое — более серьезное, нежели написанные по соцзаказу статьи и очерки в местной печати.

А на подмостках столичных эстрад уже выпестовывал свою песню Евтушенко, запомнивший войну по эвакуации в сибирскую глубинку, на станцию Зима.

Литературный Олимп штурмовали барды Политехнического.

По экранам кинотеатров триумфально — под говорение речей и треск аплодисментов — шествовала лента «Наш дорогой Никита Сергеевич».

И тут — как мина замедленного действия — взорвался в нашем сознании астафьевский «Звездопад». Непривычно правдивое, необычайно свежее слово о войне! Откровение.

Одновременно — по крайней мере, мне так запомнилось — обозначились другие имена: Евгений Носов, Сергей Никитин, Василь Быков, Николай Родин, Виктор Гончаров...

Минут не годы — десятилетия, и снова то же поколение рожденных в двадцатые (битые, чудом уцелевшие фронтовики!) займут о себе книгами Вячеслава Кондратьева и Юрия Додолева.

Не удивлюсь, если и новые появятся.

Что это — необычайно цепкая воля к жизни, присущая старым солдатам? Или добросердечие матери-природы, искупающей грехи жестокого века, положившего на поле брани миллионы талантливых голов?

Критики еще не раз скрестят шпаги, размышляя над тем, к какой волне, к какому временному пласту причислить то или иное дарование. Пусть их... В конце концов, истина рождается в споре. А по мне — так, может, и хорошо, что Астафьев и другие его сверстники входили в литературу с запозданием. Судьба убергла их от участия в сотворении мифов о кавалерах золотой звезды, вывела на тропинку, которой, быть может, уготовано прослыть столбовой дорогой отечественной словесности.

Разно запомнились они, старшие наши товарищи. Мне и память напрягать не нужно, чтобы ожить в воображении какие-то картины.

...Вечер. Взмагаю по лестнице на своей шестой, а навстречу — барином, в китайском халате, расшитом розами и петухами — спускается в душ Борис Можая. Да и не то

слово — спускается. Шествует, плывет, парит. Вечно готовый задирает всех и вся, сегодня он благодушен, ухмылка — шире бороды.

— Читал? — спрашивает.

— Читал. Поздравляю!

— То-то же! Мы им еще покажем Кузькину мать...

Повесть «Из жизни Федора Кузькина» и впрямь не за горами, но радуется Борис Андреевич очерку, опубликованному в «Литературной газете». Очерк — о чинных злодеях из Рязанского обкома партии, повелевших распахать под кукурузу пойму Оки, тем и загубивших ее безвозвратно. Еще так далеко до всплесков общественного негодования, до широкого экологического движения в стране, Борис, по сути, единственный «зеленый» на весь Союз! С тех пор и по сей день отношение к нему у рязанских парт-аппаратчиков однозначное: расстрелять — рука не дрогнет.

...Застенчивый, немногословный Анатолий Ткаченко прогремел адруг повестью «На отшибе». Лихо закрученный сюжет, дальневосточная экзотика и — такая узнаваемая, такая горькая Россия! Мы пригласили автора на свой семинар по текущей советской литературе: из первых, так сказать, уст послушать о секретах мастерства. Анатолий Сергеевич долго упирался, отнекивался, а когда уговорили, уломали, привели в аудиторию — задумчиво изрек:

— Ну зачем я вам буду что-то рассказывать? Вы же сами пишете! Знаете, как это делается.

Что тут возразишь!

...Захожу к Жернакову, кажется, перехватить пятерку. А он — как Иисус Христос на кресте: распял себя на ребрах шведской стены да еще босыми ступнями какие-то скалки на паркетинах катает.

— Зачем это, Николай Кузьмич? — спрашиваю ошарашенный.

— Отрабатываю сюжет, — улыбается.

А пот с него — градом.

Самый «взрослый» годами среди сокурсников, тяжело хворавший, жил Николай Кузьмич на голом упрямстве и страстном желании сказать свое слово в литературе. Уже и это достойно великого уважения. Но еще более поразила я, когда узнал, что Жернаков — секретарь обкома партии. Вернее, был им до поры до времени, пока не взбеленился кто-то из столичных чинуш: книжки сочиняет, гуманист, а мало ли о чем взбредет ему написать! Жернакова поставили перед выбором: литература или партербота. Он выбрал литературу, понимая, как трудно будет напечататься, к какому нищенскому существованию приговорят его недавние сотоварищи.

...Или это вот — нездешние старички у дверей общежития. Низкорослые все, редкородные, с глазками, узко сведенными в прищуре: будто в белку на сосне целятся. Белые рубахи подпоясаны цветными шнурками. Кто они, откуда? Студентов по возрасту переросли, на классиков не шибко тянут. Оказывается, гости из Хакасии. Приехали на ВДНХ, а там и сообразили: где-то, поближе от Выставки, Иван Спиридонович Кычаков обитает. Помнят они Кычакова, хорошие, правильные для ребятшек учебники сочинял. Вот, пришли сказать спасибо доброму человеку.

Над учебниками для тамошних детей трудился Иван Спиридонович, отбывая в Хакасии ссылку.

Разно, повторю, запомнились нам наши старшие товарищи. И это естественно: живые люди, у каждого — свои повадки, своя манера подать себя. Но было и нечто общее, свойственное им: надежность. И никогда, ни при каких обстоятельствах не демонстрировали они даже тени превосходства над нами, начинавшими.

Смею надеяться, что и мы, жившие бок о бок с ребятами из этого поколения, переняли у них что-то светлое, доброе.

Соболев, с открытки которого начал я эту главу, познанился с Колей Рубцовым у Астафьева, на новогодней вечеринке. Было это, помню, в какой-то из комнат общежития.

В нашу тогдашнюю жизнь Виктор Петрович Астафьев

вошел так плотно и так ярко, что и сегодня, спустя десятилетия, вспоминаю об этом с душевной теплотой.

Студенты веселы оттого, что не богаты. Случались, однако, дни, когда уже не до веселья. Пробудившись утром, а подниматься нет охоты: помнишь, и «стрельнуть» не у кого, и сшибить халтуру негде. Чего ж зазря метаться, лучше побережь ее — энергию.

— Мужики, — хриловатый голос за дверью, — на ногах?

Он — Виктор!

Вламывается — бесцеремонный, медвежковатый.

— Пять минут на умыться-одеться и — помчался в «Эльбрус». Ходят слухи, туда завезли армянский коньячок и свежую баранинку.

«Эльбрус» — знаменитая в то время шашлычная на Тверском бульваре, на том самом месте, где ныне зеленеет газон и закручивается водоворот позорной очереди в иноземный «Макдоналдс».

Видя нашу нерешительность, деланно свирепеет:

— Вы это бросьте, давайте без фокусов... У меня книжка вышла, гонорар получил. Выйдет у вас — вы меня поздравите. Тоже обмоем.

Едем в «Эльбрус», а он в трех шагах от нашей Alma mater. Сидим — плотно, неотрывно — за крайним столиком, возле просторного окна. А за окном — озабоченные, боясь опоздать на лекции, бегут вприпрыжку наши однокашники. Нам не до них — урабатываем шашлыки и внимаем кормильцу, который рассказывает про недавний вызов к секретарю обкома:

— Пригласил сестрь, приступил воспитывать. Беседуем, а он все под стол ныряет, все ныряет, какие-то манипуляции там вершит. Прислушался я: шипит под столом что-то, по-зменному шипит. Секретарь мне вопрос, а я — как воды в рот набрал. Вынырнул он из-под стола, глаза чумные: «Что же вы молчите, Виктор? Говорите...» — «Хорошо, отвечаю, — согласен, буду говорить. Только давайте без дураков, без игры в прятки. Во-первых, магнитофончик водружите на стол, чтобы вам не напрягаться излишне, а во-вторых, не всем я Виктор — кому-то и Виктор Петрович...»

— Ловко, — по-ребячьи радуется Рубцов, — ловко ты его разделал. Под орех!

Астафьев похохатывает, довольный.

У меня такое чувство, что все годы учебы в Литературном мы не расставались с ним. Да, собственно, так оно и было. Закончив курс наук в писательской «ремеслухе», определившись на жительство в провинции, Виктор Петрович частенько навещался в первопрестольную. И с вокзала — всегда в общежитие на Добролюбова, никогда — в гостиницу. Случалось, занимал свободную комнату и — жил неделями, работал.

Однажды завалился с неподъемным чемоданом.

— Зови братву!

Сбежались, смотрим: что еще за сюрприз?

Оказалось, рукопись «Кражи» — в нескольких экземплярах.

— Почтайте, ребята, потом скажете, как оно вам... — И добавил — не без смущения, которое в нем, уже известном, показалось мне странным: — Я эту вещь мозолями на заднем месте высидал. Корпел, света не вида...

Не берусь судить, какое значение имели для него наша оценка, наше мнение о повести. Тут важно другое: школа! Нам такие уроки — не меньше, чем самый насыщенный творческий семинар.

И вот ведь что любопытно: не только Астафьев так поступал. Покойный ныне Григорий Иванович Коновалов в институте, да и на курсах, отроду не учился. Рожденный в начале века, он и возрастом превосходил нас значительно, но тоже был частым и желанным гостем в общежитии: студенты по-своему звали его «дедом» или «дядей Гришей». Так вот, и его многотомные «Истоки» читали мы в рукописи.

Не прихоть мастеров объясняю я такие их поступки, а желанием услышать правдивое, не прикрашенное лукавой

лестью слово. Когда-то — в прошлом веке, на заре нынешнего — писатели специально сходились на вечеринках, чтобы почитать друг другу свои творения, пока не стали они достоянием не всегда опрятной критики. Пренебрежение к так называемой «салонной поэзии», «салонной литературе», бытующее у нас, — по меньшей мере, недоразумение. Проверку салонами прошла поэзия Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета. В самых взыскательных салонах читывалась проза Гоголя, Тургенева, Толстого, Бунина, Лескова... Сегодня эта добрая традиция утрачена. Нам все некогда, некогда, все торопимся в бессмертие или переводим время на распри, на ссоры и склоки. Отсюда и уровень литературы.

Не знаю другого прозаика, который бы так страстно любил поэзию, как любит ее Виктор Астафьев. Хорошие стихи может слушать часами. Сидит, наклонив голову, иногда и непрошеную слезу смахивает. Если что-то особенно понравится — заставит повторить, и не единожды. А то и переписать для себя попросит.

— Хороший человек! — скажет об авторе взволнованных его стихов.

Сколько раз накалывался, убеждался, что и подлецы бывают талантливы. А все — до очередной находки, очередного открытия, свершилось оно — и снова слышишь детски-восторженное: хороший человек!

Именно тогда, в ту пору вынашивал он замысел сборника, в котором — каждый с лучшим своим стихотворением! — напечатался бы поэты российской провинции. Понадобились годы и годы, чтобы такой сборник — «Час России» — увидел свет.

Его и в Рубцове, насколько я знаю, сперва стихи поразили, а потом уже — когда порасспросил, а что-то и стороной выяснил — горькая схожесть судеб: раннее сиротство, бесприютность, неприкаянность.

Едва обнаружил это — проникся к Рубцову сердечным состраданием. Уговаривал приехать в Пермь, отдохнуть от житейских дряг. «Живи хоть месяц, хоть год. Гуляй, дыши, пиши. Марья моя тебя не обидит, у нее сердце доброе».

Позже, когда оба определились в Вологде, опекал Николая, как мог, как умел. И не его беда, не его вина, что слишком ершист и непокладист был Николай Михайлович в последние месяцы своей жизни, что не всегда прислушивался к заботливому о себе слову, а порой и гневно, с порога отвергал любой намек на соучастие.

В феврале восьмидесяти шестого Ленинградский университет затеял конференцию, посвященную творчеству и памяти Рубцова. Юбилейный для поэта год: должно бы исполниться пятьдесят от рождения, исполнилось пятнадцать со дня гибели.

— Знаешь, до сих пор поверить не могу, в голове не укладывается, — сказал мне Виктор Петрович. И, отвернув лицо в сторону, договорил: — Не о том думаю, сколько сделал бы еще, написал, а о том, сколько мог бы жить...

Был ли случайным успех Рубцова?

Случайные успехи недолговечны.

Тут — напротив.

Он, этот успех, был подготовлен всем течением его жизни: неустанной работой души;

смелостью, с которой Николай Михайлович отринул устоявшиеся каноны, первоначальные уроки и пришел к своей самобытности;

совестью и позицией гражданина;

вдохновением, рождаемым в тяжком труде.

Все это вместе и есть талант!

Печалься о рано ушедшем из жизни земляке, Василий Белов сказал на страницах газеты «Советская Россия»: «Жаль, он так и не сумел выстоять перед пагубной страстью...»

Жаль — и Рубцова, и Анциферова, и Блинского...

Но только ли пагубная страсть причиной тому, что — раньше всех отпущенных сроков! — уходили из жизни талантливые, неординарные?

Валя Блинов. Самая яркая фигура среди наших студентов-драматургов. За его пьесами охотились режиссеры, о спектаклях по-доброму писала театральная критика, во все времена не балующая молодых. Материально не бедствовал и — в прошлом офицер-ракетчик — не пригубивал, на дух не переносил. Блистательно защитил диплом, а вскоре отравился, оставив записку, что не видит смысла в такой жизни, при таком общественном устройстве.

Прозаик Василий Подгорнов, слушатель Высших литературных курсов. Влюбленный в село и природу, выше всех классиков почитал Пришвина. Отучившись год в столице, уехал на каникулы в Ульяновскую область. Действительность, на которую — после сверкающих московских витрин — взглянул вроде бы новыми глазами, потрясла. Оборвал жизнь в петле.

Киносценарист Михно, привечаемый в студиях, обласканный постановщиками. Жили на одном этаже, разделенные парой дверей и клеткой лифта. На столе в его комнате осталась ополовиненная четвертинка перцовки с плавающим в ней гуттаперчевым чертиком. Приехавшие на похороны родители твердили в голос, что выпил сын впервые в жизни — перед тем, как навсегда расстаться с ней. Самого Михно нашли в бельеовом шкафу, в кармане — записка. Примерно такая же, как у Вали Блинова.

Мой однокашник Гамзат Аджигельдиев, поэт. Вступительные экзамены сдавал в погонах сержанта, может, потому и назначили его на «строевую» должность — старостой курса. Что греха таить, не сразу понял он разницу между армией и вузом, между казармой и студенческим общежитием. Потом обошлось: притерлись, поумнели все. Выучился Гамзат, уехал на родину — в Дагестан, а вскоре и обрушилась на нас черная эта весть: наложил на себя руки. То ли с издателями взаимного понимания не нашел, то ли с местной властью не в ладах оказался.

Я оборву себя, не стану продолжать этот грустный и бесконечно долгий мартиролог. Люди, перед памятью которых я низко склоняю голову, не были душевнобольными или в чем-то виноватыми. Виновато время — беспощадное, удушливое, как ветер пустыни — самум. Кто-то, не видя выхода, сжигал себя в пламени алкоголя, иные — яростные и нетерпеливые — глотали яд, стягивали на шею петлю, выбрасывались с балконов многоэтажек.

Эмиграция в никуда.

В отрочестве, за школьной партой, мы заучивали наизусть про печальную судьбу певцов, замордованных царским самодержавием. Знаменитый список. Пушкин: убит на дуэли... Рылеев: повешен... Лермонтов: убит на дуэли... Полежаев: забит шпирутками...

Десяток имен, не более.

Не провожу аналогий, не хочу сопоставлений и обобщений. Давно не попадаете мне тот список на глаза. И слава Богу!

И вот о чем подумалось мне еще. Все мы, и я в том ряду, много толкуем о лишениях, выпавших на долю Рубцова, о несчастьях, ходивших за ним по пятам. А ведь сам-то он... сам он, видимо, другой доли и не желал. С этой был счастлив. О чем со всей определенностью и сказал в своих стихах: «Я люблю судьбу свою, я бегу от помрачений!»

Никому не ведомо, в какой мере каждый из нас зависит от обстоятельств. Сложись жизнь Рубцова по-иному — может, и не было бы у России такого певца.

Тихий философ по натуре, Рубцов много размышлял о жизни и смерти. И много писал об этом. И конечно же, старался увидеть, прозреть, что там — за последней чертой?

Умер, как и предсказывал, на крещение. В одном ошибся: про морозы. Именно в тот черный день — 19 января — грянула оттепель с дождями.

Кажется, Асеев остерегал собратьев: не смейте загадывать день своей смерти. Непременно исполнится.

И объяснил: тут не от Бога — от психики. Поэты легковнушаемы.

Женщину, которая убила Рубцова, зовут Людмилой.

Она писала стихи, говорят, не бесталанные. И была матерью девочки, рожденной в первом, не очень удавшемся, браке.

Накануне трагедии вологодские писатели затеяли семинар для начинающих. Рубцов, рассказывают, резко, даже зло критиковал стихи Людмилы — за самолюбование и перепевы его, рубцовских, мотивов.

После семинара она и увела его к себе. «Не ходи», — говорили ребята, но Рубцов не прислушался: он любил эту женщину, хотел назвать ее своей женой.

На следствии Людмила подтвердит, что да, собирались пожениться, но дней за десять до регистрации она отказала Николаю. Потому что, когда переберет, чересчур деспотичен. И что Рубцов, придя к ней после семинара, клялся в любви, настаивал на женитьбе, а не добившись согласия, выхватил из кармана пару ножей и приставил к ее груди: «Не выйдешь за меня — убью!»

Людмиле ничего не оставалось, как защищаться.

Версию с ножами я отмечаю с порога: Коля Рубцов в роли опереточного злодея — нонсенс, пошлая выдумка. И это так же верно, как и то, что в подпитии он действительно бывал деспотичным.

О ножах не говорит и соседка по коммунальной квартире, подслушавшая — из-за тонкой щелястой перегородки — единственное: признание в любви. «Я люблю тебя, Люда!» — повторял Николай.

Не было их, ножей, и среди вещдоков, а вот улыбка на лице Николая, не успевшего осознать, что его убивают, осталась.

Следствие в своих выводах оказалось единодушным: убийство не было результатом аффекта, утраты душевного равновесия, чувства реальности. Преступница оставалась в здравом уме и твердой памяти.

Людмилу, приговоренную к восьми годам, в колонии назначили звеньевой, постоянно отмечали за добропорядочное поведение и усердную работу. Еще — за активное участие в художественной самодеятельности.

Не знаю, какие побуждения привели к воротам колонии Олю Фокину: то ли, прошу прощения, исконная бабья жалость, чувство христианского сострадания, то ли желание заглянуть в глаза. Людмила не вышла встретиться, отказалась наотрез. Ссылалась на то, что выглядит непрезентабельно: острижена, исхудала при скверном питании, да еще в полосатом эзковском платье.

Освободили ее — повторю, с учетом хорошего поведения и ударной работы — через пять лет. Так совпало, что в тот день, когда она должна была покинуть колонию, одну из улиц в Вологде наименовали в честь Рубцова. Митинг, стечение народа... Власть — а вдруг люди прознают, не простят ведь! — предложили Людмиле задержаться на сутки. Согласилась, но после негодовала, жаловалась на произвол.

Вот, пожалуй и все, что осмеливаюсь я рассказать о женщине, обокравшей отечественную поэзию. Да и осмелюсь-то, уступая настойчивым просьбам читателей.

Люди, знакомые с Людмилой, утверждают, что она по-прежнему пишет стихи. И кто-то из доброхотов вроде бы настойчиво пробивает ее в Российский Союз писателей.

Величайший такт и трогательную мудрость проявили земляки Николая Михайловича Рубцова, начертав на памятке ему строчку из «Видений на холме»:

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

РЯЗАНЬ.
1975-1985. 1990 гг.

●

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Имя Николая Рубцова обрело уже почти волшебную силу. Говоря о нем, мы всегда подразумеваем поэтическую глубину, удивительную искренность и неразрывную связь судьбы и творчества этого безвременного погибшего поэта.

Слова «забытые, неопубликованные стихи» плохо вяжутся с именем Рубцова. Но некоторые его произведения, в основном ранние, действительно не опубликованы или забыты. Не напечатан полностью даже машинописный сборник «Волны и скалы», выпущенный Рубцовым в 1962 году тиражом всего шесть экземпляров. А ведь туда вошло немало отличных стихотворений. Недавно я опубликовал одно из центральных стихотворений этого сборника, в нем есть такие стихи:

Ах, что я делаю?
За что я мучаю
большой и маленький
свой организм?..
Да по какому же
такому случаю?
Ведь люди борются
за коммунизм!..

Ирония этих строк понятна. Рубцов писал правду всегда, при любой «погоде». Некоторые его стихи как раз и не шли раньше в печать из-за политических вольностей. Были и другие вольности, не совсем печатные выражения. Некоторые стихи поэт не публиковал сам, считая их несовершенными. И последняя, пожалуй, причина существования до сих пор не опубликованных стихов — некомпетентность и равнодушие некоторых редакторов и издателей. Предлагаю читателям несколько стихотворений выдающегося поэта нашего времени Николая Михайловича Рубцова. Думаю, что сегодня мы правильно поймем и верно оценим любые строки мастера. Мы даже «вынуждены» это сделать, потому что когда-нибудь все эти строки войдут в полное собрание сочинений поэта. А в том, что оно необходимо, — я нисколько не сомневаюсь.

Вступление
и публикация
Вячеслава БЕЛКОВА.

ВОЛОГДА

Отрывок

Загуляли мои друзья!

И в отгаде

Петушком подскочил и я,

И отпробовал

Влагги...

А наутро пошли гудки,

Стали брызгать грузовики.

Все меня обливали грязью.

Лишь у бани

Какой-то дед —

Видно, с опытным знаньем —

Выпил кружку

И мне вослед

Поглядел с пониманьем...

Два пути

Рассыпались листья по дорогам.
От лесов угрюмых падал мрак...
Спите все до утреннего срока...
Почему выходите на тракт?

Но, мечтая, видимо, о чуде.
По нему, по тракту, под дождем
Все на пристань двигаются люди
На телегах, в седельных мешком.

А от тракта, в сторону латко.
В лес уходит узкая тропка.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда

Кто же знает, может быть,
Навски
Людный тракт окутается милой.
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.

1950

* * *

Поэт перед смертью
сквозь тайные
слезы

жалеет совсем не о том,
что скоро завянут надгробные
розы,

и люди забудут о нем,
что память о нем —

по желанью
живущих —

не выльется в мрамор и
медь...

Но горько поэту,
что в мире
цветущем

ему
после смерти

не петь...

1957

Если что не так...

Поэт вокруг своей оси
Всегда вращался, как планета, —
Ведь каждый миг душа поэта
Полна движения и сил!

...Дышу натруженно, как помпа,
Дышу, осиливая грусть.
Лежу противный, будто бомба,
Не подходите — я взорвусь!

Но встану окна распахнуть —
И ветра свежесть ледяная
Звенит, волненьем наполняя
Мою прокуренную грудь.

Друзья, ко мне на этот раз!
За пару дружеских словечек
Велю нарезать двух овечек,
Вина достану — все для вас!

Для вас прочту, имея такт,
Свой стих — любимый и ударный,
Хотите — каркайте: «Бездарно!»
Простите только, что не так...

Должен сказать...

Все, что написано мной
Грубого, низкого, пошлого,
Я не считаю игрой
И пережитками прошлого.
Нет, не писал безрассудно я.
И говорю не напрасно:
Жизнь наша флотская трудная
Все же прекрасна!

1957

Знакомство

Пел солист красивым баритоном,
Джаз играл волнующий фокстрот.
Я в углу беседовал с пижоном,
Сунув сигарету в рот.
Голову склонив довольно низко,
Я не видел посторонних лиц.
Но внезапно

чей-то

близко-близко

Жаркий взгляд
сверкнул из-под ресниц.
Мне стоять с пижоном

грустно стало.

И, сказав рассеянно: «О'кей!»,
Медленно пошел я через зало
И остановился перед ней.
«Потанцуем?» —

я ей руку подал.

И она в согласии немом
Подошла ко мне вполоборота,
Ласково взглянула:

— Что ж, пойдем...

Темный локон живописно падал
На ее чуть-чуть вспотевший лоб,
Голос томно-тихий,

а во взглядах

Самых сильных чувств

калейдоскоп!

От нее не веяло притоном,
Улыбался

детской формы рот...

Пел солист красивым баритоном,
Джаз играл волнующий фокстрот.

1957

Обыкновенный
случай

Я иду с гармошкой по деревне
С красной звездой шапкой

набекрень.

И по пьянке около деревьев
Носом чуть не врезался

в плетень.

Бегают вороны по сугробу,
У калитки хрипло лает пес.
Девушка, как будто с пер.бу,
Мне кричит: «Не падайте,
матрос!»

Отвечаю я, смущенный очень:
«Ах, простите, девушка-краса...»
У нее сверкают гневно очи,
Еб...ась до пояса коса.

«Милая, простите...»

— повторяю.

Не ругайтесь, если что не так.
За три года в первый раз гуляю,
Веселюсь, как истинный моряк». —
Девушка поморщилась с досадой,
Тихо мне сказала: «Ты не прав»,
И ушла, повиливая задом,
Навсегда меня очаровав.

Я остался около деревьев.
И, конечно, понял в этот день,
Что позорно шляться по деревне
С красной звездой шапкой —
набекрень!

Случайные
страшные мысли

Отоснились пепельные косы,
О которых Флеров написал.
Поднимались в кубриках
матросы,
Выносили койки на причал.

Над заливом дождь холодный
капал,
На волне качался альбатрос.
Весь продрогший вахтенный
у трапа
Вытирал перчаткой мокрый нос.

Обозвав кого-то ...сосом,
Старшина слонялся в стороне.
Офицер с начальственным
вопросом
Обращался громко к старшине...

Я шагнул, заложив руки в брюки,
И подумал мрачно: «Может, тут
Я загнусь нечаянно от скуки.
И меня на кладбище свезут.

Похоронят где-нибудь под
елкой...

И тогда у старого плетня
Будет часто плакать втихомолку
Девушка, любившая меня».

1957

* * *

В провинциальном магазине
Вы яйца видели в корзине,
Вы подошли к кассирше Зине
И так сказали ей, разине:

— Какого хрена эти яйца
Гораздо мельче, чем у зайца?
Она ответила не глядя:
— Зато крупнее ваших, дядя!

* * *

Рыжая баба,
Рыжий мужик,
Рыжая баба
Под мужиком лежит.
Слились два тела
В рыжий ком,
Не видно бабы
Под мужиком!

* * *

Велят идти на инструктаж.
Приказ начальства не смейки,
Но взял я в зубы карандаш,
Пишу любовные стишки.

Но лейтенант сказал: — Привет!
Опять не слушаешь команд!
Хотелось мне сказать в ответ:
— Пошел ты на ...р, лейтенант!

Но я сказал: — Ах, виноват, —
И сразу, бросив карандаш,
Я сделал вид, что очень рад
Послушать умный инструктаж.

Зачем соврал? Легко понять.
Не зря в народе говорят:
Коль будешь против ветра ссать,
В тебя же брызги угодят!

П Р И М Е Ч А Н И Е

В подборку неопубликованных стихотворений Н. Рубцова мы включили также несколько его ранних стихотворений, сохранившихся в архивах критика и литературоведа В. Кожина («Должен сказать...», «Знакомство», «Обыкновенный случай», «Случайные страшные мысли», «В провинциальном магазине») и однокурсника поэта по Литинституту Е. Чернова («Рыжая баба», «Велят идти на инструктаж»). В рукописи на полях последнего из них поэт написал: «Это не крамола, это с натуры. Флотские будни».

Озорные, шуточные, порою хлестко грубоватые, эти стихи писались для забавы друзей в веселые минуты застолья и бесед. Но озорство это было небезопасным, если представить, что стихи могли попасть, к примеру, в руки бдительного флотского начальства. Впоследствии Н. Рубцов подобного рода шуток не писал. Однако, как свидетельствует стихотворение «Должен сказать...», и не отказывался от них. Стихи эти, написанные молодым поэтом, полным душевных сил, энергии, любви к жизни, на наш взгляд, не снижают, а дополняют его образ.

О Т Р Е Д А К Ц И И

ЮРИЙ ГАЛКИН

Незабытые
радости

Не рановато ли печку закрыл? — очень уж зыбкие, заманчивые пошлы фантазии, неопределенность какая-то возникла — вот-вот ласковая свирелька заиграет... На улице надо поскорее выйти, на холодный ветер. А вот хоть за молоком схожу!..

Все-таки когда есть дело какое-нибудь, бодрее собираешься, без лишних сомнений и колебаний: надо — значит надо, и весь разговор. Оделся, взял бидончик да поскорее вышел на волю. И правда, совсем другое дело: весь угар ветром так и вышибло! Постою на крылечке, пока глаза привыкли. Черный вечер, белый снег... Да, как это верно Александр Александрович заметил!.. Вот что такое настоящий талант: к чему не прикоснется, все обращает в истину, поскольку истина нашего бытия присутствует везде, во всякой мелочи, в каждом шаге, но мы начинаем видеть ее только тогда, когда нам укажут на нее.

Как резко белеет снег и как черно сверху и кругом!

Черный вечер.

Белый снег...

Идут двенадцать человек...

Куда же это они идут? Куда-то ведь идут, по делу какому-то важному, экспроприировать, что ли?

Вязкие сугробы надуло в самых неожиданных местах, и путаешься валенками в снегу, пока выберешься на твердое место. Выберешься, оглянешься... Нет, никого не видно. Разве уж все прошло?.. И огоньков нигде нет, пусто в деревне, один черный ветер гуляет да белый снег все залепил, запеленал.

Черный вечер.

Белый снег...

Идут двенадцать человек.

В гужовинность...

Что такое? В какую такую гужовинность? Нет, не так что-то, не туда как будто они шли. Да и откуда она выскочила, эта гужовинность? Привяжется же словечко, и как сразу с ним не определишься, так оно точно бы в засаде спрячется, и не знаешь, когда оно выскочит, где достигнет тебя. Надо наконец-то выяснить, что же это означает, а то ведь как будто в воздухе носится, так вот и мелькает, а в руки не дается.

Домки наш, занесенные снегом, безропотно и угрюмо сидят в сугробах и точно бы сердятся на своих хозяев, бросивших их на одинокое и холодное существование... Зато те редкие, к которым с большой дороги вешками обозначены тропки, совсем по-другому смотрят — бодро и весело. Даже и окна, пусть и темные — то ли спать уже хозяйка повалилась, то ли в гости ушла, — чисто так поблескивают... А про этот вот, из окон которого белый свет широко льется на сугробы, и говорить нечего — словно корабль чудесный среди тьмы и метели!..

Толкнул тонкую дверь — заперто, нашарил веревочку, потянул — открылось. В сених тоже темно, да ступеньки батошкой нашупал, поднялся, а тут и дверь в избу, скобу нашарил, отворил и переступил высокий порог.

— Мир дому сему!

— А, заходи.

Хозяин, Василий Михайлович Корнев, в рубаше, в штанах и в больших валенках лежал на кровати поверх лоскутного одеяла, пуская дым в потолок, а рядом на табуретке стояла баночка, полная окурков. Но мрачно что-то смотрел сегодня Василий Михайлович, глаза сердито так прищурил, и телевизор не включен.

Я спрашиваю осторожно:

— О чем мечтаешь?

— Так лежу, — говорит, и плешь погладил, руку под голову забросил.

— А телевизор что не смотришь?

— А нечего там смотреть.

Бывает не то что смотреть нечего, а просто не хочется ничего смотреть, настроения нет, на белый бы свет не смотрел, не то что на этот телевизор. Должно быть, как раз такая минута...

— Садись, — говорит. И валенки сдвинул, освобождая мне на краю место. Я стаянул под порог растаявший на шапке снег и присел. Василий меж тем закурил новую папиросу, и клубы табачного дыма потекли вверх и окутали белым облачком лампочку.

— Кых-ких!..

Конечно, можно и молча посидеть, не разговаривать, если не в духе, не докучать вопросами: что да почему, взять бы молока и домой, и вот так же лежать в валенках, просто так лежать, не думать ни о чем, ни про то, куда пошли двенадцать человек, ни про чего другое, а просто так лежать, погрузившись в задумчивую мечтательность, переживая и в другой раз, и в третий, и в пятый какой-нибудь давно прожитый приятный момент... Молоко только возьму...

— Да, послушай, — сказал я, внезапно вспомнив про эту окающую гужовинность. — Послушай!..

Но как-то уж больно сердито напустился на меня сквозь дым Михалыч: что-де еще?.. Нет, лучше не заводите на эту тему, лучше не спрашивать сейчас. Может быть, в другой раз? — ведь ясно, что эта гужовинность не простое слово, что есть в нем какая-то страшная тайна, и к тайне этой вот так походя лучше и не прикасаться.

— Э... а где Даниловна?

— К Маньке вроде бы ушла, сейчас придет.

Я поставил в сторонку свой легкий бидончик. Манька — это Мария Даниловна, сестра, через дорогу живет, надо подождать. Помолчали. Михалыч сосредоточенно пыхает сигареткой, вставленной в длинный мундштук: пых-пых. Такое с ним бывает, когда выйдет у него какой-нибудь неприятный разговор с бригадиром Леванцовым или с каким-нибудь совхозным начальством, даже и не разговор, а так — бросят друг в друга хлесткими словечками вот и весь разговор. Приезжает, например, кто-нибудь в кузницу: сделай скобы, сделай штыри, сделай то или это. А из чего я вам сделаю — из этого? где материал? где уголь? это разве уголь привезли? — одна земля!.. Или вот еще когда на партийное собрание съездит, спросишь, о чем разговор был, какое решение о подъеме совхоза приняли, говорил ли про уголь, про материал? — он только рукой махнет, насупится, стараясь снять какое-то детски-виноватое выражение на лице да поскорее начнет закуривать. И понять человека можно: коммунист, ведущая сила, а куда привел родную деревню, родной дом, даже родную жену?.. А про себя самого как будто и говорить неловко: «Кых-ких» — вот и все. Может быть, и сегодня возили на собрание?

— Послушай, а где ты в партию вступал? Когда?

— Это еще на Болоте. Была одна, привязалась: давай да давай, надоело. Ну, мы тогда трое записались.

Болото — так у нас называется место в лесу, километрах в трех от Дорофеева. Там раньше была торфоразработка, рабочий поселок, и детство и юность Михалыча как раз прошли в этом поселке, а в начале шестидесятых эта торфоразработка закрылась. Но всякий вот раз при упоминании Болота Василий Михайлович оживится, посветлеет — как и сейчас, и даже плечами пошевелит, поворочается да взглянул сразу добрее.

— И кузнечное, и сварочное дело там освоил?

— Специально-то не учился, а так... Да чего я тогда был — двенадцати лет.

— Двенадцати?

— Ну. А работа была — падал. Мать разбудит, а идти надо километр до машины. А ночь темна — часу в полпервого. Смена-то потом придет, а мне надо затопить котел,

пару нагнать. А приходила бригада — одне мужики, сорок-то человек, один одного здоровше. Вот растоплю котел, они идут: «Ну как, сынок, готово?» Готово, поехали! Только давай — и жмут, и жмут. А оне здоровые все, все вербованные.

— А чего они делали?

— Копали.

— А твоя машина?

— А машина крутит элеватор и пресс. Цепь там идет. Надо кидать в элеватор, а потом пресс. А потом идет мунштук и доска, и в вагонетки... А я чего — до штурвала не достаю, мне ящики сбили. На день-то знаешь сколько? — тонн пять—шесть сожгу только торфу одного...

Не трудно представить его возле той машины мальчишкой — ведь и сейчас-то Михалыч худой, ростом небольшой — весь как бы внутрь самого себя согнутый, и только вот голова плешивая. «Кожа да кости» — про таких говорят. А тут, правда, можно добавить эпитет: кожа прокопченая. Возле этих машин, наковален да слесарных верстаков с двенадцати лет не прокоптиться да не согнуться мудрено было бы...

— В час ночи ты уходил к машине, а когда же приходил?

— Когда стемнеет. Ну, на обед сходишь, ложкой ткнешь, а сам спишь. Спишь и ешь...

Тут дверь отворилась, вошла сама хозяйка, в платок закутана, в больших валенках. Может быть, всё большим на ней кажется потому, что сама маленькая, как внучка Иринка пятнадцати лет... Увидела мой бидончик, заторопилась дойти, ведро с пойлом потащила.

— Да ты, — говорю, — Анна Даниловна, не торопись, я подожду. Мы вот с Михалычем про Болото вспоминаем.

— А, про Болото! — певуче сказала она, и темное, в морщинах лицо ее осветилось радостным оживлением. Она даже ведро отставила и выпрямилась. — Золотое дёнышко!

Вот как! Может быть, я ослышался? Эта торфоразработка и — золотое дёнышко!.. Я оглянулся на Василия. Но тот окутал себя облаком табачного дыма и шурился непонятно.

— Не-ет, на Болоте хорошо было. Там каждый месяц давали мануфактуру, магазин там свой был. Много там работало из наших. Кто помоложе, кого не спроси, все там работали. Только вот старухи — Вера, Семенова Юра — эти не работали. А тетьа Васена наша, Манька Гульнова работала, Шура Федорова работала, много наших там работало. И вербованных много было: орловские, воронежские. Пенза была, брянские. Со всех краев.

— Кто работал, полтора килограмма хлеба получал, — перебил Михалыч прокуренным своим крипом мягкий, быстрый, журчащий говор жены. — А потом еще дополнительно давали. Вот я до двух килограмм получал. А чего я тогда был? — двенадцати лет.

И что это он вдруг разволновался, разгорячился? — резко с подушки вспрынул, приподнялся на локте, — так, должно быть, легче, свободнее было ему свое волнение высказывать.

— И все там было: и мясо, и все. Деревни снабжали нас. Как осень, привозят на лошадях. Капусту везут, картошку, мясо везут.

— А за что же вас деревни снабжали так щедро? В обмен за торф или как?

— Зачем в обмен. Это все было в счет поставок. А какие погреба были!..

Сказавши о погребах, он опять опустился на подушку и замолчал, словно бы утомило его пережитое волнение.

— Правда, работа была тяжелая, — опять заговорила своим мягким голоском хозяйка, точно подхватывая выпавшее из рук мужа знамя. — Я в карьере была, копала, с сорок третьего года...

— А лопаты какие! — опять не выдержал Василий.

— Лопата такая — ее не подымеешь пустую, а я за сме-

ну-то бровки дае — метров, наверное, на шесть — выкопаю. Вот так метр, да так, наверное, метра три, и вот я выкопаю ее за смену. А пеньки-то попадают во какие. Вытаскиваешь, рубишь топором. Я те говорю: падали. Так вот работали. И, зная, смеялись. Работаем и смеемся. Еле-еле ползем, бахили у нас — бахили давали вот до сех пор, и вот идем да смеемся. И горя не было никакого, все радовались.

Странно как это слышать... И ведь не домysel ее про радость — она сама пережила ее, и не придумала... Может быть, это Болото с непосильной работой, но с богатыми погребамн, казалось «золотым дёнышком» только потому, что в родных ближних и дальних деревнях жизнь была и вовсе бесправна и человек жил и работал только для исполнения «поставок»?.. Иначе — как это все понимать?

— Работа тяжелая была, а вот чего-то смеялись, — сказала Анна Даниловна еще раз, видя, должно быть, мое сомнение, или сама пыталась понять свое давнее молодое чувство.

— А поженились вы с Васнем в каком году? — спрашиваю я.

— В сорок восьмом.

— И Валентина, и Дима, и Таня — все там родились, на Болоте?

— Все там. Там бы и теперь жили, да закрылось, — с сожалением сказала она.

Какое-то время мы молчим как на поминках. Видишь ты как, думаю я, кому Болото — болото, а кому — «золотое дёнышко». Но неужели та пережитая в юности радость только и волнует души? А все, что было после, все эти долгие годы — что это?.. Нет, это не жизнь, это другое что-то, чему названия я не знаю...

Но тут на мое счастье является еще один гость с банкой под молоко — их зять Виктор, муж старшей дочери Валентины, — они рядом живут в совхозном доме.

— Здравствуй, — говорит, — кого не видел.

И тоже, как я, стряхнул под порог снег с шапки. А теща меж тем как-то очень уж укоризненно и строго на него посмотрела, и Виктор поймал этот взгляд.

— Ты чего, бабушка?

— Я на тебя обиделась, — сурово так ответила «бабушка» и напустила на себя необыкновенно неприветливый, суровый вид — должно быть, с непривычки перебрала. И Виктор понял в чем дело, и начал оправдываться:

— Ты ведь сказала, что не надо...

— Сказала «не надо», когда я уже натаскала.

Должно быть, речь шла о воде для банн... Виктор покряхтел и виновато замолчал, а «бабушка» хмурилась и тискала в ведре вареные картошки и размокшие хлебные корки. Но два дела одновременно делать у нее не получается: сердится и готовить пойло корове, и вот уже лицо у нее мало-помалу добрее и принимает обыкновенное приветливое выражение. Михалыча же все это как будто и не касается: с отрешенным видом пускает в потолок клубы табачного дыма, а воображением все там еще, на Болоте... И правда, чего тут разбираться: натаскал — не натаскал. В эти домашние мелочи не стоит и вникать, ведь они никак не влияют на течение жизни, ими с «бабушкой» основанной в тех далеких годах, которые одни только и осветились радостью — как зарница полыхнула посреди черной ночи... Даже такое мелкое недоразумение с зятем не лучшее ли свидетельство того, что жизнь семьи, возникшей случайно на основе радости, гораздо крепче и неопровержимее всего другого, что казалось прочно утверждено на века, считалось неколебимым, но вот уже и распалось, развалилось, истлело, превратилось в миф о «золотом дёнышке»? Конечно, тут есть свои тайны, но тайны другие — сердечные, тайны той самой радости, из которой вопреки всему внешнему порядку вещей, вопреки неподъемным лопатам, вопреки работе ради куска хлеба осуществляется жизнь семьи... Пусть пока это не жаркое пламя, перед которым отступают тьма и холод, но ведь

никакая самая черная ночь не может одолеть и трепетного света лампадки...

Между тем картошка и корки размяты. Хозяйка берет поддонник, подхватывает тяжелое ведро с пойлом для Берты...

— Сейчас подою, — говорит, — подождите. — И мимо нас, праздно усевшихся с банками, с бидончиками. Мы с Виктором только успеваем подобрать ноги, как будто она и так бы не прошла, но — известное движение виноградных... Видишь ты, никак мы не успеем помочь ей, а как соберемся, у «бабушки» уже все «натаскано». И когда мы встречаемся с Виктором взглядами и я вижу его кроткую смущенную улыбку, то понимаю, что и у него на сердце сейчас такое же чувство. И мы сидим и молчим. Только Михалыч пыхает табаком да отрешенно смотрит вверх сквозь облака в потолок. Может быть, мыслями своими все еще там, на Болоте, где погреба полны мясом, картошкой и капустой, доставленными из окружающих деревень в счет поставок?..

Но Виктору надоело сидеть молча, и он говорит:

— Ты о чем размышлялся, отец?

— Так...

— Про Болото вспоминает.

— А чего про него вспоминать, про эту каторгу!

— Хы, каторга! — с сердитым хрипом в голосе отзывается Михалыч.

И мне вдруг тоже как-то досадно — каторга! Я заступаюсь за Болото, я говорю и о том, что сейчас трудно и представить, что это Болото, где остались одни торфяные канавы с черной водой да полусгнивший барак, это Болото было во всей нашей округе как благодатный оазис среди... И нечего усмехаться. Люди на Болоте жили как, можно сказать, в раю. Правда, Михалыч? При электричестве, при магазине, в котором можно было купить мануфактуру, там были погреба, полные мяса, картошки и капусты. Скажи, Михалыч...

— Все было! — опять с волнением отвечает Михалыч и поднимается на локте — точно сила какая подымает его. — А здесь чего, в колхозе? — один палочки. Их так и зовут: палочки. Ну, картошки там скоко-то давали понемножку и все. Только вот те, у кого корова, масло скопят, сдадут, а уж чего останется — стакан ли, два ли — себе.

Виктор знай усмехается:

— Раз такое дело, к вам на это Болото народ, наверное, в очередь стоял?

— А что, здешних знаешь сколько работало? Все мызинские: Смирнов, Песков Шурка, Коноплев Генка... Ну, может и не в очередь — там ведь день и ночь надо работать. Но все-таки как здесь — не сравнить. Там если работал — получал. Я вот мальчишка был, а до двух килограмм хлеба получал.

И в том волнении, с каким Михалыч вспоминает, слышится едва уловимое торжество. Может быть, и гордость за себя — мальчишку... А больше-то чем погордиться? Он вставляет в мунштук новую сигаретку, чиркает спичку и, пытаясь дымом, опять валится на подушку и смотрит вверх, в потолок. Вот так, два килограмма хлеба, и кто? — мальчишка! — как будто говорит он всем видом и выражением прокопченного, изморщенного лица. Вам этого не понять, говорит он, вы этого не знаете, а я не умею и не буду ничего объяснять.

Обиделся, должно быть, за каторгу. И в самом деле, как легко и просто сказать: каторга! А он, каторгу эту прошедший, не согласен.

Может, и какое-то иное чувство переживал он сейчас, как тут наверняка скажешь, не бывавши в его коже, но когда Михалыч по своему обыкновению погладил плешь, меня поразила его рука: как же она была громадна — словно кепка!.. И странное такое впечатление возникло: не шестидесятилетний мужичок по имени Василий Михайлович Корнев лежит поверх лоскутного одеяла в облаках табачного дыма, а тот двенадцатилетний мальчик, которому склотили ящик, чтобы он доставал до штурвала локомотива, но только этот мальчик за пятьдесят лет превратился в символ работы... Или работа, к которой

он был приставлен за кусок хлеба, превратила, переделала его самого в символ и приняла вот такой человекообразный облик?.. Странное, даже какое-то болезненное впечатление. Символ работы — разве это возможно?.. Я даже — как будто ненароком — потрогал его за коленку. И Михалыч слегка подвинул валенки, освобождая место. Это, конечно, не значит, что он каждый день восемь-десять часов в работе, может быть, это-то было бы даже и хорошо, если рабочий человек осмысленно делает разумное и нужное дело, но вот этого-то как раз и нет, это вовсе не обязательно для него — разумное и нужное, но обязательно только то, чтобы он все время был при работе — при машине, при наковальне, при верстаке... Вот в этом-то как раз и состоит символ: символическая работа. Если бы работа была настоящая, действительная, фактическая, то все было бы по-другому: и этот дом, и деревня, и совхоз, и сам кузнец Корнев был бы другим и не лежал бы вот так с видом безучастным, охваченный любезными воспоминаниями о том, как он, двенадцатилетний мальчишка, работал у локомотива... А теперь вот только и есть, что символ: символ работы, символ процветания, символ единства, символ движения, символ раннего социализма...

Хорошо, что пришла с тяжелым поддонником хозяйка. В поддоннике молоко в высокой шапке пены. Вот это молоко — настоящее, никакой не символ, и вон как густо и убедительно перетекает из поддонника в мой бидончик, а потом и в банку Виктора. Ну вот, все наполнилось, даже и еще осталось, и Даниловна говорит:

— Это кошкам как раз.

Мы с Виктором, как будто об одном думая, переглядываемся и улыбаемся.

— Все-таки жизнь сильно изменилась, правда?

— Еще бы! То для себя было — что останется, а теперь вот кошкам!

— А как же, кошки, чай, тоже работают, им тоже надо, — застывает за кошек хозяйка.

— Не, бабушка, ты не врубилась. Вот тут нам отец говорил, как раньше хорошо жили: масло, говорят, сдадут, молоко сдадут, а себе — что останется.

— Молока триста литров надо сдать, триста штук яиц, сорок килограммов мяса, потом это... шерсти. Хоть и совсем корову не держи, а налоги неси!

— Не-ет, нету, — засомневалась Даниловна, — наверное, не брали...

— Как «нету», если молоко все сдавали. Овец не держали, коты, а шерсть сдавали!

— Нет, мне думается, вроде нет. Ведь если коровы нет, где молоко возьмешь? Сама донься не будешь...

— А яйца сдавали, у кого кур нет, — настаивает, горячая на жену, Михалыч. — Овец нет, а шерсть сдавали!

— Чего-то не помню... Вот, правда, как было! Покупали масло сдавать вместо молока. У кого корова мало доит, а семья большая, надо ей сдать триста литров, ну, а где она возьмет, если ребятки малы и надо им? И вот они покупали масла и сдавали маслом. Вот так вот было. А то сами делали масло и сдавали маслом. Дескать, масло-то сдадут, а сыворотка себе останется, пахта — это себе. А молоком — все неси.

— И это независимо от того, сколько в семье детей?

— Безразлично. Хоть двадцать человек. Ой, как жили — и вспомнить страшно. Ни в рот положить, ни обувь — ничего не было. Я маленькая была — только два класса в школу походила, а из-за чего? — а не в чем было ходить. Одни-то сапоги на пятерых! Один сходит сегодня в школу, на другой день другой бежит. Одне и те же валенки, да и те худые. В платок холщовый тебя завернут, книжки под мышку и треплешь. А у кого — торба. Сошьют вот на такой длинной ляжке, и он бежит маленький, а ему бьет по пяткам, упадет, вскочит да дальше... А как было? — не заставляли, как теперь, а не хочешь — не учишься, иди работай. Вот и работали — на быках, на лошадях. Вон у Паши Канишевой двое было вот таиньки — Славка и Генка, она их будит утром да ревет, оне не встают, оне ведь маленькие, по девяти, по десяти лет, а им уж на работу идти. Я два года в школу хо-

дила, а как ходила? — по нянькам сидела и в школу бегала. А ходили в чем? — голые ходили. Сапог нету, а есть какая ни то пальтушка, рукава-то обрежут, подошью да веревочкой опояшут, вот и бежишь в школу-то. А из-за чего в школу-то ходили? — пойдешь в школу, тебе лепешечку вот такую дадут.

Разговор у Анны Даниловны быстрый, складный, слова текут без задержки, как ручеек. Впрочем, и она сама такая же: ни минуты спокойно не сидит, все чего-нибудь руками делает. Вот даже и сейчас говорит, а руки сами собой полощут марлю в подойнике, подойник споласкивают... Но это как бы само собой, а за живым быстрым словом, за прямым взглядом — там, на самом «деннышке» души — какая печаль, какая застывшая навечно печаль!.. И вот говорит как будто с весельем про эту школу, про эти лепешки, а печаль та как стояла, так и стоит. И ничем ее не разбить, никакным участием не разделить..

— Где лепешки-то давали — в школе?
— Нет, дома. Дома мать даст. Вот из-за этого и бежишь. А по дороге ее и съешь. Поешь-то хочется. А съешь, оно и не думается.

— А кто в школу не идет, тому мать не давала?
— Нет, ты дома сидишь — и так хорошо. Вот так вот...
— Эх ты! — сказал Виктор. В его личном житейском опыте ничего подобного пока нет, вот ему все это и удивительно. Да еще и любопытство тоже...

— А скажи, чего ели? Ну вот хотя бы утром.
— Чего... Картошку из подпола вынут вот такую, намоют и на сковородку положат и в печку поставят. Она там спечется. И вот в скорлупках едим. И чай. Кусочек вот такой сахарку, а то по грудке песочку: мама возьмет вот так тремя пальчиками, посыплет — и все. И хлеба кусочек.

— А в обед?
— Там — щи. Из капусты, черные.
— С мясом?
— Како тебе мясо! Откуда мясо? А государству сдавать надо сорок килограмм!
— Сорок килограмм!..
— Сорок! А семья-то — не по одному, не по два! У нас — одиннадцать, како нам тут мясо! Вот щи пустые и все. Ну, побелят молочком, а сметану, чай, государству надо отдать. А если не собьешь масло да не отдашь, тебе тут напеченятся, понесешь, пожалуй. А то и посадят.

— Ну, а после щей чего?
— Налет по стаканчику снятого молочка, если есть, а нет — так и вылетай.
— А вечером?
— А вечером картошка. Сварят картошечки в мундирях, и вот сиди. Ты думаешь, вывалит да ешь сколько хочешь? Как не так! Дадут нормочку, нас одиннадцать, это нам надо ведро сварить, а где мы ее возьмем? Дадут маленечко, и ешь...

— Когда же это все было? — с веселым удивлением спросил Виктор.
— Когда... — Она задумалась, посмотрела с надеждой на мужа, но Михайлыч знай себе дымил и смотрел куда-то вверх, в пространство.
— В войну?
— И в войну, и до войны, и после войны. А после войны-то самые тяжелые годы были. У нас особенно — семья такая большая. Отца на фронт взяли, потом брата взяли, а я на Болото ушла, и вот паек таскала домой. Там дадут, мы перевыполняли план, нам давали паек, первое-то съешь, а второе-то в бумажку, в тряпочку, и несешь семье, а семья-то!.. Они стоят по-за овином-то, ждут тебя, встречают, знают, что ты им хлебушка дашь. Вот приходишь домой-то, сядишься за стол, и вот мать всем режет по кусочку. Спросит: ты ела? Не ела, говорю, все принесла... А я и говорю: кто теперь хлеб бросает, вот бы в то время ему крошечки бы собрать, — добавила вдруг она с укором.

— Эх ты, — опять не стерпел Виктор. — Кина сымать надо про это!..
— Ой, если все порассказать, и никакого кина не хватит. Она замолчала. И мы молчали и почему-то не смотрели

друг на друга. Потом — и отчего-то шепотом почти! — я спрашиваю:

— И во всех домах так жили?
— Не знаю. Мы вот плохо жили, нас много было — одиннадцать человек, нам тяжело было. А которые и хорошо жили, — добавила она вдруг с поспешной решимостью, точно в ледяную воду падая. И на Василия оглянулась — искала у него поддержки. Но тот угрюмо хмурился в потолок да пыхал табаком.

— Ну ладно, — сказала она и застучала посудой на шестке. Видишь ты, не хочет этой темы касаться: худо — хорошо, бедные — богатые... Но нас с Виктором это как-то озадачило, мы переглянулись с пониманием, и он спросил:
— А откуда они получали продукты?

— Откуда! — хрипнул Михайлыч. И опять какая-то сила подняла его с подушки. — Откуда! Да тут ведь у нас мельница была колхозная, весь район молот, вся деревня Высокая река сюда ездил. Тут ведь все сеяли: гречу сеяли, просо сеяли, рожь сеяли, пшеницу сеяли, все сеяли. Вот Столоверов да эти все начальники пойдут на мельницу — им чего!

— А Столоверов — кто же такой?
— А это Иван Карпыч, председатель сельсовета у нас был. Да еще председатель колхоза, да счетовод. Они, конечно, не нуждались. Их два брата было: Иван Карпыч — этот председатель сельсовета, а другой — счетовод, Данил Карпыч.

— А Леванцов?
— Женька?
— Да, Евгений Лексенч, ведь он тоже...
— А как же, и он там был. Он ведь тоже каким-то бригадиром в колхозе состоял, а потом в энтээс перекинулся, там все-таки получше платили. Да, вроде так: учетником в энтээс.

Тут и Анна Даниловна, все это время молчавшая, не стерпела:

— А отец-то у него, дядя Алексей, тот работал на Болоте на пекарне. И дочь его, Женькина сестра, в пекарне работала. А уж кто на пекарне работал, тот без хлеба не жил.

И высказала — точно выкрикнула с надрывом вчерашнюю обиду, да и сказало — как будто помимо воли из души вырвалось, а уж вырвалось, то чего уж теперь... Только страх какой-то мелькнул в ее больших и глубоко запавших глазах. Ну, может быть, и не страх, а только опасение, только отсвет страха: все же речь-то о начальниках.

И мы с Виктором тоже как-то неловко молчали, не спрашивали ни о чем, вроде бы нам уже и так ясно все было, хотя тут-то, может быть, и начиналась самая главная неясность. Но — молчали отчего-то. И Михайлыч — тот знай пыхал табаком и щурил глаза, и вид был такой отрешенный, такой безучастный, точно бы и не было никаких воспоминаний.

Ну что же, пора и нам воссоединиться... Когда мы вышли на улицу с приятно потяжелевшей посудой, и даже теплой еще от парного молока, ветер повсюду разгулялся. У конторы на столбе горел фонарь, и в свете фонаря косо и густо несло снегом из гудящей тьмы. Мы с Виктором приостановились за углом, набираясь решимости выступить на ветер. Я перехватил из одной руки в другую свой бидончик, а он поставил на ладонь — как на полку — свою посуду, чтобы она не выскользнула, и тут вдруг говорит, да с такой болью:

— Эх, жалко!..
И едва я не сунулся с готовыми сочувствиями и утешениями: какне-де твои годы, все-де у тебя вперед, Валентина поправится, трактор новый получишь и все такое, а там и весна!.. И хорошо, что не сунулся, а как бы предчувствуя что-то, спрашиваю:

— Кого тебе жалко?
— Жалко, что жизнь одна, да и та короткая.
Посмотри-ка ты, каким высоким соображением все в нем отозвалось!.. Жизнь, говорит, одна. А была бы вторая?.. Но Виктор уже даинулся, разбивая валенками сугробы. Пошел и я. Контора за дорогой глядела на нас сквозь снежный ветер неусыпными окнами, и только она одна знала, как обернулась бы и вторая наша жизнь, будь она у нас...

Жизнь прошла. Прошла и все тут. До самого последнего времени, вот до этой самой минуты, все еще казалось, будто она лишь продолжается и еще что-то будет, что-то произойдет и будет происходить, и не раз придется победно и зычно крикнуть и кулаком по столу хватануть, и взглядом этаким окинуть окружающих, а потом покинуть их, этих всех окружающих, что намозолили глаза до слезоудержания, и появиться где-то в другом месте, в другой силе и власти. Даже, помнится, все время где-то рядышком, за плечами была, в ожидании его инициативы, возможность какого-то серьезного шага в жизни, но, как кокетливая девица-перестарок, прохихикал он свой шанс, и вот пришла минута, когда ясно стало как Божий день — жизнь прошла.

Такая горькая минута трезвой оценки своей жизни случилась с Василием Васильевичем Шониным на рыбалке в воскресный день, когда, казалось бы, наоборот, все мысли должны были легкими и радостными, и уж во всяком случае не такими серьезными, ведь рыбалка для того и существует, чтобы отвлечься от всяких перегрузок, успокоиться всем организмом, и в общем, дело ясное: если на рыбалке приходит в голову мысль о том, что жизнь, дескать, прошла, то уж верно, так это и есть.

Василий Васильевич выдернул из воды пустую леску, осмотрел червяка, плюнул на него не то по ритуалу, не то с досады, закинул леску немного правее, воткнул удище комельком в мягкий дерн и отодрался. Достал портигар, из-под поперечной резинки выдернул папиросу, размял, закурил и весь отдался горькой думе про прошедшую жизнь.

Что, собственно, помешало ему прожить жизнь иначе, так, чтобы не жалеть о ней, а напротив, гордиться, вспоминать с радостью и со спокойствием отойти в сторону от

деп в полном соответствии с годами прожитыми? Ну, что же помешало? И спрашивать нечего! Ясно! Суета помешала. Пустяковина ежедневная, что казалась каждый раз важной — и воровала дни и годы — вот она, ежедневная пустяковина и сожрала его жизнь.

Ведь были шансы, и не однажды. Двадцать пять лет тому назад направили в школу милиции. Окончил он эту школу, получил образование — и дорога открыта! Но нет, застыдилась своего возраста в солдацкой среде, с офицерскими погонями да в курсанты! А пацаны, вчерашняя шантрапа, которую он не раз гонял из темных углов, они бойчее его оказались в порывах. И вот не выдержал. Сбежал. Смирения не хватило. Был бы послушнее, не сидел бы сейчас в своей деревне уполномоченным, не забавлялся бы по воскресеньям ловлей жалких окунишек, а на казенной машине привозил бы рыбу из заповедных мест... Эх, да разве в этом депо!

Опять же депо! Всю жизнь прождал такого дела, на котором бы перестроить случилось всю предыдущую неудачливость жизни. Но депа такого так и не подвернулось, да и не могло подвернуться, как он теперь это трезво понимает. Какое дело может быть у участкового уполномоченного? Самогон? Браконьерство? Хулиганство? А дело чуть серьезней, такие случались — тогда тут как тут следователь из района, а он, участковый, сбоку да сзади. Подручный! И на этой-то жалкой роли подручного ни разу не удалось проявиться хоть с какой-нибудь сообразительностью.

Быпи, конечно, некоторые удачи местного значения, то есть добился он власти и уважения в трех своих деревнях и в тайге промысловой, депутатничал несколько раз, медальку жалкую заработал и даже устные и письменные поощрения имел, но ни к чему этому серьезно не относился, потому что до последнего дня, то есть до нынешнего утра все еще надеялся на чудо в своей неудачной биографии.

Да хоть бы надеялся всерьез! А то, так, без рассуждения, как на рыбалке: знаешь, что в этой пуже самый большой окунь на четверть фунта, но всякий раз надеешься, что возьмет, да фунтовый подвернется.

Василий Васильевич рассуждал, тосковал и равнодушно смотрел на мятущийся поплавок. «Посиди! — сказал он глупому окуню. — Одним больше, одним меньше! Да и вообще, сдались мне эти окуни!»

Он потянулся и рывком дернул удочку. Окунь перелетел через голову и шпепнулся в траву. Василий Васильевич подтянул леску и, несмотря на все предыдущие размышления, с удовольствием крикнул, потому что окунь был хоть не намного более, но все же более, чем на четверть фунта. И эта неожиданная удача, абсолютный пустяк, даже и говорить смешно, а легче стало! Тоска, что нахлынула только что и полонила душу, словно плоть свою потеряла, утратила, в облачко превратилась и опустилась куда-то в тайные закрома души.

За спиной послышался треск мопеда, и Василий Васильевич чуть замедлил операцию изымания крючка из глотки окуня, потому что на мопеде, должно быть, Витька Ситников, заядлый рыбак, а промеж рыбаков разница в возрасте роли не играет и перед удачей все равны.

— Дядя Василь! — заорал Витька, не затыкая пасти своему громающему мопеду. — Дядя Василь, тебя в сельсовет кличут. С районом приехали. Ух ты! — восхищенно воскликнул пацан, увидев окуня. — Это ты его тут словил?

— Кто приехал-то? — спросил Василий Васильевич, небрежно швыряя окуня в ведро.

Витька заглушил мопед, кинул его на землю, подскочил к ведерку, выловил окуня.

— Ух ты!
— Кто приехал? — строго переспросил Василий Васильевич.

— Да кто, милиция твоя! Кто еще в воскресенье припрется!

— Ну, и вез бы их сюда, на машине же они!

— Не! — замотал головой Витька. — Велели тебя ссыскать, и чтоб к сельсовету!

Василий Васильевич затаился. Неспроста. Если бы просто, то в его доме ожидали бы. Коли сельсовет, значит, начальство! А начальство в воскресенье — значит, не иначе как ЧП.

— Много их понаехало-то? — спросил он ворчливо.

— Четыре! Один в пиджаке с галстуком.

Василий Васильевич заторопился. Только галстука ему не хватало. Районный прокурор у него последний раз три года назад был, да и то по депутатским делам.

— Дядя Василь, оставь удочку! — взмолился Витька. — Посижу малость! Ишь какие тут ходят.

— Крючки пооборвешь...

Но уже кинул и удочку и на улов рукой махнул. Поспешил к мотоциклу. Настроенный и отрегулированный как часы М-72 завелся от прикосновения. Шонин щелкнул педалью скоростей и помчался в сторону деревни. Тревоги особой в душе не было. В его хозяйстве все в порядке, да и не проверка это, а именно ЧП, и скорее всего где-нибудь у соседей. В его, шонинском хозяйстве даже почвы для ЧП нет. Что может случиться в деревне про сто домов? А что и случится, так он об этом узнает первым.

К деревне подъехал, как говорится, с подвешенной стороны, то есть сперва к себе домой. Форма всегда наготове. Жена уже в курсе — по фуражке щеткой туда-сюда, по ботинкам другой щеткой, в одной руке галстук, в другой рубашка.

— Чего это они, Вася, понаехали?

Василий Васильевич буркнул что-то невнятное, дескать, тебя не спросили, рыжуху, когда приезжать. Антониды, жена Шонина, была женщиной небывалой рыжести, и в свои пятьдесят не подпустила в космы ни одной седины, чем Шонин никак похвастаться не мог. Зато ни один из их сыновей не уродился рыжим, а были они все беловолосые, белобровые, хотя, конечно, и не были брюнетами, как Шонин, но Шонин находил достаточно оснований гордиться тем, что смазал в потомстве антонидову рыжесть и веснушчатость, потому что одно дело, когда рыжая девка с хорошей породой, и другое, если парня попорчены его шонинской крупномордостью, да еще б и рыжее к тому же.

— Ты на всякий случай обед понаваристей сваргань, подогревчик приготовь, ну, и чтоб в доме порядок...

— Ну да, без тебя не соображу! — фыркнула Антониды, сунув в руки мужу фуражку.

Теперь вдоль деревни на сверкающем мотоцикле ехал сверкающий обмундированный участковый милиционер. Ехал не спеша, учитывая жизненные импульсы курей, уток, собак, телят и прочей деревенской живности, учитывая и любознательность жителей деревни, это ведь очень важно, как едет участковый на встречу с начальством. А едет он в данном случае не торопясь, спокойно, полный достоинства и в сознании абсолютной прочности своего положения.

Осенью у здания сельсовета собирались менять венцы, и еще с весны подвезли на просушку бревна. Вот на этих бревнах и расположилось приехавшее начальство. Машина ГАЗ-69 стояла в стороне, и около нее на траве валялся шофер. Шонин не спеша слез с мотоцикла, привычно сунул ключ зажигания в карман, поправил китель и направился к гостям. Тут же узнал всех. Следователь Петренко, угрозыск Соболев, участковый соседнего Моршинского сельсовета и районный прокурор Иванихин. За исключением моршинского участкового, все остальные, и прокурор в том числе, ну просто мальчишки в сравнении с ним, Шониным, и сегодня это обстоятельство как-то слишком ранило Шонина, он непроизвольно нахмурился, козырнул подчеркнуто холодно и руки жал начальство вяло и неохотно.

— В избу пойдем, или как? — спросил он, все еще не справившись со своей тайной обидой на молодость районного начальства.

— Лучше на солнышке! — ответил угрозыск Соболев, приглашая Шонина присесть рядом на бревно.

— Замараться можете, — заметил Шонин, — смола еще не высохла.

Но так как никто не отреагировал на его замечание, рукой прощупал бревно и осторожно присел. «Им что! Ходовые брючата понацепили и выбросить не жалко! А мне кто новую форму выдаст!» Но прокурор Иванихин в приличном костюмчике тоже сел на бревно.

— Значит, так, Василий Васильевич, у соседа твоего происшествие!

Соболев кивнул на моршинского участкового Лазеева, и тот виновато почесал затылок.

— Ограблена моршинская экспедиция. Взята касса, десять тысяч с хвостиком, ну и кое-что по мелочи.

— Десять тысяч! — подивился Шонин. — Откуда же у них такие деньги на руках? Разве положено?

— Не положено, — согласился прокурор Иванихин. — Кто надо за это ответит.

Но Шонин не успокоился.

— Такие деньги только для соблазну держать...

— Ладно, Шонин, — бесцеремонно перебил его угрозыск Соболев, — твоя забота другая. Следы на трактывели, из экспедиции никто не отлучался. Понимать надо, грабили чужие. И вроде бы уже из тайги смотались. Но была наводка. Короче, перепроверь по своим зимовьям всех бичей, и если кого-то нет на месте, сразу свисти. И вообще, посматривай, территория твоя соседняя. Усек?

Не было на земле в эти минуты такого худа, какого бы Шонин не пожелал угрозыску Соболеву. Разговаривать с ним, почти пенсионером, а с другой стороны, ветераном органов, пусть на маленьком посту, но зато всю жизнь, — разговаривать с ним таким тоном при других! Господи, чего бы ни отдал, лишь бы утереть нос сопляку!

Насупился Шонин до темноты в глазах, но сказать в ответ нечего, кроме «Поняно!» То есть — так точно, мол, мы люди маленькие, приказали — исполним!

Как-то все враз закурили, и Шонин отказался от соболевской зажигалки, прикурив от собственных спичек. «Уходить надо, — подумал с грустью, — тайгой проживу да пенсией получше, чем на окладе. Уходить надо!» Но вслух спросил о другом, кажется и вовсе машинально.

— А что там еще по мелочи-то взяли?

— Две мелкокалиберки, консервов сорок банок да транзистор.

«Ух, ты!» — мгновенно сжался в комок Шонин. И еще никакой четкой мысли в голове не образовалось, но что-то подкатило к сердцу такое радостно горячее, что он беспокойно заерзал на бревне и огляделся, не подслушал ли кто его еще незрелые мысли.

«Только бы сами не догадались!» — эта была первая тайная мысль. И другую, главную, он уже мог бы сейчас сформулировать, но этими пинками загонял ее в глубины мозга, чтоб не соблазнила она его, не выдала, на язык не проскочила.

Зато другой мысли, совсем коротенькой, всего в одно слово, он предоставлял полную возможность поплескаться в мозгах, и на самом кончике языка.

«Щенки! Щенки! Щенки! Все щенки, все трою! И первый щенок — угрозыск Соболев! Стиляга хренов! Под носом разгадка лежит! Щенки!»

И это чувство собственного превосходства над молодыми мальчишками подняло общий тонус настроения участкового уполномоченного настолько, что даже от прежней обиды не осталось следа! Не без тревоги взглянул лишь на моршинского участкового. Только с этой стороны можно ожидать опасность, ведь тоже мужик бывалый и тоже сообразить может. А сообразить-то пустяк... Но стоп!

Шонин поднялся с бревна, осмотрел брюки, отряхнулся, оглядел начальство, дескать еще какие указания будут или расходиться можно.

— Ну, поедем? — предложил прокурор.

Они снова жали руку Шонину, и он им всем жал руки

крепко и уверенно, и, полностью сохраняя достоинство, сел на мотоцикл, раньше чем газик с начальством тронулся с места. Было даже намерение обогнать их на деревенской улице, но несерьезное это было намерение, и дав газу проковылять по ухабам деревенской улицы, двинулся вслед, не торопясь и только домой.

Дом у Шонина — гордость его. Картина из сказки. Резные наличники на окнах, под крыльцом, заковыристый на крыше конек — все это дело рук самого хозяина. Вагонкой обшитый, дом покрашен не слишком ярко, но красиво, особенно издали. Штакетный забор по полисаднику так вымерен — что сплошная геометрия, как ни посмотри, штакетинка к штакетинке — деревянный хорошодик. И все вокруг зелено, все ухожено и приглажено. Приближение к своему дому для Шонина всегда удовольствие.

Но сейчас Шонин дома как бы и не заметил вовсе, так был полон чувством тревоги и волнующими его мыслями, которым намеревался отдаться немедленно, даже не входя в дом, а прямо тут, в гараже. Он лишь пересел в коляску мотоцикла, вытянул ноги, фуражку с головы стянул на колени, закурил и сказал вслух: «Значит, что?» Больше уже вслух ничего не произносил.

«А, значит, так: деньги спереть может и чужой и местный, консервы — скорей местный, чем чужой, хотя в районе с мясом не ахти как. А вот мелкокалиберки — они нужны здесь, в тайге, позарез нужны для браконьерного дела, потому как и белку, и соболя, и зверя покрупнее, козу или изюбра, с таким ружьем брать одно удовольствие».

Шонин даже ухмыльнулся самодовольно. Как это угрозыск Соболев сказал: «Прихватили кое-что по мелочи». Да это деньги прихватили, а шли за винтовками. Это же как Божий день ясно. Кому нужны деньги, тому зачем винтовки. А вот кому нужны винтовки, тому деньги не помешают. Деньги никому не помешают.

А дальше как нужно рассуждать: следы на тракт, что угрозыск обнаружил, — это туфта, специально для отвода глаз. Винтовки не спрячешь в мешок. В любом случае, если грабителей было двое или трое, один с винтовками на месте остался. А если остался, то где он? Либо в тайге на зимовьях или подбазах, либо в деревне. Район Моршинский, но ближайшая деревня к экспедиции вот эта самая его, шонинская деревня Лупиха. Сюда, в Лупиху приходят геологи по выходным, с лупихинскими мужиками обмен совершают консервами и молоком со сметанками и творожниками.

Собственно, все, что он сейчас вымыслил по этому делу, все уже давно, то есть еще на бревнах у сельсовета было понято до мельчайшей ясности, причем все выводы пришли в голову мгновенно, как искра, стоило лишь услышать ему про кражу винтовок. А то, что сейчас сидел он в коляске мотоцикла и заново все переобдумывал, так это чтобы мысли проверить, отчасти для удовольствия, но, главным образом, минуты уединения нужны были ему для того, чтобы осознать значение того шанса, что шел ему в руки. Что давал Шонину этот шанс? Вот чтобы на этот вопрос ответить, нужна полная тишина и уединение. Жизнь прошла, шанс пришел слишком поздно. Но, с другой стороны, он пришел в самое время, чтобы красиво уйти на пенсию. А чтобы все получилось красиво, он должен рассчитывать только на самого себя, и значит, нужен план, да такой, что в нем ни одного шага не оказалось бы не просто неверным, но даже неточного шага в его плане не должно оказаться. Значит, нужен такой план действий, в котором было бы как можно меньше шагов.

Начать надо с зимовки, с бичей. Их не так много, сезон еще не начался. Первое — бичи. Второе — кто из бичей дружит с кем из деревенских. Третье — кто из тех или других имел контакты с экспедицией. Шонин даже похолодел, так прост и примитивен был его план, именно со всего этого должен начать и районный следователь, а возможности у следователя разве такие, как у Шонина, ведь опередить может! Одно утешение — они все там закли-

нились на деньгах и долго будут колупаться в этой версии, а у Шонина форы, он сразу будет выходить на винтовки, как будто деньги даже и вовсе не крали. А кое-какие соображения по поводу винтовок у него уже есть, не зря же проторчал он в этой деревне почитай всю жизнь, не зря каждого нового бича, что появляется в тайге в начале сезона, прощупывал, как пухлую бабенку, а ведь делал это каждый раз просто так, на всякий случай, и случаев до сих пор никаких не было, а все равно прощупывал. А уж местных охотников он наизусть всех знает...

— Господи, Вася, случилось чего?

Жена Антониды стояла в дверях гаража, схлестнув на фартуке длинные веснушчатые руки с толстыми, неженскими пальцами. Губы развесила от испуга. Шонин не торопясь вылез из мотоциклетной коляски, оправил форму на себе, фуражку на голову надел, проверил положение козырька правой ладонью, и все это проделал так серьезно и даже торжественно, что Антониды испугалась пуще прежнего, затеребила фартук руками.

— Чего, Вася, а?

— Чего-о-о! — протянул он насмешливо. — Да ничего! Жрать хочу, вот чего! Пошли в дом!

Все еще тревожно поглядывая на мужа, Антониды пошла рядом, у крыльца пропустила Шонина вперед, оглянувшись на незакрытую дверь гаража, махнула рукой и заторопилась в дом.

Шонин стоял у зеркала, держась рукой за галстук, и со странной задумчивостью рассматривал себя. Антониды видела его отражение, и он тоже, кажется, видел ее, но в то же время как бы и не видел. Пальцы елозили по узлу галстука машинально, а неморгающие глаза уставились сами в себя в любопытстве и внимании. Антониды тронула его за рукав, он оглянулся, пробурчал:

— Такие дела, мать!

Какие дела, он пояснять не собирался, но жена сразу успокоилась, потому что знала интонации своего мужа, а произнесенная фраза явно намекала на какие-то чисто служебные дела, которые могли быть, согласно интонации, не совсем в порядке или напротив, в отличном порядке, но ничего страшного, опять же согласно интонации, эти дела не содержали.

Шонин подмигнул жене в зеркале и сорвал, наконец, галстук с шеи. Переодеваясь в своей комнате, радостно натянул на себя выдавшие виды, перештопанные галифе, и без рубашки, босой протопал на кухню, где на столе уже было то, чему положено быть в середине летнего дня в доме хорошего хозяина — окрошка на отличном квасе. Шонин ел молча, как работал, когда работа в удовольствие. А все его поведение в целом радовало его рыжуху жену, и она, подперев подбородок своими мощными руками, на другом конце стола с удовольствием наблюдала за мужем.

Деревня Лупиха была малость кривобока, то есть шагала улица как улица, но к тому концу, где начинались овраги, одной своей стороной улица вскарабкалась на бугор и в ширину за счет этого расползлась, и вся, если бы взглянуть на нее немного со стороны да сверху, походила на удава, подавившегося поросенком.

На бугре, в обособленности, стояли лучшие дома деревни, и жили в этих домах лучшие люди, хотя, конечно, с какой стороны лучшие, о том кое-кто поспорил бы, а участковый Шонин в первую очередь. Охотники! Непростые это люди! Хитрые отношения были у Шонина с охотниками. Он ведь являлся в деревне последней, решающей инстанцией в постоянной тяжбе охотников с деревенским егерем Матвеем Лузиным, человеком тоже хитрым и непростым, а скорее весьма мутноватым, каким только и может быть деревенский егерь, если он из местных, да еще и сам заядлый охотник. Никакой самый дотошный законник и правовед не смог бы разобраться в той невидимой паутине неписаных законов, соглашений, договоров и оговорок, какими повязаны были в деревне между собой охотники, егерь и участковый уполномоченный. Законы эти были не только нигде не писаны, но и не

всегда даже проговорены, а чаще всего они подразумевались сами собой и рождались не буквой или словом, а скорее, взглядом, намеком, казалось бы, совсем про другое, но выходы всеми участниками местной жизни делались исключительно верные и своевременные. Потому, если возникало вдруг напряжение промеж лучших домов деревни и домов службунесущих, то в разрядке оказывались заинтересованными сразу все стороны, и все разрешалось в кратчайший срок, хотя не всегда без потерь кое для кого.

Двумя положениями определялись нормы поведения охотников в тайге. Одно из этих положений было официальным и формулировалось недвусмысленно: изюбра, сохотого, медведя не тронь!

Другое положение не было ни написанным, ни даже вслух сказанным, но зато было оно справедливым: житель тайги с тайги должен иметь прибыль, иначе зачем он житель тайги! Житель города имеет от города культуру, железнодорожник раз в год — куда хошь бесплатно, колхозник — он тоже, если с умом, не без выгоды от колхоза! Жителю тайги же сам Бог велел жить тайгой!

Эта немудреная философия не имела в упрямых головах охотников контраргументов, и официальные запрещения рассматривались ими как некая оглядка на охотничью жалость, дескать, свое бери, да не зарывайся. И другого толкования законов они не понимали и не принимали. Егерь Матвей Лузин был человеком обреченным. Его обреченность была предопределена неискоренным противоречием между его служебными обязанностями и охотничьей страстью. Шонин никогда не мог понять, какой осел назначил Лузина егерем и почему Лузин согласился на эту неблагодарную должность.

Внешностью Лузин был почти квадратным, немислимая широта его плеч приводила в онемение деревенских баб, когда он в подвыпитье в одних подштаниках носился по деревне на своем черном егерском коне. И конь-то его был такой же квадратный, и когда пьяный хозяин вгонял его в галоп, под ними тряслась земля, а вся деревенская живность с криком разбегалась и прижималась к завалинкам, а бабы необъяснимо снисходительно относились к безобразиям егеря, хотя никогда его катанье кругами не обходилось без жертв со стороны нерасторопных гусей и курей безмозглых.

Характер у егеря был хмурый, и опять же по причине обреченности, которую чувствовали и он сам, и прочие, и жена его, истеричная женщина и, конечно же, несчастная. Она лучше, чем кто-либо, понимала, что рано или поздно ее муженек плохо кончит.

А когда участковый Шонин вошел в ограду егеря, егерская жена исключительно бабьим чутьем учуяла беду. Она не ответила на ласковое приветствие Шонины и злобно кивнула в сторону дровенника, откуда слышался скрип ручной лилы. Шонин завернул за угол дома. Егерь распилывал на деревянных козлах сучковатую березину. С каждой вытяжкой пилы тоненькая струйка желтых опилок выстилалась из распила и падала на сапоги егеря, и потому, что сапоги его по щиколотку уже были в опилках, Шонин только головой покачал в зависти — без единого передышка разделял егерь метровую колодину. Когда чурка с треском надломилась и повисла на толстой щепе, Лузин чиркнул пилкой и лишь ноги успел убрать — чурка гулко шлепнулась на землю.

— Ну, и силен же ты, Матвей Иванович!

Лузин угрюмо взглянул на участкового. Руки не подал, да и Шонин не вынул рук из галифе, стоял этак боком, вроде бы и сам по себе, и в то же время при должности, то есть по делу пришел, но дело требует простого разговора, потому, хоть и свои люди, но панибратства нынче не будет.

— Чего пришел? — прогудел егерь.

— Разговор есть секретный! — серьезно ответил Шонин. — А чтоб разговор получился, глотку смочим сперва! Уважишь!

Лузин подвесил пилу рукояткой на гвоздь, отряхнул сапоги, зашагал к дому.

— Квасу! — крикнул он жене с крыльца.

Но Шонин тут же вмешался.

— Не, Матвей Иванович, квасом мы нынче не обойдемся, прикажи бормотухи подать!

Это уже было началом разговора. Шонин выдавал аванс. Знаю, дескать, про самогонный аппарат, и всегда знал, но сейчас уже знаю по-другому, выкладывай камеру, и на равных на разговор садись.

Егерь вздохнул и кивнул жене. Нехитрые мысли развернулись в его голове. Только что приезжало районное начальство, и вот уже уполномоченный ему про самогон в харю тычет. Чего же тут не понимать! О чем-то пронюхали и приказали Шонину дело смострочить...

Они сели за стол на веранде и молчали, пока на столе не появилась бутылка, затем стаканы, рыба свежего посола, хлеб да лучок. Выпили не чокаясь, и Шонин, конечно, не допил, оставил, обстрелял прищуром стакан, сказал серьезно и будто без повода.

— Хорошо накапанало! Через марганцовку отстаивал?

Лузин жевал и не отвечал.

— Всего один вопрос имею, Матвей Иванович, и ты мне на него будь добр ответить. Всего один, чуешь? А после ты сам по себе, я сам по себе.

Лузин не перестал жевать, но весь собрался в этаким громадный комок мускулов, и на висках бугорки запрыгали. Оно и понятно! Смотря про что вопрос.

— Вот такие дела... Ты в последнее время кому из мужичков патроны для мелкашки... ну это, кому давал, я имею в виду.

И хотя Шонин явно смягчил формулировку, егерь продолжал патроны и, понятно, не по государственной цене, но кто же не догадается, какой вопрос вторым будет, если на первый ответ дать.

— Знаешь, — тихо зарычал егерь, — иди-ка ты отсюда, и меня за барана не держи! Понял?

— Я-то понял! — вздохнул Шонин. — Да ты меня не понял! Как и есть разговор трудный получается. Галина! — крикнул он жене егеря.

Та вышла на веранду.

— Слушай, питье у тебя, что надо! Аппетит забунтовал! Чего бы посерьезнее затеять! Солонинки бы, к примеру! А?

Егерская жена с откровенным испугом глядела на мужа.

— Давай, давай, топай в погребок! Страсть как дичатинки хочется!

— А ты докажи! — грохнул егерь кулаком по столу.

— А ты на меня не стучи! — тоже вполне зло закричал Шонин. — Раз говорю, значит докажи! И где завалил зверя — знаю, и где разделявал — знаю, и кого угощал — знаю! И кому ты патроны от мелкашки продавал, узнаю и без тебя, но мне по моему делу это от тебя узнать надо, понял? От тебя! Мне так надо! И ты мне помогать будешь, потому что без тебя мне мое дело не сделать! А если мне его не сделать — то я на тебе дело сделаю! Понял? И ты... — Шонин погрозил пальцем жене егеря, — о чем услышишь здесь, то проглоти ниже пояса, если тебе твоё довольствие... — Шонин рукой обвел вокруг, — если оно не лишнее тебе, твоё довольствие.

Затем уже спокойнее Шонин продолжал.

— Сам ты залез не в свою телегу, сам с нее рано или поздно опрокинешься. Я тебе, так и быть, спицы из колес вышибать не буду! Но кто у тебя последний раз патроны брал, и сколько — Шонин поднял палец вверх, — а это для меня, Матвей Иванович, всего важнее, сколько! С точностью до патрончика! Вот это ты мне скажешь! А про то, что скажешь, молчать будешь, то есть вообще о нашем разговоре! А зачем к тебе приходил, сам потом байку придумай. Так кто?

Егерь молчал и двигал скулами. Жена егерская шатаясь вышла из веранды на крыльцо и там горестно качала своей косматой головой.

— Ну, брали... — наконец с трудом выдавил Лузин.

— Кто? Сколько? Когда? Не тяни резину, Матвей Иванович, все равно разговор наш будет, как я хочу! Пойми по-хорошему! Это мое дело! Через все пойду! И через тебя! Такое оно, мое дело!

— Чего они тебе дались-то, патроны эти? — с последней надеждой почти простонал егерь. — Ежели ими кто зверя завалил, так это и так узнать можно!

Это был намек. Лузин готов продать мужика-браконьера втихую, если речь идет о браконьерах.

Шонин понимал, что через день-другой о краже в экспедиции станет известно всем и решил играть с егерем в открытую. Но не сразу. Имена нужно было получить раньше, чем егерь узнает суть дела. Если узнает раньше, начнет прикидывать, что да как, и как знать, может захитрит чего, кого-нибудь из своих личных недругов подзавалит захочет. Темный человек Матвей Лузин.

— Нет уж, Матвей Иванович, ты говори свое, а я свое после скажу! Выкладывай! Да не путай, смотри! Каждое слово твое будет как в камне вырублено!

— Ну, Захаров брал третьего дня пачку...

Этот Шонину был не интересен. У Захарова была законная мелкакалиберка, да и не об одной пачке он ждал разговора.

— После Захарова никто не просил...

Егерь петлял, но скорее по трусости и упрямству.

— А до Захарова?

— Матвеевко...

Этот тоже не интересовал Шонина. Молоденький парень, только что семей обзавелся, два года как из армии. Если браконьерничал, то во всяком случае, делал это шибко умно. Не попадался. Но для порядку спросил:

— Сколько брал Матвеевко?

— Много... — насупившись, пробубнил егерь.

— Ну?

— Пятнадцать пачек.

Шонин открыл рот от удивления.

— Пятнадцать?!

Быстро прикинул в уме.

— Семьсот пятьдесят патронов! Да ему это на четыре сезона хватит и еще останется. Зачем ему столько?

Все дело шло наперекосяк. Не такое ожидал услышать участковый уполномоченный.

— Захаров тоже десять пачек просил, да у меня больше не было. Последнюю отдал!

Час от часу не легче! Да они что, соревнования по стрельбе устраивать собрались? А что! Матвеевко — этот может. Но опять же Захаров, степенный хозяин, кондовый таежник. Он на такое баловство не пойдет!

Шонин заволновался. Встал. Прошелся по веранде. Подсел к егерю.

— Когда Матвеевко приходил?

Лузин почесал плечо.

— В прошлый понедельник, кажись!

«За четыре дня до ограбления экспедиции», — сообщал Шонин.

— Еще кто был?

Егерь пожал плечами.

— В прошлом месяце разве, так, по мелочи кое-кто брал...

Он правильно понял, что прошлый месяц и по мелочи — это Шонину не интересно.

— Слушай, Матвей Иванович, я тебе обещаю одним вопросом обойтись, но так получается, что еще спросить придется, и мне ответ, а я твой ответ промеж нас заклинаю. Почему брал у тебя Матвеевко патроны?

Егерь зло зашевелил своими плечиками, врубился косым взглядом в переносицу участкового.

— Ну, — успокаивал Шонин, — сказал, промеж нас оставлю! В открытую с тобой разговор веду.

— По пятерке... — грустно вздохнул егерь.

— Так, — вслух рассуждал Шонин, — семьдесят пять рубликов выложил Костя Матвеевко, как одну копеечку... Ну, а зачем ему столько, не сказал тебе?

Егерь пожал плечами.

— Мне какое дело...

— Ну, вот мы и поговорили, Матвей Иванович! — как бы про себя продолжал Шонин, не глядя на егеря. — И об этом разговоре, значит, сам понимаешь! Пойду я сейчас к Матвеевко...

Егерь забеспокоился.

— Да нет, тебя теперь более ничего не касается! Если твои торговые дела в другом месте выплывут, — Шонин развел руками, дескать, он тут ни при чем, — ... а у меня к тебе больше интереса нету, и потому продолжай свою службу! Даже советов давать не буду. Сам вон какой! И Шонин ткнул пальцем в дубовую егерскую грудь.

Уже выходя из веранды, на первой ступеньке крыльца все же обернулся и спросил:

— Третьего дня дома был или в тайге?

— Дома! — настороженно ответил егерь.

— Правильно! Дома! — согласился Шонин, вспомнив, что действительно всю эту неделю так или иначе попадался ему на глаза Лузин.

— Ну, бывай!

Егерь не ответил.

Не более десяти шагов сделал Шонин в направлении дома Кости Матвеевко. Передумал. Зашагал домой. Отчего-то напрочь испортилось настроение.

Ведь очень просто может быть — не из его деревни воры! Сколько процентов за то, что он впустую засуетился? А процентов ровно пятьдесят! И ни одним меньше.

Шонин пытался припомнить причину, по которой он вдруг с первой минуты, когда узнал о краже, решил, что это его мужиков дело. Была же причина! Было что-то невысказанное даже в мыслях, что подталкивало его к такой уверенности. Он точно помнил, что был такой толчок, сладкий уколчик под сердце. Ему во что бы то ни стало нужно было вспомнить источник уверенности, он понимал также, что уверенность потерял он после разговора с егерем, когда услышал не те фамилии, какие ожидал услышать... А что он ожидал услышать? Вот здесь и секрет.

Он остановился, повернулся лицом к другому концу деревни. Тот дом, какой ему был нужен, увидеть отсюда было нельзя, но память работала безотказно! Когда год назад, два или даже больше... когда слышал он эту фразу: «Иметь бы мелкашку, как сыр в масле катался бы! А с этим громобоем чего добудешь!»

Такие слова он мог услышать от кого угодно, он, в конце концов, сам бы мог их произнести, не будь у него самого мелкакалиберной винтовки — счастливого трофея десятилетней давности. Любой в деревне мог сказать эти слова. Но вот как они были сказаны, в том все дело. Потому и запомнилась фраза, что были в ней не только слова нечаянно произнесенные, но продуманное намерение.

Пока ничто ни с чем не совпадало. Но дело надо продолжать. За три дня до кражи и через день после нее два охотника закупают большое количество патронов! И хотя готов был Шонин руку положить за то, что оба охотника, Матвеевко и Захаров, никак не причастны к делу, а все же есть в том факте или в совпадении что-то неслучайное, и надо терпеливо, но осторожно разматывать клубочек, если допустить, что в руках ниточка именно от того клубка, который нужен Шонину. То есть, попросту, следует проработать версию. Вот только с кого начать? С Захарова или Матвеевко? Известно — они приятели. Может быть, достаточно поговорить с одним, и тогда с Захаровым, разговорчивый мужчина. И сегодня же надо сгонять в экспедицию. Завтра — в тайгу на проверку бичей. Вот и весь план.

Шонин заторопился домой. В дом заскочил, только чтобы накиннуть кожанку да жену предупредить, что будет поздно.

Мотоцикл от калитки развернул в другую сторону, в объезд деревни. А к захаровскому дому подкатил со стороны огорода. Знал уже из какой-то служебной чераш-

ней информации, что должен сегодня Захаров гнуться на своем огороде.

Захаров, плотный невысокий мужичок что-то около сорока лет, красной плешинкой сверкал в центре огорода. Увидев Шонина за плетнем, кинул тяпку, бережно перешагивая через картофельную ботву, заковылял к участковому, доброжелательно помахивая грязными ладошками.

— Слышь! — заорал он еще на подходе. — Экспедицию грабнули, говорят! А?

— Говорят! — значительно подтвердил Шонин.

— Чо увели-то?

Сквозь жерды протянул свою грязную ладонь.

— Деньги!

Этот ответ Шонина удивил его самого, но не удивил Захарова. Участковый же даже ахнул, какой единственно правильный ответ дал он.

— Много денег-то?

— Десять тысяч.

— Ишь ты! — с уважением и завистью откликнулся Захаров. — А ты, стало быть, ищешь?

— А ты от кого слыхал о краже? — равнодушно спросил Шонин. Это ведь не шутка! Получается, что в деревне узнали о краже одновременно с участковым, если не раньше.

— Шофер экспедиторский приехал! Нонче про деньги говорил, только не знал сколько.

И это была удача для Шонина. Чем дольше в деревне не будут знать о краже винтовок, тем лучше для его плана.

— Я чего к тебе заскочил, патронов для мелкашки не подкинешь взаймы?

— Ага! — радостно загоготал Захаров. — И до тебя дошло! Да только опоздали мы с тобой, Василич! Ну, я-то темный человек! А ты как же так профартился?

— Чего же это я профартился? — спросил Шонин, настороживаясь.

— Как чего? Наценка будет на мелкашкины патроны. Прикидываешь или вправду не слышал?

На какое-то мгновение снова отчаянно заметалась шонинская версия. Если действительно наценка, тогда — ни ниточки, ни клубка. А так ли? Шонин решил не хитрить, тем более, что ни в чем не проигрывал от прямоты.

— Ей-богу, не слышал! А ты откуда знаешь?

— Дружок предупредил, Матвееenko! Только поздно он шепнул мне.

И Захаров подмигнул Шонину. Если вся деревня знает, что егеря торгует патронами, то глупо думать, что про то неизвестно участковому.

Немедленно выходить на Матвееenko.

— А дружок твой не подкинет мне с полсотни?

— Подкинет! — закивал Захаров. — Он-то успел запастись. Молодые — они шустрые.

— Дома он, не знаешь?

— А чего ему, дома, конечно. Разве на реку сматается?

Шонин повернул ключ зажигания. Сквозь стук мотора он расслышал вопрос Захарова по поводу кражи, но слишком спешил к Матвееenko и не обернулся, рванул с места.

Обходная дорога долго петляла вдоль огородов. В матвееенковском огороде никого не было, и Шонину пришлось перелезть через изгородь, пробираться меж картофельных рядов, затем между грядками, еще кругом, в десятках метров, обходить исходящего пеной рыжего пса, прокарабкиваясь через завал необрушенных коло-тых дров.

На вой собаки вышел сам Матвееenko и немало удивился, увидев Шонина, сползающего с кучи поленьев.

— Понимаешь, Костя, машина там моя, — Шонин махнул за огород, — обезжизать — час потеряешь, вот и пришлось татем к тебе.

— Заходи, — просто ответил Матвееenko, — обедаем, окрошки попробуешь.

— Нет, — замахал руками Шонин, — спешу, один во-

прос к тебе имею, из личной заинтересованности.

Они сели рядышком на крыльце. Шонин предложил папиросы, Матвееenko закурил.

— Откуда знаешь, что будет наценка на мелкашкин патроны?

Парень почесал затылок, пожал плечами.

— Да этот говорил, как его, Санька со зверофермы...

— Путеев, что ли? — ахнул Шонин.

— Точно! А что? Вранье?

— Сам не знаю. А Путеев откуда знает?

Матвееenko пожал плечами.

Шонина била мелкая дрожь. Он чувствовал, что вышел, наконец, на что-то важное, что — еще неизвестно, но эта ниточка, это та самая ниточка, которая если окажется пустой, то, значит, другой вообще больше не будет, и все дело про экспедиционную кражу к шонинским владениям отношения не имеет.

— Тогда, Костя, — не скрывая волнения, заговорил Шонин, — разговор у нас будет подлиннее.

Теперь они сидели лицом к лицу, и Шонин с минуту рассматривал лицо парня, словно хотел убедиться, такое ли оно, это лицо, каким он его знал ранее, и придя к положительному заключению, уже по-официальному прикашлянул.

— Про кражу в экспедиции слышал?

— Слышал, — равнодушно ответил Матвееenko.

— Про деньги?

— Про деньги!

— Так вот какое дело! Имею я соображения, что шуток про наценку имеет сюда прямое отношение, то есть, не совсем прямое... ну, словом, имеет и все. Чувешь?

— Причём здесь... — с усмешкой начал было Матвееenko, но Шонин взял его за руку.

— Об этом говорить не будем! Будем говорить вот о чем. Что ты у егеря купил пятнадцать пачек, мне известно! Надо понимать, что и другим будет известно, и кто-то будет просить тебя поделиться, слух-то о наценке идет! Факт. Дать или не дать, твое дело! Только ты обязательно скажешь мне, кто будет у тебя просить? Скажешь?

— А что не сказать! Скажу! Только...

— Стоп! — снова перебил его Шонин. — А вот о нашем с тобой разговоре ты не скажешь никому. Так?

— Само собой, коли просишь.

— А теперь самое главное!

Шонин весь подтянулся к парню, тот же с ухмылкой глядел на него, но ухмылка была без подвоха.

— Расскажи мне во всех деталях, как тебе Путеев про наценку рассказывал? Когда, где? Прямо слово в слово!

— Чего рассказывать-то. Тут рассказывать нечего. Сказал и все.

— Стоп! Давай по порядку! Путеев, что, искал тебя, чтобы сказать или как?

— Чего ему меня искать? Я на ферму приходил по делу, он там толкался...

— Еще кто при нашем разговоре был?

Матвееenko задумался.

— Нет, когда про патроны говорили, двое были.

— Ну, и что, он тебе так сразу и сказал, дескать, наценка будет, запасайся?

— Почему сразу, сперва трепались о том, о сем, потом про тайгу, про белку, что, мол, проходная была в прошлый сезон, ну, и всякое такое, а после уже...

— Вот-вот, — наседал Шонин, — какими словами он тебе сказал? С точностью!

— Слышал, говорит, от верного человека, что перед сезоном наценка будет на мелкашкин патроны вдвое...

— От какого человека?..

— Про это не сказал! Да я сначала не шибко поверил, а потом, думаю, а вдруг правда, тогда запастись нужно, чего переплачивать.

Шонин хитро подмигнул.

— Так ты же и так вдвое переплатил!

Матвееenko кинул на него косой взгляд, помялся немного.

— Коли уж ты такой сведущий, так соображаешь, что после наценки егеря наш тоже цену не приморозит, а в охотничьих магазинах в городе попробуй купи! Лучше нынче переплатить, чем потом.

— Вот ты мне что скажи, подумай хорошенько, вспомни и скажи...

Уполномоченный с нескрываемой надеждой впери-ся в глаза Матвееenko.

— ...Как тебе показалось, или как ты вот сейчас думаешь, Путеев тебе про наценку между прочим сказал по трепу, или специально? Ты не торопись, всякую мелочь вспомни. Это, понимаешь, очень важно!

Матвееenko рассмеялся.

— Кончай ты, Василич, мудрить. Трепался Санька, или не знаешь его! Не он же ко мне пришел, а я там оказался. Вообще мог там не быть! Понимаю, что ты на него тянешь! Только зря! В экспедицию он, конечно, мотался часто, да только не по тому делу, по какому ты думаешь. Шонин укоризненно покачал головой.

— Ишь ты какой умный. А я глупее тебя? Я не знаю, что он геологам с ферм шкурки таскал? Я этого, конечно, не знаю!

Матвееenko смутился.

— Все знаю! И что шкурки бракованные, и что таскал он для того, чтобы технику ихнюю к ферме приручить, и что морду ему били за обман! Все знаю. Ну, ладно. Шонин поднялся.

— Так считаешь, что не специально он тебе про наценку говорил? Ясно!

Матвееenko тоже поднялся.

— Значит, о разговоре нашем... И вообще ты меня не видел. Ну, бывай.

Пожимая руку парню, Шонин кивнул на соседний дом.

— А сосед твой... как с ним живешь?

— Обычно, — усмехнулся Матвееenko. — Он до меня не касается, я тоже.

— Иди, придержи своего рыжего! Сорвется, чего доброго!

Матвееenko захохотал.

— Испугался! Не бойся! Если сорвется, его из конуры за хвост не вытащишь! Он у меня с такой загадкой: пока на цепи — зверь, а без цепи — курица. Безобразная тварь! Грядки не потопчи, жена погони пооборвет.

Шонин проскочил на мотоцикле до ближайшего поворота за очередным огородом и остановился. Выключил мотор, закурил. Было три часа дня.

Итак, Санька Путеев! Завхоз зверофермы давно мечтает стать охотником. В прошлом судимость за хулиганство. Давно, правда. В экспедиции колесный трактор, две автомашины. У зверофермы одна полуторка и один допотопный гусеничный трактор. Бракованными шкурками Путеев подкупил водителей для обслуживания фермы. Самую малость бросил в карман. Был разоблачен шоферами, бит, но прощен. Отношения сохранил. Винтовки ему нужны. Имеет контакты с бичами в тайге, в основном по части снабжения бичей спиртом, разумеется, с наценкой. В день кражи — где был? Это первый вопрос, и выяснить его нужно немедленно, хотя в краже непосредственно мог не участвовать, а войти в сговор с кем-нибудь из бичей. Тем тоже винтовки нужны позарез. Деньги — само собой.

Ух, как колотилось сердце участкового уполномоченного. Дело! Настоящее дело. Должен уйти Шонин Василий! Только б голову не потерять! Глупого шага не сделать! Один глупый шаг — и потерял время! Районный сыск враз обгонит. Осторожно действовать нужно и на верняка. Потому не нужно проверять алиби Путеева. Спугнешь, чего доброго. Надо ехать в экспедицию, так сказать, на место происшествия. Нужно своими глазами обстановочку просмотреть, авось и она что-нибудь подскажет.

Продолжение в следующем номере.

Что вы читаете! Какими книгами в последнее время пополнилась ваша домашняя библиотека!

УГАРОВ Борис Сергеевич, народный художник СССР, президент Академии художеств СССР.

Всю жизнь читаю Пушкина. Мне кажется, что любой человек, взыскующий гармонии посреди хаотичной и дисгармонической действительности, не может не возвращаться на протяжении жизни к Пушкину. Но он не только мера мер. Его гениальная прозрачность открывает нам такие глубины, постигать которые может лишь пробудившийся в человеке дух. Часто перечитываю Льва Толстого, притягивает проза Чехова, Бунина. А вот Достоевского обожаю. Не лишено, видимо, оснований суждение о том, что невозможно или, во всяком случае, затруднительно испытывать одновременно тягу и к Достоевскому, и к Чехову. Слишком уж различаются их миры, слишком разных они «измерения». Не буду, очевидно, оригинален, если скажу, что читаю сейчас также русских историков и возвращенных, наконец, философов. Очень увлекает мемуарная литература, в частности, по истории XVIII века, о времени Екатерины II. Рад, что из полузабвения пришел к современному читателю Мережковский, способный подтолкнуть нас к более острому историческому мышлению.

Особенно близким ощущаю «серебряный век» русской культуры. Один только Блок или один только Белый — это целая эпоха. А творческая раскованность и личностное своеобразие таких художников, как Сомов, Дягилев, Бенуа, Фокин, напоминают нам, что жизнь — это ведь и праздник тоже, о чем стоит помнить в каждодневном испытании обыденностью. Стараюсь не пропускать ничего из их наследия, из исследований о них.

Среди периодических изданий выделяю, конечно же, «Наш современник». Содержательны, разнообразны, хотя и не без некоторой эклектики, недавно возникший журнал «Наше наследие».

Не признаю бессистемного приобретения книг. Моя библиотека в целом отражает интересы и вкусы ее хозяина. Грустно только сознавать, что слишком малую часть из заслуживающего внимания мы успеваем прочесть.

ШИЛОВ Александр Максимович, народный художник СССР, лауреат премии Ленинского комсомола.

Круг чтения определяет прежде всего моя работа. В образах, деталях, описаниях ищу то, что помогает мне как живописцу, портретисту. Пушкин, Бальзак, Мопассан дают в этом смысле чрезвычайно много. Читаю историческую литературу, мемуары. Особенно же интересуют меня две личности, размышлять над значением которых для истории не устаю. Это Екатерина II и Наполеон Бонапарт. Давно уже постоянно разыскиваю литературу о них. Могу сказать, что к Наполеону отношусь с благоговением. Без сомнения, он — личность грандиозная. Человек, достигший таких высот исключительно своим умом и энергией, просто не может не восхищать. Недаром образ Наполеона занимал умы столь многих писателей. И ныне осталась какая-то тайна, загадка личности и судьбы Наполеона, так и не раскрытая нами до конца. Советую всем прочесть переписку Александра I с Наполеоном. С огромным интересом познакомился недавно с дневниками Николая II. Вообще-то, документ, пришедший к читателю «без посредника», сейчас нужнее любых беллетристических сочинений. Слежу, естественно, и за материалами, появляющимися, в частности, в «Огоньке», посвященными недавней истории. Наше сознание испытывает подчас настоящий шок, но надо вглядываться в прошлое ради будущего. Современную же литературу практически не читаю: работа поглощает меня всего, да и не попадается произведение, которое увлекло бы. Я не стремлюсь приобретать книги ради приобретения. А о некоторых верных спутниках я сказал.

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Они думали
о нас

Возможно, некоторые читатели сочтут за досадную назойливость наш пристрастно-последовательный интерес к Русскому Зарубежью, особенно к болезненному вопросу: отношение к большевизму и к России в среде первой русской эмиграции. Более семидесяти лет русская интеллигенция, находясь в изоляции (она еще никак не снята, есть только первые признаки разрушения этой могущественной стены, которая покрепче берлинской и железного занавеса), вынесла все и сумела побороть свою озлобленность, досаду и горькое разочарование жесточайшим поражением в борьбе с большевиками всех патриотических русских сил. Более того, она мужественно, стойко, усердно, порой в самых нетерпимо бедных, а то и нищенских условиях трудилась ради будущих, послебольшевистских поколений, пестовала дух, по крупицам собирала верные источники и свидетельства отечественной истории и культуры, запоминала и писала жития святых мучеников и радетелей России для нас...

Мы просим Вас, друзья наши — почитатели журнала, будьте терпеливы. Нам вместе предстоит еще много узнать горестного, трагического, открыт утешное от нас, но написанное нашими соотечественниками, людьми русскими, свободными от изуверских догм разрушения родной земли. Вчитывайтесь внимательно и потребно, изучайте «Архив Русской Революции», ищите ответы на накопившиеся вопросы в этих написанных кровью и мученическим страданием свидетельствах. В них — правда борцов за свободную Россию, их непроходившая боль. В них — любовь к родной земле и сочувствие к нам — страдальцам от партийного гнета, посевного яростно-воинствующими популистами от Троцкого и Бухарина, Каменева и Зиновьева до нынешних ельциных, поповых, собчаков, травкиных. Это все одна партийная масть в «интернациональной» истории. Зря они пытаются окрасить себя разными благородными цветами, вплоть до антибольшевистского, антимарксистского, вплоть до голубого и зеленого. Как выгодно тогда было троцким состоять в партии, чтобы от имени ее самовластвовать, так теперь ельциным и травкиным выгодно оказаться вне ее, но с той же неременной целью — самовластвовать над народом, но не заботиться о нем.

На родной земле жизненно-созидательная идея всегда была одной почвы. Только раз в современной истории не было написано по абстрактной марксовой идее: «...из всех стран, соединяйтесь!» Теперь мы знаем, какова цена этой идее, сколько еще падет жертв, прежде чем все мы поймем, что человек рождается не из абстракций, а на родной земле среди равноязычных родных людей, столетиями ожидающих его рождения и в ожидании появления его пестующих нравственные обычаи и добрые традиции души и сердца. Русские люди, изгнанные из собственной страны, но страстно, неизменно преданно любившие и любящие ее, заботливо думали о наших душах. Так можем ли мы забыть их добро, их страдания, давно почивших, ради нас!

Но чтобы помнить, надо знать! Постигайте, друзья, эту горестно-печальную родную историю. Она цепительна, если постигаете вы ее ради добра родной земли и родного народа. И оцените, как современно звучат эти свидетельства, будто все это происходит сегодня. Уроки нам нужны, уроки!

АРСЕНИЙ ЛАРИОНОВ

Сегодня в разделе «Архив Русской Революции» мы открываем постоянную рубрику — «Белые мемуары». На страницах журнала будут публиковаться отрывки из воспоминаний непосредственных участников и очевидцев революционных событий, гражданской войны, «красного» и «белого» террора. Большинство предлагаемых материалов никогда прежде в Советском Союзе не издавалось, а те отдельные мемуары, что увидели свет в 20-х годах (в основном в сборниках госиздатской серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев») были по известным причинам весьма и весьма препарированы. Редакция надеется, что новая рубрика заинтересует читателей, и, чтобы полнее удовлетворить их интерес, мы ведем переговоры с одним московским издательством о репринтном воспроизведении двадцатидухтомного Архива И. В. Гессена (Берлин, 1922—1937 гг.), из которого мы и намереваемся отбирать для публикации в «Слова» материалы для рубрики «Белые мемуары». Понимая, что весь Архив И. В. Гессена — одного из лидеров кадетов, адвоката и публициста, депутата 2-й Государственной думы, редактора газеты «Речь» — выпустить за короткий срок практически не представляется возможным, мы планируем издавать по 5—6 томов в год. Редакция считает своим долгом предупредить подписчиков журнала, что издание будет довольно дорогим — с пересылкой каждый том обойдется ориентировочно в 12-16 рублей. Часть тиража планируется пустить в свободную продажу, и потому редакция специально обращается к книготорговым организациям, книжным магазинам, библиотекам, чтобы они заранее смогли в установленном порядке сделать заказ. Думается, полки общественных и научных библиотек, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, по завершении нашей издательской акции пополнятся уникальным собранием воспоминаний, дневников и документов, связанных, так сказать, с обратной стороной истории, без знания которой мы просто обедняем свою жизнь. Еще совсем недавно Архив И. В. Гессена был надежно спрятан от советского читателя под сургульными печатями идеологической цензуры, поскольку цель издателя Архива никак не укладывалась в прокрустово ложе жестких политических установок. Какие же задачи преследовал И. В. Гессен, выпуская в эмиграции свой Архив? На данный вопрос он сам дает ответ в обращении, предпосланном первому тому: «Всякая революция — в том и заключается внутренний смысл ее — нарушает установленный ход государственной и общественной жизни, она стремится разбить те формы, без которых

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

социальная жизнь по самому существу своему обойтись не может и которые тем больше ее стесняют, чем прочнее они сами отвердевают и чем дальше от них уходит непрестанно стремящаяся вперед жизнь. Русская революция зашла в этом направлении, пожалуй, гораздо дальше, чем все предыдущие, и освободившаяся от всяких форм жизнь безудержно разлилась по всему необъятному пространству великой России. Привычная размеренная поступь сменялась колебательным движением, все бродит, сталкивается, перекрещивается. Навыки и привычки отринуты, каждый шаг приходится обдумывать самостоятельно и каждому нужно действовать на свой образец. Типические явления уничтожены, нет ничего устоявшегося и разрушена всякая связь и зависимость между различными и ближайшими частями прежде единого целого. Этот великий перелом не находит ни малейшего отражения в печати. В советской России существует только большевистская пресса, всецело поглощенная агитационными задачами и не освещающая внутренней жизни страны, вне советских границ печать имеет единственной целью борьбу с большевиками, и тщетно старались бы мы за страстной, с обеих сторон ослепленной, полемикой уловить биение пульса подлинной жизни...

Задача заключается в том, чтобы сохранить письменный след развертывающихся перед нами трагических событий. Много из того, что каждому из нас привелось видеть или в чем участвовать, осталось единственным в своем роде и более уже нигде не повторилось. Поэтому если сейчас не записать всего, чему каждый свидетель был, внутри ли России, или на границах ее в рядах борющихся с большевиками, или во вновь образовавшихся из тела России государствах, или, наконец, среди русской эмиграции во всех странах мира, то многое из фактических данных пропадет бесследно и такой недостаток может безнадежно затруднить раскрытие истинного смысла переживаемого нами величайшего исторического перелома...

Нужно вообще твердо помнить, что даже и при наивысшей объективности воспоминания и дневники дают богатейший, незаменимый материал автобиографический, наиболее ярко выступает в них личность самого пишущего, как бы мало он ни выдвигал себя: по тому, что он видел, на что обращал внимание, что бросалось ему в глаза, какие черты характера в окружающих его лицах он подчеркивал, по всему этому прежде всего можно безошибочно определить его собственное мирозерцание, его душевное и умственное состояние. Если же прямо поставить себе цель дать характеристики, судить и оправдывать, жалеть и пророчествовать, то ничего кроме автобиографического материала воспоминания представлять не будут, и только с этой точки зрения они будут интересны для выяснения себе сущности данной эпохи.

Главная трудность заключается не в том, чтобы преодолеть пристрастие и предвзятость, важнее всего отрешиться от своей собственной личности, не делать ее центральной фигурой. В настоящее время, когда все авторитеты разрушены, когда все вооб-

ще поколеблено до самых оснований своих, никто не вправе навязывать читателю свои выводы-предсказания, не в праве претендовать на то, чтобы им верили. Предоставим каждому делать свои заключения, которые вообще еще слишком преждевременны, позаботимся лишь о том, чтобы предупредить неверные выводы, основанные на недостаточном знании фактической обстановки, облегчим возможность ориентироваться в происходящем. Нет, пожалуй, более вредного и праздного занятия, чем искать теперь правых и виноватых. Никакой натяжки нет в том, если сказать, что виноватых нет, или еще вернее, что мы все виноваты и вина еще более увеличивается, если мы станем искать, на кого нам свою вину переложить. Пока еще нельзя отдать себе полного отчета в том, что именно произошло и как глубоко в сущности те изменения, которые вызваны переворотом, все усилия должны быть направлены на то, чтобы как можно полнее и точнее отразить случившееся.

В этом и заключается задача «Архива» русской революции. Эта задача очевидно совершенно исключает всякую предвзятость и партийность. Исчерпывающая цель издания — дать правдивую картину, содействовать выяснению исторической истины... Не только мемуары, для печати специально написанные, но всякие дневники, письма, всякого рода записи в самой беспритязательной форме могут иметь огромное значение для разрешения поставленной задачи.

Итак, имея в своем распоряжении все тома Архива И. В. Гессена, которые уже давно стали библиографической редкостью, редакция открывает серию публикаций раздела «Белые мемуары» перепечаткой воспоминаний матери барона П. Н. Врангеля. В СССР публикуется впервые. Печатается с сокращениями. Основные особенности авторского написания сохранены.

Раздел ведут
Андрей Кочетов
и Алексей Тимофеев.

Баронесса М. Д. ВРАНГЕЛЬ Моим внукам

Я не внесу в мой рассказ ни политики, ни истории, я лишь хочу искренно и правдиво, шаг за шагом, передать, через что я прошла и что мною, очевидно, пережито в дни большевиков. Прожив в Петрограде с 1918 г. до конца 1920 г., я, несмотря на все ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом. Жила я под своей фамилией, переменить нельзя было, так как очень многие меня знали. Но по трудовой книжке, заменявшей паспорт, я значилась: девица Врангель, конторщица. А служила я в Музее Города, в Анничковском Дворце, 2 года, состояла одним из хранителей его — место «ответственного работника», как говорят в Совдепии. Ежедневно, как требовалось (так как за пропускные дни не выдавалось хлеба по трудовым карточкам), я расписывалась моим крупным почерком в служебной книге. В дни подхода Юденича к Петрограду Троцкий и Зиновьев устроили в Анничковском Дворце военный лагерь, расставив пулеметы со стороны Финляндии: военные власти шныряли во Дворце повсюду, а служебная книга с фамилиями, раскрывая, как всегда, лежала на виду в швейцарской. Был у меня и обыск-налет, а в дни появления на горизонте Главнокомандующего Русской Армией генерала Врангеля (моего старшего сына) все стены домов Петрограда пестрели воззваниями:

Смерть псу фон-Врангелю, немецкому барону!
Смерть лакею и наемнику Антанты Врангелю!
Смерть врагу Рабоче-Крестьянской Республики Врангелю!

Позже, в другом месте моего жительства, я была прописана как вдова Веронелли, художница. Письма я писала под третьим именем. И вот, как ни непонятно, я высочила благополучно, тогда как другие несчастные матери, жены, сестры, дочери военных белогвардейцев были заточены в шиваке: казематы и томились там по месяцам: старуха М. П. Родзянко, семья Звягинцевых, баронесса Варвара Ивановна Икскуль, Хрулевы, наши племянницы, княгиня Т. Г. Куракина, бар. Е. А. Корф.

баронесса Тизенгаузен, графиня Бейнгсен, М. В. Вийберг, мать совсем юного конногвардейца Таптыкова, да всех не перечтешь. Начну рассказ о моих переживаниях по порядку. Должна прежде всего оговориться, все ужасы моей жизни — ничего исключительного из себя не представляли, так же жили и из породы буржуев, разве что были помоложе и не столь одиноки.

В начале 1918 года муж, убедившись, что в Петрограде жизнь становится все тяжелее, начал продавать все наше имущество: картины, фарфор, мебель, ковры, серебро. Деньги постепенно помещали, как и прежде, в Банк. Грозного еще ничто не предвещало, было только запрещено переводить капиталы за границу. Затем запретили выдачу по текущим счетам, банки национализировали, из сейфов обобрали золото и бриллианты, и мы, как и все, остались ни с чем. Муж решил переехать в Ревель, куда перевел и Спиртоочистительное О-во, председателем коего он состоял. Я в Ревель ехать не захотела, дети (сын и невестка) усиленно просили меня приехать к ним в Крым, где в то время, уволенный в отставку, жил сын со своей семьей. Я давно их не видала и ухаживала за это, тем более, что в Ревеле в то время были немцы, и во мне кипело патристическое возмущение против них. Выбирать тогда, куда ехать, я могла. Я решила устроить в Петрограде для нас с мужем маленький *ried à terre* на случай нашего приезда, в Крым же рассчитывала поехать на время, — тогда еще делались такие фантастические, как кажется теперь, невероятные планы. Проводив мужа, уверенная, что расстанусь с ним на короткое время, я переехала в уютную солидную квартиру к моей старой приятельнице. Было просто, но красиво убрано, повсюду развешены портреты сына в военных доспехах и моих милых внучат. Мне даже нравилась эта упрощенность жизни; я поняла, как, вероятно, и многие, сколько в сущности лишнего, подчас совсем ненужного отягощало нас. Мы были — рабы своего имущества.

Вскоре я получила от мужа 4 письма из Ревеля; путешествие его было с большими приключениями, мои письма до него не дошли. Решила не терять времени, хлопотать о требовавшихся бесчисленных документах на выезд. Писала и телеграфировала сыну, так как он ранее просил, когда решу выехать, дать ему знать, дабы он мог у Скоропадского устроить мне проезд на Украину, но сколько ни писала — все письма, по-видимому, до него не доходили. Бумаги нужные я, однако, все получила, дело было только за паспортом, его мне выдать отказали. Вскоре закрыли границы, и я осталась в плену. Сразу мне удалось найти очень хорошую женщину — прислугу. Я решила поступить на какую-нибудь «чистую» службу. Сначала я работала нештатной служащей в Музее Александра III, но вскоре устроилась на лучшее место в Музей Города, в Анничковском Дворце. Учреждение это по духу было особое. Ни начальство, ни служащие политикой не занимались, страстно любили свое дело, и рабо-

тали не за страх, а за совесть. Сперва я состояла эмиссаром с жалованьем 950 руб. в месяц, затем меня превратили в научного сотрудника. Я получала сперва 4 тыс., позже 6 тыс., и, наконец, как хранителю Музея, мне было назначено 18 тыс. в месяц, да беда-то в том, что «пайка» пресловутого в нашем учреждении не полагалась. Жизнь безумно дорожала не по дням, а по часам. Вскоре я получила из Финляндии от мужа письмо. Он бежал из Ревеля, как и другие, в ожидании прихода туда большевиков. Писал, что был серьезно болен, поправляется понемногу, и заканчивал: «Будь наготове, за тобой придет человек, доверься ему». Письмо дошло до меня каким-то таинственным способом, я немедленно распродала все почти оптом, так как второпях, то по сравнительно грошовой цене; даже продала шубу и одежду, так как муж писал, что надо ехать без всякого багажа, но йи о муже, ни о каком человеке я более никогда ни слова не слыхала. Умер ли он? Жив ли? Не знала, что и думать. Продавая поменьше вдвоем с прислугой деньги, вырученные за продажу вещей, жутко делалось, а что же дальше? Цены все лезли и лезли — 1 фунт отвратительного казенного хлеба на рынке продавался в то время за 400-500 руб. (теперь, говорят, уже 4.000 руб.), говядина 1 700 руб., яйцо одно 400 руб., масло 12 тыс., сахар 10 тыс., соль 350 руб., крупа-пшено 180 руб. фунт, коробка спичек 80 руб., керосин 1 ф. — 800 руб., свечка 500 руб., сапоги 150 тыс. руб., галоши 20 тыс. руб., чулки пара 6 тыс. руб., иголка — и та стоила 100 руб., катушка ниток 500 руб., мыло для стирки 5 тыс., и т. д. и т. д. Старушка хозяйка моя сбежала в окрестности, рассчитывая, что там подешевле, но вскоре умерла от истощения. Прислуга моя то и дело падала без чувств от утомления, стоя в хвостах, полуголодная, за советским хлебом и селедками. Я видела, что она чахнет, и как ни грустно было с ней расстаться, нашла ей хлебное место. И вот начались мои мучения. В 7 часов утра бежала в чайную за кипятком. Напившись ржаного кофе без сахара, конечно, и без молока, с кусочком ужасного черного хлеба, мчалась на службу, в стужу и непогоду, в рваных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпкой: вскоре мне повеселилось кушать у моей сослуживицы «исторические галоши» покойного ее отца, известного архитектора графа Сюзора, благо сапоги у меня тоже были мужские, — я променяла их как-то за клочок серого солдатского сукна в 2 аршина. Такими гешефтами все тогда занимались, сперва как-то стыдно было, а потом все так привыкли, будто только всю жизнь это и делали. Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками, ела темную бурду с нечищенной гнилой картошкой, сухую, как камень, воблю или селедку, иногда табачного вида чечевицу, или пружутую пшеничную бурду, хлеба 1 ф. в день, ужасного, из опилок, высевки, дураиды и только 15% ржаной муки. Что за сцены потрясающие видела я в этой столовой! — до сих пор они стоят у меня перед глазами! Сидя за крашеными черными столами, липкими от грязи, все ели эту тошнотворную отраву из оловянной чашки,

оловянными ложками. С улицы прибегали в лохмотьях синие от холода, еще более голодные женщины и дети. Они облипали наш стол и, глядя помертвелыми, белыми глазами жадно вам в рот, шептали: «Тетенька, тетенька, оставьте ложечку», и только вы отодвигали тарелку, они, как шакалы, набрасывались на нее, вырывая друг у друга, и вылизывали ее дочиста. В 5 часов я возвращалась домой, убирала комнаты, топила печь, зимой через два дня, варила на дымящей печурке, выедавшей глаза, ежедневно на ужин один и тот же картофель, стоил в то время один фунт — 6 штук 250 руб., ела с солью, а в дни кутежа с редькой и луком. После «ужина» чинила свое тряпье, по субботам мыла пол, в воскресенье стирала. Это было для меня самое мучительное — полоскать белье с примороженными больными руками, адская мука, а не стирать самой было невозможно. Белье брали только с нашим мылом, стоило оно 5 тысяч фунт, да за стирку рубашки 150 руб., простыни 200 р., полотенца 50 руб., и т. д. Так как дворников в домах более не существовало (большинство из них переименовалось председателем домовых комитетов), то приходилось и дрова таскать, и помой выносить самой. А когда была объявлена повинность дежурить у ворот, то сколько я ни протестовала, доказывая, что по возрасту я от повинности избавлена, председатель уверял: раз я служу, стало быть работоспособна и от повинности уклоняться не смею. И вот с 10 до 1 часу ночи я, как и другие жильцы, кто раньше, кто позже, сидела в тумбе у ворот, опрашивая всех входящих и выходящих из дома. Одна из девиц, очень жизнерадостная, на всякое дежурство облачалась для потехи в оставшееся от бывшего великолепия вечернее платье, шикарную, еще сохранившуюся шляпу и в белые перчатки, уверяя, что это единственный случай себя показать, так как, сидя на службе в грязи или дома стирая, такое на себя не надеешь, в театры же и кинематографы ей ходить не по карману. Должна отметить, что несмотря на все глумления над буржуями и истязания, как ни странно, за все время моего пребывания в Петрограде желания буржуев отомстить угнетателям я не видела, лодчас их «повинности» принимались, конечно теми, кого жизнь еще не повалила, даже с юмором; они же оставались неприязненны и жестоки к нам, хотя «кровушки»-то и у нас ими было попито не мало.

Так как я боялась ночевать одна в квартире, — кругом меня несколько квартир было очищено, и хотя обирать у меня уже было нечего, но могли перепугать, — я сговорила с одним заводским рабочим, бывший шофер Гурко, он взялся ночевать в моей квартире, колоть дрова и выносить помой за 1500 руб. в месяц без кормежки.

Председатель домового комитета, надо думать, блюдал порядок, то и дело заходил к жильцам. Явившись как-то ко мне, увидел портреты сына в военных доспехах, приказал немедленно все их убрать, предупреждая, что если зайдет и увидит и в следующий раз «генералов», без разговоров отправит меня с портретами в Чка. Я немедленно переслала их на хране-

ние к знакомому присяжному поверенному.

Дни шли, положение мое становилось все более и более критическим, придириги и наблюдения Домового Комитета, изнурительная физическая работа, недоедание, отсутствие всяких известий о муже и сыне — измучили меня, я таяла с каждым днем. Скоро, не имея больше вещей, чтобы продавать и пополнять мой бюджет, я должна была отказаться от услуг и моего рабочего, — платить было нечем. Я опять осталась одна и только ужасно боялась, как бы не слечь и не очутиться в больнице, где больные замерзали, где не было ни медикаментов, ни места, валились вповалку на полу. Хирурги отказывались делать операции, так как от стужи они не могли держать инструмента в руках. А народ мер и мер, как мухи. 30 тыс. гробов в месяц не хватало, брали напрокат. Мой сослуживец и старинный знакомый, барон А. И. Притвиц от истощения ослеп, вскоре умер; он был владетель богатейшего майората в Ямбургском уезде. Похоронили его в общей казенной могиле. Так как гроба жена не могла купить, то на кладбище она повезла его в большой корзине, благо он был очень небольшого роста, обернутого в простыню, поставила на розвальни, сама приткнулась около. Но про себя должна сказать, Бог меня хранил. Я потеряла, правда, два пуда весу, была желта как воск, от вечно мокрых, никогда не просыхающих ног (галоши мои знаменитые послужили только месяц) мне свело пальцы на ногах, руки от стирки и стужи приморожены, от дыма печурки, недоедания и усиленной непрерывной письменной работы сильно ослабли глаза, но я за два года ни разу больна не была. Постичь не могу, как в 60 лет может так ко всему приспособиться человеческий организм.

Но буду продолжать по порядку. Однажды, когда я исполняла одну из тяжелых очередных моих работ, зашла ко мне моя приятельница, известная общественная деятельница, очень душевный человек, пришла в ужас от условий моей жизни. Предложила переехать к ней; у нее была большая — ее эмигрировавших друзей — квартира и прислуга. Я была безумно счастлива. Наконец не быть одинокой! На новоселье я блаженствовала 10 дней. Пошли аресты, особые гонения на партию кадетов. Моя приятельница состояла председателем Комитета кадетов в одном из районов, ее убедили скрыться, прислуга меня немедленно бросила, поступила в богатый еврейский дом, и опять я осталась одна, в большой квартире — я да еще черны кот, немолочно мяукавший с голоду, да и я сама была не лучше его. Зачастую я вставала ночью проглотить хоть стакан воды, или погрызть сырой морковки, чтобы заглушить щемящий голод. Тысяч назначенного мне жалования я не видела три месяца за отсутствием в Государстве денежных знаков. Я уже разгуливала в сапогах с отставшего лодыжкою, привязанною веревкою, но это ничуть меня не смущало, так как таких франтих, как я, было много. Тоскливо было отсутствие освещения в темные зимние вечера, зачастую электричество частным лицам совсем не давали, обыкновенно оно горело с 10 до 12, когда все мы, полумертвые от усталости, валились спать. Впрочем, были

ночи, когда электричество блистало во всю, — это в те зловещие ночи, когда производились обыски и аресты. Все это знали, все трепетали измученные и издерганные в ожидании приятного виста. Но в дни мрака было тоже жутко. Не имея ни керосина, ни свечей, в моей конуре, выходящей на черный двор, совсем одинокая, с обуревавшими меня печальными думами о близких, оторванных судьбою от меня, я коротала мои вечера, изредка зажигая драгоценные спички, чтобы посмотреть, который час. И вот в одну из освещенных электричеством ночей, в 3 часа раздался на черной лестнице оглушительные звонки, нетерпеливые удары в дверь и крики. Вскочив с кровати, я догадалась — обыск! Так как у меня в комнате температура была на нуле, я спала одетая, да еще прикрытая разным тряпьем. Около меня всегда лежали мои драгоценности, письма и фотографии сына, перевязанные. В одну минуту схватила из бросилась в уборную и с сокрушенным сердцем утонула. Направилась к дверям, а удары становились все свирепее и свирепее, того и гляди двери снесут. Открыла дверь, за ней 5 детей «краса и гордость революции», двое с ружьями, тут же и председатель Домового Комитета — «салонный танцор», как он изывал себя, а также и управляющий домом, — бывший старший дворник, — все по закону, все честь честью. Потребовали у меня документ, он был у меня тоже наготове, народ мы стали все вышколенный; убедившись, что я нахожусь на советской службе, да еще «ответственная работница», направились в комнаты, шарили везде, все перевернули, читали письма, ревали, отбирали бумаги. Найдя хороший сафьяновый портфель, хотя и пустой — забрали. После многого из хороших хозяйских вещей, оказалось, «экспроприировали» (это новомодное у нас слово). Взяли телефонный список с фамилиями, курили, острили и только в 5 утра закончили все операции. С меня сняли опрос — «где хозяйка, когда вернется?». — Скачала, что переехала я всего 10 дней, наняла комнату, хозяйки почти не знаю, а поехала она, как сказала, в Новгородскую губернию за провизией. Управляющий прибавил: «Ей 60 лет, глупа как стена и неработоспособна. «Знаем мы этих глупых да немых, работать паразиты здакие не хотят, а народ мутит их дело. Счастье ее, что нам под руки не попала, а мы приехали ее прокормить в Петропавловку. Да мы не прощаемся, а до свидания», — ушли они меня. Через два часа после этого приятного ночного отдыха я уже бежала за кипятком в чайную, а оттуда на работу, на службу до пяти вечера.

Для душевного моего успокоения до меня то и дело доходили вести о смерти кого-либо из оставшихся в Петрограде друзей и знакомых. Умерли от истощения и голода моя невестка бар. Ш. Врангель, племянница М. Вогак, родственница еще одна, М. Н. Анничкова, умерла от сыпного тифа, А. П. Арапова, дочь Наталья Николаевна Пушкиной, по второму браку Ланской, обратилась в вешалку, обтянутую кожей. Умерла в нищете княгиня Е. А. Голицына, бывшая начальница Кенинского Института. Ради существования, пока не слегла, несмотря на свои 68 лет, во всякую погоду торговала на улице бубликами; сестра ее, Е. А. Депревич-

кая, — также скоро после нее умерла. Эм. Ал. Эллис, бывшая фрейлина, дочь коменданта Петропавловской крепости бывших времен, умерла от изнуриения. Расстреляны в то время были наши пленники бар. М. и Г. Врангеля, при потрясающей обстановке. А. И. Арапов, — это только мои друзья, — обещая же число жертв было бесчисленно. А сколько сидело по тюрьмам. Порою казалось, вернулись времена Иоанна Грозного, люди изводили и в одиночку, и скопом, со всевозможными муками и терзаниями.

Однако, я все время отвлекаюсь, но воспоминания так еще болезненно живы и напряжены, так напирало, кажется, что еще не достаточно наглядно обрисовала «коммунистический рай», и все новым и новым примером, новым штрихом хочется дорисовать эту картину.

Но возвращаюсь к моему повествованию. Вскоре хозяйка дома дала мне знать, к большому моему огорчению, что ей вернуться на квартиру не придется. Немедленно меня улюлюкнули. Со мной теперь жили еврейка, два еврея, счетчица Народного Банка — бывшая горничная у одной моей хорошей знакомой; жила еще, хотя ворчливая, но хорошая старушка, бывшая няня, но она вскоре переехала в деревню, а на ее место поселился рядом со мною ужаснейший красноармеец. Горничная в былые времена получала от меня на чай, именвала меня «Ваше Сиятельство», теперь была так важна, что и прихода к ней не было. Однажды, попросив оказать мне незначительную услугу, я положила перед нею 100 рублей, для меня в то время это был целый куш, она швырнула их: «Ну да, буду я с вами валандаваться. А дрянь-то эту уберите, что я на нее купить могу, это даже не гривенник». Положим, она была права, да большего-то дать ей у меня самой не имелось. Девушка эта с трудом подписывала свою фамилию, но жалованье получала такое же, как и я, да в придачу громадный пенек, и еще подкармливалась из деревни, и находила, что «теперь не жизнь, а малина».

Все они разместились в лучших комнатах, я же жила в самой маленькой, которую взяла ради экономии моего крошечного запаса дров. Евреи топили у себя дважды в день, так как служили в Лескоме.

Парадные комнаты были очень хорошо обставлены. Мебель была карельской березы и красного дерева, зеркала, картины. И во что обратили все это скоро новые обитатели. Ставили в комнатах самовары, дым столбом стоял, сушили белье мокрое не креслах и т. д. Красноармеец был мой ближайший сосед. По дому он расхаживал в белых подштаниках, в туфлях на босу ногу, с трубочкой в зубах, горлачил на всю квартиру неприличные песни, бесцеремонно на моих глазах любезничал с горничною, зачастую любезно собирал у себя общество; что они там делали, не знаю, а только гогот, гам и песни не давали мне ни раз заснуть до утра. Впрочем, все это было только беспокойно, но не страшно, возраст мой и видная нищета спасали меня от худшего. Вся эта компания жила припеваючи, ни в чем сравнительно себе не отказывала, меня же третировала и за нищету презирала. Зачастую, вдыхая в себя аромат жарившегося у них гуся или баранины, мне от раздражавшего

мой аппетит запаха делалось дурно.

С марта 1920 года в жизни моей началось новое осложнение. В газетах промелькнула фамилия Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала Врангеля (как я уже сказала выше, моего сына), дальше все чаще и чаще. Все стены домов оклеивались воззваниями и карикатурами на него. То призывали всех к единению против немецкого пса, лакая и наймита Антанты — врага Рабоче-Крестьянской Республики Врангеля, то изображали его в виде типа союза русского народа. — Облака, скалы, над ними носится старик с нависшими бровями, одутловатыми щеками, сизым носом, одетый в мундир с густыми эполетами, внизу подпись: «Белогвардейский демон» и поэма:

**Печальный Врангель, дух изгнанный
Витал над Крымскою землей и т. д.**

Были и поострее, но для чистоплотной печати не годятся. В ушах моя Врангеля жужжало тогда посвояду, на улице, в трамвае (и разве не чудо, что я уцелела?). Каждую ночь я меняла мой ночлег, находила приют, то у одних, то у других. Мои доброжелатели заволновались, кто предлагал мне переменить паспорт, кто переехать в окрестности, одна организация предложила мне из каких-то сумм Колчака менять ежемесячно субсидировать, чтобы я оставила службу; два других больших учреждения в память второго покойного моего сына (историка и критика искусства) также предложили свою помощь. Но в инвалиды записываться не хотелось, да и служба была моя единственная отрада, в ней я находила забвение от всех ужасов жизни. От денег я с признательностью отказалась, а воспользовалась предложением устроить меня в Общежитие в окрестностях Петрограда, подальше от властей. «С глаз долой, из сердца вон», как смеясь говорили мне мои друзья.

Прописали меня там: вдова Веронели, художница. На службу надобно было ездить ежедневно чуть свет. Но, что бы мне ни предстояло, я бы все приняла, лишь бы мне избавиться от моих городских мучителей, да ведь и горничная отлично знала, кто я, и каждую минуту могла меня предать. А разве не счастье было избавиться от их глумлений и унижений. Помню один из таких случаев. От отсутствия топлива зимой лопнули водопроводные трубы, мы должны были сами себе добывать воду, из соседнего дома тащить в третий этаж по грязной, примерзшей, скользкой лестнице. Красноармеец принес для горничной, еврей для еврейки, мне принести было некому. Попробовала было вежливо попросить одного кушину у еврейки. Завизжала, руками замахала: «Вода моя, моя». Нечего делать, взяла свое ведро, отправилась по воду. Изнемогая, обливаясь потом, несмотря на мороз, с трудом удерживая невольно струившиеся по щекам слезы, я приплелась с моим ведром в кухню, где сидела вся компания. Увидя мой жалкий вид, они покатились со смеха, а девушка заодно мне крикнула: «Что, бывшая барынька, ты желенкой? Ничего, потрудитесь, много на нашей шее-то понаездилась!» Чтобы не доставить им еще большую радость увидеть меня разрыдавшейся, я безмолвно с моим ведром пошла к себе,

стараясь не слушать несшиеся мне вслед остроты.

И вот теперь мне предстояла радость уйти от этих зверей. Поселившись в Общежитии, я сразу почувствовала себя в раю; положим, рай своеобразный: я помещалась в «четвертушке» — это четвертая часть комнаты, как в пьесе Горького «На дне», отделенная ситцевыми занавесками. В каждой четвертушке стояла железная кровать с соломенным блином вместо тюфяка, шкаф, стол, два стула, умывальник на ножках и ведро. Две обитательницы на своей стороне имели окна, две — двери, мне досталась без окна. Две жилицы были милые образованные девушки, а моя соседка — голова в голову — истеричная старая дева, учительница. В былые времена она частенько забегала ко мне, ходила передо мной на задних лапках, а теперь если я впотымах уроню ложку, или близко к ее занавеске подвину стул, кричала на меня, как на собаку. «Ишь обиделась, как Крымская Хаиша, Крым-то пока не ваш», и т. д. Но, по счастью, тут, в Общежитии были целые десятки приятных, образованных, душевных людей, как бы теи прошлого, чудом уцелевшие. Все очень известные фамилии, но зная, что коммунисты распознали, то, чтобы не подвести тех лиц, от наименований воздержусь. Кроме них были сестры милосердия, разные служащие «поневоле», одним словом, какой-то оазис в Дьявольской Совдепской пустыне. Но мы жили настороже с опаской. Ежедневно, чуть свет, во всякую непогоду я тащилась к трамваю на службу. Все чаще и чаще трамваи опаздывали, или среди дороги, за отсутствием электрической тяги, останавливались, и приходилось шлепать пешком. Все чаще и чаще стали поговаривать, что нам грозит быть выброшенными, комиссары уже посетили нас и собираются здание реквизируют для дома отдыха рабочим. Божей Неужели еще скитаться. Мы жили, не зная, что ждет нас завтра. По счастью, на меня напало равнодушие, а не отчаяние. Буду ли заточена в тюрьму, или умру с голода, не все ли равно? Я уже ничего не ждала, плыла по течению и тупо дожидаясь.

И вдруг... в конце октября 1920 года, однажды, когда я уходила со службы, швейцар мне сказал: вас спрашивают. Смотрю, незнакомая девушка — финка. Она просила меня выйти с ней на улицу, так как должна со мной говорить по очень важному делу. Мы вышли. Она сунула мне ключок бумаги, со знакомым характерным почерком моей самой близкой приятельницы, жившей со дня революции в Финляндии. Она писала: «Ваш муж жив. Буду счастлива видеть вас у себя, умоляю, воспользуйтесь случаем, доверьтесь подателе записки вполне. О подробностях не беспокойтесь, все устроено». Побег организовать стоило тогда 1 миллион советских денег, на финские марки 10 тысяч. На мой вопрос: когда ехать? куда? Девушка мне сказала — завтра, без всякого багажа, оденьтесь потеплее, поедте по морю часа 3 1/2 — 4 на рыбацкой парусной лодке. Все устроено, ни о чем не заботьтесь, — дала адрес, где встретиться. Я вышла, как дальше жить, не видела; как ни труден мне казался путь, — я согласилась. По ночам были уже морозы, залил покрывал уже салом, это оставалось последним случаем до первопутка...

За Русь святую

**Не лебедь это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым виденьем тает, тает...
Старого мира последний сон...
Молодость — Доблесть — Ванда —**

Так писала Марина Цветаева в стихотворении «Дон», который вошел в сборник стихов 1919—1921 годов «Лебединый стан», увидевший свет лишь в 1957 году, в Мюнхене.

Мы знаем (правда, выборочно) героев гражданской войны только с одной стороны — со стороны красных. Белые герои, беззаветно преданные России и отдавшие ей без остатка свою жизнь, долгие десятилетия у себя на родине подвергались глумлению и шельмованию или (как это было с председателями «Русского общевосточного союза» (РОВС) генералом от инфантерии А. П. Кутеповым и генерал-лейтенантом Е. К. Миллером) прямо выкрадывались чекистами и уничтожались.

Теперь, кажется, пришло время одуматься и начать долгий и многотрудный путь в попытке сростить разорванные куски России.

Предлагаемые фрагменты из книги «Дроздовцы в огне» дают превосходный повод. Уникальность книги не только в первозданности обжигающего своей правдой материала о белом движении на юге России. Она сплела, соединила в одном венке три славных русских имени.

Имя первое: генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский, ее главный герой.

Сын генерала, участника Севастопольской обороны, М. Г. Дроздовский родился 19 (7) октября 1881 года в Киеве. Окончил Киевский кадетский корпус и Павловское военное училище, добровольцем участвовал в русско-японской войне (в 34-м Стрелковом Сибирском полку), был ранен. В числе лучших окончил Императорскую Военную академию. В русско-германской войне был, помимо прочего, начальником штаба 64-й пехотной дивизии, снова получил ранение, доблестно воевал и особенно отличился во главе 60-го пехотного Замостского полка. 24 ноября 1917 года был назначен начальником 14-й пехотной дивизии, но 24 декабря сам сложил это звание. Начиная гражданская война. На Дону генерал-адъютант М. В. Алексеев уже формировал общероссийские вооруженные силы под именем «Алексеевской организации».

В Яссах, куда прибыл полковник Дроздовский, было задумано формирование Добровольческого корпуса. Однако генерал Щербачев и Кильчевский, видя кругом распад и отчаявшись в возможности борьбы с большевиками, отказались от этой идеи. Движение возглавил Дроздовский. О дальнейших событиях, о героическом походе 1-й бригады русских добровольцев (среди которых был и Антон Васильевич Туркул), выступивших 24 мар-

та 1918 года в числе восьмисот человек с Румынского фронта и прошедших с непрерывными боями через Кишинев, Нижний Буг, Каховку, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь, Таганрог, красочно и подробно рассказывается в книге «Дроздовцы в огне» 18 мая добровольческий отряд вышел к Ростову, из которого красными соединениями были выбиты казачьи части. В июне дроздовцы, вместе с казаками, заняли Ростов, а затем в Новочеркасске отряд, выросший до трех тысяч, соединился с Добровольческой армией, которой командовал генерал-лейтенант А. И. Деникин. Руководимая Дроздовским 3-я дивизия на Северном Кавказе покрыла себя неуязвимой славой.

13 октября 1918 год, под Ставрополем, Дроздовский был ранен третий раз, перевезен в Екатеринодар, где и скончался 14 января 1919 года. В память о нем А. И. Деникин приказал одному из созданных Дроздовским полков именоваться впредь «2-м Офицерским генерала Дроздовского полком», а впоследствии вся 3-я дивизия получила наименование «Дроздовской».

Имя второе: генерал-майор Антон Васильевич Туркул.

Автор книги «Дроздовцы в огне», герой белого движения 1918—1920 годов, сподвижник Александра Павловича Кутепова.

Русско-германскую войну А. В. Туркул встретил вольноопределяющимся, а в гражданскую стал генералом. Встав во главе дроздовцев, он сделался известен не только всей Добровольческой армии, но и красным своими впечатляющими подвигами. Хотелось предоставить здесь слово автору некролога в парижском журнале «Возрождение» — «Памяти Белого Героя», скромно подписавшемуся «Галлиполиец»:

«Действительно, генерал Туркул и его Дроздовцы делали чудеса. Иван Лукаш описал всю их эпопею, со слов генерала, в своей книге «Дроздовцы в огне». Не преувеличивая, можно сказать — блестящая страница в летописи борьбы за национальную Россию».

В Галлиполи генерал Туркул был одним из ближайших помощников генерала Кутепова в деле сохранения воинских кадров, поддержания духа и дисциплины. Кто из галлиполицев, например, не помнит «Дроздовской учебной команды»?

Позже, во Франции, после похищения генерала Кутепова, генерал Туркул понял, что «сохранять кадры» — это далеко не все, что требуется от военачальника за рубежом. Он сумел объединить не только «своих Дроздов», но и к его группе примыкали все, кто искал действия в смысле антибольшевистской акции. Он издавал газету «Сигнал», привлекая и выдвигавшую многих талантливых его сотрудников, устраивал доклады, заставлял своих соратников заниматься самообразованием, работал много сам.

Во время второй войны он, как и многие эмигранты, надеялся, что события, быть может, принесут освобождение русскому народу. Однако действительность оказалась иной: Россию, с точки зрения немецких политиков, населяли всего лишь «осты»... Генерал Туркул сделал все возможное, чтобы

облегчить положение и военнопленных и рабочих.

После войны он возглавил кадры Русской Освободительной Армии «Р. О. А.», обосновался в Мюнхене, издавал и редактировал трехмесячный журнал «Доброволец», — орган внутренней связи кадров Р. О. А.

В последний раз генерал Туркул был в редакции «Возрождения», оказавшись проездом из Ниццы в Германию. Много говорил о событиях в России, о сдвигах, наблюдающихся после смерти Сталина.

— Знаете, — сказал он, прощаясь, — я повторяю то, что говорю вот уже скоро сорок лет: «Коммунизм умрет — Россия никогда!»

Антон Васильевич Туркул скончался в Мюнхене в 1963 году.

Имя третье: Иван Созонтович Лукаш. Замечательный русский писатель, который сделал литературную запись «Дроздовцев в огне».

В 1943 году одно из крупных парижских издательств обратилось к литературоведу П. Е. Ковалевскому с предложением написать историю русской литературы за рубежом. Лукаш уже не было в живых, и на просьбу Ковалевского откликнулась вдова писателя, передавшая биографическую записку о муже. Вот она.

«Иван Созонтович Лукаш родился в Петербурге, в здании Академии Художеств, в 1892 году. Отец его был сторожем Академии, а мать заведовала столовой. Иван Созонтович младший из семи детей».

Дед казак. Отец самоучка, солдат дореформенного времени, знал всех художников и скульпторов, и они его уважали. Репин написал с него портрет, а появившаяся с него записка знаменитой картины. Мать была воспитанницей художника Боголюбова, крестьянского происхождения. Всем детям Лукаши дали высшее образование. Отец в конце жизни получил почетное гражданство».

Иван Созонтович Лукаш скончался на сорок восьмом году жизни, в 1940 году. Его книги: повесть «Голое поле» (1921), поэмы «Дрем усопших» (1922) и «Дьявол» (1922), сборник «Черт на гауптвахте», роман «Бел-цвет» (1923), повесть «Граф Калиостро» (1925), трилогия в рассказах «Сны Петра» (1931), сборник рассказов «Дворцовые гренадеры» (1928), роман «Пожар Москвы» (1928), романы «Вьюга» (1936) и «Ветер Карпат» (1938). Лучшим произведением Лукаша критика называла «Бедную любовь Мусоргского» (1940).

Литературная запись Лукаша воспоминаний Туркула «Дроздовцы в огне» появилась в печати в Белграде, в 1937 году. В СССР публикуется впервые.

Три героя этой книги возвращают нас к событиям гражданской войны, участниками которой — по обе стороны — создали свой фронтовой эпос, свои былины, свои песни.

**«Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И как один прольем
Кровь молодую»,** — пели белые добровольцы. Позднее красивые написали новые слова.

Но мелодия осталась прежней.

ОЛЕГ МИХАЙЛОВ

ГЕРОИ БЕЛОЙ РОССИИ

Генерал
А. В. Туркул
в 1920 году

Наша Заря

...Я вбегаю по ступенькам деревянной лестницы к нам в «юнкерскую», на верхний этаж нашего тираспольского дома, смотрю: а через спинку кресла перекинут френч моего брата Николая с белым офицерским Георгием. Николай, сибирский стрелок, приехал с фронта раньше меня, и я не знал ни о его третьем ранении, ни об ордене Святого Георгия. В третий раз Николай был ранен тяжело, в грудь.

Я приехал с фронта тоже после третьего ранения: на большой войне я был ранен в руку, в ногу и в плечо. Мы были рады нечаянной и недолгой встрече: врачи настояли на отъезде брата в Ялту — простреленная грудь грозила чахоткой. Это было в конце 1916 г. Вскоре я снова уехал на фронт. И вот, на фронте, застиг меня 1917 год.

Я представляю себе себя самого, тогдашнего штабс-капитана 75-го пехотного Севастопольского полка, моло-

дого офицера, который был потрясен национальным бедствием революции, как и тысячи других среди военной русской молодежи.

Моя жизнь и судьба неотделимы от судьбы русской армии, захваченной национальной катастрофой, и в том, что я буду рассказывать, хотел бы я только восстановить те армейские дела, в которых я имел честь участвовать, и тех армейских людей, с кем я имел честь стоять в огне заодно.

В разгар 1917 года, когда замитинговал и наш полк, я стал в нашей дивизии формировать ударный батальон.

Надо сказать, что почти с начала войны у меня служил ординарцем ефрейтор Курицын, любопытный солдат. Ему было лет под сорок. Рыжеватым, с нафабранными усами, он был горький пьяница и веселый человек. Звали его Иваном Филимоновичем. До войны он был кровельщиком, во Владимирской губернии у него осталась жена и четверо ребят. Курицын очень привязался ко мне.

В 1917 году я отправил его в отпуск и в армейском развале забыл о моем Санчо Панса. И вот внезапно он явился ко мне, но в каком виде: оборванец, в ветоши, в синяках и без сапог.

— Ты что же, — сказал я ему, — ну не образина ли ты, братец. Обмундирование и то пропил...

— Никак нет, не пропил. Меня товарищи раздели.

И Курицын поведал мне, как приехал из отпуска в наш полк, а меня в полку нет, и комитетчики злятся, что я отбираю ударников. Иван Филимонович не пожелал оставаться в развалившемся полку и подал докладную по команде, чтобы его из полка отправили ко мне.

Тут и начались испытания ефрейтора Курицына. Комитетчики всячески его оскорбляли, «холуем» бранили, что «ряшку в деищиках нажрал», доходило и до затрещин, а потом на митинге проголосовали отобрать от него все обмундирование, сапоги, казенные подштанники, даже портянки, а выдать самую ветошь. Потому-то Иван Филимонович и явился ко мне чуть ли не нагишом.

Он стоит передо мною, а мне вспоминаются Карпаты, ночь, снег. В ночной атаке на Карпатах я был ранен в ногу. Атаку отбили, наши отошли. Я остался лежать в глубоком снегу, не мог подняться, кость нестерпимо мозжила; я горел и глотал снег. Помню сухие содрогания пулеметного огня, и как надо мною в морозной мгле роились звезды.

Иван Филимонович тогда подобрался ко мне и поволок меня под мышки по снегу. Я невольно застонал. Он прошептал мне сердито, чтобы я молчал. Так он вынес меня из огня. Сам он был ранен в грудь; на груди шинель его была черной от крови и клубилась паром.

Я вспоминаю его на Карпатах, также как и другого ефрейтора, Горячего, рядового Розума и рядового Засуны и тысячи тысяч других русских солдат, верных присяге и долгу, спящих теперь вповалку в братских могилах до трубы архангела.

И думаю, что они, наши светлоглазые русские орлы, послушные во всем, даже в самой смерти, верящие офицеру и верные ему всей душой, они и создали героическую молодежь, для которой солдат всегда был младшим братом — героическую молодежь, три года отбивавшую от советского рабства Россию. Мы бились за русский народ, за его свободу и душу, чтобы он, обманутый, не стал советским рабом.

Возвратившегося Ивана Филимоновича я поблагодарил за верную службу, а его жене, во владимирское село, послал сколько мог денег. Самому Курицыну дать деньги на руки поостерегся: все равно пропадет.

Это было под Венденом, куда после развала 12-й армии был переброшен в 3-ю Особую дивизию мой ударный батальон. Там Курицын и напросился доставить ко мне домой трех моих коней. Кони, действительно, были хороши, и заплатил я за них хорошо, но их надо было везти в Тирасполь, чуть ли ни через всю Россию, в самую разруху.

Жалел коней и мой вестовой, сибиряк Павел Дроздов. Дроздов был солдат заботливый. В глинистых окопах, полных воды, если у меня промокнули ноги, обязательно найдутся у Павла шерстяные носки на перемену, всегда есть чистое

белье, а горячие котелки из кухонь он мне носил под самым огнем. Сибиряк был человек суровый, любитель порядка и спорщик по домашним делам.

Павел Дроздов очень желал получить Георгиевский крест. Под Станиславовым он напросился со мной в бой. Я дал команду к атаке, поднялся, за мной адъютант ударного батальона, а все лежат. Смотрю, поднимается один мой Павел.

Так мы трое и начали атаку: командир, адъютант и вестовой. За нами поднялись все. Павел был легко ранен в плечо. В атаке он заслужил свой солдатский крест. После удачного боя нам пришлось переходить вброд какую-то речонку, и вот мой новый герой окликает меня по-домашнему: «Ваше благородие, как вы ноги промочили, носки другие подмените!» Любопытно, что после этого боя все солдаты весьма уважительно стали величать Дроздова по имени-отчеству.

Сибиряки, чалдоны, крепкий народ. Я помню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норovit бабахать почаще, себя подбодряя, а куда бабахает — и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко. Он всегда норovit стрелять по прицелу. Про сибиряков недаром говорят, что они белке в глаз метят, чтобы шкурки не испортить. Губительная меткость их огня и боевую выдержку отмечают, как известно, многие военные писатели, и среди них генерал Людендорф.

А своими победами сибирские бородачи перед другими солдатами были горды, что называется, до черта. Едва зайдет при них солдатский разговор, что такому-то полку дали георгиевские петлицы, или что там-то снова прославилась гвардия, как сибиряк уже щурится презрительно и говорит с равнодушием: «Да брось ты про георгиевские петлицы... Гвардею тоже... Что гвардею, когда мы, сибиряки, ашалонов Аршаву атаковали».

Вот мои чалдон Дроздов с Курицыным погрузили коней в вагон и поехали. А куда поехали — неизвестно ни им, ни мне.

Я с девятью офицерами-ударниками добрался до Тирасполя только к самой зиме, среди тяжелого развала, тягостного и бессмысленного гама митингов, кишаших солдат. В Тирасполе моих вестовых не было, и я подумал, что они либо загнали лошадей, либо их самих куда-нибудь загнали с конями.

Все эти девять офицеров жили у меня в доме. Мы всюду ходили вместе: даже бриться и за папиросами. Уже тогда мы решили пробраться на Дон, о котором доносились глухие слухи. Тирасполь, полный солдат и матросов, тоже митинговал, но никто из нас не снимал погон, и ходили мы по улицам с ручными гранатами, обычно четверо впереди, четверо позади, а я посредине.

Товарищи нас явно боялись, а когда попытались напасть, мы отбили нападение ручными гранатами. Гранаты нам пришлось бросать около самой женской гимназии, и сотни детских лиц смотрели на этот нечаянный бой, прижавшись к стеклам окон. Такой была наша тираспольская Вандея.

Вскоре после того, на балу в реальном училище, ко мне подошел какой-то штатский господин. Это был капитан Кавтарадзе, грузин, расстрелянный позже грузинами же. Он предложил мне ехать в отряд полковника Дроздовского, формируемый в Яссах, чтобы идти на Дон к генералу Корнилову.

О Дроздовском ни я, ни девять моих офицеров совершенно ничего не знали. Я поручил одному из ударников, поручику Турбину, съездить и узнать, существует ли такой отряд. Через три дня поручик Турбин вернулся и доложил, что отряд Дроздовского действительно есть. Тогда мы все решили ехать к Дроздовскому, чтобы пробиваться к Корнилову отрядам, а не одиночками, что было куда тяжелее.

Помню солнечное зимнее утро. Мать сидела в гостиной у окна. Ее седая голова была как бы очерчена прохладным серебристым светом. Я вошел и молча сел на поручень ее кресла. Мать заметила, что мне не по себе.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Да, я уйду с Дроздовским. В поход.

— Какон поход... Войны больше нет. Все развалилось, все кончено...

— Это хуже войны. Дело идет о существовании России. Мать склонила седую голову:

— Николай в Ялте, больной... Может быть смертельно. Ты едва оправился от ран. Я почти не видала вас... За что опять отнимают вас обоих? У меня же сил больше нет. Я мать.

Она зарыдала глухо. Я поцеловал ее седую голову с таким строгим и милым пробормотом. Я говорил ей как умел, что если не противопоставить человеческой честной силы бесчеловечным и бесчестным насилием, все равно они разгромят жизнь. Или Россия и человеческая жизнь в России будут взяты нами с боя, или Россия и вся жизнь в ней будут замучены большевиками.

Мать слушала меня, отвернувшись к окну. Когда она обернулась, ее глаза были сухи и светились печально. Мать привыкла к разлукам. Мой отъезд был решен.

Провинциальный Тирасполь мирно светился от снега. Стояла ясная, крепкая зима. Однажды, в начале декабря, наша горничная вызвала меня вниз:

— Ваши пришли, — весело и загадочно сказала она. Я вышел в прихожую, а там, в облаке морозного пара, оттапываая снег, стоят Курицын и Дроздов, оба в ладно пригнанных шинелях. Оруженосцы не только доставили моих коней, но и откормили их до того, что верховые кони стали похожи на домашних битюгов. Чудаки, везли коней без одной выводки целых пять недель.

По дороге мои проводники завалили сеном, натасканным из интендантских складов, весь товарный вагон, а под овес заняли еще и соседнюю площадку. Сказать ли, что Курицын и Дроздов изловчились раздобыть по дороге больше ста тюков прессованного сена. Они привезли каких-то чудовищных зверей для Гаргантюа, которые вскоре и были проданы. Перестарались.

Наша встреча была самой душевной. Оба они хорошо у меня отдохнули. Потом я помог Дроздову выехать в Сибирь, куда он торопился, а Курицыну сказал:

— Поезжай и ты, брат, в деревню.

— А вы, ваше благородие, куда собираетесь?

— Я к генералу Корнилову.

— А мне что же делать в деревне?

— Как что? Вот чудак. У тебя жена, дети, семья.

— Сами знаете, к семейственному я не пригож. А на те деньги, что вы им, спасибо, послали, жена год будет жить, да еще радоваться, что меня нет. Не поеду я, ваше благородие, в деревню. Я уж с вами останусь. Как допржеде был, так и теперь.

Я наградил его чем мог, сказал, что он может остаться у нас присмотреть за конями, но потом обязательно должен возвращаться к себе домой.

С девятью офицерами я выехал в отряд Дроздовского, а Курицын, можно сказать, меня обманул: во Владимирскую губернию он так и не вернулся, а остался в Тирасполе, в нашем доме.

В Румынии было тогда полно русских войск, но сверху никто не отдавал приказа о создании добровольческих отрядов. Больше того, русское командование растерялось.

Бригады добровольцев формировались в Кишиневе, в Яссах и под Яссами, на станции Скинтея. Третья бригада, полковника Дроздовского, куда мы прибыли, стояла на этой станции. Помню, как уже после одной командировки в Киев, когда я ехал назад в Скинтею, на бульваре в Кишиневе встретилась мне блестящая коляска бессарабского помещика. В коляске я узнал моего старого приятеля, однополчанина по большой войне, поручика Мелентия Димитраша. Кражистый, с рыжеватыми усами, спортсмен британской складки, с дерзко улыбающимися зеленоватыми глазами, он был известен как блестящий, бесстрашный офицер. Димитраш был добровольцем в Китае во время восстания «Большого Кулака», на Японской и на Великой войне.

Мы расцеловались. Указывая на трехцветный наугольник на моем рукаве, Димитраш спросил:

— А это что такое?

— Это бригада русских добровольцев.

Димитраш небрежно расспросил о бригаде, о Дроздовском, и пригласил к себе обедать.

В самый разгар обеда Димитраш куда-то исчез. Вдруг торжественно растворились двери, и хозяин появился в полной походной форме, с таким же, как у меня, наугольником из трехцветных ленточек на рукаве. Слегка смущенный, он поглаживал рыжевато-усы, его зеленые глаза смеялись:

— Ну вот, — сказал Димитраш, — я бросаю все это и тоже ухожу. Да здравствует поход. За Россию!

На другое утро мы уже ехали с ним в Скинтею.

В феврале румыны начали вести переговоры о сепаратном мире. Тогда-то растерявшимся русским командованием был отдан предательский приказ о расформировании русских добровольческих частей. Приказ этот отдал генерал Кельчевский, перешедший позже к большевикам.

Бригады в Кишиневе и в Яссах приказу подчинились и были распущены. В нашей третьей, Скинтейской бригаде, полковник Дроздовский создал командный состав, прочел приказ о расформировании и сказал:

— А мы все-таки пойдём...

Ни одного мнения не было подано против. Как и Корнилов, мы восстали против революции. Мы не только не подчинились приказу, но спешно выступили со станции Скинтея в Яссы. Сосредоточились мы у Ясс на вокзале Сокола. Там к нам подошла одна офицерская рота из бригады, расформированной в Яссах. Рота тоже не подчинилась приказу. Мы стали военными бунтовщиками.

Дроздовский уехал в штаб румынского фронта выяснять обстановку, а офицеры и добровольцы, подходившие к нам из города, стали передавать, что наш отряд со всех сторон окружают румынские войска. Мы немедленно отправили сторожевые охранения и выставили пулеметы.

У вокзала были брошены русские пушки. Мы расставили и нашу артиллерию, с нею и эти пушки. Наши жерла были направлены на парламент, заседавший тогда в Ясском дворце. Было решено не допускать разоружения. Я помню бессонную ночь, помню ночное собрание старших начальников. Мы ждали приезда Дроздовского, мы решили пробиваться с боем, если румыны не согласятся нас пропустить.

Утром румыны прислали нового офицера с требованием разоружиться. Мы отказались и предупредили, что при первой же попытке разоружить нас силой огонь всей нашей артиллерии будет открыт по городу и парламенту.

А Дроздовского все не было. У многих не только росла тревога за него, но закрадывались и сомнения. В десять часов утра погожего ясного дня, когда мы со всех сторон были окружены румынами и зловеще сверкало на солнце их и наше оружие, вдруг показался автомобиль. В нем Дроздовский. Он как будто бы махал белым платком. Машина остановилась. Мы кинулись к командиру.

— Господа, — радостно сказал Дроздовский, махая листком бумаги, — пропуск у меня в руках — дорога свободна. После обеда мы выступаем.

От нашего молодого горячего «ура» задрожали вокзальные стекла. Дроздовский не мог к нам вернуться вчера — его не пропустили. Тогда он снова поехал в штаб румынского фронта и там раздобыл нам пропуск.

Мы стали лихорадочно грузиться в эшелоны. 26-го февраля 1918 года Бригада русских добровольцев полковника Михаила Гордеевича Дроздовского начала свой поход: я шел фельдфебелем второй офицерской роты. В Кишинев мы пришли эшелонами. Там подождали, пока подойдут последние эшелоны, и вот — поход начался.

Было нас около тысячи бойцов. Никто не знал, что впереди. Знали одно: идем к Корнилову. Впереди сотни верст похода, реки, бескрайние степи, половодье, весенняя грязь и враги, со всех сторон свои же, русские враги. Впереди потемневшая от смуты, клочковатая страна, а кругом растерянность, трусость, шкурничество, и слухи о разгule красных, о падении Дона, о поголовном истреблении на Дону Добровольческой армии. Мы были совершенно одни, и все-таки мы шли.

Нас вел Дроздовский. Теперь мы узнали, что он окончил Военную Академию, участвовал в Японской войне добровольцем в 34-ом сибирском полку, был ранен, на большой войне командовал 60-ым Замостским пехотным полком. А когда был начальником штаба 64-ой пехотной дивизии, сам повел в Карпатах в атаку два полка и снова был ранен.

Дроздовский был выразителем нашего вдохновения, сосредоточием наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших воль, слитых в одну волю борьбы за Россию, и русской победы. Между нами не было политических разногласий. Мы все одинаково понимали, что большевизм не политика, а беспощадное истребление самых основ России, истребление в России Бога, человека и его свободы.

Я вижу тонкое, гордое лицо Михаила Гордеевича, смуглое от загара, обсохшее. Вижу, как стекла его пенсне отблескивают дрожащими снопами света. В бою или в походе он наберет, бывало, полную фуражку черешен, а то семечек, и всегда что-то грызет. Или наклонится с коня, сорвет колос, разотрет в руках, ест зерна.

В наш поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чемоданов, никаких гинтеров.

Припоминаю один ненастный серый день на походе, когда несло мартовский снег. Дымилась темная, мокрая степь, дымилась люди и кони, колышавшиеся в тумане как привидения. Уныло чавкала под ногами холодная грязь. Я и капитан Андриевский устроились на подводе под моей буркой. Снег стал мельче, колючее; сильно похолодало, и бурка затвердела. Поднялась пурга.

Из тумана на нашу подводу вышло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевший от снега. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле.

Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно Дроздовский согласился. Сено под нами было теплое и сухое. Мы быстро нагребли ему сена, он лег между нами, вздохнул и закрыл глаза. Мы накрыли командира буркой и еще стали своими спинами согревать его от злого ветра. Под мерное качанье подводы Дроздовский заснул. Глухо носилась пурга. Мы с Андриевским побелили от снега, нас заметало, но мы лежали не шелохнувшись.

Дроздовский спал совершенно тихо, его дыхание, как у ребенка, не было слышно. Он отдыхал. Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе.

У обритых, всегда плотно сжатых губ Дроздовского была горькая складка. Что-то влекущее и роковое было в нем. Глубокая сила воли была в его глуховатом голосе, во всех его сдержанных, как бы затаенных давижениях. Точно бы исходил от него неяркий и горячий свет.

Свой известный дневник Дроздовский начал на походе, и записи его дневника — заветы Дроздовского — сегодня живы так же, как и в те дни, когда мы по степям шли на Дон:

«Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы».

«Голос малодушия страшен как яд.»

«Нам остались только дерзость и решимость»

«Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно на сколько времени. Это иго горше татарского.»

«Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. Это символ нашей веры.»

«Через гибель большевизма к возрождению России. Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем.»

«Я весь в борьбе. И пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я вижу слабое мерцание

солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный.»

Обрекающий и обреченный. Он таким и был. Он как будто бы переступил незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. За эту черту повел он и нас, и если мы пошли за ним, никакие страдания, никакие жертвы не могли нас остановить. Именно в этом путь Дроздовского: «Через гибель большевизма к возрождению России, единственный путь, наш символ веры».

Белая идея не раскрыта до конца и теперь. Белая идея есть самое дело, действие, самая борьба с неминуемыми жертвами и подвигами. Белая идея есть преображение, выковка сильных людей в самой борьбе, утверждение России и ее жизни в борьбе, в неугасаемом порыве воли, в непрекращаемом действии. Мы шли за Дроздовским, понимая тогда все это совершенно одинаково.

На походе мы узнали еще о другом отряде добровольцев. Один полковник собрал его в Измаиле и выступил встед за нами. В селе Каменный Брод этот отряд нас дождал. Измаильский полковник был невысокого роста, с пристальными светло-серыми глазами. Он заметно приволакивал ногу. Мы узнали, что его фамилия Жебрак-Русакевич.

Полковник Жебрак был ранен в колено еще на Японской войне, когда был офицером в одном из сибирских полков. Тогда же он получил орден Святого Георгия. На большую войну он пошел добровольцем: был он военным судьей, но подал рапорт о зачислении в действующую армию и получил полк Балтийской дивизии, стоящей тогда по гирлам Дуная. Он принес нам знамя Балтийской дивизии, морской Андреевский флаг с синим крестом. Андреевский флаг стал полковым знаменем нашего стрелкового офицерского полка.

На походе мы встречали эшелоны германцев и австрийцев, тянувшиеся к югу. Под Каховской германцы предложили нам свою помощь. Отличный германский явуд, с пулеметом на носилках, уже подошел к нам по глубокому песку. Германских пулеметчиков мы поблагодарили, но сказали, что огня открывать не надо. На паромках мы переналили через Южный Буг, а Днепр перешли у Каховки, с которой нам суждено было встретиться снова, в самом конце нашей борьбы. С короткого боя мы взяли Акимовку, где уничтожили отряд матросов-коммунистов, ехавших эшелоном в Крым. С боя заняли Росаново и захватили Мелитополь.

В Мелитополе мы мобилизовали сапожников и портных, на складах военно-промышленного комитета нашли огромные запасы защитного сукна, отлично оделись и обулись. Там же были сформированы две команды, мотоциклистов-пулеметчиков и мотоциклистов-разведчиков.

Стояла сильная весна. Все купалось в радостном свете. Зелено-дымная степь звенела, дышала. Это был благо-словенный гул жизни, как бы подтверждавший, что и мы все идем для одного того, чтобы утвердить в России Благоденствие.

И вот, после двухмесячного похода, после тысячи двухсот верст пути, появились мы со всей нашей артиллерией и обозами под Ростовом, точно из самой зеленой степи чудесно выросло наше воинство.

Команде мотоциклистов-разведчиков дано было задание выяснить силы большевиков в Ростове и установить, где они сосредоточены. Разведчик-мотоциклист, юнкер Анатолий Прицкер, превосходно выполнил боевое задание: по его докладу была выдвинута куда следует артиллерия, дано направление движению войск, и полковник Войналович начал наступать на Ростов.

В Страстную субботу 22-го апреля 1918 года, вечером, началась наша атака Ростова. Мы заняли вокзал и привокзальные улицы. На вокзале, где от взрывов гремело железо, лопались стекла и ржали лошади, был убит пулей на перроне доблестный начальник штаба нашего отряда, генерального штаба полковник Войналович. Он первый со Вторым полком атаковал вокзал. За ним подошла на вокзал наша вторая офицерская рота. Большевики толпами потекли на Батайск и Нахичевань.

Ночь была безветренная, теплая, прекрасная — воистину Святая ночь. Одна полурота осталась на вокзале, а с другой я дошел по ночным улицам до ростовского кафедрального собора.

В темноте сухп рассыпалась редкая ружейная стрельба. На улицах встречались горожане богомольцы, шедшие к заутрене. С полуротой я подошел к собору; он смутно пылал изнутри огнями. Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор.

Нас обдало теплотой огней и дыхания, живой теплотой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены сиян-зу, таинственно и чисто, свечами. Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вериулся. С амвона архиерей в белых ризах возгласил:

— Христос Воскресе!

Молящиеся невнятно и дружно выдохнули:

— Воистину...

Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове Светлую Заутреню, что начали осторожно пробираться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас, сквозь огни свечей, смотрели темные глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки. Никто не знал кто мы. Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Темные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться.

Я вышел из собора на паперть. Какая ночь, святая тишина. Но вот загремел, сотрясая воздух, пушечный гром. Со стороны Батайска стреляет бронепоезд красных. Каким странным показался мне в эту ночь гул пушечного огня, находящий шум снарядов.

От собора я с полуротой вернулся на вокзал. По улице, над которой гремел пушечный огонь, шли от заутрени люди. Они несли горящие свечи, заслоняя их рукой от дуновения воздуха. Легкими огоньками освещало внимательные глаза.

На вокзале, куда мы пришли, в зале первого класса теперь тоже теплились церковные свечи, и от их огней все стало смутно и нежно. Ростовцы пришли нас поздравлять на вокзал. Здесь были пожилые люди и седые дамы, были девушки в белых платьях, только что от заутрени, дети, молодежь. Нам ианесли в узелках куличей и пасх. На некоторых куличах горели тоненькие церковные свечи. Обдавая весенним свежим воздухом, с нами христосовались. Все говорили тихо. В мерцании огней все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой.

В два часа ночи на вокзал приехал Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались. Его сухонавую фигуру, среди легких огней, и тонкое лицо в отблескивающем пенсне, я тоже помню, как во сне. И как во сне, необычайном и нежном, подошла к нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пеисне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки.

Уже светало, когда вокзал опустел от горожан. А на самом рассвете большевики подтянули подкрепления из Новочеркасска. В те мгновения боя, когда мы несли тяжелые потери, к Дроздовскому прискакали немецкие кавалеристы. Это были офицеры германского уланского полка, на рассвете подошедшего к Ростову. Германцы предложили свою помощь. Дроздовский поблагодарил их, но помощь принять отказался.

Мы стали отходить на армянское село Мокрый Чалтырь. На поле, у дороги мы встретили германских улан. Все они были на буланых конях, в сером, и каски в серых чехлах, у всех желтые сапоги. Их полк стоял в колоннах. Ветер трепетал в уланских значках.

Когда мы с нашими ранеными проходили мимо, раздалась короткие команды, слегка поволновались кони, перелязнуло, сверкнуло оружие, и германский уланский полк отдал русским добровольцам воинскую честь. Тогда мы поняли, что война с Германией окончена.

В Мокром Чалтыре, в первый день Пасхи, командир нашего офицерского полка генерал Семенов передал полк новому командиру, полковнику Жебраку-Русакевичу. В этот же день до нас дошли слухи, что в Новочеркасске идет бой между красными и восставшими казаками. Полк выступил на Новочеркасск.

Когда мы внезапно показались под городом, он уже почти был оставлен восставшими донцами, державшимися только на окраинах. Красные наступали. На наступающих двинулась наша кавалерия, броневые автомобили и коногорная батарея. Нас не ждали ни донцы, ни красные. Неожданная наша атака обратила красных в отчаянное бегство.

На третий день Пасхи, 25-го апреля 1918 года, Новочеркасск был освобожден.

Земля обетованная

Как и в другие города, после освобождения нами, мы несли с собою весеннее солнце. Солнце всегда было нашим союзником. Союзником большевиков была зимняя стужа.

Мы вошли в Новочеркасск по приказу Донского походного атамана Попова, когда восставшие казаки еще отбивались от красных на горевшей от артиллерийского огня Хотунке. Красных, вместе с нами, со стороны города атаковало несколько лихих казачьих сотен, а со стороны Александрово-Грушевска подоспел на призыв Попова доносской отряд полковника Семидетова.

С офицерской ротой я уже колесил по улицам. Это была военная хитрость донского командования. Нас было мало, но мы должны были проходить так, чтобы наше появление в разных местах города могло создать впечатление, будто бы нас много.

Последний двенадцатичасовой переход всех измотал. Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам. Свежее неистовство творилось кругом. Это было истинное опьянение, радость освобождения. Все это забывалось. Мы как бы сбросили со всех темное удушие, самую смерть, все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Наши ряды не раз расстраивались. Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

Наш капитан с подчеркнутым щегольством командовал ротой, сверкали триста двадцать штыков, и, как говорится, дрожала земля от крепкого шага.

— Христос Воскресе! Христос Воскресе! — обдавала нас толпа теплым гулом.

— Воистину воскрес! — отвечали мы дружно.

Надо сказать, что особенно строго берегли мы винтовки: они горели от блеска, всегда были тщательно смазаны. Магазиновую часть, затвор мы хранили, как хрупкое сокровище. На походе нам разрешалось обматывать магазинную коробку суконками и тряпьем, затвор своей винтовки, я, например, обматывал, должен признаться, холщовой штаниной от солдатских исподних.

Не с тряпьем же на винтовках входить в Новочеркасск — командир роты приказал наши фантастические чехлы снять, я сунул мою солдатскую штанину в карман.

Так мы колесили в тот день по улицам. Кругом улыбающиеся, заплаканные лица. Ко мне подошла пожилая дама с двумя девочками:

— Разрешите с вами похристосоваться.

А у меня лицо в поту, и пыль в палец толщиной. Смушенный, я сунул руку в карман за платком, вытирал эту штанину, измазанную ружейным маслом, и по рассеянности стал вытирать ею лицо. Рота заметила мой просак и скромно отвела глаза. А в толпе, вероятно, думали, что так и полагается, чтобы походный офицер черт знает что вытаскивал из карманов вместо платка. В общем, я благополучно расцеловался с юными горожанками.

Вечером нам отвели для постоя пустые дортуары Новочеркасского девичьего института, так как все казармы в городе были заняты. В тот, помнится, день я получил в командование вторую офицерскую роту. А в институте, в верхних дортуарах, жило до пятидесяти подростков и девочек, сирот-институтков. Соседство было совершенно нечаянное.

Когда мы впервые увидели в зале двух лепиньерок в белых передниках, промчавшихся по блестящему паркету, они показались нам трогательным видением. Полковник Жебрак вызвал к себе командиров и, пощипывая усы, окинул всех светлыми глазами:

— Господа, — сказал он, — мы все бывалые солдаты. Но стоянка в девичьем институте, на мой, по крайней мере, век, выпадает впервые. Впрочем, каждый из вас без сомнения отлично знает обязанности офицера и джентльмена, которому оказано гостеприимство сиротами-хозяйками.

Мы разместились на ночлег, а на другой день обедали побегально в институтской столовой. Сильные, молодые, освеженные после похода, крепко печатая шаг, тронулись мы — восемьсот шесть штыков — за командиром батальона в институтскую столовую, чувствуя себя в парах если и не институтками, то кадетами.

— Стой, ка молитву! — послышался голос командира. Всей грудью мы пропели молитву. Правда, точно к нам вернулась кадетская юность.

С веселым шумом мы расселись за громадными столами. Уже захрустела кое у кого на зубах поджаристая хлебная корка. Обедали мы в три смены. Командир батальона, ротные командиры и начальница института сидели отдельно, на возвышении, совершенно так, как воспитатели в столовой кадетского корпуса. Ши и кашу разносили по столам институтки. Были трогательны эти наклоняющиеся девичьи головы в мелко запыленных косах, свежие лица сирот в белоснежных пелеринках.

Седой Жебрак, командир Второго офицерского стрелкового полка, был, кажется, самым пожилым среди нас. Он вызывал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закаленные в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввел для всех жесткую дисциплину юнкерского училища или учебной команды. В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново. Он заставлял переучивать уставы, мы должны были снова узнать их до самых тонкостей. Он сам экзаменовал:

— Господин поручик, обязанности рядового в рассыпном строю?

Иной господин поручик, георгиевский кавалер со шрамами на лице, начинал мяться, тогда суровый командир приказывал:

— Растолкните ему...

Для нас были установлены расписания занятий. Ночью после похода, усталые, отбиваясь во всеми силами от мучающего сна, мы торопились прочесть, что следовало на утро знать по книжному уставу.

Пуговица ли, шаг, винтовка — полковник Жебрак видел все. И он умел себя так погасить, что даже старшие офицеры не решались спрашивать у него разрешения закутить. Все воинское он доводил до великолепия совершенства. Это была действительно школа.

Роты в Новочеркасске поднимались в половине седьмого, но ротный командир должен был вставать на час раньше. И вот, среди самого сладкого сна, в потемках рассвета, слышишь стук в дверь и настойчивый голос:

— Разрешите войти.

Разрешашь. Входит сам командир и любезно осведомляется, изволил ли встать ротный командир. Конечно, вылетаешь с койки нулей.

Вскоре все хорошо поняли полковника Жебрака, и Второй офицерский стрелковый полк стал образцовым полком, может быть до того и не бывалым ни в одной армии мира.

А на дворе был май. Все так легко, светло: дуновение ветра в акациях, солнце, длинные тени на провинциальном бульваре, мягком от пыли, стук калиток, молодой смех, далекая военная музыка и вечерние зори «с церемонией», тор-

жественное «Коль славен». Удивительно свежи все эти воспоминания о Новочеркасске, названном в одном из приказов Дроздовского «нашей Землей Обетованной».

Через неделю после освобождения города Донским атаманом избрали генерала Петра Николаевича Краснова. На площади, у Кадетской Рожи, был большой парад. Наш отряд построился на правом фланге.

Точно еще стояла пасхальная неделя, так все было празднично на параде. Командующий Донской армией генерал Денисов подскочил к нам. По лицу доносского генерала мы видим, что он не знает, здороваться или нет: а вдруг господа офицеры не ответят. Ведь по уставу офицеры из строя не обязаны отвечать на приветствие.

— Здравствуйте, господа, — нерешительно сказал он.

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — с подчеркнутой юнкерской лихостью, как один, ответили мы.

Генерал ободрился, повеселел. Он подскочил к атаману Краснову, который уже показался в конце площади верхом на рослом коне. Краснов направил коня к нашему флангу, держа руку под козырек. Оркестр заиграл встречу. Генерал Денисов подскочил к атаману и, наклоняясь с седла, сказал довольно громко:

— Они здороваются, ваше превосходительство.

Тогда генерал Краснов, все еще держа руку под козырек, сказал нам приветливо:

— Здравия желаю, господа офицеры.

Мы снова загремели в ответ.

Отряд был пропущен церемониальным маршем. Кругом радостные лица, нам машут платками, бросают белые цветы.

Это были удивительные дни подъема. В Новочеркасске приходило так много добровольцев, что дией через десять мы смогли развернуться в три батальона. А на нашу вечернюю поверку, на зорю с церемонией, стекался весь город.

Отряд с оркестром выстраивался на институтском плацу. Фельдфебеля начинали перекличку, потом оркестр играл «Коль славен». Полк пел молитву. В прекрасный летний вечер, казалось, весь затихший город стоит с нами на молитве, а когда мы трогались с плаца, все тихо шло за нами, под старинный егерский марш, который стал нашим полковым маршем.

Помню, как однажды под вечер я вел мою роту в городской караул. Наши офицерские роты всегда были образцово строевыми. Идти не в ногу для нас было просто неприличием. Мы шли великолепно. На панели я увидел старика-генерала в поношенной шинели и скомандовал:

— Смирно, господа офицеры!

Старик вдруг заплакал, прислонясь к забору. Я подошел узнать что с ним. Генерал сказал, что он бывший начальник Пааловского военного училища, что мы его взволновали.

— Ваша рота идет так, как ходила рота Его Величества...

Нас было уже тысячи три, но на батальон готовила только одна кухня, и вот почему: ровно в полдень мы все расходились по частным домам, приглашенные на обеды. В Новочеркасске мы стали всем родными.

Никто не думал о том, что ждет нас дальше, точно вот так и будет длиться эта мирная музыка, милые встречи в провинциальных семьях, прогулки под акациями и пение «Коль славен» в светящиеся вечера.

Недели через две в нашем полку начались свадьбы. Что ни день, то свадьба. За три недели стоянки в Новочеркасске у нас было сыграно более пятидесяти свадеб. Мы породнились со всем городом. Какой простой, человеческой, могла бы быть наша мирная жизнь на русской земле, если бы большевики не потоптали всю русскую жизнь.

К концу стоянки донское командование просило нас остаться в составе Донской армии. Нам предложили быть Донской пешей гвардией. Полковник Дроздовский поблагодарил за предложение, но приказал нам готовиться к походу на соединение с Добровольческой армией, стоявшей тогда под станицей Мечетинской.

Это было в конце мая. Нашим юным хозяйкам, новочеркасским институткам, мы дали прощальный бал. Я не забуду полонеза, когда полковник Жебрак, приволакивая ногу, шел в первой паре с немного чопорной начальницей института; не забуду белые бальные платья институток, такие скромные и прелестные, и длинные белые перчатки, впервые на девичьих руках.

Бал был торжественным и немного грустным. Я вижу в полонезе сухопарого, рыжеусого Димитраша, с зелеными, смеющимися глазами. Он был безнадежно влюблен во всех институток вместе. Я вижу простые и хорошие русские лица всех других, слышу смех, голоса. Немногие из них, очень немногие, остались среди живых.

В полночь на балу случилось замешательство: начальница отослала в спальни младших воспитанниц. Оркестр умолк. Как бы померкли самые огни люстр. Послышались подавленные детские рыдания. Лица институток стали бледнее их накидок.

Никогда мы не видели полковника Жебрака таким виноватым и растерянным: шутка ли сказать, он просил начальницу нарушить институтские правила и разрешить малышам остаться. Но начальница была непреклонна. Мать двух офицеров — один был убит, а другой, герой, награжденный золотым оружием, пропал в бою без вести — начальница была также неумолима в институтском распорядке, как Жебрак в полковом.

Просил начальницу и я. Отказ. Я стоял перед седой старой дамой в шелковом платье, с бриллиантовым вензелем на плече, как перед командиром полка, во фронт. Она доказывала мне, что правила нарушать нельзя.

— Так точно, слушаюсь, — только отвечал я.

Удивительнее всего, что это и подействовало. Начальница слегка улыбнулась и внезапно разрешила всем воспитанницам остаться еще на несколько танцев, а обо мне отозвалась с благосклонностью — «какой воспитанный капитан» — вероятно за то, что я стоял перед нею во фронт, каблуки вместе.

Светлее стали огни, обрадовался оркестр, наши заплаканные хозяйки положили руки на плечи кавалеров и замелькали, снова поинтересились в танце, обдавая прокладой и шумом.

Хромой Жебрак, влюбленный Димитраш, вся наша молодежь страшно бережно, ступая немного по-журавлиному, водили в танце малышей, едва перебирающих туфельками, еще заплаканных, но уже счастливых. Все мы с затаненной печалью слушали детский смех на нашем последнем балу.

А на рассвете во дворе института поставили аналой, и в четыре часа утра по опустевшим залам, где еще носился запах духов, отбивая шаг, мы вышли на плац и в походном снаряжении стали покоем у аналая. В ту ночь в институте не спал никто.

Ясная заря над тихой площадью, где был чуть влажен песок, щебет птиц. Во всем утренний покой, а полковой батюшка читает напутственную в поход молитву. Институтский плац был полон молодых женщин и девушек с их матерями. Это были молодые жены и невесты, пришедшие прощаться. Никто из них не скрывал слез. У аналая белой стайкой жались институтские сироты. Они рыдали над нами безутешно. Я помню бледное лицо молодого офицера моей роты Шубина, помню, как он склонился к юной девушке. Все эти дни Шубин носил кул-то букеты свежих роз, однажды мне даже пришлось посадить его под арест. Он прощался со своей невестой. Ему, как и ей, едва ли было девятнадцать. Его убили под Армавиром. Плавно запел егерский марш. Короткие команды. Мы пошли, твердо, с ожесточением, отбивая ногу. Скрежетало оружие, звякали котелки. А мимо нас, как бы качаясь, уходила толпа, широкий песчаный проспект, низкие дома, длинные утренние тени, тянувшиеся поперек улицы. Уходил наш последний мирный дом, Земля обетованная, наша юность, утренняя заря...

Продолжение в следующем номере.

Пришвин-публицист начала века мало известен нашему читателю. Между тем литературную деятельность писатель начал в 1905 году как корреспондент газеты «Русские ведомости». Тогда же на основе газетных очерков им была составлена книга «Заворошка» — литературный документ того времени: периода Столыпинских реформ и нарастающей волны нового революционного движения после 1905 года. Эта книга впервые включена в новое собрание сочинений Пришвина в 8-ми томах (т. I, М., «Художественная литература», 1982). Во время первой мировой войны Пришвин был на фронте как корреспондент газет «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости». Эти очерки ждут своего составителя и исследователя. Предлагаемые вниманию читателей материалы из архива писателя представляют собой его газетный дневник 1917-1918 гг. Пришвин публиковал его на страницах петроградской газеты «Воля народа». Одновременно он являлся редактором литературного приложения к этой газете «Россия в слове», где печатались многие известные литераторы, участником этого издания был Александр Блок. Дневник создавался по горячим впечатлениям разворачивающихся революционных событий в Петрограде, свидетелем и участником которых был Пришвин. Эти корреспонденции легли в основу книги «Воля вольная», над которой начал работать Пришвин, но завершить эту работу писателю не удалось, и она с тех пор осталась лежать в архиве. В то же самое время в газете «Новая жизнь» публиковал свои «Несвоевременные мысли» М. Горький, тоже ставшие достоянием гласности лишь недавно. Но именно в наши дни «Воля вольная» М. Пришвина и «Несвоевременные мысли» М. Горького звучат необычайно своевременно, актуально. Подтверждением этого могут служить слова самого писателя: «Истинные документы истории не пропадают, потому что истинный документ носит в себе каждый человек

настоящего» (Дневник. 1944 г. 31 авг.). Таким документом истории, который писатель пронес в себе всю жизнь, стали дневники самого М. М. Пришвина 30-х, 40-х, 50-х годов. С ними — в полном объеме — тоже еще только предстоит познакомиться читателям: пять томов дневников М. М. Пришвина готовятся к изданию в «Московском рабочем».

Публикацию подготовили
В. КРУГЛЕЕВСКАЯ И
Л. РЯЗАНОВА.

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Остров Благополучия

Подъезжая к Петербургу, вы чувствуете напряженную злость в этих плотно набитых в вагоне людях, чуть кого-нибудь задел — начинает надолго ворчать, извинишься — не действует, как будто мало извинения, а еще надо на чай дать.

По приезде, дня три, пока не приспособишься, ходишь голодный и к этому непрерывно идущему, размывающему камни дождю, к этому ворчанию полуголодного люда, размывающему берега власти, присоединишь и свой голос.

Все очень злы, но я не думаю, что только от голода. Большой город всегда был похож на остров — твердыню состоятельных людей, окруженных морем нужды. Прошлый год перед восстанием у меня в этом городе-острове было человек десять знакомых богатых людей: они жили так, как теперь живут в Англии, почти совершенно не чувствуя войны через недостатки в продовольствии. Теперь же из этих домов у меня осталось только три — вот как сильно за эти шесть месяцев моего отсутствия Остров Благополучия размылся. И все-таки я не думаю, что злость исходит только от голода.

В моей квартире живет старая женщина с дочерью, мать с утра до ночи в очередях, дочь служит машинисткой и получает сто пятьдесят рублей. Едят они почти только картофель и бледные дешевые помидоры. Раз мать достала сало, а когда стала готовить, оно оказалось вонючим, гадким. Старуха вздумала перетопить его с чесноком и луком. «Мне, — говорила она, — ничего не нужно, только бы не заметила дочка». После обеда шепотом она радостно сказала мне: «Не заметила, слава Богу, съела!» Дня три я ел вместе с ними, как вдруг однажды старуха говорит: «Вы, кажется, много зарабатываете, зачем вам терпеть?» Я удивился, я думал, что все так терпят, потому что всем выдается продовольственная карточка с $\frac{1}{4}$ ф. мяса в неделю. Я не знал, что рядом с городской лавкой, откуда, и то не всегда, после долгого ожидания, выдается $\frac{1}{4}$ ф. мяса в

Рисунок
Любови
Бордуковой.

неделю, находится частная лавка, где за 2 р. 80 к. фунт можно получить сколько угодно превосходного мяса. Нас предупреждали в газетах, что молока не хватает детям, чтобы мы, взрослые, воздерживались. Но оказалось, что это говорится про дешевое снятое молоко на рынке, а так всюду можно получить молоко парное прямо из-под коровы по 2 р. бутылку. И так все идет, как и прежде, и никакого закона о равенстве нет. А раз нет закона, то я сейчас же потребовал в редакции увеличения гонорара, и поставил резко свой ультиматум и выбрался на Остров Благополучия. Теперь, зная, что спастись от голода можно только на Острове Благополучия, вы поймете ясно, почему в годичную бедствия все требуют себе прибавки и разоряют вконец государство: потому что паника и каждому хочется спастись. Иногда требования бывают чрезмерны, но этому опять-таки есть уважительная причина: раньше человек жил, работал и откладывал про черный день. Теперь черный день наступил и чувство сбережения переходит, естественно, в торопливость, в захват, схватил и сапоги новые купил, или кушетку, или женился: этим буржуазным или мещанским чувством, оказывается, обладает громадное большинство населения. И все эти рвущиеся к жизни люди считают виновником всего буржуазию...

Странные вести приносит каждый день моя старуха из очереди: то что мы все умрем с голоду, то что взорвемся, то что нас переубьют большевики и потом немцы придут и, Бог знает, чего не говорят в очередях! Но страшнее всего для старухи, что вместе с министерством, где служит ее дочь, им тоже придется эвакуироваться. Ей жалко расстаться со своими вещами и кажется ей, что там дальше, в глубине России, еще страшнее. Так многие думают, и поэтому никто не хочет уезжать.

Таковы дела в области жизни материальной, в духовной жизни мы как паутиной опутаны разными партиями. Снизу Остров Благополучия подмывается людьми, не имеющими возможности выбраться на Остров, сверху, как нетер. его разрушают слова. Некоторые дворцы теперь стали огромными фабриками, днем и ночью производящими слова. Вокруг этих фабрик намечается образование особого, нового для нас политического быта, и нам, провинциалам, первое время кажется очень странным, что это словесное существование множество людей признают за самую жизнь.

Раздумывая об этом, и мне кажется, что все эти люди, как я когда-то, были очень аккуратными чиновниками и в определенные часы шли на заседание и там говорили и вскрили, что их слова создают Россию. Особенно это заметно на Демократическом совещании при обсуждении коалиций и однородности. Почти все люди обыкновенного общественного труда, городские деятели, земцы, кооператоры стояли за коалицию, потому что никакого практического дела нельзя сделать без приспособления, объединения всего того, что в общем называется мудростью. Напротив, идейно-словесные люди стояли за однородное Правительство. Все было похоже на дуэль Дон Кихота и Санчо Панса, самое нелепое из всего, что только может совершаться на свете. Временная победа Дон Кихота произвела неслыханное опустошение на лугу жизни: литература, искусство, всякая красивая одежда, цветы, случайно вспыхивающие интересные разговоры, все исчезло. На случай полного исчезновения «буржуазных» писателей и художников американцы ассигновали даже крупную сумму для очень дорогого, как бы посмертного альбома. Дон Кихот, словно камнями, завалил все газеты и журналы платформами и резолюциями, заматал всех веревками своей паутинно-сложной организации. Проходя по улицам, вы слышите такой разговор:

Моя точка зрения, — говорит Бобчинский, — точка зрения моя лежит левее меньшевиков-интернационалистов и правее большевиков.

— Чем вы это доказали? — спрашивает Добчинский.

— Я это доказал на митингах.

Слышал я вас на митингах, не нихожу, что вы левее меньшевиков.

Потом начинается спор, как о сложнейших ходах в шахматной игре. Мне кажется, что для этого дела способности математические годятся больше других. Я совершенно лишен этих способностей, но представляю себе, что если войти, то очень интересно, но как войти? Недавно я слышал, как один молодой человек, тоже совершенно лишенный способностей математических, просил своего старшего товарища назначить ему какую-нибудь партию.

— Я, — говорил он, — желал бы, Саша, чтобы это все наше русское не у нас осталось, как смутное время, а значило бы для всего мира, как революция французская. Только я не хочу французской смертной казни и русского анархизма.

Старший товарищ задумался и сказал:

— Ты, Костя, я тебе скажу, кто ты: ты меньшевик-интернационалист.

Костя очень обрадовался, вынул записную книжку, просил указать ему бюро этой партии, где бы узнать ему, как быть ему дальше, что делать...

Наш Остров Благополучия я представляю себе как выходящий из моря нужды усеченный конус, по сторонам которого в трепете живет буржуазия, а на верхней площадке стоит Смольный — дворец Дон Кихота. Часто из Смольного я возвращаюсь вниз, домой только на рассвете, я возвращаюсь и будто спускаюсь все ниже и ниже и вот, на самом низу возле булочной, вижу свою старуху-хозяйку первой в хлебной очереди: во мгле осеннего рассвета сидит она на каменной ступеньке, в черном платке, неподвижная, как мертвая и немигающим глазом смотрит на прекрасно вырисованные на дверях замкнутой булочной белые крупчатые булки и куличи старого режима, само-го старого...

Война слов

Из тех, кто был на Демократическом Совещании, никто не забудет красивую, представительную фигуру одного грузина, который сказал:

— Грузия достаточно сильна, имеет много оснований требовать кое-что для себя, но не хочет усложнять и без того сложное положение государства.

Эти простые слова были многими поняты так, будто сын умирающей за дверью матери сказал: «Мы собрались в лучшей комнате нашей матери, она еще жива, нехорошо теперь делиться, подождем».

И простые слова на время в Собрании стали победными. Еще смелее сказал другой грузин:

— Здесь были представлены все национальности. кроме русской.

Правда, почему-то грузины, поляки, мусульмане, украинцы, решительно все народности заявляют «о любви к отечеству и народной гордости», но великоруссы... только собравшись с духом предать и подумав: «Ну их к черту, жулик на жулике». Да еще как-нибудь повернешь все и в свою пользу: «Предательством Отцов Святых и Пресвятыя Пречистыя Богородицы достаточно представлены».

Так раздумывая, встретился я глазом с представителем родного мне черноземного края, типичным человеком от «третьего элемента» и еще одним из деятелей 1905 года — эти люди неохотники национально представлять и вид у них обыкновенный. За ними разные новые интеллигентные, всякие кооператоры, разные интеллигентные без старой интеллигентской гимназической и университетской муштры, с готовыми формулами и резолюциями, все это организовано и подведено до такой степени, что мышья не проскочит, а не то что какая-нибудь национальная черноземная фигура в черкеске и с кинжалом.

Язык девяти из десятка ораторов тот гладкий, без всякой задержки язык, которым пишутся газетные статьи и который так презирают настоящие художники слова.

И невольно приходит на ум, почему слово человека земли, назовем такого человека Сидящим, почему это слово не такое, как у Посланника.

Вот, например, из моей записной книжки речь деревенского оратора:

— Товарищи, друзья! Вы не подумайте, ежели я большевик, то я узурпатор или подобен Дон Кихоту! Я дерзаю, а вы, господин буржуаз, трусите: у вас еж по пузу бегает!

За такой уродливостью речи вы слышите силу варварского, но почему же Посланный сюда, в столичное Собрание, говорит исключительно по-мещански, так, что слова его кажутся туго накрахмаленными и остриженными бобриком. Слова же бородастые почему-то остаются там, при Сидящем.

Упрекнув меня, скажут, что вот нашел время, чем заниматься. Нет, друзья, товарищи, я ищу красоты, без которой быть ничего не может, я ищу увидеть здесь, на Народном Собрании, лицо своей родины. Не нахожу этого, и в сотый раз спрашиваю, почему Посланный так непохож на Сидящего, отчего те наказывают стоять за лад и единство, а эти только и знают, что делаются.

Посланный говорит:

— Облеченный всем полномочием частных и групповых интересов, заявляю требование о немедленном всеобщем демократическом мире!

Для этого есть у нас великие и простые слова:

— О мире всего мира!

За этими словами в церкви следует жертва. А тут: «требуем!» и петушком, петушком пробивает себе дорогу к раздору.

— Пораженец! — кричат ему.

Бунтарь в ответе опять выставляет целое войско накрахмаленных слов.

— Оборонческие партии, детищем которых является это собрание...

Война обесцененных слов, совершенно такая же, как в местностях с различными народностями, на границах, в Галиции.

Так продолжается словесный бой несколько дней подряд, наконец, выступает и девушка — мученица, у которой душа едва-едва покрыта человеческим покровом.

— Я, — говорит, — стою за однородное.

Ее очень аплодируют.

И она уже не своим прежним детским, душевным голосом, кричит:

— А если буржуазия не...

Я не расслышал, что «не»...

— То тогда пусть узнает...

Что узнает, за шумом я не расслышал и спросил. Мне ответили:

— Призывает к погрому буржуазии!

Не думаю, чтобы она, такая, могла призывать к погрому, но половина собрания так понимает слова Ангельской души, а другая бушует от радости.

И, наконец, бой слов закончен. Начинается подсчет голосов. Тогда в ожидании легла на лице тень и стало жутко, как перед настоящей, а не словесной войной.

Забывшись я тут, прикорнул, задремал, и снилось мне, что разговор продолжается.

Кто-то из ораторов говорит:

— Русская революция виновата перед французской своим принципом бескровности; получается лицемерие: тут признается бескровность, а там самосуд.

Другой отвечает:

— Нужно открыть форточку, необходимо признать принцип крови.

Как известно, словесная война за мир всеобщий и демократический не закончилась и ее постановили вести до полной победы, до полного истощения слов.

Продолжение в следующем номере.

Дореволюционная Россия была запаслива — голод приходивший на ее земли время от времени, приучил и мужика, и государство иметь и зерно, и капитал на случай крайней нужды.

За годы военного коммунизма (1918—1921) этот запас истощился — большая часть его была конфискована продотрядами, оставшегося едва хватало мужику сводить концы с концами. Новые урожаи были ничтожны, чему находилось несколько причин: отток крестьянства в армию, уничтожение землевладения, сокращение посевных площадей из-за непомерных налогов и насильственного захвата хлеба.

Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха. Начался отродясь невиданный на русской земле голод, а следом шли его верные спутники: тиф с малярией, беженцы, дети-сироты, самоубийства, преступность. Ели глину, кору, полевых животных, трупы умерших. С Поволжья голод перекинулся на Сибирь, Крым, часть Украины, Азербайджана, Киргизии... По официальным данным

к началу 1922 года голодающих насчитывалось свыше 23 миллионов. И миллионы уже погибли. Весь мир откликнулся на мольбу Патриарха Тихона о помощи умирающей России, на обращения общественных организаций и частных лиц [о Патриархе и его воззвании «К народам мира и к православному человеку» смотрите в «Слове», № 6, 1990].

Русская Православная Церковь отдавала голодающим свое добро, накопленное веками. Отдавала не без печали, ибо тяжело было видеть искомые богатые украшения храмы без их праздничных торжественных одежд. Но разве можно остановиться перед жертвой, когда огромные пространства страны обвита смертью, когда умирает кормилец ее — российский крестьянин! Но добровольная сдача была явным аляством — она поднимала авторитет Церкви. И вот 19 марта 1922 года Ленин распространяет среди членов Политбюро ЦК РКП(б) секретную инструкцию, предписывающую

провести «с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства», ибо голод «представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий» [«Известия ЦК КПСС» 1990, № 4, с. 190-193]. Под неприятием он имел в виду Русскую Православную Церковь во главе с Патриархом Тихоном и рекомендовал: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [там же]. 26 апреля 1922 года в Москве был начат процесс «54», на который Патриарх Тихон неоднократно вызывался в качестве главного свидетеля. Процесс закончился 8 мая одиннадцатую смертными приговорами. 9 мая Патриарх, которого Ленин советовал не трогать, но подвергнуть тщательной слежке, был

взят под домашний арест. Как свидетельство этого трагического судилища мы публикуем стенографическую запись одного из допросов Патриарха, потому что и сегодня угрозу голода кое-кто из прогрессистов пытается использовать в своих популистских интересах.

Остается только добавить, что в 1991 году в издательстве «Современник» выходит альбом «Божий избранный» — о Святителе Тихоне [1865—1925], ставшем одиннадцатым патриархом Московским и Всея России в ноябре 1917 года. Эта книга, в которую вошло документальное повествование о Патриархе и около трехсот архивных фотографий, — житие мученика, пытавшегося приостановить небывалые гонения, обрушившиеся с первых дней победы революции на Русскую Православную Церковь. Авторы-составители этого альбома: священник о. Николай (Соколов), зам. директора ЦГАОР СССР Павлова Т. Ф. писатель Вострышев М. И.

Председатель. Ваша фамилия?

Св. Патриарх Тихон. Беллавин.

Председат. Имя, отчество?

Св. Патриарх Тихон. Василий Иванович — в монашестве Патриарх Тихон.

Председат. Вы являетесь главным руководителем церковной иерархии?

Св. Патриарх Тихон. Да.

Председат. Вы вызваны в Трибунал в качестве свидетеля по делу о привлечении разных лиц за сопротивление изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. За ложные показания Вы отвечаете. Расскажите нам историю происхождения Вашего послания — того воззвания, в котором Вы высказались против выдачи церковных ценностей, судов и т. д.

Св. Патриарх Тихон. Простите, это от какого числа?

Председат. От 13 февраля. Историю происхождения вот этого воззвания и расскажите Трибуналу.

Св. Патриарх Тихон. Видите ли, по поводу голодающих мы не раз обращались к властям, мы просили, чтобы нам разрешили образовать Церковный Всероссийский Комитет и Комитеты на местах, епархиальные, для того, чтобы Церковь сама могла оказывать помощь голодающим; с этим мы обратились, кажется, еще в августе прошлого года. В августе и сентябре мы ответа не получили. Ответ я получил из Помгولا в декабре месяце. Мною был командирован в Помгол, как сведущий в этом деле, прот. Цветков, он не раз работал в этой области в 1911—1912 гг. В Помголе вели переговоры с тов. Винокуровым, который этим делом заведует. Тов. Винокуров высказал пожелание о том, чтобы Церковь наша пошла на встречу помощи голодающим и пожертвовала из своих ценностей. Протоиерей Цветков сказал, что в Церкви имеются вещи, которые мы не можем, по нашим канонам, жертвовать. Тов. Винокуров на это заявил, что мы этого и не требуем, но хорошо, если бы вы пожертвовали подвески, камни, потом украшения. Цветков сообщил об этом мне. Я тогда согласился на это, так как знал, что воззвания должны выпускаться с ведома властей, я представил в Помгол проект своего воззвания о том, что можно жертвовать. При этом я имел в виду, что собственно церковное имущество было передано общине верующих, и я выразился так, что со своей стороны разрешаю жертвовать вот такие-то вещи: это воззвание после было одобрено.

Председат. Кем?

Св. Патриарх Тихон. Помголом. Затем была составлена инструкция, как проводить это дело, между прочим в инструкцию внесен был такой пункт — что все эти пожертвования церковные являются добровольными. Потом через несколько дней, когда воззвание было напечатано, — дией через пять — вышел уже декрет ЦК о том, чтобы отбирать все. Это показалось нам странным: с одной стороны, ведется соглашение с нами, с другой — за спиной выпускают декрет о том, чтобы все отбирать, и уже ни о каких соглашениях нет речи. Тов. Винокуров сам же раньше подчеркнул, именно что эти пожертвования являются добровольными. Не говоря о том, что в газетах началась травля и патриарха, и церковных представителей князей церкви и т. п. Я обратился с письмом к Калинин, где написал ему, что было согла-

шение отдавать то-то, а теперь требуют то-то. Затем было внесено т. Винокуровым, что это было не добровольное пожертвование и он выбрасывает этот пункт из инструкции. Я просил в письме Михаила Ивановича, чтобы этот пункт был восстановлен, чтобы это было добровольным соглашением, а что иначе нам придется поставить в известность, как сказать, население и вот ответа не последовало. Вероятно, Калинин...

(Значительный пропуск.)

Председат. Но Вы сочли нужным сослаться на эту травлю, которая, по Вашим словам, являлась в газетах специально с этим вопросом. Чем Вы объясняете, что вот сейчас Вы вдруг вспомнили о травле, когда даете показания?

Св. Патриарх Тихон. Да не только вспомнил, но и теперь эта травля продолжается.

Председат. Так вот, может быть, Вы объясните, почему Вы указываете на газетную травлю, для какой цели?

Св. Патриарх Тихон. А потому, что я Вам передавал содержание письма к Калинин и просил его обратить внимание не на меня лично, а вообще на Церковь.

Председат. Правильно ли делает Трибунал заключение, что то, что происходило в советской жизни, отдельные факты и все вместе взятое так действовали на Вас, что оказывали известное влияние даже на текст Вашего послания?

Св. Патриарх Тихон. На текст нет, но, конечно, я читаю газеты. Я не дерево и не камень.

Председат. Значит, Вы совершенно сознательно вставили в послание фразу о том, что после wypadов в газетах был издан декрет.

Св. Патриарх Тихон. Это исторический характер имеет.

Председат. Но это имеет характер религиозный или ничего общего с религией не имеющий?

Св. Патриарх Тихон. Тут излагается история этого дела. Тот вопрос, который мы ставили вот, что мы просили и между тем нам вот что.

Председат. А между тем вам дали декрет об изъятии. Значит, правильно понимает Трибунал, что Вы составляли воззвание, учитывая все настроения, которые были в обществе в связи с предстоящим фактом изъятия, учитывая статьи, которые появлялись в печати, самый декрет и т. д. Вы считали необходимым, учитывая все это, апеллировать к Вашей пастве и дать ей известные директивы, как ей нужно реагировать.

Св. Патриарх Тихон. Травля имеет побочное значение. Но из-за нее, а поэтому, что по канонам нельзя.

Председат. Тем не менее Вы исходили из того, что делалось в обществе.

Св. Патриарх Тихон. Да, в обществе.

Председат. Значит, правильно поймет Трибунал, что здесь Вами руководило в большей степени все-таки то, что, как Вы сказали, — у Вас за спиной был выпущен декрет и нужно было сказать — как на него реагировать.

Св. Патриарх Тихон. Нет, не так. Я излагал историю, что мы можем дать и что не можем дать.

Председат. Вы употребили выражение, что вели переговоры и в это время за спиной был выпущен декрет. Вы употребили это выражение?

Св. Патриарх Тихон. Да.
Председат. Значит, Вы считали, что декрет был скрыт от Вас, что ему было придано значение вопроса гражданской жизни, которая проходила рядом с Вами.

Св. Патриарх Тихон. Но она касалась Церкви.

Председат. Значит, Вы считали, что произошел некоторый конфликт между церковной иерархией и советской властью.

Св. Патриарх Тихон. Да, я думаю, что если советская власть выступила через Помгол, то нужно было действовать.

Председат. Таким образом, Вы считали, что советская власть поступила неправильно, и были вынуждены выпустить воззвание.

Св. Патриарх Тихон. Да.
Обвинитель. Вы признаетесь, что церковное имущество не принадлежит церквам в смысле иерархического их построения по советским законам?

Св. Патриарх Тихон. По советским законам да, но не по церковным.

Обвинитель. Ваше послание касается церковного имущества, как же понимаете Вы с точки зрения советских законов, законом Ваше распоряжение или нет?

Св. Патриарх Тихон. Что это?

Обвинитель. Ваше послание...

Св. Патриарх Тихон. Это Вам лучше знать. Вы — советская власть.

Председат. Т. е., Вы говорите, что судить нам, а не Вам. Тогда возникает вопрос — законы, существующие в государстве, Вы считаете для себя обязательными или нет?

Св. Патриарх Тихон. Да, признаю, поскольку они не противоречат правилам благочестия. Это было написано в другом послании.

Председат. Вот в связи с этим ставится вопрос: не с точки зрения церковных канонов, а с точки зрения юридической: вот имеется закон о том, что все церковное имущество изъято от Церкви и принадлежит государству, следовательно, распоряжаться им может только государство, а Ваше послание касается распоряжения имуществом и дает соответствующие директивы, законно это или нет?

Св. Патриарх Тихон. С точки зрения советского закона, незаконно, с точки зрения церковной — законно.

Обвинитель. Значит, с советской точки зрения незаконно, и это Вы учили и знали, когда писали послание?

Св. Патриарх Тихон. В моем послании нет, чтобы не сдавать. А вот я указываю, что кроме советской есть и церковная точка зрения и вот с этой точки зрения — нельзя.

Обвинитель. Вы говорите, что Вы не указывали, чтобы не подчиняться советской власти, а как Вы думаете, в каком положении поставили Вы своим посланием верующих?

Св. Патриарх Тихон. Они сами могут разобраться. Я выпустил послание и передал его Никандру для того, чтобы он сообщил в Синод и епархии.

Председат. Вам известно, что было в Шуге при изъятии?

Св. Патриарх Тихон. Известно.

Обвинитель. Ну вот, что было в Шуге — и есть результат того, что Вы предоставили своим гражданам разбираться.

Св. Патриарх Тихон. Почему же Вы

думаете, что это, а в других местах граждане иначе разбирались?

Обвинитель. А как в Москве происходило изъятие, Вам известно?

Св. Патриарх Тихон. По газетам.

Обвинитель. И Вам известно, что здесь граждане тоже сами разбирались?

Св. Патриарх Тихон. Знаю, что в громадном большинстве совершенно спокойно.

Председат. А в некоторых местах?

Св. Патриарх Тихон. Знаю, что в Дорогомилове...

Обвинитель. Вам известны взгляды священников на это воззвание?

Св. Патриарх Тихон. Каких священников — московских?

Обвинитель. И других местностей.

Св. Патриарх Тихон. Мною было сдано Никандру...

Обвинитель. Вам известно, что среди духовенства имеется противоположная точка зрения на возможность изъятия ценностей?

Св. Патриарх Тихон. Известно, среди московских больше и среди тех, кого вы называете «новая церковь» или «живая церковь».

Обвинитель. А вот профессор Введенский...

Св. Патриарх Тихон. Он протоиерей, а не профессор.

Обвинитель. Вот он как будто с другой точки зрения смотрит.

Св. Патриарх Тихон. Нет, он не против, он пишет, что митрополит говорит. Подвесьте выше и ценные тех риз, которые снимаются с икон.

Председат. Обвинители имеют вопросы.

Обвинитель. Вот здесь один священник сказал так: если бы Патриарх Тихон не был Патриархом, а на его месте стоял бы тот, который разделяет точку зрения другой части духовенства, то, может быть, не было бы кровавых событий в Шуге. Как же ответить на этот вопрос? На Ваш взгляд — если бы Вами не было выпущено воззвание, если бы Вами не было сказано о том, что сдавайте все ценности, — было бы такое противодействие?

Св. Патриарх Тихон. Мы можем говорить только о том, что случилось, а то, что не случилось, — Бог знает.

Председат. Обвинитель интересуется следующим вопросом: в Вашем послании употребляется слово «святотатство» — это слово имеет для широкого населения достаточно определенное значение, если сказать, что в такой-то производится святотатство, то могут ли возмутиться верующие и не вызовет ли это с их стороны всех усилий, чтобы не допустить святотатства, а еще дальше, когда Вы бросаете лозунг святотатства и что все, которые не окажут сопротивления, будут отлучены от Церкви, а священники низложены от сана, то не действует это возбуждающе на слои населения, тех граждан верующих, которые не могут разобратся в тонкостях церковной терминологии?

Св. Патриарх Тихон. Если бы я этого не сказал и не указал, то я подлежал бы церковному суду.

Обвинитель. А вот здесь происходила экспертиза, в которой принял участие прот. Кузнецов, епископ Антоний и двое священников: один Лидовский...

Св. Патриарх Тихон. Какой это Лидовский, кто это такой?

Обвинитель. Вы не знаете такого? **Св. Патриарх Тихон.** Не знаю.

Обвинитель. Вот они установили: на поставленные им вопросы «носят ли Ваше воззвание строго религиозный характер» — что такого характера оно не носит. А на вопрос «какие основные вопросы христианского вероучения затронуты Вашим воззванием» — они ответили «никаких». Таким образом, остается сделать вывод, что оно носит явно политический характер.

Св. Патриарх Тихон. Прот. Кузнецов не сказал, что это не религиозного характера.

Обвинитель. Постольку, поскольку оно затрагивает вопросы церковного имущества.

Св. Патриарх Тихон. Есть вопросы, не то что религиозные, есть вопросы догматические, таковых нет в послании, но есть вопросы канонические, таковые есть, а религиозные — это не совсем точный термин.

Председат. Экспертиза установила, что Ваше воззвание религиозного характера не носит и никаких вопросов христианского вероучения не затрагивает. Когда это было выяснено экспертизой и наряду с этим установлен смысл и значение слова «святотатство», которое не могло не действовать разжигающе на население, и затем Ваша угроза в конце послания об отлучении, т. е. естественно возникает вопрос, не последовало ли это воззвание цели чисто политического характера, т. е. вызвать население на полове защиты Церкви к действиям против Правительства. Вот этот вопрос и ставит Вам обвинитель, он также интересен для Трибунала. Считаете ли Вы до сих пор, что Ваше воззвание действительно не затрагивает вопросов политического характера и является воззванием строго религиозным?

Св. Патриарх Тихон. Позвольте Вам сказать, я уже Вам отвечал, что я могу сказать, что беру христианским учением, потому что это церковная каноника и церковное управление имуществом, это не вероучение. Но, во всяком случае, оно носит религиозный характер, и я думаю, что эксперты глубоко заблуждаются, они, может быть, конца не читали, а затем экспертиза может просто быть другой.

Председат. Значит, Вы с этой экспертизой не согласны?

Св. Патриарх Тихон. Не согласен. **Обвинитель.** Вот экспертиза отвечала на вопрос: являются ли изъятие священных предметов для целей милосердия святотатством или кощунством, и ответила — не является.

Св. Патриарх Тихон. Напрасно.

Обвинитель. Значит, Вы считаете, что это святотатство?

Св. Патриарх Тихон. По канону.

Председат. А не по канону?

Св. Патриарх Тихон. Может быть, с точки зрения нравственности и благочестия.

Председат. Разве каноны не являются выражением нравственности?

Св. Патриарх Тихон. Не всегда. Есть вера, а есть церковное управление, это разные области.

Обвинитель. Я прошу, чтобы свидетель объяснил, как понимать святотатство по канону.

Св. Патриарх Тихон. По канонам это святотатство.

Обвинитель. А с точки зрения нравственности?

Св. Патриарх Тихон. Они указывали, что знают примеры, что Златоуст и Амвросий передавали и оправдывали это, и нам известно, и это мы знаем.

Обвинитель. Да что же это, святотатство или нет?

Св. Патриарх Тихон. Это совсем другой термин, это канонический термин. Он непригоден к нравственности.

Председат. А с какой другой точки зрения можно подойти к этому вопросу?

Св. Патриарх Тихон. С точки зрения христианской благотворительности.

Обвинитель. Значит, с точки зрения благотворительности это не святотатство?

Св. Патриарх Тихон. Не святотатство.

Обвинитель. Значит, можно думать, что Вы предпочли законы христианской нравственности.

Св. Патриарх Тихон. Нет, когда церковь сама распоряжается этим имуществом, тогда можно, и эксперты должны были указать, когда ссылались на Златоуста, Амвросия и других, что они сами передавали. Церковь имеет право, Патриарх имеет право.

Председат. Значит, с точки зрения христианской благотворительности это не святотатство, но с оговоркой, если это будет сделано руками Церкви. Вы не видите в этом ничего странного.

Св. Патриарх Тихон. Не вижу.

Обвинитель. Таким образом, если бы Патриарх сам дал свое благословение по иерархической линии, то можно было бы сосуды отдать?

Св. Патриарх Тихон. Я за это отвечал бы перед судом Церкви.
Обвинитель. А перед совестью отвечаете. Вы говорили, что с одной стороны миллионы голодающих, умирающих, а с другой — мертвые канонические правила, и Вы не дали своего благословения и теперь подтверждаете, что по канонам отдать ценности могла только одна сама Церковь.

Св. Патриарх Тихон. Сама Церковь непременно.

Обвинитель. Вот здесь один из обвиняемых сказал очень сходные с Вами слова, что если бы Патриарх благословил, то моя пастырская совесть была бы спокойна. Я Вас так понял...

Св. Патриарх Тихон. Так.

Председат. Значит, в этом вопросе можно понять, что Вы эту пастырскую совесть не хотели успокоить?

Св. Патриарх Тихон. Я Вас не понимаю.

Председат. Если бы дали свое благословение, то совесть пастыря была бы спокойна, и он отдал бы все, но так как не было благословения, а чувство христианской совести ему подсказывало, что надо отдать, то совесть его была в смятении, поэтому Трибунал и делает вывод, что Вы не только не успокоили совесть, но, наоборот, сделали так, что она должна была быть неспокойна, и породили сопротивляющихся.

Св. Патриарх Тихон. Нет, не сопротивляющихся, ведь я не стою на точке зрения вашей советской власти, вы говорите «надо взять» и забираете.

Обвинитель. Я призываю Вас к порядку. Вы идёте в Трибунал, а Трибунал судит и ничего не забирает.

Св. Патриарх Тихон. Простите, я имел в виду...

Обвинитель. Скажите, мнение дру-

гих священников было таково, что Ваша ссылка на каноны совершенно ложна. Я просил бы поэтому Вас ответить на следующий вопрос: что Вы считаете святотатством и что означает этот термин, — содержит ли он в себе оценку преступления?

Св. Патриарх Тихон. Это слово я взял из канона.

Обвинитель. Г-н Беллавин, я Вас прошу отвечать на мои вопросы и желаю знать ответ без всяких уверток, что значит святотатство? Вы, Патриарх, можете ответить?

Св. Патриарх Тихон. Забрать священные вещи.

Обвинитель. А слово «тать» — это что значит по-русски?

Св. Патриарх Тихон. Тать — это вор.

Обвинитель. Значит, святотать — это вор по святым вещам?

Св. Патриарх Тихон. Да.

Обвинитель. Такими Вы нас считаете. **Св. Патриарх Тихон.** Кого?

Обвинитель. Представителей советской власти.

Св. Патриарх Тихон. Нет, простите. (Сильный шум в зале. Председатель обращается к публике, затем к суду, распорядителю, коменданту и предлагает удалить из зала всех шумевших во время дачи показания, объявить перерыв.)

Перерыв.

Председатель. Заседание продолжается. Обвинитель Логинов, продолжайте Ваши вопросы.

Обвинитель. Я Вам задал вопрос, сознательно ли Вы в своем воззвании употребили выражение, которое должно было быть отнесено к советской власти, выражение по смыслу которого ясно, что Вы представителей советской власти называете ворами.

Св. Патриарх Тихон. Я привожу только каноны.

Председатель. Но смысл этого канона знаете?

Св. Патриарх Тихон. Конечно.

Председат. И этот смысл, что тать — значит вор, Вам известен.

Св. Патриарх Тихон. Конечно.

Обвинитель. Значит, это сделали сознательно!

Св. Патриарх Тихон. Я Вам отвечал.

Обвинитель. Я не слышал, сознательно ли Вы в своем воззвании употребили это выражение, или это случайность, недоразумение.

Св. Патриарх Тихон. Я привожу канон, что советской власти не касается.

Обвинитель. Как не касается, кого же касается?

Св. Патриарх Тихон. Кто это сделал бы.

Обвинитель. А кто это делал, разве Вы не знаете?

Св. Патриарх Тихон. Не знаю, это, может быть, касается мирян, верующих.

Обвинитель. Вам известно, что представители советской власти стоят на точке зрения выполнения декрета?

Св. Патриарх Тихон. Известно. И с точки зрения законов советской власти это правильно.

Обвинитель. Я прошу Вас ответить на вопрос: зная, что вносили ценности, сознательно или по ошибке Вы употребили это выражение?

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по ошибке

Председат. Значит, Вы, употребляя эту ссылку на каноны, давали себе отчет в том, что слово «тать» — значит вор, что в данном случае идет речь о церковных ворах. Далее Вы знали, что изъятие церковных ценностей производится в порядке и по распоряжению, указанному ВЦИК, т. е. высшего органа Республики. Таким образом, Вы не могли не знать, что церковный вор в первую очередь относится к тем, кто это изъятие будет производить, откуда Трибунал может сделать вывод, что «церковные воры» Вы употребили по отношению к существующей советской власти и вполне сознательно. Так это или не так?

Св. Патриарх Тихон. Это толкование.

Председат. Но это вытекает из Ваших показаний.

Св. Патриарх Тихон. Все можно видеть и даже контрреволюцию, которой я не вижу. Я привожу канон и указываю, что Церковь смотрит на это как на святотатство. И это касается всех тех верующих, которые будут отдавать.

Председат. У Вас в воззвании сказано совершенно ясно, что с точки зрения Церкви является святотатством, и после этого определения Вы там же, в воззвании, прибавили «после резкого выпада газет по отношению к духовным руководителям 13/25 февраля Всерос. Центр. Комитет для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные вещи, в том числе и священные сосуды и проч. богослужебные предметы». С точки зрения Вашей этот акт является актом святотатства, т. е. именно акт изъятия, и далее «мы священным нашим долгом почли высказать взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем всех верных чад наших». Разве не ясно, что здесь речь идет о том самом акте, который называется декретом об изъятии церковных ценностей. Неужели и теперь не ясно, что именно этот акт является с Вашей точки зрения святотатством.

Св. Патриарх Тихон. Нет, с точки зрения канонов.

Обвинитель. Известна ли Вам разница между святотатством и кощунством?

Св. Патриарх Тихон. Да.

Обвинитель. Какая разница?

Св. Патриарх Тихон. Святотатство — похищение священных вещей, кощунство — чашмешка над ними.

Обвинитель. Надругательство.

Св. Патриарх Тихон. Да.

Обвинитель. Если с Вашей точки зрения могло быть надругательством прикосновение мирян к сосудам, то почему в своем воззвании Вы говорите общие выражения: «изъятие ценностей есть святотатство и кощунство». Почему Вы не указали точно, что это относится к прикосновению не к кидилу, а именно к священным сосудам?

Св. Патриарх Тихон. Все случаи трудно указать, например при уборке вышло, что снимали ризы и она не входила в ящик, тогда ее топтали ногами.

Обвинитель. Когда это было?

Св. Патриарх Тихон. В Церкви Василия Кессарийского.

Обвинитель. Кто это Вам передавал?

Св. Патриарх Тихон. Батюшки.

Обвинитель. Вы можете назвать?

Св. Патриарх Тихон. Я по крайней

мере посылал к Преосвященному Антонину, и он участвовал в самой контрольной комиссии.

Обвинитель. И у Вас даже, таким образом, не установлены фамилии?

Св. Патриарх Тихон. Это уже их спрашивайте.

Председат. Свидетель Беллавин, Вы только что видели, какое впечатление производят на некоторые элементы, присутствующие здесь в зале, Ваши слова. Раз Вы передаете такой факт как совершенно достоверный, то Вы обязаны подтвердить доказательствами. Иначе это носит голословный характер. Укажите фамилии тех, кто топтал ногами, иначе Трибунал не может верить Вам. Вы можете назвать фамилии?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Председат. Значит, Вы заявили голословно.

Св. Патриарх Тихон. Я в собственных руках держал документы.

Обвинитель. Мне точно известно, как происходило в церкви Василия Кессарийского изъятие ценностей, и я спрашиваю, кто эту гнусную клевету распространил?

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю, или у Василия Кессарийского, или в другой.

Председат. Вы можете назвать фамилию священника, по крайней мере тех, которые Вам сообщили об этом?

Св. Патриарх Тихон. Это было в церкви по соседству с Василием Кессарийским и Валаамского Подворья или в которой-нибудь из них.

Председат. Значит, назвать фамилии Вы не можете?

Св. Патриарх Тихон. Нет, не могу, но для этого нужна справка. Но это было у Василия Кессарийского или в Валаамском Подворье.

Обвинитель. Точно Вы не знаете.

Св. Патриарх Тихон. Так это было в один день.

Обвинитель. Значит, Вы отказываетесь сказать, в какой церкви это было?

Св. Патриарх Тихон. Я могу сообщить, только не сейчас.

Председат. Ваш ответ должен быть дан сейчас же. Прежде чем утверждать, Вы должны Ваши слова десять раз взвесить. По долгу совести Вы обязаны назвать фамилии.

Св. Патриарх Тихон. Фамилии тех, кто совершил, я не могу сказать, потому что для меня это безразлично, я следствия производить не могу. Из священников же были священник из церкви Василия Кессарийского и протодиакон Валаамского подворья.

Обвинитель. Первое Ваше заявление было, что Вам об этом рассказывали священники церкви Василия Кессарийского, Вы не отказываетесь от этого показания?

Св. Патриарх Тихон. Нет, на отказываюсь.

Обвинитель. Я задаю вопрос — почему в своем воззвании вместо выражения кощунство Вы сознательно, как заявляете сами, поставили слово святотатство? Было ли у Вас желание сбить с толку Вашу паству и направить по другому пути?

Св. Патриарх Тихон. У меня нет в воззвании слово «кощунство». Я не знаю, почему Вы об этом говорили.

Обвинитель. Значит, надо говорить только о грабеже. Я удовлетворен. Скажите, из какие места в канонах Вы

ссылались, квалифицируя акты об изъятии как преступление, святотатство?

Св. Патриарх Тихон. Кажется, на 73 правило апостольское, главным образом на двухкратный Собор.

Обвинитель. А как Вы понимаете, там сказано, что если кто похитит сосуд, присвоит его и употребит на небогослужбные цели... правильно это или нет?

Св. Патриарх Тихон. Так говорится для личных и вообще священных.

Обвинитель. Да, если кто-нибудь возьмет сосуд, да похитит, значит это связано с актом кражи.

Св. Патриарх Тихон. Я помню, что сказано — что кто возьмет и употребит на издолжные цели.

Обвинитель. Значит, для Вас ясно, что Ваша ссылка на каноны неосновательная.

Св. Патриарх Тихон. Почему?

Обвинитель. Потому что никакой кражи...

Св. Патриарх Тихон. С точки зрения канона то же присвоение.

Обвинитель. Это есть кража. Кому принадлежат ценности?

Св. Патриарх Тихон. По канону — Богу и Церкви и распорядителю Епископу. По канону — не по советскому закону.

Обвинитель. Вы показали здесь, что Ваши послания писались с ведома других. Вы являетесь выразителем всего иерархического начала, это правильно.

Св. Патриарх Тихон. Какие?

Обвинитель. Я не знаю, какие Вы пишете.

Св. Патриарх Тихон. В Помгол.

Обвинитель. Значит, одни были законные, другие без согласия властей?

Св. Патриарх Тихон. Какие?

Обвинитель. Вы признаете незаконность.

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Обвинитель. Почему?

Св. Патриарх Тихон. Потому что ничего такого нет.

Обвинитель. А позвольте Вас спросить, что же Вы называете контрреволюционным актом?

Св. Патриарх Тихон. По толкованию Вашему, действия, направленные к низвержению советской власти.

Обвинитель. А для Вас такой смысл также приемлем?

Св. Патриарх Тихон. Приемлем.

Обвинитель. Значит, всякое действие, направленное против советской власти.

Св. Патриарх Тихон. Нет, и свержению советской власти.

Обвинитель. Непременно к свержению.

Св. Патриарх Тихон. И в этом мы неповинны.

Председат. А Вы не находите, что агитация является попыткой подготавливать настроение, чтобы в будущем подготавливать и свержение? Агитация может быть контрреволюционной.

Св. Патриарх Тихон. Вы считаете ее контрреволюционным действием, а я не считаю.

Обвинитель. С точки зрения евангельской, как считаете Вы, какая добродетель выше — милосердие или жертвоприношение?

Св. Патриарх Тихон. Это Вы приводите вопросы, которые задавались экспертизе; и то и другое нужно.

Обвинитель. Что выше. Вам неизвестно?

Св. Патриарх Тихон. Первая заповедь говорит: «Возлюби Господа Бога».

Обвинитель. А что значит: «милости хочу, а не жертвы», вот этой заповеди Вам не следовало бы забывать.

Св. Патриарх Тихон. Нет, я не забыл. Это в известном случае сказано, а к данному случаю это не касается. Если на Вашей точке зрения стоять, то как объяснить, что женщина вылила миро, а Иуда сказал: «отдать лучше ничем».

Обвинитель. С точки зрения христианской и не изувера, что лучше — оставить стоять сосуд на том месте, где он находится и дать возможность 13 миллионам человек умереть от голода, или наоборот? Я спрашиваю Вас, что с точки зрения христианской морали было бы приемлемее?

Св. Патриарх Тихон. Да, я думаю, такого вопроса не может быть.

Председат. Почему же не может быть?

Св. Патриарх Тихон. Потому что в такой плоскости его не нужно ставить. Конечно, выше, чтобы сосуды не были пустые, но при каких условиях.

Обвинитель. Так Вы считаете, что советская власть может спасти эти 30 миллионов голодающих только на те средства, какие есть?

Св. Патриарх Тихон. Очень желал бы, но не знал, чем располагает советская власть.

Обвинитель. А что, Цветков не говорил Вам, что 12 миллионов обречены на верную смерть?

Св. Патриарх Тихон. Но ведь я читал в ваших газетах, что советская власть справится.

Председат. Вы все время говорите: «в ваших газетах», «ваши постановления», «ваша власть». Создается впечатление, что Вы этим подчеркиваете «этим постановлением» и «этой властью», противопоставляете какие-то другие постановления и другую власть. Что Вы имеете в виду?

Св. Патриарх Тихон. Это не контрреволюционно я говорю, а о ваших правительственных газетах. И я прошу занести в протокол, когда я послал свое первое обращение за границу, я даже не понимал, что невзирая на существующий образ правления, который, быть может, не всем нравится за границей, вы все-таки должны нам помогать, какая власть стоит у нас. Это известно было.

Обвинитель. А Вы думаете как. Если авторитетом Патриарха подчеркивается то обстоятельство, что существующая власть грабит.

Св. Патриарх Тихон. А если Патриарх заявляет, что не взирайте на то, какая ни была власть, ей вы помогаете.

Председат. Тут большая разница. Значит, за границей это одно, а даг самим — это другое. Вот, когда нужно было, сочли возможным заявить за границей, а когда коснулся вопрос о немедленной близкой помощи, то Вы выступили против.

Св. Патриарх Тихон. Нет, прошу обратить внимание на то воззвание, которое прошло раньше.

Председат. Это старое воззвание. **Св. Патриарх Тихон.** На протяжении 5 дней сделанное мною предложение было отвергнуто на том основании, что с иностранными лицами, которых кто-то предлагал, не следует входить в от-

ношения, т. е. вести переговоры с иностранцами может только сама власть.

Председат. Имеются еще вопросы?

Обвинитель. К Вам обращался кто-нибудь с просьбой подписать воззвание о помощи голодающим?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Обвинитель. А протоиерей Лидовский?

Св. Патриарх Тихон. Вообще ко мне приходило много народа. Если Лидовский был вместе с Русановым, то я знаю, что вы имеете в виду. Но что Лидовский миссионер или эксперт — этого я не знаю.

Обвинитель. Как это могло случиться, что Вы на одной и той же неделе за одно и то же и проклинали и благословляли. Вы проклинали всех, кто будет изымать ценности, а когда священник Лидовский предоставил Вам послание обратного значения, Вы собственноручно подписали, что с ним согласны?

Св. Патриарх Тихон. Но оно не прошло.

Обвинитель. Как?

Св. Патриарх Тихон. Оно не прошло. Я обращался в Помгол, и оно не прошло.

Председат. Значит, то Ваше послание, которое Вы послали для утверждения, не прошло, а прошло то, которое Вы не послали на утверждение.

Св. Патриарх Тихон. Мы и теперь ждем ответа.

Обвинитель. К нам в комитет приходили ходоки, крестьяне из Саратовской губернии и заявляли, что Патриарх от своей точки зрения отказался, перестал упираться и благословил на изъятие.

Св. Патриарх Тихон. Я это говорю не с целью агитации.

Обвинитель. Какие обстоятельства заставили Вас отступить от старой точки зрения и вместо проклятия дать благословение? Это так, и в подтверждение этого у меня имеется документ, исходящий от Вас.

Председат. О каком документе вы говорите?

Обвинитель. Священник Лидовский, Русанов и др. представили воззвание, которое в Известиях ВЦИК было напечатано. Это воззвание собственноручно было написано Патриархом.

Председат. Что это за воззвание?

Св. Патриарх Тихон. Об изъятии ценностей.

Обвинитель. Да, но о чем оно говорило, я не знаю.

Председат. В этом воззвании говорилось о необходимости пойти на изъятие церковных ценностей, и Вы там написали «согласен» и не возражаете. Вот обвинитель и спрашивает, как случилось, подписавши это воззвание, Вы потом высказывались против изъятия?

Св. Патриарх Тихон. Хорошо бы огласить это воззвание.

Председат. Обвинитель, у Вас есть этот документ?

Обвинитель. Нет.

Председат. Значит, Вы приобщить его к делу не можете, тогда я прошу не ссылаться на этот документ и все вопросы, связанные с ним, устраним.

Обвинитель. Это может подтвердить священник Лидовский.

Председат. Тогда вы можете подтвердить о вызове Лидовского для ос-

шей точки зрения отношение к обвинению, предъявленному к подсудимому, но ссылаться на неизвестный или не приобретенный к делу документ Вы не можете.

Обвинитель. Священники, которые были на собрании у Архиепископа Никандра, заявляют по очереди, что критиковать и обсуждать воззвание они не имеют права. Правда ли это?

Св. Патриарх Тихон. Не думаю.

Обвинитель. Значит, они согласны.

Св. Патриарх Тихон. Зачем выражаться так резко. Они могут стоять на своей точке зрения.

Обвинитель. Что, Вы с ними сговориться не можете? Каким образом оказались священники, которые позволяют себе критиковать. Это как раз те, которые заявляли, что боятся быть лишенными сана. Вы говорите, что у них своя точка зрения, что же выходит, что Вы верили в непогрешимость людей.

Св. Патриарх Тихон. Я вам скажу, мы даже не верим в непогрешимость папы.

Обвинитель. А можно назвать грешных людей святыми?

Св. Патриарх Тихон. Это в другом смысле.

Обвинитель. Значит, может быть и грешный и святейший?

Св. Патриарх Тихон. Это по моему адресу.

Председат. Прошу обвинителя держаться ближе к существу дела.

Обвинитель. Я хочу выяснить — разве для Патриарха Тихона не было святейших?

Св. Патриарх Тихон. Святейший — это титул.

Обвинитель. Что же, никакого смысла не имеет?

Св. Патриарх Тихон. Ну как не имеет?

Обвинитель. Что же, он для Вас безразличен?

Св. Патриарх Тихон. У католиков Архиепископ зовут «Ваше превосходительство».

Председат. Обвинителя, по-видимому, интересует: из того, что Вы носите такой титул, не следует ли, что у священников есть мнение о Вас, как о святейшем и непогрешимом?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Председат. Еще имеются вопросы... Здесь священник Михайловский указывал на то, что не мог огласить у себя в церкви Ваше послание до конца, так как боялся, что оно вызовет в храме среди верующих возбуждение, и объяснил это, что слова эти содержали в себе угрозу настолько большую для верующих, что ее было рискованно прочитать. Так оценил Ваше послание священник уже старый, работающий несколько десятков лет. Вы считаете его оценку необоснованной?

Св. Патриарх Тихон. Не знаю, если не хотел, ну и не прочитал. Я даже удивляюсь, как он здесь, на скамье подсудимых. Я издал и поручил, чтобы Архиепископ разослал, а заставлял и принуждал ли он читать — не знаю. Вот Михайловский не прочел.

Председат. Вы говорите, что удивляетесь, что он на скамье подсудимых.

Св. Патриарх Тихон. Да.

Председат. Хотя он и не прочел, но только часть. А Вам известно, что подавляющее большинство священников здесь потому, что они исполнили Вашу

волю: читали послание и делали все, что из него проистекает.

Св. Патриарх Тихон. Я думаю, что они здесь на скамье подсудимых по недоразумению.

Председат. По Вашим инструкциям и директивам они вели всю кампанию против изъятия ценностей в духе Вашего послания и развивали его дальше, произносили проповеди и теперь вот обвиняются по обвинительному акту в контрреволюционных действиях.

Св. Патриарх Тихон. От меня они никаких инструкций не получали.

Председат. Но получали через другие, подведомственные им органы, через управляющего епархией, через епархиальный совет, через благочинных и т. п.

Св. Патриарх Тихон. Ведь благочинные были у Никандра, почему же не заявили о несогласии?

Председат. Вы откуда знаете, что было собрание у Архиепископа Никандра?

Св. Патриарх Тихон. Да из ваших же газет.

Председат. И Вы считаете, что они могли заявить о том, что они против.

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю, что они против, но если они боялись, то могли заявить.

Председат. Так что это собственная вина, что они не заявили.

Св. Патриарх Тихон. Я думаю.

Обвинитель. Вам известно, что не так давно в Карловацах в Сербии был Собор?

Св. Патриарх Тихон. Да, известно.

Обвинитель. Вы имели на нем место?

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю, какое имеет это отношение к этому вопросу.

Председат. На предмет установления чего Вы задаете этот вопрос?

Обвинитель. Я хотел бы сейчас говорить, но я хочу установить. Может быть свидетель...

Председат. Но Трибунал интересуется, чтобы этот вопрос не был отвлеченным.

Обвинитель. Это не отвлеченный вопрос.

Председат. [к свидетелю]. Ответьте.

Обвинитель. Вы приглашение получили на этот Собор?

Св. Патриарх Тихон. Нет, не получили.

Обвинитель. Был ли случай когда инициатива, что епархиальный совет инициировал постановление или распоряжение, принятое Вами?

Св. Патриарх Тихон. Не припоминаю.

Обвинитель. Или заявлял бы протест: например, Вы наложили резолюцию, а Вас принудили бы ее снять или униможить?

Св. Патриарх Тихон. Епархиальный совет занимается в том же доме, где живу. Иногда Председатель или члены придут и скажут «мы посмотрим». Это то, что на нашем языке называется дискуссия.

Председат. Значит, перед изданием послания у вас бывает стадия некоторой дискуссии.

Св. Патриарх Тихон. Нет, это не то, что называется стадией дискуссии.

Председат. Но кто дискусирует?

Св. Патриарх Тихон. Предположим, совет со мной.

Председат. Значит, это у вас частная дискуссия. Вы сказали, что живете

в одном доме. У Вас канцелярия какая-нибудь есть?

Св. Патриарх Тихон. У нас живут: я, управляющий епархией, затем и совет и есть еще 13 комнат, которые числятся, что я занимаю

Председат. Значит, вы занимаетесь все в одном помещении.

Св. Патриарх Тихон. В общем помещении. В этом, кажется, нет ничего преступного.

Председат. Епархиальный совет, управляющий епархией были там, кажется и синод. Вы не помните, чтобы после такой дискуссии отменялась какая-либо из Ваших резолюций? Не было таких случаев?

Св. Патриарх Тихон. Я такого случая не припомню. Впрочем, Вы вероятно разумеете...

Председат. Что?

Св. Патриарх Тихон. Насчет новшества богослужений, раскрытия церковных ворот.

Председат. На эту тему Вы и дискутировали. Кто говорил Вам на эту тему? Речь шла, вероятно, о священнике, который ввел эти новшества.

Св. Патриарх Тихон. Да, говорили члены епархиального совета.

Председат. А Архиепископ Никандр говорил с Вами на эту тему?

Св. Патриарх Тихон. На эту тему, я думаю, не говорил, потому что это было при покойном Митрополите Евсевии.

Председат. Кто же Вам доказал, что нельзя допускать новшества?

Св. Патриарх Тихон. Нельзя сказать, чтобы доказали, так как отец Борисов ссылаясь на такое основание и делал вывод, который был неправилен, поэтому я и взял назад резолюцию, которую раньше дал по поводу вводимых им новшеств.

Председат. Значит, такой случай был, и из того факта, что Вы живете вместе, можно сделать предположение, что он был и единственный.

Св. Патриарх Тихон. Это не преступление, а их долг. Они ближе стоят к народу и к Никандру и могли заявить мне, что это неудобно — такое воззвание.

Председат. К Вам никто из обвиняемых не обращался по этому поводу о Борисове?

Св. Патриарх Тихон. Не помню, кажется Добролюбов обращался.

Председат. А через кого Вы дали Ваше первое разрешение служить при открытых дверях, и через кого оно было отменено?

Св. Патриарх Тихон. Мною самим было взято обратно.

Председат. Вот по вопросу о послании, такой предварительный обмен мнений, который Вы называете дискуссией, не происходил.

Св. Патриарх Тихон. Не происходил, и я сожалею, что батюшки высказались только здесь.

Председат. Значит, у Вас на квартире происходит управление всей иерархией в целом и московской в частности.

Св. Патриарх Тихон. Кажется, я для того и поставлен Собором, чтобы управлять.

Председат. В чем выражается это управление? Чем, собственно говоря, и кем Вы управляете?

Св. Патриарх Тихон. Русской Церко-

вью. Для этого нужно взять наша постановление.

Председат. Перед Трибуналом прошли некоторые свидетели, которые указывали, что управление распадается на самостоятельные части. Вот Вы здесь стоите — глава всей Иерархии. Трибунал и спрашивает Вас, как идет Ваше управление?

Св. Патриарх Тихон. Для того, чтобы дать точные показания, я просил бы разрешения взять Положение соборное о правах и преимуществах Патриарха.

Председат. Оно когда было издано?

Св. Патриарх Тихон. Тотчас же после Собора, в 17-м году.

Председат. До декрета об отделении церкви от государства. Значит, с существующим положением Церкви в государстве в связи с декретом об ее отделении оно не согласовано.

Св. Патриарх Тихон. Да.

Председат. Как же можно на него ссылаться?

Св. Патриарх Тихон. Но не было нужд его согласовывать.

Председат. Значит, Вы живете по законам своим, которые не связаны с советским законодательством.

Св. Патриарх Тихон. Да, но мы признаем и советские законы.

Председат. Из показаний у Трибунала сложился вывод, что Вы считаете, церковным имуществом все-таки нельзя распоряжаться без специального разрешения, данного в порядке иерархического управления.

Св. Патриарх Тихон. С точки зрения церковного канона, а не советского правительства.

Председат. Что же, в конце концов, для Вас более важна точка зрения советского правительства или иная?

Св. Патриарх Тихон. Для меня как для церковника... но я подчинен и советской власти.

Председат. Если Вам канон предписывает церковным имуществом управлять, а декрет говорит, что имущество принадлежит народу и им может распоряжаться только народная власть, Вы считаете в данном случае необходимым подчиниться канонам и незаконно управлять церковным имуществом или соответствующему законодательству, на этот предмет существующему в государстве?

Св. Патриарх Тихон. Управлять церковным имуществом я не могу по той причине, что оно от меня отнято. Как Вы изволите знать, папа считал себя государем без государства, когда итальянское правительство отняло от него имущество.

Председат. Вы считаете, что и Вы государь, от которого отняли церковное имущество?

Св. Патриарх Тихон. Конечно.

Председат. Это формально, а по существу дела Вы считаете, что церковное имущество принадлежит духовенству?

Св. Патриарх Тихон. Нет — Богу, а по канону — Церкви.

Председат. Понятно, что если Вы так оцениваете имуществом право, то духовные лица считают себя обязанными владеть им и управлять.

Св. Патриарх Тихон. Нет, мы привлекаем и другой элемент.

Председат. Самый факт, что Вы в послании устанавливаете, что некоторые сосуды нельзя было брать, доказывает, что церковным имуществом

этой категории может распоряжаться только иерархическая власть.

Св. Патриарх Тихон. Поэтому я и просил приходские советы, что когда будут отбирать, чтобы они просили о замене сосудов равноценным капиталом, на что было обещание.

Председат. Вы просили приходские советы. Значит, проект о том, чтобы состоялись заявления об отмене, тоже исходил от Вас?

Св. Патриарх Тихон. Вы сказали епархиальные, а я говорил приходские, и в этом нет ничего такого. С просьбой можно обращаться.

Председат. Можно. Итак, это от Вас исходило.

Св. Патриарх Тихон. Нет, это не точно — и от других.

Председат. Но предложение это внесли Вы?

Св. Патриарх Тихон. Вносить не вносил, но когда приходили — говорил.

Председат. Какую форму управления пастовой Вы применяете? Ну вот мы знаем послание. Какими путями Вы еще управляете пастовой, в смысле передачи людям Ваших мыслей, воли, указаний, распоряжений и т. д.? Как осуществляется эта работа?

Св. Патриарх Тихон. Мы с пастовой непосредственно не прикасаемся, а приходится прикасаться к Архиепископам, которые от себя с духовенством.

Председат. Значит, Вы сообщаетесь с пастовой по иерархической лестнице?

Св. Патриарх Тихон. Да, Патриарх, синод, епархиальный архиерей, викарий, затем благочинные и т. д.

Председат. Вы знаете о том, что Церкви переданы в распоряжение групп верующих и никаких объединяющих организаций, в том числе и иерархий, как юридического лица, декрет не предусматривает?

Св. Патриарх Тихон. Знаю.

Председат. Значит, здесь Вы тоже сознательно не хотели подчиниться?

Св. Патриарх Тихон. Это дело внутреннее, можно завести патриарха, а можно завести митрополита.

Председат. Подводя итоги, можно, значит, сделать вывод, что управление всей иерархией ведете Вы и что управление церковным имуществом Вы считаете своей обязанностью, поскольку это вытекает из канона.

Св. Патриарх Тихон. Но фактически, по существу, как видите, не могу.

Председат. Но попытки делаете, здесь важно то, что знаете, что не можете, а все-таки делаете попытки.

Св. Патриарх Тихон. Ведь советская власть не непогрешима. Папа не непогрешим, почему же если Вы вступали в стадию переговоров, почему же нам нельзя переговорить с советской властью?

Председат. Но Вы знали, что все эти по иерархической лестнице организации юридической силы не имеют и в этом смысле государством признаны быть не могут.

Св. Патриарх Тихон. Да, но Церковью признаны.

Председат. Одни из обвиняемых показал, что вместе с Вашими посланиями ему была послана через епархиальное управление форма протеста против декрета. Вам известно о существовании таких протестов?

Св. Патриарх Тихон. Я в них участия не принимал, затем я не думаю, чтобы это были протесты. А вот обращения,

когда ко мне приходили, я советовал выдавать. Мы хотели затем устроить.

Обвинитель. Я бы хотел получить ответ на вопрос, который задал. Священник Разанов говорил здесь, что получил с воззваниями 9 образцов протеста, которые рассылались по благочиниям. Что Вам известно об этих протестах, кто их фабриковал?

Св. Патриарх Тихон. Этого не знаю, кто фабриковал.

Обвинитель. Не отвечает ли за это епархиальное управление, за эти контрреволюционные протесты?

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю этого.

Обвинитель. Значит, это дело Кедрова.

Св. Патриарх Тихон. Почему? Я этого не знаю. Я только знаю, что непосредственно управлять московской епархией поставлен епископ Крутицкий, у него есть свой орган.

Обвинитель. Неоднократно был поставлен вопрос о том, кто это написал. Священник Кедров неотрез отказался от авторства этих протестов; Никандр был несколько раз уличен во лжи; был тоже отказывается.

Св. Патриарх Тихон. Я только могу сказать одно — ищите.

Обвинитель. Я думаю, ясно, кто это сделал.

Св. Патриарх Тихон. Не могу сказать.

Обвинитель. Разве не ясно, что Архиепископ Никандр.

Св. Патриарх Тихон. Нет, не могу сказать.

Председат. У обвинителя больше вопросов нет. Защита имеет вопросы к свидетелю?

Защита. Да, есть.

Председат. Пожалуйста, ставьте вопросы.

Защита. Когда командировали в Помгол представителя Цветкова, Вы это сделали лично или нет?

Св. Патриарх Тихон. Я сначала через епархиальный совет, а потом от меня у него была бумага.

Защита. Вы командировали через епархиальный совет?

Св. Патриарх Тихон. Да, в первый раз.

Защита. Первое воззвание, а когда Вы второе направляли в Помгол, то это сделали в частном порядке?

Св. Патриарх Тихон. Через о. Цветкова.

Защита. И первое и последнее, но посылали Вы первое послание, которое было полуофициальное, и третье официальное, или передали в частном порядке?

Св. Патриарх Тихон. Официально с Цветковым.

Защита. Разрешите узнать, епархиальный совет и Синод действуют официально открыто или неофициально?

Св. Патриарх Тихон. Официально. Мы не закрыты ни для власти советской, ни для Церкви.

Защита. Эти учреждения находятся в том же помещении, где и Вы живете? Они зарегистрированы Домкомом?

Св. Патриарх Тихон. Вероятно, они известны начальству, потому что они давно находятся под призором.

Защита. Вы не получили официального предложения о их закрытии?

Св. Патриарх Тихон. Нет, такого не было. Если бы было, то мы закрыли бы.

Председат. Еще имеются вопросы свидетелю? (Пауза.) Свидетель, сейчас заканчивается снятие с Вас показаний, последний вопрос я хочу направить исключительно в область Вашего сознания. Считаете ли Вы, что Ваше воззвание содержало в себе места, которые должны были волновать верующих и вызвать их на столкновения с представителями советской власти? Не считаете ли Вы, что та кровь, которая пролилась в Шуе и в других местах и которая еще может пролиться, будет лезть и на Вас?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Председат. Никто не имеет из подсудимых вопросов к свидетелю? Нет вопросов. Вы свободны.

Обвинитель. В связи с допросом свидетелей Феноменова (Архиепископ Никандр. — От ред.) и Беллавина обвинение имеет сделать заявление (Обвинитель делает заявление о привлечении к судебной ответственности Феноменова и Беллавина, в связи с данными ими в судебном заседании показаниями и другими данными, обнаружившими во время судебного заседания.)

Вступление и публикация
МИХАИЛА ВОСТРЫШЕВА.

Уважаемые подписчики!

Для того чтобы стать обладателем этой книги, надо вырезать Абонемент, заполнить его, вложить в обычный почтовый конверт и отправить по адресу:

117168, Москва,
ул. Кржижановского, 14,
магазин № 93

«Книга — почтой».

Книга будет выпущена

в январе-феврале с. г.;

Абонемент высылать

в магазин не позднее

1 марта 1991 г.

Деньги ПОСЫЛАТЬ НЕ

СЛЕДУЕТ. Стоимость

книги (ориентировочная

цена экз. 6 руб.) и тариф за

ее пересылку оплачиваются

в почтовом отделении по

месту вашего жительства

при получении бандероли.

Письма в редакцию приходят разные: от листочка размером пять на пять сантиметров с одобрительной фразой на каждой стороне до многостраничных рукописей, в которых дается глубокий, интересный, а порой и весьма критический анализ наших публикаций. Действительно, без «обратной связи» не может эффективно действовать ни одна система. Без такой связи много лет функционировала «советская» административная система, и все мы видим, к чему привела такая «деятельность». Урок этот всем наука, и мы относимся к нему более чем всерьез.

О планах редакции на 1991 год читатель знает из нашей «Афиши», опубликованной в седьмом и восьмом номерах журнала за прошлый год. Правда, подписка на 1991 год — дело совсем прискорбное. Все издания (в том числе и наше) были вынуждены увеличить ее стоимость. И это только «первая ласточка» рыночной экономики. Можно предположить, что такие

условия созданы специально для того, чтобы «известить» «неудобные» издания, а на их месте основать новые: коммерческие, рыночные, эротические и т. п. Вместе со многими существующими, они будут, на взгляд читателя, очень разными, они будут спорить между собой и даже «воевать», но все они будут делать одно дело: продолжать еще более эффективно разрушать созданную российскими народами культуру, духовный мир, толковать по-новому, т. е. по-своему их историю, соблазнять их души.

Предвижу возражения — но ведь увеличилась стоимость всех изданий, все оказались в равно катастрофическом положении? Да, на первый взгляд, это может быть и так. Однако, тут скорее маневр, осуществленный весьма ловко. Те, кто вел прессу к этим не то «рыночным», не то мафиозным отношениям, прекрасно понимали, что «нужные» издания в накладе не останутся. Им помогут «спонсоры», кредиторы и «благотворители», в том числе и зарубежные. И примеры такой помощи не заставили себя ждать. Некоторые издания тут же в той или иной форме необходимые дотации получили. Организовали «фонды», сбор денег.

Мы же можем рассчитывать только на доверие наших читателей. И, оправдывая это доверие, редакции с большим трудом удалось добиться (выдержав настоящую битву с «инстанциями») минимально возможного повышения стоимости журнала: она возросла с 90 копеек до 1 рубля 50 копеек. При этом, как видит читатель, облик журнала не изменился — его полиграфическое оформление осталось прежним. Так нам советовало поступить большинство читателей: лучше увеличить цену, но не ухудшать полиграфические компоненты журнала.

Остается прежним и направление журнала. Мы хотим, чтобы читатели правильно нас поняли. Русская культура — это неотъемлемая часть общемировой культуры. И если позволи-

тельно такое поэтическое сравнение, то в букете общемировой культуры культура каждого народа (в том числе и русского) — это единственный, неповторимый цветок. Среди них нет «лучших» и «худших», каждый из них необходим, у каждого — свой облик, цвет, аромат.

Однако идея «маскультуры» завладела умами многих. Так, Н. И. Дойченко из Иркутска, поддерживая в хорошем и добром письме публикации журнала, в частности пишет: «Ваш журнал, как мне кажется, скатывается на славянофильские позиции, а это далеко не современно, это шаг назад в развитии как культуры, так и общества». Она права, что славянофильство сегодня «далеко не современно». Для тех, кто заваривает «кашу». Однако «дремучие» славянофилы, обогатившие и «заархивные», о которых мы так мало знаем, вовсе не отрицали европейскую культуру, а утверждали ее в российском обществе как неотъемлемую часть общемировой. Но при этом они настаивали, чтобы русская культура не теряла своеобразие, не перемалывалась, не ввергалась в «котел». В нынешнем году мы намерены опубликовать ряд забытых произведений славянофилов с тем, чтобы читатели смогли не в лживых пересказах, а «по оригиналу» узнать, понять и оценить их идейную и эстетическую позицию. Именно поэтому в новой рубрике «Вечные страницы» мы будем знакомить читателя и с теми великими произведениями мировой литературы и культуры, которые до сих пор не вошли в наш мир, в наше сознание.

Сколько умных, талантливых, интересных людей среди наших читателей! Как много в них духовных сил, добра, желания поделиться прекрасным! В этом убеждаешься, когда читаешь эмоциональное, взволнованное письмо М. Ю. Юшина, двадцатипятилетнего учителя русского языка и литературы из Ленинграда. Открыв для себя поэзию Марии Шкапской, он, переписав почти два десятка ее стихотворений, прислал их нам, желая обратить внимание редакции на ее творчество. Мы это предложение принимаем и постараемся со временем подготовить такую публикацию.

Надо сказать, что предложения о публикации тех или иных авторов, произведений делают многие читатели. Так, А. Травкин из Красноярска предлагает посвящать первый номер журнала А. П. Чехову, С. А. Семеренко из Краснодара предлагает опубликовать книгу Е. И. Рерих «Учение живой этики», Л. Н. Панкова из Москвы, представляющая целую группу подписчиков, — «Розу мира» Даниила Андреева и роман Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», И. В. Черныш из Киева — стихи Б. Гребенщикова и роман В. Войновича «Москва 2042»... А. Баранов из г. Кемерово требует печатать юмор и афористику, Н. Ляушкина из Архангельска хочет увидеть на страницах журнала материал о Соловецком монастыре, а Л. Матюшкина из Рязани — «Процесс» Ф. Кафки. С. Н. Миняев из Владивостока предлагает ввести рубрику «Сказки, предания, легенды», О. А. Пугенихи из г. Куйбышева — полемическую рубрику, аналогичную телевизионным «Весам» или «Диалог» «Литературной газеты», а А. Бабко из Новосибирска, испытывающий боль за судьбу «русской растерзанной культуры», — вместо рок-энциклопедии

создать «Энциклопедию исчезающей культуры» (он даже предложил макет — способ подачи такого материала).

Здесь перечислена лишь небольшая часть всех поступивших в редакцию предложений. Редакция искренне благодарна всем читателям, принимающим участие в формировании планов журнала. Все предложения мы рассматриваем и в той или иной степени учитываем при разработке нашей программы. Однако осуществить все предложения невозможно (и это наши читатели, мы надеемся, прекрасно понимают). Во-первых из-за того, что журнал имеет ограниченный объем и, главное, потому, что журнал не может превратиться в сборник или альманах. Ведь журнал должен иметь определенную структуру, образ, идею. В нем не должно быть произведений случайных, даже если они и представляют сами по себе определенную художественную ценность. Именно к созданию такого журнала мы стремимся.

Некоторые предложения, свидетельствующие о том, насколько беден у нас книжный рынок, вызывают просто отчаяние. Читатели предлагают, к примеру, напечатать в «Библиотечке журнала «Слово» произведения протопопа Аввакума, роман «Бесы» Ф. М. Достоевского, «Записки» Е. Дашковой. Но ведь эти произведения совсем недавно были выпущены (и не одним изданием!). Значит, книги до читателей не доходят, значит, их слишком мало! Значит, книжные издательства, которые выпускают тысячи названий книг огромными тиражами, годами и десятилетиями так и не могут дать читателям необходимые им книги. И, думается, не ошибки в планировании или некомпетентность издателей тому причиной. Как раз то, что читателям в нашей стране недоступны многие отличные книги, в том числе и классика, говорит о их высокой компетенции... Но способен ли журнал заменить собой книжные издательства?

Немалое внимание уделяют читателям и чисто «техническим» проблемам журнала. Многие (и совершенно справедливо) упрекают нас в том, что шрифт, которым набираются материалы, слишком мелок. Но если бы они видели, сколько подготовленных материалов остается «за бортом» каждого номера из-за того, что они «не влезают!» Тем не менее, мы стараемся по возможности этот недостаток исправить.

Не иррационально и то, что слишком много материалов печатается с продолжением, что продолжения эти появляются нерегулярно, а «кусками», на которые раздается публикация, — слишком малы. Вызывает возражения и то, что журнал нередко печатает не все произведение целиком, а главы из него, фрагменты (об этом нам пишут А. Н. Некрасов из г. Дзедзюгского Смоленской области, Н. Рыбкина из Братска). Дело в том, что для нашей журнальной практики еще непривычен тип «дайджеста», предназначенного дать читателю верное направление для поиска литературы. А именно такие «дайджесты» пользуются наибольшей популярностью в мире. Но мы будем продолжать публикацию как фрагментов, так и целых произведений.

Есть и еще одна спорная проблема, на которой хотелось бы остановиться подробнее. Наиболее четко она выра-

жена в большом и серьезном письме книголюба Н. М. Наумова из г. Желтые Воды Днепропетровской области. Он считает, что материалы в журнале должны располагаться так, чтобы вырезать их, читатель имел возможность изготовить из годового комплекта несколько книг. В этом его поддерживают А. Б. Кочегина из поселка Сокоц Елизовского района Камчатской области, Н. П. Каплюк из г. Куйбышева, Н. Г. Курловский из Горловки Донецкой области, который пишет: «Все, что печатается с продолжением, должно вырезаться, переплетаться и храниться (иначе не стоит тратить деньги на журнал!)».

Давайте оценим это, на первый взгляд, весьма серьезное замечание. Действительно, технически возможно расположить материалы в журнале так (Н. М. Наумов подробно разъясняет, как это надо делать), чтобы в конце года читатель мог, разрезав все номера журнала и выбросив «ненужное», изготовить несколько книг, напечатанных на хорошей бумаге и даже иллюстрированных. Но в таком «приобретении», мы уверены, гораздо больше потери. Тем более, что у журнала есть своя книжная библиотека. Книголюб книголюбу — рознь. Многие наши читатели не только не способны разрезать журнал, но даже не согласны портировать страницу, вырезая из нее абонемент, специально предназначенный для такого вырезания. И мы их прекрасно понимаем.

Журнал «Слово», как отмечают практически все читатели, не предназначен для одноразового чтения. Прочитать его «за один присест» физически невозможно. И не столько из-за объема, сколько из-за того, что публикуемые в нем материалы (и это тоже видят читатели) требуют серьезного, не поверхностного чтения. Ко многим материалам приходится возвращаться, перечитывая, просматривая заново.

В любом времени нет ничего случайного, тем более нет его в наше такое счастливое и одновременно горестное время. Многие публикации, которые в данную минуту кажутся нам ненужными, могут через некоторое время стать необходимыми. Так, к примеру, письмо А. И. Солженицына к Патриарху Пимену (1989, № 12), публицистические произведения Н. Клюева 1919—1923 годов (1990, № 4) или беседа с членом-корреспондентом АН СССР И. Р. Шафаревичем (1990, № 1) могут оказаться единственными публикациями, которые не будут восприняты где бы то ни было в течение десятилетий. А может быть, не будут воспроизведены и когда. Какой «думчивый читатель», истинный книголюб лишит себя этих ценностей «своею собственной рукой»?

Издавна в России существовала традиция: подписчики не разрезали журналы, а сохраняли подшивки полностью, переплетали их, берегли и пользовались ими постоянно. Именно поэтому до нас дошло немало комплектов русских журналов девятнадцатого и начала двадцатого века, сохранившихся у частных лиц и не сохранившихся, как правило, в библиотеках, поскольку там часто их идеологически ревизовали и варварски уничтожали. Однако истинные книголюб, их дети и внуки, нередко рискуя, с большой опасностью для жизни многое сохранили, сберегли до нашего времени. Всем этим богатством мы пользу-

емся теперь и благодарим их за это. «Вырезание» придумал тоталитарный режим со своими постоянными идеологическими переменами и с постоянной сменой «арагов народа». То, что еще вчера было свято, сегодня подлежало уничтожению...

Пора нам возвращаться к оседлому образу жизни и в культуре, изживая в себе уродливое идеологическое «кощее», обзаводясь духовными, культурными ценностями не на одно поколение. И наш вам совет, не считайте его нескромным: переплетать журнал (две книги в год — немного!). Уверем вас, очень скоро вы убедитесь в очевидной пользе этого...

Радует, что многие читатели это понимают. Председатель клуба книголюбов В. Л. Потапова из Джамбульской области Казахской ССР пишет: «Пусть журнал будет дорожее, зато он намного дольше сохранится, особенно в переплете». Поддерживают ее и М. А. Дубанова из Днепропетровска («Уникальный материал журнала читают в семье не только взрослые и дети, но он будет оставлен и внукам, следовательно никогда не станет макулатурой»), Л. И. Литвинова из Кривого Рога («Журнал настолько интересен, что будет сохраняться не один год») и другие читатели.

В редакцию нет-нет да и приходит другого рода письма. Вот полный текст письма Ю. В. Петрова из Одессы: «Журнал «Слово» неинтересный, скучный, нудный, в отличие от журнала «В мире книг», который я прочитывал от начала до конца. Если так и дальше будет продолжаться, то я и мои знакомые на него не подпишутся!» Мы считаем, что появление таких писем вполне закономерно. «Слово» представило на суд читателей свою программу, большинство ее одобрило, проголосовав за нее подпиской на журнал. Мы и в будущем склонны воспринимать не угрозы, а конкретные критические замечания-пожелания наших единомышленников.

В наступившем году интересы журнала будут прежними — книга, ее духовные начала. Мы мечтаем о возрождении иные почти утраченной высокой культуры книги, выработанной и хранимой ее создателями, переписчиками, издателями, распространителями, читателями на Руси в течение столетий. Работа эта очень тяжелая и сложная. Но Храм Книги общим трудом должен быть возрожден.

ЮРИЙ ЧЕХОНАДСКИЙ

ЗАКАЗ «КНИГА — ПОЧТОЙ»
Прошу выслать 1 экз.
по адресу _____
(название)
(индекс, полный почтовый адрес)
Ф. И. О. заказчика _____
Подпись заказчика _____

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов,
главный редактор,
председатель
общественно-
редакционного совета
Виктор Калугин,
заместитель
главного редактора

Артёмий Игнатьев,
главный художник

Владимир Бондаренко,
обозреватель

Елена Егорунина,
обозреватель

Юрий Чернелеский,
обозреватель

Марина Подгорская,
заведующая
секретариатом

Художественно-
технический
редактор **Е. М. Верба.**
Технический редактор
Н. Н. Козлова.
Корректор
М. Х. Асалиева.

Сдано в набор 24.10.90.
Подписано в печать 03.12.90.
Формат 84×108/16.
Бумага Знаменская 100 гр.
Печать глубокая и офсетная.
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42.
Усл. кр.-отт. 21,42.
Уч.-изд. л. 13,90+1,60.
Тираж 180 000
Заказ 1703.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129272, Москва,
Суцеский вал, 64
Телефон для справок:
281-50-98

Ордена
Трудового Красного
Знамени
Тверской
полиграфкомбинат
Госкомпечати СССР.
170024, г. Тверь,
проспект Ленина, 5.
Во всех случаях
обнаружения
полиграфического брака
в экземплярах журнала
обращаться на Тверской
полиграфкомбинат
по адресу,
указанному в выходных
сведениях.
Вопросами подписки и
доставки журнала
занимаются
предприятия связи.

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал Госкомпечати СССР.
Издаётся с сентября 1936 года.
№ 1. 1991.

© Издательство
«Книжная палата», журнал
«Слово», 1991

ОБЩЕСТВЕННО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АРХИПОВА И. К. —
народная артистка СССР
(Москва);
АНДЖАПАРИДЗЕ Г. А. —
директор издательства
«Художественная
литература», писатель
(Москва);

АСТАФЬЕВ В. П. —
писатель (Красноярск);

БЕДЮРОВ Б. Я. —
писатель (Горно-Алтайск);

БОНДАРЕВ Ю. В. —
писатель (Москва);

БОРОДИН Л. И. —
писатель (Москва);

ГАЛКИН Ю. Ф. —
писатель (Москва);

ГЕЙЧЕНКО С. С. —
писатель, пушкиновед
(Псков);

ГОРЬОВСКИЙ Г. Я. —
писатель (Ленинград);

ЖУКОВ А. Н. —
председатель правления
издательства

«Советский писатель»,
писатель (Москва);

КАРИМ М. С. — писатель
(Уфа);

КОЗЛОВСКИЙ Я. С. —
поэт, переводчик.
(Москва);

КУРИЛКО А. Ф. —
директор издательства

«Книжная палата»
(Москва);

ЛИХОНОВ В. И. —
писатель (Краснодар);

ЛОЙКО О. А. — поэт,
член-корреспондент
АН СССР (Минск);

МАМЛЕЕВ Д. Ф. —
первый заместитель
Председателя

Госкомпечати СССР,
писатель (Москва);

МИХАЙЛОВ О. Н. —
зав. сектором ИМЛИ

имени М. Горького
АН СССР, писатель
(Москва);

ОЛЕЙНИК Б. И. —
писатель (Киев);

РЫБАКОВ Б. А. —
историк, академик
АН СССР (Москва);

СКАТОВ Н. Н. —
директор ИРЛИ
(Пушкинский Дом)

АН СССР, писатель
(Ленинград);

ФРОЛОВ Л. А. —
директор издательства
«Современник», писатель
(Москва);

ХАРЛАМОВ С. М. —
книжный график (Москва).

В Н О М Е Р Е :

Молитва последних оптинских старцев 1
А. Ларионов. Обращение к читателям 2, 30, 64

ВРЕМЯ

Г. Вагнер. Дерзание духа 3
М. Назаров. Наши идеалы 5

КНИГА

Г. Анджапаридзе. Художественная литера- 10
тура: что дальше? 14
Т. Романец. Фотография на память 14
Н. Рубцов. Пусть душа останется чиста. Поэ- 16
тический венок

КУЛЬТУРА

С. Иоффе. Тайнопись в «Собачем сердце» 18
Булгакова 24
О. Трубаев. Мы — народ софийный 25
Н. Гусева. Прародина языка

ИСТОКИ

Епископ Пантелеимон. По воле народа 30
Закон Божий 41

ЛИТЕРАТУРА

В. Сафонов. Его боль 45
Н. Рубцов. Неопубликованные стихи 51
Ю. Галкин. Незабываемые радости 53
Л. Бородин. Таинственный выстрел 57

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. Врангель. Моим внукам 66
О. Михайлов. За Русь святую 69
А. Туркул. Герои белой России 70
М. Пришвин. Остров Благополучия 76
Травля Патриарха Тихона 78
Ю. Чехонадский. Нам пишут 86

К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ И 55-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ. НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весной ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

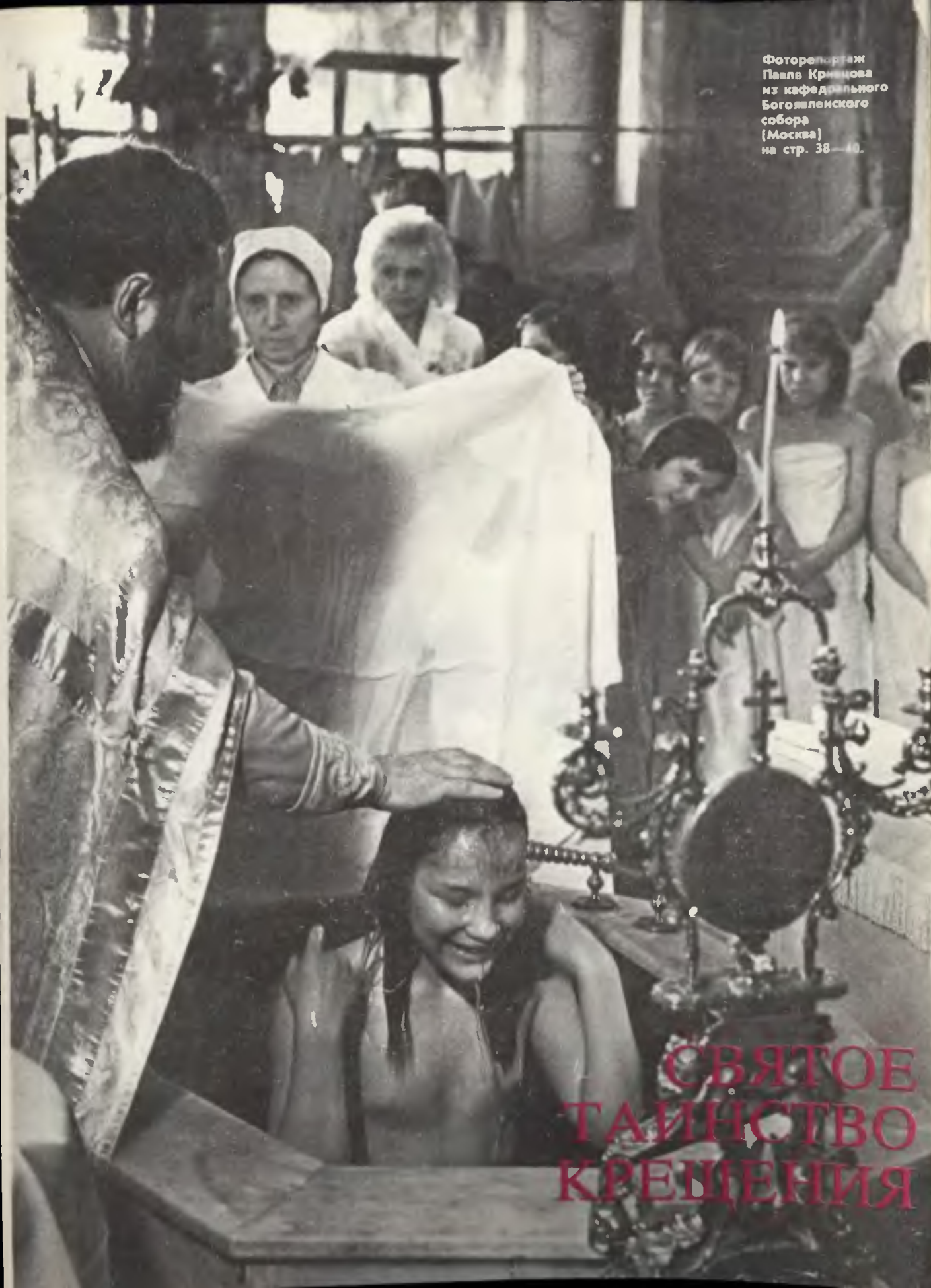
СЛОВО

1991

портрет Патриарха Тихона

Фоторепортаж
Павла Кривонова
из кафедрального
Богоявленского
собора
(Москва)
на стр. 38—40.

СВЯТОЕ
ТАИНСТВО
КРЕЩЕНИЯ

Молитва последних оптинских старцев

Господи, дай мне с душевным
спокойствием встретить все, что
принесет мне наступающий день.

Дай мне всецело предаться воле
Твоей святой. На всякий час сего дня
во всем наставь и поддержи меня.

Какие бы я ни получал известия в
течение дня, научи меня принять
их со спокойной душой и твердым
убеждением, что на все святая воля
Твоя.

Во всех словах и делах моих
руководи моими мыслями и чувствами.
Во всех непредвиденных случаях
не дай мне забыть, что все ниспослано
Тобой.

Научи меня прямо и разумно
действовать с каждым членом семьи
моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести
утомление наступающего дня и все
события в течение дня.

Руководи моею волею и научи меня
молиться, верить, надеяться, терпеть,
прощать и любить.

АМИНЬ.

Рисунок
словацкого
скульптора
Яна Кулика.

Дорогие друзья!

Дорогие наши читатели, добрые хранители и радители «Слова»!

Сердечное Вам СПАСИБО, что в дни непосильно трудные, тяжкие, мучительные своей бездуховностью, в дни оскорбительно-унизительные для народной чести и гордости Вы сделали выбор в пользу нашего журнала.

Мы ценим Ваш выбор, будем стараться, чтобы оправдать Вашу благосклонность, Ваше доверие, Ваши надежды.

Кому-то, может быть, покажется странным, что журнал, редактируемый «атеистами», начинается новый год с молитвы. Однако просим каждого вчитаться в простые и ясные слова исповеди последних оптинских старцев, варварски изгнанных с земли обетованной, из родного дома, из родной обители, и пущенных по разоренному миру, как пепел по ветру. Это ли не трагедия на старости лет!

Но не так ли и мы сегодня, как оптинские старцы, сиротливо обитаем на родной земле, вновь полной зла, разора, смуты и насилия, погрязших нравственных ценностей, национальных святынь, униженных добродетелей... Вновь Зло с дьявольской, бесовской силой, вскормленной темными десятилетиями партократии, поднимается, чтобы костлявой рукой голода, нищеты и бездуховности уничтожить в нас душу человеческую, последнее, что мы еще стоически сохраняем в себе... Но все же, чтобы продержаться, отстоять в себе человека и одолеть дьявола, нам необходимо исповедальное, духовное Слово. Так повелось у нас исстари, со времен Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, Александра Невского и Сергия Радонежского, Дмитрия Донского и Ивана Калиты, митрополита Филиппа и патриарха Филарета, Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина... Русские люди от слова возгорались чувством и мужественно доброй исполинской силой, способной удерживать их на гребне мировой истории.

Да, мы — нищие, но не духом! Мы не сироты бездуховные в этом мире. За нашими плечами история и духовная культура не безымянных страдальцев и мучеников, а могучих зиждителей Духа, стоящих вровень с древней Элладой, с Гомером и Платоном, Аристотелем и Сократом.

Будем же достойными наследниками великих подвижников-апостолов, учителей наших.

Пусть добрые, утешительные и благотворные слова старцев-страстотерпцев послужат нам напутствием в многотрудных делах, чтобы душа наша жила ровно, вдохновенно, трудолюбиво и безбоязненно перед дьявольской, сатанинской силой многочисленных супостатов наших.

Будем помнить, что никто нас не защитит, кроме нас самих, никто нас не научит верить, надеяться, терпеть, прощать, любить и созидать, если такую потребность мы не пробудим в себе сами, если не соберемся с силами душевными и не уверуем, что День наступающий — День наш, нашей семьи, нашей матушки-России, нашей многострадальной страны. День страдальцев и мучеников российских, раскиданных по всему миру...

Время собираться с силами, братья, повторим мы за оптинскими старцами. Время любить в себе человека, время уважать и почитать ум, мудрость и красоту родного народа!

Пусть же будет так! Пусть удача, терпение, мужество, здоровье и счастье не покидают Вас и укрепят Вашу душу!

На Руси всегда ценился апостольско-пастырский подвижнический труд, всегда находил он поддержку и помощь в душах миротворческих...

Будем уповать и мы на благость, участливость, заинтересованность Вашу в делах и судьбе «Слова».

С Новым годом!

АРСЕНИЙ ЛАРИОНОВ

В Р Е М Я

ИДЕИ. ДИАЛОГИ. ПОИСКИ.

Г. К. ВАГНЕР,
профессор

Дерзание духа

«Беритесь за ум, бросайтесь в живую мысль, в живую науку, в интимно-трепетное ощущение перехода от незнания к знанию и от бездействия к делу, в эту бесконечную золотистую даль вечной проблемности...»

Таковыми высокоодухотворенными словами А. Ф. Лосев предварил одну из последних своих книг, вышедшую в год его ухода из нашей жизни («Дерзание духа». М., 1988).

«Золотистая даль вечной проблемности!» Что это такое? Вряд ли А. Ф. Лосев имел в виду что-то материально-земное, вроде «проблем мира и социализма» или даже околоземное, например полеты на Марс, Венеру и так далее. Все это не относится к области вечного, в конце концов подвластно человеку. Трудно, но подвластно.

А вопрос о начале мира? Стоит только задать его себе, как сразу ощущаешь себя не только первоклассником, но просто приготовленной. Тут же возникают, начинают мучить и другие вопросы: что такое пространство и время? Что такое конечность и бесконечность? Что такое Абсолют? Что такое Дух? Что такое сознание?..

Человечество в лице дерзновеннейших по уму своих представителей задается этими вопросами чуть ли не с начала своего существования. Многого ли оно достигло? Самая новейшая теория «большого взрыва» многое ли дает? Ведь тут же возникает детский вопрос: а что было до большого взрыва?

Не удовлетворяясь скудными данными науки, человек очень рано приобрел способность верить. Вера живет интуицией, а интуиция подчас способна выйти за пределы обыденного сознания, способна родить догадки в раскрытии тайн природы, что очень ценил А. Эйнштейн. Возможно, что предтечей А. Эйнштейна в понимании особого «чувства космического» можно считать славянофила И. В. Киреевского, которому принадлежат очень многозначительные слова: «Вера не противоположность знания: она его высшая ступень». С этой точки зрения мы должны в высшей степени внимательно и бережно отнестись ко всем тем поискам Абсолюта предшествующих поколений, в которых человек проявил свою высшую духовность, памятуя, что «метафоры и символы древности (в том числе мифологические, религиозные) содержат в себе, если их расшифровать, больше информации о свойствах сознания, чем любая привязка наблюдаемого поведения к изменениям характеристик мозга» (М. К. Мамардашвили). Не это ли имел в виду А. Ф. Лосев, говоря о «вечной проблемности»? Естественно, эта проблемность, ее не только богословская, но и философская, и общекультурная значимость требует особого внимания. С ней связаны истинное достоинство человека, способность его выйти из состояния «общественного животного» и на новой, современной основе осознать себя в единстве с макрокосмосом.

Мне представляется совершенно необъяснимым, как

это одному из крупнейших умов не так уж давнишнего прошлого пришло в голову сказать, что «религия — опиум народа!» Ведь задолго до теории «большого взрыва» мыслители древности выдвинули тезис о безначальности Отца и предвечности Сына-Логоса, глубина которого до сих пор не исчерпана! Пусть это интуиция, но она как раз и ведет в «золотистую даль вечной проблемности!» Окончательное решение проблемы возможно (если вообще возможно!) только на этом пути. Ни на каком ином. В этом отношении чрезвычайно интересны работы М. К. Мамардашвили, В. Н. Тростникова и особенно В. В. Налимова. Замечу, что гуманитарный аспект здесь тесно связан со строго математическим подходом, так что не может быть и речи о какой-либо фантастике.

Но я заметил отклонился в сторону. Нам важен именно человеческий аспект: как вернуть человека нашего времени к чувству собственного достоинства, которое немислимо без ощущения своей высокой духовности? Вернуть — значит понять, что было потеряно? Вот тут-то и возникают трудности. Во-первых, надо знать, что было потеряно, а во-вторых, — действительно «интимно-трепетно ощутить» (Лосев) важность потерянного, невозможность восстановить в себе без этого чувство собственного достоинства.

Потерян идеал. Много у человечества было разных идеалов: от мифологического Геракла до исторического Сергия Радонежского или литературного Печорина. Таким идеалам несть числа. Но с начала нового летоисчисления большая часть человечества живет совершенно исключительно нравственным идеалом, каковым является образ очеловечившегося Бога — Иисуса Христа.

Нередко приходится слышать: Иисус Христос — это легенда, нельзя, чтобы идеалом был персонаж легенды. Но Евангелие от Матфея с заповедями Нагорной проповеди — это же не легенда! Эти заповеди легли в основу новой, постантичной человеческой нравственности, которая и до нынешнего времени, верим мы в Христа или нет, составляет наш моральный закон. Он вечен, если только моральное развитие не пойдет вспять. Пойти вспять — это значит вернуться к язычеству.

Язычество чаще всего ассоциируется у нас с античностью, античность же с легкой руки Вильгельма воспринимается как некий золотой век, как нечто идеальное. Можно, например, согласиться с К. Марксом, что античная скульптура составляет для нас значение нормы к недостижимому образцу. Но ведь это можно принять только в физическом, телесном смысле. А в духовном, нравственном? Античным богам свойственны были все недостатки людей, по образу которых они и воссоздавались. «Боги дерутся друг с другом, бранятся: Афины Палладу — прекрасную богиню героизма и мудрости — Арес называет «псией мухой» (Лосев). Античные боги, конечно, были идеалом для античных греков, но этот идеал допускал много такого, что нам сейчас представляется безнравственным. Недавно мне приходилось напоминать, что Одиссей у Гомера убивает двенадцать женов, сватавшихся в его отсутствие к его жене, и это воспринимается как нечто должное. Иначе Одиссей не был бы героем. Это была своего рода «героическая этика», отрицание ее было бы чем-то безнравственным. И это не шутка...

Но мы никоим образом не можем винить античных греков за то, что у них были такие нравственные представления. Таков был у них оптимальный идеал. Богом у античных греков было не идеальное лицо, а Космос, то есть нечто весьма гармоническое, но вневещное. Наши «научные атеисты», то есть материалисты, готовы признать такого

бога, он кажется им гораздо «научнее», нежели христианский личностный Бог. Пожалуйста, проклинайте! Но ведь это признание делается в условиях полного восприятия двухтысячелетней христианской нравственности! Тогда, чтобы быть логичным, надо отказаться к от основ этой нравственности, вернуться, например, к временам Эдипа, когда можно было убить отца и жениться на своей матери! Правда, такие поступки к тогда осуждались, но не прямо, а под различным мифологическим флером.

Удивительно, как легко мы забываем, что вопросы личной совести, свободы воли (под руководством благодати), понятия любви, добра и истинного достоинства личности — все это (и многое подобное) вовсе не дано нам от природы, а завоевано в процессе многовековой истории, и у начала этого процесса находится раннее христианство.

Религиоведы-атеисты любят аргументировать тем, что христианство (к вообще религия) не принесло на землю обещанного мира, что оно полно жестокостей и пр. Иисусу Христу в Евангелии от Матфея присваиваются слова: «Не мир пришел Я принести, но меч» (10, 34). Меч здесь — это меч, отсекающий враждебное к больное. Это — во-первых. А во-вторых, если о высотах религии судить по жизни и деятельности ее искателей, то что можно сказать о судьбах социализма и коммунизма в нашей стране? Такой подход к христианству абсолютно не научен. В христианстве ценно прежде всего провозглашение личности. Человек как личность появляется в послеплатоновское время. Вместе с личностью формируются личная совесть, личная свобода воли, так что послеплатоновскую эпоху (христианскую эпоху) можно назвать «эпохой совести». Только при этом условии стало возможным развитие гуманизма.

Здесь совершенно немыслимо и неуместно напоминать о всех завоеваниях христианской культуры, искусства, литературы. Все это хорошо известно. Менее известны рецидивы язычества, сделавшие линию развития гуманистической нравственности чрезвычайно извилистой и изломанной. Сначала реанимация язычества была предпринята при римском императоре Юлиане Отступнике (правил с 331 по 363 год). В эпоху Возрождения интерес к античности привел к культу земной красоты, но нельзя сказать, чтобы такие же успехи были достигнуты в области красоты духовной. Так называемая «обратная сторона титанизма» (Лосев) полна кровавых историй и откровения разврата. Как бы возмужествовал идеал античной героической личности, которой дозволено все. Идеал оказался паразитическим. Он был не чужд художественным симпатиям Гете, которого недаром называли «олимпийцем». Томас Манн очень любил Гете, но не преминул отмечать в нем «природолюбивый антиморализм», как бы предопределяющий «иммориализм» Ницше. Свой знаменитый роман «Доктор Фаустус» Томас Манн называл «настоящим ницшеанским романом», поскольку в нем изложена «делка с чертом от интеллектуального отчаяния». Не касаясь сложной темы «Ницше и фашизм», все же нельзя не отметить, что «судьба героя романа «разделяет судьбу Ницше к Гуго Вольфа, и его жизнь, изложенная чистой, любящей, гуманистической душой (имеется в виду другой герой романа — Цейтлом. — Г. В.) представляет собой нечто очень антигуманистическое, дурман и коллапс» (Томас Манн).

Этот «дурман к коллапс» был результатом катастрофического снижения в Европе христианских ценностей, повсеместного увлечения мифологией, философией волюнтаризма, теориями «сверхчеловека», «белокурой бестии», «нордической расы» и т. п., что привело в конце концов к трагедии третьего рейха... Антихристианскую подоплеку этого нельзя забывать. Сказание имеет прямое касательство к «вечной проблемности». К сожалению, у историков не хватает «дерзания духа», чтобы показать именно теологическую причину подобного трагизма. Между тем, это имеет прямое отношение к тому, что пережила и продолжает переживать наша страна.

Роковая болезнь — вульгарный атеизм — медленно, но верно подкрадывалась к дореволюционной России. До 1860-1870-х годов она еще сдерживалась глубокими раз-

мышлениями не только славянофилов, но даже некоторых западников, пока не вышла на арену «карамазовщины» и «шингелевщины». Проникновение ищущих идей в русскую общественную мысль не шло ни в какое сравнение с блестящим подъемом религиозной философии «серебряного века». Казалось, русская философия вышла на европейские рубежи, даже на передний край этих рубежей. Изобразительное искусство в виде авангардизма слабо поспевало за этим подъемом, но все же и оно значительно расширило понятие отражения реальной действительности. В 1922 году это духовное возрождение после приземленной эпохи позитивизма было грубо пресечено...

Здесь не место рассматривать трагическую историю изгнания из России лучших представителей философской мысли — Бердяева, Франка, Вышеславцева, Ильина, Трубецкого, Булгакова, Федотова и др. Введение «монополии легальности» означало «закрепление разума», что сделало философию служанкой политграмоты, а свободу совести превратило в... простую бумажку. Ни о каком легальном «дерзании духа» не могло быть и речи. Крупнейший философ А. Ф. Лосев писал «в стол», пока не оказался в лагерях. Страна стала погружаться в элементарный прагматизм. Развитие макиавеллизма (цель оправдывает средства) создало почву для эгоистического произвола. «Карамазовщина» (если бога нет, то все дозволено) родила тысячи, десятки тысяч, а может быть, даже миллионы различных смердяковых, против которых оказываются бессильными законы. Наконец, в последнее время стало известно о негласном появлении «перунизма» (от славянского языческого Перуна). Еще неизвестно, что это такое. В конце концов, язычество — это тоже религия, и согласно Закону о свободе совести каждый человек может исповедовать желаемую религию. Но не забудем, что славянский перунизм допускал много такого, что претит нашим нравственным нормам. Пусть ритуальное убийство жеи при похоронах мужа-героя, а также многоженство во времена Владимира уже не допускалось, но сам Владимир еще совсем недавно мог иметь чуть ли не более сотни наложниц! Во всяком случае, перунизм нашу нравственность не украшает. Более того, он смахивает на гитлеровское увлечение культом древнегерманских богов. К чему это привело — уже сказано выше.

Мы переживаем явный духовный тупик. Что можно, что нельзя? Кажется ясно, что разрешено возвращать незаконно отобранные у общин верующих церкви, к тому же большей частью полуразрушенные и оскверненные. Но власти некоторых областей не идут на это. В одном из районных городов Рязанской области дошли до того, что выгнали с работы трех учителей местной музыкальной школы только за то, что они... пели в церковном хоре! Высказано даже мнение, что надо исключить из рядов КПСС тех ее членов, которые посещают храмы. Уж не собираются ли подобные «идеологи» вернуть человека к обезьяне?

Необходимость всеобщего духовного Возрождения все более и более стучится в дверь. Так не будем же запира́ть эту дверь.

Конечно, нужно будет прожить еще не одному-двум, а скорее всего трем, а может быть, даже четырем поколениям, чтобы из сознания развращенных душ окончательно выветрились всяческие ложные псевдотеории о некоей «классовой морали», об «идеологической выдержанности», о родственнике лысенковщины «научном атеизме», о «гнилом интеллигентском либерализме» и прочих узкодогматических «измах», ни к чему не приведших, кроме как к осознанию себя как-то «винтиком» или державинским червяком. А ведь Державин говорил не только о рабе и червяке, но и о царе и даже Боге! И у Иоанна сказано: «Вы — Боги». Сознание полной духовной свободы, дарованной, конечно, не для мифологического иммориализма, а для предельного проявления человеческих духовных, гуманистических качеств, открывает простор для завещанного нам лосевского «дерзания духа», для чего журнал «Слово» и открывает специальную рубрику.

МИХАИЛ
НАЗАРОВ

Наши идеалы

Тему доклада вы знаете. Хотя в разных объявлениях она была сформулирована немножко по-разному, но смысл тот же: «Вклад эмигрантской литературы и философии в русскую культуру», либо: «Влияние русской философии и литературы из эмиграции на развитие в стране». По-моему, эта два аспекта одной темы. Сформулирую ее короче: «Роль эмиграции в возрождении России». Но прежде всего нужно начать с самого понятия эмиграции, что такое русская эмиграция. Мне кажется, дать правильное определение этому явлению — значит уже сказать очень многое.

Я думаю, что русская эмиграция — уникальное явление в человеческой истории. Уникальное не потому, что такие уж хорошие русские эмигранты, что так уж они берегут свои традиции. Политическая эмиграция в течение вот уже 70 лет — такого явления не знает история, но это тоже не главное. Уникальность русской эмиграции в том, что создалась уникальная ситуация на родине, а именно: впервые в человеческой истории предпринята попытка переделки человека, переделки самого бытия, попытка устройства человеческого общества на совершенно новых, искусственно выдуманных принципах, в которые человек не вписывается, и для того, чтобы построить это общество, человека нужно принуждать. Заставлять, применяя террор. Отсюда такие невиданные жертвы, такое разрушение, искоренение всех традиционных ценностей, что на долю тех представителей этой страны, которые оказались в иных условиях за границей (пусть в чужих странах, но в условиях традиционных ценностей), выпадает уникальная задача: быть «блоком памяти»

В № 10 за 1990 год журнал «Слово» опубликовал статью публициста из Мюнхена Михаила Назарова «О радиоголосах, эмиграции и России». В этом номере журнал предлагает вниманию читателей доклад М. Назарова, прочитанный в Брюсселе в мае 1990 года на Съезде российской молодежи и общности из западно-европейских стран.

своей страны. Быть той частью нации, которая берет на себя функцию сохранения и развития национального самосознания. Особенно актуально это было в те годы, когда в России любое проявление свободомыслия и традиционных ценностей, которые назывались «буржуазными», каралось смертью.

Сейчас положение несколько изменилось, и мы об этом еще поговорим. Но начнем с констатации того, что эмиграция эту свою миссию, как мне кажется, выполняла. Несмотря на то, что на первый взгляд наши эмигрантские организации очень слабые, немногочисленные; что мы собираемся на такие съезды, но большинство из нас интересуется лишь тем, чтобы поговорить, выпить в баре и т. д. Все это нормально, как и то, что большинство русской эмиграции растворилось в окружающей среде, ушло в быт. И только какие-то единицы, может быть десятки, сотни людей сделали то дело, написали те книги, развили те мысли, которые и можно считать вкладом русской эмиграции в русскую культуру. Но они это сделали от имени всей эмиграции. Это меньшинство чисто количественное — в качественном отношении, как мне кажется, создало нечто совершенно новое, что имеет мировое значение.

Прежде всего в области философии. Но к этой области мы будем подходить постепенно, исходя из задач эмиграции в выполнении ее миссии. Эта миссия, мне кажется, имеет три разных аспекта. Три задачи стояло перед эмиграцией.

Первая — сохранить память о прежней России, ее традиции, ее национальное самосознание в том виде, в каком оно сформировалось до революции. Сохранить за пределами России как бы «малую Россию», и долгое время эмиграция именно так и понимала свою миссию. В частности, знаменитая речь Бунина о миссии русской эмиграции в 1924 г., она вся проникнута этим пафосом, этим духом. И эмигрантская литература эту функцию, можно сказать, выполнила в достаточной мере. Множество мемуаров как о жизни в дореволюционной России, так и о самой революции, статьи, художественные произведения. Укажу на произведения двух писателей, которые лично меня произвели большое впечатление: рассказы Бунина о дореволюционной России, и «Лето Господне» Шмелева, уже и в СССР переиздали эту книгу.

О значении эмигрантской литературы, особенно первой эмиграции, могу порекомендовать недавно переизданную в УМКА-Press книгу Глеба Струве «Русская литература в изгнании» с множеством имен, фактически это справочное пособие в этой области.

Но сохранять «малую Россию» в отрыве от большой было невероятно трудно. А отрыв тогда был ужасающий, Россия находилась, по выражению Краснова, «за чертополохом». Граница была совершенно непроходимой. И ставка на сохранение России в эмиграции могла выполняться лишь до тех пор, пока были живы и деятельные люди, которые эту Россию — старую, настоящую — еще помнили.

Продолжение сохранения традиций, продолжение выполнения этой функции было немиссимо без связи с большой Россией.

И здесь мы подходим ко второй задаче эмиграции: помочь здоровым силам в самой России, которые сопротивлялись этому эксперименту, которые сопротивлялись идеологии и пытались сохранять в той мере, в которой это было возможно, традиционные российские ценности, даже продолжать творчество. Эту функцию помощи эмиграция начала выполнять в основном после второй мировой войны, когда изменились условия, когда стало больше контактов между Россией и другими странами. И здесь, скажем, в области литературы даже трудно провести границу, где литература эмигрантская, а где литература собственно российской, возникшая там. Потому что все начало переплетаться.

В эмиграции начали печататься произведения авторов из России, которые не могли быть напечатаны в Советском Союзе. Целый ряд шедевров впервые появился в эмиграции. Напечатаны были, например, произведения Андрея Платонова, которые сейчас реабилитированы в Советском Союзе: «Ювенильное море», «Котлован». Только сейчас Платонова начинают оценивать по-настоящему, именно по этим произведениям, зачисляя его в классики русской литературы. За границей появились и впервые напечатаны были «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Доктор Живаго» Пастернака, произведения Анны Ахматовой, Мандельштама и других писателей, которые входят в основной фонд русской литературы XX в. Один из последних примеров — Солженицын, когда писатель, живя в России, опубликовал свои произведения в эмиграции и смог оказать такое огромное влияние как на ход событий в своей стране, так и в мире.

Сейчас мы наблюдаем в стране плоды деятельности эмиграции по выполнению этой второй функции. Возвращаются очень многие произведения раньше запрещенные, как самих эмигрантов, напр. Набокова, Ходасевича и т. д., так и писателей, которые жили все это время в России.

На повестке дня стоит даже возвращение произведений Солженицына, как подтвердил, кажется уже в третий раз, редактор журнала «Новый мир» Сергей Залыгин; он не отказался от планов напечатать отрывки из «Архипелага ГУЛАГ» в этом году. Несмотря на то, что главный партийный идеолог Медведев заявил, что этого никогда не будет, потому что книга антисоветская. Т. е., идет борьба между общественностью и партийной идеологией, и эта борьба касается также наследия эмиграции, как к нему отнестись.

Чтобы не повторять общеизвестные имена, могу указать книгу, в которой эта проблема достаточно хорошо освещена, проблема выполнения эмиграцией этой второй функции: быть Тамиздатом, т. е. издавать для России книги, помогать авторам в России публиковаться на Западе. Это книга Юрия Мальцева «Вольная русская литература», вышла в «Посеве».

Нужно сказать, что в выполнении этой второй функции можно видеть и проявление нравственного долга эмиграции по отношению к России. Потому что отношение в лучших условиях, чем твой народ, накладывает определенное моральное обязательство: необходимо оправдание своего на-

хождения не со своей страной, а в лучших условиях; и только такой жертвенной деятельностью, направленной на свою страну, мне кажется, это оправдание достижимо.

Какая-то часть эмиграции выполнила и это за всех. Смысл своего нахождения в зарубежье она видела не в пользе материальных благам, а в том, чтобы дать жизнь на Западе, а превратила это в вид аскетического служения своей стране. Аскетического — здесь правомерно употребить это слово, потому что аскетизм — это лишение себя чего-то: отказ себе в пище, во сне, в удовольствиях. В данном случае, эти люди были лишены их главнейшего: родины. Жизнь в отрыве от родины, но в служении ей, можно сравнить с формой аскетизма. Этот элемент в эмиграции несомненно есть.

Но, наконец, третья задача эмиграции, третья функция. Она мне кажется наиболее важной, и поэтому я ее взял основной темой своего доклада: это собственное творчество эмиграции, осознание той исторической ситуации, в которой находится страна, осознание опыта революции как опыта всемирного, как явления, которое не ограничивается масштабами России. И именно в этом вклад эмиграции в русскую культуру оказался наиболее значительным. Именно здесь эмиграция дала целую плеяду имен, которые еще Западом не столь известны, не столь правильно оценены их значение.

Я просмотрел несколько философских словарей, изданных в Германии и во Франции, там почти ничего нет о русской религиозной философии. Мне кажется, что это незнание русской философии Западом объясняется тем, что Россия была несвободна. Я думаю, что на Западе наступил переосмотр этого наследия, когда оно будет представлено от имени страны, а не от имени каких-то эмигрантских групп. Чтобы не повторять в дальнейшем опять-таки много имен, укажу третью книгу-справочник, хорошо описывающую этот вклад эмиграции: «Русское религиозное возрождение XX века» Н. Зернова (YMCA-Press).

Здесь нужно сказать, что русская философия уже сама по себе необычное явление с самого своего возникновения. Западные исследователи часто отмечают, что философия в России очень поздно появилась. На Западе уже давно существовали целые философские школы, блестящие имена, а в России, в сущности, ничего не было. Русская религиозная философия начинается с Григория Сковороды, который был еще предтечей, он стоит несколько особняком. Можно сказать, что лишь в XIX в. были впервые сформулированы те проблемы, которые являются основными в русской философии. Но объяснять это отсталостью России, как это часто делается, мне кажется, нет оснований.

Дело в том, что в России была философия, которая уже давала ответы на все жизненные вопросы — христианство. Христианство, Православие настолько полно проникло во все уголки быта, во все сферы жизни русского народа, что в сущности все проблемы были ясны и не в чем было сомневаться. Ведь философия возникает, когда начинаются сомнения. И русская философия возникла именно как попытка

осмыслить возникшие сомнения о роли и предназначении России в истории, о смысле истории. Это и проблемы морали, взаимоотношения добра и зла, проблемы социальные. Назревшая революция обострила эти проблемы, связав их в один узел. Эти проблемы и стали основной темой русской религиозной философии. И можно сказать, что, как ни странно, трагедия, произошедшая с Россией, и способствовала тому взлету русской философии, который мы отмечаем в XX веке. Как бы «благодаря» этой трагедии, «благодаря» большевикам, «благодаря» их разрушениям, — «благодаря» в кавычках, — стало возможным это явление.

Здесь можно «поблагодарить» большевиков и более конкретно, в частности, Ленина. Я, конечно, шучу, следуя известному анекдоту. Вы знаете, что в Советском Союзе написано множество воспоминаний, какими Ленин был добрым, начиная с детских лет. И есть анекдот на эту тему: Ленин брется. Какой-то мальчик, бедный, оборванный, проходя мимо, нечаянно его толкнул. «Ах ты, сукин сын, так тебя перетак!» — выматерил его Ленин и продолжил брить. Вот какой добрый Владимир Ильич. А ведь мог бы бритвой полуснуть...

Так вот, именно по этому принципу можно поблагодарить Ленина — за то, что в 1922 г. было выслано из России на Запад около 200 известных общественных деятелей, философов, писателей. Вместо того, чтобы их расстрелять, Ленин почему-то выслал их на пароходе на Запад. Сейчас и в советской прессе этот факт отмечен как доброты Владимира Ильича Ленина, и как нисколько не смешно это звучит в сочетании с тем анекдотом, я вижу здесь какой-то акт Провидения, что именно эти люди не были расстреляны, как многие-миллионы других. Они-то и выполнили третью функцию нашей эмиграции — исследовательскую.

Еще в годы гражданской войны на Запад попали такие русские мыслители, как Петр Бернгардович Струве, Лев Шестов, кн. Сергей Трубецкой, Мережковский, Владимир Николаевич Ильин, Георгий Флоровский; позже на знаменитом пароходе в 1922 г. были высланы: Бердяев, Франк, Лосский, о. Сергей Булгаков, Иван Александрович Ильин, Вышеславцев, Карсавин.

Эти люди часто представляли философские позиции, которые не во всем совпадали друг с другом. В чем-то были даже серьезные споры и дискуссии между этими философами, но это по отдельным частным вопросам. Например, далеко не всеми было принято учение о. Сергея Булгакова «О Софии — Премудрости Божией». Или можно отметить разногласия у Ивана Александровича Ильина и Бердяева по проблеме сопротивления злу силой. (Ильин написал книгу с таким названием, подчеркивая, что долг христианина — сопротивляться злу силой, что евангельское выражение «любите врагов ваших» относится к нашим личным врагам, но не к тем, кто пытается провозгласить насилие над другими, и не к врагам Божиим. Мы обязаны защищать от зла другого человека, нашего ближнего. Мы обязаны и сам мир как творение Божие защищать от воздействия сил зла.)

Или, скажем, взять таких разных

представителей русской философии, как Георгий Федотов с его социалистическими симпатиями (хотя, однако, его нельзя полностью назвать социалистом: он был христианским социалистом или, точнее, представителем христианского социального учения) — и взять монархиста Ивана Ильина.

Казалось бы, разного типа философы, но у всех у них есть общий знаменатель: отношение к революции. Множество работ о революции, написанное всеми ими, сходятся в одном: революция в России — логическое завершение длительного духовного процесса, который берет свое начало еще с эпохи Возрождения. Это процесс утраты человеком веры в Бога, утраты личной связи с Ним, утраты религиозной интуиции; и, с другой стороны, — процесс самовозвышения, самообожания, который привел к установлению новой религии, религии человекобожества. Под именем гуманизма она еще и сегодня очень распространена. Суть ее заключается в том, что отвергается христианское понимание зла и греховности. Зло в мире объясняется лишь несовершенными общественными системами, несовершенным устройством, и, мол, стоит лишь исправить эти общественные структуры — как исчезнет из мира зло и наступит рай на земле. Суть социалистической теории и марксизма именно в этом. И русские религиозные философы на примере русской революции показали, что в ней проявилась эта крупнейшая ошибка человечества, его духовная болезнь, развитие которой продолжалось почти 400 лет. Именно в России эта болезнь проявила себя в столь чудовищных формах, и русская философия тоже дает ответ на этот вопрос, почему.

В частности потому, что для России, столь целю апитавшей в себя Православие, была характерна цельность мировоззрения, и болезнь поразила ее целиком. Для интеллигенции, которая уже от Православия отошла и пошла по пути религии гуманизма — даже для нее эта цельность отношения к миру была характерна как русское явление. У русской интеллигенции был своеобразный нравственный максимализм, который, однако, в нерелигиозной форме принял такие ужасные черты, что страдания людей, смерть миллионов в годы коллективизации и моральное отношение многих миллионов ставились выше, чем сытая жизнь при буржуазном строе: «эксплуататорском, несовершенном и т. д.

Наиболее важно, что мы находим в работах эмигрантских религиозных философов, это осознание на новом уровне проблемы т. наз. русской идеи, т. е. попытки понять предназначение России в человеческой истории. Сейчас много начали говорить на тему русской идеи на радио «Свобода», стараясь показать, что русская идея есть некое заблуждение, гордыня русского духа. Мне кажется, что это упрощение — типичное для атеистического ума. Ведь естественная попытка для любого человека, и тем более для мыслителя, прозреть предназначение своего народа, замысел Божий о нем. Ничего в этом плохого нет.

То, что русская идея заключалась в попытке создания христианского государства, попытке в наибольшей степени воплотить христианские идеалы в государственную жизнь, — это мы видим на

протяжении всей русской истории. Народ санкционировал эту идею в понятии Святой Руси. Святая Русь не означает, что было когда-то у нас святое совершенное государство. Святая Русь — это идеал, по которому народ определял свою жизнь как в личном плане, так и в государственном. Или взяты такой народный образ, как Град Китеж. Невидимый Град Китеж — тоже одна из вариаций русской идеи. Это — невидимый идеал, который где-то существует у нас, это — лучшее, что у нас есть.

Или та же самая идея Третьего Рима. Мне кажется, что к ней тоже не нужно относиться отрицательно. Это тоже попытка поставить себе высокую задачу, и даже если она окажется невыполнимой, тем не менее это благородная задача. Никто не осуждает спортсмена в соревновании за то, что он пытается взять планку на той высоте, которую он в конечном счете не берет. Но мировые рекорды устанавливаются только таким образом. Нужно быть максималистом в этом отношении, нужно стремиться к высшему уровню. И формула «Москва — Третий Рим», если не сводить ее к политической трактовке (как попытка захватить Константинополь и т. д.), — это попытка стать лучшими, чем мы есть на самом деле. Это взваливание на свои плечи бремени ответственности за сохранение судеб Православия в мире. Я думаю, что к этому нельзя относиться отрицательно.

Русская философия в эмиграции развивала это наследие как комплекс идей для будущей России. Сейчас в Советском Союзе в довольно широких масштабах произошло осознание того, что социализм — неосуществимая утопия, потому что она противоречит всей природе мира и человека. Однако, очень многие реформаторы при этом склонны прибегать к вере в другую утопию, которую можно назвать идеализацией Запада: восприятием фикций западной жизни и их обоготворением. Это вера в то, что сумма эгоизмов создаст сама по себе нравственное общество. Что рыночная система сама собой решает все общественные проблемы. Что она создает общество не только процветающее в материальном отношении, но и процветающее духовно.

И вот для понимания ложности этой новой утопии значение русской религиозной философии сегодня неопределимо. Я хочу в этой связи процитировать, как в 1932 г. Георгий Федотов в журнале «Новый Град» охарактеризовал эту роль русской эмиграции:

«Русская эмиграция судьбой и страданием своим поставлена на головокружительную высоту. С той горы, с которой приблило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы, воистину «все царства мира и слава их» — вернее, их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона — в Европу и в Россию: действительность мира, что она есть, без румян и прикрас».

Эту цитату я часто употребляю в радиопередачах и в статьях на эти темы. Она, мне кажется, объясняет уникальность ситуации, в которой развивалась русская философия XX в. В частности, что касается социального утопизма, Семён Франк дал очень емкое понятие «ереси утопизма». Она возникает, когда не очень мудрые люди своими скоропелительными рецептами устрани-

няя зла из жизни мира достигают обратного результата. Такие рецепты лишь расчищают злу поле деятельности. Это приводит к невиданным опустошениям, к невиданным жертвам. Можно сказать, никакие злодеи и преступники не натворили в мире столько зла, сколько те люди, которые претендовали своими рецептами на немедленное спасение человечества — как, например, марксисты.

В своей книге «Свет во тьме» Франк объясняет проблему таким образом. Он исходит из слов в Евангелии от Иоанна, где сказано: «И свет во тьме светил, и тьма не объела его» (1, 5). Эти слова допускают два толкования. Оптимистическое, если считать, что речь идет о торжестве света над тьмой, ибо тьма не побеждает света, она бесильна перед ним. Но здесь может быть и пессимистическое толкование — как непреодолимое сопротивление тьмы: она не рассеивается перед светом окончательно, т. е. свет и тьма сосуществуют вместе, борясь друг с другом. Только в сочетании этих двух смыслов и заключается антиномическая полнота природы земного мира. И на осознании этой полноты сконцентрирована русская религиозная философия XX в.

Только «Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы», — говорит апостол Иоанн в первом Послании (1, 5). В нашем же земном мире тьма и свет сосуществуют неустойчиво, и задача человека состоит не в том, чтобы искоренить тьму — это невозможно, эта задача превосходит человеческие силы. А в том, чтобы оградить мир, в котором мы живем, от воздействия сил зла. От воздействия тьмы. Расширить сферу действия света в нашем мире. И даже если эта задача борьбы с тьмой никогда не сможет увенчаться окончательным успехом — в этом стремлении уже заключается ценность и достойная цель для нас. Эта задача сопротивления тьме и расширения зоны влияния света.

Именно так видит русская религиозная философия задачу устройства справедливого государства. Не пытаясь установить «рай на земле» и не обобщать этого, как обобщали большевики, а скорее «не допустить возникновения на земле ада», как это сформулировал еще до революции философ Владимир Соловьев. Попытка осуществить Царство Божие и «рай на земле», что попытались сделать социалисты, логически ведет к вырождению этой цели в неизбежное господство злых сил. Потому что человек и мир имеют другую природу. Они неспособны жить по тем правилам, тем убогим представлениям о человеке, которые содержатся в марксистской теории. Человека приходится принуждать. И оправдываемое так принуждение границ уже не имеет. Так задача социалистов по совершенствованию мира превращается фактически в разрушение мира, что показал и Игорь Шафаревич в книге «Социализм как явление в мировой истории». Это осознание, с одной стороны, утопичности социализма и, с другой стороны, что Запад тоже общество несовершенное, что зло по-разному проявляется в разных общественных системах и оно неискоренимо из нашей жизни, что оно может быть только ограничено нашим добровольным усилием, которое начинается с нравствен-

ного воспитания себя — эта мысль эмигрантских философов находит сегодня отражение и в советской печати.

Мы подходим сейчас к заключительной части доклада — именно к тому, как русская философия и эмигрантская публицистика оказывали влияние на процесс становления независимой общечеловеческой в России. Названный только что И. Шафаревич — уже один из тому примеров.

Долгое время Россия вообще была отрезана от эмиграции и от ее творчества, от этих мыслей. Лишь единицы, м. б., могли ознакомиться с этими работами, но мы видим уже в 60-е годы, что влияние русской религиозной философии становится все более заметным. Я приведу лишь один пример: это организация ВСХСОН, Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа, созданный в 1960-е годы в Ленинграде Игорем Огурцовым, Евгением Вагиним и др., всего было около 30 человек. Их программа была разработана как раз на основе русской религиозной философии. Наибольшей популярностью у них пользовался Бердяев, но лишь потому, что именно книги Бердяева были им более доступны.

Затем хронологически мы видим такую же, как появление в 1974 г. в России сборника статей «Из-под глыб». В этом сборнике Солженицын, Шафаревич и другие авторы, которые до сих пор живут в России (В. Борисов, например, который сейчас член редколлегии «Нового мира»), сформулировали ряд политических, национальных и религиозных проблем российского возрождения. Видя путь возрождения России именно в том смысле, в котором русские религиозные философы-эмигранты этот путь определили в своих работах.

Примером сегодняшнего влияния русской религиозной философии на ход событий в стране можно назвать журнал «Выбор» — журнал русской христианской культуры и философии, который с 1987 г. выходит в Москве под редакцией Глеба Анищенко и Виктора Аксюткина. Вышло уже 7 номеров, каждый примерно по 300 страниц, тираж 500 экземпляров, журнал выпускается в твердом переплете.

Характерная особенность этого журнала в том, что издатели считают себя продолжателями традиции, которая отмечена такими философскими сборниками, как «Вехи» (1909 г. — это было первое предупреждение русских философов о грозящей опасности революции); сборник «Из глубины» (который написан уже в коммунистической России в 1918 г., отпечатан небольшим тиражом в 1921 г., был конфискован и лишь в 1967 г. он увидел свет в издательстве YMCA-Press в Париже); и сборник «Из-под глыб», о котором я уже говорил. Этих трех предшественников издатели журнала «Выбор» считают той традицией, в продолжении которой они видят свою задачу. Это, несомненно, Православие. Но Православие не узкое, а открытое к сотрудничеству и с христианами других конфессий. Все ценное и положительное, что содержат другие конфессии, издателями «Выбора» не отвергается, хотя они при этом своих православных позиций не сдают, а подчеркивают их.

Патриотизм их тоже лишен узости, которая свойственна многим людям с-

годяшней России, ибо они находятся в состоянии шока от той катастрофы, от того разрушения русской культуры, которое они наблюдают. Но с другой стороны, у издателей и авторов «Выбора» понимание патриотизма достаточно смелое, чтобы откровенно говорить о русофобии и давать ей отпор. В своем программном заявлении, в первом номере журнала, издатели «Выбора» пишут, что русофобия и национал-большевистский шовинизм взаимно укрепляют друг друга энергией ненависти. Взаиливая друг на друга вину за революцию и ужасное состояние страны, они не способствуют ее оздоровлению. Мудрый же патриотизм заключается в том, чтобы строить не на разделении, искать не «черное» в людях, что нас разделяют, а делать ставку на то «белое», что есть в каждом человеке, и у членов КПСС и у общества «Память», и это «белое» пытаться объединить ради высших ценностей. Ради спасения России.

Этот принцип «Выбор» называет «позицией христианского общенационального примирения». Он считает, что только она может спасти Россию, если ей следовать, не поступаясь своими мировоззренческими принципами и христианскими идеалами, но при проведении их в жизнь проявлять любовь к ближнему, терпеливо пытаясь раскрыть ему глаза на эти идеалы, а не бить дубиной по голове только потому, что человек еще не созрел к амеции их в себя.

Люди вокруг «Выбора» уже прошли школу усвоения русской религиозной философии и сами пытаются вносить творческий вклад в ее развитие. В таких разделах журнала, как богословский и исторический, есть очень интересные статьи. Мне больше всего запомнилась статья Виктора Асюхица «Русская идея» в третьем номере. В ней есть интересные моменты, которые мало кто высказывал в таком объеме, в частности — что касается еврейского вопроса. Вопрос этот очень болезненный, и о нем говорить нужно именно на том уровне, как это делают издатели «Выбора». Это, прежде всего, духовный вопрос, а не политический. Это вопрос исторических призваний наших народов, вопрос исполнения и неисполнения ими этих призваний. Отсюда становятся понятны противоречия и столкновения между ними, которые проявились в последнем столетии. Именно на этом уровне становится понятным, почему в революции выходцы из еврейской среды приняли непомерно большое участие. Понимание всей этой проблематики в духовном плане лишает почву объяснение революции лишь политическим еврейским заговором; это слишком примитивное объяснение сложнейших исторических проблем.

Нужно сказать, что русские религиозные философы в 1988 году реабилитированы в Советском Союзе и в официальной печати. Еще недавно Большая Советская Энциклопедия говорила о Бердяеве, Франке, Лосском не иначе, как слоями: «оголтелый мистицизм», «поповщина», «религиозное мракобесие». Утверждая, что все эти люди и в России служили эксплуататорским классам, и на Западе естественно пошли в услужение ЦРУ, которому служит вся русская эмиграция. Во множестве статей доказывалось, что

никаких идеалов у русской эмиграции нет, есть только корыстные мотивы заработать деньги.

Затем появились новые нотки. Началось с призывов отдельных писателей переиздать работы названных философов как часть русской культуры, мол, не обязательно соглашаться с ними, но нужно знать. В журнале «Вопросы философии» № 6/1988 г. — этот журнал издается Институтом философии АН СССР — было напечатано короткое объявление о том, что Политбюро ЦК КПСС рассматривало вопрос о переиздании работ — и дальше идет список 20 имен философов, в котором перечислены, кстати, все те, которых я называл, и разбавлены несколькими социалистами, как, например, Бакунин. Важно, что эти представители русской религиозной традиции, хоть и вместе с прочими, были названы «величайшим достоянием» русской культуры.

Это выражение само по себе уже как гром среди ясного неба, потому что если сегодня говорится о возврате к НЭПу, к Ленину, то мы прекрасно знаем, как Ленин относился к этому «величайшему культурному достоянию». Он не жалел по отношению к нему самых грязных, оскорбительных выражений и жесточайших рекомендаций. Цитаты из БСЭ, которые я привел — «религиозное мракобесие», «оголтелый мистицизм», — это все ленинские слова, БСЭ цитирует Ленина. Это говорит о том, что те процессы в стране, которые мы наблюдаем сегодня, — не просто возврат к НЭПу и к «ленинским нормам».

За официальным фасадом перестройки мы наблюдаем глубинный процесс демонтажа социалистической идеологии. Вспомним те проекты, которые марксизм на заре своего существования поставил себе как цель: так называемый первый документ научного коммунизма, «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом и изданный в 1848 г. Этот проект включал в себя: уничтожение семьи, уничтожение частной собственности, уничтожение нации, уничтожение религии, государства — и это обосновывалось тем, что все это «исторически преходящие» ценности. Что у пролетариата «нет отечества», все равно все люди будут жить «одним всемирным братством», когда победит коммунизм. Семья не нужна, это «закабалает» человека и прежде всего женщину. Дети должны воспитываться в общих коллективах и даже не должны знать своих отцов и матерей. Частная собственность — это «источник эксплуатации человека человеком» и основная причина общественного зла. Но по мере того, как коммунисты пытались эти свои постулаты осуществлять, они понимали, что это неосуществимо. И с самого начала воплощения социалистических идей мы можем увидеть: их демонтаж начался уже тогда.

Так, после захвата большевиками власти им уже не приходило в голову провозглашать необходимость уничтожения семьи. Может быть, единицы еще этим занимались, в частности, Коллонтай, писавшая книги о свободной любви и т. п., но на практике своих жен обобществлять никому из коммунистических лидеров не захотелось.

Затем реабилитировали понятие нации, когда выяснилось, что только патриотизм может защитить страну от

внешнего врага. Русский патриотизм был официально введен накануне второй мировой войны. А до этого за проявление русских национальных взглядов арестовывали и ссылали в лагеря...

Сейчас, когда социалистическая идеология продемонстрировала свой полнейший крах в области материальной, прежде всего в экономике, отказались еще от одного постулата: что частная собственность это «первичное зло». Теперь частная собственность — «необходимый элемент здоровой экономической системы». А злом и причиной кризиса в Советском Союзе признали бывшая «своянская королева» социализма — центрально-директивная система планирования.

Сейчас демонтаж социалистической идеологии дошел до мировоззренческого уровня — в отношении к религии и философии. Показательно в этом отношении не только решение Политбюро опубликовать работы русских религиозных философов, они м. б. будут не всем доступны, тиражи будут небольшие. Но показательно то, что в журналах, которые выходят миллионными тиражами, в газетах, пошла серия хвалебных статей о русской религиозной философии. Статья о Бердяеве в газете «Литературная Россия». Статья о Льве Карсавине, который был сначала выслан, а годы войны захвачен советскими карательными органами и погиб в лагере — статья с очень толковым изложением его взглядов. Статья об о. Сергии Булгакове в «Московском литераторе». Это просто случайные примеры, которые у меня есть с собой. Журнал «Новый мир» публикует подборки таких работ, которые раньше только Самиздат или издательство УМКА-Press могли напечатать. Более того, сейчас и эмигрантские журналы, в частности «Вестник РСХД», все чаще перепечатывают статьи из советской прессы. Например, о покойном философе Лосове.

Для нового отношения к русской религиозной философии показательна дискуссия в журнале «Вопросы философии» в сентябре прошлого года. В этой дискуссии выступило 27 человек. Из них наверное 80% призывали к переоценке русской религиозной философии с совершенно антимарксистских позиций. Было даже высказано мнение, что марксизм — вовсе не русская философия, что господствующим направлением русской философии всегда признавалось идеалистическое, и лишь позже, в середине 1940-х годов, в СССР начали утверждать, что марксизм, оказывается, «был предвосхищен» еще до Маркса Герценом и Чернышевским. С тех пор почти исключительно объектом изучения стала философия русских революционных демократов 1840-60-х годов XIX в. И ей был присвоен статус «классической русской философии».

Другой участник этого круглого стола пишет примерно то, что я цитировал из книги С. Франка «Свет во тьме» о понимании общественного зла. Он пишет: «Возражения Достоевского тем, что допускал зло лишь в среде, а не в природе человека, остаются актуальными по сей день. Нам кажется, что достаточно помнить общественную структуру, как все чудесным образом переменится. Это хроническая иллюзия, в которую верили и «шестидесят-

ники» XIX века, и «шестидесятники» XX-го. Вот и сейчас, в конце восьмидесятых, мы находимся под сенью этого заблуждения».

А другой доктор философских наук, Арсений Гулыга, который часто выступает в советской прессе со статьями на эту тему, заявляет: «Пора наконец покончить с недооценкой русского идеализма. Почему на западных молился, а собственный третируем? (Он имеет в виду идеализм немецкой классической философии.) Конечно, если русскую философию сводить только к революционным демократам, то ей далеко до любой зарубежной. А если взять во всей полноте? Мнение А. Ф. Лосова: «В XIX столетии Россия произвела на свет целый ряд глубочайших мыслителей, которых по гениальности можно поставить рядом со светилами европейской философии».

И здесь Арсений Гулыга выводит как бы общий знаменатель русской религиозной философии, призывая вернуться к ней. Он определяет этот общий знаменатель коротко: «Новый Завет, христианская идея свободной личности изначально стала русской идеей... Говорят, что новое — основательно забытое старое. Наше новое мышление может сегодня опереться не отечественную традицию. Нам нет резона создавать новые ценности, да и никакая философия не в состоянии их создать; она сможет их только выявить, отстаивать, распространять. Ценности иррациональны, их создает народ. Русская классика зафиксировала их с предельной глубиной и выразительностью. Они вечны, абсолютны, универсальны. Сегодня мы должны прежде всего издать русских мыслителей в полном объеме и написать философию русской классики. Философия должна повернуться лицом к народу, стать зеркалом его души, наставником и воспитателем».

Вот этого духовного измерения реформ в истории советской власти еще не было никогда. Тем самым процесс демонтажа в сегодняшнем Советском Союзе идет гораздо дальше ленинского НЭПа, с которым многие советологи только и проводят параллели, совершенно не замечая эту глубинную духовную сторону процесса.

Этот демонтаж, конечно, не воля партии, и происходит он совсем не потому, что члены Политбюро прозрели. Все это осуществляется, пребывает в редакции журналов и газет давлением снизу. Сейчас в Советском Союзе выросло и созрело целое поколение людей, образование которых имеет христианскую основу. Поколение людей, воспитанное на книгах, которые писались, издавались и распространялись в эмиграции. Сегодня в Советском Союзе нет ни одного по-настоящему грамотного интеллигента, который бы не был знаком с творчеством Франка, Бердяева, Лосского, — все эти имена для них уже доступны. Именно сейчас эта деятельность эмиграции, по выполнению своей третьей функции, приносит свои плоды.

Нужно, конечно, учитывать, что верхи руководства КПСС в своем стремлении к реформам связаны определенными идеологическими границами. Это объясняется тем, что коммунистическая идеология — единственная легитимация их власти. Ведь никто не выбирал этих людей. Они у власти потому, что

обладают «единственно верным учением». Именно это дает им право на власть, и потому идеологию они отбросить не могут. Тогда они должны были бы оставить и власть. Единственное, что им остается — наполнять свою идеологию новым содержанием, допускать демонтаж самих принципов социализма до такой степени, что этот социализм рано или поздно будет социализмом *de facto* перестанет. Скажем, трудно себе представить, что марксизм может в себя вместить религию. Тем не менее, множатся попытки делать и это.

Относится к этому можно по-разному. Но для нас важно, что весь этот духовный переворот общества сейчас происходит не сверху, а снизу. Участвующая в нем как официальная общественность в официальной прессе, так и неофициальная общественность в журналах типа «Выбор» — это и есть те здоровые силы сегодняшней России, в которой возродилось то зерно, которое было в значительной мере посеяно русской эмиграцией, русскими мыслителями. Пусть их количественно было мало, но плод их трудов имеет огромное значение для будущего всей страны. Сейчас наша помощь России нужна, как никогда раньше. Потому что в самой России сейчас идет борьба разных сил за то, какой Россия должна стать. Борьба между западниками и почвенниками.

Упрощая, можно сказать, что западники всей этой проблематике и опыта эмиграции не понимают. Они видят будущее России — как старые Соединенные Штаты Америки на русской земле; они видят среди достоинств Запада лишь рынок, свободу, массовую культуру, и от них совершенно ускользает вся проблема религиозно-предназначения России, как чего-то особого, проблема российской судьбы.

Тогда как почвенники обращают внимание именно на эту проблему, но часто им не хватает для аргументации — той же литературы и знания всего того, что на эту тему накоплено в эмиграции. Пример этому — общество «Память», которое по своей сути есть стремление восстановить свою страну, разрушенную культуру, но советский духовный вакуум, в котором это явление развивается, приводит к тому, что какая-то значительная часть этого движения слишком примитивно понимает как саму задачу возрождения России, так и причины катастрофы. И я думаю, что сейчас эмиграция должна использовать открывшиеся возможности поездок в страну для несения туда накопленного опыта. Литература, которую я назвал, приходит теперь в Россию по почте, у меня множество подтверждений этому. Настало время, когда мы и на такие съезды в эмиграцию должны приглашать видных представителей патристического движения в России. Мы должны участвовать в борьбе за Россию будущего, которая сейчас идет уже конкретно, а не теоретически.

Вот усилить эту передачу в Россию того, что накоплено в эмиграции, соединить тело России с этим «блоком памяти», который создан эмиграцией, — это должно стать последним нашим усилием. Если оно нам удастся, тогда мы сможем сказать, что предназначение эмиграции действительно выполнено.

«Я в сердце века»

К 100-летию со дня рождения Осипа Мандельштама грузинское издательство «Мерани» выпустило удачно составленный, на мой взгляд, поэтический сборник.

Тянется лесом дороженька пыльная, Тихо и пусто вокруг. Родина, выплакала слезы обильные, Спит, и во сне, как рабыня бессильная, Ждет неизведанных мух.

Уже в них слышна неповторимая мандельштамовская интонация, которая с годами совершенствовалась и развивалась. И далее — стихи 1908—1918, 1919—1925, 1930—1937 гг... В этой хронологии скрыта, пожалуй, ужасающая закономерность, которая неотвратимо вела к развязке трагедии художника, художника униженного, репрессированного, погубленного. А реабилитированного — лишь посмертно. Поэтому трагическое звучание многих стихов глубоко символично.

Свои вдохновенные строки обращал Осип Эмильевич и к Анне Ахматовой — большому другу семьи Мандельштамов («Когда на площадях и в тишине келейной», «Кассандра», «Твое чудесное произношение...», «Что поют чашки-кузничихи...»). А восьмистишие «Ахматова» — одно из лучших стихотворений, созданных в честь великой поэтессы. Удивительная лиричность, музыкальность характерны для стихов, обращенных к О. Арбениной, О. Ваксель, М. Петровых, Н. Штемпель, Л. Поповой, написанных в разные годы, под впечатлением неординарных жизненных обстоятельств. А сколько искреннего чувства, доверительного обожания, нежной верности в стихотворениях, посвященных главной Музе поэта, его жене Надежде Мандельштам. Их невозможно читать без душевного волнения. Еще в книге представлены очерки и статьи, не утратившие свежести и оригинальности и сегодня.

Л. НИКОЛАЕВА

Мандельштам О. Э. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕРЕВОДЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ. — Тбилиси, «Мерани», 1990.

Художественная литература: что дальше?

Фото НИКОЛАЯ КОЧНЕВА

Вступление в свободный рынок придает давно неведомые нам черты и книгоизданию. Уже сегодня налицо реальная опасность: не только вздорожание даже тоненьких детских книжек, но и шириющееся наступление безнравственной, даже аморальной литературы на, казалось бы, нетленные своей духовностью произведения великой русской словесности. Эта ситуация не может не волновать и журнал с многозначным названием «Слово», поэтому, как мы и обещали читателям, продолжаем вместе с нашими авторами — писателями, издателями и распространителями книги — искать реальный выход из создавшегося положения, дорогу к возрождению славных традиций отечественной литературы и культуры чтения. В этом русле и состоялась беседа нашего корреспондента с директором издательства «Художественная литература» Г. А. АНДЖАПАРИДЗЕ.

— Георгий Андреевич, в течение многих лет на деятельность издательства сильно влияли идейные стереотипы и «запретительство». В результате сколько славных имен позабыто, сколько достойных произведений отечественной словесности можно отыскать лишь в изданиях давно минувших лет! Какой же Вы видите «возрожденческую» миссию «Художественной литературы»? Есть ли намерение насыщать свои планы новыми именами и темами, делать акцент на социальной заостренности книг, их созвучии с проблемами сегодняшнего дня?

— Задача, которую мы себе сформулировали, — в первую очередь заняться вспахиванием «забытого поля». Поэтому что в силу политических, а чаще эстетических причин, было предано забвению немало писателей «первого ряда». Но существовал еще и добротный «второй ряд» — литературу определяют не только вершины, но и высоты более низкие.

Жил такой ленинградский писатель Константин Вагинов. Он не был репрессирован, умер в своей постели, но был надолго забыт, хотя политических претензий к нему не было. Мы, используя его рукописи, издали книжку. И таких примеров много. Почему не переиздавали? Сказать трудно. Во всяком случае, петроградский модернизм конца двадцатых — начала тридцатых годов необыкновенно интересное явление, и Вагинов, один из его представителей, конечно же заслуживает быть прочитанным.

Для таких произведений мы и задумали серию «Забятая книга». В ней вышла и книга Михаила Кузмина. То есть, я бы сказал, мы пошли по квазирыночному пути — беседа с коллегами, пришли к выводу: то, что лежит на поверхности, — Гумилев, Цветаева, Мандельштам, Ходасевич — очевидно, за это схватятся все. Когда-то Борис Эйхенбаум сказал о Викторе Шкловском: Витя, как сорока, хватает все, что блестит. Мы не хотели оказаться в положении сороки — есть нечто мало кому известное, а то и вовсе неизвестное. В частности, несколько месяцев назад мы выпустили роман Ропшина (Бориса Савинкова) «То, чего не было». Его не читали, даже не знали знатоки русской литературы, самые крупные литературоведы. Находясь в Париже, я спросил у Н. А. Струве, знает ли он такое произведение, оказалось, не знает. А это очень интересная книжка, написанная добротным романистом о революции 1905 года глазами ее участника. Там есть много любопытных мыслей вроде такой: как же так — несколько человек в Париже решили, что нужно для России, взяли на себя ответственность это определить... Первое издание романа появилось

в 1914 году, второе — в 1918-м. И все.

Вот типичная судьба несправедливо забытой книги, особенно нужной сейчас, когда мы смотрим на собственную историю без шор. Такие произведения и есть объект нашего самого пристального внимания. Так что одну из своих основных задач мы видим в возвращении в культурный обиход современного читателя книг, которые по разным причинам были ему недоступны.

Если говорить о мере социальной заостренности наших изданий, их созвучия с сегодняшним днем, то своим ответом могу вызвать огонь на себя, ибо считаю, что народ все больше устает от чрезмерной политизации нашей жизни. Социальная заостренность была, например, и у Николая Лескова, бояться ее не надо, но ставить перед собой цель — печатать побольше книг с социальной заостренностью — вряд ли необходимо, мы это, как говорится, уже проходили. Гораздо нужнее, говоря языком геологов, сделать широкий захват.

Иногда меня спрашивают, надолго ли нас хватит на забытые имена и репринты. Думаю, что отечественная литература во всем ее огромном многообразии имен, тем, сюжетов, идей еще не известна. И у Худлита очень большие планы на этот счет, однако мы их стараемся не оглашать, чтобы другие не обскакали. Например, мы занялись поисками в архивах, где лежит масса неопубликованного — и романы, и мемуары. Лет на десять-пятнадцать этой культуртрегерской задачи нам хватит. Была бы бумага — в нашем плане около трехсот забытых книг! А это фактически годовой план, ведь кроме того существуют зарубежная и советская литература, надо переиздавать классику, которая нужна всегда. И я не смущаюсь, когда мне говорят: а вы знаете, что там-то лежат книги классиков? И хорошо, отвечаю, что лежат, они должны лежать всегда, тогда их смогут купить всяк, кто пожелает. Мы просто давно отвыкли от нормального положения, когда человек может прийти в магазин и купить любую книгу Пушкина, любую книгу Толстого или Достоевского. Причем я за то, чтобы в продаже одновременно находились дешевые и дорогие книги.

— Но не получится ли, что снова и снова невольно возвращаясь в прошлое, читатель еще несколько лет будет отлучен от литературы, посвященной нашим насущным экономическим, политическим, нравственным проблемам?

— Литература и искусство являются в какой-то мере формой отвлечения от проблем сегодняшнего дня, и бояться этого не надо. Одни любят читать как бы про самого себя, другие — про других. Первый читает и думает: господи, да это про меня, второй предпочитает отвлечься описаниями дальних стран и экзотических приключений. Так что внешний уход от проблем современности не так уж плох. Я не говорю, что должно выпускать лишь такие книги, но не надо забывать историю читательской культуры, ее психологию. Полезно помнить и о книжной терапии, которая, как и музыка, может лечить человека...

Отсутствие взрыва писательской активности в годы перестройки, мне кажется, происходит потому, что проза и поэзия, в отличие от публицистики, которая старается держать руку на пульсе жизни, требуют времени на осмысление. Меня даже удивляют те мои западные коллеги, которые просят: дайте быстрее нам роман о перестройке. Я отвечаю им: нет у нас еще такого романа. И это их поражает. Поражает отсутствие соцзаказа...

— Но вот мы входим в свободный рынок. Собирается ли Худлит решать в его условиях задачу, с которой справлялись лучшие издатели России — давать народу дешевую общедоступную книжку? К сожалению, даже Пушкин, Толстой, Тургенев вошли далеко не в каждый крестьянский дом. Сегодня все отчетливее видишь, что о массовом, народном читателе просто-напросто забывают.

— Этот вопрос очень болезненный. У нас пока не сдела-

на стратификация читательской массы. Как известно, на Западе даано обожают различного рода социологические исследования и там разработана четкая структура читателя. По ней, скажем, мужчины от тридцати пяти до пятидесяти лет книг почти не читает. Он занят делом. Хотя, возможно, почитывает детективы в поезде или самолете, иногда бегло просматривает то, о чем «говорят». Кто же читает на Западе больше всех? Домохозяйки, пенсионеры, молодежь. У нас же хорошо обоснованной структуры читательского спроса до сих пор нет. Лично я считаю, что у нас и мужчины среднего возраста читают достаточно много. Имея около семнадцати — восемнадцати миллионов членов Общества книголюбив, можно более или менее точно сказать: в стране насчитывается около десяти миллионов активных читателей. Думаю, что число нормальное. Другое дело — а высока ли даже у этих людей читательская культура? Но чисто прагматически лучше читать «пустую» литературу, нежели убивать соседа, не говоря уже о родственниках. Не надо бояться того, что, как кто-то сказал, есть литература для писателей и есть литература для читателей. Ведь то, что называется серьезной литературой, и на Западе не имеет широкой читательской аудитории. Первый сборник Ахматовой, если мне не изменяет память, был напечатан в количестве нескольких сот экземпляров. Поэтому у нас действительно произошла культурная революция — произведения классиков расходятся миллионами. И меня это не пугает при вопросе: а не поглощают ли такие огромные тиражи возможности для выпуска других, менее «имениных» книг? Ибо сочинения Пушкина, Гоголя, Достоевского пока не вошли в каждый дом, тем более крестьянский. Обеспечить всех желающих золотым фондом отечественной литературы — задача первостепенная. Я приведу такой пример. Мы сделали все возможное, чтобы не повысить цену на «Роман-газету», как известно, очень популярное издание. Хорошо известны очень разные мнения по поводу произведений, которые здесь печатаются, но, как мне думается, ее редакция и редколлегия сегодня смотрят шире, чем прежде, учитывая колебания читательских интересов, и то, что нам удалось сохранить прежнюю цену, даст возможность множеству читателей получить самые разные произведения.

Мы думаем и о дешевой библиотеке. Собственно «Классики и современники» и была общедоступной серией, хотя и ее в каждый дом, как говорится, силой не навяжешь. В чем проблема? В стране нет свободного книжного рынка. Как и никакого другого.

— Наши «толстые» журналы, благодаря возможности быстро откликаться на актуальные проблемы, заменили многим читателям книги, тем более, что безлимитная подписка на периодику собирает прозу, публицистику, поэзию, такие тиражи, которые, как правило, невозможно позволить себе даже «Художественной литературе», где, кстати сказать, выпускаются не только книги, но и несколько литературно-художественных журналов — «Москва», «Нева», «Звезда». В связи с этим хочу Вас спросить как и знатока зарубежной литературы: насколько распространены на Западе литературно-художественные журналы, велики ли их тиражи, кто читает такие издания?

— Литературно-художественных журналов на Западе нет или почти нет. Помимо прочего, там много академических издательств, которые имеют свой доход, но их авторы не получают ничего, довольствуясь лишь фактом публикации, в отличие от наших критиков и литературоведов, которые свыклись с мыслью о положенном гонораре. Запад в этом смысле жесток: пока книга не даст доход, автор гонорар не получит. У нас прямо противоположное — книга дохода может и не дать, а гонорар автор получает. Но что делать — у нас по этому поводу имеется постановление правительства.

Я не хочу обижать современных отечественных поэтов, но опять-таки в отличие от нас на Западе поэтические сборники печатаются, как правило, тиражом пятьсот — шесть-

сот экземпляров и практически безгонорарно. Видимо, нет другой страны на земле, кроме нашей, где бы поэты жили на гонорары. Скажем, даже известный в США поэт Аллен Гинзберг не может существовать литературным трудом и преподает в колледже. Но есть существенное отличие: на Западе неизмеримо больше издательств и больше возможностей напечатать книгу. Так что при существующей у нас нехватке издательств литературно-художественных журналов должно быть больше. Накануне такого сложного 1991 года мы снова подсчитали рентабельность выпускаемых Худлитом журналов, и получилось, что при тираже двести тысяч экземпляров литературно-художественный журнал типа «Москвы» себя окупает, и большего тиража, на мой взгляд, и не надо. Пусть лучше будет выходить еще пять новых непохожих друг на друга журналов, имеющих свою позицию. Тем более, что много говорится о проблемах Союза писателей, нарастающих там центробежных тенденциях. И в этом нет ничего страшного. Пусть у каждой группы писателей, объединенной своей эстетической платформой, политическими взглядами, будет свое издание, пусть они выходят на рынок и рекламируют себя: мы даем новую, ни на кого не похожую литературу. И тогда журнал в двести тысяч экземпляров не будет нужды навязывать, он будет иметь своего стабильного читателя. Я очень уважаю Сергея Павловича Залытина, но в том, что редакция «Нового мира» сделала в 1990 году со своим журналом, ввергла в такие трудности себя и читателей, все же вина редакции. Зная наши общие трудности с бумагой, нельзя идти на такое безудержное привлечение внимания к журналу хотя бы и публикациями Александра Исаевича Солженицына, тем более собранием его сочинений. Можно, конечно, объявить свободную подписку даже на черную икру, но от этого ее не будет больше...

Так что должно быть больше небольших по тиражу литературно-художественных журналов, впрочем как и издательств художественной литературы. Я считаю нелепым еще «застойных» времен постановление о закрытии областных издательств и создании вместо них «зональных». И у нас в культурной политике до сих пор масса абсурда. Ни в одной стране мира не пошли бы на то, чтобы везти книги из Москвы во Владивосток, по аналогии — с западного побережья Соединенных Штатов на восточное. В такой практике есть элемент какого-то экономического бреда. Как это можно — отпечатать книги в Можайске, Твери и потом «тащить» их через всю страну! Или наоборот: книги печатают на периферии, потом их везут в Москву и оттуда «распределяют» по той же периферии — абсурд!

С созданием зональных издательств усилился нивелировка литературы, ибо в каждой области России свой фольклор, свой местный говор, свои литературные имена и традиции. Нельзя все это смешивать. Часто вместо того, чтобы издавать местных писателей, искомать у себя талантливых авторов, к примеру, мне шлют письма: у вас вышла такая-то книга, пришлите два экземпляра для расклейки и выпуска. Но эдаким «разбойным расклеиванием» чужих изданий грешат не только небольшие издательства, но и такой гигант, как издательство «Правда». Имея большой доступ к бумаге, оно практически подавляет своим валом Берут, допустим, изданную Худлитом книгу и печатают у себя, ничего нам за это не платя, поскольку издатель в нашей стране юридически незащищен. Пока более или менее защищены автор. И какой автор откажется, чтобы его переиздали в той же «Правде» полумиллионным тиражом? Вся эта наша система неправильна. Если на Западе автор приносит в издательство роман, ему говорят: мы его покупаем и заключаем договор еще на три ваших будущих произведения. С этого момента автор уже как бы принадлежит издательству — кто хочет его переиздавать, должен идти в это издательство и вести переговоры об уплате, скажем, двадцати процентов за приобретение права повторного выпуска.

Сейчас звучат призывы к созданию отечественного издательского права, тем не менее этот необходимый документ

не разрабатывается. Хотя квохчем и бьем крыльями. Сегодня у нас все авторские права принадлежат автору, и иные авторы обходят ВААП — сами подписывают договора с зарубежными фирмами и сами получают деньги. Но кто-то шустер, а кто-то не может обойти вааповские препоны. И жаль, что у нас нет рекламных агентств, которые бы рассылали копии литературных произведений по издательствам. Я, например, получаю с Запада таким образом немало книг с уведомлением: если не собираетесь издавать, по прочтении верните. Это общепринятая там практика, и если мы собираемся быть правовым государством, нам надо отрегулировать и права издателя.

Еще с XIX века у нас существует традиция «пропускать» художественные произведения через литературные журналы. Наверное, ломать эту традицию не следует, раз журналы существуют и на них подписываются. К тому же, существует характерная для нас особенность — подписчик на журнал получает гарантию, что книгу, пусть и в журнальном варианте, он получит. Ее не надо лопать — тебе домой принесут. Но как обстоит дело на Западе? Там давно существует практика так называемых книжных клубов. Вступая в такой клуб, вы получаете гарантированное право на получение ряда произведений. Теоретически и мы можем создать клуб любителей Худлита, пообещав, что за год вышлем каждому его члену двадцать книг. Конечно, здесь может быть место некая «обязаловка» — что-то из этих произведений не всем понравится. Но в этом нет ничего предосудительного — читатель получит «пакет», где будут, предположим, и Пикюль, и отец Флоренский, и Сергей Булгаков. Все же это не профсоюзные брошюры и не диссертации застойного периода. К тому же, если человек привык читать исторические романы, но вдруг получил философское произведение и им заинтересуется, разве такое не может быть с ним и членами его семьи, знакомыми?

Но пока такой книжный клуб мы себе позволить не можем — книги должны отдавать для распространения книжной торговле.

Чтобы иметь книжный клуб, нам потребуется и большой отдел рассылки. Самые большие службы в западных издательствах — службы рекламы и реализации, редакторов существенно меньше. У нас масса предложений от зарубежных партнеров, но не хватает бумаги. Будет она, будут и книжные клубы. Их члены уплатят членский взнос, внесут аванс, и если в магазине цена, скажем, пятнадцати книг будет составлять пятьдесят рублей, то члены клуба получат их за сорок пять.

— Но, как известно, Худлит — издательство государственное и государство требует побольше отчислений в свой карман, да и нашему коллективу приходится в условиях рынка следить за соблюдением своих экономических интересов. Так не ущемлен ли читатель? Ведь для него уже и безгонорарная отечественная классика кусается...

— В свой карман мы получаем мало — приблизительно от ста восьмидесяти миллионов годовой прибыли имеем около четырех процентов, включая деньги на гонорары, остальное забирают государство и Госкомпечать. Но книги должны быть и дешевые, и дорогие. Обычное издание Пушкина не должно быть дорогим, а вот мемуары Андрея Белого, которого мы поставили по десять рублей за том, адресованы специалистам и большим любителям, так что здесь высокая цена нормальна. И если Эжен Сю стоит десять рублей — тоже не вижу в этом драматизма, потому что это «развлекалка», за нее можно и заплатить — все же предмет роскоши. Так что мы стараемся держать баланс цен, хотя делать это становится все труднее. По нашим прикидкам, вчерашняя двухрублевая книга будет стоить около шести рублей. И другого выхода нет — надо расплачиваться с бумажниками, полиграфистами. До недавнего времени я в силу своего экономического невежества тоже их ругал, но когда узнал, что бумага у нас стоит ниже своей себестоимости, переменил мнение. Оказывается, ее было

просто невыгодно делать, выгоднее производить обои... И потом наша система налогов — ужасна. Кто-то правильно сказал, что у нас культуру первой выбрасывают на рынок. Жалкая создалась ситуация — в цивилизованных странах (а мы, видимо, такой еще не являемся) культуру субсидируют. Там выделяют субсидии на издание даже литературоведческих книг — если вы хотите исследовать некую нетронутую область, скажем, словесности, то получаете субсидию от какого-нибудь университета или частного фонда. А наш Фонд культуры, который в общем-то достоин уважения, пока только просит денег. У нас же десятилетиями выкачивали деньги из книгоиздания, ничего в него не вкладывая. Последний построенный полиграфкомбинат — Можайский — был возведен около двадцати лет назад. И легенда, что издатель, мол, богатеет, обдирая народ, неверна. Меня в этой связи поражает поведение литераторов — народных депутатов. Наверное, нет ни одного из них, заседающих в Верховном Совете СССР, с которым бы я не говорил: примите же, наконец, какие-то меры — производство книг не может облагаться тем же налогом, что и производство гвоздей. А вся наша сфера, особенно полиграфия, приравнена именно к промышленности, подпадая под все нынешние жесткие законы налогообложения. И очевидная мысль о том, что низкая общая культура народа является причиной всех наших бед, как-то произносится изредка и робко, хотя очевидно — некультурное общество не может шагнуть в цивилизацию. В связи с этим особая боль — все большая нехватка детской литературы. Здесь мы находимся на пороге катастрофической ситуации — вырастает поколение, не привыкшее держать в руках книгу.

— А не настало ли время провести «ревизию» изданных в стране произведений художественной литературы на русском языке, чтобы лучше знать, в какую сторону действовать? Ведь советское книгоиздание давно «зациклилось» на нескольких десятках отечественных классиков, писателей недавнего прошлого и современных. Не грозит ли опасность, что лет через пятьдесят многие нынешние писатели тоже попадут в «белые пятна»? Чего же, по Вашему мнению, сегодня не хватает в репертуаре нашей художественной литературы? Предпринимаете ли Вы что-либо, чтобы пополнить его новыми именами? Может быть, здесь поможет Институт книги?

— Институт книги нам не помогает. Они разработали концепцию советского книгоиздания, но ее выполнение, по моему, несбыточно. Мы, кому надо доставать бумагу, краски, фольгу, переплетные материалы, читая научные выкладки о том, сколько требуется выпускать книг на душу населения, пожимаем плечами, хотя и среди руководителей издательств немало мужей с учеными степенями. Когда видишь голую концепцию без учета материальных возможностей, к ней относишься скептически.

Мы пошли сейчас, казалось бы, по необычному, даже странному пути — стали изучать каталоги старых и новых книжных аукционов, смотреть, что там были за раритеты. Вы правильно поставили вопрос о насыщении наших планов новыми именами. Стали пересматривать «набор классиков», но где-то (и я не стесняюсь признаться) здесь провалялись. Например, вознамерились сделать «Золотую библиотеку». Все знают знаменитую 200-томную худлитовскую Библиотеку всемирной литературы, она замечательна, но все-таки в значительной части рассчитана на элитный слой читателей, там большой справочный аппарат, есть не всеми читаемые авторы. И вот мы решили создать другую библиотеку — из шедевров русской и мировой литературы томов на сто, пятьдесят томов — русских писателей, пятьдесят — зарубежных. И оказались в тупике. Условие поставили такое — каждый автор должен быть представлен одним произведением. Что же получилось? Толстой — это «Война и мир» либо «Анна Каренина», «Воскресение», Достоевский — «Братья Карамазовы», «Идиот» или «Преступление и наказание», «Бесы»... То есть мы оказались

как бы парализованы привычным стереотипом, классическим подбором имен и книг. Даже то, что мы сейчас имеем, — безлимитная подписка на лучшие произведения нескольких классиков — это тоже что-то вроде общедоступной библиотеки, которая насыщает книжный рынок одними и теми же именами за счет других. Я думаю, что самая сложная задача — найти то золотое сечение, которое бы позволяло постоянно иметь на книжных прилавках произведения писателей «первого ряда», но чтобы и «второй ряд» как-то там возникал. Поэтому идея коренной ревизии писательских имен меня лично не прельщает, по душе другое — постоянное добавление к ним все новых и новых.

Проблема новых имен в литературе видится мне достаточно драматичной. Шедевров в прозе и поэзии пока не появляется. Массовизация культуры неминуемо привела к тому, что множество людей может писать (и пишут) грамотно, но пишут вторично, не привнося ничего нового ни в содержание, ни в язык. Можно сделать даже резковатое обобщение, с которым, разумеется, можно не соглашаться — и в одной западной стране, по крайней мере мне об этом неизвестно, не было за последние десять лет ни одного блистательного литературного дебюта. Может быть, тут сказывается какая-то высшая закономерность...

— Рубакин говорил, что первая и основная задача тех, кто «стоит около книги», заключается в выработке мирозерцания. Каково оно у Вас, руководителя Худлита? Изменилось ли в последние годы? Как оно отражается на Вашей деятельности? Короче говоря, каково Ваше профессиональное кредо?

— В издательствах я работаю давно и, конечно же, книголюб. Вся моя жизнь прошла с книгой, и, честно сказать, видеокультуру воспринимаю вяло. Нельзя сказать, что я не смотрю передач телевидения, но мне непонятны видеоманы, которые по ночам поглощают ширпотребную видеопродукцию. Так что не могу ныне сказать: за последнее время мое мирозерцание изменилось. Я уже говорил, что наступлю на горло собственной песне, собственному вкусу. Будь у меня частное издательство, я не издавал бы девять десятых того, что издаю сейчас, потому что меру своего снобизма знаю только сам. И мое издательское кредо заключается в том, чтобы не давать волю своему вкусу, смотреть шире. Сегодня, конечно, нельзя не думать о рынке. Но думать только о рынке издатель не должен. Если издатель убежден (я имею в виду не директора издательства, а весь коллектив), что данная книга нужна, ее раньше не было, она несет что-то новое, надо издавать, даже рискуя финансовыми и другими потерями, потому что нет ни одного издательства на земле, которое выпускает одни только прибыльные книги.

— Традиционно русских издателей — Сытина, Суворина, Павленкова и других — отличали тесные и постоянные отношения с писателями. Не только деловые, но и дружеские, что в наши годы перестало быть жизненным правилом. Что надо делать для возрождения таких отношений?

— У меня среди писателей много друзей, но в ситуации восприятия «Художественной литературы» как своеобразного храма, где ставят «знак качества», многие советские писатели хотят издаваться именно у нас, как будто это приобщает к сонму классиков. Для меня в данном случае приятельские отношения никакой роли не играют, и, дружа со многими прозаиками, поэтами, критиками, литературоведами, я их никогда не проталкивал. Как я уже говорил, если бы Худлит был частным издательством, быть может, я бы рискнул, потому что приятельские отношения давали бы моральное право рискнуть сказать приятелю: давай попробуем. Лично я перестал издавать собственные книги где бы то ни было, и если когда-нибудь

соберусь это сделать, то только за собственный счет. С тем, чтобы не сложилось «перекрестное опыление» — ты мне, я тебе.

— А как же быть с нашей издательской политикой, наверное, уникальной, когда надо было издавать определенные книги, не рассуждая, разойдется она или нет?..

— Я думаю, что такое действительно было в нашей недавней истории, но тем не менее большинство произведений художественной литературы так или иначе расхотелось. Может быть, за счет навязывания их библиотекам... Хочу, чтобы читатели вашего журнала, так же как и все остальные, не думали, что мы какого-то писателя навязываем им помимо их воли, хотя справедливости ради скажу, что заказы на поэтические сборники и литературоведческие работы падают. На прозу же они по-прежнему высоки. Практически каждая прозаическая книга Худлита превышает тираж в пятьдесят тысяч экземпляров. А это вполне нормально.

— Не кажется ли вам, что у нас недостает издательства художественной литературы? Может быть, целесообразно увеличить число средних и небольших? Или Вам более по душе что-то вроде синдиката из бумажной фабрики, типографии, собственно издательства и сети книжных магазинов? И выживет ли Худлит, если его лишит монополии на классику?

— Что касается создания синдиката — издательство, бумажная фабрика и сеть книжных магазинов, — то здесь я нахожусь в некоем растрепанном состоянии. В принципе это не мировая практика. На Западе издатель существует сам по себе, а бумагу приобретает типография. И там издатель к тому же не привязан к одной типографии. Если это обычная книжка, он идет в одну типографию, а если сложная — с многочисленными цветными иллюстрациями, таблицами и так далее, — в другую. Он, конечно, торгуется, ищет взаимоприемлемую цену. Но в наших условиях я бы вступил в любой синдикат, где можно получить бумагу, даже в союз с чертом, с дьяволом, чтобы не испытывать затруднений в снабжении. Также и свое книгораспространение противоречит мировой практике. В наших условиях я бы пошел, как уже говорил, на книжный клуб, потому что в каком-то смысле «Роман-газета» — это уже и есть некий читательский книжный клуб в зародыше. Конечно, это унифицированное издание — выпуск одного и того же формата, одинаково оформленные, короче говоря, не очень презентабельные. Если бы мы взяли на себя подписку на «Роман-газету» (а ее тираж около четырех миллионов экземпляров), то где-то двести тысяч членов книжного клуба мы бы уже получили. Вот вам и собственное распространение. Но тогда мы должны были бы заниматься экспедированием, доставкой, а это уже почта. То есть, тут есть, с одной стороны, много соблазнительного, а с другой, я как мелкий руководитель средней руки стараюсь не брать на коллектив обязательства, которые мы не сможем выполнить. Волонтеристские решения, которые предлагали поворот рек, собориться всем миром, навалиться, раскопать котлован, слишком дорого нам стоили и как будто кое-чему научили. Я, конечно, могу предложить: давайте мы будем сами распространять книги «Художественной литературы», но для этого нет людей, их надобно набирать. А сколь они будут квалифицированы? У Худлита есть проекты по сотрудничеству с книголюбями, но пока это наметки и говорить о них рано. Я не считаю, что, как вещают некоторые критики, общество книголюбов не имеет перспектив. Другое дело, что оно сразу же бросилось собирать взносы, в чем есть какой-то административный налет. А в принципе этот пласт людей — наш самый активный читатель, которым надо дорожить.

Вел беседу Юрий ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ.

Фотография на память

Как искусствовед по профессии все чаще задумываюсь я над проблемой оформления нашей печатной продукции. Все меньше радует она эстетическим полиграфическим оформлением. Нынче даже книгу, сделанную со вкусом, хорошо иллюстрированную, не часто встретишь, — мы рады и тому, что получаем драгоценные тексты в перьях, некачественном исполнении, словно их авторы чем-то провинились перед народом. Унижает это всех нас. Ведь у русской полиграфии — прекрасные традиции! Вот и «Наш современник» попытался что-то сделать, изменил обложку, и «Литературной России» этот вопрос не чужд. А последние выпуски «Слова» я все время держу перед глазами, как украшение моей маленькой комнаты.

Об этом, в сущности, и речь пойдет: о наших маленьких комнатах и умищающихся в них огромных мирах.

Давно мне хотелось бы повесить у себя в комнате портрет Николая Рубцова или иметь перед глазами фотографию Валентина Распутина. Портреты помогли бы мне в работе, будили совесть. В какое-то время я, может быть, заменила бы их фотографиями Александра Вампилова и Василия Белова, «пообщалась» бы с ними. А в трудные, грустные дни задумалась бы над портретами Бориса Шергина, Виктора Линхосова, Федора Абрамова, Константина Воробьева, Виктора Астафьева... И есть еще немало прекрасных лиц, вглядываться в которые порой так нужно, так важно!

Удивительная это вещь — человеческие лица! Их изображения — живописные ли, скульптурные, фотографические — можно рассматривать часами, почерпывая в них глубочайшую мудрость жизни. Любые лица: и самых простых людей минувших и нынешних времен, и своих дальних и близких родичей, и, конечно же, людей выдающихся, которые близки и родственны целой нации. Неслучайно по всей России еще не так давно, как спасительные островки в море нарастающей бездуховности, появились во многих домах портреты Есенина, а позже — Шукшина.

Почему так притягивают нас лица добрых, близких, мудрых, одаренных собратьев наших? Думаю, что в этом сказывается глубоко укоренившееся у нас и чисто русское качество: жадный интерес и своему ближнему, к человеку вообще. Это подтверждает и вся наша великая литература. Нельзя не согласиться и с замечательным наблюдением фотографа Ю. Н. Садовникова: семейные фотографии, собранные в одной рамке, заменили народу отнятые у него домашние иконостасы, божницы. «Фотографии близких людей были всегда перед глазами, и с ними можно было мысленно переболеть, напомнить себе, что надо послать восточку живым или прикоснуться к заветным думам об ушедших» («Слово», 1989, № 10. С. 3.). Виктор Астафьев в «Последнем поклоне» пишет о деревенской фотографии: «...это своеобразная летопись нашего народа, настоящая история его». Это давняя традиция, свойственная не только жителям деревни, но и горожанам. Вспомним хотя бы знаменитую гостиную Дома-музея П. И. Чайковского в Клину, все стены которой сам композитор украсил портретами близких и люби-

мых ему людей. Но часто рядом с фотографиями семейными помещались и изображения знаменитых личностей, исторических героев, народных любимцев.

К сожалению, лица Есенина и Шукшина теперь можно встретить разве что в галантерейных отделах универсамов, в галантерейном же исполнении. Владимир Высоцкий удостоился лишь фальшивых коммерческих портретов, которыми забиты киоски, — их давно не раскупают. Легко приобрести можно и декоративные образки политиков, и слабые карточки киноактеров, и даже футболистов — в цвете и разнообразном ассортименте. Пестрит город календарями с кинокадрами, роками, манекенщицами, мелькают всюду испитые, фиговые лица...

А как же быть с теми, кто стал близким благодаря своему таланту и не успел еще обзавестись хрестоматийными портретами? Как быть с нашими живыми и безвременно ушедшими, старшими и более молодыми современниками?

И за что же такая несправедливость? Фотографии писателей наших, радителей о душе, о благе народа не встретишь нигде! Насколько мне известно, был недавно издан комплект фотографий тех из них, кто вошел в школьные учебники, но, во-первых, это казенные, унифицированные снимки, а во-вторых, и эти-то негде купить. Раньше еще выручала «Роман-газета»: то и дело мелькал в окошке киоска знакомый портрет, и часто довольно интересный. Теперь вместо этих говорящих обложек нам навязаны малопривлекательные «художественные» корочки, а портреты авторов, тоже не богатые какие, уменьшены и упрятаны внутрь.

И вот, я кощунствую: аккуратнейшим образом изымаю из любимой книги портрет любимого писателя и при этом мысленно прошу у него прощения.

Но ведь и это не решает проблемы! Портреты в книгах не всегда достойны портретируемых, к тому же часто они очень плохо отпечатаны. Жанр портрета в нашем искусстве вообще долго находился в упадке. К счастью, это время проходит, и художники, отказываясь от конъюнктуры и мало кому понятного и нужного самовыражения, начинают обращаться к лицам и душам своих современников или предшественников. Конечно, и в живописи, и в графике, и в скульптуре у нас есть хорошие портреты писателей. Я не имею в виду те сусальные произведения, которые известны уже всему миру, — но где-то, на отдельных выставках, в каких-то телепередачах, в специальных журналах, в мастерских можно встретить интересные творческие работы.

Но когда и где их увидит целая нация? У изобразительного искусства возможности тиражирования крайне малы, несовершенны, а тем более сейчас, когда страна переживает колоссальные трудности... Словом, не до этого стране. И поэтому над скромными кроватями в общежитиях, больницах, в разнообразных квартирках все чаще можно теперь видеть не лица, а нечто невообразимое — в прекрасном, между прочим, полиграфическом исполнении.

Да позволит мне «Слово» обратиться к российским художникам-фотографам с просьбой далеко не личного характера. Фотография — важный и перспективный вид современного искусства. В ее возможностях — массовое качественное тиражирование изображений. Только вы можете подарить России лица любимых народом писателей, композиторов, художников, ученых и других выдающихся людей Отечества. В ваших руках — возможности создания настоящих, высокохудожественных портретов. Как пример назову фотопортреты В. Распутина в двухтомнике его избранных сочинений изд-ва «Молодая гвардия», 1984 г., где, к сожалению, не указан автор работы, а также известные портреты Василия Белова (А. Заболоцкого). Многими материалами вы уже располагаете, — накапливайте новые, запечатлевайте быстротекущее время! Начните с создания фотогалереи русских писателей, от классиков, хорошие портреты которых тоже нелегко найти, до наших признанных народом современников. Воссоздайте в их неповторимых и одухотворенных лицах историю нашей богатейшей литературы, от Достоевского и Толстого до А. Платонова и И. Шмелева, от Твардовского и Шолохова до Е. Носова, от Н. Клюева и А. Блока до Н. Рубцова. Затем эта работа должна найти издателя, чтобы достать портрет любимого писателя не было неразрешимой проблемой, чтобы свято место в наших комнатках не пустовало, и открывались бы в них необъятные миры через лица людей, наделенных высокой совестью и истинным талантом (убеждена, что писатели, проникшие в большую литературу бесчестными путями и подвизающиеся в ней ради сомнительной славы, не смогут быть по-настоящему портретируемы: лицо откроет все). Конечно, такими портретами не надо будет загружать каждый киоск, их получать, может быть, следует по подписке, либо как приложение к журналам... Этот вопрос необходимо хорошо продумать.

Убеждена, что за этот труд Россия скажет вам спасибо.

Обращаюсь также к журналу «Слово», в котором уже публиковались фотографии Б. Шергина и М. Кривоносовой, А. Солженицына, Ф. Абрамова, В. Белова. Помещайте портреты писателей на вклейке или на третьей странице обложки, чтобы их можно было изъять без большого ущерба для издания. Надеюсь, моя мысль найдет поддержку у многих почитателей отечественной словесности.

Т. РОМАНЕЦ
КИЕВ

«Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь познания, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержания». Слова эти из «Повести временных лет» взяты эпиграфом к очередному выпуску молодого альманаха «Прометей», который посвящен тысячелетию русской книжности.

Добросовестно и с любовью подготовлена эта книга. Материалы, собранные под ее обложкой, рассчитаны на читателя вдумчивого. Не перелистывая за страницей страницей, а внимательно вчитываясь и осмысливая прочитанное, обязательно задумавшись над тем, какая великая культура оставлена нам в наследство. Но как долго мы ничего или почти ничего не знали и о нашей первой книге — Евангелии, и об Оптиной пустыни, ее героях — старцах, и о древнерусской духовной лирике... Статьи, очерки, гипотезы об этих и других малоизвестных современному человеку страницах отечественной истории можно прочесть в шестнадцатом выпуске «Прометея».

Здесь же в разделе «Возвращенные страницы» публикуются отрывки из дневника М. М. Пришвина о гибели древнейших колоколов Троице-Сергиевой лавры в 1929—1930 годах, статья П. А. Флоренского «Троице-Сергиева Лавра и Россия», «Слово о Родине» Бориса Зайцева.

В разделе «Биография. Портреты. Жизнеописание» есть интереснейшие материалы, посвященные жизни и деятельности Максима Грака, Н. В. Гоголя, академика А. А. Шахматова. В альманахе также печатаются архивные материалы из фондов издательского отдела Московской Патриархии, издательства «Изобразительное искусство», литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского г. Ленинграда.

Словом, книга эта поможет читателю еще раз прикоснуться к живительному роднику, имя которому — История Отечества.

Д. КОСТРОВА

ПРОМЕТЕЙ: Ист.-биограф. альм. сер. «Жизнь замечат. людей». Т. 16: Тысячелетие русской книжности / Сост. Е. Бондарева. — М. Мол. гвардия, 1990.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Пусть душа

Видения на холме

Взбегу на холм
и упаду
в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснет в глаза кривым ножом монголы!
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь —
Куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот их у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

ЛЕНИНГРАД
1960-1964

В минуты музыки

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Переключаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

1966

Элегия

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

1964

Цветы

По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: — А как назывались? —
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались — «аютины глзвки».

1965

останется чиста

До конца

До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захоластной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой,
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

1968

Тайна

Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!
Словно слышится пение хора.
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...

1970

* * *

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напьюсь,

Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вон Есенин —

на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенок?
Неужели

в свой черед
Надо мною смерть нависнет, —
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?
Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом,
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем,
Но суть не в этом...

1970

По вечерам

С моста идет дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.

Былая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди.
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей впереди!

Какая жизнь отливала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала.
Как веет здесь, чем Русь жила.

Все так же весело и властно
Здесь парни ладят стремяна,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...

1970

ТРАДИЦИИ. ДУХОВНОСТЬ. ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Михаил Булгаков предчувствовал свою судьбу, когда в 1930 году в письме к Советскому правительству утверждал, что его «обручат на пожизненное молчание в СССР». Так оно, собственно, и произошло. «Дьявола» — единственная книга, вышедшая при жизни автора в 1925 году, все остальные — по смерти. Лишь в 1965 году — через четверть века после смерти писателя — «Новый мир» опубликовал «Театральный роман», в 1966 году журнал «Москва» — роман «Мастер и Маргарита», в 1968 году френкфуртский журнал «Грени» — «Собачье сердце», в 1969 году нью-йоркский «Новый журнал» — «Зойкину квартиру». Так началась посмертная мировая слава выдающегося русского писателя XX века Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940), столетие со дня рождения которого исполняется в мае этого года.

Но публикацию материалов к юбилею писателя наш журнал начинает уже с этого, первого номера 1991 года, предоставляя слово булгаковедению Русского Зарубежья.

Одно из самых авторитетных изданий Русского Зарубежья, «Новый журнал», основанный в 1942 году М. Алдановым и М. Цейтлингом, опубликовал статью С. Иоффе «Тайнопись в «Собачьем сердце» Булгакова» [1987, кн. 168—169] с характерной оговоркой: «Печатается в порядке дискуссии». Нам остается только повторить эти слова, добавив, что подобные статьи мы уже и ранее публиковали в «Слове» под рубрикой «Парадоксальные заметки». Таких парадоксов в статье С. Иоффе тоже более чем достаточно, но помимо них статья, вне всякого сомнения заслуживает внимания уже самой попыткой дать расшифровку тайнописи сатиры Булгакова. Тем более, что «дети Шарикова», как и «дети Швондера», уже стали в нашей печати предметом далеко не литературных дискуссий. Конечно, не все в этой статье можно принять даже в качестве гипотезы (в ней есть и фактические неточности), но мы надеемся, что наш читатель достаточно зрел, чтобы разбираться во всем самом, без обычных в таких случаях редакционных комментариев-подстраховок и перестраховок. Статья публикуется без сокращений.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ

С. ИОФФЕ

Тайнопись в «Собачьем сердце» Булгакова

Представим себе, что мы — писатели, живем в Москве, на дворе март 1925 года, и нам надо придумать сатирическую фамилию для Сталина. Один из нас предложил фамилию «Чугункин». Не благородная сталь, а черный, грубый чугун.

Все были довольны, но в нашей компании оказался первый еще тогда булгаковед, большой приятель Булгакова, который сказал, что Михаил Афанасьевич совсем недавно написал мемуарную сатиру «Собачье сердце», в которой Сталин — самый главный персонаж. И назван он Чугункиным.

Не один только булгаковед в нашей компании был знаком с сатирой Булгакова; еще несколько заядлых читателей уже прочитали ее в рукописи. Все в один голос заявили, что Сталиным а «Собачьем сердце» Булгакова и не пахнет, что Чугункин — это художественный образ трактирного балабаника, некоторые органы которого, когда он умер,

были использованы профессором Преображенским для пересадки псу Шарiku.

Булгаковед немного загорячился и заявил, что не только Сталин закамуфлирован в «Собачьем сердце» таким прозрачным образом, с помощью говорящей фамилии «Чугункин», но и другой знаменитый деятель тоже прикрыт совершенно прозрачными именем и фамилией. Горничная Зина Буннина — это Григорий Евсеевич Зиновьев, член Политбюро, Председатель Коминтерна и Председатель Петросвета: Зина-Зиновьев. Фамилия же «Буннина» связана с тем, что «Зиновьев» — псевдоним, а настоящая фамилия Григория Евсеевича — Апфельбаум. Апфельбаум, как известно, по-немецки значит «яблоня»; у Бунина есть знаменитая повесть «Антоновские яблоки», отсюда и фамилия для Зиновьева — Буннина.

Заядлые читатели едва дали закончить булгаковеду, обвинив его в чрезмерной фантазии и напомнив, что Зина — девушка, а Зиновьев — мужчина, к тому же Зина — горничная и медсестра знаменитого профессора-хирурга Преображенского, а не член Политбюро и прочее.

Булгаковед обиделся на эту критику и заявил, что как он сам догадался и как ему подтвердил Булгаков, Преображенский — Ленин, преобразивший Россию из монархии в Бог знает что; его ассистент доктор Борменталь — Лев Давыдович Троцкий-Бронштейн, член Политбюро, Председатель Реввоенсовета, наркомвоенмор, организатор октябрьского переворота и вождь Красной Армии в Гражданской войне; хитрый, мстительный, злобный пес-подлиза Шарик — тоже Сталин, как и Чугункин, но в иной ипостаси и в иное время; и Полиграф Полиграфович Шариков, результат экспериментальной операции Преображенского по пересадке половых желез и гипофиза Чугункина доярке Шарiku — тоже Сталин, уже в третьей ипостаси, когда его выбрали генеральным секретарем РКП(б) (секретари много пишут, «полиграф» по-гречески «много писать»).

Между тем булгаковедом было уже не остановить. Он утверждал, что Булгаков все свои произведения пишет в такой тайнописной манере, создавая сатирико-мемуарную картину своего времени. Со множеством филологических и исторических подробностей булгаковед доказывал, что кухарка Преображенского Дарья — это знаменитый первый шеф ЧК Ф. Э. Дзержинский (и имя ему выбрано такое потому, что в имени «Дарья» и в фамилии «Дзержинский» есть «д» и «р», как в «драть, сдирать»), что председатель домового комитета Швондер — это Лев Борисович Каменев-Розенфельд, член Политбюро, Председатель Моссовета, заместитель Ленина в Совете Народных Комиссаров (опять же шли объяснения, почему Каменеву-Розенфельду дана фамилия Швондер), что сова, которую так любил трепать хитрый и злобный пес-подлиза Шарик — совообразная Надежда Константиновна Крупская, которую так любил поносить товарищ Сталин...

Но постараемся остыть от воображаемой игры 1925 года. Вспомним, что нам известно о «Собачьем сердце».

Булгаков начал писать «Собачье сердце» в январе 1925 года. 14 февраля уже готов был какой-то вариант, который он читал Н. С. Ангарскому, партийцу-ленинцу с дореволюционным стажем, редактору альманаха «Недра», в котором Булгаков напечатал свои «Роковые яйца». (Сюжет «Роковых яиц» замечательно сходен с «Собачьим сердцем», есть и переклички: в «Роковых яйцах» Персиков изобрел красный луч, этот же луч упоминается в «Собачьем сердце» как кара, которая настигнет Преображенского; Преображенский живет в квартире с персидскими коврами: Персиков-персидский.)

В марте 1925 года «Собачье сердце» было передано а альманах. Попытки провести его через цензуру оказались неудачными. Более того, летом 1926 года к Булгакову пришли с обыском агенты ГПУ, рукопись «Собачьего сердца» была у него отобранана, через несколько лет ее с большим трудом удалось вернуть обратно благодаря содействию Горького. Самого Булгакова после обыска, кажется, отвели на Лубянку и допрашивали.

КУЛЬТУРА. Парадоксальные заметки.

Экземпляр «Собачьего сердца», переданный Ангарскому, сохранился в его архиве с надписью явно на случай неприятных вопросов: «Эта вещь не представляет большой ценности ни по замыслу, ни по художественному исполнению».

В 1926 году МХТ, уже репетировавший пьесу, получившую название «Дни Турбиных», предлагал Булгакову инсценировать «Собачье сердце», но и тут вмешалась цензура.

Прошли долгие годы. В 1968 году это произведение было дважды опубликовано на Западе на русском языке. Потом в Париж приехала вдова Булгакова Елена Сергеевна навестить его родственников. Она привезла отредактированную рукопись, которая была опубликована издательством

YMCA-Press в 1969 году. Это издание считается каноническим. В Советском Союзе до 1987 г. «Собачье сердце» никогда не печаталось. Содержание произведения сводится к тому, что профессор-хирург Преображенский, занимающийся пересадкой половых желез обезьян пациентам для омоложения, решает экспериментально пересадить половые железы и гипофиз 25-летнего человека двухлетней собаке «для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем и о его влиянии на омоложение организма у людей». Омоложение не получилось, полученный человек, сохраняющий худшие черты собаки и того человека, чьи органы были пересажены. Новое существо живет в квартире у профессора и своим нахальством, невоспитанностью, алкоголизмом, вороватостью, хулиганской агрессивностью делает жизнь профессора совершенно невыносимой. В драке ассистент профессора вроде бы убивает

лабораторное существо. Профессора даже обвиняют в убийстве, но он неожиданно предъявляет собаку с исчезающими на глазах человеческими признаками.

Уже в этом изложении видны две странности. Первая: почему для выяснения вопроса об омоложении человека надо брать молодого двухлетнего пса и пересаживать ему органы молодого 25-летнего человека? Вторая странность: остается непонятным, был ли собака-человек убит или профессор и его ассистент пересадили монстру сохраненные половые железы и гипофиз собаки, вернув его в собачье состояние.

Впрочем, эти две странности — не единственные в «Собачем сердце». Еще Булгаков говорил, что взаимоотношения носителей говорящих фамилий — в плане аллюзии — это отношения Ленина и Сталина с 1917 года, а может, даже и раньше.

Ленин-Преображенский сначала приблизил Сталина-Шарика, надеясь омолодить, обновить круг людей, на которых он опирался. Старые соратники были либо активно против него (Каменев-Швондер), либо склонны к колебаниям и недостаточно крупны как личности (Зиновьев-Зина и Дзержинский-Дарья). Но, ловко маневрируя, Сталин-Шарик-Чугункин-Шариков сблизился с Каменевым-Швондером. Зиновьевым-Зиной, Дзержинским-Дарьей, в результате чего Ленину пришлось звать на помощь своего давнего соперника, Троцкого-Борменталь. Совместно им удалось одержать временную победу над Сталиным-Шариковым. Можно предполагать, что в конце «Собачьего сердца», написанного в январе-марте 1925 года, речь идет о последних месяцах активности Преображенского-Ленина, до 10 марта 1923 года, в которые Шарик-Сталин достаточно прочно закрепился в пречистенско-кремлевской квартире Преображенского-Ленина.

Но в тексте «Собачьего сердца» есть и другие странности помимо сходства с политическими событиями того времени, в которых интеллигент Булгаков скорее мог быть на стороне «людей с университетским образованием», Преображенского-Ленина и Борменталья-Троцкого, чем на стороне уголовника Шарика-Чугункина-Шарикова-Сталина.

Так, странно, что пес Шарик до знакомства с профессором Преображенским, любителем оперы «Аида», уже встречался с каким-то гримзой, который на лугу при луне поет «милая Аида». Похоже, что этот гримза и Преображенский — одно лицо, Ленин. Ария, возможно, намекает на роман Ленина с Инессой Арманд (первые и последние буквы имени и фамилии «Инесса Арманд» входят в слово «Аида»). Но более раннее знакомство Шарика с Преображенским прекрасно укладывается в давнее знакомство Сталина с Лениным — задолго до того, как Ленин решил приблизить к себе Сталина в 1921 году.

Другая странность — машинисточка Васнецова, которая появляется сначала перед псом Шариком, причем он знает абсолютно все о ее партийном любовнике-председателе вплоть до мельчайших постельных подробностей. При этом машинисточка пытается приласкать Шарика. А позднее, после превращения Шарика в Шарикова, заведующего отделом МКХ (Московское коммунальное хозяйство, т. е. коммунистическое хозяйство, секретариат ЦК), он появляется с любовницей, той же самой машинисточкой. Из чего следует, что пес Шарик-Сталин, он же Шариков-Сталин, был знаком с машинисточкой с давних пор и что любовник-председатель — тоже Сталин.

Машинисточка Васнецова — машинистка МХТа Ольга Сергеевна Бокшанская (урожденная Нюрнберг), секретарь Немировича-Данченко, старшая сестра Елены Сергеевны Нюрнберг-Шиловской-Булгаковой, последней из трех жен Булгакова. Она же Торопецкая (т. е. все делающая быстро) в «Записках покойника» («Театральном романе»), которой так опасался Иван Васильевич (Станиславский). Родилась в Риге в 1891 году в семье податного инспектора и театрала. В 1909 году семья переехала в Петербург, в 1916 году О. С. переехала в Москву. В августе 1919 года поступила работать в МХТ машинисткой. Году в 1921 вышла замуж за бывшего офицера царской армии,

служившего в Красной армии. Брак вскоре распался. Бокшанский, кажется, был знаком с Лениным и Сталиным.

Сама же О. С. Бокшанская, вероятно в МХТе, встретила со Сталиным, тогда уже женатым на Надежде Аллилуевой, и стала его любовницей.

Приехав в Москву в сентябре 1921 года, Булгаков завел много полезных знакомств, среди них — с Бокшанской, роман которой со Сталиным шел на убыль или уже кончился. Сталин, порвав связь с Бокшанской, не прекратил с нею приятельских отношений, она была женщиной большого ума и очарования. Бокшанская жила вместе со своей младшей сестрой Еленой Сергеевной Нюрнберг. Булгаков же сам стал любовником Бокшанской (он был тогда женат на Татьяне Лаппа), через нее познакомился со Сталиным. У Бокшанской Булгаков познакомился и со своей будущей, последней и третьей женой, Е. С. Нюрнберг, до брака с Булгаковым — Шиловской.

Бокшанская способствовала литературной карьере Булгакова. Можно предположить, что она помогала Булгакову с журнальной публикацией «Белой гвардии», что она посоветовала начать переделку «Белой гвардии» в пьесу «Дни Турбиных» до того, как Булгаков получил официальное предложение от МХТа на инсценировку пьесы.

Позднее между сестрами был серьезный конфликт из-за Булгакова, но кончилось тем, что Бокшанская осталась другом Булгакова. Она читала все, что писал Булгаков, — у нее был талант критика и редактора. Она перепечатывала все его произведения. Но главное — по уму и характеру она была подлинная старшая сестра Елены Сергеевны. А без Елены Сергеевны мы, может быть, и сейчас знали бы о Булгакове столько, сколько знали в 50-х годах, т. е. почти ничего. Фактически надо говорить о двух сестрах в жизни и судьбе Булгакова. К нашему счастью, Булгаков сам об этом достаточно позаботился в своих тайнописных произведениях.

В 30-х годах Бокшанская вышла замуж за вктера МХТа Калужского. В созданном накануне войны Комитете по присуждению Сталинских премий, первым председателем которого был Немирович-Данченко, она была секретарем.

Бокшанская пользовалась большим влиянием в МХТе. Ее отношения со Сталиным для многих москвичей, так или иначе близких к Кремлю и МХТу, наверняка никогда не были тайной. Она умерла в Москве 3 мая 1948 года. Ежегодник МХТа посвятил ей большой некролог-статью. Были опубликованы некрологи и в московских газетах.

В научной литературе о «Собачем сердце» Булгакова аллегорический аллюзионный план этого произведения не исследуется, хотя исследованием говорящих фамилий и вообще говорящих аллегорически языковых знаков никто не занимался. Так, проф. Элленда Проффер, ведущий специалист по Булгакову, автор многих статей и большой книги о нем, издатель и редактор 10-томного собрания сочинений Булгакова на русском языке в США, в предисловии к т. 3, где напечатано «Собачье сердце», приходит к следующему выводу: «Аллегория, с которой он (Булгаков. — С. И.) имеет дело, весьма щекотлива. В образе блестящего хирурга, предпринимającego рискованную операцию, легко узнать Ленина, представителя интеллигенции с присущим ему ученым видом. И трудно усомниться в том, что Шарик, этот обаятельный и оригинальный пес, представляет собой определенный тип недалекого русского рабочего или крестьянина, которого большевистская революция превратила в гнусного Шарикова. Таким, каков он есть, Шарикова делает наследственность — никакая среда, будь она коммунистическая или любая другая, не в силах его изменить».

Как читатель уже догадался, я не собираюсь спорить с тем, что Филипп Филиппович Преображенский — Ленин. Более того, я считаю, что не только фамилия, но и имя-отчество профессора — говорящие. «Филипп» по-гречески значит «любитель лошадей», т. е. любитель ездить на лошадах, править лошадьми, отсюда — правитель. А «Филипп Филиппович» — это правитель вдвойне, у которого страсть к политической власти глубоко в крови. Таким и

был политический честолюбец Ленин. Так что Ф. Ф. Преображенский — это правитель в квадрате и преобразователь Ленин. Контрреволюционные же замечания Преображенского, его нелюбовь к рабочему классу и т. д. — это точные по смыслу заявления Ленина в его печатных произведениях последних лет, где говорится, что пролетариат не оправдал надежд партии и партия будет вести страну самостоятельно. Через пять лет после Октября революционер Ленин превратился в контрреволюционного эволюционера, сторонника образованности и культуры.

Отметим одну важную особенность в анализе Э. Проффер. Она совершенно права, обращая внимание на то, что Булгаков знаком с искусством говорящих фамилий: Преображенский — преобразователь. Жаль, что «Преображенский» — единственный пример ее анализа говорящих языковых знаков в «Собачем сердце».

Но если Булгаков считал, что Шарик-Чугункин-Шариков, новый правящий класс России — помесь беспородного пса с ловким преступником, то мог ли он надеяться провести такую вещь через цензуру? Мог ли он так открыто и легкомысленно выступать против святого понятия диктатуры пролетариата? Еще Преображенскому Булгаков мог позволить фрондировать, что тот и делал, но сам Булгаков вряд ли мог быть таким легкомысленным на седьмом году советской власти и ЧК.

И если таков был смысл «Собачьего сердца», то как мог Ангарский, партизано-ленинец с дореволюционным стажем, пытаться опубликовать такое произведение? Я не хочу сказать, что Ленин, Ангарский и многие другие большевики-интеллигенты не могли так думать о советских выдвиженцах из рабочих и крестьян. Они об этих пугачевцах думали еще хуже, не случайно Преображенский в разговоре о Шарикове повторяет слово «уголовщина». Но вряд ли они могли так откровенно выражать свое мнение.

А это значит, что и у Булгакова, и у Ангарского было иное толкование «Собачьего сердца». И для этого толкования они надеялись найти понимание и сочувствие у цензоров, как нашли его с «Роковыми яйцами».

Попытаемся сформулировать это понимание. В борьбе за власть в Советской России 1921-22-го годов было только три претендента: Ленин, Троцкий и Сталин, два интеллигента и сын пьяницы-сапожника, недоучившийся семинарист с очень скромным образованием, человек уголовного типа. В конце 1922 — начале 1923 года больной Ленин хоть и пытался что-то сделать, писал письма из Горько, но фактически вышел из игры. Вспомним Преображенского в конце «Собачьего сердца», посевшего, перенесшего глубокий обморок, от которого он чуть не умер (т. е. удар, Булгаков так и пишет: «при падении ударился головой»), но все еще скользкими перчатками достающего мозги из сосудов. Это — Ленин, любимый, пусть даже скользкими методами пытающийся вернуть упущенное, выгнать Шарика-Сталина из своей кремлевско-пречистенской квартиры.

Без Ленина Ангарским и Булгаковым надо было выбирать между Сталиным и Троцким.

Что еврей по отчеству и фамилии Иван Арнольдович Борменталь — это Троцкий-Бронштейн, нет никакого сомнения, хоть фамилия, имя и отчество у булгаковского Троцкого не такие прямо говорящие, как у Сталина-Чугункина и Зиновьева-Зины. Тем не менее его фамилия «Борменталь» состоит из двух частей: «Бормен-», которая напоминает «Брон-» от настоящей фамилии Троцкого (Бронштейн), и «-таль», в которой есть «т» и «л», т. е. инициалы псевдонима и имени Л. Троцкого. Имя, от которого образовано отчество Борменталь — «Арнольд», — кончается буквами «л» и «д», т. е. инициалами имени и отчества Л. Д. Троцкого. Имя «Иван» — это имя Иоанна Предтечи, каковым в большевистских святцах и был Троцкий, возглавлявший Петроградский Совет рабочих депутатов в революцию 1905 года (роль Ленина в этой революции была намного скромнее) и организовавший для Ленина октябрьский переворот. Заметим, что Борменталь у Булгакова — фигура довольно симпатичная. Отметим

лишь, что отношение Булгакова к Троцкому было разным в разные годы. Так, он выведен в «Дьяволяде» под именем пассивного Яна Собесского, в «Роковых яйцах» под именем нахального журналиста Бронского, в «Мастере и Маргарите» — под именем глупого Лиходеева.

Конечно, среди внепартийных и партийных интеллигентов, среди Булгаковых и Ангарских, интересовавшихся кремлевскими тайнами и будущим России, было немало противников Троцкого. Но в отличие от Каменевых и Зиновьевых, которые считали, что Сталин будет лаять и рычать на их политических противников, а они будут править Россией, Булгаковы и Ангарские понимали всю глупость политической линии Каменева и Зиновьева. Недаром

Преображенский-Ленин говорит, что от Швондера останутся рожки да ножки. Иметь уголовника Сталина-Шарика-Чугункина-Шарикова в качестве владельца кремлевско-пречистенской квартиры было страшноватой перспективой.

Естественно, что Булгаков и Ангарский могли питать какие-то иллюзии об исходе политической борьбы Троцкого со Сталиным. Особенно сильным козырем казалось им «Завещание» Ленина и приписка к нему о Сталине. При публикации «Собачьего сердца» они надеялись на содействие цензоров, ориентирующихся на Троцкого. Но события развивались явно не в пользу Троцкого, поэтому Булгаков раньше, а Ангарский чуть позже отреклись от «Собачьего сердца». Булгаков, в частности, не стал писать слезное письмо в цензуру, как ему советовал Ангарский, и, вероятно, прохладно отнесся к предложению МХТа напи-

сать инсценировку. «Собачье сердце» было написано слишком несложным для современников шифром, чтобы из-за него ломать копья.

О том, что Шарик — Сталин, говорит не только фамилия «Чугункин». Шарик — маленький шар, а Сталин был маленького роста и очень скромного, «дворянского» происхождения. Замечательно, что Булгаков дает самое развернутое в мировой мемуарной литературе описание внешности и личности Сталина. Приведем некоторые детали этого описания в той последовательности, в которой они даны у Булгакова.

«Сколько за... фильдеперс ей (машинисточке Васнецовой-Бокшанской, любовнице Сталина. — С. И.) издевательств надо вынести. Ведь он ее не каким-нибудь обыкновенным способом, а подвергает французской любви; «Надоела мне моя Матрена (жена председателя Сталина. — С. И.), намучился я с фланелевыми штанами, теперь пришло мое времечко. Я теперь председатель, и сколько ни накраду — все на женское тело, на раковые шейки, на Абрау-Дюрсо. Потому что наголодался я в молодости достаточно...»; «Поцеловал а ботик» (Преображенского); «Разрешите лизнуть сапожок» (Преображенскому); «Если я... начну мочиться мимо унитаза...» (Преображенский, намекая на Шарикова); «Пес становился (перед Преображенским) на задние лапы и жевал пиджак, пес изучил звонок Филиппа Филипповича... и вылетал с лаем встречать его в передней»; «пес-подлиза», «мерзавец», «обладал каким-то секретом покорять сердца людей»; «ласковый, хотя и хитрый»; «люб кошени и низок»; «...производит впечатление маленького и плохо сложенного мужчины»; «Улыбка его неприятна и как бы искусственна»; «Ругался (матом). Ругань эта методическая, беспрерывная» (Сталин был большой специалист по части русского и грузинского мата); «С уалечением ест селедку» (в 30-х годах Сталину выпускали специальные сорта селедок из Скандинавии); «усулоано каторга на 15 лет» (до смерти в возрасте 25 лет Чугункин совершает преступление, за которое должен был получить 15 лет каторги, но вывернулся и приговор был условный. Как не вспомнить знаменитое ограбление Тифлисского банка, когда Сталину было немногим больше 25 лет); «голова маленькая»; «человек... несимпатичный наружности. Волосы... на голове... жесткие... а лицо покрывал небритый пух. Лоб поражаля своей малой вышиной. Почти непосредственно над черными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щетка»; «мутноватыми глазами поглядывал»; «Голос у него был необыкновенный, глуховатый и в то же время гулкий»; «Дикарь! ...я положительно не видал более наглого существа, чем вы» (Преображенский); «Вы стоите на самой низшей ступени развития... вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, и вы... позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости...» (Преображенский); «В словах (Преображенского о Шарикове) несколько раз звучало... слово «уголовщина».

Зовут Чугункина-Шарика-Шарикова-Сталина Клим Чугункин. Как известно, так звали Клина Ворошилова, в те годы — одного из видных деятелей Красной Армии. Именно на воиска, возглавляемые Ворошиловым и Буденным, опирался Сталин в своей борьбе с Лениным. Как известно, командный состав Красной Армии состоял, с одной стороны, из Ворошиловых, Буденных, Чапаевых, Дыбенко, т. е. из рабоче-крестьянской пугачевской вольницы, а с другой — из бывших царских специалистов, Ленин и Троцкий опирались на бывших офицеров, а Сталин — на пугачевцев. В решающий момент борьбы между Лениным и Сталиным пугачевцы оказались сильнее офицеров.

Теперь можно объяснить последнюю странность «Собачьего сердца». Борменталь вроде бы придушил Шарика-Шарикова, но тот оказался жив и здоров, прочно устроился в квартире Преображенского, от которого осталась

тень прежнего, более того, в квартире не видно Борменталь. Объяснение простое. Попытки Ленина и Троцкого остановить рвущегося к власти Сталина увенчались временным успехом, но затем Ленин и Троцкий потерпели поражение, а Сталин обосновался в Кремле.

Сцена, в которой Шарик тяпнул за ногу Борменталь, — намек на известный конфликт между Троцким и Сталиным во время гражданской войны в 1919 году. У Троцкого главкомандующим был полковник царской армии И. И. Вацетис. Сталин же добивался назначения на этот пост своего тогдашнего ставленника С. С. Каменева, тоже полковника царской армии. Когда Ленин уступил Сталину, Троцкий подал в отставку. Но Ленин уговорил его отказаться от отставки. Так Сталин-Шарик тяпнул за ногу Троцкого-Борменталь, так Троцкому пришлось проглотить пилюлю.

Поступление Шарикова на работу заведующим подотделом Московского коммунального хозяйства — это, конечно же, назначение Сталина на пост генерального секретаря РКП(б) 3 апреля 1921 года. Историкам было неясно, по чьей инициативе состоялось назначение. Сталин позднее утверждал, конечно, что оно произошло по инициативе Ленина. Вопрос обсуждался историками без конкретных результатов. Булгаков совершенно недвусмысленно говорит нам, что назначение Шарикова-Сталина состоялось по инициативе Швондера-Каменева без ведома Преображенского-Ленина.

Почему Зинаида Бунина — Зиновьев-Апфельбаум, мы уже сказали. Имя для ее отчества, «Прокофьевна» — выбрано не случайно. «Прокофий» значит «настоящий, целеустремленный»: таким можно было тогда считать Зиновьева, у которого были честолюбивые планы. Зина — горничная, иногда привлекаемая Преображенским к операциям, но боящаяся крови. Как политический деятель, Зиновьев не шел ни в какие сравнение с Лениным, Троцким, Сталиным. Зина-Зиновьев — не больше, чем прислуга, настроенная против Шарика-Сталина, то за него.

Выше уже говорились, что Дзержинский — кухарка Дарья Петровна Иванова. Ее отчество и фамилия — широко распространенные, заурядные имена. В большевистском руководстве при Ленине Дзержинский шел всегда вторым сортом, его никогда не выбирали в Политбюро. Еще больше мы убеждаемся в том, что Дарья — Дзержинский, заглянув на кухню Дарьи Петровны, где она «как яростный палач» «острым узким ножом... отрубала беспомощным рябчикам головы и лапки», «с костей сдирала мясо»; «за слонка с громом отпрыгивала, обнаруживая страшный ад; ее «лицо... горело мукой и страстью, все, кроме мертвого носа». После этого нельзя не понять, что кухня — Лубянка, а кухарка — железный Феликс.

Кстати сказать, мертвенный нос Дарьи-Дзержинского отнюдь не плод творческого воображения Булгакова. Роберт Пейн, автор книги о Ленине, описывая внешность Дзержинского, говорит о «бескровных крыльях носа».

Фамилия «Васнецова» дана Ольге Бокшанской в честь знаменитого художника В. М. Васнецова и его картины «Аленушка». Имя «Аленушка» переключается с «Ольги».

Большая квартира Преображенского на Пречистенке, в которую он не дает вселиться Швондеру-Каменеву, но в которой уже живут Шарик-Чугункин-Шарикова-Сталин, Борменталь-Троцкий, Зина-Зиновьев и Дарья-Дзержинский, — это кремлевская резиденция Ленина, в которую он согласен допустить только довольствующихся малой толикой власти.

Чучело совы со стеклянными глазами, набитое красными тряпками, пахнущими нафталином — Крупская с выпученными от базедовой болезни серыми стеклянными глазами, набитая коммунистической идеологией.

Портрет профессора Мечникова, специалиста по долголетию, учителя Преображенского — портрет Маркса, учителя Ленина. Пес Шарик сорвал со стены и разбил портрет Мечникова, т. е. Сталин пренебрег учением Маркса. Но характерно, что и Преображенский не отдает распоря-

жения вновь застеклить портрет; Маркс больше не нужен Ленину.

Раз уж речь зашла о марксистских интересах персонажей «Собачьего сердца», то надо вспомнить о неожиданном для Шарикова, но естественном для Сталина интересе к переписке Энгельса с Каутским, в которой малограмотный марксист Сталин ничего не понял. Преображенский-Ленин велел сжечь переписку Каутского, которого Ленин в эти годы сильно ругал (Преображенский обзывает его чертом).

Шариков-Сталин называет Зину-Зиновьеву социал-прислужницей Преображенского-Ленина, а самого Преображенского-Ленина — меньшевиком. Шарикова-Сталин намекает на тайный союз Преображенского-Ленина и Борменталь-Троцкого против него: Борменталь, «тайно не прописанный, проживает в его (Преображенского. — С. И.) квартире». Борменталь-Троцкий вспоминает о своей первой встрече с Преображенским-Лениным: явился к нему полуголодным студентом (Троцкий молодым человеком явился к эмигранту-Ленину на квартиру в Лондоне и тот отнесся к нему очень тепло).

Легко понять, в каком направлении надо искать «кто есть кто» среди пациентов профессора Преображенского. В молодящейся старухе нетрудно опознать Александру Михайловну Коллонтай (год рождения 1872). Она была первым наркомом государственного призрения, видной партийкой, дипломатом. Ее молодой любовник Мориц, изменяющий ей направо и налево, — знаменитый моряк Дыбенко, командарм из породы малограмотных Буденных и Ворошиловых (год рождения 1889).

Толстый и рослый человек в военной форме, сообщивший Преображенскому-Ленину о кознях Шарикова-Сталина, — С. С. Каменев, полковник царской армии, в 1919-1924 годах — главкомандующий вооруженными силами республики.

Домоуправ Шаондер, яростный и язвительный противник Преображенского — это Л. Б. Каменев-Розенфельд, председатель Моссовета (отсюда — домоуправ). «Розенфельд» по-немецки значит «поле роз», а «шванд» — «склон холма». Булгаков одновременно намекает на семантическое сходство слов «поле» и «холм» и на политический уклон Каменева. Историкам известно, что Каменев долгое время поддерживал Сталина, но отношения между ним и Лениным выглядели нейтральными. Булгаков-историк открывает нам исключительное озлобление между двумя «партай-геноссами».

Двое из спутников Швондера легко опознаются. Блондин в папаче — П. К. Штернберг (год рождения 1865), видный большевик, член партии с 1905 года, профессор-астроном. Его любовница Вяземская — В. Н. Яковлева (год рождения 1884, 19 лет разницы), секретарь МК в то время, член партии с 1904 года и прочая. Они познакомились, когда Яковлева была студенткой, а Штернберг — профессором Московского университета. Она была очень красивая женщина, настоящая русская красавица. Такие красавицы изображались на вяземских пряниках, отсюда ее фамилия Вяземская.

При желании нетрудно выяснить и остальных двух визитеров Преображенского-Ленина: нужно взять периодику того времени и поискать среди членов Московского комитета партии. Да и вообще обращение к периодике могло

бы помочь установить много подробностей: кто был кот с голубым бантом, с которым подрался Шариков-Сталин; кто — старуха в юбке горохом; кто — блоха, которую Шариков-Сталин изловил у себя под мышкой и т. д.

Все эти вопросы, т. е. выяснение подробностей и деталей, как они ни важны для историков, здесь мною не ставились. Основной задачей сейчас, по моему мнению, является сама постановка вопроса. Литературоведы и историки должны понять, что перед нами не просто художественное произведение Булгакова, но целый мемуарный сатирический цикл, в который не вошли разве только фельетоны. Основная задача сейчас — дать каждому тайнописному произведению Булгакова первичную расшифровку.

Рисунки АРТЕМИЯ ИГНАТЬЕВА.

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ! ТОЛЬКО В «СЛОВЕ»!

Учитывая огромный интерес к творчеству М. А. Булгакова, «Слово» отметит столетний юбилей писателя публикацией ранней полной редакции романа «Мастер и Маргарита», не подверженной ничьим вмешательствам, кроме самого автора, и потому существенно отличающейся от опубликованного текста. Авторская рукопись носила название «Великий канцлер (Консультант с копытом)». Мы печатаем ее полностью с № 4 по 7. Публикация и комментарии В. И. Лосева, известного исследователя рукописного наследия великого русского писателя.

И я, оглядев и осмотрев всех, увидел одну, ту, что прекраснее всех..., имя которой было София, значит Мудрость, и ее я выбрал.

Житие Константина-Кирилла, гл. III.

...Мы — народ софийный...

П. А. Флоренский. Из письма 1 авг. 1912 г., Сергею Посад.

Мы — народ софийный

Русская энциклопедия — это портрет нынешней культуры России и ее истории, ансамбля ее наук — исторических, филологических, философских и богословских, ее этнографии, литературы, всех ее искусств, военного дела, экономики, включая сельское и лесное хозяйство, строительство, архитектуру и технические науки, географию, геологию, биологию, медицину, экологию, естественные науки — физику, химию, математику, педагогику, юриспруденцию.

Но Русская энциклопедия — это также рецепция (восприятие) русской культурой всего значительного, что есть в мировой культуре. Иначе и быть не может, отвечаем мы тем, кто хотел бы замкнуть русскую культуру, Русскую энциклопедию на себя и в себе, сектантски твердя, будто Русская энциклопедия — это «русские о русских»... А друзья русской культуры во всем мире — разве они не помогают строить здание русской культуры, разве они не откликнулись на дело Русской энциклопедии? И можем ли мы о них забывать? Но, кроме дружеской атмосферы, которая так нужна Русской энциклопедии, позволительно вспомнить и о космизме русской культуры — ее открытости миру, а тем самым — о ее чуждости всяческому герметизму. Нам видится в этом сильная черта культуры, не случайно все более привлекающая к себе внимание людей мыслящих и непредвзятых. Как пример я назову здесь значительную научную сессию «Русский космизм и ноосфера», недавно прошедшую при Московском физико-техническом институте.

Раз уж мы заговорили как бы о параметрах русской культуры (и о них естественно говорить, предвзято деятельность в связи с Русской энциклопедией), то в их числе следует назвать, наряду с космизмом, и софийность, то есть всегдашнюю обращенность к бытийным вопросам и никогда не прекращающиеся поиски ответов на них. Это говорит не только о созерцательном и не всегда и не самом деятельном русском складе ума, но и о той неотъемлемой внутренней свободе, о которой не грех напомнить тем, кто поведился отказывать нам и нашей истории в свободе внешней.

Ну, и наконец — соборность русской культуры, ее тоже надо назвать в этом ряду, поскольку она сделалась предметом интереса — здорового и в еще большей степени нездорового. Я не берусь здесь исчерпывающе объяснить понятие соборности, безусловно весомое и сложное по при-

чине отнесенности и к русскому традиционному быту, и русскому складу ума, надеясь, что наши философы и филологи еще прояснят нам ее сущность. Одно можно утверждать определенно — это наличие здесь устойчивой антитезы выраженному индивидуализму и эгоизму.

Космизм, софийность, соборность... Я далек от мысли утверждать, что ими исчерпывается дух русской культуры, еще более того далек от мысли зачислить эти черты в самые замечательные из всех вообще возможных. Просто чем больше я размышляю на эту тему (а, смею заверить, в своих размышлениях о духе русской культуры я опираюсь и на собственные научные поиски древнейших этнических и культурных судеб славянства), тем более адекватными русскому этнокультурному типу представляются мне именно эти параметры. Как бы то ни было, мы унаследовали их — со всеми плюсами и минусами, они всегда с нами, как бы ни камуфлировала их жизнь. И ясно, что речь идет о крупной и самобытной культуре, в которой всегда можно почерпнуть и силу, и жизненную уверенность. Порой кажется, что это самое незыблемое, что у нас еще осталось... Над всем прочим или почти над всем нависла девальвация.

Речь к тому, что Русская энциклопедия сейчас нужна как никогда. Русская энциклопедия — которой у нас нет и в сущности не было. В разное время за последние два года и в разных изданиях я высказывал свои соображения по этому поводу. У нас, у русских, это далеко не первый случай, когда мечтания «обгоняют действительность». Что сейчас можно еще сказать, особо не повторяясь и как бы взнуздав свою мечту с целью приведения ее в некоторое соответствие с действительностью, которая складывается, увы, тоже «по-нашенски»? Будет ли образован в составе новой Российской академии наук институт Русской энциклопедии — небольшое научное учреждение а поддержку этой большой общественной инициативы (ведь в Казанском филиале АН СССР существует сектор татарской энциклопедии...)? Будет ли преодолён нынешний режим наименьшего благоприятствования, раскол, разброд, безденежье?.. Наименьшее благоприятствование — это я о тех, кто питает, деликатно говоря, «очень личное» чувство к русской культуре, лелеет мысль о ее «археологичности» и — чтоб при этом никаких русских энциклопедий. Больше я о недоброжелателях говорить не буду. Далее следуют «друзья», такие, с которыми, как говорится, враги не нужны. «Друзья» эти взломали все мои стереотипные представления о русском этнокультурном типе, сменили во всяком случае софийность на бешеную предприимчивость, скромный научно-общественный совет — на фешенебельный «центр», пока еще осененный лозунгом Русской энциклопедии, но уже, как говорится, подымая планку выше, — ни дать ни взять совместное предприятие, «джойнт венчер» (так, кажется, на огоньковском английском?). Перспективы? — «Мы просто обречены на успех»... «Будем делать деньги на сопутствующих изданиях»... «Заграница нам поможет, особенно один симпатичный миллионер»... «Русская энциклопедия? Да, да, хотя это уже не издание, это — движение...»... «И вообще, сперва сделаем энциклопедию для крымских татар, для всех народов Северного Кавказа, они почти готовы, провернем международную элитарную школу-лицей»... «и встречу в Сочи...» Все почти стенографически точно.

Вы верите этой галиматсе, читатель? Я тоже не верю, но мне не до шуток. При подобной неустойчивости психики слишком большая деловитость опасна социально. Да и дефицит культуры никаким красноречием не прикрыть. Что еще сказать о «друзьях» Русской энциклопедии? Встретив сопротивление нижеподписавшегося, красноречие ушли в свой «центр», предварительно дезорганизовав совет, но не забыли при этом прихватить финансовый счет совета Русской энциклопедии, переведя его на свой «центр» (виноват, забыл, что он именуется «культурным» и теперь даже, кажется, «всесоюзным»). Это я к тому, читатель, чтобы вы знали, откуда там у них с тех пор высокооплачиваемые ставки. Так сказать, штришок к портрету. Не для того, конечно, народ слал свои рубли и жертвовали спонсоры, пове-

рившие в Русскую энциклопедию... Жаль всех, конечно, ибо на этом пути не обрящете вы Русскую энциклопедию. И концепции не дожидаетесь. Хотя субъекты эти пугают доверчивых, что они не ту еще концепцию РЭ придумают, вот и словарь (нет, хуже — рубрикатор) генеральный, один на всех, значит, спустят, но всё недосуг, «встреча в Сочи» поджигает.

Русская энциклопедия тут, естественно, ни при чём. Оставим криминальный (хотя не придуманный!) сюжет. Концепции энциклопедий не в «движениях» и на «встречах» вырабатываются, а по старинке, в тиши кабинетов. И хорошо — когда опыт сходный имеется и что-нибудь похожее на устойчивость-усидчивость. И не сверху, как в агропроме, всё это должно идти, а снизу, от специалистов, которые сами лучшим образом всё знают, особенно, если организовались в секции по специальностям. Генеральный словарь? Он потом сложится — как объективнейшая сумма всех десятков специальных отраслевых словарей, из реализации которых составит универсальная Русская энциклопедия. Впрочем, об этой своей концепции двухступенчатой модели словаря будущей Русской энциклопедии я уже писал в широкой печати.

Где мы сейчас находимся? Действительность руками доморощенных и не очень чистоплотных бизнесменов отбросила нас назад. Это сбилось с толку часть энтузиастов и спонсоров, нанесло ущерб идее. Бизнесменам этим, видать, нечего терять, как нам когда-то рассказывали о пролетариях. Тем же, кто болеет за Русскую энциклопедию, а не о своём самоуверждении печётся, стоит серьёзно задуматься о невозвратимо теряемом времени. Но не всё потеряно. Остались еще энтузиасты, прибывают новые, надемся, что и у старых глаза откроются, что не о «встречах» и «школах-лицеях» они мечтали, а всё же о заглавной, так сказать, идее. По сему случаю предлагается из небедного арсенала старой русской культуры и общественной жизни взять для примера практику «малых дел». Не оставлять втуне усилия секций Русской энциклопедии, не останавливаться им в самом начале пути, больше того — максимально сократить путь от авторов (а их у Русской энциклопедии немало, и это подороже всякой валюты), организовать скорейший выход самых разных материалов на самые разные энциклопедические темы. Назовём эти статьи «пробными», ознаменовав тем их предварительный характер. Самое оперативное и осуществимое, что мы можем сделать уже сейчас для нашей великой задачи — это открыть рубрики «Русская энциклопедия — начало пути» в наших ведущих журналах. Такая рубрика с начала 1990-го ежемесячно функционирует в журнале «Народное образование», имеется договоренность с журналом «Художник». Пользуясь приятным долгом, чтобы адресовать слова благодарности журналу «Слово», также открывающему такую рубрику на своих страницах. А теперь слово — специалистам, им, как всегда, есть что сказать к нашему вящему духовному обогащению.

О. Н. ТРУБАЧЕВ,
член-корреспондент АН СССР,
председатель Совета
Русской энциклопедии

Н. Р. ГУСЕВА

Прародина языка

Наталья Романовна ГУСЕВА — крупнейший специалист по истории и культуре Индии. доктор исторических наук, лауреат Международной премии имени Дж. Неру, член СП СССР. Автор более 150 работ, среди которых «Индуизм» (М., 1977), «Художественные ремесла Индии» (М., 1982), «Многоликая Индия» (М., 1987), «Раджастханцы» (М., 1988).

Фото НИКОЛАЯ КОЧЕВА

Начиная с XVIII века, лингвисты стали уделять большое внимание поискам самого древнего, исконного праязыка, который был зародышем, а затем и корнем, питающим все складывающиеся и развивающиеся языки мира.

В XIX веке разгорелись жаркие, не стихающие и в наши дни, споры по вопросу о самой возможности существования такого языка. Основным аргументом противников этой гипотезы является то, что останки прапредков человека были найдены (а, возможно, и еще будут найдены) на территориях, настолько отдаленных одна от другой, что ни о какой языковой общности или даже близости в ту эпоху говорить невозможно. А значит, у каждого зарождавшегося человеческого коллектива складывались свои разновидности речи, формы которой множились и развивались в процессе количественного разрастания и расселения каждой данной группы древнейших людей; общность или сходство отдельных слов могло появиться лишь в период начавшихся взаимных контактов этих групп.

Датировка таких контактов недостижима для науки, как и вообще еще не определено время появления человека — одни считают, что он жил на земле уже 2—3 млн. лет тому назад, а другие — что только 100 тысяч лет. В этом интервале ведутся поиски, которыми заняты палеоантропологи, исследующие костные останки, и археологи.

Но все же многие исследователи соглашаются с тем, что существовало, видимо, несколько основных очагов зарождения человека, а значит и несколько исходных языков, к которым можно возвести все множество форм

речи, сложившихся в процессе дальнейшего эволюционного развития.

Поиски прародины человечества, как и поиски праязыка или праязыков, ведутся учеными свыше двух столетий, и все время расширяется охватываемый в этот круг специалистов, посвятивших себя самым разным наукам, на первый взгляд далеким от лингвистики, — геофизике, климатологии, астрономии, палеогеологии, палеоботанике, медицине и т. д.

Попытки найти прародину приводили исследователей в разные области земного шара. Мысль о том, что прародина человечества могло оказаться, например, в Заполярье, тоже зарождалась в умах ученых и находила свое отражение во многих их трудах уже в XIX веке. Заметное воздействие на подход к этой проблеме оказала книга американского историка В. Уоррена «Найденный рай, или колыбель человечества на Северном полюсе», выдержавшая десять переизданий (последнее — в Бостоне в 1893 г.). В дальнейшем чаша весов склонилась в сторону преобладания гипотезы о более южной зоне сложения человечества, а именно — в северных областях Германии или в Скандинавии.

Во всех этих поисках привлекает внимание тот факт, что более узкая цель исследователей на Западе свелась во многом к попыткам выявить прародину не столько человечества вообще, сколько индоевропейцев, то есть народов, языки которых наука объединяет в обширную индоевропейскую семью. Постепенно утвердилось мнение, широко принятое и у нас, что местом сложения индоевропейской общности была Юго-Восточная Европа к северу от Черного моря, Кавказа и Каспия, то есть южные области нашей страны.

Самое слово «индоевропейцы» появилось в результате выявления целых пластов сходных элементов языков и мировоззренческих представлений, свойственных европейцам и индоиранцам (то есть предкам индийцев и иранцев), которые известны в науке как арии, или арии, а в широкой литературе часто именуемые арийцами (их языки тоже относятся к индоевропейской семье).

Лингвисты обнаружили близость грамматического строя всех индоевропейских языков, сходство, а иногда и прямые совпадения целого ряда слов и общность путей словообразования от однородных корней. Сравнение же верований, обычаев и фольклора — особенно в их наиболее древних слоях — заставляло исследователей уделять все более пристальное внимание взаимной близости культур индоевропейских народов и искать пути к объединению всех этих фактов. В XIX—XX веках многие европейские ученые стали пристально заниматься вопросом происхождения так называемой арийской расы, которая, по одной версии, признавалась коллективным предком всех индоевропейских народов, а по другой — лишь кельтов и германцев.

Сначала искали их родину в Центральной Азии и даже в Гималаях, что уже является абсурдом с точки зрения любой отрасли науки. Вместе с тем, ряд сторонников предположения о ближайшей связи «арийской расы» (откуда бы она ни произошла) с германцами вышел в своих поисках далеко за рамки научных исследований, что и

привело в XX веке к утверждению об «арийстве» немцев и «неарийстве» других народов.

Колонизация Англией Индии открыла европейским ученым в конце XVIII и в XIX вв. доступ к ознакомлению с языками и культурой этой страны. Это привело к изучению древнеиндийских текстов и к интенсивному росту поисков в области сопоставления широкой шкалы ценностей духовной и материальной культуры всех народов. Исследователей привлекало изучение памятников древнеиндийской литературы, являющихся истинными сокровищами знаний. В их ряду первое место занимает Веда — четыре сборника гимнов и ритуальных правил и предписаний. Веда неоднородна и по характеру текстов и по их содержанию и значимости. Главной считается Ригведа — сборник гимнов, в которых воспеваются боги, воспеваются процесс жертвоприношений и его результаты, воспеваются роль жрецов — брахманов.

Ученые датируют окончательное оформление Ригведы третьей четвертью II тысячелетия до н. э. и усматривают место ее формирования в области северо-запада Южно-азиатского субконтинента (то есть в северной части современного Пакистана и в северо-западных районах современной Индии).

Итак, здесь Ригведа оформилась и окончательно сложилась. А где же она складывалась? Вот это до сих пор остается загадкой для всех. В самой Ригведе, как и в комментариях к ней и в других древних текстах, встречаются упоминания о многих странах, через которые прошли древние арии, авторы ее гимнов, но какие это были страны и где лежали упоминаемые земли — неизвестно. Да и длительность всего периода сложения гимнов тоже пока никто не уточнил. Сколько он длился — триста, пятьсот или тысячу лет? Или пять тысяч лет? Точного ответа не существует.

Ученые определили только язык памятника, назвав его ведическим, или ведийским языком или ведийским санскритом. Он был профессиональным языком жрецов, языком их молитв и заклинаний, и являл собой своеобразный комплекс зафиксированных метрических и словарных форм, не подвергавшихся изменениям. (Кстати, язык Вед и в наши дни в Индии сохраняется в своих древних формах — в этом смысле он аналогичен, например, церковнославянскому, который тоже не подвергнут изменениям при проведении церковных служб.)

И тут встает перед нами новый вопрос — а когда же был так твердо зафиксирован в своем развитии язык Вед? Язык народа в повседневной его жизни меняется из века в век, а в некоторых своих частях даже из года в год. И опять же, почему разные гимны Ригведы неоднородны? Видимо, потому, что в их основе некогда лежали разноречивые формы языков — или диалектов? — нескольких племен.

Ясно только одно — на основе древних диалектов, принесенных на субконтинент ариями, сложился впоследствии ряд языков, формировавшихся по тем законам исторического развития, которые свойственны всем языкам мира. И в дальнейшем этот процесс привел к сложению среднеиндийских языков, или пракритов, известных уже

по памятникам литературы I тыс. до н. э., а вслед за ними (в I тыс. н. э.) — и новоиндийских языков, на которых, в современной их форме, говорят в Индии многие миллионы людей.

Язык же Вед, повторяем, сохраняется в абсолютной неприкосновенности в течение почти четырех тысячелетий в самой Индии. А что было с ним до этого?

Вслед за учеными Запада широкую работу начали и русские востоковеды, хотя, к сожалению, изучение Индии во многих аспектах развернулось в Советском Союзе только к середине XX в. Могучим стимулом активизации этого процесса послужило освобождение Индии в 1947 г. от колониального рабства. В самой Индии издревле существует высокообразованная наука. А точнее — много наук: математика, астрономия, поэтика, медицина, наука о театре, танце, архитектуре и т. д., и т. п. В том числе и наука о словах, о строении слов и их сочетаниях, об их явных и скрытых значениях, морфологической структуре, то есть широкая и совершенная наука о языке. И в частности, о санскрите (это слово значит «отделанный, отточенный, усовершенствованный» во всех его формах — ведийской (или ведической), эпической и классической. Этим трем формам санскрита посвящено великое множество исследований, написанных и европейскими, и индийскими учеными.

Большинство исследователей считает, что три указанных формы санскрита следует считать исторически последовательными, равно как и отраженные в древних памятниках этапы развития общества. Но есть и те, кто в этом сомневается, потому что такое произведение древнеиндийского эпоса, как, например, всемирно известная поэма «Махабхарата», хранит в себе ряд указаний на старину, более глубокую, чем та, которая отражена в Ригведе. И это тоже предстает перед специалистами как вопрос, на который пока еще нет определенного ответа.

Длинный ряд резительных сходжений индоарийских и европейских языков заставлял ученых отдавать предпочтение то одной, то другой группе из числа последних, сближая их с санскритом. Одно время даже считали его праматерью всех индоевропейских языков, но постепенно почти все отказались от мысли о языке-предке. Зато подсчет сходжений выявил неожиданную для многих картину: выяснилось, что наибольшее их количество приходится на славянские языки и в основном на восточно-славянские, то есть русский, украинский и белорусский, а затем — на литовский.

Признаю, что общеславянская основа сложилась, по одним утверждениям, во II тыс. до н. э., а по другим — гораздо раньше (так, венгерский ученый Харматта относит ее к V тыс. до н. э.). Это произошло в процессе постепенного распада индоевропейской общности, сформировавшейся в VI—IV тыс. до н. э. на территории Юго-Восточной Европы. Племена древних славян долго жили в тесном единстве с балтийскими народами, а затем определились как отдельная культурно-языковая группа.

В процессе разделения индоевропейских народов стали уходить и их восточные ветви — племена арьев. Вероятным временем их отделения

признается II тыс. до н. э., то есть их тесное соседство (если не родство) со славянами длилось гораздо дольше, чем их контакты и культурная близость с другими племенами обширной индоевропейской общности, отходившими от нее на запад уже в V—IV тыс. до н. э., а частично и раньше. Непосредственные связи арьев со славянами при отходе на восток и юго-восток арийских племен нарушились, но не разрушились. И не разрушились потому, что оставались на прежних землях скифы — прямые потомки арьев. Скифы были в I тыс. до н. э. столь близки славянам, что древнегреческие историки и географы не различали их (вспомним А. Блока: «Да, скифы мы...»).

Массы арьев, или индоиранцев, разделились по мере отхода к югу и востоку на две главные группы: обособились иранские языки, а другие легли в основу индоарийских. У той и другой группы народов — носителей этих языков — возникли свои связи с другими языковыми группами, но все это только часть проблемы. С каждым годом нарастает интерес к гораздо более ранней эпохе и к вопросу — а откуда же вообще пришли на земли Восточной Европы предки индоевропейских народов?

Исследователи определили и территорию формирования, и факт длительного существования (принято считать, что не менее 4 тысяч лет) на ней индоевропейской общности. В 1970–80-х гг. многие ученые начинают уверенно приходить к мысли о более широкой, чем полагали раньше, области расселения восточной ветви этой общности. Древним индоиранцем приписывается создание археологической культуры, вошедшей в науку под названием андроновской. Ряд памятников этой культуры обнаружен по обе стороны Уральского хребта, и большой интерес вызывает то, что их обнаруживают на территории Восточной Европы далеко к западу от Урала.

Упоминается ли начальная исходная земля арьев в Ригведе, в другой ведической литературе и в Авесте? Веда — память о ней должна была отразиться в Ведах, в великих книгах знания, а также в эпосе. (Здесь, кстати, хочется напомнить читателю, что в славянских языках корень «вед» тоже породил много слов, связанных со значением «ведать (знать)». Можно, например, вспомнить, как говорится, для интереса, что в белорусском обществу «Знание» так и именуется в наши дни «Веда», уже не говоря о близости к санскритскому «вид-вед» наших слов «видеть-ведать», восходящих к той эпохе, когда познание мира определялось в первую очередь видением его, «ведун», «ведовство», «сведение» и ряд других.)

Что же отражено в Ригведе? Какие реалии прародины индоевропейцев и в том числе арьев? И отражены ли они там? Можно ли выявить воспоминания именно об этой далекой прародине в ряду смутных описаний тех стран, через которые лежал путь арьев в страну Индии? И остались ли в этих странах хоть какие-нибудь следы арьев?

Да, в известной мере можно. И не только в древнеиндийской литературе, но и в коллективной памяти других индоевропейских народов и прежде всего славян. Например, мы знаем, благодаря трудам наших лингвистов, что многие реки и местности нашей страны

сохраняют арийские названия, что на Таманском полуострове жил некогда народ, носивший название «скиды» («синд — Инд — хинд — Хиндустан — Индия») — это единый лексический круг). И там, и в Крыму, и на Украине, да и по всей Руси, включая приполярные области, осталось много географических названий, связанных с арийско-славянской древностью: множество данных об этом содержат, например, исследования ведущего советского лингвиста О. Н. Трубачева (и в частности, его книга «Названия рек Правобережной Украины», М., 1968).

Но все, что здесь сказано, связывается с пребыванием арьев в Юго-Восточной Европе и с началом их пути мимо Северного Кавказа и Южного Урала, то есть с долгим, но сравнительно поздним периодом, окончившимся для подавляющего их большинства во II тыс. до н. э.

А раньше-то где они были? Возвращаясь к полярной гипотезе, скажем, что уже в XIX в. она обрела много сторонников. Не углубляясь здесь в ход научных дискуссий, в которых участвовали и участвуют многие специалисты из разных стран, задержим наше внимание на одном из трудов, который сразу же после опубликования привлек к себе интерес специалистов всего мира.

Это книга известного индийского ученого, знатока санскрита во всех его формах, Б. Г. Тилака (1856—1920). Он был не только историком, но и революционером, демократом, известным общественным деятелем, непримиримым борцом за независимость Индии. Его преследовали колониальные власти, но и в тюрьме, подобно Джавахарлалу Неру, он занимался древней историей родного народа и исследованием текстов Вед.

Книга Тилака, которая была впервые опубликована в 1903 г., а затем неоднократно переиздавалась, называется «Арктическая родина в Ведах». С этим трудом знаком каждый серьезный исследователь.

Не исключено, что толчком к его написанию послужила упомянутая выше работа американского ученого В. Уоррена (Тилак завершил свой труд в 1898 г., через пять лет после десятого переиздания книги Уоррена), а возможно и ряд попыток других специалистов проследить в Ведах и Авесте намеки или прямые указания на близкое знакомство древнего человека с природой Заполярья, а главное с движениями светила в крайне северных областях Земли.

Но тут нужно сказать, что никто из западных исследователей не освоил в таком объеме древнюю литературу Индии, как индийские ее знатоки, каждый из которых, помимо глубокого знания санскрита, был с самых ранних лет своей жизни знаком не только с текстами, но и с путями толкования и расшифровки ведических и эпических памятников и астрологических к ним комментариев. А в астрологической науке этой страны законсервированы древнейшие астрономические наблюдения, отраженные во многих старых трактатах (но, к сожалению, до сих пор не изученные на Западе). Эти трактаты в значительной мере основаны на астрономических данных, вошедших в ведическую литературу. Или, точнее, не столько вошедших,

сколько сохранившихся в ней как «преддвигая старины глубокой». Далекому своему прошлому обязаны индийцы тем высоким уровнем развития астрономии, которое отражено в памятниках их науки, созданных в I тыс. до н. э. Опираясь на широкий спектр данных древнеиндийской литературы, Тилак осветил в своей книге ряд описаний, содержащихся в Ведах и эпосе и долгое время не поддававшихся историческому обоснованию расшифровке.

Оставим здесь в стороне, за отсутствием места, возможность подробного сопоставления данных этой литературы о странах древних кочевий арьев с открытиями советских археологов, проследивших исторически последовательные пути этих кочевий от Днепра и Волги до северо-западных границ Южно-азиатского субконтинента и Ирана. Привлекаются данные не только археологи, но и лингвистики, этнографы, антропологи, палеозоологи, палеоботаники и т. д. Остановимся кратко лишь на обязательных для этого краткого обзора сведениях о сходстве, например, народных орнаментах.

Хорошо изученная культура жителей Триполья, которые были земледельцами и скотоводами, широко отразилась в орнаментах. Так, прослеживается поразительное, порой точное до мельчайших деталей, сходство украшенных предметов быта и хозяйства славянских народов и арьев (чье искусство вплоть до наших дней во многом сохраняется в Индии без изменений). Сделаю небольшое отступление, скажем лишь, что нельзя обойти вниманием совпадение мотивов, например, северных русских орнаментов с индийскими. В них встречаются древнейшие кодовые знаки, прослеживаемые и в культуре Триполья, и в андроновской культуре, такие, к примеру, как свастика (до нашего времени сохраняющаяся в Вологодской или Архангельской областях свастики в старых вышивках, на разных ритуальных предметах, на воротах дворов и т. д.), ромбики и квадратики с точками внутри — обозначение засеянного поля, фигуры женщин в широких юбках с поднятыми вверх руками, согнутыми в локтях, и многое другое, что впервые комплексно опубликовано в 1984 г. С. Жерниковой на страницах издающегося в Москве «Информационного бюллетеня Международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии» (в № 6).

Итак, север, приполярный север. С ним связаны и открытия Тилака. Когда же он был заселен людьми? Людью вообще и, судя по Ведам и эпосу Индии, предками арьев, в частности, — когда?

Когда там зародились древнейшие представления о мире, о космосе, и как эти представления отразились в словах? И. Бунин в стихотворении «Слово» сказал: «Молчат гробницы, мумии и кости, — лишь слову жизнь дана». Да, при отсутствии письменности — лишь слову. Устному слову. Слову с большой буквы.

Так, в древнеиндийском спове сохранилось то, что и попытался расшифровать Тилак. Приводимый им анализ древней литературы, говорящей об отходе арьев из Заполярных областей, глубоко заинтересовал многих ведущих ученых, которые начали дополнять его мысли рядом новых доказательств и подтверждений или просто

пропагандировать их. Целям такой пропаганды служили как переписки основных положений Тилака, так и споры с ним, которые тоже привлекали к нему внимание научной общественности.

Из числа опубликованных в нашей стране работ ряда исследователей, глубоко и честно полемизировавших или соглашавшихся с ним, остановимся лишь на двух. Раньше всех откликнулся на труд Тилака русский ученый Е. Елачич, написавший книгу «Крайний север как родина человечества» (СПб., 1910).

Через много лет появилась книга «От Скифии до Индии» (авторы: Г. Бонгард-Левин и Э. Грантовский, М., 1977, 1983), в которой вкратце тоже излагаются взгляды Тилака и приводятся общая сводка ряда научных теорий и гипотез о происхождении индоевропейцев и «ариев». Хотя авторы книги «От Скифии до Индии» считают совершенно ясным, «что сейчас речь не может идти» о полярных районах, все новейшие данные науки сводятся к тому, что именно о них может и должна идти речь. В своей же книге сами эти авторы ссылаются и на ряд средневековых ученых Востока, которые тоже анализировали данные древнеиндийской литературы, проявляя к ним и интерес и доверие, и, совершенно очевидно, четко понимая, что такое множество полярных реалий во всем комплексе их совпадений нельзя отнести к выдумкам или сказочным представлениям. Да и мы все теперь точно знаем, что придумывались в большей своей части только так называемые авторские литературные сказки, тогда как все образы народных сказок имеют глубокие исторические корни, уходящие в толщу тысячелетий.

В глубинных течениях Ригведы и Авесты, равно как и в вошедших в эпос легендах, мифах и преданиях несомненно хранится память о событиях и явлениях, имевших место задолго до того, как эти памятники оформились в определенные литературные своды, а позднее были запечатлены и в письменности.

Что же привлекло в них внимание Тилака? Что легло в основу разработанного им полярного комплекса?

Данные ряда современных наук подтверждают наличие в X—VIII тысячелетиях до н. э. в приполярных областях всех природных условий, необходимых для развития хозяйства и культуры людей, а значит и их умения считать с цикличностью тех или иных явлений природы и, соответственно, фиксировать свои наблюдения в знаке, в символе, в слове. И если знаки и символы, являвшиеся кодами, шифрами накапливаемых знаний, могли быть нанесены на материальные предметы, что обеспечивало их бессмертие — археологи вплоть до наших дней работают по разысканию и расшифровке знаков на скалах, бивнях мамонтов, камнях, глиняных изделиях, и т. п., датируемых древним и новым каменным веком, — то слово ведь было нематериальным. Помните, как сказал поэт Н. Гумилев: «Если, точно розовое пламя, Слово проплывало в вышине? Это «розовое пламя», наиболее полно и понятно обеспечивающее взаимопонимание между людьми и дающее возможность наиболее доходчивым путем передавать от поколения к поколению

эстафету накапливаемых знаний и опыта, могло быть фиксируемо только в памяти.

Единственно доступным в течение веков, — да что там веков, тысячелетий — был нематериальный путь передачи Слова от старшего младшему, из уст в уста. И сложившаяся в глубочайшей древности прослойка жрецов (как их ни назови — мудрецов, учителей, шаманов, провидцев) была прежде всего хранительницей Слова, соблюдавшая строжайший запрет на внесение в него каких-либо изменений. Дополнять устные тексты было можно, но изменять то, что подтверждено опытом, практикой, а часто и ценою многих тяжких жертв, — нельзя. Вот, повторяем, так и дошли до нас сквозь десять тысячелетий полярные реалии, выявленные Тилаком.

К числу памятников древнеиндийской религиозной (а точнее — религиозно-философской, религиозно-исторической, религиозно-описательной) литературы относятся не только Веды, но и трактаты о праве и науках. Одно из важнейших мест в них занимает, например, книга «Законы Ману» (М., 1960), в которой находим такие слова: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные... У богов день и ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу» (гл. 1). Солнце, уходящее к югу на полгода, могло означать только полярную ночь, равно как и уходящее к северу — только незакатный полярный день. (Кстати, здесь же говорится, что именем жреца-брахмана должно быть слово, — да, жрецы были хранителями Слова, дошедшими его до нас с вами.)

В Ригведе (кн. I, гимн 113) привлекло внимание Тилака и описание того, как богиня Ушас грустит с наступлением долгих сумерек, связанных с уходом солнца во мрак, и радуется сумеркам рассвета, знаменующим скорое появление светила на небе. По-разному переводят этот гимн (как и все другие) разные комментаторы вед, но Тилак руководствуется не только лингвистическим анализом материала, но и закрепленным в памяти сотен предшествующих поколений восприятием внутреннего его смысла, что чрезвычайно ценно при анализе любых памятников национальной культуры (напомним, что ученые всех стран сейчас много пишут о гениальной памяти и даже о «памяти клеток»).

К героическому богу Индре обращена очень выразительная мольба: «О Индра, я хотел бы достигнуть надежного света, да не погубит нас долгий мрак!» — которую пытались трактовать и метафизически, но не следует забывать о древности гимнов и об их повсеместно конкретном, «приземленном» содержании.

В ведической и эпической литературе постоянно встречается сюжет о том, что демон (или демоны) надолго заглатывает солнце, и бог Индра ведет с ним (с ними) тяжкие бои, освобождая светило. Этого бога исследователи относят к числу древнейших персонажей Ригведы, о чем важно здесь упомянуть. Он ведет борьбу с черными демонами, заключающими союз с какими-то существами черного цвета и ненавидящими свет. Помимо солнца они пленяют и воды, делая их неподвижными, как ка-

мень, и Индра возвращает к жизни также и воды, после чего реки устремляются в море.

В Ригведе воспевадается этот акт и говорится, что Индра, убив Демона дубиной (здесь следует обратить внимание также и на древнейший тип оружия), «породил солнца, небо и утреннюю зарю», освободил воды, которые «стояли скованные», «нашел спрятанный в тайне клад неба...», замурованный в скале, в бесконечной скале» и «похоронил черную кожу».

Ясно, что сюжеты, подобные описанным, могли быть порождены в мифотворчестве только полярными реалиями. В пересказах, создававшихся позднее на юге, эти демоны уже именуются всего лишь тучами, закрывающими солнце, или «небесными» змеями — драконами, поглощающими его на время затмения, а освобождение вод вообще никак не поясняется.

Тилак совершенно правильно подчеркивает, что в ведической литературе трудно увидеть лежащие на поверхности описания, говорящие об арктической родине арьев, но в глубине многих гимнов можно отыскать скрытые намеки и упоминания, свидетельствующие о несомненности этого исторического факта.

В Авесте тоже есть воспоминания о том, что родина арьев была некогда светлой прекрасной страной, но злой демон наслал на нее холод и снег, которые поражали ее ежегодно на 10 месяцев, солнце восходило лишь один раз, и сам год превратился в одну ночь и один день. По совету богов люди ушли отсюда навсегда.

Говоря об арктической теории, необходимо остановиться и на поражающем воображение сказании о том, что есть среди молочного (белого? покрытого льдом?) океана недоступная для людей гора Меру, отражающая вершиной блеск солнца; на ней пребывают боги, а вокруг нее ходят по небу все светила. Там боги света спорили с небогами, покровителями мрака, и решили провест пахтание молочного океана, чтобы добыть в этом процессе напиток силы и бессмертия, амриту (сому). После описаний пахтания и борьбы двух сил говорится, что амрита досталась богам, и именно этот напиток помог Индре одолеть змея тьмы.

Гору эту ученые искали по всему свету, и многие приходили к выводу, что окруженная белым океаном и недоступная для людей область могла быть только точкой Северного полюса, где фантазия человека воздвигла гору как единственно подходящее великим богам прибежище, а уже все дальнейшие описания небесных явлений точно соответствуют арктическим районам. Им же соответствуют и картины северных сияний, поясняемые как видимая людям уломянутая борьба богов с демонами, когда всходу с неба лились потоки крови, падали золотые сети украшений, огненно сверкало разнообразное оружие, небо покрывали громадные стрелы с остриями из золота, и все это после победы богов уходило в океан. Эти описания в самых разных по объему и красочности вариантах содержатся во многих памятниках литературы древней Индии.

Возвращаясь к Тилаку, обратим внимание на то, что он нашел в ведической литературе (в том числе в V и VI книгах Ригведы) и указание на наличие деле-

ния года в точке северного полюса на две половины — темную и светлую. К этому открытию авторы гимнов могли прийти только умозрительным путем, а это говорит о высоком умении вести астрономические наблюдения и делать соответствующие выводы, облекая их в формы мифических сказаний.

В результате долгих тысячелетий, в течение которых предки арьев (тут невольно возникает вопрос: а, возможно, и предки славян?) передвигались по землям Восточной Европы к югу, у них и у народов, с которыми они вступали в контакты (ведь не по безлюдной же пустыне они шли), сложилось много общих или близких черт культуры. В частности, славянское язычество являет собой неисчерпаемый, хотя и слабо изученный кладезь общности таких черт: имена и функции мифических персонажей, ритуальные действия и обычаи, связанные с их почитанием или уничтожением, календарные праздники и жертвоприношения и многое-многое другое хранит в себе четко прослеживаемые взаимные соответствия, зародившиеся в глубочайшей древности. Это частично описывается в книге автора «Инданизм» (М., 1977), равно как и примеры многих славяно-санскритских языковых параллелей приводятся в популярной статье «Тайные истоки видимых рек» (журн. «Техника — молодежи», 1982, № 8). Но Тилак, не являвшийся знатоком славянских языков и фольклора, тем не менее, проследившая ряд сближений в мифах западных народов и арьев, не мог не обратить внимание на наличие в славянских сказках такого персонажа, как Кощей, поглощающий свет и жизнь, не мог не сопоставить его с образом полярной ночи и с описанными в ведах подвигами светлого героя, освобождающего солнце. (Древнейшим персонажем славянского язычества является пестух, убивающий своим посохом змея-дракона, пожирающего свет; из этого образа позднее родился герой света Егорий, вошедший в христианство в образе Георгия Победоносца. Такого развитого культа этого светлого героя нет ни в одной религии, кроме православия, хотя образ героя-змея-борца известен в древних верованиях многих народов.)

Все эти попытки сопоставления являлись только началом того пути, который обязательно должна пройти отечественная наука, проводя научно-сравнительный анализ памятников культуры славян и арьев — народов, наиболее близко и наиболее долго живших на землях Восточной Европы.

Данный обзор основных положений, приводимых в книге Тилака, посвящен 70-летию со дня смерти этого выдающегося ученого Индии. Здесь нет места для более полного и широкого описания сделанного им аналитического разбора памятников индийской и иранской литературы, и остается лишь выразить сожаление по поводу того, что в нашей науке его интереснейшая работа еще не нашла должной оценки, не говоря уже о том, что она до сих пор не переведена на русский язык. Хочется также выразить надежду, что этот пробел в нашем знакомстве с культурой Индии будет в ближайшее время заполнен, и мысли Тилака во многом помогут нам осветить многие важные места и в древнейшей истории нашего народа.

Созданная в 1988 г. на Шестой декабрьской встрече ученых и деятелей культуры Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН) способствует возрождению анализа проблем генезиса нации, ее истории, экономики, культуры, особенностей национального самосознания и психологии. Об этом свидетельствуют материалы нового сборника статей. Работа подготовлена с использованием материалов двух научно-теоретических конференций — Шестой и Седьмой декабрьских встреч. С докладами выступили известные ученые и деятели культуры из Москвы, Ленинграда, Новгорода, Куйбышева и других городов.

Авторы обращаются ко всем, кому дорого прошлое, настоящее и будущее России. Цель писателей и ученых — возрождение России. «Самые тревожные мысли приходят в голову на нынешней трагической развилке нашей истории. Нам предстоит необытный труд по возвращению к жизни пошатнувшегося Отечества. Никакие предварительные сметы, планы, расчеты не могут охватить объем ожидающей нас деятельности: вернуть в урожайное состояние запущенные, зарастающие кустарником и сорняком, отравленные химией, все еще бездорожные, уже безлесные, зачастую даже безлюдные целые районы нашего некогда былинного Севера, ввиду бесперспективности именуемого нынче просто Нечерноземья». С этими словами обращается к читателю патриарх русской литературы Леонид Леонов. Его приветствие к участникам декабрьской встречи 1989 г. помещено в книге. В ней опубликованы статьи Д. М. Балашова, И. Р. Шаферовича, Г. И. Литвиновой, Э. Ф. Володина, А. В. Гулыги, М. Ф. Антонова, Е. С. Троицкого, Г. И. Куницына, А. А. Салтыкова, В. Г. Брюсовой, А. А. Павленко, С. И. Жданова и других.

В одном из разделов сборника содержатся документы декабрьских встреч: обращения «К интеллигенции других народов СССР» и «Возрождение колыбели нации», резолюция «О демографической ситуации в России».

В духе восстановления животворной связи времен, глобального единства русской культуры, философии осуществлена публикация в заключительном разделе работ Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева, П. А. Сорокина, В. В. Розанова, Г. П. Федотова, Н. В. Устрялова. Некоторые из них — подлинные провозвестники Русской идеи, переживающей сейчас ренессанс. Тема «Русская идея и современность» была посвящена декабрьская встреча 1990 г.

Желающие приобрести сборник могут обратиться в Редакционно-издательский отдел Философского общества СССР по адресу: Москва, Смоленский бульвар, д. 20, тел. 201-55-04.

Ю. ЮШКИН

РУССКАЯ НАЦИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА. Отв. редактор Е. С. Троицкий. — М., Философское общество СССР, 1990.

Не для печати

Название этой книги не совсем обычное — «После коммунизма». В предисловии рассказывается о своеобразной и даже загадочной судьбе ее автора С. Платонова, который писал свои работы еще в «доперестроечные» времена. Последние его материалы датируются серединой восьмидесятых годов.

При чтении этой книги вспоминается одна и та же заученная еще со школьной скамьи фраза — «марксизм не догма, а руководство к действию». А в самом деле — догма или руководство к действию? Сегодня этот вопрос стоит не в теории — в жизни. На протяжении десятилетий в нас вдалбливали марксизм. За правильные ответы, за выверенные определения, за признание «единственности» и «верности» этого учения давали должности, звания и прочие материальные блага. Но было ли это марксизмом? Ведь учение, которое действительно верно, не нуждается в полунасильственном натаскивании молодых и не очень молодых своих adeptов. Верность учения доказывается его жизненностью, признанием свободы других учений, способностью в открытом идейном поединке утвердить истинность своих положений. Был ли таким тот «марксизм», к которому все мы привыкли?

Читатель не найдет в этой книге того, что он привык извлекать из многочисленных и однообразных учебников «по марксизму». Нет, С. Платонов стремился к совершенно оригинальному, хотя в то же время марксистскому осмыслению таких явлений, как «капитализм», «социализм», «коммунизм».

А что же тогда предлагает С. Платонов? Он предлагает думать. Думать самостоятельно, искать ответы на стоящие перед нами вопросы не в цитатах, а в жизни.

П. СЕРГЕЕВ

Платонов С. ПОСЛЕ КОММУНИЗМА. Книга, не предназначенная для печати. — М., Мол. гвардия, 1990.

Свершилось!

Рухнул еще один форпост насильственного партийного атеизма — Соловецкий архипелаг целиком передается Церкви.

Будем надеяться: отныне и уже НА ВЕКА!

Долго, мучительно, сострадательно и не без теплящейся надежды ждали мы этого дня. Ждали, когда седой каменный град в Беломорье, пройдя через все разбойничьи разрушения и погрома, через фашизм глухих, промозглых большевистских казематов, через бездушную атеистическую болтовню о восстановлении народной святости, вернется в руки истинных творцов его благополучия, процветания и нравственного здоровья.

Далеко до главного праздника, когда вновь все купола беломорских Соловков взметнутся ввысь, к бездонному небу, когда красота ухоженной земли вновь отразится в непомутненной небесной голубизне... Но будем радеть, будем помогать, чтоб это свершилось, как когда-то до варварского времени шли сюда каждое лето тысячи трудников, чтоб вместе с чернецами Соловецкой обители поддерживать и взращивать чудотворно-божественную красоту земли, наполненную животворящим духом, усаждающим душу каждого неутомимого доброхота.

Пять с половиной веков русские православные люди, от основателей и покровителей Соловецкой обители преподобных Зосимы и Савватия, от святейшего неутомимого преобразователя обители, игумена ее, потом митрополита Московского, святителя Филиппа, трудились на этих островах, находя единство в красоте Неба и Земли, проникаясь неразрывностью нравственных заповедей Иисуса Христа — сына Божьего и православных Святых. В неустанных трудах и святости помыслов находили они душевное утешение и радость жизни. Как вернуть этот великий смысл человеческого жития, насильственно и кроважно вырванный у нас!!

Будем жить верой, что, наконец-то, по Божескому провидению, вновь ступив на обетованную землю, Архангельский епископат найдет приложение благотворительным силам каждого из нас, каждого доброго путника, который выберет дорогу в Соловецкую обитель, вновь обретшую свои исконные права на службу русскому православному народу и всем добросердечным мирянам.

Душеуказующий почин! Вот бы нам так и во всех других делах настойчиво и последовательно, неотступно и созидательно творить свое настоящее, возвращая прошлое ради будущего. То-то бы поднялась богатырская силушка, разве что по плечу самому Илье Муромцу да народу нашему непокорному и непокоренному...

АРСЕНИЙ ЛАРИОНОВ

По воле народа

ЕПИСКОП
АРХАНГЕЛЬСКИЙ И
МУРМАНСКИЙ
ПАНТЕЛЕИМОН
РАССКАЗЫВАЕТ

— Владыка, когда Православная Церковь поставила вопрос о возвращении Соловков?

— В прошлом году этот вопрос был поднят на Поместном соборе всей Православной Церковью, и все епископы поддержали, чтобы власти полностью передали Соловки нам, то есть весь архипелаг.

— Сегодня, приняв лишь часть Соловецкого Кремля — а это этажи у Северной стены, Филипповская церковь, один этаж наместнического корпуса; в поселке Иоанно-Предтеченская часовня, Филипповский келейный корпус, постройки на острове Большая Муксалма — вы пошли на компромисс?

— Здесь компромисса никакого нет. Весной была комиссия Верховного Совета, и там была выработана договоренность о поэтапной передаче. Но я до сего времени считаю, что рентабельней было бы передать сразу весь Кремль Церкви. Надо параллельно производить работы по реставрации и создавать жилье. А когда отдельно, участками? Кран подгонишь, материал некуда сгрузить. И все это превращается в долгострой.

— Предполагается ли при поэтапной передаче Соловков возвращение на архипелаг монастырской братии?

— Да. В первую очередь, чтобы монастырь сразу же осуществлял свою духовную миссию, которая длилась на островах пять столетий. И при поэтапной передаче мы обращаем внимание на то, чтобы создать нормальные жилищные и бытовые условия для жизни и деятельности монахов. Без человеческого отношения не возродить божий дом. Необходимо также отметить: монастырь должен быть ставропигиальным (т. е. подчиняющимся непосредственно патриархии, а не местной епархии — В. Л.), в первые 5 лет с монашествующей братией до 150 человек.

— Кто же первые жители монастыря?

— Обыкновенные люди: некоторые из Оптиной пустыни, из других монастырей, желающие поступить в монастырь, посвятить себя иноческой жизни, — те, кто поехал жить и трудиться. По доброй воле.

— Насельников так просто пустили на Соловки?

— До сих пор действуют застойно-бюрократические инструкции. Поэтому оформляли пропуска в погранзону. Эти порядки нужно решительно ломать.

Первый возрождаемый в Мурманской и Архангельской епархии монастырь — большое событие, но его нужно дополнить более радикальными действиями — вернуть святыне мощи Зосимы и Савватия, покровителей нашего Севера. Вот тогда бы это событие прозвучало на весь мир. Святыне мощи находятся в Ленинграде. Святейший патриарх Алексий обещал, что они будут в монастыре, как только он отойдет к церкви. Но ведь нужно их куда-то поместить, отреставрировать какой-то храм. Это по крайней мере год. Конечно, можно было бы поместить в надвратный Благовещенский храм. Святейший патриарх, наверное, сам бы приехал. Но решение о передаче было очень поздно — к осени. Дай Бог, чтобы насельникам подготовиться к зиме.

Передали нам пока второй и третий этажи Северного дворика. А первый этаж занимает магазин. Сейчас полный доступ наверх всем, кому захочется. Конечно, нужно переносить отсюда магазин, чтобы была возможность хотя бы закрыть двери от лихих людей. Ведь не успели ступить ногою в монастырь, как начались безобразия. Игумен Герман уехал с Соловков в Архангельск за братней, как тут же подожгли его келью. Этот факт говорит и о морально-нравственном уровне населения. Таким ли лихим нравам быть на острове. Как же советская власть охраняет порядки?

Передача остальных сооружений — это вопрос времени. Жду актов, которые зафиксируют передачу.

— А есть ли сегодня у Церкви столько монахов и послушников, чтобы им было под силу возродить Соловки? — Сразу невозможно и поселить столько монахов, сколько жило их на островах до исхода. Везде: и в Свято-Даниловом монастыре, и в Оптиной пустыни, и на Ва-

лааме — начинало пять-десять человек. Организации, которые там располагаются, сразу не могут освободить все помещения.

— Владыка, часть населения Большого Соловецкого острова не хочет, чтобы сюда вернулись представители Церкви. Как вы относитесь к их позиции?

— Я считаю, что если Церковь там будет, то для жителей будет создан более высокий социальный уровень жизни, постоянный и спокойный.

— А почему у вас такая уверенность?

— Я считаю, что мы полностью удовлетворим все их запросы. Мы восстановим все промыслы, весь уклад жизни, сельскохозяйственное производство, прибрежный лов, строительство, в общем все, что позволит островитянам нормально жить и работать. И все это будет вполне рентабельным. Посудите сами. На Соловках при монастыре жили не только монахи, но и более тысячи жителей. Это и трудники, и паломники, и воины. Поэтому абсурдно ставить вопрос, что жителей и женщин выселят. Тем более, заявлять это от лица Церкви.

— Но ведь монастырь был мужской. А по его Уставу женщины не должны там пребывать?

— Да, в Кремле они жить не будут. А если будут, то это или прачки, или уборщицы, как и на всех предприятиях или в учреждениях — машинистка, бухгалтер. Но не монахи. А почему бы и нет?

— Владыка, сегодня в постоянных экспозициях, запасниках, реставрационных мастерских хранится большое количество икон, церковной утвари, одежды, которая найдена, отреставрирована и сохранена несколькими поколениями научных сотрудников столичных и провинциальных музеев. За 70 лет она как бы перешла из собственности Церкви в общенародную. Вы согласны с этим?

— Если так стоит вопрос, то справедливости ради мы должны поблагодарить тех, кто сохранил всю церковную утварь, все принадлежности, а особенно иконы. Но все же я обратился в местные органы власти с просьбой вернуть церковную утварь, книги, иконы, которые были конфискованы в 30-х годах, возвратить тем, кому они принадлежали. Для решения монастырем этой огромной духовной задачи необходимы книги, учебные пособия, иконы и многое-многое другое.

— А в состоянии ли сегодня Церковь не только принять, но и сохранить такие ценности? Ведь в большинстве случаев, они не могут быть выставлены в разрушенных храмах.

— Я считаю, что все по справедливости должно быть возвращено. Люди наши в состоянии привести их в божеский вид.

— Но на протяжении семидесяти лет мы отождествляли церковные ценности с общенациональными, и возвращение духовных ценностей Церкви из музеев весьма и весьма обеднит экспозиции.

— Если мы будем подходить с таких позиций, то мы никогда не перейдем к законам рыночной экономики. Правительство издало закон о разгосударствлении собственности. Принадлежит завод рабочим, которые там работают, они должны пользоваться этой собственностью. Крестьянам земля должна принадлежать, а Церковь ведь не в воздухе существует. Да, наша собственность была национализирована. Значит, надо возвратить то, что было незаконно аннексировано. Есть Указ Президента о реабилитации всех репрессированных в 20—30-х, 40-х годах, реабилитируются священники, архитекторы, ученые, крестьяне, партийные работники. И необходимо в память о трагически погибших священнослужителях возаратить все, чем жила и чем богата была церковь. В этом и есть логический смысл. А в Законе о свободе совести указано, что все культовые учреждения должны принадлежать Церкви, единственному их хозяину. На основе церковного имущества создавались музеи. Так что первичным был храм. Он и обогатит музеи. Я мечтаю поднять искусство Соловецкого монастыря до мирового уровня. И это не будет противоречить нашим духовным задачам.

Необходимо нам и создание Соловецкого культурно-

Первые ивселянники Соловецкой обители
Гермий и Зосима.

координационного центра, который должен выступать в роли куратора и осуществлять компетентный контроль за реставрацией монастыря. Этот центр должен включать различных высоких и авторитетных представителей от подкомиссии по охране истории наследия, комиссии Совета национальностей СССР по культуре, от министерства культуры РСФСР, от Советского фонда культуры, от Академии наук СССР, от ЮНЕСКО, от Церкви, от творческих союзов и др.

— А как отнесется Церковь к появлению международных туристов на Соловках?

— Все это необходимо делать в благоразумных пределах. Что я имею в виду? Надо точно рассчитать, сколько могут вместить люди Соловки в данный конкретный пе-

риод, точно определить взаимоотношения монастыря с желаниями туристов. Но это не будет капризом одних по отношению к другим. Ведь всем известно, что большинство монастырей мира живут и процветают за счет паломников. Приехав на Соловки, турист становится паломником. Он и свечку поставит, и просвиру купит. Это такие же люди, которые и Богу помолятся, и попросят защиты у основателей Соловецкого монастыря Святых Зосимы и Савватия. Они не только посмотрят на стены музея, но и окунутся в жизнь, которой их предки жили веками. Эта духовная атмосфера для них будет памятна. Смысл существования монастыря и Соловков и заключается в духовном возрождении. Он будет открыт не только для христиан, но и для представителей всех религий. Каждый, кто приедет на Соловки, может идти в любой храм и никто ему в этом не будет препятствовать. Это — свобода личности. Это надо только приветствовать.

— Я понимаю, что мы живем в другое время, но будет ли монастырь, наряду с духовной, заниматься и хозяйственной деятельностью?

— Сейчас определяют свободные экономические зоны в России. И мы хотели бы сделать Соловки свободной экономической зоной. К этому не надо относиться с боязнью и недоумением. Соловки будут процветать, и всем будет хорошо. Ведь здесь в свое время выращивали южные лакомства — виноград, дыни, арбузы, и даже апельсины. И это в приполярной зоне. На Соловках была первая в России научная биологическая станция на уровне западных научных лабораторий.

— И все-таки меня, как человека, знающего положение на Соловках, очень смущает, насколько реальна ваша программа. Ведь за последние несколько лет Церковь взялась за восстановление многих святынь. Сможет ли она все это осилить?

— Меня не удивляет, а откровенно говоря, даже несколько оскорбляет такое неверие. Откуда оно у вас? Вы сначала отдайте, а затем сомневайтесь. Впрочем, неверие ваше понятно. За последние 70 лет мы научились только разрушать и не привыкли создавать. А вы дайте человеку право создавать то, что ближе ему, что созвучно его духовному началу. Вы посмотрите, сколько сегодня людей приходит к нам и в праздники, и в будни, чтобы восстановить порушенный и оскверненный храм. Приходят по доброй воле. И сколько мы получаем пожертвований. Люди знают, что каждая пожертвованная копейка пойдет в дело на восстановление Церкви, а не уйдет неизвестно куда. В народе настолько жива сила творческого начала, что за все годы разрушения не смогли уничтожить чистый родник созидания.

Я свято верю в то, что только с полной передачей Соловков начнется новая жизнь монастыря. На это я готов положить все свои силы. Я верю, что именно в этом есть мое Божье и человеческое предназначение.

И последнее. Почему-то возрождение Соловецкого монастыря связывают с желанием только Церкви. Нет, это не так. Это волеизъявление народа. И в этом я убеждался неоднократно, встречаясь с верующими и неверующими во вверенной мне Епархии, а это Архангельская и Мурманская области, Коми АССР.

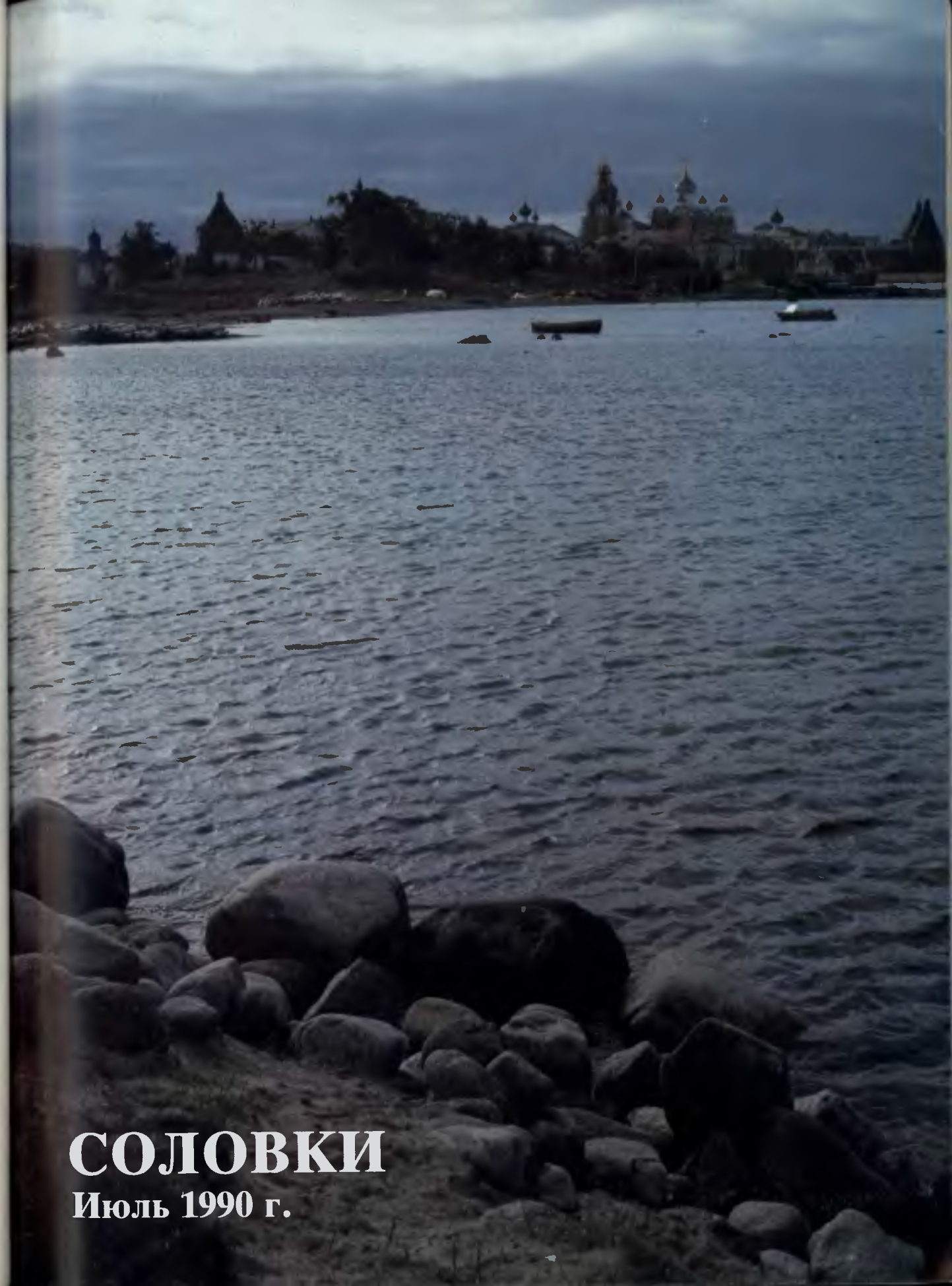
И от имени народа желание свое выразил выдающийся русский писатель Александр Исаевич Солженицын, решив передать весь гонорар от издания своих произведений в Советском Союзе на восстановление Соловецкого монастыря.

Этим он выразил надежду, что Церковь выполнит волю всего народа.

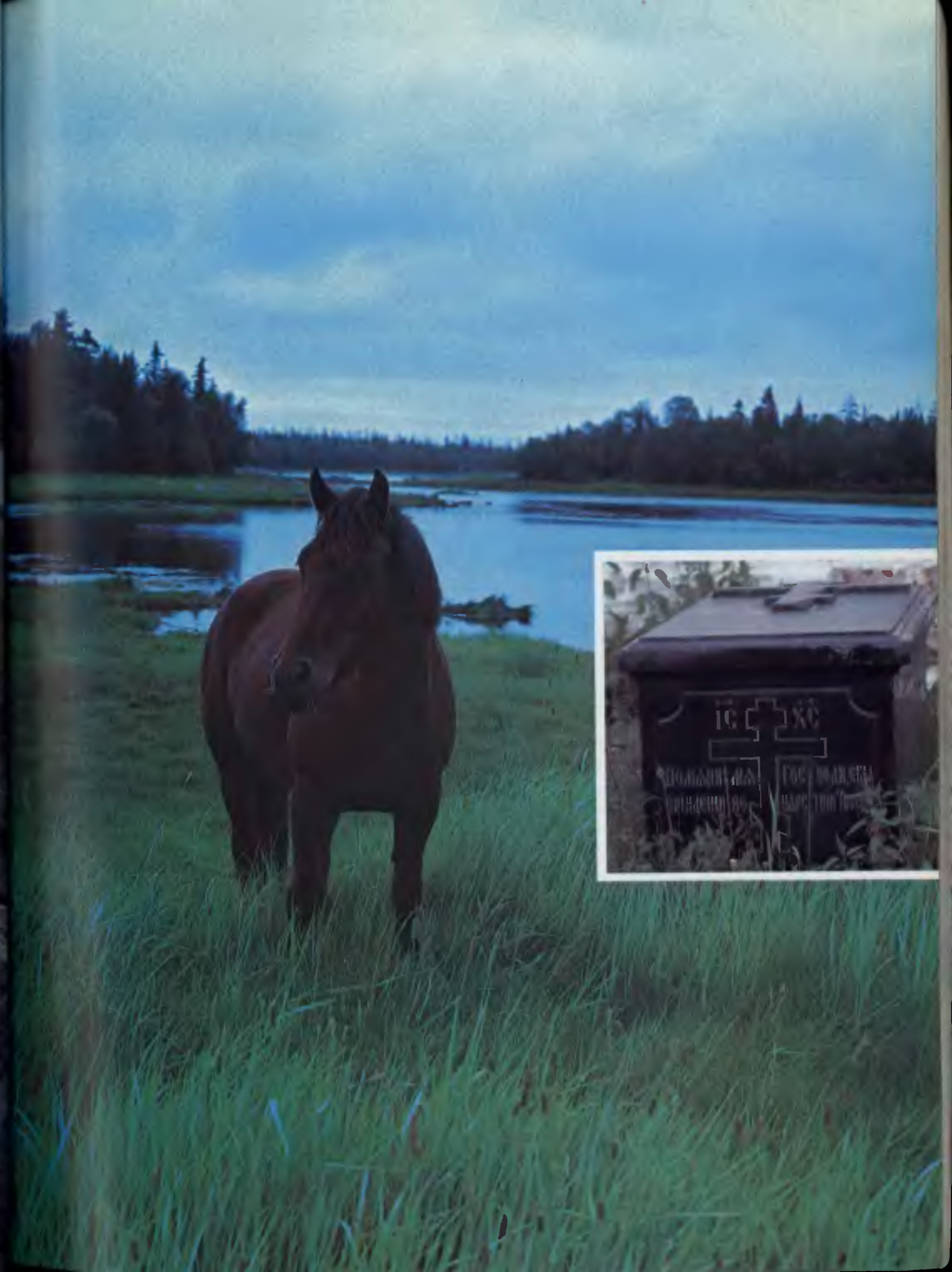
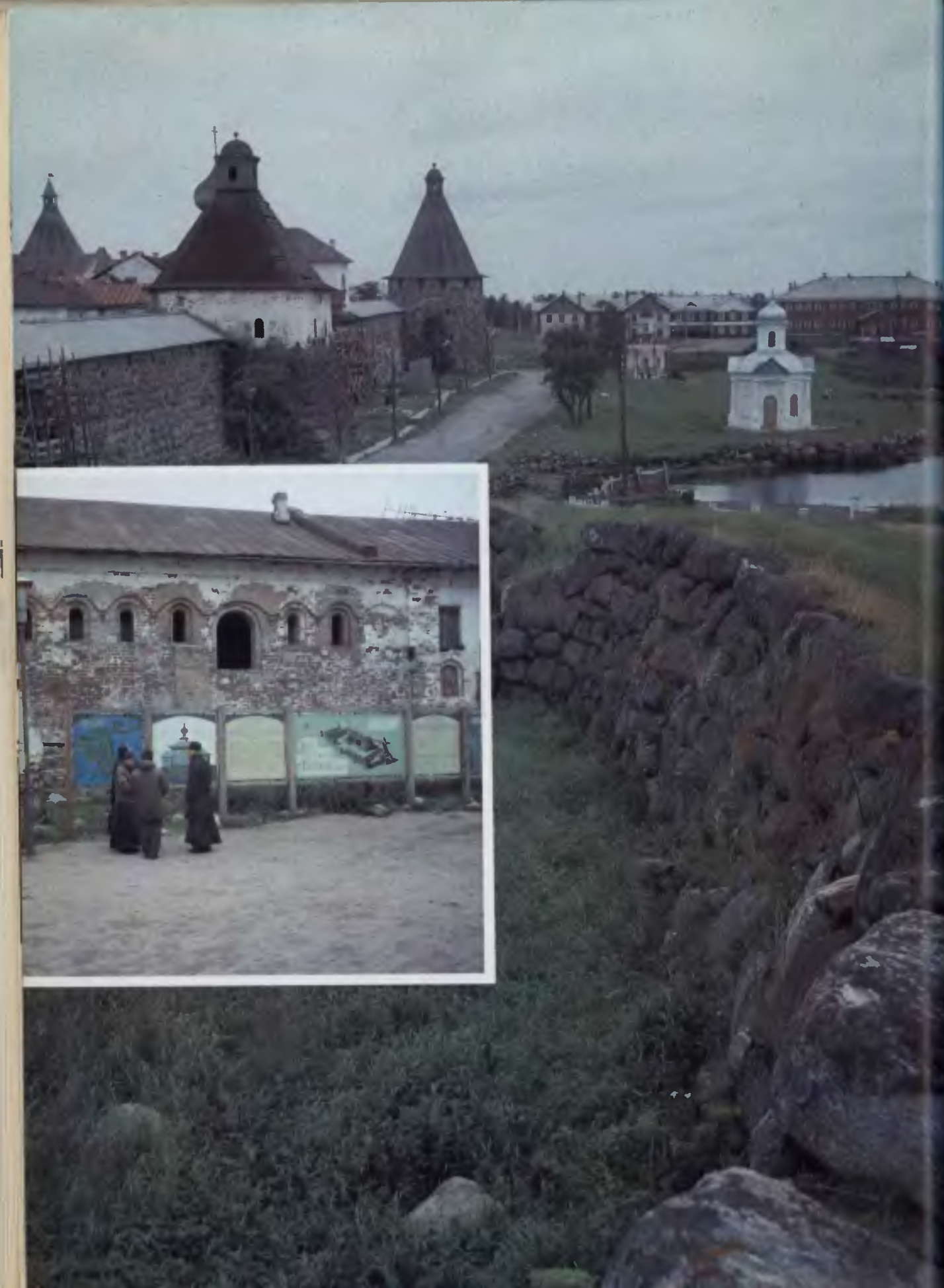
Беседу вел ВЛАДИМИР ЛОЙТЕР.

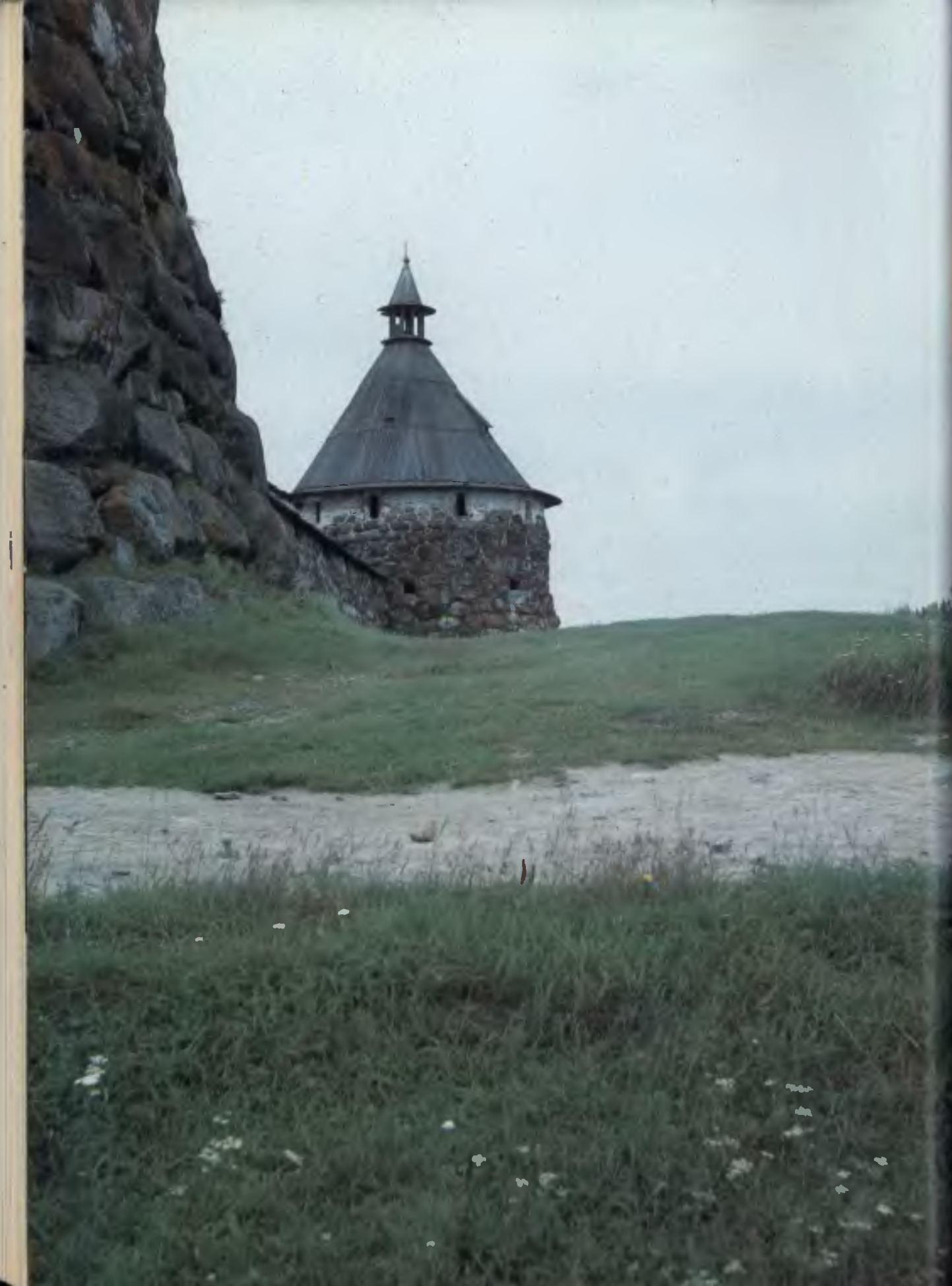
АРХАНГЕЛЬСК

Фоторепортаж Виктора КОНОПЛЕВА и
Юрия САДОВНИКОВА.

СОЛОВКИ
Июль 1990 г.

Пусть
принесут Вам
радость,
счастье,
здоровье
и благополучие
эти
светлые дни.

25 декабря
(7 января) —
Рождество Христово;

1 (14) января —
Обрезание Господне
и память
свт. Василия
Великого;

6 (19) января —
Крещение Господне.

Продолжение фоторепортажа
Павла Кривоша
из кафедрального
Богоявленского собора
(Москва).

ЗАКОНЬ БОЖІН

Закон Божий

Раздел первый О МИРЕ

Чуден мир земной в своей красоте, и все в нем наполнено жизнью. Невозможно сосчитать всех растений и животных, населяющих землю, от самых маленьких, не видимых нашими глазами, до самых больших. Они живут везде: и на суше, и в воде, и в воздухе, и в почве, и даже глубоко под землей. И аску эту жизнь миру дал Бог.

Богат и разнообразен мир Божий! Но в то же время в этом огромном разнообразии царит дивный и стройный порядок, установленный Богом, или, как часто называют, «законы природы». Все растения и животные расселены по земле согласно этому порядку. И кому чем положено питаться, тем и питаются. Всеу дана определенная и разумная цель. Все в мире рождается, растет, стареет и умирает — одно сменяется другим. Всеу Бог дал свое время, место и назначение.

Только человек живет повсюду на земле и над всем царствует. Бог наделил его разумом и бессмертной душой. Он дал человеку особое, великое назначение: познавать Бога, уподобляться Ему, то есть становиться все лучше и добрее, и наследовать жизнь вечную.

А теперь посмотрим в глубокую темную ночь, с земли на небо. Сколько там мы увидим звезд, усеянных по нему. Их несметное число! Все это отдельные миры. Многие из звезд такие же, как наше солнце или луна, а есть и такие, которые во много раз больше их, но находятся так далеко от земли, что кажутся нам маленькими светящимися точками. Все они стройно и согласно движутся по определенным путям и законам друг около друга. И наша земля в этом небесном пространстве кажется маленькой светлой точкой.

Велик и необъятен мир Божий! Нельзя ни сосчитать, ни измерить его, а знает всеу меру, вес и число только сам Бог, сотворивший все.

Весь этот мир Бог создал для жизни и пользы людей — для каждого из нас. Так бесконечно любит нас Бог!

И если мы будем любить Бога и жить по закону Его, то многое непонятное в мире нам станет понятным и ясным. Мы полюбим мир Божий и жить будем со всеми в дружбе, любви и радости. Тогда эта радость никогда и нигде не прекратится, и никто не отнимет ее, потому что Сам Бог будет с нами.

Но, чтобы помнить, что мы принадлежим Богу, быть ближе к Нему и любить Его, то есть исполнить свое назначение на земле и наследовать вечную жизнь, нам нужно больше знать о Боге, знать Его святую волю, то есть Закон Божий.

О БОГЕ

Бог сотворил весь мир из ничего, одним своим словом.

Публикации «Закона Божьего»
готовит писатель
ЕВГЕНИЙ ЧЕРНОВ.

Бог — высочайшее существо. Ему нет равного никого и нигде, ни на земле, ни на небе.

Мы, люди, своим разумом вполне постичь Его не можем. И сами мы ничего не смогли бы узнать о Нем, если бы Сам Бог не открыл нам о Себе. Что мы знаем о Боге, все это открыто Им Самим.

Когда Бог сотворил первых людей — Адама и Еву, то являлся им в раю и открывал им о Себе: как Он сотворил мир, как нужно верить в Единого Истинного Бога и как исполнять волю Его.

Это учение Божие сначала передавалось устно из рода в род, а потом, по внушению Божию, было записано Моисеем и другими пророками в священные книги.

Наконец, Сам Сын Божий, Иисус Христос, явился на землю и дополнил все, что нужно знать людям о Боге. Он открыл людям великую тайну, что Бог один, но троичен в Лицах. Первое Лицо — Бог Отец, второе Лицо — Бог Сын, третье Лицо — Бог Дух Святой.

Это не три Бога, а один Бог в трех Лицах. Троица Единосущная и Нераздельная.

Все три Лица имеют одинаковое Божеское достоинство, нет между ними ни старшего, ни младшего; как Бог Отец есть истинный Бог, так и Бог Сын есть истинный Бог, так и Дух Святой есть истинный Бог.

Различаются они только тем, что Бог Отец ни от кого не рождается и не исходит; Сын Божий рождается от Бога Отца, а Дух Святой исходит от Бога Отца.

Иисус Христос через раскрытие тайны Пресвятой Троицы научил нас не только истинно поклоняться Богу, но и любить Бога, так как все три Лица Пресвятой Троицы, — Отец, Сын и Святой Дух, — вечно пребывают друг с другом в непрерывной любви и составляют Собою одно Существо. Бог есть всесовершеннейшая Любовь.

Великую тайну, которую открыл нам Бог о Себе — тайну Святой Троицы, наш слабый ум не может вместить, понять.

Святой Кирилл, учитель славян, старался так объяснить тайну Пресвятой Троицы, он говорил: «Видите на небе круг блестящий (солнце) и от него рождается свет и исходит тепло? Бог Отец, как солнечный круг, без начала и конца. От Него вечно рождается Сын Божий, как от солнца — свет; и как от солнца вместе со светлыми лучами идет и тепло, исходит Дух Святой. Каждый различает отдельно и круг солнечный, и свет, и тепло (но это не три солнца), а одно солнце на небе. Так и Святая Троица: три в Ней Лица, а Бог единый и нераздельный».

Учение Иисуса Христа, Сына Божия, было записано Его учениками в священную книгу, которая называется Евангелием. Слово «Евангелие» значит благая или добрая весть.

А все священные книги, соединенные вместе, в одну книгу, называются Библией. Это слово греческое, а по-русски означает «книги».

О МОЛИТВЕ

Бог любит Свое творение, любит каждого из нас. «И буду вам Отцом, и вы будете Мои сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель».

И мы поэтому так же, как к своему родному отцу или родной матери, можем всегда, в любое время,

обращаться к Богу — к нашему Отцу Небесному. Обращение же наше к Богу есть молитва.

Значит, молитва есть беседа или разговор наш с Богом. Она необходима для нас так же, как воздух и пища. У нас все от Бога и нет ничего своего: жизнь, способности, здоровье, пища и все дается нам Богом; «без Бога — ни до порога», говорит русская пословица.

Поэтому и в радости, и в печали, и когда что нам нужно, мы должны обращаться к Богу с молитвою. А Господь очень добр и милосерден к нам; и если от чистого сердца, с верою и усердием будем просить Его о своих нуждах, Он непременно исполнит наше желание и даст все, в чем мы нуждаемся. При этом нужно всецело положиться на Его святую волю и терпеливо ждать, потому что только один Господь знает, что и когда нам дать — что нам полезно и что вредно.

Плохо делают те, кто лениво молятся Богу: они удаляются от Бога, и Бог от них.

А без молитвы человек перестает любить Бога, забывает о Нем и не исполняет своего назначения на земле, то есть совершает грех.

О ГРЕХЕ

Грех, или зло, есть нарушение закона Божия; беззаконие или, иначе сказать, грех, есть нарушение воли Божией.

Как же люди стали грешить, и кто первый нарушил волю Божию?

Прежде сотворения видимого мира и человека, Бог сотворил Ангелов. Ангелы — это духи бестелесные, невидимые и бессмертные. Все ангелы были сотворены добрыми, и Бог им дал полную свободу — желают ли они сами любить Бога или нет; а это значит, пожелают ли они сами жить с Богом или без Бога.

Один из самых светлых и сильных ангелов, не захотел любить Бога и исполнять волю Божию, а захотел сам стать как Бог. Этот ангел перестал слушаться Бога, во всем стал противиться Богу, сделался врагом Божиим. Он увлек за собой и некоторых других ангелов.

За такое противление Богу все эти ангелы лишились данного им света и блаженства (т. е. радости) и сделались злыми, темными духами.

Все эти темные, злые духи называют теперь бесами, демонами и дьяволами. Самый же главный дьявол, бывший самым светлым ангелом, называется сатаной, то есть противником (врагом) Бога.

Дьявол научил и людей не слушаться Бога — грешить. Он соблазнил, то есть хитростью и обманом научил первых, сотворенных Богом, людей — Адама и Еву — нарушить волю Божию.

Все мы, люди, происходим от согрешивших Адама и Евы, и потому мы рождаемся в состоянии греха. Постоянно передаваясь из поколения в поколение, грех завладел всеми людьми и всех подчинил себе. Все люди, одни больше, другие меньше, все — грешны.

Грех же всегда удаляет человека от Бога и ведет к страданиям, болезням и вечной смерти. Поэтому все люди стали страдать и умирать. Сами люди, своими силами, уже не могли победить зло, распротранившееся в мире и уничтожить смерть.

Но Бог, по милосердию Своему, помог людям в этом, послав на землю Святого Сына, Спасителя нашего, Иисуса Христа.

О КРЕСТНОМ ЗНАМЕНИИ

Мы называемся христианами, потому что веруем в Бога так, как научил нас веровать Сам Сын Божий, Господь наш Иисус Христос.

Иисус Христос не только научил нас правильно веровать в Бога, но и спасти нас от власти греха и вечной смерти.

Сын Божий, Иисус Христос, по любви к нам, грешным, сошел с неба и, как простой человек, пострадал вместо нас за наши грехи, был распят, умер на кресте и в третий день воскрес.

Так безгрешный Сын Божий крестом Своим (то есть страданием и смертью на кресте за грехи всех людей, всего мира) победил не только грех, но и самую смерть — воскрес из мертвых, и сделал крест орудием Своей победы над грехом и смертью.

Как победитель смерти — воскресши в третий день — Он спас и нас от вечной смерти. Он воскресит всех нас, умерших, когда наступит последний день мира, воскресит для радостной, вечной жизни с Богом.

Крест есть орудие или знамя победы Христовой над грехом и смертью.

Вот почему, чтобы выразить нашу веру в Иисуса Христа, Спасителя нашего, мы носим на теле крест, а во время молитвы изображаем на себе правой рукой знак креста или осеняем себя крестным знамением (крестимся).

Для крестного знамения мы складываем пальцы правой руки так: три первых пальца (большой, указательный и средний) слагаем вместе концами равно, а два последних (безымянный и мизинец) пригибаем к ладони.

Сложенные три первых пальца вместе выражают нашу веру в Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, как Единую и нераздельную Троицу, а два пальца, пригнутые к ладони, означают, что Сын Божий, по сошествию Своем на землю, будучи Богом, стал человеком, то есть означают Его две природы — Божескую и человеческую.

Осеняя себя крестным знамением, мы кладем сложенные так пальцы на лоб — для освящения нашего ума, на чрево (живот) — для освящения наших внутренних чувств, потом на правое и левое плечи — для освящения наших сил телесных.

Крестное знамение дает нам великую силу отгонять и побеждать зло и творить добро, но только мы должны помнить, что крест нужно полагать правильно и неспешно, иначе будет не изображение креста, а простое маханье рукой, чему только бесы радуются. Небрежным совершением крестного знамения мы показываем свою непочтительность к Богу — грешим, грех этот называется кощунством.

Осеняя себя крестным знамением, или креститься, нужно: в начале молитвы, во время молитвы и по окончании молитвы, а также при приближении ко всему святому: когда входим в храм, когда прикладываемся к кресту, к иконе и т. п. Креститься нужно и во всех важных случаях нашей жизни: в опасности, в горе, в радости и т. д.

Когда мы крестимся не во время молитвы, то мысленно, про себя, говорим: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь», выражая этим нашу веру в Пресвятую Троицу и наше желание жить и трудиться во славу Божию.

Слово «аминь» — значит: истинно, правда, да будет так.

О ПОКЛОНАХ

Чтобы выразить Богу наше благоговение перед Ним и почитание Его, мы во время молитвы стоим, а не сидим: только больным и очень старым дозволяется молиться сидя.

Сознавая свою греховность и недостойность перед Богом, мы, в знак нашего смирения, сопровождаем нашу молитву поклонами. Они бывают поясные, когда наклоняемся до пояса, и земные, когда, кланяясь и становясь на колена, касаемся головою земли.

КАКИЕ БЫВАЮТ МОЛИТВЫ

Если мы и близкие наши здоровы и благополучны, есть нам где жить, есть во что одеться, есть чем питаться, то мы должны прославлять и благодарить Бога в наших молитвах.

Такие молитвы называются хвалебными и благодарственными.

Если с нами случится какое-либо несчастье, болезнь, или беда, или нужда, мы должны просить у Бога помощи.

Такие молитвы называются просительными.

А если мы сделаем худое дело (согрешим) и провинимся перед Богом, мы должны просить у него прощения — каятьсяся.

Такие молитвы называются покаянными.

Так как мы грешны перед Богом (постоянно грешим), то поэтому мы должны всегда, прежде чем просить что-либо у Бога, сначала покаяться и тогда уже просить Бога о наших нуждах. Значит, покаянная молитва должна всегда предварять просительную молитву.

КОГДА БОГ СЛЫШИТ НАШУ МОЛИТВУ

Приступая к молитве, мы должны прежде примириться с теми, которым мы сделали зло, и даже с теми, которые обижают нас, а потом уже с благоговением и вниманием стать на молитву. Во время молитвы ум свой должны направлять так, чтобы он ни о чем постороннем не думал, чтобы сердце наше желало лишь одного, как бы получше помолиться и угодить Богу.

Если же мы будем молиться, не примирившись с ближними, молиться спешно, во время молитвы будем разговаривать или смеяться, тогда наша молитва будет негодна Богу, такую молитву Бог слушать не будет («не услышит нас») и даже может наказать.

Для прилежной и усиленной молитвы и доброй благочестивой жизни установлены посты.

Пост — это такие дни, когда мы должны больше думать о Боге, о своих грехах перед Богом, больше молиться, каяться, не раздражаться, никого не обижать, а наоборот, всем помогать, читать Закон Божий и т. д. А чтобы легче было это выполнить, нужно, прежде всего, меньше есть — совсем не есть

Тексты публикуются по изданиям: раздел первый — Закон Божий. Составил Серафим Слободской. Джорданвилль, 1967; раздел второй — Игумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харбин, 1936.

мяса, яиц, молока, т. е. «скоромную» пищу, а есть только «постную» пищу, т. е. растительную: хлеб, овощи, фрукты, так как сытая «скоромная» пища вызывает у нас желание не молиться, а или поспать, или же, наоборот, резвиться.

Самый большой и длинный пост бывает перед праздником Пасхи. Он называется «Великим постом».

Раздел второй

ГЛАВА I.

Действия нравственные и безнравственные. Нравственный закон. Совесть, три ее функции. Условия нравственного вменения. Прирожденность нравственного закона.

На всем земном шаре, из всех существ, населяющих его, один только человек имеет понятие о нравственности. Всякий знает, что действия человека бывают или хороши или дурны, или добры или злы, нравственно-положительны или нравственно-отрицательны (безнравственны). И этими понятиями о нравственности человек неизмеримо отличается от всех животных. Животные поступают так, как свойственно поступать им по природе, или же так, как они приучены, напр., дрессировкой. Но они не имеют понятия о нравственном и безнравственном, а потому их поступки нельзя рассматривать с точки зрения понятий о нравственности.

Как же различить — нравственно-доброе от нравственно-дурного? Различие это совершается по данному нам, людям, от Бога особому нравственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе человека, мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью. Эта совесть и есть основа общечеловеческой нравственности. Человека, который никогда не слушал своей совести и усыпил ее, заглушил ее голос ложью и мраком упорного греха, часто называют бессовестным. Слово Божие таких упорных грешников называет людьми с сожженной совестью (1 Тим. IV, 2); их душевное состояние — крайне опасно, и может оказаться гибельным для души.

Когда человек прислушивается к голосу своей совести — он видит, что эта совесть в нем говорит прежде всего как судья, строгий и неподкупный, оценивающий все поступки и переживания человека. И часто бывает так, что какой-либо данный поступок выгоден человеку, или же вызвал одобрение у других людей, а в глубине души этот человек слышит голос совести: «Это — не хорошо, это — грех...»

В тесной связи с этим, совесть в душе человека действует еще как законодатель. Все те нравственные требования, которые стоят пред душой человека при всех его сознательных действиях (напр.: делай добро, будь правдив, не кради и т. д.) являются именно нормами, требованиями, предписаниями этой самой совести. И голос ее учит нас, как нужно и как не нужно поступать. Наконец, совесть еще действует в человеке как мздовоздатель. Это бывает тогда, когда мы, поступив хорошо, испытываем мир и спокойствие в душе, и наоборот, после совершения греха испытываем упреки совести. Эти упреки совести иногда пере-

ходят в страшные душевные терзания и муки и могут довести человека до отчаяния или до потери душевного равновесия, если он не восстановит мир и спокойствие в совести чрез глубокое и искреннее покаяние... (Ср. у Пушкина — монолог Скупого Рыцаря и Бориса Годунова, а также «Преступление и наказание Достоевского»).

Само собой понятно, что человек несет нравственную ответственность только за те поступки, которые он совершает, во 1-х, в сознательном состоянии и, во 2-х, будучи свободен при совершении этих поступков. Только тогда к этим поступкам применяется нравственное вменение, и только тогда они, как говорят, человеку вменяются в вину, в похвалу или в осуждение. В противоположность этому, люди, не сознающие характера своих поступков (младенцы, лишенные рассудка и т. д.) или же насильно вынужденные совершать их против своей воли, считаются немняемыми, и ответственности за эти поступки не несут. В эпоху гонений на христианство язычники-мучители клали мученикам на руку ладан и держали ее над огнем своего пылающего жертвенника. Мучители рассчитывали на то, что мученик не выдержит огня, пошевелит пальцами (или отдернет руку) и ладан упадет на огонь. Правда, обычно исповедники веры были настолько тверды духом, что предпочитали сжечь пальцы, но ладан не роняли; но если бы и уронили — кто мог бы утверждать то, что они принесли жертву идолу?.. Самой собой понятно, что пьяных нельзя признать немняемыми, т. к. они начинали свое пьянство в нормальном и трезвом состоянии, прекрасно зная о последствиях опьянения. Поэтому в некоторых государствах северной Европы человек за совершение преступления в пьяном состоянии наказывается вдвойне: 1) за то, что напился, и 2) за само преступление...

Несомненно то, что нравственный закон должен быть признан природным людям, т. е. вложенным в самую природу человека. За это говорит несомненная всеобщность в человечестве понятий о нравственности. Конечно, природенную может быть признана только самая нравственная потребность, своего рода нравственный инстинкт, но не раскрытые и ясные нравственные понятия и идеи. Такие ясные нравственные понятия и идеи развиваются в человеке отчасти чрез воспитание и влияние предшествовавших поколений, наиболее же всего на основе религиозного чувства. Поэтому у грубых язычников нравственные нормы ниже, грубее, уродливее, чем у нас, христиан, знающих и верующих в Истинного Бога — Того, Который вложил в душу человека нравственный закон и чрез этот закон руководит всею его жизнью и деятельностью.

ГЛАВА II.

Греховность рода человеческого. Отражение ее в душе человека — в сфере ума, чувства и воли. Последовательные стадии — степени греха. Три источника греха.

Мы, все христиане, знаем из св. Библии и веруем в то, что Бог создал человека по образу Своему и по подобию. Поэтому в творении человек получил безгрешную природу. Но еще первый человек Адам не

остался безгрешным, утратив свою первоначальную чистоту в первом райском грехопадении. Отрава этой греховности заразила собою весь род человеческий, произшедший от согрешивших прародителей — подобно тому, как из отравленного источника истекает отравленная вода. А так как каждый человек к унаследованной от прародителей склонности ко греху прибавляет еще свои личные грехопадения — то нет ничего удивительного в том, что св. Библия о каждом из нас говорит: «Несть человек, иже жив будет день един, и не согрешит»... Абсолютно чист от всякого греха только один Господь Иисус Христос. Даже праведники, угодники Божии имели в себе грех и, хотя с помощью Божией боролись с ним, но смиренно признавали себя грешниками. Таким образом, все без исключения люди — грешны, заражены грехом.

Грех есть духовная проказа, болезнь и язва, поразившая всю природу человека и душу и тело его. Грех повредил все три основные способности или силы души: ум, чувство (сердце) и волю. Ум человека помрачился и сделался склонным к заблуждению (у римлян была поговорка: «egregia humanum est» — человеку свойственно ошибаться), и человек постоянно ошибается — и в науке, и в философии, и в своей практической деятельности. Быть может, еще более повреждено грехом сердце человека, — центр его переживаний и чувствований добрых и злых, печальных и радостных. И мы видим, что наше сердце затянулось тinou и плесенью греха, утратило способность чувствований чистых, духовных и христиански-возвышенных. Вместо этого оно сделалось склонным к усладам чувственности и земным привязанностям, а также заражено тщеславием и иногда поражает полным отсутствием любви и благожелательности к ближнему.

Но, конечно, более всего повреждена и скована грехом наша воля, как способность действия и осуществления намерений человека. В особенности человек оказывается бессильным в своей воле там, где нужно осуществить истинное христианское добро — хотя бы он и хотел этого добра... О таком печальном бессилии воли Ап. Павел говорит: «Не еже хочу доброе, сие творю, а еже не хочу злое сие соделаю» (Римл. VII, 19. По-русски — «доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»...). И потому-то о человеке-грешнике Христос Спаситель сказал: «Творяй грех — раб есть греха» (Иоан. VIII, 34), хотя — увы! — самому грешнику служение греху часто кажется свободой, а борьба с сетями греха — рабством...

Как же развивается грех в душе человека? Св. отцы — подвижники христианского аскетизма и благочестия, лучше всех ученых психиатров знавшие грешную человеческую душу, различают следующие стадии — степени греха: первый момент в грехе — прилог, когда в сознании человека только обозначился тот или иной соблазн — греховное впечатление, грязная мысль и т. д. Если в этот первый момент человек решительно и сразу отвергнет грех — он не согрешит, а победит грех, и для души своей будет иметь плюс, а не минус. В прилоге легче всего одолеть грех. Если прилог не отвергнут, он переходит сначала в неясное стремление, а затем в осознанное, ясное желание греха. Здесь человек уже начинает склоняться к греху данного рода. Но без особо тяжелой борьбы он здесь может не поддаться греху и не согрешить, в чем ему поможет ясный голос совести, и помощь Божия, если он прибегнет к ней.

Продолжение в следующем номере.

СТИХИ. ПОВЕСТЬ. ЭССЕ

ВАЛЕНТИН
САФОНОВ

Его боль

Однажды по общежитию разнесся слух: Рубцова изгоняют из Литинститута за скандальную драку — учинил дебош в ресторане Дома литераторов и два дюжих милиционера никак не могли привести его в чувство. На страничке моего дневника соседствуют записи, помещенные одним и тем же числом — 6 декабря 1963 года. Первая: «Завтра вечер в ЦДЛ — в честь 30-летия института». Несколько часов спустя — вторая: «А Кольку-то Рубцова исключили из института. Избил замдиректора ресторана ЦДЛ. Грусть».

Приказ об исключении Рубцова вывесили на доску незамедлительно, и в железно продуманных его формулировках действительно фигурировали слова «драка» и «избил». «Дебошир со стажем» и «смутьян» — вслух отозвались о Николае один из старейших преподавателей, специалист по Достоевскому. И, ничтоже сумняшеся, предложил привлечь злодея к уголовной ответственности. Только нам-то, студентам, не верилось, что тщедушный, полуголодный и, главное, не терпящий никаких драк Коля Рубцов мог осилить дюжего дядю, немало и с пользой для себя потрудившегося на ниве литературного общепита. Начали собственное расследование. Выяснилось, что содержание приказа, мягко говоря, противоречит истине. Дело было так. В одном из залов Дома литераторов заседали работники наробраза, скучая, внимали оратору, нудно вещавшему с трибуны о том, как следует преподавать литературу в средней школе. Колю, проникшего в ЦДЛ с кем-то из членов Союза, у дверей этого зальчи-

Николай Рубцов
в годы
службы
на Северном флоте.

Фрагменты из повести «Николай Рубцов».

ка задержало врожденное любопытство. Так и услышал он список рекомендуемых для изучения поэтов. Сурков, Уткин, Шипачев, Сельвинский, Джек Алтаузен... Список показался ему неполным.

— А Есенин где? — крикнул Рубцов через зал, ошарашивая оратора и слушателей. — Ты почему о Есенине умолчал? По какому праву?

Тут и налетел на Колю коршун в обличье деятеля из ресторана, ухватил за пресловутый шарфик, повлек на выход. Противник всяческого насилия, Рубцов, задыхаясь от боли и гнева, попытался оттолкнуть интенданта, вырваться из его рук.

— Бью-ут! — завопил метрдотель. Подскочила прислуга. При своих, что называется, свидетелях составили протокол, который и лег в основу грозного приказа об исключении.

Институт бурлил: в перерывах между лекциями только и разговору, что об учиненной над Николаем несправедливости.

В ректорат и партком снова пошли студенческие делегации.

За Рубцова заступились известные поэты.

Волна юбилейных, по случаю 30-летия института, торжеств пришлась как нельзя кстати: администрация смилостивилась — отменила карающий приказ. Дело передали в товарищеский суд.

Тут тоже не обошлось без передержек, и вспоминая это судилище, до сих пор испытываю я глущее чувство стыда.

Председательствовал на судебном заседании профессор Водолагин, запомнивший меня еще по вступительным экзаменам. Кряжистый, с обритой наголо головой, профессор удивительно походил на Хрущева: поставь их рядом — не отличишь, кто подлинный, а кто — поддельный. Помоему, Водолагину льстило такое сходство, он и темперамент под Никиту Сергеевича наработывал — в жестах, в говорении речей. Когда прикрыли очное отделение института, Водолагин и меня снаряжали в Вешенскую — искать защиты у Михаила Александровича Шолохова. То ли командировочных в кассе не достало, то ли поняли вдруг, что и авторитет классика нам не подмога, но поездка та сорвалась... Так вот, на товарищеский суд — показательный затеяли! — явилось большинство преподавателей, согнали все курсы. Ступив в актовом зале не хватило, кто порасторопней, взгромоздились на подоконники, остальные толпились в проходах. Я к началу припоздал и, стиснутый чужими плечами, маялся у самых дверей, с тоской смотрел на сцену, где, беззащитный и растерянный, стоял Коля Рубцов. Сотни глаз были устремлены на него, а он и слова не мог вымолвить в свое оправдание. Зато Водолагин, взмахивая короткими ручками, все говорил, говорил, говорил...

— Так как же будем жить дальше? — спросил он вдруг, закругляясь. — Ведь вот есть же у нас студенты... ни в чем подобном не замешаны. — Строгим взглядом обвел зал, наткнулся на меня. — Вон, к примеру, Валентин Сафонов.

Бледный Коля пролепетал что-то невнятное.

— Что? Не слышу. Громче! — настаивал Водолагин.

— Буду как Валя Сафонов, — через силу выдавил Рубцов.

Я готов был сквозь землю провалиться, но земля не разверзлась подо мной. А довольный результатом Водолагин тотчас отпустил Рубцова со сцены.

Николая перевели на вечернее отделение, выдворили из общежития. Вечернее — привилегия москвичей, а тут — ни двора ни кола... Сердобольные вахтерши закрывали глаза, когда поздним вечером, крадучись, пробирался он в студенческий наш дом, чтобы переночевать у кого-то из товарищей. Комендант, однако, был безжалостен.

— Николай Андреевич, — пришел я к нему, — безвынужденно-напраслинно человек страдает.

— Садитесь, — предложил Палехин и затеял длинный разговор о Кильдине, памятном ему по годам войны.

В общежитии упорная, из поколения в поколение, передавалась легенда: на том гранитном острове, окруженном студеной водой, наш комендант тоже служил комендантом, только опекал не студентов, а эзков... Растаял Палехин, растворился в воспоминаниях, голосом дрогнул.

— Так, говорите, Рубцов тоже североморец? — неожиданно прервал себя, и в голосе его снова зазвенел металл.

— Самый доподлинный. Всю службу отмотал на эсминце...

— Ведет себя как-то... Некрасиво для флотского! Ладно, пусть зайдет.

— Когда?

— Да хоть сейчас.

Стремглав бросился за Николаем, отыскал его в какой-то чересчур гомонливой компании и понял, что примирение сегодня не состоится: не простит ему Палехин взьерошенного вида, да и Рубцов не понесет повинную голову.

Назавтра и послезавтра тоже ничего не вышло. А там как-то подзабылось все, и опять вспыхнуло, и снова подзабылось. Теперь уже вряд ли кто скажет с достоверностью, сколько раз Рубцова изгоняли из института и общежития, сколько раз восстанавливали в правах.

Да и так ли важно это, так ли существенно? Важнее другое: недолгие и нелегкие дни, прожитые Рубцовым в Москве, оказались для него тем же, чем бывает запальный шнур для динамита. Энергия, которая годами накапливалась в его смятенной, ищущей, не знающей покоя душе, вдруг прорвалась наружу, пролилась стихами. Перед Рубцовым широко открылись двери редакций и издательств. Да что там двери! Сердца читателей доверчиво распахнулись ему навстречу. Критика заговорила о нем.

Пришел успех!

В январе восемьдесят шестого Толя Соболев, откликаясь на газетную публикацию, напишет о Николае:

«...Я тоже хорошо знал и любил его многие годы, только одного не ведал долго, что и он — североморец. Лишь после его смерти обнаружил.

Так и стоит он у меня перед глазами в одну из новогодних ночей у Виктора Астафьева. Заплетая ноги за ножки стула чуть не втрое и низко склонив голову, играет на гармонике и поет свои чудесные грустные песни...»

По восточному календарю восемьдесят шестой — год Тигра. И дальше у Анатолия Пантелеевича — о себе: «...Даст Бог, не сожрет хищник полосатый, хотя в минувшем году я трижды ложился в больницу с сердечным приступом. Новый тоже встретил в палате, откуда и пишу тебе эту весточку. Кажется, предстоит операция на сердце...»

На обороте традиционной открытки — снеговик с носом морковкой и карикатурный заяц в голубых портчонках. Жизнерадостные оба, веселые, от души желающие здоровья и счастья. Только вот «полосатый хищник» не внял ни молитве, ни пожеланиям: в июне Соболева не стало. Умер в номере гостиницы «Россия», вернувшись с заседания писательского съезда.

За четыре года до того, тоже в июне, ездили мы с ним в Мурманск, на «Дни Баренцева моря». Выступали перед моряками и рыбаками, перед студентами и судоремонтниками, в школах и на пограничных заставах. Я, конечно же, не мог не говорить о Рубцове — о его приверженности к Северу, о службе на флоте. А Соболев не мог не поразиться: в одном общежитии обитали, за одним столом сидели — и на тебе! Хотя бы словом Николай Михайлович обмолвился...

Мне его удивление было очень даже понятно. Удрав на Великую Отечественную из средней школы, юнгой осваивал Анатолий профессию водолаза. Он и сердце-то свое — мальчишеское, неокрепшее — надломал в студенческих глубинах. И, как большинство военных моряков, бережно нес по жизни трепетную память о юности, одетой в черные бушлаты. Все пронзительные книги его — о море. Был неравнодушен к людям, в чьих судьбах, биографиях — все то же море, корабли. На том и мы сдружились, едва

стал он слушателем ВЛК — Высших литературных курсов при институте. Разыскал меня в общежитии и, тиснув птерню, признался:

— Пришел наводить мосты. Когда флотские рядом — оно надежнее. И веселей.

Тем и лег на душу — открытостью, простотой да еще, пожалуй, необоримой тоской-печалью в глазах. Чувствовалось: и пережил много, и многое видит, понимает. Как же, думаю теперь, про Колю-то не вылезал он подлинного, не разглядел в нем лихого моряка?

Рад бы спросить, да некого!

Впрочем, не ради загадок и отгадок затеял я эту главу. Она — как продолжение предыдущей — об атмосфере, в которой жили мы, тогдашние студенты Литературного института. И тут, хочешь не хочешь, а ни за что не сбросишь со счетов присутствия ВЛК. То есть упомянутых уже Высших литературных курсов.

Умолчать о них — значит недоговорить об институте. За пять лет, которые провел я в его стенах, слушателями курсов были Виктор Астафьев, Анатолий Ткаченко, Борис Можжев, Петр Сальников, Евгений Носов, Вера Чубакова, Николай Жернаков, Иван Кычаков, Петр Проскурин, Николай Родин, Иван Смирнов... Мог бы и другие — тоже известные — привести имена, только — зачем? И названных здесь вполне достает для однозначного суждения: это было поколение тружеников, работяг. И, за малым исключением, поколение фронтовиков, солдат Великой Отечественной.

Рожденные в двадцатые, они успели к войне, к трудпобинности, кому-то и ГУЛАГ выпал. Единственным, на что не хватило у них времени и возможностей, была школа. Уникальный жизненный опыт, несомненная одаренность, неистовое трудолюбие и — скудная, в пределах семилетки, грамотешка. Борис Можжев с его военно-морским училищем — счастливое исключение. У иных — всего-то три-четыре класса, да и то — задолго до войны, да и то — в какой-нибудь глухоманной российской деревеньке.

Одно из назначений тогдашних ВЛК — восполнить пробел, дать профессиональным писателям общеобразовательную подготовку. В программу, рассчитанную на два года, включалась — разумеется, в усеченном, приближенном объеме — изрядная часть предметов, которые преподавались и нам.

— Писательская ремеслуха, — так, жестковато и точно, называл курсы Виктор Астафьев.

Великовозрастных школяров тяготила обязательность сидения на лекциях («на уроках» — по определению того же Виктора Петровича), сдача зачетов. С большим желанием ходили они на творческие семинары, где с жертвой, отважившейся выставить на обсуждение рассказы или повести, летели пух и перья. Тут по части задора и азарта раздразнить, уложить на лопатки профессионалы ничуть не уступали нам, студентам, а по умению сделать это — изрядно превосходили. И все же главным для большинства были не лекции и семинары, а дарованный судьбой счастливый случай пожить в Москве, приобщиться к столичному быту, проторить дороги в издательства, в редакции журналов. Известность многих из названных и не названных мною писателей как раз и началась с этой отметки, именуемой ВЛК.

Жили мы, несмотря на разницу в возрасте и — ощути-мую! — в размере стипендий, дружно: старшие не кичились уже изданными книгами, именитостью, младших не тяготили зависть или подобострастие. Да и кому, допустим, могла бы завидовать студентка Ольга Фокина с ее родниковыми, незамутненными наносной тиной, стихами? Или студент Василий Белов, уже сделавший себе имя своими озорными рассказами? Разве Льву Николаевичу Толстому, чего он, в общем-то, и сам не скрывал. «Мне бы так-то в моем детстве: гувернантки, воспитатели! — говаривал, хитро щуря глазки. — Чтобы языки заграничные с утра слышать, а не матерную брань...»

Случалось наоборот: старшие (всего-то вокруг сорока!) завидовали нам — нашей молодости, тому, что «все у нас впереди». Было: завернул на огонек Иван Спиридонович Кычаков. Мрачный, подавленный.

— Не прогоняйте, ребята. Точно мне, боюсь за себя.

Ребята — мы с Эриком, Коля Рубцов и Юра Петров — как раз проворили ужин.

— Садись, Иван.

Кычаков через силу выдавил подобие улыбки.

— Спасибо за приглашение, братцы. Я уже насиделся. Вдоволь, на всю жизнь.

Ужин в тот вечер затянулся. Обычно немногословный, скуповатый на проявления чувств, Кычаков вдруг разговорился. То, что он рассказывал о себе, было страшно слушать. Но и остановить, одернуть рассказчика мы не посмели. Понимали, человеку нужно излиться, душу вывернуть наизнанку.

Вот — коротко, пунктиром — его исповедь. Исходная точка — воин, сорок третий. Окружение, двухнедельное пребывание в плену. Ротный в звании старшего лейтенанта, из-за колючей проволоки вышел он незапятнанным, и партийный билет сберег. Войну закончил в Берлине — уже майором, командиром батальона. Его, орденосца и коммуниста, прочили в военную академию, но он, на свою беду, оказался еще и поэтом. Со скандалом уволился в запас, поступил в Литературный институт, в семинар Ярослава Смелякова. А вскоре их и повязали — весь семинар вместе с руководителем. Брали на званиях. Кычакову вменили в вину тот самый плен, те злосчастные две недели. Дали десятку. За строптивость — не ведал, не хотел знать за собой вины! — свезли в Бутырскую тюрьму, бросили в камеру к уголовникам. Тех, наверно, науськали порешить разжалованного, лишенного орденов комбата: тут же и принялись за дело. И после — на этапах, в лагерях — покушались на Ивана не единожды: власовцы, бандеровцы...

Сегодня, когда многое знаем мы про архипелаг ГУЛАГ, про лагерные мытарства доблестного Маринеско, притупилась в нас боль за выстраданное другими. Читаем или слушаем, не сопереживая, порой равнодушно-отстраненные, закроем книгу и забудем о ней; неудобного собеседника обойдем стороной. Специалисты утверждают: все нормально, естественная реакция организма, который должен, обязан-таки защищаться от чрезвычайных нервных нагрузок, от болезненных стрессов. Возможно, так оно и есть. Но тогда, в тот вечер — за несколько месяцев до сложнейшего «Ивана Денисовича» — мы были потрясены тем, что услышали от Кычакова. А Колю особенно поразила концовка горестного его повествования. Как, отсидев отмеренное ему и отбыв на поселениях еще сколько-то, возвращался Иван Спиридонович в Москву, уже на литературные курсы. Как у дверей общежития увидел красивую девушку, запомнившуюся ему по куцым месяцам учебы в институте.

— Лида, — воскликнул он. — до чего же здорово ты выглядишь! Сколько лет прошло, а ты ни капельки не изменилась. Ты меня помнишь, Лида?

— Я не Лида, — ответила ему девушка. — Я — Галя. А Лидой зовут мою маму.

Галя оказалась дочерью Лидии Ивановны, помощницы коменданта нашего общежития. И Николай потом расспрашивал ее, так ли все было, и убедился, что так. Когда забирали семинар Смелякова, Галя ребенком была, а теперь вот выросла очень похожей на маму в молодости. — Ты что же — не поверил Кычакову? — спросил и Рубцова.

Он не отвел взгляда — только головой качнул.

— Не то, Валька. Хотел подробностей. Руки чешутся написать поэму о том, как выбили человека из жизни. И как остановилось для него движение времени.

А Кычаков тогда, в ту ночь, покинул нас на рассвете. Уходя, протянул мне клочок бумаги. Телеграмма, срочная! В Ленинграде скоропостижно умерла его дочь, студентка.

— Ты что же сразу-то, как пришел, не сказал? — обомлел я. — Почему промолчал?

— Боялся разрыдаться, — ответил он.

— А теперь куда?

— На вокзал, к поезду.

Потом, когда вернется с похорон, снова придет в двести седьмую — осунувшийся, небритый. И вслух пожалеет, что открыл нам свое прошлое, свою душевную боль. Ни к чему оно было, скажет, у вас — другая жизнь, другие заботы. И песни другие. Все-то у вас впереди.

Жить ему останется совсем недолго.

Вот вопрос, над которым стоит поломать голову: как, по каким законам складываются поколения в литературе?

Сверстник Астафьева поэт Семен Гудзенко первый свой сборник «Однополчане» издал в сорок четвертом. Еще во всю гремела война, до Победы — версты и версты. Обугленный болью и страданием, двадцатилетний Виктор Астафьев метался в это время на госпитальной койке. Когда пришло сознание, как о чуде, просил небо о единственном: продли мне жизнь. Пусть на крохотную малость, но — продли, чтобы вновь мог я увидеть солнце, деревья, траву... И в мыслях не держал он, не замахиивался на дерзкое — стать писателем.

Талантливый и тоже тяжело израненный на войне Гудзенко ушел из жизни в пятьдесят третьем, оставив читателям хрестоматийные стихи.

Тогда же, в пятьдесят третьем, Виктор Астафьев зарабатывал на хлеб поенкой в районной газете и надеялся опять же на чудо — на то, что, даст Бог, со всеми хворями дотянет до сорока. Успеть бы порадоваться детям, успеть сказать что-то свое — более серьезное, нежели написанные по соцзаказу статьи и очерки в местной печати.

А на подмостках столичных эстрад уже выпестовывал свою песню Евтушенко, запомнивший войну по эвакуации в сибирскую глубинку, на станцию Зима.

Литературный Олимп штурмовали барды Политехнического.

По экранам кинотеатров триумфально — под говорение речей и треск аплодисментов — шествовала лента «Наш дорогой Никита Сергеевич».

И тут — как мина замедленного действия — взорвался в нашем сознании астафьевский «Звездопад». Непривычно правдивое, необычайно свежее слово о войне! Откровение.

Одновременно — по крайней мере, мне так запомнилось — обозначились другие имена: Евгений Носов, Сергей Никитин, Василий Быков, Николай Родин, Виктор Гончаров...

Минут не годы — десятилетия, и снова то же поколение рожденных в двадцатые (битые, чудом уцелевшие фронтовики!) заявит о себе книгами Вячеслава Кондратьева и Юрия Додолева.

Не удивлюсь, если и новые появятся.

Что это — необычайно цепкая воля к жизни, присущая старым солдатам? Или добросердечие матери-природы, искупающей грехи жестокого века, положившего на поле брани миллионы талантливых голов?

Критики еще не раз скрепят шпаги, размышляя над тем, к какой волне, к какому временному пласту причислить то или иное дарование. Пусть их... В конце концов, истина рождается в споре. А по мне — так, может, и хорошо, что Астафьев и другие его сверстники входили в литературу с запозданием. Судьба уберегла их от участия в сотворении мифов о кавалерах золотой звезды, вывела на пропинку, которой, быть может, уготовано прослыть столбовой дорогой отечественной словесности.

Разно запомнились они, старшие наши товарищи. Мне и память напрягать не нужно, чтобы ожили в воображении какие-то картинки.

...Вечер. Вбегаю по лестнице на своей шестой, а навстречу — барином, в китайском халате, расшитом розами и петухами — спускается в душ Борис Можжев. Да и не то

слово — спускается. Шествует, плывет, парит. Вечно готовый задрать всех и вся, сегодня он благодушен, ухмылка — шире бороды.

— Читал? — спрашивает.

— Читал. Поздравляю!

— То-то же! Мы им еще покажем Кузькину мать...

Повесть «Из жизни Федора Кузькина» и впрямь не за горами, но радуется Борис Андреевич очерку, опубликованному в «Литературной газете». Очерк — о чиновных злодеях из Рязанского обкома партии, повелевших распахать под кукурузу пойму Оки, тем и загубивших ее безвозвратно. Еще так далеко до всплесков общественного негодования, до широкого экологического движения в стране, Борис, по сути, единственный «зеленый» на весь Союз! С тех пор и по сей день отношение к нему у рязанских партаппаратчиков однозначное: расстрелять — рука не дрогнет.

...Застенчивый, немногословный Анатолий Ткаченко прогремел вдруг повестью «На отшибе». Лихо закрученный сюжет, дальневосточная экзотика и — такая узнаваемая, такая горькая Россия! Мы пригласили автора на свой семинар по текущей советской литературе: из первых, так сказать, уст послушать о секретах мастерства. Анатолий Сергеевич долго упирался, отнекивался, а когда уговорили, уломали, привели в аудиторию — задумчиво изрек:

— Ну зачем я вам буду что-то рассказывать? Вы же сами пишете! Знаете, как это делается.

Что тут возразишь!

...Захожу к Жернакову, кажется, перехватить пятерку. А он — как Иисус Христос на кресте: распял себя на ребрах шведской стенки да еще босыми ступнями какие-то скалки на паркетинах катает.

— Зачем это, Николай Кузьмич? — спрашиваю ошарашенный.

— Отрабатываю сюжет, — улыбается.

А пот с него — градом.

Самый «взрослый» годами среди сокурсников, тяжело хворавший, жил Николай Кузьмич на голом упрямстве и страстном желании сказывать свое слово в литературе. Уже и это достойно великого уважения. Но еще более поразила я, когда узнал, что Жернаков — секретарь обкома партии. Вернее, был им до поры до времени, пока не взбеленился кто-то из столичных чинуш: книжки сочиняет, гуманист, а мало ли о чем взбредет ему написать! Жернакова поставили перед выбором: литература или партработа. Он выбрал литературу, понимая, как трудно будет напечататься, к какому нищенскому существованию приговорят его недавние сотоварищи.

...Или это вот — нездешние старички у дверей общежития. Низкорослые все, редкородные, с глазками, узко сведенными в прищуре: будто в белку на сосне целятся. Белые рубахи подпоясаны цветными шнурками. Кто они, откуда? Студентов по возрасту переросли, на классиков не шибко тянут. Оказывается, гости из Хакасии. Приехали на ВДНХ, а там и сообразили: где-то, поблизости от Выставки, Иван Спиридонович Кычаков обитает. Помнят они Кычакова, хорошие, правильные для ребятшек учебники сочинял. Вот, пришли сказать спасибо доброму человеку.

Над учебниками для тамошних детей трудился Иван Спиридонович, отбывая в Хакасии ссылку.

Разно, повторю, запомнились нам наши старшие товарищи. И это естественно: живые люди, у каждого — свои повадки, своя манера подать себя. Но было и нечто общее, свойственное им: надежность. И никогда, ни при каких обстоятельствах не демонстрировали они даже тени превосходства над нами, начинавшими.

Смею надеяться, что и мы, жившие бок о бок с ребятами из этого поколения, переняли у них что-то светлое, доброе.

Соболев, с открытки которого начал я эту главу, познакомился с Колей Рубцовым у Астафьева, на новогодней вечеринке. Было это, помню, в какой-то из комнат общежития.

В нашу тогдашнюю жизнь Виктор Петрович Астафьев

вошел так плотно и так ярко, что и сегодня, спустя десятилетия, вспоминаю об этом с душевной теплотой.

Студенты веселы оттого, что не богаты. Случались, однако, дни, когда уже не до веселья. Пробудившись утром, а подниматься нет охоты: помнишь, и «стрельнуть» не у кого, и сшибить халтуру негде. Чего ж зазря метаться, лучше побережь ее — энергию.

— Мужики, — хрипловатый голос за дверью, — на ногах?

Он — Виктор!

Вламывается — бесцеремонный, медвежковатый.

— Пять минут на умыться-одеться и — помчался в «Эльбрус». Ходят слухи, туда завезли армянский коньячок и свежую баранинку.

«Эльбрус» — знаменитая в то время шашлычная на Тверском бульваре, на том самом месте, где ныне зеленеет газон и закручивается водоворот позорной очереди в иноземный «Макдоналдс».

Видя нашу нерешительность, деланно свирепеет:

— Вы это бросьте, давайте без фокусов... У меня книжка вышла, гонорар получил. Выйдет у вас — вы меня позвете. Тоже обмоем.

Едем в «Эльбрус», а он в трех шагах от нашей Alma mater. Сидим — плотно, неотрывно — за крайним столиком, возле просторного окна. А за окном — озабоченные, боясь опоздать на лекции, бегут вприпрыжку наши одноклассники. Нам не до них — урбатываем шашлыки и внимаем кормильцу, который рассказывает про недавний вызов к секретарю обкома:

— Пригласил сесть, приступил воспитывать. Беседуем, а он все под стол ныряет, все ныряет, какие-то манипуляции там вершит. Прислушался я: шипит под столом что-то, по-змеиному шипит. Секретарь мне вопрос, а я — как воды в рот набрал. Вынырнул он из-под стола, глаза чумные: «Что же вы молчите, Виктор? Говорите...» — «Хорошо, отвечаю, — согласен, буду говорить. Только давайте без дураков, без игры в прятки. Во-первых, магнитофончик водрузите на стол, чтобы вам не напрягаться излишне, а во-вторых, не всем я Виктор — кому-то и Виктор Петрович...»

— Ловко, — по-ребячьи радуется Рубцов, — ловко ты его расщелкал. Под орех!

Астафьев похихатывает, довольный.

У меня такое чувство, что все годы учебы в Литературном мы не расставались с ним. Да, собственно, так оно и было. Закончив курс наук в писательской «ремеслухе», определившись на жительство в провинции, Виктор Петрович частенько навещался в первопрестольную. И с вокзала — всегда в общежитие на Добролюбова, никогда — в гостиницу. Случалось, занимал свободную комнату и — жил неделями, работал.

Однажды завалился с неподъемным чемоданом.

— Зови братву!

Сбежались, смотрим: что еще за сюрприз?

Оказалось, рукопись «Кражи» — в нескольких экземплярах.

— Почитайте, ребята, потом скажете, как оно вам... — И добавил — не без смущения, которое в нем, уже известном, показалось мне странным: — Я эту вещь мозолями на заднем месте высидел. Корпел, света не видя...

Не берусь судить, какое значение имели для него наша оценка, наше мнение о повести. Тут важно другое: школа! Нам такие уроки — не меньше, чем самый насыщенный творческий семинар.

И вот ведь что любопытно: не только Астафьев так поступал. Покойный ныне Григорий Иванович Коновалов в институте, да и на курсах, отроду не учился. Рожденный в начале века, он и возрастом превосходил нас значительно, но тоже был частым и желанным гостем в общежитии: студенты по-своему звали его «дедом» или «дядей Гришей». Так вот, и его многотомные «Истоки» читали мы в рукописи.

Не прихотью мастеров объясняю я такие их поступки, а желанием услышать правдивое, не прикрашенное лукавой

лестью слово. Когда-то — в прошлом веке, на заре нынешнего — писатели специально сходились на вечеринках, чтобы почитать друг другу свои творения, пока не стали они достоянием не всегда опрятной критики. Пренебрежение к так называемой «салонной поэзии», «салонной литературе», бытующее у нас, — по меньшей мере, недоразумение. Проверку салоном прошла поэзия Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета. В самых взыскательных салонах читалась проза Гоголя, Тургенева, Толстого, Бунина, Лескова... Сегодня эта добрая традиция утрачена. Нам все некогда, некогда, все торопимся в бессмертие или переводим время на распри, на ссоры и склоки. Отсюда и уровень литературы.

Не знаю другого прозаика, который бы так страстно любил поэзию, как любит ее Виктор Астафьев. Хорошие стихи может слушать часами. Сидит, наклонив голову, иногда и непрошеную слезу смахивает. Если что-то особенно понравится — заставит повторить, и не единожды. А то и переписать для себя попросит.

— Хороший человек! — скажет об авторе взволнованных его стихов.

Сколько раз накалывался, убеждался, что и подлещи бывают талантливыми. А все — до очередной находки, очередного открытия, свершилось оно — и снова слышишь детски-восторженное: хороший человек!

Именно тогда, в ту пору вынашивал он замысел сборника, в котором — каждый с лучшим своим стихотворением! — напечатались бы поэты российской провинции. Понадобились годы и годы, чтобы такой сборник — «Час России» — увидел свет.

Его и в Рубцове, насколько я знаю, сперва стихи поразили, а потом уже — когда порасспросил, а что-то и стороной выяснил — горькая схожесть судеб: раннее сиротство, бесприютность, неприкаянность.

Едва обнаружил это — проникся к Рубцову сердечным состраданием. Уговаривал приехать в Пермь, отдохнуть от житейских дряг. «Живи хоть месяц, хоть год. Гуляй, дыши, пиши. Марья моя тебя не обидит, у нее сердце доброе.»

Позже, когда оба определились в Вологде, опекал Николая, как мог, как умел. И не его беда, не его вина, что слишком ершист и непокладист был Николай Михайлович в последние месяцы своей жизни, что не всегда прислушивался к заботливому о себе слову, а порой и гневно, с порога отвергал любой намек на соучастие.

В феврале восьмидесят шестого Ленинградский университет затеял конференцию, посвященную творчеству и памяти Рубцова. Юбилейный для поэта год: должно бы исполниться пятьдесят от рождения, исполнилось пятнадцать со дня гибели.

— Знаешь, до сих пор поверить не могу, в голове не укладывается, — сказал мне Виктор Петрович. И, отвернув лицо в сторону, договорил: — Не о том думаю, сколько сделал бы еще, написал, а о том, сколько мог бы жить...

Был ли случайным успех Рубцова?

Случайные успехи недолговечны.

Тут — напротив.

Он, этот успех, был подготовлен всем течением его жизни: неустанной работой души; несластою, с которой Николай Михайлович отринул устоявшиеся каноны, первоначальные уроки и пришел к своей самобытности;

совестью и позицией гражданина;

вдохновением, рождаемым в тяжком труде.

Все это вместе и есть талант!

Печалась о рано ушедшем из жизни земляке, Василий Белов сказал на страницах газеты «Советская Россия»: «Жаль, он так и не сумел выстоять перед пагубной страстью...»

Жаль — и Рубцова, и Анциферова, и Блынского...

Но только ли пагубная страсть причиной тому, что — раньше всех отпущенных сроков! — уходили из жизни талантливые, неординарные?

Валя Блинов. Самая яркая фигура среди наших студентов-драматургов. За его пьесами охотились режиссеры, о спектаклях по-доброму писала театральная критика, во все времена не балующая молодых. Материально не бедствовал и — в прошлом офицер-ракетчик — не пригубил, на дух не переносил. Блистательно защитил диплом, а вскоре отравился, оставив записку, что не видит смысла в такой жизни, при таком общественном устройстве.

Прозаик Василий Подгорнов, слушатель Высших литературных курсов. Влюбленный в село и природу, выше всех классиков почитал Пришвина. Отучившись год в столице, уехал на каникулы в Ульяновскую область. Действительность, на которую — после сверкающих московских витрин — взглянул вроде бы новыми глазами, потрясла. Оборвал жизнь в петле.

Киносценарист Михно, привечаемый в студиях, обласканный постановщиками. Жили на одном этаже, разделенные парой дверей и клеткой лифта. На столе в его комнате осталась ополовиненная четвертинка перцовки с плавающим в ней гуттаперчевым чертиком. Приехавшие на похороны родители твердили в голос, что выпил сын впервые в жизни — перед тем, как навсегда расстаться с ней. Самого Михно нашли в белье шкафу, в кармане — записка. Примерно такая же, как у Вали Блинова.

Мой одноклассник Гамзат Аджигельдиев, поэт. Вступительные экзамены сдавал в погонах сержанта, может, потому и назначили его на «строевую» должность — старостой курса. Что греха таить, не сразу понял он разницу между армией и вузом, между казармой и студенческим общежитием. Потом обошлось: притерпелся, поумнел все. Выучился Гамзат, уехал на родину — в Дагестан, а вскоре и обрушилась на нас черная эта весть: наложил на себя руки. То ли с издателями взаимного понимания не нашел, то ли с местной властью не в ладах оказался.

Я оборву себя, не стану продолжать этот грустный и бесконечно долгий мартиролог. Люди, перед памятью которых я низко склоняю голову, не были душевнобольными или в чем-то виноватыми. Виновато время — беспощадное, удушливое, как ветер пустыни — самум. Кто-то, не видя выхода, сжигал себя в пламени алкоголя, иные — яростные и нетерпеливые — глотали яд, стягивали на шею петлю, выбрасывались с балконов многоэтажек.

Эмиграция в никуда.

В отрочестве, за школьной партой, мы заучивали наизусть про печальную судьбу певцов, замордованных царским самодержавием. Знаменитый список. Пушкин: убит на дуэли... Рылеев: повешен... Лермонтов: убит на дуэли... Полежаев: забит шпицрутенами...

Десяток имен, не более.

Не провожу аналогий, не хочу сопоставлений и обобщений. Давно не попадаете мне тот список на глаза. И слава Богу!

И вот о чем подумалось мне еще. Все мы, и я в том ряду, много толкуем о лишениях, выпавших на долю Рубцова, о несчастьях, ходивших за ним по пятам. А ведь сам-то он... сам он, видимо, другой доли и не желал. С этой был счастлив. О чем со всей определенностью и сказал в своих стихах: «Я люблю судьбу свою, я бегу от помрачений!..»

Никому не ведомо, в какой мере каждый из нас зависит от обстоятельств. Сложил жизнь Рубцова по-иному — может, и не было бы у России такого певца.

Тихий философ по натуре, Рубцов много размышлял о жизни и смерти. И много писал об этом. И конечно же, старался увидеть, прозреть, что там — за последней чертой?

Умер, как и предсказывал, на крещение. В одном ошибся: про морозы. Именно в тот черный день — 19 января — грянула оттепель с дождями.

Кажется, Асеев остерегал собратьев: не смейте загадывать день своей смерти. Непременно исполнится.

И объяснил: тут не от Бога — от психики. Поэты легковнушаемы.

Женщину, которая убила Рубцова, зовут Людмилей.

Она писала стихи, говорят, не бесталанные. И была матерью девочки, рожденной в первом, не очень удавшемся, браке.

Накануне трагедии вологодские писатели затеяли семинар для начинающих. Рубцов, рассказывают, резко, даже зло критиковал стихи Людмилы — за самолюбование и перепевы его, рубцовских, мотивов.

После семинара она и увела его к себе. «Не ходи», — говорили ребята, но Рубцов не прислушался: он любил эту женщину, хотел назвать ее своей женой.

На следствии Людмила подтвердит, что да, собирались пожениться, но дней за десять до регистрации она отказала Николаю. Потому что, когда переберет, чересчур деспотичен. И что Рубцов, придя к ней после семинара, клялся в любви, настаивал на женитьбе, а не добившись согласия, выхватил из кармана пару ножей и приставил к ее груди: «Не выйдешь за меня — убью!»

Людмиле ничего не оставалось, как защищаться.

Версию с ножами я отмечаю с порога: Коля Рубцов в роли опереточного злодея — нонсенс, пошлая выдумка. И это так же верно, как и то, что в подпитии он действительно бывал деспотичным.

О ножах не говорит и соседка по коммунальной квартире, подслушавшая — из-за тонкой целюстой перегородки — единственное: признание в любви. «Я люблю тебя, Люд!» — повторял Николай.

Не было их, ножей, и среди вешдоков, а вот улыбка на лице Николая, не успевшего осознать, что его убивают, осталась.

Следствие в своих выводах оказалось единодушным: убийство не было результатом аффекта, утраты душевного равновесия, чувства реальности. Преступница оставалась в здравом уме и твердой памяти.

Людмилу, приговоренную к восьми годам, в колонии назначили звеньевой, постоянно отмечали за добропорядочное поведение и усердную работу. Еще — за активное участие в художественной самодеятельности.

Не знаю, какие побуждения привели к воротам колонии Олю Фокину: то ли, прошу прощения, исконная бабья жалость, чувство христианского сострадания, то ли желание взглянуть в глаза. Людмила не вышла встретиться, отказалась наотрез. Ссылалась на то, что выглядит непрезентабельно: острижена, исхудала при скверном питании, да еще в полосатом эковском платье.

Освободили ее — повторю, с учетом хорошего поведения и ударной работы — через пять лет. Так совпало, что в тот день, когда она должна была покинуть колонию, одну из улиц в Вологде наименовали в честь Рубцова. Митинг, стечение народа... Власть — а вдруг люди прознают, не простят ведь! — предложили Людмиле задержаться на сутки. Согласилась, но после негодовала, жаловалась на произвол.

Вот, пожалуй и все, что осмеливаюсь я рассказать о женщине, обокравшей отечественную поэзию. Да и осмеливаюсь-то, уступая настойчивым просьбам читателей.

Люди, знакомые с Людмилей, утверждают, что она по-прежнему пишет стихи. И кто-то из доброхотов вроде бы настойчиво пробивает ее в Российский Союз писателей.

Величайший такт и трогательную мудрость проявили земляки Николая Михайловича Рубцова, начертав на памятник ему строчку из «Видений на холме»:

«Россия, Русь! Храни себя, храни!..»

РЯЗАНЬ.
1975-1985, 1990 гг.

●

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Имя Николая Рубцова обрело уже почти волшебную силу. Говоря о нем, мы всегда подразумеваем поэтическую глубину, удивительную искренность и неразрывную связь судьбы и творчества этого безвременно погибшего поэта.

Слова «забытые, неопубликованные стихи» плохо вяжутся с именем Рубцова. Но некоторые его произведения, в основном ранние, действительно не опубликованы или забыты. Не напечатан полностью даже машинописный сборник «Волны и скалы», выпущенный Рубцовым в 1962 году тиражом всего шесть экземпляров. А ведь туда вошло немало отличных стихотворений. Недавно я опубликовал одно из центральных стихотворений этого сборника, в нем есть такие стихи:

Ах, что я делаю?
За что я мучаю
больной и маленький
свой организм!..
Да по какому же
такому случаю?
Ведь люди борются
за коммунизм!..

Ирония этих строк понятна. Рубцов писал правду всегда, при любой «погоде». Некоторые его стихи как раз и не шли раньше в печать из-за политических вольностей.

Были и другие вольности, не совсем печатные выражения. Некоторые стихи поэт не публиковал сам, считая их несовершенно. И последняя, пожалуй, причина существования до сих пор не опубликованных стихов — некомпетентность и равнодушие некоторых редакторов и издателей. Предлагаю читателям несколько стихотворений выдающегося поэта нашего времени Николая Михайловича Рубцова. Думаю, что сегодня мы правильно поймем и верно оценим любые строки мастера. Мы даже «вынуждены» это сделать, потому что когда-нибудь все эти строки войдут в полное собрание сочинений поэта. А в том, что оно необходимо, — я несколько не сомневаюсь.

Вступление
и публикация
Вячеслава БЕЛКОВА.

ВОЛОГДА

Отрывок

Загуляли мои друзья!
И в отваге
Петушком подскочил и я,
И отпробовал
Влаги...
А наутро пошли гудки,
Стали брызгать грузовики,
Все меня обливали грязью.
Лишь у бани
Какой-то дед —
Видно, с опытным знаньем —
Выпил кружку
И мне вослед
Поглядел с пониманьем...

Два пути

Рассыпались листья по дорогам.
От лесов угрюмых падал мрак...
Спите все до утреннего сряда!
Почему выходит из тракта?

Но, мечтая, видимо, о чуде.
По нему, по тракту, под дождем
Всё на пристань двигаются люди
На телегах, в седлах и пешком.

А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда.

Кто же знает, может быть,
Людный тракт окутается мглой.
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.

1950

* * *

Поэт перед смертью
сквозь тайные
слезы
жалеет совсем не о том,
что скоро завянут надгробные
розы,
и люди забудут о нем,
что память о нем —
по желанью
живущих —
не выльется в мрамор и
медь...
Но горько поэту,
что в мире
цветущем
ему
после смерти
не петь...

1957

Если что не так...

Поэт вокруг своей оси
Всегда вращался, как планета, —
Ведь каждый миг душа поэта
Полна движения и сил!

...Дышу натруженно, как помпа,
Дышу, осиливая грусть.
Лежу противный, будто бомба,
Не подходите — я взорвусь!

Но встану окна распахнуть —
И ветра свежесть ледяная
Звенит, волненьем наполняя
Мою прокуренную грудь.

Друзья, ко мне на этот раз!
За пару дружеских словечек
Велю зарезать двух овечек,
Вина достану — все для вас!

Для вас прочту, имея такт,
Свой стих — любимый и ударный,
Хотите — каркайте: «Бездарно!»
Простите только, что не так...

Должен сказать...

Все, что написано мной
Грубого, низкого, пошлого,
Я не считаю игрой
И пережитками прошлого.
Нет, не писал безрассудно я.
И говорю не напрасно:
Жизнь наша флотская трудная
Все же прекрасна!

1957

Знакомство

Пел солист красивым баритоном,
Джаз играл волнующий фокстрот.
Я в углу беседовал с пижоном,
Сунув сигарету в рот.
Голову склонив довольно низко,
Я не видел посторонних лиц.
Но внезапно

чей-то

близко-близко

Жаркий взгляд
сверкнул из-под ресниц.
Мне стоять с пижоном

грустно стало.

И, сказав рассеянно: «О'кей!»,
Медленно пошел я через зало
И остановился перед ней.
«Потанцует?» —

я ей руку подал.

И она в согласии немом
Подойшла ко мне вполоборота,
Ласково взглянула:

— Что ж, пойдём...

Темный локон живописно падал
На ее чуть-чуть вспотевший лоб,
Голос томно-тихий,

а во взглядах

Самых сильных чувств

калейдоскоп!

От нее не веяло притоном,
Улыбался

детской формы рот...

Пел солист красивым баритоном,
Джаз играл волнующий фокстрот.

1957

Обыкновенный случай

Я иду с гармошкой по деревне
С краснозвездной шапкой

набекрень.

И по пьянке около деревьев
Носом чуть не врезался

в плетень.

Бегают вороны по сугробу,
У калитки хрипло лает пес.
Девушка, как будто с пер.бу,
Мне кричит: «Не падайте,
матрос!»

Отвечаю я, смущенный очень:
«Ах, простите, девушка-краса...»
У нее сверкают гневно очи,
Еб...ась до пояса коса.

«Милая, простите...

— повторяю. —

Не ругайтесь, если что не так.
За три года в первый раз гуляю,
Веселюсь, как истинный моряк».

Девушка поморщилась с досадой,
Тихо мне сказала: «Ты не прав»,
И ушла, повилявая задом,
Навсегда меня очаровав.

Я остался около деревьев.
И, конечно, понял в этот день,
Что позорно шляться по деревне
С краснозвездной шапкой
набекрень!

Случайные страшные мысли

Отоснились пепельные косы,
О которых Флеров написал.
Поднимались в кубриках
матросы,
Выносили койки на причал.

Над заливом дождь холодный
капал,
На волне качался альбатрос.
Весь продрогший вахтенный
у трапа
Вытирал перчаткой мокрый нос.

Обозвав кого-то ...сосом,
Старшина слонялся в стороне.
Офицер с начальственным
вопросом
Обращался громко к старшине...

Я шагал, заложив руки в брюки,
И подумал мрачно: «Может, тут
Я загнусь нечаянно от скуки.
И меня на кладбище свезут.

Похоронят где-нибудь под
елкой...

И тогда у старого плетня
Будет часто плакать втихомолку
Девушка, любившая меня».

1957

* * *

В провинциальном магазине
Вы яйца видели в корзине,
Вы подошли к кассирше Зине
И так сказали ей, разине:

— Какого хрена эти яйца
Гораздо мельче, чем у зайца?
Она ответила не глядя:
— Зато крупнее ваших, дядя!

* * *

Рыжая баба,
Рыжий мужик,
Рыжая баба
Под мужиком лежит.
Слились два тела
В рыжий ком,
Не видно бабы
Под мужиком!

* * *

Велят идти на инструктаж.
Приказ начальства не смешки,
Но взял я в зубы карандаш,
Пишу любовные стишки.

Но лейтенант сказал: — Привет!
Опять не слушаешь команд!
Хотелось мне сказать в ответ:
— Пошел ты на ...р, лейтенант!

Но я сказал: — Ах, виноват, —
И сразу, бросив карандаш,
Я сделал вид, что очень рад
Послушать умный инструктаж.

Зачем соврал? Легко понять.
Не зря в народе говорят:
Коль будешь против ветра ссать,
В тебя же брызги угодят!

П Р И М Е Ч А Н И Е

В подборку неопубликованных стихотворений Н. Рубцова мы включили также несколько его ранних стихотворений, сохранившихся в архивах критика и литературоведа В. Кожина («Должен сказать...», «Знакомство», «Обыкновенный случай», «Случайные страшные мысли», «В провинциальном магазине») и однокурсника поэта по Литинституту Е. Чернова («Рыжая баба», «Велят идти на инструктаж»). В рукописи на полях последнего из них поэт написал: «Это не крамола, это с натуры. Флотские будни».

Озорные, шуточные, порою хлестко грубоватые, эти стихи писались для забавы друзей в веселые минуты застолий и бесед. Но озорство это было небезопасным, если представить, что стихи могли попасть, к примеру, в руки бдительного флотского начальства.

Впоследствии Н. Рубцов подобного рода шуток не писал. Однако, как свидетельствует стихотворение «Должен сказать...», и не отказывался от них. Стихи эти, написанные молодым поэтом, полными душевных сил, энергии, любви к жизни, на наш взгляд, не снижают, а дополняют его образ.

О Т Р Е Д А К Ц И И

ЮРИЙ ГАЛКИН

Незабытые радости

Не рановато ли печку закрыл? — очень уж зыбкие, заманчивые пошлы фантазии, неопределенность какая-то возникла — вот-вот ласковая свирелька заиграет... На улицу надо поскорее выйти, на холодный ветер. А вот хоть за молоком схожу!..

Все-таки когда есть дело какое-нибудь, бодрее собираешься, без лишних сомнений и колебаний: надо — значит надо, и весь разговор. Оделся, взял бидончик да поскорее вышел на волю. И правда, совсем другое дело: весь угар ветром так и вышибло! Постоял на крыльчке, пока глаза привыкли. Черный вечер, белый снег... Да, как это верно Александр Александрович заметил!.. Вот что такое настоящий талант: к чему не прикоснется, все обращает в истину, поскольку истина нашего бытия присутствует везде, во всякой мелочи, в каждом шаге, но мы начинаем видеть ее только тогда, когда нам укажут на нее.

Как резко белеет снег и как черно сверху и кругом!

Черный вечер.

Белый снег...

Идут двенадцать человек...

Куда же это они идут? Куда-то ведь идут, по делу какому-то важному, экспроприировать, что ли?

Вязкие сугробы иадуло в самых неожиданных местах, и путаешься валенками в снегу, пока выберешься на твердое место. Выберешься, оглянешься... Нет, никого не видно. Разве уж все прошли?.. И огоньков нигде нет, пусто в деревне, один черный ветер гуляет да белый снег все запелпил, запелелал.

Черный вечер.

Белый снег...

Идут двенадцать человек.

В гужовинность...

Что такое? В какую такую гужовинность? Нет, не так что-то, не туда как будто они шли. Да и откуда она выскочила, эта гужовинность? Привяжется же словечко, и как сразу с ним не определишься, так оно точно бы в засаде спрячется, и не знаешь, когда оно выскочит, где наступит тебя. Надо наконец-то выяснить, что же это означает, а то ведь как будто в воздухе носится, так вот и мелькает, а в руки не дается.

Домики наши, занесенные снегом, безропотно и угрюмо сидят в сугробах и точно бы сердятся на своих хозяев, бросивших их на одинокое и холодное существование... Зато те редкие, к которым с большой дороги вешками обозначены тропки, совсем по-другому смотрят — бодро и весело. Даже и окна, пусть и темные — то ли спать уже хозяйка повилилась, то ли в гости ушла, — чисто так поблескивают... А про этот вот, из окон которого белый свет широко льется на сугробы, и говорить нечего — словно корабль чудесный среди тьмы и метели!..

Толкнул толконую дверь — заперто, нашарил веревочку, потянул — открылось. В сенях тоже темно, да ступеньки батошкой нащупал, поднялся, а тут и дверь в избу, скобу нашарил, отворил и переступил высокий порог.

— Мир дому сему!

— А, заходи.

Хозяин, Василий Михайлович Корнев, в рубаше, в штанах и в больших валенках лежал на кровати поверх лоскутного одеяла, пускал дым в потолок, а рядом на табуретке стояла баночка, полная окурков. Но мрачно что-то смотрел сегодня Василий Михайлыч, глаза сердито так прищурил, и телевизор не включен.

Я спрашиваю осторожно:

— О чем мечтаешь?

— Так лежу, — говорит, и плешь погладил, руку под голову забросил.

— А телевизор что не смотришь?

— А нечего там смотреть.

Бывает не то что смотреть нечего, а просто не хочется ничего смотреть, настроения нет, на белый бы свет не смотрел, не то что на этот телевизор. Должно быть, как раз такая минута...

— Садись, — говорит. И валенки сдвинул, освобождая мне на краю место. Я стряхнул под порог растаявший на шапке снег и присел. Василий меж тем закурил новую папиросу, и клубы табачного дыма потекли вверх и окутали белым облачком лампочку.

— Кых-ких!..

Конечно, можно и молча посидеть, не разговаривать, если не в духе, не докучать вопросами: что да почему, взять бы молока и домой, и вот так же полежать в валенках, просто так полежать, не думать ни о чем, ни про то, куда пошли двенадцать человек, ни про чего другое, в просто так полежать, погрузившись в задумчивую мечтательность, переживая и в другой раз, и в третий, и в пятый какой-нибудь давно прожитый приятный момент... Молоко только возьмем...

— Да, послушай, — сказал я, внезапно вспомнив про эту окаянную гужовинность. — Послушай!..

Но как-то уж больно сердито напустился на меня сквозь дым Михалыч: что-де еще?.. Нет, лучше не заводить на эту тему, лучше не спрашивать сейчас. Может быть, в другой раз? — ведь ясно, что эта гужовинность не простое слово, что есть в нем какая-то страшная тайна, и к тайне этой вот так походя лучше и не прикасаться.

— Э... а где Даниловна?

— К Маньке вроде бы ушла, сейчас придет.

Я поставил в сторонку свой легкий бидончик. Манька — это Марья Даниловна, сестра, через дорогу живет, надо подождать. Помолчали. Михалыч сосредоточенно пыхает сигареткой, вставленной в длинный мундштук: пых-пых. Такое с ним бывает, когда выйдет у него какой-нибудь неприятный разговор с бригадиром Леванцовым или с каким-нибудь совхозным начальством, даже и не разговор, а так — бросят друг в друга хлесткими словечками вот и весь разговор. Приезжает, например, кто-нибудь в кузницу: сделай скобы, сделай штыри, сделай то или это. А из чего уголь привезли? — одна земля!.. Или вот еще когда на партийное собрание съездит, спросишь, о чем разговор был, какое решение о подъеме совхоза приняли, говорил ли про уголь, про материал? — он только рукой махнет, напустится, стараясь снять какое-то детски-виноватое выражение на лице да поскорее начнет закуривать. И понять человека можно: коммунист, ведущая сила, а куда привел родную деревню, родной дом, даже родную жену?.. А про себя самого как будто и говорить неловко: «Кых-ких» — вот и все. Может быть, и сегодня возили на собрание?

— Послушай, а где ты в партию вступал? Когда?

— Это еще на Болоте. Была одна, привязалась: давай да давай, надоело. Ну, мы тогда трое записались.

Болото — так у нас называется место в лесу, километрах в трех от Дорофеева. Там раньше была торфоразработка, рабочий поселок, и детство и юность Михалыча как раз прошли в этом поселке, а в нвчале шестидесятых эта торфоразработка закрылась. Но всякий вот раз при упоминании Болота Василий Михайлыч оживится, посветлеет — как и сейчас, и даже плечами пошевельит, поворочался да взглянул сразу добрее.

— И кузнечное, и сварочное дело там освоил?

— Специально-то не учился, а так... Да чего я тогда был — двенадцати лет.

— Двенадцати?

— Ну. А работа была — падал. Мать разбудит, а идти надо километр до машины. А ночь темна — часу в полпервого. Смена-то потом придет, а мне надо затопить котел,

пару нагнать. А приходила бригада — одне мужики, сорок-то человек, один одного здоровше. Вот растоплю котел, они идут: «Ну как, сынок, готово?» Готово, поехали! Только давай — и жмут, и жмут. А оне здоровые все, все вербованные.

— А чего они делали?

— Копали.

— А твоя машина?

— А машина крутит элеватор и пресс. Цепь там идет. Надо кидать в элеватор, а потом пресс. А потом идет мунштук и доска, и в вагонетки... А я чего — до штурвала не достаю, мне ящик сбили. На день-то знаешь сколько? — тонн пять — шесть сожгу только торфу одного...

Не трудно представить его возле той машины мальчишкой — ведь и сейчас-то Михалыч худой, ростом небольшой — весь как бы внутрь самого себя согнутый, и только вот голова плешивая. «Кожа да кости» — про таких говорят. А тут, правда, можно добавить эпитет: кожа прокопченая. Возле этих машин, наковален да слесарных верстаков с двенадцати лет не прокоптиться да не согнуться мудрено было бы...

— В час ночи ты уходил к машине, а когда же приходил?

— Когда стемнеет. Ну, на обед сходишь, ложкой ткнешь, а сам спишь. Спишь и ешь...

Тут дверь отворилась, вошла сама хозяйка, в платок закутана, в больших валенках. Может быть, всё большим на ней кажется потому, что сама маленькая, как внучка Иринка пятнадцати лет... Увидела мой бидончик, заторопилась дойти, ведро с пойлом потащила.

— Да ты, — говорю, — Анна Даниловна, не торопись, я подожду. Мы вот с Михалычем про Болото вспоминаем.

— А, про Болото! — певуче сказала она, и темное, в морщинах лицо ее осветилось радостным оживлением. Она даже ведро отставила и выпрямилась. — Золотое дёнышко!

Вот как! Может быть, я ослышался? Эта торфоразработка и — золотое дёнышко!.. Я оглянулся на Василия. Но тот окутал себя облаком табачного дыма и шурлил непонятно.

— Не-ет, на Болоте хорошо было. Там каждый месяц давали мануфактуру, магазин там свой был. Много там работало из наших. Кто помоложе, кого не спроси, все там работали. Только вот старухи — Вера, Семенова Нюра — эти не работали. А тетя Васена наша, Манька Гульнова работала, Шура Федорова работала, много наших там работало. И вербованных много было: орловские, воронежские. Пенза была, брянские. Со всех краев.

— Кто работал, полтора килограмма хлеба получал, — перебил Михалыч прокуренным своим хрипом мягкий, быстрый, журчащий говор жены. — А потом еще дополнительно давали. Вот я до двух килограмм получал. А чего я тогда был? — двенадцати лет.

И что это он вдруг разволновался, разгорячился? — резко с подушки вспрынул, приподнялся на локте, — так, должно быть, легче, свободнее было ему свое волнение высказывать.

— И все там было: и мясо, и все. Деревни снабжали нас. Как осень, привозят на лошадях. Капусту везут, картошку, мясо везут.

— А за что же вас деревни снабжали так щедро? В обмен за торф или как?

— Зачем в обмен. Это все было в счет поставок. А какие погреба были!..

Сказавши о погребах, он опять опустился на подушку и замолчал, словно бы утомило его пережитое волнение.

— Правда, работа была тяжелая, — опять заговорила своим мягким голоском хозяйка, точно подхватывая выпавшее из рук мужа знания. — Я в карьере была, копала, с сорок третьего года...

— А лопаты какие! — опять не выдержал Василий.

— Лопата такая — ее не подымеешь пустую, а я за сме-

ну-то бровки две — метров, наверное, на шесть — выкопаю. Вот так метр, да так, наверное, метра три, и вот я выкопаю ее за смену. А пеньки-то попадают во какие. Вытаскиваешь, рубишь топором. Я те говорю: падали. Так вот работали. И, зная, смеялись. Работаем и смеемся. Еле-еле ползем, бахили у нас — бахили давали вот до сих пор, и вот идем да смеемся. И горя не было никакого, все радовались.

Странно как это слышать... И ведь не домysel ее про радость — она сама пережила ее, и не придумала... Может быть, это Болото с непосильной работой, но с богатыми погребями, казалось «золотым дёнышком» только потому, что в родных ближних и дальних деревнях жизнь была и вовсе бесправна и человек жил и работал только для исполнения «поставок»?.. Иначе — как это все понимать?

— Работа тяжелая была, а вот чего-то смеялись, — сказала Анна Даниловна еще раз, видя, должно быть, мое сомнение, или сама пыталась понять свое давнее молодое чувство.

— А поженились вы с Василием в каком году? — спрашиваю я.

— В сорок восьмом.

— И Валентина, и Дима, и Таня — все там родились, на Болоте?

— Все там. Там бы и теперь жили, да закрылось, — с сожалением сказала она.

Какое-то время мы молчим как на поминках. Видишь ты как, думаю я, кому Болото — болото, а кому — «золотое дёнышко». Но неужели та пережитая в юности радость только и волнует души? А все, что было после, все эти долгие годы — что это?.. Нет, это не жизнь, это другое что-то, чему названия я не знаю...

Но тут на мое счастье является еще один гость с банкой под молоко — их зять Виктор, муж старшей дочери Валентины, — они рядом живут в совхозном доме.

— Здравствуйте, — говорит, — кого не видел. И тоже, как я, стряхнул под порог снег с шапки. А теща меж тем как-то очень уж укоризненно и строго на него посмотрела, и Виктор поймал этот взгляд.

— Ты чего, бабушка?

— Я на тебя обиделась, — сурово так ответила «бабушка» и напустила на себя необыкновенно неприветливый, суровый вид — должно быть, с непривычки перебрала. И Виктор понял в чем дело, и начал оправдываться:

— Ты ведь сказала, что не надо...

— Сказала «не надо», когда я уже натаскала.

Должно быть, речь шла о воде для бани... Виктор покряхтел и виновато замолчал, а «бабушка» хмурилась и тискала в ведре вареные картошки и размокшие хлебные корки. Но два дела одновременно делать у нее не получается: сердится и готовить пойло корове, и вот уже лицо у нее мало-помалу добрее и принимает обыкновенное приветливое выражение. Михалыча же все это как будто и не касается: с отрешенным видом пускает в потолок клубы табачного дыма, а воображением все там еще, на Болоте... И правда, чего тут разбираться: натаскал — не натаскал. В эти домашние мелочи не стоит и вникать, ведь они никак не влияют на течение жизни, ими с «бабушкой» основанной в тех далеких годах, которые одни только и осветились радостью — как зарница полыхнула посреди черной ночи... Даже такое мелкое недоразумение с зятем не лучшее ли свидетельство того, что жизнь семьи, возникшей случайно на основе радости, гораздо крепче и неопровержимее всего другого, что казалось прочно утверждено на века, считалось неколебимым, но вот уже и распалось, развалилось, истлело, превратилось в миф о «золотом дёнышке»? Конечно, тут есть свои тайны, но тайны другие — сердечные, тайны той самой радости, из которой вопреки всему внешнему порядку вещей, вопреки неподъемным лопатам, вопреки работе ради куска хлеба осуществляется жизнь семьи... Пусть пока это не жаркое пламя, перед которым отступают тьма и холод, но ведь

никакая самая черная ночь не может одолеть и трепетного света лампадки...

Между тем картошка и корки размяты. Хозяйка берет подвойник, подхватывает тяжелое ведро с пойлом для Берты...

— Сейчас подою, — говорит, — подождите. — И мимо нас, празднуя усевшихся с банками, с бидончиками. Мы с Виктором только успеваем подобрать ноги, как будто она и так бы не прошла, но — известное движение виноградных... Видишь ты, никак мы не успеем помочь ей, а как соберемся, у «бабушки» уже все «натаскано». И когда мы встречаемся с Виктором взглядами и я вижу его кроткую смущенную улыбку, то понимаю, что и у него на сердце сейчас такое же чувство. И мы сидим и молчим. Только Михалыч пыхает табаком да отрешенно смотрит вверх сквозь облака в потолок. Может быть, мыслями своими все еще там, на Болоте, где погреба полны мясом, картошкой и капустой, доставленными из окружающих деревень в счет поставок?..

Но Виктору надоело сидеть молча, и он говорит:

— Ты о чем размышлял, отец?

— Так...

— Про Болото вспоминает.

— А чего про него вспоминать, про эту каторгу!

— Хы, каторга! — с сердитым хрипом в голосе отзывается Михалыч.

И мне вдруг тоже как-то досадно — каторга! Я заступаюсь за Болото, я говорю и о том, что сейчас трудно и представить, что это Болото, где остались одни торфяные канавы с черной водой да полусгнивший барак, это Болото было во всей нашей округе как благодатный оазис среди... И нечего усмехаться. Люди на Болоте жили как, можно сказать, в раю. Правда, Михалыч? При электричестве, при магазине, в котором можно было купить мануфактуру, там были погреба, полные мяса, картошки и капусты. Скажи, Михалыч...

— Все было! — опять с волнением отвечает Михалыч и поднимается на локте — точно сила какая подымает его. — А здесь чего, в колхозе? — одни палочки. Их так и зовут: палочки. Ну, картошки там скоко-то давали понемножку и все. Только вот те, у кого корова, масло скопят, сдадут, а уж чего останется — стакан ли, два ли — себе.

Виктор знай усмехается:

— Раз такое дело, к вам на это Болото народ, наверное, в очередь стоял?

— А что, здешних знаешь сколько работало? Все мызинские: Смирнов, Песков Шурка, Коноплев Генка... Ну, может и не в очередь — там ведь день и ночь надо работать. Но все-таки как здесь — не сравнить. Там если работал — получал. Я вот мальчишка был, а до двух килограмм хлеба получал.

И в том волнении, с каким Михалыч вспоминает, слышится едва уловимое торжество. Может быть, и гордость за себя — мальчишку... А больше-то чем погордиться? Он вставляет в мунштук новую сигаретку, чирквет спичку и, пыхтя дымом, опять валится на подушку и смотрит вверх, в потолок. Вот так, два килограмма хлеба, и кто? — мальчишка! — как будто говорит он всем видом и выражением прокопченного, изморщенного лица. Вам этого не понять, говорят он, вы этого не знаете, а я не умею и не буду ничего объяснять.

Обиделся, должно быть, за каторгу. И в самом деле, как легко и просто сказать: каторга! А он, каторгу эту прошедший, не согласен.

Может, и какое-то иное чувство переживал он сейчас, как тут наверняка скажешь, не бывавши в его коже, но когда Михалыч по своему обыкновению погладил плешь, меня поразила его рука: как же она была громадна — словно кепка!.. И странное такое впечатление возникло: не шестидесятилетний мужичок по имени Василий Михайлович Корнев лежит поверх лоскутного одеяла в облаках табачного дыма, а тот двенадцатилетний мальчик, которому сколотили ящик, чтобы он доставал до штурвала локомотива, но только этот мальчик за пятьдесят лет превратился в символ работы... Или работа, к которой

он был приставлен за кусок хлеба, превратила, переделала его самого в символ и приняла вот такой человекообразный облик?.. Странное, даже какое-то болезненное впечатление. Символ работы — разве это возможно?.. Я даже — как будто ненароком — потрогал его за коленку. И Михалыч слегка подвинул валенки, освобождая место. Это, конечно, не значит, что он каждый день восемь-десять часов в работе, может быть, это-то было бы даже и хорошо, если рабочий человек осмысленно делает разумное и нужное дело, но вот этого-то как раз и нет, это вовсе не обязательно для него — разумное и нужное, но обязательно только то, чтобы он все время был при работе — при машине, при наковальне, при верстаке... Вот в этом-то как раз и состоит символ: символическая работа. Если бы работа была настоящая, действительная, фактическая, то все было бы по-другому: и этот дом, и деревня, и совхоз, и сам кузнец Корнев был бы другим и не лежал бы вот так с видом безучастным, охваченный любезными воспоминаниями о том, как он, двенадцатилетний мальчишка, работал у локомотива... А теперь вот только и есть, что символ: символ работы, символ процветания, символ единства, символ движения, символ раннего социализма...

Хорошо, что пришла с тяжелым подвойником хозяйка. В подвойнике молоко в высокой шапке пены. Вот это молоко — настоящее, никакой не символ, и вон как густо и убедительно перетекает из подвойника в мой бидончик, а потом и в банку Виктора. Ну вот, все наполнилось, даже и еще осталось, и Даниловна говорит:

— Это кошкам как раз.

Мы с Виктором, как будто об одном думая, переглядываемся и улыбаемся.

— Все-таки жизнь сильно изменилась, правда?

— Еще бы! То для себя было — что останется, а теперь вот кошкам!

— А как же, кошки, чай, тоже работают, им тоже надо, — застывает за кошкем хозяйка.

— Не, бабушка, ты не врубилась. Вот тут нам отец говорил, как раньше хорошо жили: масло, говорит, сдадут, молоко сдадут, а себе — что останется.

— Молока триста литров надо сдать, триста штук яиц, сорок килограммов мяса, потом это... шерсти. Хоть и совсем корову не держи, а налоги неси!

— Не-ет, нету, — засомневалась Даниловна, — наверное, не брали...

— Как «нету», если молоко все сдавали. Овец не держали, котеры, а шерсть сдавали!

— Нет, мне думается, вроде нет. Ведь если коровы нет, где молоко возьмешь? Сама доиться не будешь...

— А яйца сдавали, у кого кур нет, — настаивает, горячая на жену, Михалыч. — Овец нет, а шерсть сдавали!

— Чего-то не помню... Вот, правда, как было! Покупали масло сдавать вместо молока. У кого корова мало доит, а семья большая, надо ей сдать триста литров, ну, а где она возьмет, если ребятки малы и надо им? И вот они покупали масла и сдавали маслом. Вот так вот было. А то сами делали масло и сдавали маслом. Дескать, масло-то сдадут, а сыровотка себе останется, пахта — это себе. А молоко — все неси.

— И это независимо от того, сколько в семье детей?

— Безразлично. Хоть двадцать человек. Ой, как жили — и вспомнить страшно. Ни в рот положить, ни обувь — ничего не было. Я маленькая была — только два класса в школу походила, а из-за чего? — а не в чем было ходить. Одни-то сапоги на пятерых! Один сходит сегодня в школу, на другой день другой бежит. Одне и те же валенки, да и те худые. В платок холщовый тебя завернут, книжки под мышку и треплешь. А у кого — торба. Сошьют вот на такой длинной ляжке, и он бежит маленький, а ему бьет по пяткам, упадет, вскочит да дальше... А как было? — не заставляли, как теперь, а не хочешь — не учишь, иди работай. Вот и работали — на быках, на лошадях. Вон у Пашки Канишевой двое было вот такиньки — Слава и Генка, она их будит утром да ревет, оне не встают, оне ведь маленькие, по девяти, по десяти лет, а им уж на работу идти. Я два года в школу хо-

дила, а как ходила? — по нянькам сидела и в школу бегала. А ходили в чем? — голые ходили. Сапог нету, а есть какая ни то пальтушка, рукава-то обрежут, подошью да веревочкой опояшут, вот и бежишь в школу-то. А из-за чего в школу-то ходили? — пойдешь в школу, тебе лепешечку вот такую дадут.

Разговор у Анны Даниловны быстрый, складный, слова текут без задержки, как ручеек. Впрочем, и она сама такая же: ни минуты спокойно не сидит, все чего-нибудь руками делает. Вот даже и сейчас говорит, а руки сами собой полощут марлю в подойнике, подойник споласкивают... Но это как бы само собой, а за живым быстрым словом, за прямым взглядом — там, на самом «дённышке» души — какая печаль, какая застывшая навечно печаль!.. И вот говорит как будто с весельем про эту школу, про эти лепешки, а печаль та как стояла, так и стоит. И ничем ее не разбить, никаким участием не разделить..

— Где лепешки-то давали — в школе?

— Нет, дома. Дома мать даст. Вот из-за этого и бежишь. А по дороге ее и съешь. Поест-то хочется. А съешь, оно и не думается.

— А кто в школу не идет, тому мать не давала?

— Нет, ты дома сидишь — и так хорошо. Вот так вот..

— Эх ты! — сказал Виктор. В его личном житейском опыте ничего подобного пока нет, вот ему все это и удивительно. Да еще и любопытство тоже...

— А скажи, чего ели? Ну вот хотя бы утром.

— Чего... Картошку из подпола вынут вот такую, намоют и на сковородку положат и в печку поставят. Она там спечется. И вот в скорлупках едим. И чай. Кусочек вот такой сахарку, а то по грудке песочку: мама возьмет вот так тремя пальчиками, посыплет — и все. И хлеба кусочек.

— А в обед?

— Там — щи. Из капусты, черные.

— С мясом?

— Како тебе мясо! Откуда мясо? А государству сдавать надо сорок килограмм!

— Сорок килограмм!..

— Сорок! А семья-то — не по одному, не по два! У нас — одиннадцать, како нам тут мясо! Вот щи пустые и все. Ну, побелят молочком, а сметану, чай, государству надо отдать. А если не собьешь масло да не отдашь, тебе тут напеченится, понесешь, пожалуй. А то и посадят.

— Ну, а после щей чего?

— Нальет по стаканчику снятого молочка, если есть, а нет — так и вылетай.

— А вечером?

— А вечером картошка. Сварят картошечки в мундирах, и вот сиди. Ты думаешь, вывалит да ешь сколько хочешь? Как не так! Дадут нормочку, нас одиннадцать, это нам надо ведро сварить, а где мы ее возьмем? Дадут маленько, и ешь...

— Когда же это все было? — с веселым удивлением спросил Виктор.

— Когда... — Она задумалась, посмотрела с надеждой на мужа, но Михалыч знай себе дымил и смотрел куда-то вверх, в пространство.

— В войну?

— И в войну, и до войны, и после войны. А после войны-то самые тяжелые годы были. У нас особенно — семья такая большая. Отца на фронт взяли, потом брата взяли, а я на Болото ушла, и вот паек таскала домой. Там дадут, мы перевыполняли план, нам давали паек, первое-то съешь, а второе-то в бумажку, в тряпочку, и несешь семье, а семья-то!.. Они стоят по-за овином-то, ждут тебя, встречают, знают, что ты им хлебушка дашь. Вот приходишь домой-то, садишься за стол, и вот мать всем режет по кусочку. Спросит: ты ешь? Не ела, говорю, все принесла... А я и говорю: кто теперь хлеб бросает, вот бы в то время ему крошечки бы собрать, — добавила вдруг она с укором.

— Эх ты, — опять не стерпел Виктор. — Кина сымать надо про это!..

— Ой, если все порассказать, и никакого кина не хватит. Она замолчала. И мы молчали и почему-то не смотрели

друг на друга. Потом — и отчего-то шепотом почти! — я спрашиваю:

— И во всех домах так жили?

— Не знаю. Мы вот плохо жили, нас много было — одиннадцать человек, нам тяжело было. А коты и хорошо жили, — добавила она вдруг с поспешной решимостью, точно в ледяную воду падая. И на Василия оглянулась — искала у него поддержки. Но тот угрюмо хмурился в потолок да пыхал табаком.

— Ну ладно, — сказала она и застучала посудой на шестке. Видишь ты, не хочет этой темы касаться: худо — хорошо, бедные — богатые... Но нас с Виктором это как-то озадачило, мы переглянулись с пониманием, и он спросил:

— А откуда они получали продукты?

— Откуда! — хрипнул Михалыч. И опять какая-то сила подняла его с подушки. — Откуда! Да тут ведь у нас мельница была колхозная, весь район молот, вся деревня Высокая река сюда ездил. Тут ведь все сеяли: гречу сеяли, просо сеяли, рожь сеяли, пшеницу сеяли, все сеяли. Вот Столоверов да эти все начальники пойдут на мельницу — им чего!

— А Столоверов — кто же такой?

— А это Иван Карпыч, председатель сельсовета у нас был. Да еще председатель колхоза, да счетовод. Они, конечно, не нуждались. Их два брата было: Иван Карпыч — этот председатель сельсовета, а другой — счетовод, Данил Карпыч.

— А Леванцов?

— Женька?

— Да, Евгений Алексеич, ведь он тоже...

— А как же, и он там был. Он ведь тоже каким-то бригадиром в колхозе состоял, а потом в энтээс перекинулся, там все-таки получше платили. Да, вроде так: учетчиком в энтээсе.

Тут и Анна Даниловна, все это время молчавшая, не стерпела:

— А отец-то у него, дядя Алексей, тот работал на Болоте на пекарне. И дочь его, Женькина сестра, в пекарне работала. А уж кто на пекарне работал, тот без хлеба не жил.

И высказала — точно выкрикнула с надрывом вчерашнюю обиду, да и сказало — как будто помимо воли из души вырвалось, а уж вырвалось, то чего уж теперь... Только страх какой-то мелькнул в ее больших и глубоко запавших глазах. Ну, может быть, и не страх, а только опасение, только ответ страха: все же речь-то о начальниках.

И мы с Виктором тоже как-то неловко молчали, не спрашивали ни о чем, вроде бы нам уже и так ясно все было, хотя тут-то, может быть, и начиналась самая главная неясность. Но — молчали отчего-то. И Михалыч — тот знай пыхал табаком и щурил глаза, и вид был такой отрешенный, такой безучастный, точно бы и не было никаких воспоминаний.

Ну что же, пора и нам воспрянуть... Когда мы вышли на улицу с приятно потянувшейся посудой, и даже теплой еще от парного молока, ветер вовсю разгулялся. У конторы на столбе горел фонарь, и в свете фонаря косо и густо несло снегом из гудящей тьмы. Мы с Виктором приостановились за углом, набираясь решимости выступить на ветер. Я перехватил из одной руки в другую свой бидончик, а он поставил на ладонь — как на полку — свою посуду, чтобы она не выскользнула, и тут вдруг говорит, да с такой болью:

— Эх, жалко!..

И едва я не сунулся с готовыми сочувствиями и утешениями: какие-де твои годы, все-де у тебя впереди, Валентина поправится, трактор новый получишь и все такое, а там и весна!.. И хорошо, что не сунулся, а как бы предчувствуя что-то, спрашиваю:

— Кого тебе жалко?

— Жалко, что жизнь одна, да и та короткая.

Посмотри-ка ты, каким высоким соображением все в нем отозвалось!.. Жизнь, говорит, одна. А была бы вторая?.. Но Виктор уже двинулся, разбивая валенками сугробы. Пошел и я. Контора за дорогой глядела на нас сквозь снежный ветер неусыпными окнами, и только она одна знала, как обернулась бы и вторая наша жизнь, будь она у нас...

Жизнь прошла. Прошла и все тут. До самого последнего времени, вот до этой самой минуты, все еще казалось, будто она лишь продолжается и еще что-то будет, что-то произойдет и будет происходить, и не раз придется победно и зычно крикнуть и кулаком по столу хватануть, и взглядом таким окинуть окружающих, а потом покинуть их, этих всех окружающих, что намозолили глаза до слезоудержания, и появиться где-то в другом месте, в другой силе и власти. Даже, помнится, все время где-то рядышком, за плечами была, в ожидании его инициативы, возможность какого-то серьезного шага в жизни, но, как кокетливая девица-перестарок, прохихикал он свой шанс, и вот пришла минута, когда ясно стало как Божий день — жизнь прошла.

Такая горькая минута трезвой оценки своей жизни случилась с Василием Васильевичем Шониным на рыбалке в воскресный день, когда, казалось бы, наоборот, все мысли должны быть легкими и радостными, и уж во всяком случае не такими серьезными, ведь рыбалка для того и существует, чтобы отвлечься от всяких перегрузок, успокоиться всем организмом, и в общем, дело ясное: если на рыбалке приходит в голову мысль о том, что жизнь, дескать, прошла, то уж верно, так это и есть.

Василий Васильевич выдернул из воды пустую леску, осмотрал червяка, плюнул на него не то по ритуалу, не то с досады, закинул леску немного правее, воткнул удище комельком в мягкий дерн и отодвинулся. Достал портсигар, из-под поперечной резинки выдернул папиросу, размял, закурил и весь отдался горькой думе про прошедшую жизнь.

Что, собственно, помешало ему прожить жизнь иначе, так, чтобы не жалеть о ней, а напротив, гордиться, вспоминать с радостью и со спокойствием отойти в сторону от

дел в полном соответствии с годами прожитыми? Ну, что же помешало? И спрашивать нечего! Ясно! Суета помешала. Пустяковина ежедневная, что казалась каждый раз важной — и воровала дни и годы — вот она, ежедневная пустяковина и сожрала его жизнь.

Ведь были шансы, и не однажды. Двадцать пять лет тому назад направили в школу милиции. Окончил он эту школу, получил образование — и дорога открыта! Но нет, застыдилась своего возраста в соплячьей среде, с офицерскими погонами да в курсанты! А пацаны, вчерашняя шантрапа, которую он не раз гонял из темных углов, они бойчее его оказались в порывах. И вот не выдержал. Сбежал. Смирения не хватило. Был бы послушнее, не сидел бы сейчас в своей деревне уполномоченным, не забавлялся бы по воскресеньям ловлей жалких окунишек, а на казенной машине привозил бы рыбу из заповедных мест... Эх, да разве в этом дело!

Опять же дело! Всю жизнь прождал такого дела, на котором бы перестроить случилось всю предыдущую неудачливость жизни. Но дела такого так и не подвернулось, да и не могло подвернуться, как он теперь это трезво понимает. Какое дело может быть у участкового уполномоченного? Самогон? Браконьерство? Хулиганство? А дело чуть серьезней, такие случались — тогда тут как тут следователь из района, а он, участковый, сбоку да сзади. Подручный! И на этой-то жалкой роли подручного ни разу не удалось проявиться хоть с какой-нибудь сообразительностью.

Были, конечно, некоторые удаchi местного значения, то есть добился он власти и уважения в трех своих деревнях и в тайге промысловой, депутатичнап несколько раз, медальку жалкую заработал и даже устные и письменные поощрения имел, но ни к чему этому серьезно не относился, потому что до последнего дня, то есть до нынешнего утра все еще надеялся на чудо в своей неудачной биографии.

Да хоть бы надеялся всерьез! А то, так, без рассуждения, как на рыбалке: знаешь, что в этой луже самый большой окунь на четверть фунта, но всякий раз надеешься, что возьмешь, да фунтовый подвернется.

Василий Васильевич рассуждал, тосковал и равнодушно смотрел на мятающийся поплавок. «Посиди! — сказал он глупому окуню. — Одним больше, одним меньше! Да и вообще, сдались мне эти окуни!»

Он потянулся и рывком дернул удочку. Окунь перелетел через голову и шлепнулся в траву. Василий Васильевич подтянул леску и, несмотря на все предыдущие размышления, с удовольствием крикнул, потому что окунь был хоть не намного более, но все же более, чем на четверть фунта. И эта неожиданная удача, абсолютный пустяк, даже и говорить смешно, а легче стало! Тоска, что нахлынула только что и полонила душу, словно плоть свою потеряла, утратила, в облачко превратилась и опустилась куда-то в тайные закрома души.

За спиной послышался треск мопеда, и Василий Васильевич чуть замедлил операцию изымания крючка из глотки окуня, потому что на мопеде, должно быть, Витька Ситников, заядлый рыбак, а промеж рыбаков разница в возрасте роли не играет и перед удачей все равны.

— Дядя Василь! — заорал Витька, не затыкая пасти своему громающему мопеду. — Дядя Василь, тебя в сельсовет кличут. С району приехали. Ух ты! — восхищенно воскликнул пацан, увидев окуня. — Это ты его тут словил?

— Кто приехал-то? — спросил Василий Васильевич, небрежно швыряя окуня в ведро.

Витька заглушил мопед, кинул его на землю, подскочил к ведерку, выловил окуня.

— Ух ты!

— Кто приехал? — строго переспросил Василий Васильевич.

— Да кто, милиция твоя! Кто еще в воскресенье прирется!

— Ну, и вез бы их сюда, на машине же они!

— Не! — замотал головой Витька. — Велели тебя сыскать, и чтоб к сельсовету!

Василий Васильевич забеспокоился. Непроста. Если бы просто, то в его доме ожидали бы. Коли сельсовет, значит, начальство! А начальство в воскресенье — значит, не иначе как ЧП.

— Много их понаехало-то? — спросил он ворчливо. — Четыре! Один в пиджаке с галстуком.

Василий Васильевич заторопился. Только галстука ему не хватало. Районный прокурор у него последний раз три года назад был, да и то по депутатским делам.

— Дядя Василий, оставь удочку! — взмолился Витька. — Посижу малость! Ишь какие тут ходят.

— Крючки пооборвешь...

Но уже кинул и удочку и на улов рукой махнул. Поспешил к мотоциклу. Настроенный и отрегулированный как часы М-72 завелся от прикосновения. Шонин щелкнул педалью скоростей и помчался в сторону деревни. Тревоги особой в душе не было. В его хозяйстве все в порядке, да и не проверка это, а именно ЧП, и скорее всего где-нибудь у соседей. В его, шонинском хозяйстве даже почвы для ЧП нет. Что может случиться в деревне про сто домов? А что и случится, так он об этом узнает первым.

К деревне подъехал, как говорится, с подветренной стороны, то есть сперва к себе домой. Форма всегда наготове. Жена уже в курсе — по фуражке щеткой туда-сюда, по ботинкам другой щеткой, в одной руке галстук, в другой рубашка.

— Чего это они, Вася, понаехали?

Василий Васильевич буркнул что-то невнятное, дескать, тебя не спросили, рыжую, когда приезжать. Антонида, жена Шонина, была женщиной небывалой рыжести, и в свои пятьдесят не подпустила в космы ни одной седины, чем Шонин никак похвастаться не мог. Зато ни один из их сыновей не уродился рыжим, а были они все белобровые, белобровые, хотя, конечно, и не были брюнетами, как Шонин, но Шонин находил достаточно оснований гордиться тем, что смазал в потомстве антонинову рыжесть и веснушчатость, потому что одно дело, когда рыжая девка с хорошей породой, и другое, если парни порчены его шонинской крупномордостью, да еще б и рыжие к тому же.

— Ты на всякий случай обед понаваристей сваргань, подогревчик приготовь, ну, и чтоб в доме порядок...

— Ну да, без тебя не сооружу! — фыркнула Антонида, сунув в руки мужу фуражку.

Теперь вдоль деревни на сверкающем мотоцикле ехал сверкающий обмундированием участковый милиционер. Ехал не спеша, учитывая жизненные импульсы курей, уток, собак, телят и прочей деревенской живности, учитывая и любознательность жителей деревни, это ведь очень важно, как едет участковый на встречу с начальством. А едет он в данном случае не торопясь, спокойно, полный достоинства и в сознании абсолютной прочности своего положения.

Осенью у здания сельсовета собирались менять венцы, и еще с весны подвезли на просушку бревна. Вот на этих бревнах и расположилось приехавшее начальство. Машина ГАЗ-69 стояла в стороне, и около нее на траве валялся шофер. Шонин не спеша слез с мотоцикла, привычно сунул ключ зажигания в карман, поправил китель и направился к гостям. Тут же узнал всех. Следовательно Петренко, угрозыск Соболев, участковый соседнего Морошинского сельсовета и районный прокурор Иваныхин. За исключением морошинского участкового, все остальные, и прокурор в том числе, ну просто мальчишки в сравнении с ним, Шониным, и сегодня это обстоятельство как-то слишком ранило Шонина, он произвольно насупился, козырнул подчеркнуто холодно и руки жал начальству вяло и неохотно.

— В избу пойдём, или как? — спросил он, все еще не справившись со своей тайной обидой на молодость районного начальства.

— Лучше на солнышке! — ответил угрозыск Соболев, приглашая Шонина присесть рядом на бревно.

— Замараться можете, — заметил Шонин, — смола еще не высохла.

Но так как никто не отреагировал на его замечание, рукой прощупал бревно и осторожно присел. «Им что! Ходовые брючата понацепили и выбросить не жалко! А мне кто новую форму выдаст!» Но прокурор Иваныхин в приличном костюмчике тоже сел на бревно.

— Значит, так, Василий Васильевич, у соседа твоего происшествие!

Соболев кивнул на морошинского участкового Лазеева, и тот виновато почесал затылок.

— Ограблена морошинская экспедиция. Взята касса, десять тысяч с хвостиком, ну и кое-что по мелочи.

— Десять тысяч! — подивился Шонин. — Откуда же у них такие деньги на руках? Разве положено?

— Не положено, — согласился прокурор Иваныхин. — Кто надо за это ответит.

Но Шонин не успокоился.

— Такие деньги только для соблазну держать...

— Ладно, Шонин, — бесцеремонно перебил его угрозыск Соболев, — твоя забота другая. Следы на тракт вывели, из экспедиции никто не отлучался. Понимать надо, грабили чужие. И вроде бы уже из тайги сматались. Но была наводка. Короче, перепроверь по своим зимовьям всех бичей, и если кого-то нет на месте, сразу свистни. И вообще, посматривай, территория твоя соседняя. Усек?

Не было на земле в эти минуты такого худа, какого бы Шонин не пожелал угрозыску Соболеву. Разговаривать с ним, почти пенсионером, а с другой стороны, ветераном органов, пусть на маленьком посту, но зато всю жизнь, — разговаривать с ним таким тоном при других! Господи, чего бы ни отдал, лишь бы утереть нос сопляку!

Насупился Шонин до темноты в глазах, но сказать в ответ нечего, кроме «Понятно!» То есть — так точно, мол, мы люди маленькие, приказали — исполним!

Как-то все враз закурили, и Шонин отказался от соболевской зажигалки, прикурив от собственных спичек. «Уходить надо, — подумал с грустью, — тайгой проживу да пенсией получше, чем на окладе. Уходить надо!» Но вслух спросил о другом, кажется и вовсе машинально.

— А что там еще по мелочи-то взяли?

— Две мелкокалиберки, консервов сорок банок да транзистор.

«Ух, ты!» — мгновенно сжался в комок Шонин. И еще никакой четкой мысли в голове не образовалось, но что-то подкатило к сердцу такое радостно горячее, что он беспокойно заерзал на бревне и огляделся, не подслушал ли кто его еще незрелые мысли.

«Только бы сами не догадались!» — эта была первая тайная мысль. И другую, главную, он уже мог бы сейчас сформулировать, но этими пинками загонял ее в глубины мозга, чтоб не соблазнила она его, не выдала, на язык не проскочила.

Зато другой мысли, совсем коротенькой, всего в одно слово, он предоставлял полную возможность поплывать в мозгах, и на самом кончике языка.

«Щенки! Щенки! Щенки! Все щенки, все трое! И первый щенок — угрозыск Соболев! Стиляга хренов! Под носом разгадка лежит! Щенки!»

И это чувство собственного превосходства над молодыми мальчишками подняло общий тонус настроения участкового уполномоченного настолько, что даже от прежней обиды не осталось следа! Не без тревоги взглянул лишь на морошинского участкового. Только с этой стороны можно ожидать опасность, ведь тоже мужик бывалый и тоже сообразить может. А сообразить-то пустяк... Но стоп!

Шонин поднялся с бревна, осмотрел брюки, отряхнулся, оглядел начальство, дескать еще какие указания будут или расходиться можно.

— Ну, поедем? — предложил прокурор.

Они снова жали руку Шонину, и он им всем жал руки

крепко и уверенно, и, полностью сохраняя достоинство, сел на мотоцикл, раньше чем газик с начальством тронулся с места. Было даже намерение обогнать их на деревенской улице, но несерьезное это было намерение, и дав газик проковылять по ухабам деревенской улицы, двинулся вслед, не торопясь и только домой.

Дом у Шонина — гордость его. Картинка из сказки. Резные наличники на окнах, под крыльцом, заковыристый на крыше конек — все это дело рук самого хозяина. Вагонкой обшитый, дом покрашен не слишком ярко, но красиво, особенно издали. Штакетный забор по полисаднику так вымерен — что сплошная геометрия, как ни посмотри, штакетинка к штакетинке — деревянный хорошистик. И все вокруг зелено, все ухожено и приглаголено. Приближение к своему дому для Шонина всегда удовольствие.

Но сейчас Шонин дома как бы и не заметил вовсе, так был полон чувством тревоги и волнующими его мыслями, которым намеревался отдаться немедленно, даже не входя в дом, а прямо тут, в гараже. Он лишь пересел в коляску мотоцикла, вытянул ноги, фуражку с головы стянул на колени, закурил и сказал вслух: «Значит, что?» Больше уже вслух ничего не произносил.

«А, значит, так: деньги спереть может и чужой и местный, консервы — скорей местный, чем чужой, хотя в районе с мясом не ахти как. А вот мелкокалиберки — они нужны здесь, в тайге, позарез нужны для браконьерного дела, потому как и белку, и соболя, и зверя покрунее, козу или изюбра, с таким ружьем брать одно удовольствие».

Шонин даже ухмыльнулся самодовольно. Как это угрозыск Соболев сказал: «Прихватили кое-что по мелочи». Да это деньги прихватили, а шли за винтовками. Это же как Божий день ясно. Кому нужны деньги, тому зачем винтовки. А вот кому нужны винтовки, тому деньги не помешают. Деньги никому не помешают.

А дальше как нужно рассуждать: следы на тракт, что угрозыск обнаружил, — это туфта, специально для отвода глаз. Винтовки не спрячешь в мешок. В любом случае, если грабителей было двое или трое, один с винтовками на месте остался. А если остался, то где он? Либо в тайге на зимовьях или подбазах, либо в деревне. Район Морошинский, но ближайшая деревня к экспедиции вот эта самая его, шонинская деревня Лупиха. Сюда, в Лупиху приходят геологи по выходным, с лупихинскими мужиками обмен совершают консервами и молоком со сметанками и творожниками.

Собственно, все, что он сейчас вымыслил по этому делу, все уже давно, то есть еще на бревнах у сельсовета было понято до мельчайшей ясности, причем все выводы пришли в голову мгновенно, как искра, стоило лишь услышать ему про кражу винтовок. А то, что сейчас сидел он в коляске мотоцикла и заново все переобдумывал, так это чтобы мысли проверить, отчасти для удовольствия, но, главным образом, минуты уединения нужны были ему для того, чтобы осознать значение того шанса, что шел ему в руки. Что давал Шонину этот шанс? Вот чтобы на этот вопрос ответить, нужна полная тишина и уединение. Жизнь прошла, шанс пришел слишком поздно. Но, с другой стороны, он пришел в самое время, чтобы красиво уйти на пенсию. А чтобы все получилось красиво, он должен рассчитать только на самого себя, и значит, нужен план, да такой, что в нем ни одного шага не оказалось бы не просто неверным, но даже неточного шага в его плане не должно оказаться. Значит, нужен такой план действий, в котором было бы как можно меньше шагов.

Начать надо с зимовки, с бичей. Их не так много, сезон еще не начался. Первое — бичи. Второе — кто из бичей дружит с кем из деревенских. Третье — кто из тех или других имел контакты с экспедицией. Шонин даже походил, так прост и примитивен был его план, именно со всего этого должен начать и районный следователь, а возможности у следователя разве такие, как у Шонина, ведь опередить может! Одно утешение — они все там закли-

нились на деньгах и долго будут колупаться в этой верси-си, а у Шонина фора, он сразу будет выходить на винтовки, как будто деньги даже и вовсе не крали. А кое-какие соображения по поводу винтовок у него уже есть, не зря же проторчал он в этой деревне почтай всю жизнь, не зря каждого нового бича, что появляется в тайге в начале сезона, прощупывал, как пухлую бабенку, а ведь делал это каждый раз просто так, на всякий случай, и случаев до сих пор никаких не было, а все равно прощупывал. А уж местных охотников он насквозь всех знает...

— Господи, Вася, случилось чего?

Жена Антонида стояла в дверях гаража, схлестнув на фартуке длинные веснушчатые руки с толстыми, неженскими пальцами. Губы развесила от испуга. Шонин не торопясь вылез из мотоциклетной коляски, оправил форму на себе, фуражку на голову надел, проверил положение козырька правой ладонью, и все это проделал так серьезно и даже торжественно, что Антонида испугалась пуще прежнего, затеребила фартук руками.

— Чего, Вася, а?

— Чего-о-о! — протянул он насмешливо. — Да ничего! Жрать хочу, вот чего! Пошли в дом!

Все еще тревожно поглядывая на мужа, Антонида пошла рядом, у крыльца пропустила Шонина вперед, оглянувшись на незакрытую дверь гаража, махнула рукой и заторопилась в дом.

Шонин стоял у зеркала, держась рукой за галстук, и со странной задумчивостью рассматривал себя. Антонида видела его отражение, и он тоже, кажется, видел ее, но в то же время как бы и не видел. Пальцы елозили по узлу галстука машинально, а неморгающие глаза уставились сами в себя в любопытстве и внимании. Антонида тронула его за рукав, он оглянулся, пробурчал:

— Такие дела, мать!

Какие дела, он пояснять не собирался, но жена сразу успокоилась, потому что знала интонации своего мужа, а произнесенная фраза явно намекала на какие-то чисто служебные дела, которые могли быть, согласно интонации, не совсем в порядке или напротив, в отличном порядке, но ничего страшного, опять же согласно интонации, эти дела не содержали.

Шонин подмигнул жене в зеркале и сорвал, наконец, галстук с шеи. Переодеваясь в своей комнате, радостно натянул на себя издаваемые виды, перештопанные галифе, и без рубашки, босой протопал на кухню, где на столе уже было то, чему положено быть в середине летнего дня в доме хорошего хозяина — окрошка на отличном квасе. Шонин ел молча, как работал, когда работа в удовольствие. А все его поведение в целом радовало его рыжую жену, и она, подперев подбородок своими мощными руками, на другом конце стола с удовольствием наблюдала за мужем.

Деревня Лупиха была малость кривобока, то есть шагала улица как улица, но к тому концу, где начинались овраги, одной своей стороной улица вскарабкалась на бугор и в ширину за счет этого расплзлась, и вся, если бы взглянуть на нее немного со стороны да сверху, походила на удава, подавившегося поросенком.

На бугре, в обособленности, стояли лучшие дома деревни, и жили в этих домах лучшие люди, хотя, конечно, с какой стороны лучше, о том кое-кто поспорил бы, а участковый Шонин в первую очередь. Охотники! Непростые это люди! Хитрые отношения были у Шонина с охотниками. Он ведь являлся в деревне последней, решающей инстанцией в постоянной тяжбе охотников с деревенским егерем Матвеем Лузиным, человеком тоже хитрым и непростым, а скорее весьма мутноватым, каким только и может быть деревенский егерь, если он из местных, да еще и сам заядлый охотник. Никакой самый дотошный законник и правоведа не смог бы разобраться в той невидимой паутине неписаных законов, соглашений, договоров и оговорок, какими повязаны были в деревне между собой охотники, егерь и участковый уполномоченный. Законы эти были не только нигде не писаны, но и не

всегда даже проговорены, а чаще всего они подразумевались сами собой и рождались не буквой или словом, а скорее, взглядом, намеком, казалось бы, совсем про другое, но выводы всеми участниками местной жизни делались исключительно верные и своевременные. Потому, если возникало вдруг напряжение промеж лучших домов деревни и домов службунесущих, то в разрядке оказывались заинтересованными сразу все стороны, и все разрешалось в кратчайший срок, хотя не всегда без потерь кое для кого.

Двумя положениями определялись нормы поведения охотников в тайге. Одно из этих положений было официальным и формулировалось недвусмысленно: изюбра, сохатого, медведя не тронь!

Другое положение не было ни написанным, ни даже вслух сказанным, но зато было оно справедливым: житель тайги с тайги должен иметь прибыль, иначе зачем он житель тайги! Житель города имеет от города культуру, железнодорожник раз в год — куда хошь бесплатно, колхозник — он тоже, если с умом, не без выгоды от колхоза! Жителю тайги же сам Бог велел жить тайгой!

Эта немудреная философия не имела в упрямых головах охотников контраргументов, и официальные запрещения рассматривались ими как некая оглядка на охотничью жадность, дескать, свое бери, да не зарывайся. И другого толкования законов они не понимали и не принимали. Егерь Матвей Лузин был человеком обреченным. Его обреченность была предопределена неискоренным противоречием между его служебными обязанностями и охотничьей страстью. Шонин никогда не мог понять, какой осел назначил Лузина егерем и почему Лузин согласился на эту благодарную должность.

Внешность Лузин был почти квадратным, немислимая широта его плеч приводила в онемение деревенских баб, когда он в подвыпитье в одних подштанниках носился по деревне на своем черном егерском коне. И конь-то его был такой же квадратный, и когда пьяный хозяин вгонял его в галоп, под ними тряслась земля, а вся деревенская живность с криком разбегалась и прижималась к завалинкам, а бабы необъяснимо снисходительно относились к безобразиям егеря, хотя никогда его катанье кругами не обходилось без жертв со стороны нерасторопных гусей и курей безмозглых.

Характер у егеря был хмурый, и опять же по причине обреченности, которую чувствовали и он сам, и прочие, и жена его, истеричная женщина и, конечно же, несчастная. Она лучше, чем кто-либо, понимала, что рано или поздно ее муженек плохо кончит.

А когда участковый Шонин вошел в ограду егеря, егерская жена исключительно бабьим чутьем учуяла беду. Она не ответила на ласковое приветствие Шонина и злобно кивнула в сторону дровенника, откуда слышался скрип ручной пилы. Шонин завернул за угол дома. Егерь распыливал на деревянных козлах сучковатую березину. С каждой вытяжкой пилы тоненькая струйка желтых опилок выстилалась из распила и падала на сапоги егеря, и потому, что сапоги его по щиколотку уже были в опилках, Шонин только головой покачал в зависти — без единого передыха разделял егерь метровую колодину. Когда чурка с треском надломилась и повисла на толстой щепе, Лузин чиркнул пилой и лишь ноги успел убрать — чурка гулко шлепнулась на землю.

— Ну, и силен же ты, Матвей Иванович!

Лузин урюмо взглянул на участкового. Руки не подал, да и Шонин не вынул рук из галифе, стоял этак боком, вроде бы и сам по себе, и в то же время при должности, то есть по делу пришел, но дело требует простого разговора, потому, хоть и свои люди, но панибратства нынче не будет.

— Чего пришел? — прогудел егерь.

— Разговор есть секретный! — серьезно ответил Шонин. — А чтоб разговор получился, глотку смочим сперва! Уважишь!

Лузин подвесил пилу рукояткой на гвоздь, отряхнул сапоги, зашагал к дому.

— Квасу! — крикнул он жене с крыльца.

Но Шонин тут же вмешался.

— Не, Матвей Иванович, квасом мы нынче не обойдемся, прикажи бормотухи подать!

Это уже было началом разговора. Шонин выдавал аванс. Знаю, дескать, про самогонный аппарат, и всегда знал, но сейчас уже знаю по-другому, выкладывай камеру, и на равных на разговор садись.

Егерь вздохнул и кивнул жене. Нехитрые мысли развернулись в его голове. Только что приезжало районное начальство, и вот уже уполномоченный ему про самогон на харью тычет. Чего же тут не понимать! О чем-то пронюхали и приказали Шонину дело смострочить...

Они сели за стол на веранде и молчали, пока на столе не появилась бутылка, затем стаканы, рыба свежего посола, хлеб да лучок. Выпили не чокаясь, и Шонин, конечно, не допил, оставил, обстрелял прищуром стакан, сказал серьезно и будто без повода.

— Хорошо накапано! Через марганцовку отстаивал! Лузин жевал и не отвечал.

— Всего один вопрос имею, Матвей Иванович, и ты мне на него будь добр ответить. Всего один, чуешь? А после ты сам по себе, я сам по себе.

Лузин не перестал жевать, но весь собрался в этаким громадный комок мускулов, и на висках бугорки запылали. Оно и понятно! Смотря про что вопрос.

— Вот такие дела... Ты в последнее время кому из мужичков патроны для мелкашки... ну это, кому давал, я имею в виду.

И хотя Шонин явно смягчил формулировку, егерь продавал патроны и, понятно, не по государственной цене, но кто же не догадается, какой вопрос вторым будет, если на первый ответ дать.

— Знаешь, — тихо зарычал егерь, — иди-ка ты отсюда, и меня за барана не держи! Понял?

— Я-то понял! — вздохнул Шонин. — Да ты меня не понял! Как и есть разговор трудный получается. Галина! — крикнул он жене егеря.

Та вышла на веранду.

— Слушай, питье у тебя, что надо! Appetit забунтовал! Чего бы посерьезнее затеять! Солонинки бы, к примеру! А?

Егерская жена с откровенным испугом глядела на мужа.

— Давай, давай, топай в погребок! Страсть как дичатинки хочется!

— А ты докажи! — грохнул егерь кулаком по столу.

— А ты на меня не стучи! — тоже вполне зло закричал Шонин. — Раз говорю, значит докажу! И где завалил зверя — знаю, и где разделял — знаю, и кого угощал — знаю! И кому ты патроны от мелкашки продавал, узнаю и без тебя, но мне по моему делу это от тебя узнать надо, понял?! От тебя! Мне так надо! И ты мне помогать будешь, потому что без тебя мне мое дело не сделать! А если мне его не сделать — то я на тебе дело сделаю! Понял? И ты... — Шонин погрозил пальцем жене егеря, — о чем услышишь здесь, то проглоти ниже пояса, если тебе твоё довольствие... — Шонин рукой обвел вокруг, — если оно не лишнее тебе, твоё довольствие.

Затем уже спокойнее Шонин продолжал.

— Сам ты залез на свою телегу, сам с нее рано или поздно опрокинешься. Я тебе, так и быть, спицы из колес вышибать не буду! Но кто у тебя последний раз патроны брал, и сколько — Шонин поднял палец вверх, — а это для меня, Матвей Иванович, всего важнее, сколько! С точностью до патрончика! Вот это ты мне скажешь! А про то, что скажешь, молчать будешь, то есть вообще о нашем разговоре! А зачем к тебе приходил, сам потом байку придумай. Так кто?

Егерь молчал и двигал скулами. Жена егерская шатаясь вышла из веранды на крыльцо и там горестно качала своей косматой головой.

— Ну, брали... — наконец с трудом выдавил Лузин.

— Кто? Сколько? Когда? Не тяни резину, Матвей Иванович, все равно разговор наш будет, как я хочу! Пойми по-хорошему! Это мое дело! Через все пойду! И через тебя! Такое оно, мое дело!

— Чего они тебе дались-то, патроны эти? — с последней надеждой почти простонал егерь. — Ежели ими кто зверя завалил, так это и так узнать можно!

Это был намек. Лузин готов продать мужика-браконьера втихую, если речь идет о браконьерах.

Шонин понимал, что через день-другой о краже в экспедиции станет известно всем и решил играть с егерем в открытую. Но не сразу. Имена нужно было получить раньше, чем егерь узнает суть дела. Если узнает раньше, начнет прикидывать, что да как, и как знать, может захитрит чего, кого-нибудь из своих личных недругов подзавалит захочет. Темный человек Матвей Лузин.

— Нет уж, Матвей Иванович, ты говори свое, а я свое после скажу! Выкладывай! Да не пугай, смотри! Каждое слово твоё будет как в камне вырублено!

— Ну, Захаров брал третьего дня пачку...

Этот Шонину был не интересен. У Захарова была законная мелкокалиберка, да и не об одной пачке он ждал разговора.

— После Захарова никто не просил...

Егерь петлял, но скорее по трусости и упрямству.

— А до Захарова?

— Матвееenko...

Этот тоже не интересовал Шонина. Молоденький парень, только что семейю обзавелся, два года как из армии. Если браконьерничал, то во всяком случае, делал это шибко умно. Не попадался. Но для порядку спросил:

— Сколько брал Матвееenko?

— Много... — насупившись, пробубнил егерь.

— Ну?

— Пятнадцать пачек.

Шонин открыл рот от удивления.

— Пятнадцать!?

Быстро прикинул в уме.

— Семьсот пятьдесят патронов! Да ему это на четыре сезона хватит и еще останется. Зачем ему столько?

Все дело шло наперекосок. Не такое ожидал услышать участковый уполномоченный.

— Захаров тоже десять пачек просил, да у меня больше не было. Последнюю отдал!

Час от часу не легче! Да они что, соревнования по стрельбе устраивать собрались? А что! Матвееenko — этот может. Но опять же Захаров, степенный хозяин, кондовый таежник. Он на такое баловство не пойдет!

Шонин заволновался. Встал. Прошелся по веранде. Подсел к егерю.

— Когда Матвееenko приходил?

Лузин почесал плечо.

— В прошлый понедельник, кажись!

«За четыре дня до ограбления экспедиции», — сообщал Шонин.

— Еще кто был?

Егерь пожал плечами.

— В прошлом месяце разве, так, по мелочи кое-кто брал...

Он правильно понял, что прошлый месяц и по мелочи — это Шонину не интересно.

— Слушай, Матвей Иванович, я тебе обещал одним вопросом обойтись, но так получается, что еще спросить придется, и мне ответ, а я твой ответ промеж нас заклинаю. Почем брал у тебя Матвееenko патроны?

Егерь зло зашевелил своими плечиками, врубился косым взглядом в переносицу участкового.

— Ну, — успокаивал Шонин, — сказал, промеж нас оставлю! В открытую с тобой разговор веду.

— По патерке... — грустно вздохнул егерь.

— Так, — вслух рассуждал Шонин, — семьдесят пять рубликов выложил Костя Матвееenko, как одну копеечку... Ну, а зачем ему столько, не сказал тебе?

Егерь пожал плечами.

— Мне какое дело...

— Ну, вот мы и поговорили, Матвей Иванович! — как бы про себя продолжал Шонин, не глядя на егеря. — И об этом разговоре, значит, сам понимаешь! Пойду я сейчас к Матвееenko...

Егерь забеспокоился.

— Да нет, тебя теперь более ничего не касается! Если твои торговые дела в другом месте выплывут, — Шонин развел руками, дескать, он тут ни при чем, — а у меня к тебе больше интереса нету, и потому продолжай свою службу! Даже советов давать не буду. Сам вон какой! И Шонин ткнул пальцем в дубовую егерскую грудь.

Уже выходя из веранды, на первой ступеньке крыльца все же обернулся и спросил:

— Третьего дня дома был или в тайге?

— Дома! — настороженно ответил егерь.

— Правильно! Дома! — согласился Шонин, вспоминая, что действительно всю эту неделю так или иначе попадался ему на глаза Лузин.

— Ну, байбай!

Егерь не ответил.

Еще более десяти шагов сделал Шонин в направлении дома Кости Матвееenko. Передумал. Зашагал домой. Отчего-то напрочь испортилось настроение.

Ведь очень просто может быть — не из его деревни воры! Сколько процентов за то, что он впустую засуетился? А процентов ровно пятьдесят! И ни одним меньше.

Шонин пытался припомнить причину, по которой он вдруг с первой минуты, когда узнал о краже, решил, что это его мужиков дело. Была же причина! Было что-то невысказанное даже в мыслях, что подталкивало его к такой уверенности. Он точно помнил, что был такой толчок, сладкий уколчик под сердце. Ему во что бы то ни стало нужно было вспомнить источник уверенности, он понимал также, что уверенность потерял он после разговора с егерем, когда услышал не те фамилии, какие ожидал услышать... А что он ожидал услышать? Вот здесь и секрет.

Он остановился, повернулся лицом к другому концу деревни. Тот дом, какой ему был нужен, увидеть отсюда было нельзя, но память работала безотказно! Когда год назад, два или даже больше... когда слышал он эту фразу: «Иметь бы мелкашку, как сыр в масле катался был! А с этим громобоем чего добудешь!»

Такие слова он мог услышать от кого угодно, он, в конце концов, сам бы мог их произнести, не будь у него самого мелкокалиберной винтовки — счастливого трофея десятилетней давности. Любуй в деревне мог сказать эти слова. Но вот как они были сказаны, в том все дело. Поэтому и запомнилась фраза, что были в ней не только слова нечаянно произнесенные, но продуманное намерение.

Пока ничто ни с чем не совпадало. Но дело надо продолжать. За три дня до кражи и через день после нее два охотника закупают большое количество патронов! И хотя готов был Шонин руку положить за то, что оба охотника, Матвееenko и Захаров, никак не причастны к делу, а все же есть в том факте или в совпадении что-то неслучайное, и надо терпеливо, но осторожно разматывать клубочек, если допустить, что в руках ниточка именно от того клубка, который нужен Шонину. То есть, попросту, следует проработать версию. Вот только с кого начать? С Захарова или Матвееenko? Известно — они приятели. Может быть, достаточно поговорить с одним, и тогда с Захаровым, разговорчивым мужчиной. И сегодня же надо сгонять в экспедицию. Завтра — в тайгу на проверку бичей. Вот и весь план.

Шонин заторопился домой. В дом заскочил, только чтобы накинуть кожанку да жену предупредить, что будет поздно.

Мотоцикл от калитки развернул в другую сторону, в объезд деревни. А к захаровскому дому подкатил со стороны огорода. Знал уже из какой-то служебной вчераш-

ней информации, что должен сегодня Захаров гнутья на своем огороде.

Захаров, плотный невысокий мужичок что-то около сорока лет, красной плешинкой сверкал в центре огорода. Увидев Шонина за плетнем, кинул таяпу, бережно перешагивая через картофельную ботву, заковылял к участковому, доброжелательно помахивая грязными ладошками.

— Слышь! — заорал он еще на подходе. — Экспедицию грабнули, говорят! А?

— Говорят! — значительно подтвердил Шонин.

— Что увели-то?

Сквозь жерди протянул свою грязную ладонь.

— Деньги!

Этот ответ Шонина удивил его самого, но не удивил Захарова. Участковый же даже ахнул, какой единственно правильный ответ дал он.

— Много денег-то?

— Десять тысяч.

— Ишь ты! — с уважением и завистью откликнулся Захаров. — А ты, стало быть, ищешь?

— А ты от кого слыхал о краже? — равнодушно спросил Шонин. Это ведь не шутка! Получается, что в деревне узнали о краже одновременно с участковым, если не раньше.

— Шофер экспедиторский приехал! Нонче про деньги говорил, только не знал сколько.

И это была удача для Шонина. Чем дольше в деревне не будут знать о краже винтовок, тем лучше для его плана.

— Я чего к тебе заскочил, патронов для мелкашки не подкинешь взаймы?

— Ага! — радостно загоготал Захаров. — И до тебя дошло! Да только опоздали мы с тобой, Василич! Ну, я-то темный человек! А ты как же так профартился?

— Чего же это я профартился? — спросил Шонин, настораживаясь.

— Как чего? Наценка будет на мелкашкины патроны. Прикидываешь или вправду не слышал?

На какое-то мгновение снова отчаянно заметалась шонинская версия. Если действительно наценка, тогда — ни ниточки, ни клубка. А так ли? Шонин решил не хитрить, тем более, что ни в чем не проигрывал от прямоты.

— Ей-богу, не слышал! А ты откуда знаешь?

— Дружок предупредил, Матвеев! Только поздно он шепнул мне.

И Захаров подмигнул Шонину. Если вся деревня знает, что егеря торгует патронами, то глупо думать, что про то неизвестно участковому.

Немедленно выходить на Матвеев.

— А дружок твой не подкинет мне с полсотни?

— Подкинет! — акивал Захаров. — Он-то успел запастись. Молодые — они шустрые.

— Дома он, не знаешь?

— А чего ему, дома, конечно. Разве на реку сматается?

Шонин повернул ключ зажигания. Сквозь стук мотора он расслышал вопрос Захарова по поводу кражи, но слишком спешил к Матвееву и не обернулся, рванул с места.

Обходная дорога долго петляла вдоль огорода. В матвеевском огороде никого не было, и Шонину пришлось перелезть через изгородь, пробираться меж картофельных рядов, затем между грядками, еще кругом, в десятках метров, обходить исходящего пеной рыжего пса, прокарабкиваться через завал неубранных коло-тых дров.

На вой собаки вышел сам Матвеев и немало удивился, увидев Шонина, сползающего с кучи поленьев.

— Понимаешь, Костя, машина там моя, — Шонин махнул за огород, — обезджать — час потеряешь, вот и пришлось татем к тебе.

— Заходи, — просто ответил Матвеев, — обедаем, окрошки попробуешь.

— Нет, — замалал руками Шонин, — спешу, один во-

прос к тебе имею, из личной заинтересованности.

Они сели рядышком на крыльце. Шонин предложил папиросы, Матвеев закурил.

— Откуда знаешь, что будет наценка на мелкашкины патроны?

Парень почесал затылок, пожал плечами.

— Да этот говорил, как его, Санька со зверофермы...

— Путеев, что ли? — ахнул Шонин.

— Точно! А что? Вранье?

— Сам не знаю. А Путеев откуда знает?

Матвеев пожал плечами.

Шонина была мелкая дрожь. Он чувствовал, что вышел, наконец, на что-то важное, что — еще неизвестно, но эта ниточка, это та самая ниточка, которая если окажется пустой, то, значит, другой вообще больше не будет, и все дело про экспедиционную кражу к шонинским владениям отношения не имеет.

— Тогда, Костя, — не скрывая волнения, заговорил Шонин, — разговор у нас будет подлиннее.

Теперь они сидели лицом к лицу, и Шонин с минуту рассматривал лицо парня, словно хотел убедиться, такое ли оно, это лицо, каким он его знал ранее, и придя к положительному заключению, уже по-официальному прикинул.

— Про кражу в экспедиции слышал?

— Слышал, — равнодушно ответил Матвеев.

— Про деньги?

— Про деньги!

— Так вот какое дело! Имею я соображения, что слухок про наценку имеет сюда прямое отношение, то есть, не совсем прямое... ну, словом, имеет и все. Чувешь?

— Причём здесь... — с усмешкой начал было Матвеев, но Шонин взял его за руку.

— Об этом говорить не будем! Будем говорить вот о чем. Что ты у егеря купил пятнадцать пачек, мне известно! Надо понимать, что и другим будет известно, и кто-то будет просить тебя поделиться, слух-то о наценке идет! Факт. Дать или не дать, твое дело! Только ты обязательно скажешь мне, кто будет у тебя просить? Скажешь?

— А что не сказать! Скажу! Только...

— Стоп! — снова перебил его Шонин. — А вот о нашем с тобой разговоре ты не скажешь никому. Так?

— Само собой, коли просишь.

— А теперь самое главное!

Шонин весь подтянулся к парню, тот же с ухмылкой глядел на него, но ухмылка была без подвоха.

— Расскажи мне во всех деталях, как тебе Путеев про наценку рассказывал? Когда, где? Прямо слово в слово!

— Чего рассказывать-то. Тут рассказывать нечего. Сказал и все.

— Стоп! Давай по порядку! Путеев, что, искал тебя, чтобы сказать или как?

— Чего ему меня искать? Я на ферму приходил по делу, он там толкался...

— Еще кто при нашем разговоре был?

Матвеев задумался.

— Нет, когда про патроны говорили, двое были.

— Ну, и что, он тебе так сразу и сказал, дескать, наценка будет, запасайся?

— Почему сразу, сперва трепались о том, о сем, потом про тайгу, про белку, что, мол, проходная была в прошлый сезон, ну, и всякое такое, а после уже...

— Вот-вот, — наседали Шонин, — какими словами он тебе сказал? С точностью!

— Слышал, говорит, от верного человека, что перед сезоном наценка будет на мелкашкины патроны вдвое...

— От какого человека?..

— Про это не сказал! Да я сначала не шибко поверил, а потом, думаю, а вдруг правда, тогда запастись нужно, чего переплачивать.

Шонин хитро подмигнул.

— Так ты же и так вдвое переплатил!

Матвеев кинул на него косой взгляд, помялся немного.

— Коли уж ты такой сведущий, так соображаешь, что после наценки егеря наш тоже цену не приморозит, а в охотничьих магазинах в городе попробуй купи! Лучше нынче переплатить, чем потом.

— Вот ты мне что скажи, подумай хорошенько, вспомни и скажи...

Уполномоченный с нескрываемой надеждой впери-ся в глаза Матвееву.

— ...Как тебе показалось, или как ты вот сейчас думаешь, Путеев тебе про наценку между прочим сказал по трепу, или специально? Ты не торопись, всякую мелочь вспомни. Это, понимаешь, очень важно!

Матвеев рассмеялся.

— Кончай ты, Василич, мудрить. Трепался Санька, или не знаешь его! Не он же ко мне пришел, а я там оказался. Вообще мог там не быть! Понимаю, что ты на него тянешь! Только зря! В экспедицию он, конечно, мотался часто, да только не по тому делу, по какому ты думаешь.

Шонин укоризненно покачал головой.

— Ишь ты какой умный. А я глупее тебя? Я не знаю, что он геологам с ферм шкурки таскал? Я этого, конечно, не знаю!

Матвеев смутился.

— Все знаю! И что шкурки бракованные, и что таскал он для того, чтобы технику ихнюю к ферме приручить, и что морду ему били за обман! Все знаю. Ну, ладно. Шонин поджался.

— Так считаешь, что не специально он тебе про наценку говорил? Ясно!

Матвеев тоже поднялся.

— Значит, о разговоре нашем... И вообще ты меня не видел. Ну, бывай.

Пожимая руку парню, Шонин кивнул на соседний дом.

— А сосед твой... как с ним живешь?

— Обычно, — усмехнулся Матвеев. — Он до меня не касается, я тоже.

— Иди, придержи своего рыжего! Сорвется, чего доброго!

Матвеев захохотал.

— Испугался! Не бойся! Если сорвется, его из конуры за хвост не вытащишь! Он у меня с такой загадкой: пока на цепи — зверь, а без цепи — курица. Безобразная тварь! Грядки не потопчи, жена погоны пооборвет.

Шонин проскочил на мотоцикле до ближайшего поворота за очередным огородом и остановился. Выключил мотор, закурил. Было три часа дня.

Итак, Санька Путеев! Завхоз зверофермы давно мечтает стать охотником. В прошлом судимость за хулиганство. Давно, правда. В экспедиции колесный трактор, две автомашины. У зверофермы одна полторка и один допотопный гусеничный трактор. Бракованными шкурками Путеев подкупил водителей для обслуживания фермы. Самую малость бросил в карман. Был разоблачен шоферами, бит, но прощен. Отношения сохранил. Винтовки ему нужны. Имеет контакты с бичами в тайге, в основном по части снабжения бичей спиртом, разумеется, с наценкой. В день кражи — где был? Это первый вопрос, и выяснить его нужно немедленно, хотя в краже непосредственно мог не участвовать, а войти в сговор с кем-нибудь из бичей. Тем тоже винтовки нужны позарез. Деньги — само собой.

Ух, как колотилось сердце участкового уполномоченного. Дело! Настоящее дело. Должен уйти Шонин Василий Васильевич на пенсию с хорошим прощальным виском! Только б голову не потерять! Глупого шага не сделать! Один глупый шаг — и потерял время! Районный сыск враз обгонит. Осторожно действовать нужно и на верняка. Потому не нужно проверять алиби Путеева. Спугнешь, чего доброго. Надо ехать в экспедицию, так сказать, на место происшествия. Нужно своими глазами обстановочку просмотреть, авось и она что-нибудь под-скажет.

Продолжение в следующем номере.

Что вы читаете! Какими книгами в последнее время пополнилась ваша домашняя библиотека!

УГАРОВ Борис Сергеевич, народный художник СССР, президент Академии художеств СССР.

Всю жизнь читаю Пушкина. Мне кажется, что любой человек, взыскующий гармонии посреди хаотичной и дисгармонической действительности, не может не возвращаться на протяжении жизни к Пушкину. Но он не только мера мер. Его гениальная прозрачность открывает нам такие глубины, постигать которые может лишь пробудившийся в человеке дух. Часто перечитываю Льва Толстого, притягивает проза Чехова, Бунина. А вот Достоевского обожу. Не лишено, видимо, оснований суждение о том, что невозможно или, во всяком случае, затруднительно испытывать одновременно тягу и к Достоевскому, и к Чехову. Слишком уж различаются их миры, слишком разных они «измерения». Не буду, очевидно, оригинален, если скажу, что читаю сейчас также русских историков и возвращенных, наконец, философов. Очень увлекает мамуарная литература, в частности, по истории XVIII века, о времени Екатерины II. Рад, что из полузабытия пришел к современному читателю Мережковский, способный подтолкнуть нас к более острому историческому мышлению.

Особенно близким ощущаю «серебряный век» русской культуры. Один только Блок или один только Белый — это целая эпоха. А творческая раскованность и личностное своеобразие таких художников, как Сомов, Дятлов, Вануа, Фокин, напоминают нам, что жизнь — это ведь и праздник тоже, о чем стоит помнить в каждодневном испытании обыденностью. Стараюсь не пропускать ничего из их наследия, из исследований о них.

Среди периодических изданий выделяю, конечно же, «Наш современник». Содержательное, разнообразное, хотя и не без некоторой эклектики, недавно возникший журнал «Наше наследие».

Не признаю бессистемного приобретения книг. Моя библиотека в целом отражает интересы и вкусы ее хозяина. Грустно только сознавать, что слишком малую часть из заслуживающего внимания мы успеваем прочесть.

ШИЛОВ Александр Максимович, народный художник СССР, лауреат премии Ленинского комсомола.

Круг чтения определяет прежде всего моя работа. В образах, деталях, описаниях ищу то, что помогает мне как живописцу, портретисту. Пушкин, Бальзак, Мопассан дают в этом смысле чрезвычайно много. Читаю историческую литературу, мемуары. Особенно же интересуют меня две личности, размышлять над значением которых для истории не устаю. Это Екатерина II и Наполеон Бонапарт. Давно уже постоянно разыскиваю литературу о них. Могу сказать, что к Наполеону отношусь с благоговением. Без сомнения, он — личность грандиозная. Человек, достигший таких высот исключительно своим умом и энергией, просто не может не восхищать. Недаром образ Наполеона занимал умы столь многих писателей. И поныне осталась какая-то тайна, загадка личности и судьбы Наполеона, так и не раскрытая нами до конца. Советую всем прочесть переписку Александра I с Наполеоном. С огромным интересом познакомился недавно с дневниками Николая II. Вообще-то, документ, пришедший к читателю «без посредника», сейчас нужнее любых беллетристических сочинений. Служу, естественно, и за материалами, появляющимися, в частности, в «Огоньке», посвященными недавней истории. Наше сознание испытывает подчас настоящий шок, но надо вглядываться в прошлое ради будущего. Современную же литературу практически не читаю: работа поглощает меня всего, да и не попадаетея произведение, которое увлекло бы. Я не стремлюсь приобретать книги ради приобретения. А о некоторых верных спутниках я сказал.

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Они думали о нас

Возможно, некоторые читатели сочтут за досадную назойливость наш пристрасно-последовательный интерес к Русскому Зарубежью, особенно к болезненному вопросу: отношение к большевизму и к России в среде первой русской эмиграции. Более семидесяти лет русская интеллигенция, находясь в изоляции (она еще никак не снята, есть только первые признаки разрушения этой могущественной стены, которая покрепче берлинской и железного занавеса), вынесла все и сумела побороть свою озлобленность, досаду и горькое разочарование жесточайшим поражением в борьбе с большевиками всех патристических русских сил. Более того, она мужественно, стойко, усердно, порой в самых нетерпимо бедных, а то и нищенских условиях трудилась ради будущих, послебольшевистских поколений, пестовала дух, по крупицам собирала верные источники и свидетельства отечественной истории и культуры, запоминала и писала жития святых мучеников и радителей России для нас...

Мы просим Вас, друзья наши — почитатели журнала, будьте терпеливы. Нам вместе предстоит еще много узнать горестного, трагического, открыть утаенное от нас, но написанное нашими соотечественниками, людьми русскими, свободными от изуверских догм разрушения родной земли. Вчитывайтесь внимательно и потребно, изучайте «Архив Русской Революции», ищите ответы на накопившиеся вопросы в этих написанных кровью и мученическим страданием свидетельствах. В них — правда борцов за свободную Россию, их непроходящая боль. В них — любовь к родной земле и сочувствие к нам — страдальцам от партийного гнета, посеянного яростно-воинствующими популистами от Троцкого и Бухарина, Каменева и Зиновьева до нынешних ельциных, лоповых, собчаков, травкиных. Это все одна партийная масть в «интернациональной» истории. Зря они пытаются окрасить себя разными благородными цветами, вплоть до антибольшевистского, антимарксистского, вплоть до голубого и зеленого. Как выгодно тогда было троцкистам состоять в партии, чтобы от имени ее самовластвовать, так теперь ельциным и травкиным выгодно оказаться вне ее, но с той же неременной целью — самовластвовать над народом, но не заботиться о нем.

На безгосударственной земле жизненно-созидательная идея всегда была чужда, не имела своей родной почвы. Только раз в современной истории — в 1917 году — было написано по абстрактной марксовской идее: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Теперь мы знаем, какова цена этой идеологии. Она еще падет жертва, прежде чем все мы поймем, что человек рождается не для добра, рождается на родной земле среди равноязычных родных людей, столетиями ожидающих его рождения и в ожидании появления его пестующих нравственные обычаи и добрые традиции души и сердца. Русские люди, изгнанные из собственной страны, но страстно, неизменно преданно любившие и любящие ее, заботливо думали о наших душах. Так можем ли мы забыть их добро, их страдания, давио почивших, ради нас!

Но чтобы помнить, надо знать! Постигайте, друзья, эту горестно-печальную родную историю. Она целительна, если постигаете вы ее ради добра родной земли и родного народа. И оцените, как современно звучат эти свидетельства, будто все это происходит сегодня. Уроки нам нужны, уроки!

АРСЕНИЙ ЛАРИОНОВ

Сегодня в разделе «Архив Русской Революции» мы открываем постоянную рубрику — «Белые мемуары». На страницах журнала будут публиковаться отрывки из воспоминаний непосредственных участников и очевидцев революционных событий, гражданской войны, «красного» и «белого» террора. Большинство предлагаемых материалов никогда прежде в Советском Союзе не издавалось, а те отдельные мемуары, что увидели свет в 20-х годах (в основном в сборниках госиздатской серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев») были по известным причинам весьма и весьма препарированы. Редакция надеется, что новая рубрика заинтересует читателей, и, чтобы полнее удовлетворить их интерес, мы ведем переговоры с одним московским издательством о репринтном воспроизведении двадцатидухтомного Архива И. В. Гессена (Берлин, 1922—1937 гг.), из которого мы и намереваемся отбирать для публикации в «Слове» материалы для рубрики «Белые мемуары». Понимая, что весь Архив И. В. Гессена — одного из лидеров кадетов, адвоката и публициста, депутата 2-й Государственной думы, редактора газеты «Речь» — выпустить за короткий срок практически не представляется возможным, мы планируем издавать по 5—6 томов в год. Редакция считает своим долгом предупредить подписчиков журнала, что издание будет довольно дорогим — с пересылкой каждый том обойдется ориентировочно в 12-16 рублей. Часть тиража планируется пустить в свободную продажу, и потому редакция специально обращается к книготорговым организациям, книжным магазинам, библиотекам, чтобы они заранее смогли в установленном порядке сделать заказ. Думается, полки общественных и научных библиотек, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, по завершении нашей издательской акции пополнятся уникальным собранием воспоминаний, дневников и документов, связанных, так сказать, с оборотной стороной истории, без знания которой мы просто обедняем свою жизнь. Еще совсем недавно Архив И. В. Гессена был надежно спрятан от советского читателя под сургульными печатями идеологической цензуры, поскольку цель издателя Архива никак не укладывалась в прокрустово ложе жестких политических установок. Какие же задачи преследовал И. В. Гессен, выпуская в эмиграции свой Архив? На данный вопрос он сам дает ответ в обращении, предпосланном первому тому: «Всякая революция — в том и заключается внутренним смыслом ее — нарушает установленный ход государственной и общественной жизни, она стремится разбить те формы, без которых

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

социальная жизнь по самому существу своему обойтись не может и которые тем больше ее стесняют, чем прочнее они сами отвердевают и чем дальше от них уходит непрерывно стремящаяся вперед жизнь». Русская революция зашла в этом направлении, пожалуй, гораздо дальше, чем все предыдущие, и освободившаяся от всяких форм жизни безудержно разлилась по всему необъятному пространству великой России. Привычная размеренная поступь сменялась колебательным движением, все бродит, сталкивается, перекрещивается. Навыки и привычки отринуты, каждый шаг приходится обдумывать самостоятельно и каждому нужно действовать на свой образец. Типические явления уничтожены, нет ничего устоявшегося и разрушена всякая связь и зависимость между различными и ближайшими частями прежде единого целого. Этот великий перелом не находит ни малейшего отражения в печати. В советской России существует только большевистская пресса, всецело поглощенная агитационными задачами и не освещающая внутренней жизни страны, вне советских границ печать имеет единственной целью борьбу с большевиками, и тщетно старались бы мы за страстной, с обеих сторон ослепленной, полемикой уловить биение пульса подлинной жизни...

Задача заключается в том, чтобы сохранить письменный след разветвляющихся перед нами трагических событий. Многие из того, что каждому из нас привелось видеть или в чем участвовать, осталось единственным в своем роде и более уже нигде не повторилось. Поэтому если сейчас не записать всего, чему каждый свидетель был, внутри ли России, или на границах ее в рядах борющихся с большевиками, или во вновь образовавшихся из тела России государствах, или, наконец, среди русской эмиграции во всех странах мира, то многое из фактических данных пропадет бесследно и такой недостаток может безнадежно затруднить раскрытие истинного смысла переживаемого нами величайшего исторического перелома...

Нужно вообще твердо помнить, что даже и при наивысшей объективности воспоминания и дневники дают богатейший, незаменимый материал автобиографический, наиболее ярко выступает в них личность самого пишущего, как бы мало он ни выдвигал себя: по тому, что он видел, на что обращал внимание, что бросалось ему в глаза, какие черты характера в окружающих его лицах он подчеркивал, по всему этому прежде всего можно безошибочно определить его собственное мирозерцание, его душевное и умственное состояние. Если же прямо поставить себе цель дать характеристики, судить и оправдывать, жалеть и пророчествовать, то ничего кроме автобиографического материала воспоминания представлять не будут, и только с этой точки зрения они будут интересны для выяснения себе сущности данной эпохи.

Главная трудность заключается не в том, чтобы преодолеть пристрастие и предвзятость, важнее всего отрешиться от своей собственной личности, не делать ее центральной фигурой. В настоящее время, когда все авторитеты разрушены, когда все вооб-

ще поколеблено до самых оснований своих, никто не вправе навязывать читателю свои выводы-предсказания, не в праве претендовать на то, чтобы им верили. Предоставим каждому делать свои заключения, которые вообще еще слишком преждевременны, позволим лишь о том, чтобы предупредить неверные выводы, основанные на недостаточном знании фактической обстановки, облегчим возможность ориентироваться в происходящем. Нет, пожалуй, более вредного и праздного занятия, чем искать теперь правых и виноватых. Никакой натяжки нет в том, если сказать, что виноватых нет, или еще вернее, что мы все виноваты и вина еще более увеличивается, если мы станем искать, на кого нам свою вину переложить. Пока еще нельзя отдать себе полного отчета в том, что именно произошло и как глубоко в сущности те изменения, которые вызваны переворотом, все усилия должны быть направлены на то, чтобы как можно полнее и точнее отразить случившееся.

В этом и заключается задача «Архива» русской революции. Эта задача очевидно совершенно исключает всякую предвзятость и партийность. Исчерпывающая цель издания — дать правдивую картину, содействовать выяснению исторической истины... Не только мемуары, для печати специально написанные, но всякие дневники, письма, всякого рода записи в самой беспристрастной форме могут иметь огромное значение для разрешения поставленной задачи.

Итак, имея в своем распоряжении все тома Архива И. В. Гессена, которые уже давно стали библиографической редкостью, редакция открывает серию публикаций раздела «Белые мемуары» перепечаткой воспоминаний матери барона П. Н. Врангеля. В СССР публикуется впервые. Печатается с сокращениями. Основные особенности авторского написания сохранены.

Раздел ведут
Андрей Кочетов
и Алексей Тимофеев.

Баронесса М. Д. ВРАНГЕЛЬ Моим внукам

Я не внесу в мой рассказ ни политики, ни истории, я лишь хочу искренно и правдиво, шаг за шагом, передать, через что я прошла и что мною, очевидно, пережито в дни большевиков. Прожив в Петрограде с 1918 г. до конца 1920 г., я, несмотря на все ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом. Жила я под своей фамилией, переменить нельзя было, так как очень многие меня знали. Но по трудовой книжке, заменявшей паспорт, я значилась: девица Врангель, конторщица. А служила я в Музее Города, в Аничковском Дворце, 2 года, состояла одним из хранителей его — место «ответственного работника», как говорят в Союзе. Ежедневно, как требовалось (так как за пропускные дни не выдавалось хлеба по трудовым карточкам), я расписывалась моим крупным почерком в служебной книге. В дни подхода Юденича к Петрограду Троцкий и Зиновьев устроили в Аничковском Дворце военный лагерь, расставив пулеметы со стороны Фонтанки; военные власти шныряли во Дворце повсюду, а служебная книга с фамилиями, раскрытая, как всегда, лежала на виду в швейцарской. Был у меня и обыск-налет, а в дни появления на горизонте Главнокомандующего Русской Армией генерала Врангеля (моего старшего сына) все стены домов Петрограда пестрели воззваниями:

Смерть псу фон-Врангелю, немецкому барону!
Смерть лакею и наемнику Антанты Врангелю!
Смерть врагу Рабоче-Крестьянской Республики Врангелю!

Позже, в другом месте моего жительства, я была прописана как вдова Веронелли, художница. Письма я писала под третьим именем. И вот, как ни непонятно, я высочила благополучно, тогда как другие несчастные матери, жены, сестры, дочери военных белогвардейцев были заточены в шивые казематы и томились там по месяцам: старуха М. П. Родзянко, семья Звягинцевых, баронесса Варвара Ивановна Искуль, Хрулевы, наши племянницы, княгиня Т. Г. Куракина, бар. Е. А. Корф,

баронесса Тизенгаузен, графиня Беннигсен, М. В. Винберг, мать совсем юного конногвардейца Таптыкова, да всех не перечтешь.

Начну рассказ о моих переживаниях по порядку. Должна прежде всего оговориться, все ужасы моей жизни — ничего исключительного из себя не представляли, так же жили и из породы буржуев, разве что были помоложе и не столь одиноки.

В начале 1918 года муж, убедившись, что в Петрограде жизнь становится все тяжелее, начал продавать все наше имущество: картины, фарфор, мебель, ковры, серебро. Деньги постепенно помещали, как и прежде, в Банк. Грозного еще ничто не предвещало, было только запрещено переводить капиталы за границу. Затем запретили выдачу по текущим счетам, банки национализировали, из сейфов обобрали золото и бриллианты, и мы, как и все, остались ни с чем. Муж решил переехать в Ревель, куда переехал и Спиртоочистительное О-во, председателем коего он состоял. Я в Ревель ехать не захотела, дети (сын и невестка) усиленно просили меня приехать к ним в Крым, где в то время, уволенный в отставку, жил сын со своей семьей. Я давно их не видела и ухаживала за это, тем более, что в Ревеле в то время были немцы, и во мне кипело патристическое возмущение против них. Выбирать тогда, куда ехать, я могла. Я решила устроить в Петрограде для нас с мужем маленький *pied à terre* на случай нашего приезда, в Крым же рассчитывала поехать на время, — тогда еще делались такие фантастические, как кажется теперь, невероятные планы. Проводив мужа, уверенная, что расстанусь с ним на короткое время, я переехала в уютную солнечную квартиру к моей старой приятельнице. Было просто, но красиво убрано, повсюду развешены портреты сына в военных доспехах и моих милых внуков. Мне даже нравилась эта упрощенность жизни; я поняла, как, вероятно, и многие, сколько в сущности лишнего, подчас совсем ненужного отягощало нас. Мы были — рабы своего имущества.

Вскоре я получила от мужа 4 письма из Ревеля; путешествие его было с большими приключениями, мои письма до него не дошли. Решила не терять времени, хлопотать о требовавшихся бесчисленных документах на выезд. Писала и телеграфировала сыну, так как он ранее просил, когда решу выехать, дать ему знать, дабы он мог у Скоропадского устроить мне проезд на Украину, но сколько ни писала — все письма, по-видимому, до него не доходили. Бумаги нужные я, однако, все получила, дело было только за паспорт, его мне выдать отказали. Вскоре закрыли границы, и я осталась в плену. Сразу мне удалось найти очень хорошую женщину — прислугу. Я решила поступить на какую-нибудь «чистую» службу. Сначала я работала нештатной служащей в Музее Александра III, но вскоре устроилась на лучшее место в Музей Города, в Аничковском Дворце. Учреждение это по духу было особое. Ни начальство, ни служащие политикой не занимались, страстно любили свое дело, и рабо-

тали не за страх, а за совесть. Сперва я состояла эмигрантом с жалованьем 950 руб. в месяц, затем меня превратили в научного сотрудника. Я получала сперва 4 тыс., позже 6 тыс., и, наконец, как хранителю Музея, мне было назначено 18 тыс. в месяц, да бедо-в том, что «пайка» преспокутого в нашем учреждении не полагалась. Жизнь безумно дорожала не по дням, а по часам. Вскоре я получила из Финляндии от мужа письмо. Он бежал из Ревеля, как и другие, в ожидании прихода туда большевиков. Писал, что был серьезно болен, поправляется понемногу, и заканчивал: «Будь наготове, за тобой придет человек, доверься ему». Письмо дошло до меня каким-то таинственным способом, я немедленно распродала все почти оптом, так как второпях, то по сравнительно грошовой цене; даже продала шубу и одежду, так как муж писал, что надо ехать без всякого багажа, но ни о муже, ни о каком человеке я более никогда ни слова не слыхала. Умер ли он? Жив ли? Не знала, что и думать. Проведя помянутую вдвоем с прислужкой деньги, вырученные за продажу вещей, жутко делалось, а что же дальше? Цены все лезли и лезли — 1 фунт отвратительного казенного хлеба на рынке продавался в то время за 400-500 руб. (теперь, говорят, уже 4.000 руб.), говядина 1 700 руб., яйцо одно 400 руб., масло 12 тыс., сахар 10 тыс., соль 350 руб., крупа-пшено 180 руб. фунт, коробка спичек 80 руб., керосин 1 ф. — 800 руб., свечка 500 руб., сапоги 150 тыс. руб., галоши 20 тыс. руб., чулки пара 6 тыс. руб., иголка — и та стоила 100 руб., катушка ниток 500 руб., мыло для стирки 5 тыс., и т. д. и т. д. Старуха хозяйка моя сбегала в окрестности, рассчитывая, что там подешевле, но вскоре умерла от истощения. Прислуга моя то и дело падала без чувств от утомления, стоя в хвостах, полуголодная, за советским хлебом и селедками. Я видела, что она чахнет, и как ни грустно было с ней расстаться, нашла ей хлебное место. И вот начались мои митарства. В 7 часов утра бежала в чайную за кипятком. Навившись ржаного кофе без сахара, конечно, и без молока, с кусочком ужасного черного хлеба, мчалась на службу, в стужу и непогоду, в рваных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпкой: вскоре мне повезло купить у моей сослуживицы «исторические галоши» покойного ее отца, известного архитектора графа Сюзора, благо сапоги у меня тоже были мужские, — я променяла их как-то за клочок серого солдатского сукна в 2 аршина. Такими гешефтами все тогда занимались, сперва как-то стыдно было, а потом все так привыкли, будто только всю жизнь это и делали. Пыталась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками, ела темную бурду с нечищенной гнилой картошкой, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу, или пружутую пшеничную бурду, хлеба 1 ф. в день, ужасного, из опилок, высевки, дуранды и только 15% ржаной муки. Что за сцены потрясающие видела я в этой столовой — до сих пор они стоят у меня перед глазами! Сидя за крашеными черными столами, липкими от грязи, все ели эту тошнотворную отраву из оловянной чашки,

оловянными ложками. С улицы прибегали в лохмотьях синие от холода, еще более голодные женщины и дети. Они облипали наш стол и, глядя помертвевшими, белыми глазами жадно в рот, шептали: «Тетенька, тетенька, оставьте ложечку», и только вы отодвигали тарелку, они, как шакалы, набрасывались на нее, вырывая друг у друга, и вылизывали ее до чиста. В 5 часов я возвращалась домой, убирала комнаты, топила печь, зимой через два дня, варила на дымящей печурке, выедавшей глаза, ежедневно на ужин один и тот же картофель, стоил в то время один фунт — 6 штук 250 руб., ела с солью, а в дни кутежа с редькой и луком. После «ужина» чинила свое тряпье, по субботам мыла пол, в воскресенье стирала. Это было для меня самое мучительное — полоскать белье с примороженными бельевыми руками, адовая мука, а не стирать самой было невозможно. Белье брали только с нашим мылом, стоило оно 5 тысяч фунт, да за стирку рубашки 150 руб., простыни 200 р., полотенца 50 руб., и т. д. Так как дворников в домах более не существовало (большинство из них переименовалось председателями домовых комитетов), то приходилось и дрова таскать, и помой выносить самой. А когда была объявлена повинность дежурить у ворот, то сколько я ни протестовала, доказывая, что по возрасту я от повинности избавлена, председатель уверял: раз я служу, стало быть работоспособна и от повинности уклоняться не смею. И вот с 10 до 1 часа ночи я, как и другие жильцы, кто раньше, кто позже, сидела в тумбе у ворот, опрашивая всех входящих и выходивших из дома. Одна из девиц, очень жизнерадостная, на всякое дежурство облачалась для потехи в оставшееся от былого великолепия вечернее платье, шикарную, еще сохранившуюся шляпу и в белые перчатки, уверяя, что это единственный случай себя показать, так как, сидя на службе в грязи или дома стирая, такое на себя не надеешь, в театры же и кинематографы ей ходить не по карману. Должна отметить, что несмотря на все глумления над буржуями и истязания, как ни странно, за все время моего пребывания в Петрограде желания буржуев отомстить угнетателям я не видела, подчас их «повинности» принимались, конечно теми, кого жизнь еще не побила, даже с юмором; они же оставались неприязненны и жестоки к нам, хотя «кровушки»-то и у нас ими было попито не мало.

Так как я боялась ночевать одна в квартире, — кругом меня несколько квартир было очищено, и хотя обирать у меня уже было нечего, но могли перепугать, — я сговорила с одним заводским рабочим, бывший шофер Гурко, он взялся ночевать в моей квартире, колоть дрова и выносить помой за 1500 руб. в месяц без кормежки.

Председатель домового комитета, надо думать, блюдя порядок, то и дело заглядывал к жильцам. Явившись как-то ко мне, увидел портреты сына в военных доспехах, приказал немедленно все их убрать, предупреждая, что если зайдет и увидит и в следующую раз «генералов», без разговоров отправит меня с портретами в Чека. Я немедленно пересела их на хране-

ние к знакомому присяжному поверенному.

Дни шли, положение мое становилось все более и более критическим, придирки и наблюдения Домового Комитета, изнурительная физическая работа, недоедание, отсутствие всяких известий о муже и сыне — измучили меня, я таяла с каждым днем. Скоро, не имея больше вещей, чтобы продавать и пополнять мой бюджет, я должна была отказаться от услуг и моего рабочего, — платить было нечем. Я опять осталась одна и только ужасно боялась, как бы не слечь и не очутиться в больнице, где больные замерзали, где не было ни медикаментов, ни места, валялись впопалку на полу. Хирурги отказывались делать операции, так как от стужи они не могли держать инструмента в руках. А народ мер и мер, как мухи. 30 тыс. гробов в месяц не хватало, брали напрокат. Мой сослуживец и старинный знакомый, барон А. И. Притвиц от истощения ослеп, вскоре умер; он был владетель богатейшего майората в Ямбургском уезде. Похоронили его в общей казенной могиле. Так как гроба жена не могла купить, то на кладбище она повезла его в большой корзине, благо он был очень небольшого роста, обернутого в простыню, поставила на розвальни, сама приткнулась около. Но про себя должна сказать, Бог меня хранил. Я потеряла, правда, два пуда весу, была желта как воск, от вечно мокрых, никогда не высыхающих ног (галоши мои знаменитые послужили только месяц) мне свело пальцы на ногах, руки от стирки и стужи приморожены, от дыма печурки, недоедания и усиленной непрерывной письменной работы сильно ослабли глаза, но я за два года ни разу больна не была. Постичь не могу, как в 60 лет может так ко всему приспособиться человеческий организм.

Но буду продолжать по порядку. Однажды, когда я исполняла одну из тяжелых очередных моих работ, зашла ко мне моя приятельница, известная общественная деятельница, очень душевный человек, пришла в ужас от условий моей жизни. Предложила переехать к ней; у нее была большая — ее эмигрировавших друзей — квартира и прислуга. Я была безумно счастлива. Наконец не быть одинокой! На новоселье я блаженствовала 10 дней. Пошли аресты, особые гонения на партию кадетов. Моя приятельница состояла председателем Комитета кадетов в одном из районов, ее убедили скрыться, прислуга меня немедленно бросила, поступила в богатый еврейский дом, и опять я осталась одна, в большой квартире — я да еще черный кот, немолчно мяукавший с голоду, да и я сама была не лучше его. Зачастую я вставала ночью проглотить хоть стакан воды, или погрызть сырой морковки, чтобы заглушить щемящий голод. Тысяч назначенного мне жалования я не видела три месяца за отсутствием в Государстве денежных знаков. Я уже разгубила в сапогах с отставшей подошвой, привязанною веревкою, но это ничуть меня не смущало, так как таких франтих, как я, было много. Тоскливо было отсутствие освещения в темные зимние вечера, зачастую электричество частным лицам совсем не давали, обыкновенно оно горело с 10 до 12, когда все мы, полумертвые от усталости, валились спать. Впрочем, были

ночи, когда электричество блистало во всю, — это в те зловещие ночи, когда производились обыски и аресты. Все это знали, все трепетали измученные и издерганные в ожидании приятного визита. Но в дни мрака было тоже жутко. Не имея ни керосина, ни свечей, в моей конуре, выходящей на черный двор, совсем одинокая, с обуревавшими меня печальными думами о близких, отравленных судьбою от меня, я коротала мои вечера, изредка зажигая драгоценные спички, чтобы посмотреть, который час. И вот в одну из освещенных электричеством ночей, в 3 часа раздался на черной лестнице оглушительные звонки, нетерпеливые удары в дверь и крики. Вскочив с кровати, я догадалась — обыск! Так как у меня в комнате температура была на нуле, я спала одетая, да еще прикрытая разным тряпьем. Около меня всегда лежали мои драгоценности, письма и фотографии сына, перевязанные. В одну минуту я схватила их, бросилась в уборную и с сокрушенным сердцем утопила. Направилась к дверям, а удары становились все свирепее и свирепее, того и гляди двери снесут. Открыла двери за ней 5 детей «краса и гордость революции», двое с ружьями, тут же и председатель Домового Комитета — «салонный танцор», как он называл себя, а также и управляющий домом, — бывший старший дворник, — все по закону, все честь честью. Потребовали у меня документ, он был у меня тоже наготове, народ мы стали все вышкollenный; убедившись, что я нахожусь на советской службе, да еще «ответственная работница», направились в комнаты, шарили везде, все перевернули, читали письма, ревали, отбирали бумаги. Найдя хороший сафьяновый портфель, хотя и пустой, — забрали. После многое из хороших хозяйских вещей, оказалось, «экспроприровали» (это новомодное у нас слово). Взяли телефонный список с фамилиями, курили, острили и только в 5 утра закончили все операции. С меня сняли вопрос: «где хозяйка, когда вернется?». — Сказала, что переехала я всего 10 дней, наняла комнату, хозяйки почти не знаю, а поехала она, как сказала, в Новгородскую губернию за провинцией. Управляющий прибавил: «Ей 60 лет, глуха как стена и неработоспособна». «Знаем мы этих глухих да немых, работать паразиты задние не хотят, а народ мутить их дело. Счастье ее, что нам под руки не попала, а мы приехали ее прократить в Петропавловку. Да мы не прощаемся, а до свидания», — утешили они меня. Через два часа после этого приятного ночного отдыха я уже бежала за кипятком в чайную, а оттуда на работу, на службу до пяти вечера.

Для душевного моего успокоения до меня то и дело доходили вести о смерти кого-либо из оставшихся в Петрограде друзей и знакомых. Умерли от истощения и голода моя невестка бар. Ш. Врангель, племянница М. Вогак, родственница еще одна, М. Н. Аничкова, умерла от сыпного тифа, А. П. Арапова, дочь Наталья Николаевна Пушкиной, по второму браку Ланской, обратилась в вешалку, обтянутую кожей. Умерла в нищете княгиня Е. А. Голицына, бывшая начальница Ксенинского Института. Ради существования, пока не слегла, несмотря на свои 68 лет, во всякую погоду торговала на улице бубликами; сестра ее, Е. А. Депрениц-

кая, — также скоро после нее умерла. Эм. Ал. Эллис, бывшая фрейлина, дочь коменданта Петропавловской крепости былых времен, умерла от изнурения. Расстреляны в то время были наши племянники бар. М. и Г. Врангеля, при потрясающей обстановке. А. И. Арапов, — это только мои друзья, — общее же число жертв было бесчисленно. А сколько сидело по тюрьмам. Порою казапосы, вернулись времена Иоанна Грозного, люди изводили и в одиночку, и скопом, со всевозможными муками и терзаниями.

Однако, я все время отвлекаюсь, но воспоминания так еще болезненно живы и напряжены, так нагрядают, кажутся, что еще не достаточно наглядно обрисовала «коммунистический рай», и все новым и новым примером, новым штрихом хочется дорисовать эту картину.

Но возвращаюсь к моему повествованию. Вскоре хозяйка дома дала мне знать, к большому моему огорчению, что ей вернуться на квартиру не придется. Немедленно меня уплотнили. Со мной теперь жили еврейка, два еврея, счетовода Народного Банка — бывшая горничная у одной моей хорошей знакомой; жила еще, хотя ворчливая, но хорошая старушка, бывшая няня, но она вскоре переехала в деревню, а на ее место поселился рядом со мною ужаснейший красноармеец. Горничная в былые времена получала от меня чаи, именвала меня «Ваше Сиятельство», теперь была так важна, что и приступа к ней не было. Однажды, попросив оказать мне незначительную услугу, я положила перед нею 100 рублей, для меня в то время это был целый куш, она швырнула их: «Ну да, буду я с вами валандаваться. А дрянью-то эту уберете, что я на нее купить могу, это даже не гривенник». Положим, она была права, да большего-то дать ей у меня самой не имелось. Девушка эта с трудом подписывала свою фамилию, но жалованье получала такое же, как и я, да в придачу громадный паек, и еще подкармливалась из деревни, и находила, что «теперь не жизнь, а малина».

Все они разместились в лучших комнатах, я же жила в самой маленькой, которую взяла ради экономии моего крошечного запаса дров. Евреи топили у себя дважды в день, так как служили в Лескоме.

Парадные комнаты были очень хорошо обставлены. Мебель была карельской березы и красного дерева, зеркала, картины. И во что обратили все это скоро новые обитатели? Ставили в комнатах самовары, дым столбом стоял, сушили белье мокрое на креслах и т. д. Красноармеец был мой ближайший сосед. По дому он расхаживал в белых подштанниках, в туфлях на босу ногу, с трубкой в зубах, горланил на всю квартиру неприличные песни, бесцеремонно на моих глазах любезничал с горничною, зачастую ночью собирал у себя «общество»; что они там делали, не знаю, а только гогот, гам и песни не давали мне не раз заснуть до утра. Впрочем, все это было только беспокойно, но не страшно, возраст мой и видимая нищета спасали меня от худшего. Вся эта компания жила припеваючи, ни в чем сравнительно себе не отказывала, меня же третировала и за нищету презирала. Зачастую, вдыхая в себя аромат жарившегося у них гуся или баранины, мне от раздражавшего

мой аппетит запаха делалось дурно.

С марта 1920 года в жизни моей началось новое осложнение. В газетах промелькнула фамилия Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала Врангеля (как я уже сказала выше, моего сына), дальше все чаще и чаще. Все стены домов оклеивались воззваниями и карикатурами на него. То призывали всех к единению против немецкого пса, лакея и наймита Антанты — врага Рабоче-Крестьянской Республики Врангеля, то изображали его в виде типа союза русского народа. — Облака, скалы, над ними носится старик с нависшими бровями, одутловатыми щеками, сизым носом, одетый в мундир с густыми эполетами, внизу подписи: «Белогавардейский демон» и поэма:

**Печальный Врангель, дух изгнанный
Витал над Крымское земли и т. д.**

Были и поострее, но для чистоплотной печати не годятся. В ушах имя Врангеля жужжало тогда повсюду, на улице, в трамваях (и разве не чудо, что я уцелела!). Каждую ночь я меняла мой ночлег, находила приют, то у одних, то у других. Мои доброжелатели заволновались, что предлагали мне переменить паспорт, кто переехал в окрестности, одна организация предложила мне из каких-то сумм Колчака меня ежемесячно субсидировать, чтобы я оставила службу; два других больших учреждения в память второго покойного моего сына (историка и критика искусства) также предложили свою помощь. Но я инвалиды записываться не хотелась, да и служба была моя единственная отрада, в ней я находила забвение от всех ужасов жизни. От денег я с признательностью отказалась, а воспользовалась предложением устроить меня в Общежитие в окрестностях Петрограда, подальше от властей. «С глаз долой, из сердца вон», как смеясь говорили мне мои друзья.

Прописали меня там: вдова Веронелли, художница. На службу надобно было ездить ежедневно чуть свет. Но, что бы мне ни предстояло, я бы все приняла, лишь бы мне избавиться от моих городских мучителей, да ведь и горничная отлично знала, кто я, и каждую минуту могла меня предать. А разве не счастье было избавиться от их глумлений и унижений. Помню один из таких случаев. От отсутствия топлива зимой лопнули водопроводные трубы, мы должны были сами себе добывать воду, из соседнего дома тащить в третий этаж по грязной, примерзшей, скользкой лестнице. Красноармеец принес для горничной, еврей для еврейки, мне принести было некому. Попробовала было вежливо попросить один кувшин у еврейки. Завязжала, руками замалхала: «Вода моя, моя». Нечего делать, взяла свое ведро, отправилась по воду. Изнемогая, обливаясь потом, несмотря на мороз, с трудом удерживая невольно струившиеся по щекам слезы, я прилеплась с моим ведром в кухню, где сидела вся компания. Увидя мой жалкий вид, они покатились со смеха, а девушка заодно мне крикнула: «Что, бывшая барыня, ты желенка? Ничего, потрудитесь, много на нашей шее-то понаездились!» Чтобы не доставить им еще большую радость увидеть меня разрыдавшейся, я безмолвно с моим ведром пошла к себе,

стараясь не слушать несшиеся мне вслед остроты.

И вот теперь мне предстояла радость уйти от этих зверей. Поселившись в Общежитии, я сразу почувствовала себя в раю; положим, рай своеобразный: в помещалась в «четвертушке» — это четвертая часть комнаты, как в пьесе Горького «На дне», отделенная ситцевыми занавесками. В каждой четвертушке стояла железная кровать с соломенным блином вместо тюфяка, шкаф, стол, два стула, умывальник на ножках и ведро. Две обитательницы на своей стороне имели окна, две — двери, мне досталась без окна. Две жилицы были мимые образованные девушки, а моя соседка — голова в голову — истеричная старая дева, учительница. В былые времена она частенько забегала ко мне, ходила передо мной на задних лапках, а теперь если я впотымах уронию ложку, или близко к ее занавеске подвину стул, кричала на меня, как на собаку. «Ишь обнаглела, как Крымская Ханша, Крым-то пока не ваш», и т. д. Но, по счастью, тут, в Общежитии были целые десятки приятных, образованных, душевных людей, как бы тени прошлого, чудом уцелевшие. Все очень известные фамилии, но зная, что коммунисты распоясались, то, чтобы не подвести тех лиц, от наименований воздержусь. Кроме них были сестры милосердия, разные служащие «поневоле», одним словом, какой-то оазис в Дьявольской Совдепской пустыне. Но мы жили настороже с опаской. Ежедневно, чуть свет, во всякую непогоду я тащилась к трамваю на службу. Все чаще и чаще трамваи опаздывали, или среди дороги, за отсутствием электрической тяги, останавливались, и приходилось шлепать пешком. Все чаще и чаще стали поговаривать, что нам грозит быть выброшенными, комиссары уже посетили нас и собираются здание реквизируют для дома отдыха рабочих. Боже! Неужели еще скитаться. Мы жили, не зная, что ждет нас завтра. По счастью, на меня напало равнодушие, а не отчаяние. Буду ли заточена в тюрьму, или умру с голода, не все ли равно? Я уже ничего не ждала, плыла по течению и тупо доживала.

И вдруг... в конце октября 1920 года, однажды, когда я уходила со службы, швейцар мне сказал: «Вас спрашивают. Смотрите, незнакомец девица — финка. Она просила меня выйти с ней на улицу, так как должна со мной говорить по очень важному делу. Мы вышли. Она сунула мне клочок бумаги, со знакомым характерным почерком моей самой близкой приятельницы, жившей со дня революции в Финляндии. Она писала: «Ваш муж жив. Буду счастлива видеть вас у себя, умоляю, воспользуйтесь случаем, доверьтесь подателю записки вполне. О подробностях не беспокойтесь, все устроено». Побег организовать стоило тогда 1 миллион советских денег, на финские марки 10 тысяч. На мой вопрос: когда ехать? куда? Девица мне сказала — завтра, без всякого багажа, оденьтесь потеплее, поездете по морю часа 3 1/2 — 4 на рыбацкой парусной лодке. Все устроено, ни о чем не заботьтесь, — дала адрес, где встретиться. Я вышла, как дальше жить, не видела; как ни труден мне казался путь, — я согласилась. По ночам были уже морозы, зальце покрылось уже салом, это оставался последний случай до первопутка...

За Русь святую

**Не лебедь это в небе стая:
Белогавардейская рать святая
Белым виденьем тает, тает...
Старого мира последний сон...
Молодость — Доблесть — Ванда — Дон.**

Так писала Марина Цветаева в стихотворении «Дон», который вошел в сборник стихов 1919—1921 годов «Лебединый стан», увидевший свет лишь в 1957 году, в Мюнхене.

Мы знаем (правда, выборочно) героев гражданской войны только с одной стороны — со стороны красных. Белые герои, беззаветно преданные России и отдавшие ей без остатка свою жизнь, долгие десятилетия у себя на родине подвергались глумлению и шельмованию или (как это было с председателями «Русского общевосточного союза» (РОВС) генералом от инфантерии А. П. Кутеповым и генерал-лейтенантом Е. К. Миллером) прямо выкрадывались чекистами и уничтожались.

Теперь, кажется, пришло время одуматься и начать долгий и многотрудный путь в попытке сростить разорванные куски России.

Предлагаемые фрагменты из книги «Дроздовцы в огне» дают превосходный повод. Уникальность книги не только в первозданности обжигающего своей правдой материала о Белом движении на юге России. Она сплела, соединила в одном венке три славных русских имени.

Имя первое: генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский, ее главный герой.

Сын генерала, участника Севастопольской обороны, М. Г. Дроздовский родился 19 (7) октября 1881 года в Киеве. Окончил Киевский кадетский корпус и Павловское военное училище, добровольцем участвовал в русско-японской войне (в 34-м Стрелковом Сибирском полку), был ранен. В числе лучших окончил Императорскую Военную академию. В русско-германской войне был, помимо прочего, начальником штаба 64-й пехотной дивизии, снова получил ранение, доблестно воевал и особенно отличился во главе 60-го пехотного Замостского полка. 24 ноября 1917 года был назначен начальником 14-й пехотной дивизии, но 24 декабря сам сложил это звание. Начиная гражданскую войну. На Дону генерал-адъютант М. В. Алексеев уже формировал общероссийские вооруженные силы под именем «Алексеевской организации».

В Яссах, куда прибыл полковник Дроздовский, было задумано формирование Добровольческого корпуса. Однако генерал Щербачев и Кильчевский, видя кругом распад и отчаявшись в возможности борьбы с большевиками, отказались от этой идеи. Движение возглавил Дроздовский. О дальнейших событиях, о героическом походе 1-й бригады русских добровольцев (среди которых был и Антон Васильевич Туркул), выступивших 24 мар-

та 1918 года в числе восьмисот человек с Румынского фронта и прошедших с непрерывными боями через Кишинев, Нижний Буг, Каховку, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь, Таганрог, красочно и подробно рассказывается в книге «Дроздовцы в огне». 18 мая добровольческий отряд вышел к Ростову, из которого красными соединениями были выбиты казачьи части. 8 июня дроздовцы, вместе с казаками, заняли Ростов, а затем в Новочеркасске отряд, выросший до трех тысяч, соединился с Добровольческой армией, которой командовал генерал-лейтенант А. И. Деникин. Руководимая Дроздовским 3-я дивизия на Северном Кавказе покрыла себя неуязвимой славой. 13 ноября 1918 года, под Ставрополем, Дроздовский был ранен третий раз, перевезен в Екатеринодар, где и скончался 14 января 1919 года. В память о нем А. И. Деникин приказал одному из созданных Дроздовским полков именоваться впредь «2-м Офицерским генерала Дроздовского полком», а впоследствии вся 3-я дивизия получила наименование «Дроздовской».

Имя второе: генерал-майор Антон Васильевич Туркул. Автор книги «Дроздовцы в огне», герой Белого движения 1918—1920 годов, сподвижник Александра Павловича Кутепова.

Русско-германскую войну А. В. Туркул встретил вольноопределяющимся, а в гражданскую стал генералом. Встав во главе дроздовцев, он сделался известен не только всей Добровольческой армии, но и красным своими впечатляющими подвигами. Хочется предоставить здесь слово автору некролога в парижском журнале «Возрождение» — «Памяти Белого Героя», скромно подписавшемуся «Галлиполиец»:

«Действительно, генерал Туркул и его дроздовцы делали чудеса. Иван Лукаш описал всю их эпопею, со слов генерала, в своей книге «Дроздовцы в огне». Не преувеличивая, можно сказать — блестящая страница в летописи борьбы за национальную Россию.

В Галлиполи генерал Туркул был одним из ближайших помощников генерала Кутепова в деле сохранения воинских кадров, поддержания духа и дисциплины. Кто из галлиполицев, например, не помнит «Дроздовской учебной команды»?

Позже, во Франции, после похищения генерала Кутепова, генерал Туркул понял, что «сохранять кадры» — это далеко не все, что требуется от военачальника за рубежом. Он сумел объединить не только «своих Дроздов», но к его группе примыкали все, кто искал действия в смысле антибольшевистской акции. Он издавал газету «Сигнал», привлекал и выдвигавшую многих талантливых его сотрудников, устраивал доклады, заставлял своих соратников заниматься самообразованием, работал много сам.

Во время второй войны он, как и многие эмигранты, надеялся, что события, быть может, принесут освобождение русскому народу. Однако действительность оказалась иной: Россию, с точки зрения немецких политиков, населяли всего лишь «осты»... Генерал Туркул сделал все возможное, чтобы

облегчить положение и военнопленных и рабочих»

После войны он возглавил кадры Русской Освободительной Армии «Р. О. А.», обосновался в Мюнхене, издавал и редактировал трехмесячный журнал «Добровольцы», — орган внутренней связи кадров Р. О. А.

В последний раз генерал Туркул был в редакции «Возрождения», оказавшись проездом из Ниццы в Германию. Много говорил о событиях в России, о сдвигах, наблюдающихся после смерти Сталина.

— Знаете, — сказал он, прощаясь, — я повторяю то, что говорю вот уже скоро сорок лет: «Коммунизм умрет — Россия никогда!»

Антон Васильевич Туркул скончался в Мюнхене в 1963 году.

Имя третье: Иван Созонтович Лукаш. Замечательный русский писатель, который сделал литературную запись «Дроздовцев в огне».

В 1943 году одно из крупных парижских издательств обратилось к литературоведу П. Е. Ковалевскому с предложением написать историю русской литературы за рубежом. Лукаша уже не было в живых, и на просьбу Ковалевского откликнулся вдова писателя, передавшая биографическую записку о муже. Вот она.

«Иван Созонтович Лукаш родился в Петербурге, в здании Академии Художеств, в 1892 году. Отец его был сторожем Академии, а мать заведовала столовой. Иван Созонтович младший из семи детей.

Дед казак. Отец самоучка, солдат дореформенного времени, знал всех художников и скульпторов, и они его уважали. Репин написал с него заплата с повязанной головой на своей знаменитой картине. Мать была воспитанницей художника Боголюбова, крестьянского происхождения. Всем детям Лукаши дали высшее образование. Отец в конце жизни получил почетное гражданство».

Иван Созонтович Лукаш скончался на сорок восьмом году жизни, в 1940 году. Его книги: повесть «Голое поле» (1921), поэмы «Дом усопших» (1922) и «Дьявол» (1922), сборник «Черт на гауптвахте», роман «Бел-цвет» (1923), повесть «Граф Калиостро» (1925), трилогия в рассказах «Сны Петра» (1931), сборник рассказов «Дворцовые гренадеры» (1928), роман «Пожар Москвы» (1928), романы «Вьюга» (1936) и «Ветер Карпат» (1938). Лучшим произведением Лукаша критика называла «Бедную любовь Мусоргского» (1940).

Литературная запись Лукаша воспоминаний Туркула «Дроздовцы в огне» появилась в печати в Белграде, в 1937 году. В СССР публикуется впервые.

Три героя этой книги возвращают нас к событиям гражданской войны, участники которой — по обе стороны — создали свой фронтальный эпос, свои былины, свои песни.

**«Смело мы в бой пойдём
За Русь святую
И как один прольём
Кровь молодую», —**

пели белые добровольцы. Позднее красные написали новые слова.

Но мелодия осталась прежней.

ОЛЕГ МИХАЙЛОВ

ГЕРОИ БЕЛОЙ РОССИИ

Генерал
А. В. Туркул
в 1920 году

Наша Заря

...Я вбегаю по ступенькам деревянной лестницы к нам в «юнкерскую», на верхний этаж нашего тираспольского дома, смотрю: а через спинку кресла перекинут френч моего брата Николая с белым офицерским Георгием. Николай, сибирский стрелок, приехал с фронта раньше меня, и я не знал ни о его третьем ранении, ни об ордене Святого Георгия. В третий раз Николай был ранен тяжело, в грудь.

Я приехал с фронта тоже после третьего ранения: на большой войне я был ранен в руку, в ногу и в плечо. Мы были рады нечаянной и недолгой встрече: врачи настояли на отъезде брата в Ялту — простреленная грудь грозила чахоткой. Это было в конце 1916 г. Вскоре я снова уехал на фронт. И вот, на фронте, застиг меня 1917 год.

Я представляю себе себя самого, тогдашнего штабс-капитана 75-го пехотного Севастопольского полка, моло-

дого офицера, который был потрясен национальным бедствием революции, как и тысячи других среди военной русской молодежи.

Моя жизнь и судьба неотделимы от судьбы русской армии, захваченной национальной катастрофой, и в том, что я буду рассказывать, хотел бы я только восстановить те армейские дела, в которых я имел честь участвовать, и тех армейских людей, с кем я имел честь стоять в огне заодно.

В разгар 1917 года, когда замитинговал и наш полк, я стал в нашей дивизии формировать ударный батальон.

Надо сказать, что почти с начала войны у меня служил ординарцем ефрейтор Курицын, любопытный солдат. Ему было лет под сорок. Рыжеватым, с нафабранными усами, он был горький пьяница и веселый человек. Звали его Иваном Филимоновичем. До войны он был кровельщиком, во Владимирской губернии у него осталась жена и четверо ребят. Курицын очень привязался ко мне.

В 1917 году я отправил его в отпуск и в армейском развале забыл о моем Санчо Панса. И вот внезапно он явился ко мне, но в каком виде: оборванец, в ветоши, в синяках и без сапог.

— Ты что же, — сказал я ему, — ну не образина ли ты, братец. Обмундирование и то пропил...

— Никак нет, не пропил. Меня товарищи раздели.

И Курицын поведал мне, как приехал из отпуска в наш полк, а меня в полку нет, и комитетчики злобятся, что я отбираю ударников. Иван Филимонович не пожелал оставаться в развалившемся полку и подал докладную по команде, чтобы его из полка отправили ко мне.

Тут и начались испытания ефрейтора Курицына. Комитетчики всячески его оскорбляли, «холуем» бранили, что «ряшку в денщиках нажрал», доходило и до затрещин, а потом на митинге проголосовали отобрать от него все обмундирование, сапоги, казенные подштаники, даже портянки, а выдать самую ветошь. Потому-то Иван Филимонович и явился ко мне чуть ли не нагишом.

Он стоит передо мною, а мне вспоминаются Карпаты, ночь, снег. В ночной атаке на Карпатах я был ранен в ногу. Атаку отбили, наши отошли. Я остался лежать в глубоком снегу, не мог подняться, кость нестерпимо мозжила; я горел и глотал снег. Помню сухие содрогания пулеметного огня, и как надо мною в морозной мгле роились звезды.

Иван Филимонович тогда подобрался ко мне и поволок меня под мышки по снегу. Я невольно застонал. Он прошептал мне сердито, чтобы я молчал. Так он вынес меня из огня. Сам он был ранен в грудь; на груди шинель его была черной от крови и клубилась паром.

Я вспоминаю его на Карпатах, также как и другого ефрейтора, Горячего, рядового Розума и рядового Засулько и тысячи тысяч других русских солдат, верных присяге и долгу, спящих теперь впаду в братских могилах до трубы архангела.

И думаю, что они, наши светлоглазые русские орлы, послушные во всем, даже в самой смерти, верящие офицеру и верные ему всей душой, они и создали героическую молодежь, для которой солдат всегда был младшим братом — героическую молодежь, три года отбивавшую от советского рабства Россию. Мы бились за русский народ, за его свободу и душу, чтобы он, обманутый, не стал советским рабом.

Возвратившегося Ивана Филимоновича я поблагодарил за верную службу, а его жене, во владимирское село, послал сколько мог денег. Самому Курицыну дать деньги на руки поостерегся: все равно пропьет.

Это было под Венденом, куда после развала 12-й армии был переброшен в 3-ю Особую дивизию мой ударный батальон. Там Курицын и напросился доставить ко мне домой трех моих коней. Кони, действительно, были хороши, и заплатил я за них хорошо, но их надо было везти в Тирасполь, чуть ли ни через всю Россию, в самую разруху.

Жалел коней и мой вестовой, сибиряк Павел Дроздов. Дроздов был солдат заботливый. В глинистых окопах, полных воды, если у меня промокнул ног, обязательно найдутся у Павла шерстяные носки на перемену, всегда есть чистое

белье, а горячие котелки из кухонь он мне носил под самым огнем. Сибиряк был человек суровый, любитель порядка и спорщик по домашним делам.

Павел Дроздов очень желал получить Георгиевский крест. Под Станиславовым он напросился со мной в бой. Я дал команду к атаке, поднялся, за мной адъютант ударного батальона, а все лежат. Смотрю, поднимается один мой Павел.

Так мы трое и начали атаку: командир, адъютант и вестовой. За нами поднялись все. Павел был легко ранен в плечо. В атаке он заслужил свой солдатский крест. После удачного боя нам пришлось переходить вброд какую-то речонку, и вот мой новый герой окликает меня по-домашнему: «Ваше благородие, как вы ноги промочили, носки другие подмените!» Любопытно, что после этого боя все солдаты весьма уважительно стали величать Дроздова по имени-отчеству.

Сибиряки, чалдоны, крепкий народ. Я помню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норой бабахать почаще, себя подбодряя, а куда бабахает — и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко. Он всегда норовит стрелять по прицелу. Про сибиряков недаром говорят, что они белке в глаз метят, чтобы шкурки не испортить. Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают, как известно, многие военные писатели, и среди них генерал Людендорф.

А своими победами сибирские бородачи перед другими солдатами были горды, что называется, до черта. Едва идет при них солдатский разговор, что такому-то полку дали георгиевские петлицы, или что там-то снова прославилась гвардия, как сибиряк уже шурится презрительно и говорит с равнодушием: «Да брось ты про георгиевские петлицы... Гвардея тоже... Что гвардея, когда мы, сибирячки, с ашалонов Аршаву атаковали».

Вот мой чалдон Дроздов с Курицыным погрузили коней в нагон и поехали. А куда поехали — неизвестно ни им, ни мне.

Я с девятью офицерами-ударниками добрался до Тирасполя только к самой зиме, среди тяжелого развала, тоскостного и бессмысленного гама митингов, кишащих солдат. В Тирасполе моих вестовых не было, и я подумал, что они либо загнали лошадей, либо их самих куда-нибудь загнали с конями.

Все эти девять офицеров жили у меня в доме. Мы всюду ходили вместе: даже бриться и за папиросами. Уже тогда мы решили пробраться на Дон, о котором доносились глухие слухи. Тирасполь, полный солдат и матросов, тоже митинговал, но никто из нас не снимал погон, и ходили мы по улицам с ручными гранатами, обычно четверо впереди, четверо позади, а я посередине.

Товарищи нас явно боялись, а когда попытались напасть, мы отбили нападение ручными гранатами. Гранаты нам пришлось бросать около самой женской гимназии, и сотни детских лиц смотрели на этот нечаянный бой, прижавшись к стеклам окон. Такой была наша тираспольская Вандея.

Вскоре после того, на балу в реальном училище, ко мне подошел какой-то штатский господин. Это был капитан Кавтарадзе, грузин, расстрелянный позже грузинами же. Он предложил мне ехать в отряд полковника Дроздовского, формируемый в Яссах, чтобы идти на Дон к генералу Корнилову.

О Дроздовском ни я, ни девять моих офицеров совершенно ничего не знали. Я поручил одному из ударников, поручику Турбину, съездить и узнать, существует ли такой отряд. Через три дня поручик Турбин вернулся и доложил, что отряд Дроздовского действительно есть. Тогда мы все решили ехать к Дроздовскому, чтобы пробиваться к Корнилову отрядом, а не одиночками, что было куда тяжелее.

Помню солнечное зимнее утро. Мать сидела в гостиной у окна. Ее седая голова была как бы очерчена прохладным серебристым светом. Я вошел и молча сел на поручень ее кресла. Мать заметила, что мне не по себе.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Да, я уйду с Дроздовским. В поход.

— Какой поход... Войны больше нет. Все развалилось, все кончено...

— Это хуже войны. Дело идет о существовании России. Мать склонила седую голову:

— Николай в Ялте, больной... Может быть смертельно. Ты едва оправился от ран. Я почти не видала вас... За что опять отнимают вас обоих? У меня же сил больше нет. Я мать.

Она зарыдала глухо. Я поцеловал ее седую голову с таким строгим и милым пробором. Я говорил ей как умел, что если не противопоставить человеческой честной силы бесчеловечным и бесчестным насилием, все равно они разгромят жизнь. Или Россия и человеческая жизнь в России будут взяты нами с боя, или Россия и вся жизнь в ней будут замучены большевиками.

Мать слушала меня, отвернувшись к окну. Когда она обернулась, ее глаза были сухи и светились печально. Мать привыкла к разлукам. Мой отъезд был решен.

Провинциальный Тирасполь мирно светился от снега. Стояла ясная, крепкая зима. Однажды, в начале декабря, наша горничная вызвала меня вниз:

— Ваши пришли, — весело и загадочно сказала она.

Я вышел в прихожую, а там, в облаке морозного пара, оттапывая снег, стоят Курицын и Дроздов, оба в ладно пригнанных шинелях. Оруженосцы не только доставили моих коней, но и откормили их до того, что верховые кони стали похожи на ломовых битюгов. Чудаки, везли коней без одной выводки целых пять недель.

По дороге мои проводники завалили сеном, натасканным из интендантских складов, весь товарный вагон, а под овес заняли еще и соседнюю площадку. Сказать ли, что Курицын и Дроздов изловчились раздобыть по дороге больше ста тюков прессованного сена. Они привезли каких-то чудовищных зверей для Гаргантюа, которые вскоре и были проданы. Перестарались.

Наша встреча была самой душевной. Оба они хорошо у меня отдохнули. Потом я помог Дроздову выехать в Сибирь, куда он торопился, а Курицыну сказал:

— Поезжай и ты, брат, в деревню.

— А вы, ваше благородие, куда собираетесь?

— Я к генералу Корнилову.

— А мне что же делать в деревне?

— Как что? Вот чудак. У тебя жена, дети, семья.

— Сами знаете, к семейственному я не пригож. А на те деньги, что вы им, спасибо, послали, жена год будет жить, да еще радоваться, что меня нет. Не поеду я, ваше благородие, в деревню. Я уж с вами останусь. Как допрежде был, так и теперь.

Я награбил его чем мог, сказал, что он может остаться у нас присмотреть за конями, но потом обязательно должен возвращаться к себе домой.

С девятью офицерами я выехал в отряд Дроздовского, а Курицын, можно сказать, меня обманул: во Владимирскую губернию он так и не вернулся, а остался в Тирасполе, в нашем доме.

В Румынии было тогда полно русских войск, но сверху никто не отдавал приказа о создании добровольческих отрядов. Больше того, русское командование растерялось.

Бригады добровольцев формировались в Кишиневе, в Яссах и под Яссами, на станции Скинтия. Третья бригада, полковника Дроздовского, куда мы прибыли, стояла на этой станции. Помню, как уже после одной командировки в Киев, когда я ехал назад в Скинтию, на бульваре в Кишиневе встретилась мне блестящая коляска бессарабского помещика. В коляске я узнал моего старого приятеля, однополчанина по большой войне, поручика Мелентия Димитраша. Кряжистый, с рыжеватыми усами, спортсмен британской складки, с дерзко улыбающимися зеленоватыми глазами, он был известен как блестящий, бесстрашный офицер. Димитраш был добровольцем в Китае во время восстания «Большого Кулака», на Японской и на Великой войне.

Мы расцеловались. Указывая на трехцветный наугольник на моем рукаве, Димитраш спросил:

— А это что такое?

— Это бригада русских добровольцев.

Димитраш небрежно расспросил о бригаде, о Дроздовском, и пригласил к себе обедать.

В самый разгар обеда Димитраш куда-то исчез. Вдруг торжественно растворились двери, и хозяин появился в полной походной форме, с таким же, как у меня, наугольником из трехцветных ленточек на рукаве. Слегка смущенный, он поглаживал рыжеватые усы, его зеленые глаза смеялись:

— Ну вот, — сказал Димитраш, — я бросаю все это и тоже ухажу. Да здравствует поход. За Россию!

На другое утро мы уже ехали с ним в Скинтею.

В феврале румыны начали вести переговоры о сепаратном мире. Тогда-то растерявшимся русским командованием был отдан предательский приказ о расформировании русских добровольческих частей. Приказ этот отдал генерал Кельчевский, перешедший позже к большевикам.

Бригады в Кишиневе и в Яссах приказу подчинились и были распущены. В нашей третьей, Скинтейской бригаде, полковник Дроздовский созвал командный состав, прочел приказ о расформировании и сказал:

— А мы все-таки пойдем...

Ни одного мнения не было подано против. Как и Корнилов, мы восстали против революции. Мы не только не подчинились приказу, но спешно выступили со станции Скинтея в Яссы. Сосредоточились мы у Ясс на вокзале Сокола. Там к нам подошла одна офицерская рота из бригады, расформированной в Яссах. Рота тоже не подчинилась приказу. Мы стали военными бунтовщиками.

Дроздовский уехал в штаб румынского фронта выяснять обстановку, а офицеры и добровольцы, подходившие к нам из города, стали передавать, что наш отряд со всех сторон окружают румынские войска. Мы немедленно отправили сторожевые охранения и выставили пулеметы.

У вокзала были брошены русские пушки. Мы расставили нашу артиллерию, с нею и эти пушки. Наши жерла были направлены на парламент, заседавший тогда в Ясском дворце. Было решено не допускать разоружения. Я помню бессонную ночь, помню ночное собрание старших начальников. Мы ждали приезда Дроздовского, мы решили пробиваться с боем, если румыны не согласятся нас пропустить.

Утром румыны прислали нового офицера с требованием разоружиться. Мы отказались и предупредили, что при первой же попытке разоружить нас силой огонь всей нашей артиллерии будет открыт по городу и парламенту.

А Дроздовского все не было. У многих не только росла тревога за него, но закрадывались и сомнения. В десять часов утра погожего ясного дня, когда мы со всех сторон были окружены румынами и зловеще сверкало на солнце их и наше оружие, вдруг показался автомобиль. В нем Дроздовский. Он как будто бы махал белым платком. Машина остановилась. Мы кинулись к командиру.

— Господа, — радостно сказал Дроздовский, махая листком бумаги, — пропуск у меня в руках — дорога свободна. После обеда мы выступаем.

От нашего молодого горячего «ура» задрожали вокзальные стекла. Дроздовский не мог к нам вернуться вчера — его не пропустили. Тогда он снова поехал в штаб румынского фронта и там раздобыл нам пропуск.

Мы стали лихорадочно грузиться в эшелоны. 26-го февраля 1918 года Бригада русских добровольцев полковника Михаила Гордеевича Дроздовского начала свой поход; я шел фельдфебелем второй офицерской роты. В Кишинев мы пришли эшелонами. Там подождали, пока подойдут последние эшелоны, и вот — поход начался.

Было нас около тысячи бойцов. Никто не знал, что впереди. Знали одно: идем к Корнилову. Впереди сотни верст похода, реки, бескрайние степи, половодье, весенняя грязь и враги, со всех сторон свои же, русские враги. Впереди потемневшая от смуты, клокоцущая страна, а кругом растерянность, трусость, шкурничество, и слухи о разгуле красных, о падении Дона, о поголовном истреблении на Дону Добровольческой армии. Мы были совершенно одни, и все-таки мы шли.

Нас вел Дроздовский. Теперь мы узнали, что он окончил Военную Академию, участвовал в Японской войне добровольцем в 34-ом сибирском полку, был ранен, на большой войне командовал 60-ым Замостским пехотным полком, а когда был начальником штаба 64-ой пехотной дивизии, сам повел в Карпатах в атаку два полка и снова был ранен.

Дроздовский был выразителем нашего вдохновения, сосредоточием наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших воль, слитых в одну волю борьбы за Россию, и русской победы. Между нами не было политических разногласий. Мы все одинаково понимали, что большевизм не политика, а беспощадное истребление самых основ России, истребление в России Бога, человека и его свободы.

Я вижу тонкое, гордое лицо Михаила Гордеевича, смуглое от загара, обсохшее. Вижу, как стекла его пенсне отблескивают дрожащими снопами света. В бою или в походе он наберет, бывало, полную фуражку черешен, а то семечек, и всегда что-то грызет. Или наклонится с коня, сорвет колос, разотрет в руках, ест зерна.

В наш поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чмоданов, никаких гинтеров.

Припоминаю один ненастный серый день на походе, когда несло мертвый снег. Дымилась темная, мокрая степь, дымилась люди и кони, колыхавшиеся в тумане как привидения. Уныло чавкала под ногами холодная грязь. Я и капитан Андриевский устроились на подводе под моей буркой. Снег стал мельче, колючее; сильно похолодало, и бурка затвердела. Поднялась пурга.

Из тумана на нашу подводу вышло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевший от сивга. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле.

Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно Дроздовский согласился. Сено под нами было теплое и сухое. Мы быстро нагребли ему сена, он лег между нами, вздохнул и закрыл глаза. Мы накрыли командира буркой и еще стали своими спинами согревать его от злого ветра. Под мерное качанье подводы Дроздовский заснул. Глухо носилась пурга. Мы с Андриевским побелели от снега, нас заметало, но мы лежали не шелохнувшись.

Дроздовский спал совершенно тихо, его дыхания, как у ребенка, не было слышно. Он отдыхал. Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе.

У обранных, всегда плотно сжатых губ Дроздовского была горькая складка. Что-то влекущее и роковое было в нем. Глубокая сила воли была в его глуховатом голосе, во всех его сдержанных, как бы затаенных движениях. Точно бы исходил от него неяркий и горячий свет.

Свой известный дневник Дроздовский начал на походе, и записи его дневника — заветы Дроздовского — сегодня живы так же, как и в те дни, когда мы по степям шли на Дон:

«Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы».

«Голос малодушия страшен как яд».

«Нам остались только дерзость и решимость».

«Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно на сколько времени. Это иго горше татарского».

«Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. Это символ нашей веры».

«Через гибель большевизма к возрождению России. Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем».

«Я весь в борьбе. И пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я вижу слабое мерцание

солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный».

Обрекающий и обреченный. Он таким и был. Он как будто бы переступил незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. За эту черту повел он и нас, и если мы пошли за ним, никакие страдания, никакие жертвы не могли нас остановить. Именно в этом путь Дроздовского: «Через гибель большевизма к возрождению России, единственный путь, наш символ веры».

Белая идея не раскрыта до конца и теперь. Белая идея есть самое дело, действие, самая борьба с неминуемыми жертвами и подвигами. Белая идея есть преображение, выковка сильных людей в самой борьбе, утверждение России и ее жизни в борьбе, в неутрачиваемом порыве воль, в непрекращаемом действии. Мы шли за Дроздовским, понимая тогда все это совершенно одинаково.

На походе мы узнали еще о другом отряде добровольцев. Один полковник собрал его в Измаиле и выступил вслед за нами. В селе Каменный Брод этот отряд нас догнал. Измаильский полковник был невысокого роста, с пристальными светло-серыми глазами. Он заметно привлекал ногу. Мы узнали, что его фамилия Жебрак-Русакевич.

Полковник Жебрак был ранен в колено еще на Японской войне, когда был офицером в одном из сибирских полков. Тогда же он получил орден Святого Георгия. На большую войну он пошел добровольцем: был он военным судьей, но подал рапорт о зачислении в действующую армию и получил полк Балтийской дивизии, стоящей тогда по гирлам Дуня. Он принес нам знамя Балтийской дивизии, морской Андреевский флаг с синим крестом. Андреевский флаг стал полковым знаменем нашего стрелкового офицерского полка.

На походе мы встречали эшелоны германцев и австрийцев, тинувшиеся к югу. Под Каховской германцы предложили нам свою помощь. Отличный германский взвод, с пулеметом на иосилках, уже подошел к нам по глубокому песку. Германских пулеметчиков мы поблагодарили, но сказали, что огня открывать не надо. На паромках мы переналили через Южный Буз, а Днепр перешли у Каховки, с которой нам суждено было встретиться снова, в самом конце нашей борьбы. С короткого боя мы взяли Акимовку, где уничтожили отряд матросов-коммунистов, ехавших эшелонным в Крым. С боя заняли Росаново и захватили Мелитополь.

В Мелитополе мы мобилизовали сапожников и портных, на складах военно-промышленного комитета нашли огромные запасы защитного сукна, отлично оделись и обулись. Там же были сформированы две команды, мотоциклистов-пулеметчиков и мотоциклистов-разведчиков.

Стояла сильная весна. Все купалось в радостном свете. Зелено-дымная степь звенела, дышала. Это был благословенный гул жизни, как бы подтверждавший, что и мы все идем для одного того, чтобы утвердить в России Благостенство.

И вот, после двухмесячного похода, после тысячи даухсот верст пути, появились мы со всей нашей артиллерией и обозами под Ростовом, точно из самой зеленой степи чудесно выросло наше воинство.

Команде мотоциклистов-разведчиков дано было задание выяснить силы большевиков в Ростове и установить, где они сосредоточены. Разведчик-мотоциклист, юнкер Анатолий Прицкер, превосходно выполнил боевое задание: по его докладу была выдвинута куда следует артиллерия, дано направление движению войск, и полковник Войналович начал наступать на Ростов.

В Страстную субботу 22-го апреля 1918 года, вечером, началась наша атака Ростова. Мы заняли вокзал и привокзальные улицы. На вокзале, где от взрывов гремело железо, лопались стекла и ржали лошади, был убит пулей на перроне доблестный начальник штаба нашего отряда, генерального штаба полковник Войналович. Он первый со Вторым полком атаковал вокзал. За ним подошла на вокзал наша вторая офицерская рота. Большевики толпами потекли на Батайск и Нахичевань.

Ночь была безветренная, теплая, прекрасная — воистину Святая ночь. Одна полурота осталась на вокзале, а с другой я дошел по ночным улицам до ростовского кафедр-

ального собора. В темноте сухо рассыпалась редкая ружейная стрельба. На улицах встречались горожане богомолцы, шедшие к заутрене. С полуротой я подошел к собору: он смутно пылал изнутри огнями. Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор.

Нас обдало теплотой огней и дыхания, живой теплотой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами. Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вернулся. С амвона архиерей в белых ризах возгласил:

— Христос Воскресе!

Молящиеся невинно и дружно выдохнули:

— Воистину...

Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове Светлую Заутреню, что начали осторожно пробираться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас, сквозь огни свечей, смотрели темные глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки. Никто не знал кто мы. Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Темные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться.

Я вышел из собора на паперть. Какая ночь, святая тишина. Но вот загремел, сотрясая воздух, пушечный гром. Со стороны Батайска стреляет бронепоезд красных. Каким странным показался мне в эту ночь гул пушечного огня, находящийся шум снарядов.

От собора я с полуротой вернулся на вокзал. По улице, над которой гремел пушечный огонь, шли от заутрени люди. Они несли горящие свечи, заслоняя их рукой от дуновения воздуха. Легкими огоньками освещало внимательные глаза.

На вокзале, куда мы пришли, в зале первого класса теперь тоже теплились церковные свечи, и от их огней все стало смутно и нежно. Ростовцы пришли нас поздравлять на вокзал. Здесь были пожилые люди и седые дамы, были девушки в белых платьях, только что от заутрени, дети, молодежь. Нам нанесли в узелках куличей и пасх. На некоторых куличах горели тоненькие церковные свечи. Обдавая весенним свежим воздухом, с нами христосовались. Все говорили тихо. В мерцании огней все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой.

В два часа ночи на вокзал приехал Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались. Его сухохлябую фигуру, среди легких огней, и тонкое лицо в отблескивающем пени, я тоже помню, как во сне. И как во сне, необычайном и нежном, подошла к нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кивается с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целую маленькие ручки.

Уже светало, когда вокзал опустел от горожан. А на самом рассвете большевики подтянули подкрепления из Новочеркасска. В те мгновения боя, когда мы несли тяжелые потери, к Дроздовскому прискакали немецкие кавалеристы. Это были офицеры германского уланского полка, на рассвете подошедшего к Ростову. Германцы предложили свою помощь. Дроздовский поблагодарил их, но помощь принять отказался.

Мы стали отходить на армянское село Мокрый Чалтырь. На поле, у дороги мы встретили германских улан. Все они были на буланных конях, в сером, и каски в серых чехлах, у всех желтые сапоги. Их полк стоял в колоннах. Ветер трепетал в уланских знаках.

Когда мы с нашими ранеными проходили мимо, раздалась короткая команда, слегка поволновались кони, перелязнуло, сверкнуло оружие, и германский уланский полк отдал русским добровольцам воинскую честь. Тогда мы поняли, что война с Германией окончена.

В Мокром Чалтыре, в первый день Пасхи, командир нашего офицерского полка генерал Семенов передал полковому командиру, полковнику Жебраку-Русакевичу. В этот же день до нас дошли слухи, что в Новочеркасске идет бой между красными и восставшими казаками. Полк выступил на Новочеркасск.

Когда мы внезапно показались под городом, он уже почти был оставлен восставшими донцами, державшимися только на окраинах. Красные наступали. На наступающих двинулась наша кавалерия, броневые автомобили и конно-горная батарея. Нас не ждали ни донцы, ни красные. Неожиданная наша атака обратила красных в отчаянное бегство.

На третий день Пасхи, 25-го апреля 1918 года, Новочеркасск был освобожден.

Земля обетованная

Как и в другие города, после освобожденные нами, мы точно несли с собою весеннее солнце. Солнце всегда было нашим союзником. Союзником большевиков была зимняя стужа.

Мы вошли в Новочеркасск по приказу Донского походного атамана Попова, когда восставшие казаки еще отбивались от красных на горевшей от артиллерийского огня Хотунке. Красных, вместе с нами, со стороны города атаковало несколько лихих казачьих сотен, а со стороны Александровского-Грушевска подоспел на призыв Попова донской отряд полковника Семидетова.

С офицерской ротой я уже колесил по улицам. Это была военная хитрость донского командования. Нас было мало, но мы должны были проходить так, чтобы наше появление в разных местах города могло создать впечатление, будто бы нас много.

Последний даденадцатичасовой переход всех измотал. Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам. Светлое неистовство творилось кругом. Это было истинное опьянение, радость освобождения. Все это незбывно. Мы как бы сбросили со всех темное удушье, самую смерть, все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Наши ряды не раз расширялись. Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

Наш капитан с подчеркнутым шегольством командовал ротой, сверкали триста двадцать штыков, и, как говорится, дрожала земля от крепкого шага.

— Христос Воскресе! Христос Воскресе! — обдавала нас голпа теплым гулом.

— Воистину воскрес! — отвечали мы дружно.

Надо сказать, что особенно строго берегли мы винтовки: они горели от блеска, всегда были тщательно смазаны. Магазиновую часть, затвор мы хранили, как хрупкое сокровище. На походе нам разрешалось обматывать магазинную коробку сукоиками и тряпьем, затвор своей винтовки, я, например, обматывал, должен признаться, холщовой штаниной от солдатских исподников.

Не с тряпьем же на винтовках входить в Новочеркасск — командир роты приказал нашим фантастические чехлы снять, я сунул мою солдатскую штанину в карман.

Так мы колесили в тот день по улицам. Кругом улыбающиеся, заплаканные лица. Ко мне подошла пожилая дама с двумя девочками:

— Разрешите с вами похристосоваться.

А у меня лицо в поту, и пыль в палец толщиной. Смушенный, я сунул руку в карман за платком, вынул эту штанину, измазанную ружейным маслом, и по рассеянности стал вытирать ею лицо. Рота заметила мой просак и скромно отела глаза. А в толпе, вероятно, думали, что так и полагается, чтобы походный офицер черт знает что вытаскивал из карманов вместо платка. В общем, я благополучно расцеловался с юными горожанками.

Вечером нам отвели для постоя пустые дортуары Новочеркасского девичьего института, так как все казармы в городе были заняты. В тот, помните, день я получил в командование вторую офицерскую роту. А в институте, в верхних дортуарах, жило до пятидесяти подростков и девочек, сирот-институтков. Соседство было совершенно печальное.

Когда мы впервые увидели в зале двух пепиньерок в белых передниках, промчавшихся по блестящему паркету, они показались нам трогательным видением. Полковник Жебрак вызвал к себе командиров и, пощипывая усы, окинул всех светлыми глазами:

— Господа, — сказал он, — мы все бывалые солдаты. Но стоянка в девичьем институте, на мой, по крайней мере, век, выпадает впервые. Впрочем, каждый из вас без сомнения отлично знает обязанности офицера и джентльмена, которому оказано гостеприимство сиротами-хозяйками.

Мы разместились на ночлеги, а на другой день обедали побатальонно в институтской столовой. Сильные, молодые, освеженные после похода, крепко печатая шаг, тронулись мы — восемьсот шесть штыков — за командиром батальона в институтскую столовую, чувствуя себя в парах если и не институтками, то кадетками.

— Стой, на молитву! — послышался голос командира. Всей грудью мы пропели молитву. Правда, точно к нам вернулась кадетская юность.

С веселым шумом мы расселись за громадными столами. Уже захрустела кое у кого на зубах поджаристая хлебная корка. Обедали мы в три смены. Командир батальона, ротные командиры и начальница института сидели отдельно, на возвышении, совершенно так, как воспитатели в столовой кадетского корпуса. Ши и кашу разносили по столам институтки. Были трогательны эти наклоняющиеся девичьи головы в мелко зашпеленных косах, свежие лица сирот в белоснежных пелеринках.

Седой Жебрак, командир Второго офицерского стрелкового полка, был, кажется, самым пожилым среди нас. Он вызывал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закаленные в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввел для всех железную дисциплину юнкерского училища или учебной команды. В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново. Он заставлял перечитывать уставы, мы должны были снова узнать их до самых тонкостей. Он сам экзаменовал:

— Господин поручик, обязанности рядового в рассыпном строю?

Иной господин поручик, георгиевский кавалер со шрамами на лице, начинал мяться, тогда суровый командир приказывал:

— Растолкуйте ему...

Для нас были установлены расписания занятий. Ночью после похода, усталые, отбиваясь со всеми силами от мучительного сна, мы торопились прочесть, что следовало на утро знать по книжному уставу.

Пуговица ли, шаг, винтовка — полковник Жебрак видел все. И он умел себя так погавить, что даже старшие офицеры не решались спрашивать у него разрешения закурить. Все воинское он доводил до великолепного совершенства. Это была действительно школа.

Роты в Новочеркасске поднимались в половине седьмого, но ротный командир должен был вставать на час раньше. И вот, среди самого сладкого сна, в потемках рассвета, слышишь стук в дверь и настойчивый голос:

— Разрешите войти.

Разрешаешь. Входит сам командир и любезно осведомляется, иволлил ли встать ротные командиры. Конечно, вылетаешь с койки пулей.

Вскоре все хорошо поняли полковника Жебрака, и Второй офицерский стрелковый полк стал образцовым полком, может быть до того и не бывалым ни в одной армии мира.

А на дворе был май. Все так легко, светло: дуновение ветра в акациях, солнце, длинные тени на провинциальном бульваре, мягком от пыли, стук калиток, молодой смех, далекая военная музыка и вечерние зори «с церемонией», тор-

жественное «Коль славен». Удивительно свежи все эти воспоминания о Новочеркасске, названном в одном из приказов Дроздовского «нашей Землей Обетованной».

Через неделю после освобождения города Донским атаманом избрали генерала Петра Николаевича Краснова. На площади, у Кадетской Роши, был большой парад. Наш отряд построился на правом фланге.

Точно еще стояла пасхальная неделя, так все было празднично на параде. Командующий Донской армией генерал Денисов подскочил к нам. По лицу донского генерала мы видим, что он не знает, здороваться или нет: а вдруг господа офицеры не ответят. Ведь по уставу офицеры из строя не обязаны отвечать на приветствие.

— Здравствуйте, господа, — нерешительно сказал он. — Здравия желаем, ваше превосходительство! — с подчеркнутой юнкерской лихостью, как один, ответили мы.

Генерал ободрился, повеселел. Он поскакал к атаману Краснову, который уже показался в конце площади верхом на рослом коне. Краснов направил коня к нашему флангу, держа руку под козырек. Оркестр заиграл встречу. Генерал Денисов подскочил к атаману и, наклоняясь с седла, сказал довольно громко:

— Они здороваются, ваше превосходительство.

Тогда генерал Краснов, все еще держа руку под козырек, сказал нам приветливо:

— Здравия желаю, господа офицеры.

Мы снова загремели в ответ.

Отряд был пропущен церемониальным маршем. Кругом радостные лица, нам машут платками, бросают белые цветы.

Это были удивительные дни подъема. В Новочеркасск приходило так много добровольцев, что дней через десять мы смогли развернуться в три батальона. А на нашу вечернюю поверку, на зорю с церемонией, стекался весь город.

Отряд с оркестром выстраивался на институтском плацу. Фельдфебеля начинали переключку, потом оркестр играл «Коль славен». Полк пел молитву. В прекрасный летний вечер, казалось, весь затихший город стоит с нами на молитве, а когда мы трогались с плаца, все тихо шли за нами, под старинный егерский марш, который стал нашим полковым маршем.

Помню, как однажды под вечер я вел мою роту в городской караул. Наши офицерские роты всегда были образцово строевыми. Идти не в ногу для нас было просто неприличием. Мы шли великолепно. На панели я увидел старика-генерала в поношенной шинели и командовал:

— Смирно, господа офицеры!

Старик вдруг заплакал, прислонясь к забору. Я подошел узнать что с ним. Генерал сказал, что он бывший начальник Павловского военного училища, что мы его взволновали.

— Ваша рота идет так, как ходила рота Его Величества...

Нас было уже тысячи три, но на батальон готовила только одна кухня, и вот почему: ровно в полдень мы все расходились по частным домам, приглашенные на обеды. В Новочеркасске мы стали всем родными.

Никто не думал о том, что ждет нас дальше, точно вот так и будет длиться эта мирная музыка, милые встречи в провинциальных семьях, прогулки под акациями и пение «Коль славен» в светящиеся вечера.

Недели через две в нашем полку начались свадьбы. Что ни день, то свадьба. За три недели стоянки в Новочеркасске у нас было сыграно более пятидесяти свадеб. Мы породнились со всем городом. Какой простой, человеческой, могла бы быть наша мирная жизнь на русской земле, если бы большевики не потоптали всю русскую жизнь.

К концу стоянки донское командование просило нас остаться в составе Донской армии. Нам предложили быть Донской пешей гвардией. Полковник Дроздовский поблагодарил за предложение, но приказал нам готовиться к походу на соединение с Добровольческой армией, стоявшей тогда под станцией Мечетинской.

Это было в конце мая. Нашим юным хозяйкам, новочеркасским институткам, мы дали прощальный бал. Я не забуду полонеза, когда полковник Жебрак, приволакивая ногу, шел в первой паре с немного чопорной начальницей института; не забуду белые балльные платья институтков, такие скромные и прелестные, и длинные белые перчатки, впервые на девичьих руках.

Бал был торжественным и немного грустным. Я вижу в полонезе сухопарого, рыжеусого Димитраша, с зелеными, смеющимися глазами. Он был безнадежно влюблен во всех институтков вместе. Я вижу простые и хорошие русские лица всех других, слышу смех, голоса. Немногие из них, очень немногие, остались среди живых.

В полночь на балу случилось замешательство: начальница отослала в спальни младших воспитанниц. Оркестр умолк. Как бы померкли самые огни люстр. Послышались подавленные детские рыдания. Лица институтков стали блее их нарядов.

Никогда мы не видели полковника Жебрака таким виноватым и растерянным: шутка ли сказать, он просил начальницу нарушить институтские правила и разрешить мальчикам остаться. Но начальница была непреклонна. Мать двух офицеров — один был убит, а другой, герой, награжденный золотым оружием, пропал в бою без вести — начальница была также неумолима в институтском распорядке, как Жебрак в полковом.

Просил начальницу и я. Отказ. Я стоял перед седой старой дамой в шелковом платье, с бриллиантовым вензелем на плече, как перед командиром полка, во фронт. Она доказывала мне, что правила нарушать нельзя.

— Так точно, слушаюсь, — только отвечал я.

Удивительнее всего, что это и подействовало. Начальница слегка улыбнулась и внезапно разрешила всем воспитанницам остаться еще на несколько танцев, а обо мне отозвалась с благосклонностью — «какой воспитанный капитан» — вероятно за то, что я стоял перед нею во фронт, каблуки вместе.

Светлые стали огни, обрадовался оркестр, наши заплаканные хозяйки положили руки на плечи кавалеров и замелькали, снова понеслись в танце, обдавая прохладой и шумом.

Хромой Жебрак, влюбленный Димитраш, вся наша молодежь страшно бережно, ступая немного по-журавлиному, водили в танце малышей, едва перебирающих туфельками, еще заплаканных, но уже счастливых. Все мы с затанной печалью слушали детский смех на нашем последнем балу.

А на рассвете во дворе института поставили аналой, и в четыре часа утра по опустевшим залам, где еще носился запах духов, отбивая шаг, мы вышли на плац и в походном снаряжении стали покоем у аналая. В ту ночь в институте не спал никто.

Ясная заря над тихой площадью, где был чуть влажен песок, щебет птиц. Во всем утренний покой, а полковой батюшка читает напутственную в поход молитву. Институтский плац был полон молодых женщин и девушек с их матерями. Это были молодые жены и невесты, пришедшие прощаться. Никто из них не скрывал слез. У аналая белой стайкой жаллись институтские сироты. Они рыдали над нами безутешно. Я помню бледное лицо молодого офицера моей роты Шубина, помню, как он склонился к юной девушке. Все эти дни Шубин носил куда-то букеты свежих роз, однажды мне даже пришлось посадить его под арест. Он прощался со своей невестой. Ему, как и ей, едва ли было девятнадцать. Его убили под Армавиром. Плавню запел егерский марш. Короткие команды. Мы пошли, твердо, с ожесточением, отбивая ногу. Скрежетало оружие, звякали котелки. А мимо нас, как бы качаясь, уходила толпа, широкий песчаный проспект, низкие дома, длинные утренние тени, тянувшиеся поперек улицы. Уходил наш последний мирный дом, Земля обетованная, наша юность, утренняя заря...

Продолжение в следующем номере.

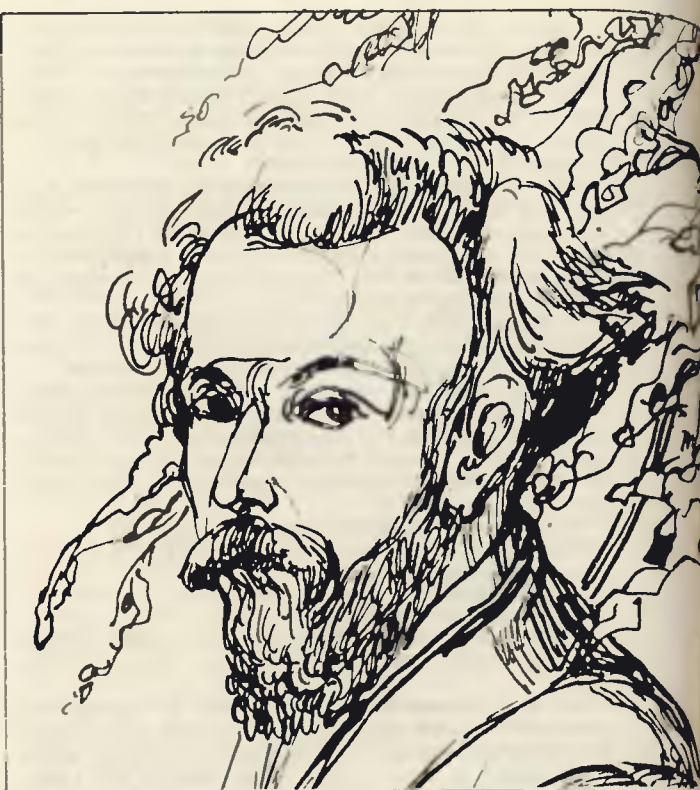
Пришвин-публицист начала века мало известен нашему читателю. Между тем литературную деятельность писатель начал в 1905 году как корреспондент газеты «Русские ведомости». Тогда же на основе газетных очерков им была составлена книга «Заворошка» — литературный документ того времени: периода Столыпинских реформ и нарастающей волны нового революционного движения после 1905 года. Эта книга впервые включена в новое собрание сочинений Пришвина в 8-ми томах (т. I, М. «Художественная литература», 1982). Во время первой мировой войны Пришвин был на фронте как корреспондент газет «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости». Эти очерки ждут своего составителя и исследователя. Предлагаемые вниманию читателей материалы из архива писателя представляют собой его газетный дневник 1917-1918 гг. Пришвин публиковал его на страницах петроградских газет «Воля народа». Одновременно он являлся редактором литературного приложения к этой газете «Россия в слове», где печатались многие известные литераторы, участником этого издания был Александр Блок. Дневник создавался по горячим впечатлениям разворачивающихся революционных событий в Петрограде, свидетелем и участником которых был Пришвин. Эти корреспонденции легли в основу книги «Воля вольная», над которой начал работать Пришвин, но завершить эту работу писателю не удалось, и она с тех пор осталась лежать в архиве. В то же самое время в газете «Новая жизнь» публиковал свои «Несовременные мысли» М. Горький, тоже ставшие достоянием гласности лишь недавно. Но именно в наши дни «Воля вольная» М. Пришвина и «Несовременные мысли» М. Горького звучат необычайно современно, актуально. Подтверждением этого могут служить слова самого писателя: «Истинные документы истории не пропадают, потому что истинный документ носит в себе каждый человек

настоящего» (Дневник. 1944 г. 31 авг.). Таким документом истории, который писатель пронес в себе всю жизнь, стали дневники самого М. М. Пришвина 30-х, 40-х, 50-х годов. С ними — в полном объеме — тоже еще только предстоит познакомиться читателям: пять томов дневников М. М. Пришвина готовятся к изданию в «Московском рабочем».

Публикацию подготовили
В. КРУГЛЕВСКАЯ И
Л. РЯЗАНОВА.

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Остров Благодолучия

Подъезжая к Петербургу, вы чувствуете напряженную злость в этих плотно набитых в вагоне людях, чуть когонибудь задел — начинает надолго ворчать, извинишься — не действует, как будто мало извинения, а еще надо на чай дагь.

По приезде, дня три, пока не приспособишься, ходишь голодный и к этому непрерывно идущему, размывающему камни дождю, к этому ворчанию полуголодного люда, размывающему берега власти, присоединишь и свой голос.

Все очень злы, но я не думаю, что только от голода. Большой город всегда был похож на остров — твердыню состоятельных людей, окруженных морем нужды. Прошлый год перед восстанием у меня в этом городе-острове было человек десять знакомых богатых людей: они жили так, как теперь живут в Англии, почти совершенно не чувствуя войны через недостатки в продовольствии. Теперь же из этих домов у меня осталось только три — вот как сильно за эти шесть месяцев моего отсутствия Остров Благодолучия размылся. И все-таки я не думаю, что злость исходит только от голода.

В моей квартире живет старая женщина с дочерью, мать с утра до ночи в очередях, дочь служит машинисткой и получает сто пятьдесят рублей. Едят они почти только картофель и бледные дешевые помидоры. Раз мать достала сало, а когда стала готовить, оно оказалось вонючим, гадким. Старуха вздумала перетопить его с чесноком и луком. «Мне, — говорила она, — ничего не нужно, только бы не заметила дочка». После обеда шепотом она радостно сказала мне: «Не заметила, слава Богу, съела!» Дня три я ел вместе с ними, как вдруг однажды старуха говорит: «Вы, кажется, много зарабатываете, зачем вам терпеть?» Я удивился, я думал, что все так терпят, потому что всем выдается продовольственная карточка с 1/4 ф. мяса в неделю. Я не знал, что рядом с городской лавкой, откуда, и то не всегда, после долгого ожидания, выдается 1/4 ф. мяса в

Рисунок
Любови
Бордуковой.

неделю, находится частная лавка, где за 2 р. 80 к. фунт можно получить сколько угодно превосходного мяса. Нас предупреждали в газетах, что молока не хватает детям, чтобы мы, взрослые, воздерживались. Но оказалось, что это говорится про дешевое снятое молоко на рынке, а так всюду можно получить молоко парное прямо из-под коровы по 2 р. бутылку. И так все идет, как и прежде, и никакого закона о равенстве нет. А раз нет закона, то я сейчас же потребовал в редакции увеличения гонорара, и поставил резко свой ультиматум и выбрался на Остров Благодолучия. Теперь, зная, что спастись от голода можно только на Острове Благодолучия, вы поймете ясно, почему в годину бедствия все требуют себе прибавки и разоряют вконец государство: потому что паника и каждому хочется спастись. Иногда требования бывают чрезмерны, но этому опять-таки есть уважительная причина: раньше человек жил, работал и откладывал про черный день. Теперь черный день наступил и чувство сбережения переходит, естественно, в торопливость, в захват, схватил и сапоги новые купил, или кушетку, или женился: этим буржуазным или мешанским чувством, оказывается, обладает громадное большинство населения. И все эти рвущиеся к жизни люди считают виновником всего буржуазию...

Странные вести приносит каждый день моя старуха из очередей: то что мы все умрем с голоду, то что взорвемся, то что нас перебьют большевики и потом немцы придут и, Бог знает, чего не говорят в очередях! Но страшнее всего для старухи, что вместе с министерством, где служит ее дочь, им тоже придется эвакуироваться. Ей жалко расстаться со своими вещами и кажется ей, что там дальше, в глубине России, еще страшнее. Так многие думают, и поэтому никто не хочет уезжать.

Таковы дела в области жизни материальной, в духовной жизни мы как паутиной опутаны разными партиями. Снизу Остров Благодолучия подмывается людьми, не имеющими возможности выбраться на Остров, сверху, как ветер, его разрушают слова. Некоторые дворцы теперь стали огромными фабриками, днем и ночью производящими слова. Вокруг этих фабрик намечается образование особого, нового для нас политического быта, и нам, провинциалам, первое время кажется очень странным, что это словесное существование множество людей признают за самую жизнь.

Раздумывая об этом, и мне кажется, что все эти люди, как я когда-то, были очень аккуратными чиновниками и в определенные часы шли на заседание и там говорили и икрили, что их слова создадут Россию. Особенно это заметно на Демократическом совещании при обсуждении коалиции и однородности. Почти все люди обыкновенного общественного труда, городские деятели, земцы, кооператоры стояли за коалицию, потому что никакого практического дела нельзя сделать без приспособления, объединения всего того, что в общем называется мудростью. Напротив, идейно-словесные люди стояли за однородное Правительство. Все было похоже на дуэль Дон Кихота и Санчо Панса, самое нелепое из всего, что только может совершаться на свете. Временная победа Дон Кихота привела неслыханное опустошение на лугу жизни: литература, искусство, всякая красивая одежда, цветы, случайно вспыхивающие интересные разговоры, все исчезло. На случай полного исчезновения «буржуазных» писателей и художников американцы ассигновали даже крупную сумму для очень дорогого, как бы посмертного альбома. Дон Кихот, словно камнями, завалил все газеты и журналы платформами и резолюциями, заматал всех веревками своей паутинно-сложной организации. Проходя по улицам, вы слышите такой разговор:

— Моя точка зрения. — говорит Бобчинский, — точка зрения моя лежит левее меньшевиков-интернационалистов и правее большевиков.

— Чем вы это доказали? — спрашивает Добчинский.

— Я это доказал на митингах.

Слышал я вас на митингах, не нахожу, что вы левее меньшевиков.

Потом начинается спор, как о сложнейших ходах в шахматной игре. Мне кажется, что для этого дела способности математические годятся больше других. Я совершенно лишен этих способностей, но представляю себе, что если войти, то очень интересно, но как войти? Недавно я слышал, как один молодой человек, тоже совершенно лишенный способностей математических, просил своего старшего товарища назначить ему какую-нибудь партию.

— Я, — говорил он, — желал бы, Саша, чтобы это все наше русское не у нас осталось, как смутное время, а значило бы для всего мира, как революция французская. Только я не хочу французской смертной казни и русского анархизма.

Старший товарищ задумался и сказал:

— Ты, Костя, я тебе скажу, кто ты: ты меньшевик-интернационалист.

Костя очень обрадовался, вынул записную книжку, просил указать ему бюро этой партии, где бы узнать ему, как быть ему дальше, что делать...

Наш Остров Благодолучия я представляю себе как выходящий из моря нужды усеченный конус, по сторонам которого в гребете живет буржуазия, а на верхней площадке стоит Смольный — дворец Дон Кихотв. Часто из Смольного я возвращаюсь вниз, домой только на рассвете, я возвращаюсь и будто спускаюсь все ниже и ниже и вот, на самом низу возле булочной, вижу свою старуху-хозяйку первой в хлебной очереди: во мгле осеннего рассвета сидит она на каменной ступеньке, в черном платке, неподвижная, как мертвая и немигающим глазом смотрит на прекрасно вырисованные на дверях замкнутой булочной белые крупчатые булки и куличи старого режима, самого старого...

Война слов

Из тех, кто был на Демократическом Совещании, никто не забудет красивую, представительную фигуру одного грузина, который сказал:

— Грузия достаточно сильна, имеет много оснований требовать кое-что для себя, но не хочет усложнять и без того сложное положение государства.

Эти простые слова были многими поняты так, будто сын умирающей за дверью матери сказал: «Мы собрались в лучшей комнате нашей матери, она еще жива, нехорошо теперь делиться, подождем».

И простые слова на время в Собрании стали победными. Еще смелее сказал другой грузин:

— Здесь были представлены все национальности, кроме русской.

Правда, почему-то грузины, поляки, мусульмане, украинцы, решительно все народности заявляют «о любви к отечеству и народной гордости», но великоруссы... только соберешься с духом предстать и подумаешь: «Ну их к черту, жулик на жулике». Да еще как-нибудь повернешь все и в свою пользу: «Представительством Отцов Святых и Пресвятыя Пречистыя Богородицы достаточно представляемы».

Так раздумывая, встретился я глазом с представителем родного мне черноземного края, типичным человеком от «третьего элемента» и еще одним из деятелей 1905 года — эти люди неохотники национально представлять и вид у них обыкновенный. За ними разные новые интеллигенты, всякие кооператоры, разные интеллигенты без старой интеллигентской гимназической и университетской муштры, с готовыми формулами и резолюциями, все это организовано и подведено до такой степени, что мышья не проскочит, а не то что какая-нибудь национальная черноземная фигура в черкессе и с кинжалом.

Язык девяти из десятка ораторов тот гладкий, без всякой задержки язык, которым пишутся газетные статьи и который так презирают настоящие художники слова.

И невольно приходит на ум, почему слово человека земли, назовем такого человека Сидящим, почему это слово не такое, как у Посланника.

Вот, например, из моей записной книжки речь деревенского оратора:

— Товарищи, друзья! Вы не подумайте, ежели я большевик, то я узурпатор или подобен Дон Кихоту! Я дерзаю, а вы, господин буржуаз, трусите: у вас же по пузу бегают!

За такой уродливостью речи вы слышите силу варварски-фа, но почему же Посланник сюда, в столичное Собрание, говорит исключительно по-мещански, так, что слова его кажутся туго накрахмаленными и острыми бобриком. Слова же бородастые почему-то остаются там, при Сидящем.

Упрекнув меня, скажут, что вот нашел время, чем заняться. Нет, друзья, товарищи, я ищу красоты, без которой быть ничему не может, я ищу увидеть здесь, на Народном Собрании, лицо своей родины. Не нахожу этого, и в сотый раз спрашиваю, почему Посланник так непохож на Сидящего, отчего те наказывают стоять за лад и единство, а эти только и знают, что делятся.

Посланник говорит:

— Облеченный всем полномочием частных и групповых интересов, заявляю требование о немедленном всеобщем демократическом мире!

Для этого есть у нас великие и простые слова:

— О мире всего мира!

За этими словами в церкви следует жертва. А тут: «требуем!» и петушком, петушком пробивает себе дорогу к раздору.

— Пораженец! — кричат ему.

Бунтарь в ответе опять выставляет целое войско накрахмаленных слов.

— Оборонческие партии, детищем которых является это собрание...

Война обесцененных слов, совершенно такая же, как в местностях с различными народностями, на границах, в Галиции.

Так продолжается словесный бой несколько дней подряд, наконец, выступает и девушка — мученица, у которой душа едва-едва покрыта человеческим покровом.

— Я, — говорит, — стою за однородное.

Ей очень аглодируют.

И она уже не своим прежним детским, душевным голосом, кричит:

— А если буржуазия не...

Я не расслышал, что «не»...

— То тогда пусть узнает...

Что узнает, за шумом я не расслышал и спросил. Мне ответили:

— Призывает к погрому буржуазии!

Не думаю, чтобы она, такая, могла призывать к погрому, но половина собрания так понимает слова Ангельской души, а другая бушует от радости.

И, наконец, бой слов закончен. Начинается подсчет голосов. Тогда в ожидании легла на лице тень и стало жутко, как перед настоящей, а не словесной войной.

Забывшись я тут, прикорнул, задремал, и снилось мне, что разговор продолжается.

Кто-то из ораторов говорит:

— Русская революция виновата перед французской своим принципом бескровности; получается лицемерие: тут признается бескровность, а там самосуд.

Другой отвечает:

— Нужно открыть форточку, необходимо признать принцип крови.

Как известно, словесная война за мир всеобщий и демократический не закончилась и ее постановили вести до полной победы, до полного истощения слов.

Продолжение в следующем номере.

Травля Патриарха Тихона

Дореволюционная Россия была запаслива — голод, приходивший на ее земли время от времени, приносил и мужика, и государство иметь и зерно, и капитал на случай крайней нужды.

За годы военного коммунизма (1918—1921) этот запас истощился — большая часть его была конфискована продотрядами, оставшегося едва хватало мужику сводить концы с концами. Новые урожаи были ничтожны, чему находилось несколько причин: отток крестьянства в армию, уничтожение земледелия, сокращение посевных площадей из-за непомерных налогов и насильственного захвата хлеба.

Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха. Начался отродясь невиданный на русской земле голод, а следом шли его верные спутники: тиф с малярией, беженцы, дети-сироты, самоубийства, преступность. Ели глину, кору, полевых животных, трупы умерших. С Поволжья голод перекинулся на Сибирь, Крым, часть Украины, Азербайджана, Киргизии... По официальным данным

к началу 1922 года голодающих насчитывалось свыше 23 миллионов. И миллионы уже погибли. Весь мир откликнулся на мольбу Патриарха Тихона о помощи умирающей России, на обращения общественных организаций и частных лиц [о Патриархе и его воззвании «К народам мира и к православному человеку» смотрите в «Слове», № 6, 1990].

Русская Православная Церковь отдавала голодающим свое добро, накопленное веками. Отдавала не без печали, ибо тяжело было видеть искони богатые украшения храмы без их праздничных торжественных одежд. Но разве можно остановиться перед жертвой, когда огромные пространства страны обваты смертью, когда умирает кормилец ее — российский крестьянин! Но добровольная сдача была вредна властям — она поднимала авторитет Церкви. И вот 19 марта 1922 года Ленин распространяет среди членов Политбюро ЦК РКП(б) секретную инструкцию, предписывающую

провести «с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства», ибо голод «представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий» [«Известия ЦК КПСС» 1990, № 4, с. 190-193]. Под неприятелем он имел в виду Русскую Православную Церковь во главе с Патриархом Тихоном и рекомендовал: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [там же]. 26 апреля 1922 года в Москве был начат процесс «54», на который Патриарх Тихон неоднократно вызывался в качестве главного свидетеля. Процесс закончился 8 мая одиннадцатью смертными приговорами. 9 мая Патриарх, которого Ленин советовал не трогать, но подвергнуть тщательной слежке, был

взят под домашний арест. Как свидетельство этого трагического суднища мы публикуем стенографическую запись одного из допросов Патриарха, потому что и сегодня угроза голода кое-кто из прогрессистов пытается использовать в своих популистских интересах.

Остается только добавить, что в 1991 году в издательстве «Современник» выходит альбом «Божий избранный» — о Святителе Тихоне (1865—1925), ставшем одиннадцатым патриархом Московским и Всея России в ноябре 1917 года. Эта книга, в которую вошло документальное повествование о Патриархе и около трехсот архивных фотографий, — житие мученика, пытавшегося принаставить небывалые гонения, обрушившиеся с первых дней победы революции на Русскую Православную Церковь. Авторы-составители этого альбома: священник о. Николай (Соколов), зам. директора ЦОАОР СССР Павлова Т. Ф. писатель Вострышев М. И.

Председатель. Ваша фамилия?

Св. Патриарх Тихон. Беллавин.

Председат. Имя, отчество?

Св. Патриарх Тихон. Василий Иванович — в монастыре Патриарх Тихон.

Председат. Вы являетесь главным руководителем церковной иерархии?

Св. Патриарх Тихон. Да.

Председат. Вы вызваны в Трибунал в качестве свидетеля по делу о привлечении разных лиц за сопротивление изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. За ложные показания Вы отвечаете. Расскажите нам историю происхождения Вашего послания — того воззвания, в котором Вы высказались против выдачи церковных ценностей, сосудов и т. д.

Св. Патриарх Тихон. Простите, это от какого числа?

Председат. От 13 февраля. Историю происхождения вот этого воззвания и расскажите Трибуналу.

Св. Патриарх Тихон. Видите ли, по поводу голодающих мы не раз обращались к властям, мы просили, чтобы нам разрешили образовать Церковный Всероссийский Комитет и Комитеты на местах, епархиальные, для того, чтобы Церковь сама могла оказывать помощь голодающим; с этим мы обратились, кажется, еще в августе прошлого года. В августе и сентябре мы ответа не получили. Ответ я получил из Помгоса в декабре месяце. Мною был командирован в Помгол, как сведущий в этом деле, прот. Цветков, он не раз работал в этой области в 1911—1912 гг. В Помголе вели переговоры с тов. Винокуровым, который этим делом заведует. Тов. Винокуров высказал пожелание о том, чтобы Церковь наша пошла навстречу помощи голодающим и пожертвовала из своих ценностей. Протоиерей Цветков сказал, что в Церкви имеются вещи, которые мы не можем, по нашим канонам, жертвовать. Тов. Винокуров на это заявил, что мы этого и не требуем, но хорошо, если бы вы пожертвовали подвески, камни, потом украшения. Цветков сообщил об этом мне. Я тогда согласился на это, так как знал, что воззвания должны выпускаться с ведома властей, я представил в Помгол проект своего воззвания о том, что можно жертвовать. При этом я имел в виду, что собственно церковное имущество было передано общине верующих, и я выразился так, что со своей стороны разрешаю жертвовать вот такие-то вещи: это воззвание после было одобрено.

Председат. Кем?

Св. Патриарх Тихон. Помголом. Затем была составлена инструкция, как проводить это дело, между прочим в инструкции внесен был такой пункт — что все эти пожертвования церковные являются добровольными. Потом через несколько дней, когда воззвание было напечатано, — дней через пять — вышел уже декрет ЦК о том, чтобы отбирать все. Это показалось нам странным: с одной стороны, ведется соглашение с нами, с другой — за спиной выпускают декрет о том, чтобы все отбирать, и уже ни о каких соглашениях нет речи. Тов. Винокуров там же раньше подчеркнул, именно что эти пожертвования являются добровольными. Не говоря о том, что в газетах началась травля и патриарха, и церковных представителей князем церкви и т. п. Я обратился с письмом к Калинин, где написал ему, что было согла-

шение отдавать то-то, а теперь требуют то-то. Затем было внесено т. Винокуровым, что это было не добровольное пожертвование и он выбрасывает этот пункт из инструкции. Я просил в письме Михаила Ивановича, чтобы этот пункт был восстановлен, чтобы это было добровольным соглашением, а что иначе нам придется поставить в известность, так сказать, население и вот ответа не последовало. Вероятно, Калинин...

(Значительный пропуск.)

Председат. Но Вы сочли нужным сослаться на эту травлю, которая, по Вашим словам, велась в газете специально с этим вопросом. Чем Вы объясняете, что вот сейчас Вы вдруг вспомнили о травле, когда даёте показания?

Св. Патриарх Тихон. Да не только вспомнил, но и теперь эта травля продолжается.

Председат. Так вот, может быть, Вы объясните, почему Вы указываете на газетную травлю, для какой цели?

Св. Патриарх Тихон. А потому, что я Вам передавал содержание письма к Калинин и просил его обратить внимание не на меня лично, а вообще на Церковь.

Председат. Правильно ли сдепает Трибунал заключение, что то, что происходило в советской жизни, отдельные факты и все вместе взятое так действовали на Вас, что оказывали известное влияние даже на текст Вашего послания?

Св. Патриарх Тихон. На текст нет, но, конечно, я читаю газеты. Я не дерево и не камень.

Председат. Значит, Вы совершенно сознательно вставили в послание фразу о том, что после выпадов в газетах был издан декрет.

Св. Патриарх Тихон. Это исторический характер имеет.

Председат. Но это имеет характер религиозный или ничего общего с религией не имеющий?

Св. Патриарх Тихон. Тут излагается история этого дела. Тот вопрос, который мы ставили вот, что мы просили и между тем нам вот что

Председат. А между тем сам дали декрет об изъятии. Значит, правильно понимает Трибунал, что Вы составили воззвание, учитывая все настроения, которые были в обществе в связи с предстоящим фактом изъятия, учитывая статьи, которые появлялись в печати, самый декрет и т. д. Вы считали необходимым, учитывая все это, апеллировать к Вашей пастве и дать ей известные директивы, как ей нужно реагировать.

Св. Патриарх Тихон. Травля имеет побочное значение. Не из-за нее, а поэтому, что по канонам нельзя.

Председат. Тем не менее Вы исходили из того, что делалось в обществе.

Св. Патриарх Тихон. Да, в обществе.

Председат. Значит, правильно поймет Трибунал, что здесь Вам и руководило в большей степени все-таки то, что, как Вы сказали, — у Вас за спиной был выпущен декрет и нужно было сказать — как на него реагировать.

Св. Патриарх Тихон. Нет, не так. Я излагал историю, что мы можем дать и что не можем дать.

Председат. Вы употребили выражение, что вели переговоры и в это время за спиной был выпущен декрет. Вы употребили это выражение?

Св. Патриарх Тихон. Да.

Председат. Значит, Вы считали, что декрет был скрыт от Вас, что ему было придано значение вопроса гражданской жизни, которая проходила рядом с Вами.

Св. Патриарх Тихон. Но она касалась Церкви.

Председат. Значит, Вы считали, что произошел некоторый конфликт между церковной иерархией и советской властью.

Св. Патриарх Тихон. Да, я думаю, что если советская власть выступила через Помгол, то нужно было действовать.

Председат. Таким образом, Вы считали, что советская власть поступила неправильно, и были вынуждены выпустить воззвание.

Св. Патриарх Тихон. Да.

Обвинитель. Вы признаетесь, что церковное имущество не принадлежит церквям в смысле иерархического их построения по советским законам?

Св. Патриарх Тихон. По советским законам да, но не по церковным.

Обвинитель. Ваше послание касается церковного имущества, как же понимаете Вы с точки зрения советских законов, законно Ваше распоряжение или нет?

Св. Патриарх Тихон. Что это?

Обвинитель. Ваше послание...

Св. Патриарх Тихон. Это Вам лучше знать. Вы — советская власть.

Председат. Т. е., Вы говорите, что судить нам, а не Вам. Тогда возникает вопрос — законы, существующие в государстве, Вы считаете для себя обязательными или нет?

Св. Патриарх Тихон. Да, признаю, поскольку они не противоречат правилам благочестия. Это было написано в другом послании.

Председат. Вот в связи с этим ставится вопрос: не с точки зрения церковных канонов, а с точки зрения юридической: вот имеется закон о том, что все церковное имущество изъято от Церкви и принадлежит государству, следовательно, распоряжаться им может только государство, а Ваше послание касается распоряжения имуществом и дает соответствующие директивы, законно это или нет?

Св. Патриарх Тихон. Да, признаю, поскольку они не противоречат правилам благочестия. Это было написано в другом послании.

Председат. Вот в связи с этим ставится вопрос: не с точки зрения церковных канонов, а с точки зрения юридической: вот имеется закон о том, что все церковное имущество изъято от Церкви и принадлежит государству, следовательно, распоряжаться им может только государство, а Ваше послание касается распоряжения имуществом и дает соответствующие директивы, законно это или нет?

Св. Патриарх Тихон. Да, признаю, поскольку они не противоречат правилам благочестия. Это было написано в другом послании.

Обвинитель. Значит, с советской точки зрения незаконно, и это Вы учитывали и знали, когда писали послание?

Св. Патриарх Тихон. В моем послании нет, чтобы не сдавать. А вот я указываю, что кроме советской есть и церковная точка зрения и вот с этой точки зрения — нельзя.

Обвинитель. Вы говорите, что Вы не указывали, чтобы не подчиняться советской власти, а как Вы думаете, в каком положении поставили Вы своим посланием верующих?

Св. Патриарх Тихон. Они сами могут разобраться. Я выпустил послание и передал его Никандру для того, чтобы он сообщил в Синод и епархии.

Председат. Вам известно, что было в Шуге при изъятии?

Св. Патриарх Тихон. Известно.

Обвинитель. Ну вот, что было в Шуге — и есть результат того, что Вы представили своим гражданам разбираться.

Св. Патриарх Тихон. Почему же Вы

думаете, что это, а в других местах граждане иначе разбирались.

Обвинитель. А как в Москве происходило изъятие, Вам известно?

Св. Патриарх Тихон. По газетам.

Обвинитель. И Вам известно, что здесь граждане тоже сами разбирались?

Св. Патриарх Тихон. Знаю, что в громадном большинстве совершенно спокойно.

Председат. А в некоторых местах?

Св. Патриарх Тихон. Знаю, что в Дорогомиловое...

Обвинитель. Вам известны взгляды священников на это воззвание?

Св. Патриарх Тихон. Каких священников — московских?

Обвинитель. И других местностей.

Св. Патриарх Тихон. Мною было сказано Никандру...

Обвинитель. Вам известно, что среди духовенства имеется противоположная точка зрения на возможность изъятия ценностей?

Св. Патриарх Тихон. Известно, среди московских больше и среди тех, кого вы называете «новая церковь» или «живая церковь».

Обвинитель. А вот профессор Введенский...

Св. Патриарх Тихон. Он протоиерей, а не профессор.

Обвинитель. Вот он как будто с другой точки зрения смотрит.

Св. Патриарх Тихон. Нет, он не против, он пишет, что митрополит говорит. Подвесьте выше и ценнее тех риз, которые снимаются с икон.

Председат. Обвинители имеют вопросы.

Обвинитель. Вот здесь один священник сказал так: если бы Патриарх Тихон не был Патриархом, а на его месте стоял бы тот, который разделяет точку зрения другой части духовенства, то, может быть, не было бы кровавых событий в Шуге. Как же ответить на этот вопрос? На Ваш взгляд — если бы Вами не было выпущено воззвание, если бы Вами не было сказано о том, что сдавайте все ценности, — было бы такое противодействие?

Св. Патриарх Тихон. Мы можем говорить только о том, что случилось, а то, что не случилось, — Бог знает.

Председат. Обвинитель интересуется следующим вопросом: в Вашем послании употребляется слово «святотатство» — это слово имеет для широкого населения достаточно определенное значение, если сказать, что в такой-то производится святотатство, то могут ли возмутиться верующие и не вызовет ли это с их стороны всех усилий, чтобы не допустить святотатства, а еще дальше, когда Вы бросаете лозунг святотатства и что все, которые не окажут сопротивления, будут отлучены от Церкви, а священники низложены от сана, то не действует ли возбуждающее на слои населения, тех граждан верующих, которые не могут разбираться в тонкостях церковной терминологии?

Св. Патриарх Тихон. Если бы я этого не сказал и не указал, то я подлежал бы церковному суду.

Обвинитель. А вот здесь происходила экспертиза, в которой принял участие прот. Кузнецов, епископ Антонин и двое священников: один Лидовский...

Св. Патриарх Тихон. Какой это Лидовский, кто это такой?

Обвинитель. Вы не знаете такого? Св. Патриарх Тихон. Не знаю.

Обвинитель. Вот они установили: на поставленные им вопросы «носит ли Ваше воззвание строго религиозный характер» — что такого характера оно не носит. А на вопрос «какие основные вопросы христианского вероучения затронуты Вашим возванием» — они ответили «никаких». Таким образом, остается сделать вывод, что оно носит явно политический характер.

Св. Патриарх Тихон. Прот. Кузнецов не сказал, что это не религиозного характера.

Обвинитель. Постольку, поскольку оно затрагивает вопросы церковного имущества.

Св. Патриарх Тихон. Есть вопросы, не то что религиозные, есть вопросы догматические, таковых нет в послании, но есть вопросы канонические, таковые есть, а религиозные — это не совсем точный термин.

Председат. Экспертиза установила, что Ваше воззвание религиозного характера не носит и никаких вопросов христианского вероучения не затрагивает. Когда это было высказано экспертизой и наряду с этим установлен смысл и значение слова «святотатство», которое не могло не действовать разжигающее на население, и затем Ваша угроза в конце послания об отлучении, т. е. естественно возникает вопрос, не последовало ли это воззвание цели чисто политического характера, т. е. вызвать население на почве защиты Церкви к действиям против Правительства. Вот этот вопрос и ставит Вам обвинитель, он также интересен для Трибунала. Считаете ли Вы до сих пор, что Ваше воззвание действительно не затрагивает вопросов политического характера и является воззванием строго религиозным?

Св. Патриарх Тихон. Позвольте Вам сказать, я уже Вам отвечал, что я могу сказать, что беру христианским учением, потому что это церковная каноника и церковное управление имуществом, это не вероучение. Но, во всяком случае, оно носит религиозный характер, и я думаю, что эксперты глубоко заблуждаются, они, может быть, конца не читали, а затем экспертиза может просто быть другая.

Председат. Значит, Вы с этой экспертизой не согласны?

Св. Патриарх Тихон. Не согласен.

Обвинитель. Вот экспертиза отвечала на вопрос: является ли изъятие священных предметов для целей милосердия святотатством или кощунством, и ответила — не является.

Св. Патриарх Тихон. Напрасно.

Обвинитель. Значит, Вы считаете, что это святотатство?

Св. Патриарх Тихон. По канону.

Председат. А не по канону?

Св. Патриарх Тихон. Может быть, с точки зрения нравственности и благотворительности.

Св. Патриарх Тихон. Не всегда. Есть вера, а есть церковное управление, это разные области.

Обвинитель. Я прошу, чтобы свидетель объяснил, как понимать святотатство по канону.

Св. Патриарх Тихон. По канонам это святотатство.

Обвинитель. А с точки зрения нравственности?

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по.

Св. Патриарх Тихон. Они указывали, что знают примеры, что Златоуст и Амвросий передавали и оправдывали это, и нам известно, и это мы знаем.

Обвинитель. Да что же это, святотатство или нет?

Св. Патриарх Тихон. Это совсем другой термин, это канонический термин. Он непригоден к нравственности.

Председат. А с какой другой точки зрения можно подойти к этому вопросу?

Св. Патриарх Тихон. С точки зрения христианской благотворительности.

Обвинитель. Значит, с точки зрения благотворительности это не святотатство?

Св. Патриарх Тихон. Не святотатство.

Обвинитель. Значит, можно думать, что Вы предпочли законы христианской нравственности.

Св. Патриарх Тихон. Нет, когда церковь сама распоряжается этим имуществом, тогда можно, и эксперты должны были указать, когда ссылались на Златоуста, Амвросия и других, что они сами передавали. Церковь имеет право, Патриарх имеет право.

Председат. Значит, с точки зрения христианской благотворительности это не святотатство, но с оговоркой, если это будет сделано руками Церкви, Вы не видите в этом ничего странного.

Св. Патриарх Тихон. Не вижу.

Обвинитель. Таким образом, если бы Патриарх сам дал свое благословение по иерархической линии, то можно было бы сосуды отдать?

Св. Патриарх Тихон. Я за это отвечал бы перед судом Церкви.

Обвинитель. А перед совестью отвечаете. Вы говорили, что с одной стороны миллионы голодающих, умирающих, а с другой — мертвые канонические правила, и Вы не дали своего благословения и теперь подтверждаете, что по канонам отдать ценности могла только одна сама Церковь.

Св. Патриарх Тихон. Сама Церковь непременно.

Обвинитель. Вот здесь один из обвиняемых сказал очень сходные с Вами слова, что если бы Патриарх благословил, то моя пастырская совесть была бы спокойна. Я Вас так понял...

Св. Патриарх Тихон. Так.

Председат. Значит, в этом вопросе можно понять, что Вы эту пастырскую совесть не хотели успокоить?

Св. Патриарх Тихон. Я Вас не понимаю.

Председат. Если бы дали свое благословение, то совесть пастыря была бы спокойна, и он отдал бы все, но так как не было благословения, а чувство христианской совести ему подсказывало, что надо отдать, то совесть его была в смутении, поэтому Трибунал и делает вывод, что Вы не только не успокоили совесть, но, наоборот, сделали так, что она должна была быть неспокойна, и породили сопротивляющихся.

Св. Патриарх Тихон. Нет, не сопротивляющихся, ведь я не стою на точке зрения вашей советской власти, вы говорите «надо взять» и забираете.

Обвинитель. Я призываю Вас к порядку. Вы находитесь в Трибунале. Трибунал судит и ничего не забирает.

Св. Патриарх Тихон. Простите, я имел в виду...

Обвинитель. Скажите, мнение дру-

гих священников было таково, что Ваша ссылка на каноны совершенно ложна. Я просил бы поэтому Вас ответить на следующий вопрос: что Вы считаете святотатством и что означает этот термин, — содержит ли он в себе оценку преступления?

Св. Патриарх Тихон. Это слово я взял из канона.

Обвинитель. Г-н Беллавин, я Вас прошу отвечать на мои вопросы и желаю знать ответ без всяких уверток, что значит святотатство? Вы, Патриарх, можете ответить.

Св. Патриарх Тихон. Забрать священные вещи.

Обвинитель. А слово «тать» — это что значит по-русски?

Св. Патриарх Тихон. Тать — это вор.

Обвинитель. Значит, святотать — это вор по святым вещам?

Св. Патриарх Тихон. Да.

Обвинитель. Такими Вы нас считаете.

Св. Патриарх Тихон. Кого?

Обвинитель. Представителей советской власти.

Св. Патриарх Тихон. Нет, простите. (Сильный шум в зале. Председатель обращается к публике, затем к суду, распорядителю, коменданту и предлагает удалить из зала всех шумевших во время дачи показаний, объявить перерыв.)

Перерыв.

Председатель. Заседание продолжается. Обвинитель Логинков, продолжайте Ваши вопросы.

Обвинитель. Я Вам задавал вопрос, сознательно ли Вы в своем воззвании употребили выражение, которое должно было быть отнесено к советской власти, выражение по смыслу которого ясно, что Вы представителями советской власти называете ворами.

Св. Патриарх Тихон. Я привожу только каноны.

Председатель. Но смысл этого канона знаете?

Св. Патриарх Тихон. Конечно.

Председат. И этот смысл, что тать — значит вор, Вам известен.

Св. Патриарх Тихон. Конечно.

Обвинитель. Значит, это сделали сознательно!

Св. Патриарх Тихон. Я Вам отвечал.

Обвинитель. Я не слышал, сознательно ли Вы в своем воззвании употребили это выражение, или это случайность, недоразумение.

Св. Патриарх Тихон. Я привожу канон, что советской власти не касается.

Обвинитель. Как не касается, кого же касается?

Св. Патриарх Тихон. Кто это сделал бы.

Обвинитель. А кто это делал, разве Вы не знаете?

Св. Патриарх Тихон. Не знаю, это, может быть, касается мирян, верующих.

Обвинитель. Вам известно, что представитель советской власти стоит на точке зрения выполнения декрета?

Св. Патриарх Тихон. Известно. И с точки зрения закона советской власти это правильно.

Обвинитель. Я прошу Вас ответить на вопрос: зная, что вносили ценности, сознательно или по ошибке Вы употребили это выражение?

Св. Патриарх Тихон. Конечно, не по ошибке.

Председат. Значит, Вы, употребляя это слово, давали себе отчет в том, что слово «тать» — значит вор, что в данном случае идет речь о церковных ворах. Далее Вы знали, что изъятие церковных ценностей производится в порядке и по распоряжению, указанному ВЦИК, т. е. высшего органа Республики. Таким образом, Вы не могли не знать, что церковный вор в первую очередь относится к тем, кто это изъятие будет производить, откуда Трибунал может сделать вывод, что «церковные воров» Вы употребили по отношению к существующей советской власти и вполне сознательно. Так это или не так?

Св. Патриарх Тихон. Это толкование.

Председат. Но это вытекает из Ваших показаний.

Св. Патриарх Тихон. Все можно видеть и даже контрреволюцию, которой я не вижу. Я привожу канон и указываю, что Церковь смотрит на это как на святотатство. И это касается всех тех верующих, которые будут отдавать.

Председат. У Вас в воззвании сказано совершенно ясно, что с точки зрения Церкви является святотатством, и после этого определения Вы там же, в воззвании, прибавили «после резкого выпада газет по отношению к духовным руководителям 13/25 февраля Всерос. Центр. Комитет для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные вещи, в том числе и священные сосуды и проч. богослужебные предметы». С точки зрения Вашей этот акт является актом святотатства, т. е. именно акт изъятия, и далее (мы священным нашим долгом почли объяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем всех верных чад наших). Разве не ясно, что здесь речь идет о том самом акте, который называется декретом об изъятии церковных ценностей. Неужели и теперь не ясно, что именно этот акт является с Вашей точки зрения святотатством.

Св. Патриарх Тихон. Нет, с точки зрения канонов.

Обвинитель. Известна ли Вам разница между святотатством и кощунством?

Св. Патриарх Тихон. Да.

Обвинитель. Какая разница?

Св. Патриарх Тихон. Святотатство — похищение священных вещей, кощунство — чашмешка над ними.

Обвинитель. Надругательство.

Св. Патриарх Тихон. Да.

Обвинитель. Если с Вашей точки зрения могло быть надругательством прикосновение мирян к сосудам, то почему в своем воззвании Вы говорите общественные выражения: «изъятие ценностей есть святотатство и кощунство». Почему Вы не указали точно, что это относится к прикосновению не к кадилу, а именно к святым сосудам?

Св. Патриарх Тихон. Все случаи трудно указать, например при уборке входило, что снимали ризы и она не входила в ящик, тогда ее топтали ногами.

Обвинитель. Когда это было?

Св. Патриарх Тихон. В Церкви Василия Кесарийского.

Обвинитель. Кто это Вам передавал?

Св. Патриарх Тихон. Батюшки.

Обвинитель. Вы можете назвать?

Св. Патриарх Тихон. Я по крайней

мере посылал к Преосвященному Антонину, и он участвовал в самой контрольной комиссии.

Обвинитель. И у Вас даже, таким образом, не установлены фамилии?

Св. Патриарх Тихон. Это уже их спрашивайте.

Председат. Свидетель Беллавин, Вы только что видели, какое впечатление производят на некоторые элементы, присутствующие здесь в зале, Ваши слова. Раз Вы передаете такой факт как совершенно достоверный, то Вы обязаны подтвердить доказательствами. Иначе это носит голословный характер. Укажите фамилии тех, кто топтал ногами, иначе Трибунал не может верить Вам. Вы можете назвать фамилии?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Председат. Значит, Вы заявили голословно.

Св. Патриарх Тихон. Я в собственных руках держал документы.

Обвинитель. Мне точно известно, как происходило в церкви Василия Кессарийского изъятие ценностей, и я спрашиваю, кто эту гнусную клевету распространил?

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю, или у Василия Кессарийского, или в другой.

Председат. Вы можете назвать фамилию священника, по крайней мере тех, которые Вам сообщили об этом?

Св. Патриарх Тихон. Это было в церкви по соседству с Василием Кессарийским и Валаамского Подворья или в которой-нибудь из них.

Председат. Значит, назвать фамилии Вы не можете?

Св. Патриарх Тихон. Нет, не могу, но для этого нужна справка. Но это было у Василия Кессарийского или в Валаамском Подворье.

Обвинитель. Точно Вы не знаете.

Св. Патриарх Тихон. Так это было в один день.

Обвинитель. Значит, Вы отказываетесь сказать, в какой церкви это было?

Св. Патриарх Тихон. Я могу сообщить, только не сейчас.

Председат. Ваш ответ должен быть дан сейчас же. Прежде чем утверждать, Вы должны Ваши слова десять раз взвесить. По долгу совести Вы обязаны назвать фамилии.

Св. Патриарх Тихон. Фамилии тех, кто совершил, я не могу сказать, потому что для меня это безразлично, я следствия производить не могу. Из священников же были священник из церкви Василия Кессарийского и протоиерей Валаамского подворья.

Обвинитель. Первое Ваше заявление было, что Вам об этом рассказывали священники церкви Василия Кессарийского, Вы не отказываетесь от этого показания?

Св. Патриарх Тихон. Нет, не отказываюсь.

Обвинитель. Я задаю вопрос — почему в своем воззвании вместо выражения кощунство Вы сознательно, как заявляете сами, потравили слово святотатство? Было ли у Вас желание сблизить Вашу паству и направить по другому пути?

Св. Патриарх Тихон. У меня нет в воззвании слово «кощунство». Я не знаю, почему Вы об этом говорили.

Обвинитель. Значит, надо говорить только о грабеже. Я удовлетворен. Скажите, на какие места в канонах Вы

ссылались, квалифицируя акты об изъятии как преступление, святотатство?

Св. Патриарх Тихон. Кажется, на 73 правило апостольское, главным образом на двухкратный Собор.

Обвинитель. А как Вы понимаете, там сказано, что если кто похитит сосуд, присвоит его и употребит на небоголюбивые цели... правильно это или нет?

Св. Патриарх Тихон. Так говорится для личных и вообще священных.

Обвинитель. Да, если кто-нибудь возьмет сосуд, похитит, значит это связано с актом кражи.

Св. Патриарх Тихон. Я помню, что сказано — что кто возьмет и употребит на издолжные цели.

Обвинитель. Значит, для Вас ясно, что Ваша ссылка на каноны неосновательная.

Св. Патриарх Тихон. Почему?

Обвинитель. Потому что никакой кражи...

Св. Патриарх Тихон. С точки зрения канона то же присвоение.

Обвинитель. Это есть кража. Кому принадлежат ценности?

Св. Патриарх Тихон. По канону — Богу и Церкви и распорядителю Епископу. По канону — не по советскому закону.

Обвинитель. Вы показали здесь, что Ваши послания писались с ведома других. Вы являетесь выразителем всего иерархического начала, это правильно.

Св. Патриарх Тихон. Какие?

Обвинитель. Я не знаю, какие Вы пишете.

Св. Патриарх Тихон. В Помгол.

Обвинитель. Значит, одни были законные, другие без согласия властей?

Св. Патриарх Тихон. Какие?

Обвинитель. Вы признаете незаконными.

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Обвинитель. Почему?

Св. Патриарх Тихон. Потому что ничего такого нет.

Обвинитель. А позвольте Вас спросить, что же Вы называете контрреволюционным актом?

Св. Патриарх Тихон. По толкованию Вашему, действия, направленные к низвержению советской власти.

Обвинитель. А для Вас такой смысл также приемлем?

Св. Патриарх Тихон. Приемлем.

Обвинитель. Значит, всякое действие, направленное против советской власти.

Св. Патриарх Тихон. Нет, и свержение советской власти.

Обвинитель. Непременен к свержению.

Св. Патриарх Тихон. И в этом мы неповинны.

Председат. А Вы не находите, что агитация является попыткой подогреть настроение, чтобы в будущем подогреть и свержение? Агитация может быть контрреволюционной.

Св. Патриарх Тихон. Вы считаете ее контрреволюционным действием, а я не считаю.

Обвинитель. С точки зрения евангельской, как считаете Вы, какая добродетель выше — милосердие или жертвоприношение?

Св. Патриарх Тихон. Это Вы приводите вопросы, которые задавались экспертизе; и то и другое нужно.

Обвинитель. Что выше. Вам неизвестно?

Св. Патриарх Тихон. Первая заповедь говорит: «Возлюби Господа Бога».

Обвинитель. А что значит: «милости хочу, а не жертвы», вот этой заповеди Вам не следовало бы забывать.

Св. Патриарх Тихон. Нет, я не забыл. Это в известном случае сказано, а в данном случае это не касается. Если на Вашей точке зрения стоять, то как объяснить, что женщина вылила миро, а Иуда сказал: «отдать лучше нищим».

Обвинитель. С точки зрения христианской и не изуверя, что лучше — оставить стоять сосуд на том месте, где он находится и дать возможность 13 миллионам человек умереть от голода, или наоборот? Я спрашиваю Вас, что с точки зрения христианской морали было бы приемлемей?

Св. Патриарх Тихон. Да, я думаю, такого вопроса не может быть.

Председатель. Почему же не может быть?

Св. Патриарх Тихон. Потому что в такой плоскости его не нужно ставить. Конечно, выше, чтобы сосуды не были пустые, но при каких условиях.

Обвинитель. Так Вы считаете, что советская власть может спасти эти 30 миллионов голодающих только на те средства, какие есть.

Св. Патриарх Тихон. Очень желал бы, но не знал, чем располагает советская власть.

Обвинитель. А что, Цветков не говорил Вам, что 12 миллионов обречены на верную смерть?

Св. Патриарх Тихон. Но ведь я читал в ваших газетах, что советская власть справится.

Председат. Вы все время говорите: «в ваших газетах», «ваши постановления», «ваша власть». Создается впечатление, что Вы этим подчеркиваете «этим постановлением» и «этой властью», противопоставляете какие-то другие постановления и другую власть. Что Вы имеете в виду?

Св. Патриарх Тихон. Это не контрреволюционно я говорю, а о ваших правительственных газетах. И я прошу занести в протокол, когда я послал свое первое обращение за границу, я даже не понимал, что невзирая на существующий образ правления, который, быть может, не всем нравится за границей, вы все-таки должны нам помогать, какая власть стоит у нас. Это известно было.

Обвинитель. А Вы думаете как. Если авторитетом Патриарха подчеркивается то обстоятельство, что существующая власть грабит.

Св. Патриарх Тихон. А если Патриарх заявляет, что не взирайте на то, какая была власть, ей вы помогаете.

Председат. Тут большая разница. Значит, за границей это одно, а дать самим — это другое. Вот, когда нужно было, сочли возможным заявить за границей, а когда коснулся вопрос о немедленной близкой помощи, то Вы выступили против.

Св. Патриарх Тихон. Нет, прошу обратить внимание на то воззвание, которое прошло раньше.

Председат. Это старое воззвание.

Св. Патриарх Тихон. На протяжении 5 дней сделанное мною предложение было отвергнуто на том основании, что с иностранными лицами, которых кто-то предлагал, не следует входить в от-

ношения, т. е. вести переговоры с иностранцами может только сама власть.

Председат. Имеются еще вопросы? **Обвинитель.** К Вам обращался кто-нибудь с просьбой подписать воззвание о помощи голодающим?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Обвинитель. А протоиерей Лидовский?

Св. Патриарх Тихон. Вообще ко мне приходило много народа. Если Лидовский был вместе с Русановым, то я знаю, что вы имеете в виду. Но что Лидовский миссионер или эксперт — этого я не знаю.

Обвинитель. Как это могло случиться, что Вы на одной и той же неделе за одно и то же и проклинали и благословляли. Вы проклинали всех, кто будет изымать ценности, а когда священник Лидовский предоставил Вам послание обратного значения, Вы собственноручно подписали, что с ним согласны?

Св. Патриарх Тихон. Но оно не прошло.

Обвинитель. Как?

Св. Патриарх Тихон. Оно не прошло. Я обращался в Помгол, и оно не прошло.

Председат. Значит, то Ваше послание, которое Вы послали для утверждения, не прошло, а прошло то, которое Вы не посылали на утверждение.

Св. Патриарх Тихон. Мы и теперь ждем ответа.

Обвинитель. К нам в комитет приходили ходоки, крестьяне из Саратовской губернии и заявляли, что Патриарх от своей точки зрения отказался, перестал упираться и благословил на изъятие.

Св. Патриарх Тихон. Я это говорю не с целью агитации.

Обвинитель. Какие обстоятельства заставили Вас отступить от старой точки зрения и вместо проклятия дать благословение? Это так, и в подтверждение этого у меня имеется документ, исходящий от Вас.

Председат. О каком документе вы говорите?

Обвинитель. Священник Лидовский, Русанов и др. представили воззвание, которое в Известиях ВЦИК было напечатано. Это воззвание собственноручно было написано Патриархом.

Председат. Что это за воззвание?

Св. Патриарх Тихон. Об изъятии ценностей.

Обвинитель. Да, но о чем оно говорило, я не знаю.

Председат. В этом воззвании говорилось о необходимости пойти на изъятие церковных ценностей, и Вы там написали «согласен» и не возражаете. Вот обвинитель и спрашивает, как случилось, подписавши это воззвание, Вы потом высказывались против изъятия?

Св. Патриарх Тихон. Хорошо бы огласить это воззвание.

Председат. Обвинитель, у Вас есть этот документ?

Обвинитель. Нет.

Председат. Значит, Вы приобщить его к делу не можете, тогда я прошу не ссылаться на этот документ и все вопросы, связанные с ним, устраняю.

Обвинитель. Это может подтвердить священник Лидовский.

Председат. Тогда вы можете подтвердить о вызове Лидовского для освящения этого вопроса, а качестве свидетеля, если этот момент имеет с Ва-

шей точки зрения отношение к обвинению, предъявленному к подсудимому, но ссылаться на неизвестный или не приобщенный к делу документ Вы не можете.

Обвинитель. Священники, которые были на собрании у Архиепископа Никандра, заявляют по очереди, что критиковать и обсуждать воззвание они не имеют права. Правда ли это?

Св. Патриарх Тихон. Не думаю.

Обвинитель. Значит, они солгали.

Св. Патриарх Тихон. Зачем выражаться так резко. Они могут стоять на своей точке зрения.

Обвинитель. Что, Вы с ними сговориться не можете? Каким образом оказались священники, которые позволяют себе критиковать. Это как раз те, которые заявляли, что бояться быть лишенными сана. Вы говорите, что у них своя точка зрения, что же выходит, что Вы верили в непогрешимость людей.

Св. Патриарх Тихон. Я вам скажу, мы даже не верим в непогрешимость папы.

Обвинитель. А можно назвать грешных людей святыми?

Св. Патриарх Тихон. Это в другом смысле.

Обвинитель. Значит, может быть и грешный и святейший?

Св. Патриарх Тихон. Это по моему адресу.

Председат. Прошу обвинителя держаться ближе к существу дела.

Обвинитель. Я хочу выяснить — разве для Патриарха Тихона не было святейшим?

Св. Патриарх Тихон. Святейший — это титул.

Обвинитель. Что же, никакого смысла не имеет?

Св. Патриарх Тихон. Ну как не имеет?

Обвинитель. Что же, он для Вас безразличен?

Св. Патриарх Тихон. У католиков Архиепископа зовут «Ваше превосходительство».

Председатель. Обвинителя, по-видимому, интересует: из того, что Вы носите такой титул, не следует ли, что у священников есть мнение о Вас, как о святейшем и непогрешимом?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Председатель. Еще имеются вопросы... Здесь священник Михайловский указывал на то, что не мог огласить у себя в церкви Ваше послание до конца, так как боялся, что оно вызовет в храме среди верующих возбуждение, и объяснил это, что слова эти содержали в себе угрозу настолько большую для верующих, что ее было рискованно прочитать. Так оценил Ваше послание священник уже старый, работающий несколько десятков лет. Вы считаете его оценку необоснованной.

Св. Патриарх Тихон. Не знаю, если не хотел, ну и не прочитал. Я даже удивляюсь, как он здесь, на скамье подсудимых. Я издал и поручил, чтобы Архиепископ разослал, а заставлял и принуждал ли он читать — не знаю. Вот Михайловский не прочел.

Председат. Вы говорите, что удивляетесь, что он на скамье подсудимых.

Св. Патриарх Тихон. Да.

Председат. Хотя он и не прочел, но только часть. А Вам известно, что подавляющее большинство священников здесь потому, что они исполняли Вашу

волю: читали послание и делали все, что из него проистекает.

Св. Патриарх Тихон. Я думаю, что они здесь на скамье подсудимых по недоумению.

Председат. По Вашим инструкциям и директивам они вели всю кампанию против изъятия ценностей в духе Вашего послания и развивали его дальше, произносили проповеди и теперь вот обвиняются по обвинительному акту в контрреволюционных действиях.

Св. Патриарх Тихон. От меня они никаких инструкций не получали.

Председат. Но получали через другие, подведомственные им органы, через управляющего епархией, через епархиальный совет, через благочинных и т. п.

Св. Патриарх Тихон. Ведь благочинные были у Никандра, почему же не заявили о несогласии?

Председат. Вы откуда знаете, что было собрание у Архиепископа Никандра?

Св. Патриарх Тихон. Да из ваших же газет.

Председат. И Вы считаете, что они могли заявить о том, что они против.

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю, что они против, но если они боялись, то могли заявить.

Председат. Так что это собственная вина, что они не заявили.

Св. Патриарх Тихон. Я думаю.

Обвинитель. Вам известно, что не так давно в Карловацах в Сербии был Собор?

Св. Патриарх Тихон. Да, известно.

Обвинитель. Вы имели на нем место?

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю, какое имеет это отношение к этому вопросу.

Председат. На предмет установления чего Вы задаете этот вопрос?

Обвинитель. Я хотел бы сейчас говорить, но я хочу установить. Может быть свидетель...

Председат. Но Трибунал интересуется, чтобы этот вопрос не был отвлеченным.

Обвинитель. Это не отвлеченный вопрос.

Председатель [к свидетелю]. Ответьте.

Обвинитель. Вы приглашение получили на этот Собор?

Св. Патриарх Тихон. Нет, не получил.

Обвинитель. Был ли случай когда-нибудь, что епархиальный совет аннулировал постановление или распоряжение, принятое Вами?

Св. Патриарх Тихон. Не припоминаю.

Обвинитель. Или заявлял бы протест: например, Вы наложили резолюцию, а Вас принудили бы ее снять или уничтожить.

Св. Патриарх Тихон. Епархиальный совет занимается в том же доме, где живу. Иногда Председатель или члены придут и скажут «мы посмотрим». Это то, что на вашем языке называется дискуссией.

Председат. Значит, перед изданием посланий у вас бывает стадия некоторой дискуссии.

Св. Патриарх Тихон. Нет, это не то, что называется стадией дискуссии.

Председат. Но то дискусирует? **Св. Патриарх Тихон.** Предположим, совет со мной.

Председат. Значит, это у вас частная дискуссия. Вы сказали, что живете

в одном доме. У Вас канцелярия какая-нибудь есть?

Св. Патриарх Тихон. У нас живут: я, управляющий епархией, затем и совет и есть еще 13 комнат, которые числятся, что я занимаю

Председат. Значит, вы занимаетесь все в одном помещении.

Св. Патриарх Тихон. В общем помещении. В этом, кажется, нет ничего преступного.

Председат. Епархиальный совет, управляющий епархией были там, кажется и синод. Вы не помните, чтобы после такой дискуссии отменялась какая-либо из Ваших резолюций? Не было таких случаев?

Св. Патриарх Тихон. Я такого случая не припомню. Впрочем, Вы вероятно знаете...

Председат. Что?
Св. Патриарх Тихон. Насчет новшества богослужений, раскрытия церковных ворот.

Председат. На эту тему Вы и дискутировали. Кто говорил Вам на эту тему? Речь шла, вероятно, о священнике, который ввел эти новшества.

Св. Патриарх Тихон. Да, говорили члены епархиального совета.

Председат. А Архиепископ Никандр говорил с Вами на эту тему?

Св. Патриарх Тихон. На эту тему, я думаю, не говорил, потому что это было при покойном Митрополите Евсевии.

Председат. Кто же Вам доказал, что нельзя допускать новшества?

Св. Патриарх Тихон. Нельзя сказать, чтобы доказали, так как отец Борисов ссылаясь на такое основание и делал вывод, который был неправилен, поэтому я и взял назад резолюцию, которую раньше дал по поводу вводимых им новшеств.

Председат. Значит, такой случай был, и из того факта, что Вы живете вместе, можно сделать предположение, что он был и единственный.

Св. Патриарх Тихон. Это не преступление, а их долг. Они ближе стоят к народу и к Никандру и могли заявить мне, что это неудобно — такое воззвание.

Председат. К Вам никто из обвиняемых не обращался по этому поводу о Борисове?

Св. Патриарх Тихон. Не помню, кажется Добролюбов обращался.

Председат. А через кого Вы дали Ваше первое разрешение служить при открытых дверях, и через кого оно было отменено?

Св. Патриарх Тихон. Мною самим было взято обратно.

Председат. Вот по вопросу о послании, такой предварительный обмен мнений, который Вы называете дискуссией, не происходил.

Св. Патриарх Тихон. Не происходил, и я сожалею, что батюшки высказались только здесь.

Председат. Значит, у Вас на квартире происходит управление всей иерархией в целом и московской в частности.

Св. Патриарх Тихон. Кажется, я для того и поставлен Собором, чтобы управлять.

Председат. В чем выражается это управление? Чем, собственно говоря, и кем Вы управляете?

Св. Патриарх Тихон. Русской Церковью.

вью. Для этого нужно взять наше постановление.

Председат. Перед Трибуналом прошли некоторые свидетели, которые указывали, что управление распадается на самостоятельные части. Вот Вы здесь стоите — глава всей Иерархии. Трибунал и спрашивает Вас, как идет Ваше управление?

Св. Патриарх Тихон. Для того, чтобы дать точные показания, я просил бы разрешения взять Положение соборное о правах и преимуществах Патриарха.

Председат. Оно когда было издано?
Св. Патриарх Тихон. Тотчас же после Собора, в 17-м году.

Председат. До декрета об отделении церкви от государства. Значит, с существующим положением Церкви в государстве в связи с декретом об ее отделении оно не согласовано.

Св. Патриарх Тихон. Да.

Председат. Как же можно на него ссылаться?

Св. Патриарх Тихон. Но не было нужд его согласовывать.

Председат. Значит, Вы живете по законам своим, которые не связаны с советским законодательством.

Св. Патриарх Тихон. Да, но мы признаем и советские законы.

Председат. Из показаний у Трибунала сложился вывод, что Вы считаете, церковным имуществом все-таки нельзя распоряжаться без специального разрешения, данного в порядке иерархического управления.

Св. Патриарх Тихон. С точки зрения церковного канона, а не советского правительства.

Председат. Что же, в конце концов, для Вас более важна точка зрения советского правительства или иная?

Св. Патриарх Тихон. Для меня как для церковника... но я подчинен и советской власти.

Председат. Если Вам канон предписывает церковным имуществом управлять, а декрет говорит, что имущество принадлежит народу и им может распоряжаться только народная власть, Вы считаете в данном случае необходимым подчиниться канонам и незаконно управлять церковным имуществом или соответствующему законодательству, на этот предмет существующему в государстве?

Св. Патриарх Тихон. Управлять церковным имуществом я не могу по той причине, что оно от меня отнято. Как Вы изволите знать, папа считал себя государем без государства, когда итальянское правительство отняло от него имущество.

Председат. Вы считаете, что и Вы государь, от которого отняли церковное имущество?

Св. Патриарх Тихон. Конечно.

Председат. Это формально, а по существу дела Вы считаете, что церковное имущество принадлежит духованству?

Св. Патриарх Тихон. Нет — Богу, а по канону — Церкви.

Председат. Понятно, что если Вы так оцениваете имуществом право, то духовные лица считают себя обязанными владеть им и управлять.

Св. Патриарх Тихон. Нет, мы привлекаем и другой элемент.

Председат. Самый факт, что Вы в послании устанавливаете, что некоторые сосуды нельзя было брать, доказывает, что церковным имуществом

этой категории может распоряжаться только иерархическая власть.

Св. Патриарх Тихон. Поэтому я и просил приходские советы, что когда будут отбирать, чтобы они просили о замене сосудов равноценным капиталом, на что было обещание.

Председат. Вы просили приходские советы. Значит, проект о том, чтобы состоялся заявления об отмене, тоже исходил от Вас?

Св. Патриарх Тихон. Вы сказали епархиальные, а я говорил приходские, и в этом нет ничего такого. С просьбой можно обращаться.

Председат. Можно. Итак, это от Вас исходило.

Св. Патриарх Тихон. Нет, это не точно — и от других.

Председат. Но предложение это внесли Вы?

Св. Патриарх Тихон. Вносить не вносил, но когда приходили — говорил.

Председат. Какую форму управления пасторы Вы применяете? Ну вот мы знаем послание. Какими путями Вы еще управляете пастором, в смысле передачи людям Ваших мыслей, воли, указаний, распоряжений и т. д.? Как осуществляется эта работа?

Св. Патриарх Тихон. Мы с пастором непосредственно не прикасаемся, а приходится прикасаться с Архиепископами, которые от себя с духовенством.

Председат. Значит, Вы сообщаетесь с пастором по иерархической лестнице?
Св. Патриарх Тихон. Да, Патриарх, синод, епархиальный архиерей, викарий, затем благочинные и т. д.

Председат. Вы знаете о том, что Церкви переданы в распоряжение групп верующих и никаких объединяющих организаций, в том числе и иерархий, как юридического лица, декрет не предусматривает?

Св. Патриарх Тихон. Знаю.

Председат. Значит, здесь Вы тоже сознательно не хотели подчиниться?

Св. Патриарх Тихон. Это дело внутреннее, можно завести патриарха, а можно завести и митрополита.

Председат. Подводя итоги, можнo, значит, сделать вывод, что управление всей иерархией ведете Вы и что управление церковным имуществом Вы считаете своей обязанностью, поскольку это вытекает из канона.

Св. Патриарх Тихон. Но фактически, по существу, как видите, не могу.

Председат. Но попытки делаете, здесь важно то, что знаете, что не можете, а все-таки делаете попытки.

Св. Патриарх Тихон. Ведь советская власть не непогрешима. Папа не непогрешим, почему же если Вы вступали в стадию переговоров, почему же нам нельзя переговорить с советской властью?

Председат. Но Вы знали, что все эти по иерархической лестнице организации юридической силы не имеют и в этом смысле государством признаны быть не могут.

Св. Патриарх Тихон. Да, но Церковью признаны.

Председат. Один из обвиняемых показал, что вместе с Вашими посланиями ему была послана через епархиальное управление форма протеста против декрета. Вам известно о существовании таких протестов?

Св. Патриарх Тихон. Я в них участия не принимал, затем я не думаю, чтобы это были протесты. А вот обращения,

когда ко мне приходили, я советовал выдавать. Мы хотели затем устроить.

Обвинитель. Я бы хотел получить ответ на вопрос, который задал. Священник Рязанов говорил здесь, что получил с воззваниями 9 образцов протеста, которые рассылались по благочиниям. Что Вам известно об этих протестах, что их фабриковал?

Св. Патриарх Тихон. Этого не знаю, кто фабриковал.

Обвинитель. Не отвечает ли за это епархиальное управление, за эти контрреволюционные протесты?

Св. Патриарх Тихон. Я не знаю этого.

Обвинитель. Значит, это дело Кедрова.

Св. Патриарх Тихон. Почему? Я этого не знаю. Я только знаю, что непосредственно управлять московской епархией поставлен епископ Крутицкий, у него есть свой орган.

Обвинитель. Неоднократно был поставлен вопрос о том, кто это написал. Священник Кедров наотрез отказался от авторства этих протестов; Никандр был несколько раз уличен во лжи; Вы тоже отказываетесь.

Св. Патриарх Тихон. Я только могу сказать одно — ищите.

Обвинитель. Я думаю, ясно, кто это сделал.

Св. Патриарх Тихон. Не могу сказать.

Обвинитель. Разве не ясно, что Архиепископ Никандр.

Св. Патриарх Тихон. Нет, не могу сказать.

Председат. У обвинителя больше вопросов нет. Защита имеет вопросы к свидетелю?

Защита. Да, есть.

Председат. Пожалуйста, ставьте вопросы.

Защита. Когда командировали в Помгол представителя Цветкова, Вы это сделали лично или нет?

Св. Патриарх Тихон. Я сначала через епархиальный совет, а потом от меня у него была бумага.

Защита. Вы командировали через епархиальный совет?

Св. Патриарх Тихон. Да, в первый раз.

Защита. Первое воззвание, а когда Вы второе направили в Помгол, то это сделали в частном порядке?

Св. Патриарх Тихон. Через о. Цветкова.

Защита. И первое и последнее, но посылали Вы первое послание, которое было полуофициальное, и третье официальное, или передали в частном порядке?

Св. Патриарх Тихон. Официально с Цветковым.

Защита. Разрешите узнать, епархиальный совет и Синод действуют официально открыто или неофициально?

Св. Патриарх Тихон. Официально. Мы не закрыты ни для власти советской, ни для Церкви.

Защита. Эти учреждения находятся в том же помещении, где и Вы живете? Они зарегистрированы Домкомом?

Св. Патриарх Тихон. Вероятно, они известны начальству, потому что они давно находятся под призором.

Защита. Вы не получили официального предложения о их закрытии?

Св. Патриарх Тихон. Нет, такого не было. Если бы было, то мы закрыли бы.

Председат. Еще имеются вопросы свидетелю? (Пауза.) Свидетель, сейчас заканчивается снятие с Вас показаний, последний вопрос я хочу направить исключительно в область Вашего сознания. Считаете ли Вы, что Ваше воззвание содержало в себе места, которые должны были волновать верующих и вызвать их на столкновения с представителями советской власти? Не считаете ли Вы, что та кровь, которая пролилась в Шуе и в других местах и которая еще может пролиться, будет лежать и на Вас?

Св. Патриарх Тихон. Нет.

Председат. Никто не имеет из подсудимых вопросов к свидетелю? Нет вопросов. Вы свободны.

Обвинитель. В связи с допросом свидетелей Феноменова (Архиепископ Никандр. — От ред.) и Беллавина обвинение имеет сделать заявление

(Обвинитель делает заявление о привлечении к судебной ответственности Феноменова и Беллавина, в связи с данными ими в судебном заседании показаниями и другими данными, обнаружившимися во время судебного заседания.)

Вступление и публикация
МИХАИЛА ВОСТРЫШЕВА.

Уважаемые подписчики!

Для того чтобы стать обладателем этой книги, надо вырезать Абонемент, заполнить его, вложить в обычный почтовый конверт и отправить по адресу:
117168, Москва, ул. Кржижановского, 14, магазин № 93

«Книга — почтой». Книга будет выпущена в январе-феврале с. г.; Абонемент высылать в магазин не позднее 1 марта 1991 г. Деньги ПОСЫЛАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ. Стоимость

книги (ориентировочная цена экз. 6 руб.) и тариф за ее пересылку оплачиваются в почтовом отделении по месту вашего жительства при получении бандероли.

НАМ ПИШУТ

Письма в редакцию приходят разные: от листочка размером пять на пять сантиметров с одобрительной фразой на каждой стороне до многостраничных рукописей, в которых дается глубокий, интересный, а порой и весьма критический анализ наших публикаций. Действительно, без «обратной связи» не может эффективно действовать ни одна система. Без такой связи много лет функционировала «советская» административная система, и все мы видим, к чему привела такая «деятельность». Урок этот всем наука, и мы относимся к нему более чем серьезно.

О планах редакции на 1991 год читатель знает из нашей «Афиши», опубликованной в седьмом и восьмом номерах журнала за прошлый год. Правда, подписка на 1991 год — дело совсем прискорбное. Все издания (в том числе и наше) были вынуждены увеличить ее стоимость. И это только «первая ласточка» рыночной экономики. Можно предположить, что такие

условия созданы специально для того, чтобы «известия» и «негодные» издания, а не их места основали новые: коммерческие, рыночные, эротические и т. п. Вместе со многими существующими, они будут, на взгляд читателя, очень разными, они будут спорить между собой и даже «воевать», но все они будут делать одно дело: продолжать еще более эффективно разрушать созданную российскими народами культуру, духовный мир, толковать по-новому, т. е. по-своему их историю, подбавлять их духи.

Предвижу возражения — но ведь увеличилась стоимость всех изданий, все оказались в равно катастрофическом положении! Да, на первый взгляд, это может быть и так. Однако, тут скорее маневр, осуществленный весьма ловко. Те, кто вел прессу к этим не то «криминальным», не то мафиозным отношениям, прекрасно понимали, что «нужным» издания в накладе не останутся. Им помогут «спонсоры», кредиторы и «благотворители», в том числе и зарубежные. И примеры такой помощи не заставили себя ждать. Некоторые издания тут же в той или иной форме необходимые дотации получили. Организовали «фонды», сбор денег.

Мы же можем рассчитывать только на доверие наших читателей. И, оправдывая это доверие, редакции с большим трудом удалось добиться (выдержав настоящую битву с «инстанциями») минимально возможного повышения стоимости журнала: она возросла с 80 копеек до 1 рубля 50 копеек. При этом, как видит читатель, облик журнала не изменился — его полиграфические оформления остались прежними. Так нам советовать поступить большинству читателей: лучше увеличить цену, но не ухудшать полиграфические компоненты журнала.

Остается прежним и направление журнала. Мы хотим, чтобы читатели правильно нас поняли. Русская культура — это неотъемлемая часть общемировой культуры. И если позволим

такой такое поэтическое сравнение, то в букете общемировой культуры культура каждого народа (в том числе и русского) — это единственный, неповторимый цветок. Среди них нет «лучших» и «худших», каждый из них необходим, у каждого — свой облик, цвет, аромат.

Однако идея «масскультуры» завладела умами многих. Так, Н. И. Доиченко из Иркутска, поддерживая в хорошем и добром письме публикации журнала, в частности пишет: «Ваш журнал, как мне кажется, скатывается на славянофильские позиции, а это далеко не современно, это шаг назад в развитии как культуры, так и общества». Она права, что славянофильство сегодня «далеко не современно». Для тех, кто заверяет «кашу». Однако «дремучие» славянофилы, обоглаженные и «завороченные», о которых мы так мало знаем, вовсе не отрицают европейскую культуру, а утверждали ее в российском обществе как неотъемлемую часть общемировой. Но при этом они настаивали, чтобы русская культура не теряла своеобразие, не перемалывалась, не ввергалась в «котел». В нынешнем году мы намерены опубликовать ряд забытых произведений славянофильства с тем, чтобы читатели смогли не в лишних переживаниях, а «по оригиналу» узнать, понять и оценить их идейную и эстетическую позицию. Именно поэтому в новой рубрике «Вечные страницы» мы будем знакомить читателя и с теми великими произведениями мировой литературы и культуры, которые до сих пор не вошли в наш мир, в наше сознание.

Сколько умных, талантливых, интересных людей среди наших читателей! Как много в них духовных сил, добра, желания поделиться прекрасным! В этом убеждаешься, когда читаешь эмоциональное возмущение писателя М. Ю. Юшина, двадцатилетнего учителя русского языка и литературы из Ленинграда. Открыл для себя поэзию Марии Шкапской, он, переписав почти два десятка ее стихотворений, прислал их нам, желая обратить внимание редакции на ее творчество. Мы это предложение принимаем и постараемся со временем подготовить такую публикацию.

Надо сказать, что предложения о публикации тех или иных авторов, произведений делают многие читатели. Так, А. Травкин из Красноярска предлагает ввести первый номер журнала А. П. Чехову, С. А. Смирнову из Краснодара предлагает опубликовать книгу Е. И. Рерих «Учение живой этики», Л. Н. Панкова из Москвы, представляющая целую группу подписчиков, — «Розу мира» Даниила Андреева и роман Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», И. В. Черныш из Киева — стихи Б. Гребенникова и роман В. Войновича «Москва 2042...» А. Баренов из г. Кемерово требует печатать юмор и афористику, Н. Ляушкина из Архангельска хочет увидеть на страницах журнала материал о Соловецком монастыре, а Л. Матюшкина из Рязани — «Процесс Ф. Карфа», С. Н. Миняев из Владивостока предлагает ввести рубрику «Сказки, предания, легенды», О. А. Пугаченкина из г. Кувшино — полемическую рубрику, аналогичную телевизионным «Всему» или «Диалог» «Литературной газеты», а А. Бабко из Новосибирска, испытывающий боль за судьбу русской реставрированной культуры, — вместо рок-энциклопедии

создать «Энциклопедию исчезнувшей культуры» (он даже предложил макет — способ подачи такого материала).

Здесь перечислена лишь небольшая часть всех поступающих в редакцию предложений. Редакция искренне благодарна всем читателям, принимающим участие в формировании планов журнала. Все предложения мы рассматриваем и в той или иной степени учитываем при разработке нашей программы. Однако осуществлять все предложения невозможно (и это наши читатели, мы надеваемся, прекрасно понимают). Во-первых из-за того, что журнал имеет ограниченный объем и, главное, потому, что журнал не может превратиться в «сборник или альманах». Ведь журнал должен иметь определенную структуру, образ, идею. В нем не должно быть произведений случайных, даже если они и представляют сами по себе определенную художественную ценность. Именно к созданию такого журнала мы стремимся.

Некоторые предложения, свидетельствующие о том, насколько биден у нас книжный рынок, вызывают просто отчаяние. Читатели предлагают, к примеру, не печатать в «Библиотечке журнала «Слово» произведения протопопа Авакума, роман «Бесы» Ф. М. Достоевского, «Записки» Е. Дашковой. Но ведь эти произведения совсем недавно были выпущены (и не одним издательством). Значит, книги до читателей не доходят, значит, их слишком мало! Значит, книжные издательства, которые выпускают тысячи названий книг огромными тиражами, годами и десятилетиями так и не могут дать читателям необходимых им книг. И, думаю, не ошибки в планировании или некомпетентности издателя тому причиной. Как раз то, что читателя в нашей стране недоступны многие отличные книги, в том числе и классика, говорит о их высокой компетенции... Но способны ли журнал заменить собой книжные издательства?

Немалое внимание уделяют читателям и чисто «техническим» проблемам журнала. Многие (и совершенно справедливо) упрекают нас в том, что шрифт, которым набираются материалы, слишком мелок. Но если бы они видели, сколько подготовленных материалов остается «за бортом» каждого номера из-за того, что они «не влезают!» Тем не менее, мы стараемся по возможности этот недостаток исправлять.

Не нравятся читателям и то, что слишком много материалов печатается с продолжением, что продолжения эти появляются нерегулярно, а «кусками», на которые разделяется публикация, — слишком малы. Вызывает возражения и то, что журнал нередко печатает не все произведения целиком, а главы из него, фрагменты (об этом нам пишет А. Н. Никитов из г. Дзержинск Свердловской области, Н. Рыбкина из Братска). Дело в том, что для нашей журнальной практики еще непривычен тип «действительности», предназначенного дать читателю верное направление для поиска литературы. А именно такие «действительности» пользуются наибольшей популярностью в мире. Но мы будем продолжать публикацию как фрагментов, так и целых произведений.

Есть и еще одна спорная проблема, на которой хотелось бы остановиться подробнее. Наиболее четко она выра-

жена в большом и серьезном письме кинглюбу Н. М. Наумова из г. Желтые Воды Днепровской области. Он считает, что материалы в журнале должны располагаться так, чтобы вырезав их, читатель имел возможность изготовить из годового комплекта несколько книг. В этом его поддерживает А. Б. Кочегина из поселка Соколов Енисейского района Камчатской области, Н. П. Каплюк из г. Кувшино, Н. Г. Курловский из Горловки Донецкой области, который пишет: «Все, что печатается в продолженном, должно вырезаться, переплетаться и храниться (иначе не стоит тратить деньги на журнал!)».

Действительно, оценим это, на первый взгляд, весьма серьезное замечание. Действительно, технически возможно расположить материалы в журнале так (Н. М. Наумов подробно разъясняет, как это надо делать), чтобы в конце года читатель мог, разрезав все номера журнала и выбрав «нуженное», изготовить несколько книг, напечатанных на хорошем бумаге и даже иллюстрированных. Но в таком «приобретении» мы уверены, гораздо больше потери. Тем более, что у журнала есть своя книжная библиотека. Кинглюбу кинглюбу — рознь. Многие наши читатели не только не способны разрезать журнал, но даже не согласны пороть страницу, вырезав из нее абонемент, специально предназначенный для такого вырезания. И мы их прекрасно понимаем.

Журнал «Слово», как отмечают практически все читатели, не предназначен для одностороннего чтения. Прочитать его «за один присест» физически невозможно. И не столько из-за объема, сколько из-за того, что публикуемые в нем материалы (и это тоже видят читатели) требуют серьезного, не поверхностного чтения. Ко многим материалам приходится возвращаться, перечитывая, просматривая заново.

В любом времени нет ничего случайного, тем более нет его в наше такое сложное и одновременно горестное время. Многие публикации, которые в данную минуту кажутся нам ненужными, могут через некоторое время стать необходимыми. Так, к примеру, письмо А. И. Солженицына к Патриарху Пимену (1989, № 12), публицистические произведения Н. Клюева 1919—1923 годов (1990, № 4) или беседа с членом-корреспондентом АН СССР И. Р. Шафаревичем (1990, № 1) могут оказаться единственным публикациями, которые не будут воспроизведены где бы то ни было в течение десятилетий. А может быть, не будут воспроизведены и в 2000 г. Какой вздумавший читатель, истинный кинглюб лишился бы этих ценностей «своего собственного рукой»?

Издана в России существовала традиция: подписчики не разрезали журналы, а сохраняли подписки полностью, переплетали их берегли и пользовались ими постоянно. Именно поэтому до нас дошло немало комплектов русских журналов девятнадцатого и начала двадцатого века, сохранившихся у частных лиц и не сохранившихся, как правило, в библиотеках, поскольку там часто их идеологически ревизовали и варварски уничтожали. Однако истинные кинглюбы, их дети и внуки, нередко рискуя, с большой опасностью для жизни иногда сохраняли, берегли до нашего времени. Всем этим богатством мы пользу-

емся теперь и благодарим их за это. «Вырезание» придумал тоталитарный режим со своими постоянными идеологическими переменами и с постоянной сменой «врагов народа». То, что еще вчера было свято, сегодня подлежало уничтожению...

Пора нам возвращаться к оседлому образу жизни и в культуре, изживая в себе уродливое идеологическое «кощевие», обзаводясь духовными, культурными ценностями не на одно поколение. И наш вам совет, не считайте его нескромным: переплетите журнал (даже книги в год — немного!). Уверю вас, очень скоро вы убедитесь в очевидной пользе этого...

Радуется, что многие читатели это понимают. Председатель клуба кинглюбов В. Л. Подопалов из Джамбулской области Казахской ССР пишет: «Пусть журнал будет дорожать, зато он намного дороже содержит, особенно в переплете». Поддерживают его и М. А. Дубранова из Днепровской («Уникальный материал журнала читают в семье не только взрослые и дети, но он будет оставлен и внукам, следовательно никогда не станет макулатурой!»), Л. И. Литвинова из Красноярска («Журнал настолько интересен, что будет сохраняться не один год») и другие читатели.

В редакцию нет-нет да и приходит другого рода письма. Вот полный текст письма Ю. В. Петрова из Одессы: «Журнал «Слово» неинтересный, скучный, нудный, в отличие от журнала «В мире книги», который я прочитываю от начала до конца. Если так и дальше будет продолжаться, то я и мои знакомые не него не подпишусь!» Мы считаем, что появление таких писем вполне закономерно. «Слово» представило на суд читателей свою программу, большинство ее одобрило, проголосовав за нее подпиской на журнал. Мы в будущем склонны воспринимать не угрозы, а конкретные критические замечания-пожелания наших единомышленников.

В наступившем году интересы журнала будут прежними — книга, ее духовные начала. Мы мечтаем о возрождении ныне почти утраченной высокой культуры книги, выработанной и хранимой ее создателями, переписчиками, издателями, распространителями, читателями на Руси в течение столетий. Работа эта очень тяжелая и сложная. Но Храм Книги общим трудом должен быть возрожден.

ЮРИЙ ЧЕХОНАДСКИЙ

ЗАКАЗ «КНИГА — ПОЧТОЙ»
Прошу выслать 1 экз.
по адресу

(индекс, полный почтовый адрес)
(название)

Ф. И. О. заказчика

Подпись заказчика

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов,
главный редактор,
председатель
общественно-
редакционного совета
Виктор Калугин,
заместитель
главного редактора

Артемиий Игнатьев,
главный художник
Владимир Бондаренко,
обозреватель

Елена Егоровина,
обозреватель

Юрий Чернелеский,
обозреватель

Марина Подгорская,
заведующая
секретариатом

Художественно-
технический
редактор **Е. М. Верба**.
Технический редактор
Н. Н. Козлов.
Корректор
М. Х. Асалиева.

Сдано в набор 24.10.90.
Подписано в печать 03.12.90.
Формат 84×108/16.
Бумага Знаменская 100 гр.
Печать глубокая и офсетная.
Усл. печ. л. 8,40±0,84±0,42.
Усл. кр.-отт. 21,42.
Уч.-изд. л. 13,90±1,60.
Тираж 180 000
Заказ 1703.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129272, Москва,
Сушецкий вал, 64
Телефон для справок:
281-50-98

Ордена
Трудового Красного
Знамени
Тверской
полиграфкомбинат
Госкомпечати СССР,
170024, г. Тверь,
проспект Ленина, 5.
Во всех случаях
обнаружения
полиграфического брака
в экземплярах журнала
обращаться на Тверской
полиграфкомбинат
по адресу,
указанному в выходных
сведениях.
Вопросами подписки и
доставки журнала
занимаются
предприятия связи.

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал Госкомпечати СССР.
Издается с сентября 1936 года.
№ 1, 1991.

© Издательство
«Книжная палата», журнал
«Зов», 1991

ОБЩЕСТВЕННО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АРХИПОВА И. И. —
народная артистка СССР
(Москва);
АНДЖАПАРИДЗЕ Г. А. —
директор издательства
«Художественная
литература», писатель
(Москва);

АСТАФЬЕВ В. П. —
писатель (Красноярск);
БЕДУРОВ Б. Я. —
писатель (Горно-Алтайск);
БОНДАРЕВ Ю. В. —
писатель (Москва);

БОРОДИН Л. И. —
писатель (Москва);
ГАЛКИН Ю. Ф. —
писатель (Москва);

ГЕЙЧЕНКО С. С. —
писатель, пушкиновед
(Псков);
ГОРЬОВСКИЙ Г. Я. —
писатель (Ленинград);

ЖУКОВ А. Н. —
председатель правления
издательства
«Советский писатель»,
писатель (Москва);

КАРИМ М. С. — писатель
(Уфа);
КОЗЛОВСКИЙ Я. С. —
поэт, переводчик
(Москва);

КУРИЛКО А. Ф. —
директор издательства
«Книжная палата»
(Москва);

ЛИХОНОСОВ В. И. —
писатель (Краснодар);
ЛОЙКО О. А. — поэт,
член-корреспондент
АН БССР (Минск);

МАМЛЕЕВ Д. Ф. —
первый заместитель
Председателя
Госкомпечати СССР,
писатель (Москва);

МИХАЙЛОВ О. Н. —
зав. сектором ИМЛИ
имени М. Горького
АН СССР, писатель
(Москва);

ОЛЕЙНИК Б. И. —
писатель (Киев);
РЫБАКОВ Б. А. —
историк, академик
АН СССР (Москва);

СКАТОВ Н. Н. —
директор ИРЛИ
(Пушкинский Дом)
АН СССР, писатель
(Ленинград);

ФРОЛОВ Л. А. —
директор издательства
«Современник», писатель
(Москва);

ХАРЛАМОВ С. М. —
книжный график (Москва).

В Н О М Е Р Е :

Молитва последних оптинских старцев 1
А. Ларионов. Обращение к читателям 2, 30, 64

ВРЕМЯ

Г. Вагнер. Дерзание духа 3
М. Назаров. Наши идеалы 5

КНИГА

Г. Анджапаридзе. Художественная литература: что дальше? 10
Т. Романец. Фотография на память 14
Н. Рубцов. Пусть душа останется чистой. Поэтический венок 16

КУЛЬТУРА

С. Иоффе. Тайнопись в «Собаьем сердце» Булгакова 18
О. Трубачев. Мы — народ софийный 24
Н. Гусева. Прародина языка 25

ИСТОКИ

Епископ Пантелеимон. По воле народа 30
Закон Божий 41

ЛИТЕРАТУРА

В. Сафонов. Его боль 45
Н. Рубцов. Неопубликованные стихи 51
Ю. Галкин. Незабываемые радости 53
Л. Бородин. Таинственный выстрел 57

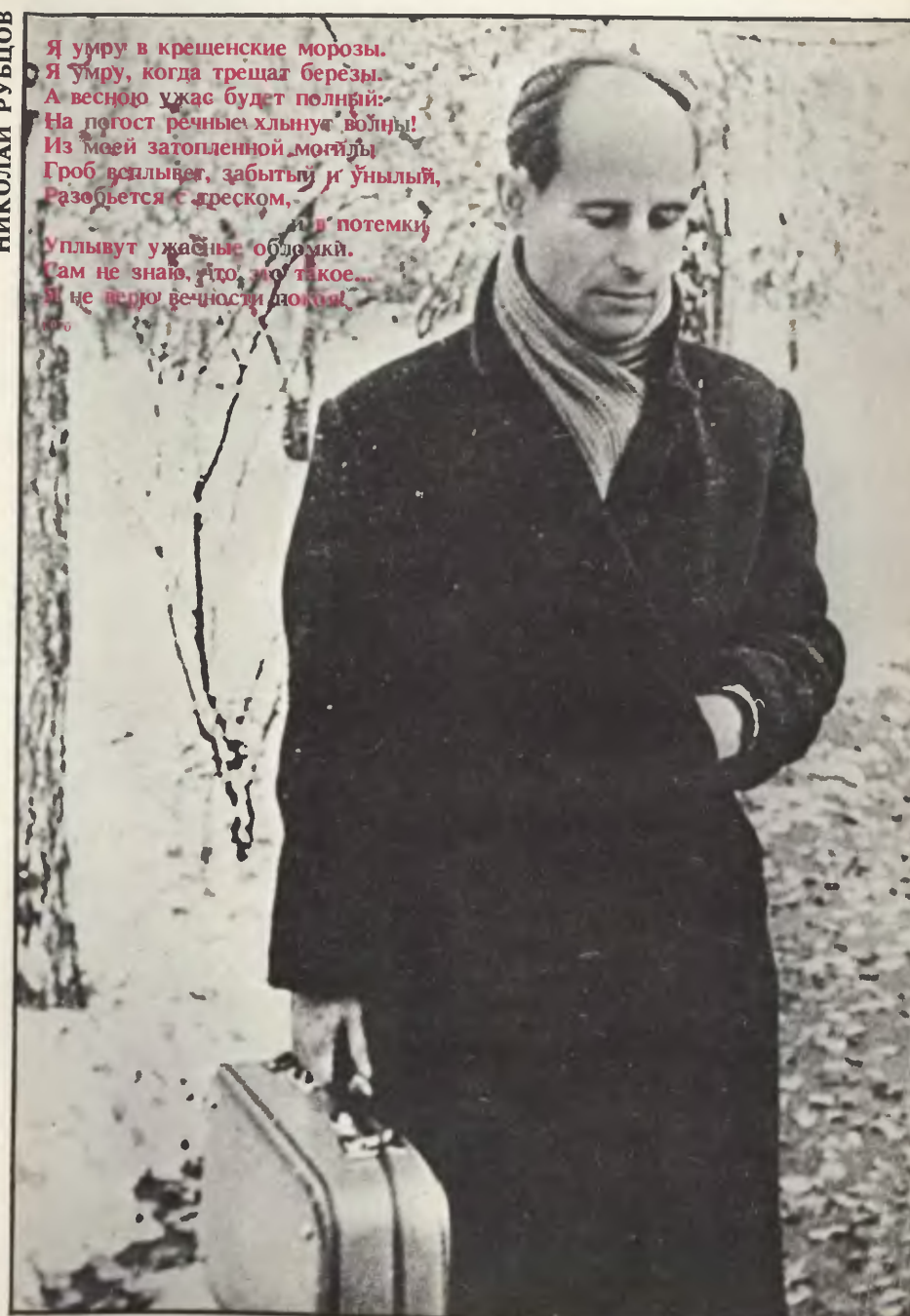
АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. Врангель. Моим внукам 66
О. Михайлов. За Русь святую 69
А. Туркул. Герои белой России 70
М. Пришвин. Остров Благополучия 76
Травля Патриарха Тихона 78
Ю. Чехонадский. Нам пишут 86

К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ И 55-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ. НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат берёзы.
А весной ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьётся с дреском,

и потемки
уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что, что такое...
Я не верю вечности покоя!

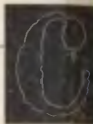

23-1-14

АНАТОЛИЙ ТУМБАСОВ.

Над лесами за Колвой угасала багровая заря. В дремотной тишине скрипнула осина, и потекли сверху снежные струйки. Этакое неспроста: в чащу пробирался ветер — началась метель.

Этюды
А. Тумбасова.

СЛОВО

